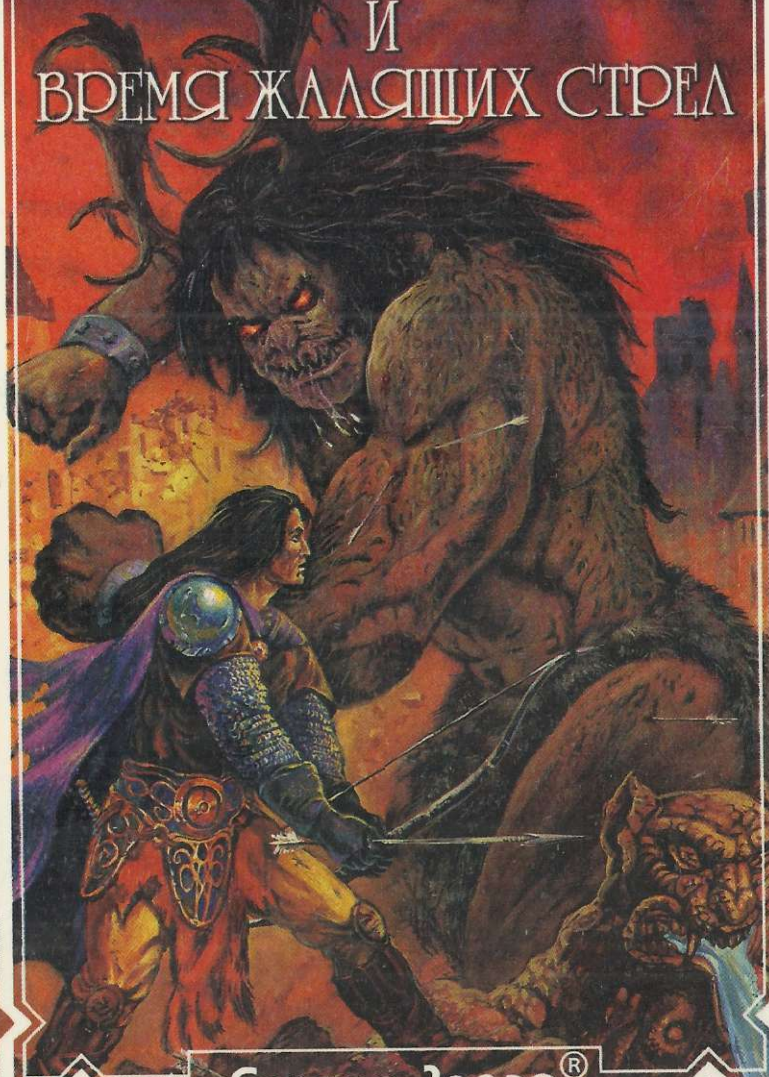
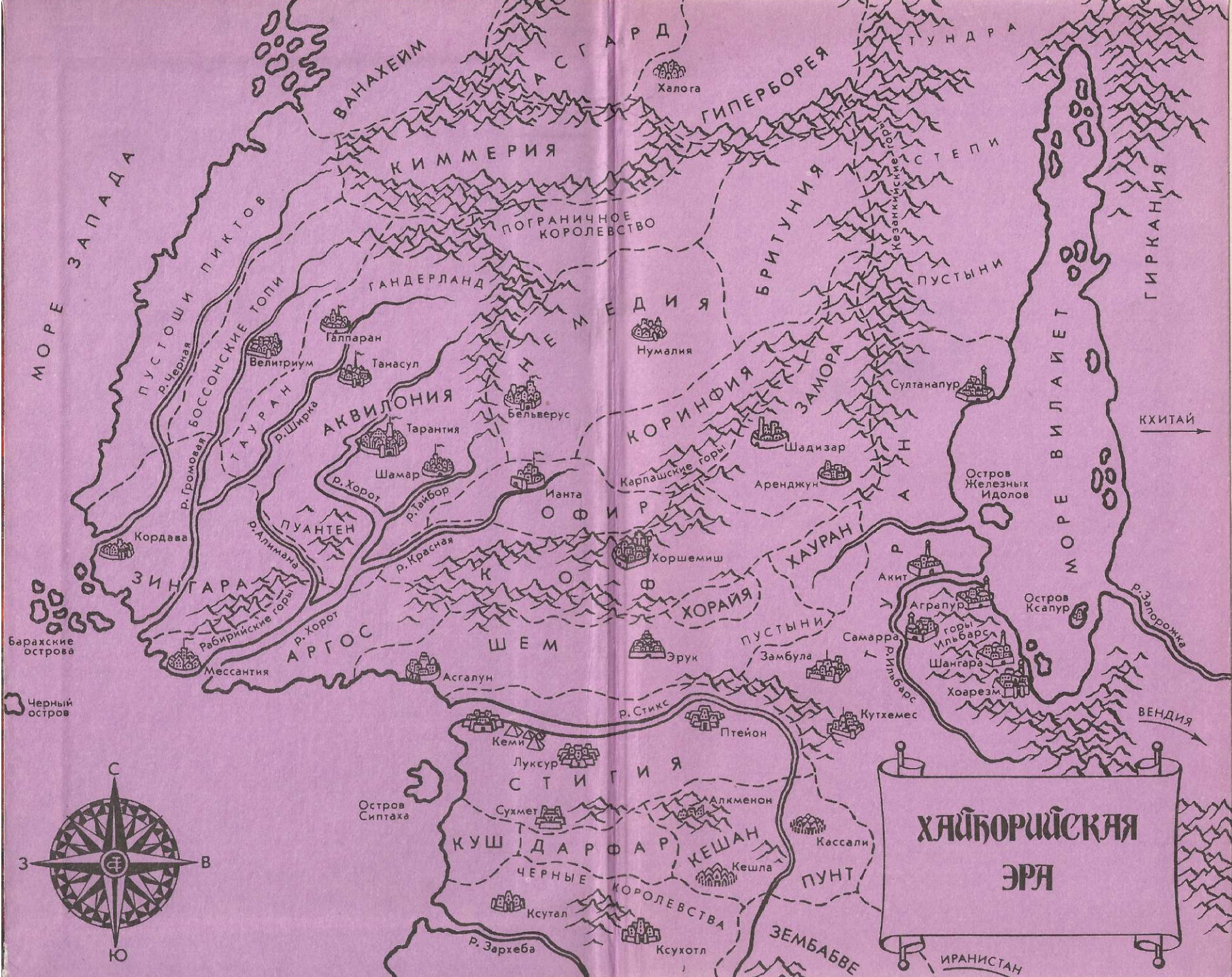

ВАНДИЛ

КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

Северо-Занэг®

Конан и Время Жалющих Стрел: Роман. — СПб.:
«Троль», 1996. — 512 с.

ISBN 5—87365—026—8

- © К. Грант, Натали О'Найт, 1996.
- © «Троль», составление и подготовка текста, 1996.
- © «Северо-Запад», Серийное оформление обложки
и форзаца, 1996.
- © А. Ширкин, Иллюстрации, шмуцтитутлы, 1996.
- © А. Арискин, обложка, 1996.

«БЕСЕДЫ МАГИСТРА ГВАЛТЕРА ИЗ ЛОРНЫ С ЕГО УЧЕНИКОМ АСЕЛЭНОМ ГАЛЬКОНСКИМ»

(выдержки из глав с XXXVI по XLIV включительно)

О ЧУВСТВАХ

<...>

Аселэн Гальконский: Так вы утверждаете, любезный магистр, что истоки этой истории следует искать в летописях Хаурана?

Гвалтер из Лорна: Истинно так, мой друг, ибо там впервые познакомились Конан из Киммерии, будущий император Аквилонии, и Валерий Шамарский, наследник Антуйского Дома. Более подробные сведения об этом можно почерпнуть из персписки Астриса Оссарского и Алкхидха из Немедии.

Аселэн Гальконский: А шамарский принц, который, в поисках приключений, служил простым наемником в Хауране, не мог примириться со славой Конана?

Гвалтер из Лорна: Валерий домогался любви королевы Тарамис, но она не приветила отважного юношу, и тому пришлось вернуться обратно в Аквилонию, страдая от любви и зависти.

<...>

О ВЛАСТИ

<...>

Аселэн Гальконский (смеясь): В ту пору наша держава погрязла в распутстве и лени. Король Вилер, сын короля Хагена, был достойным сюзереном, он даже сумел раздвинуть наши южные границы и присоединить Пуаштеп, которым тогда, если мне не изменяет память, правил некий граф Троцерио. Но Вилер не понимал, что рано или поздно аквилонцы затоскуют о былой славе и захотят снова взять в руки меч.

Гвалтер из Лорна: Увы, мой юный друг, это так! И заговор в Аквилонии замыслил никто иной, как немедийский посланник Амальрик барон Торский. Он сумел опутать своей паутиной всю страну. И помогала ему в том ведьма Марна, прячущая свое лицо под кожаной маской.

Аселэн Гальконский: Та самая Марна, которая звалась...

Гвалтер из Лорна: Принц Нумедидес, кузен Валерия, также имеющий права на трон после смерти Вилера, желая похвастаться своей отвагой на охоте перед дамами, случайно разбудил от векового сна валузийского Зверобого Чернунноса. Тот покарал дерзкого и помутил его разум. Но Нумедидес стал лишь коварнее и злее, чем прежде!

Аселэн Гальконский: А что Амальрик? Какая ему корысть в перевороте?

Гвалтер из Лорна (улыбаясь): Друг мой, немедийский посланник хотел с помощью Марны убить Вилера и посадить на его место марионетку Нумедидеса, чтобы после развязать войну в Хайборни. Он надеялся стать императором, тщась повторить подвиг древнего Кулла.

<...>

О ЧЕРНОКНИЖИИ

<...>

Аселэн Гальконский: В хрониках упоминается некто Ораст, не так ли, любезный магистр? Кто это?

Гвалтер из Лорна: Бывший жрец Митры. Изгнанный из Ордена за чернокнижие. Безумец, надеявшийся расшифровать труд пифонских мудрецов — Скрижаль Изгоев!

Аселэн Гальконский: И он преуспел в этом?

Гвалтер из Лорна: По счастью, совсем немного! Он прочитал самую малость и, желая проверить действенность заклинаний книги, навел чары на девицу Релату, дочь барона Тиберия, владыки Амилии.

Аселэн Гальконский: Амилия? Это, кажется, провинция к югу от Тарантии? Я припоминаю, что ее владетель прознал о заговоре и сообщил о нем принцу Нумедидесу, надеясь, что тот передаст это королю Вилеру?

Гвалтер из Лорна (*скорбно*): И пал жертвой его коварства. Злобный принц побоялся, что Тиберий прознает о его связях с мятежниками, и решил избавиться от него чужими руками. Для чего нанял Конана-киммерийца с его отрядом, солгал тому, будто Тиберий занимается чернокнижием, дабы вынудить варвара сровнять Амилию с землей.

Аселэн Гальконский: А что жрец Ораст, сумел он воспользоваться плодами приворота? Девица отдалась ему?

Гвалтер из Лорна: По роковому стечению обстоятельств, дочь Тиберия полюбила принца Валерия. А Ораст, содрогнувшись от содеянного, отдал Скрижаль Изгоев Марне, в надежде, что она сумеет разрушить последствия приворота.

<...>

О ЖЕНСКОЙ ДУШЕ

<...>

Арселэн Гальконский: А девица и вправду была приворожена или просто отдалась шамарцу, рассчитывая в будущем на корону?

Гвалтер из Лорна: Кто их разберет, этих женщин? Асуриты утверждали, что у них нет души, и я склонен с этим согласиться.

<...>

О НЕИЗБЕЖНОМ

<...>

Аселэн Гальконский: Таким образом, Нумедидес плясал под дудку Амальрика Торского?

Гвалтер из Лорна: Летописцы утверждают, будто впоследствии он начал собственную игру...

<...>

ВРЕМЯ ИЗМЕНЫ

Угрюмый дом Тиберия Амилийского, похожий на мрачный горный утес, был погружен во мрак.

Его приземистый силуэт чернел на холме, точно вырастая из недр земли. Тяжелое осеннее небо давило на него, еще сильнее прижимая вниз. Он был обнесен высокой крепостной стеной и внешним рвом и когда-то, должно быть, считался неприступным, однако со временем ров высох и никто не потрудился вновь заполнить его водой, расчистив ведущий к реке канал, и ныне он превратился в пологую ложбину, заросшую колючим дроздом.

Мост больше не подымался, окончательно проржавели державшие его цепи. Да и охрана в замке была уже отнюдь не та, что в былые времена: молодежь все больше просто баловалась с оружием, не умея владеть им по-настоящему и не желая тратить время, обучаясь воинскому искусству.

У ворот стояли несколько стражников, но их сонный вид, плохо начищенные латы и тупые мечи красноречиво говорили о том, что они вряд ли сумеют остановить даже ватагу деревенских сорванцов, не то что отряд вооруженных латников..

Такой предстала Амилия перед Вольным Отрядом.

Разумеется, нельзя было списывать со счета самого барона и двоих его сыновей, — как положено высокородным, они отлично владели мечом и кинжалом. Однако старый нобиль, если верить словам Нумедидеса, был прикован к постели, так что, в общем, предприятие их обещало быть не сложнее загородной прогулки.

Вот если бы еще кошки не скребли на душе...

Небольшой отряд наемников под предводительством киммерийца выехал на дорогу, что, петляя по холму, поднималась к замку. Развернув потертую орифламму, доставленную утром посланцем принца, Конан нацепил ее на свою короткую пику. На синем фоне был вышит красный квадрат, в центре которого гарцевал серебряный единорог. Полоска ткани дергалась и хлопала на пронизывающем ветру.

Одному Эрлику ведомо, откуда их наниматель сумел раздобыть штандарты и доспехи Ангуйского Дома, но варвар предпочитал не задумываться об этом.

Бодрой рысью они подъехали к воротам. Копыта глухо простучали по дощатому настилу моста. Двое стражников, лениво отложив в сторону кости и бутылку с вином, поднялись им навстречу, даже не подумав обнажить мечи.

— Кто такие и чего вам нужно в замке барона Амилийского? — лениво поинтересовался старший, седеющий ветеран, заметно прихрамывающий, как видно, от застарелой раны.

Киммериец вскинул голову и заговорил повелительным тоном, так что у стражников вмиг отпало всякое желание спорить с надменным молодым офицером:

— Посланцы Валерия, принца Шамарского. Нам нужно видеть барона по срочному делу.

Стражник задумчиво почесал в затылке — на нем даже не было шлема! — и отступил в сторону, давая отряду проехать. На миг в глазах его мелькнуло смутное подозрение при виде непривычно большого, для простых гонцов, числа всадников и их свирепого вида, однако привычная лень пересилила. Двадцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз брал в руки меч, — когда ходил с бароном на юг, в один из последних походов против Пуантена. С тех пор все, что он знал, — это неспешная, унылая служба в замке, где самым большим происшествием могла считаться случайная пьяная ссора или появление в соседней деревне конокрадов.

С утра сегодня, правда, барон поднял шум, когда пропала его дочка, красавица Релата, и весь замок переполошился, точно курятник, куда забралась лиса. Несколько ратников даже выслали на поиски — но пока безрезультатно. Сам же Тиберий заперся в своих покоях с обеда, и так оттуда и не выходил.

Возможно, эти парни привезли какие-то вести о похищенной девушке!

Стражник обернулся к своему напарнику, туповатому толстяку, безразличному ко всему на свете, кроме игры в кости, — который не потрудился даже подняться с места при виде неожиданных гостей.

— Андريس, иди найди месьора Дельрига или месьора Винсента — он должен быть на конюшне — и скажи, чтобы шли сюда поскорее. Прибыли гонцы от принца Шамарского! Да пусть месьора барона известят — может, он сам пожелает спуститься!

Отряд неспешно въехал во двор замка. Копыта лошадей зацокали по камням, поросшим травой.

Конан слышал, как нетерпеливо переминаются, всхрапывают лошади у него за спиной. И всадникам их, должно быть, также не терпится броситься в бой...

Однако, чем больше смотрел Конан по сторонам, тем труднее было ему поверить в то, что говорил об Амилии принц Нумедидес. Должно быть, кто-то намеренно ввел наследника престола в заблуждение — кто-то, кому не угодил старый барон.

Но, кому бы там ни насолил Тиберий, то, что в доме его никто не занимался чернокнижием, ясно было с первого взгляда.

Киммерийцу достаточно приходилось на своем веку иметь дела с колдунами. Он приучился кожей ощущать запах магии. Грязное это занятие не могло не запятнать любое место, где им занимались. Точно ушат помоев выливали на землю с каждым заклятьем...

Но здесь, в Амилии, он не чуял ничего подобного.

Самый обычный замок, каких много. Жилище обедневшего, но гордого рода. Дом, где рождаются ратники и преданные слуги короля. Где ценят богатство, но еще больше — труд, где чтут традиции, а преданность и честь не считают понятиями, вышедшими из моды. Будь Конан правителем державы — он не нашел бы подданных лучше!

И Нумедидес хотел заставить его поверить, что этот замок стал приютом для ведовской скверны?! Требовал, чтобы они, не разбирая правых и виноватых, предали огню и мечу все вокруг?

Киммериец сдвинул брови. Нет, будь что будет, но такой приказ он выполнять не станет! Убивать этих ветеранов давнишних походов, что завершились, еще до его рождения? Этих старых преданных псов, мирно доживающих свой век у очага? Или потрошить служанок и конюхов, допытываясь, не злоумышляют ли они против Рубинового Трона?!

Нет, довольно будет просто поговорить с бароном. Пусть знает, какие обвинения выдвинуты против него. А там уж пусть королевские судьи решают, что делать с ним. Он, Конан, не станет подменять собой меч правосудия. Сегодня он не чувствовал за собою права на это!

Тем временем, о появлении их, как видно, известили самого Тиберия. Торопливо, придерживая руку на перевязи, барон спешил навстречу ратникам.

Конан едва успел открыть рот, чтобы приветствовать его, как владетель Амилии воскликнул взволнованно, с неподдельным облегчением в голосе:

— Месьоры! Наконец-то! Скажите, я не ошибся? Не разочаровывайте убитого горем отца... Вы привезли известия о моей дочери?

Киммериец в изумлении воззрился на старика. Кром! Это что еще за нелепица?

— О вашей дочери, барон? — переспросил он.

Старик часто закивал головой. Слуги, толпившиеся поодаль, перешептывались и толкали друг дружку локтями, но лица у всех были встревоженные.

— Да, о моей дочери. О Релате!

Он, летевший к гостям, как на крыльях, в уверенности, что наконец получит утешительные известия, которых ждал так долго, внезапно осознал, что тешил себя иллюзиями. Враз постаревшее, осунувшееся лицо его побледнело, тяжелые веки опустились, точно смотреть на мир сделалось Тиберию невыносимо.

Конан спешил, бросил поводья своего каракового гирканца Жуку, услужливо подхватившему их, и встревоженно склонился над бароном.

Похоже, у Тиберия какое-то горе...

А тут еще они с обвинениями в колдовстве! Выдержит ли у старика сердце? Киммериец недовольно мотнул головой с черной гривой непокорных волос. Ох, и не по душе же ему вся эта затея Нумедидеса!

— Нам лучше бы поговорить наедине, месьор, — произнес он негромко. — Пусть мои люди подождут снаружи. Пойдемте в дом. Там я скажу, зачем мы прибыли!

Он говорил спокойно, не желая тревожить старого воина раньше времени, однако тот все равно почуял неладное. Взгляд его, устремленный на киммерийца снизу вверх, был полон затаенной тревоги.

Они вошли замок и, поднявшись по широкой, потемневшей от времени лестнице со скрипящими ступенями, прошли в большой парадный зал, строгий, скупо обставленный, единственным украшением которого служили старые штандарты, развешанные по стенам. Серебряная нить от времени потускнела, кое-где виднелись пятна и

проплешины, но, несмотря на это, знаки воинской доблести еще хранили свой гордый вид.

Конан одобрительно цокнул языком.

Придерживая большую руку, барон опустился в потемневшее простое кресло и указал воину место напротив.

— Вот так-то, — произнес он, точно продолжая какой-то давно начатый спор. — Что тут говорить! Нравы уж не те, месьор. Испортились нравы, измельчали вконец. Вы вон, тоже молодой человек, да видно что умеете держаться в седле, да и постоять за себя, в случае чего. Но таких-то все меньше и меньше. В наше время юноши сызмальства приучались к мечу, а дочери нобилей чтили честь рода. А нынче только-увальни да вертихвостки и остались. Столицы им подавай! Чтоб вдосталь денег и роскоши. Девицам, чтоб ухажера найти с достатком, а юнцам — баб, да вина побольше. Не думал, что доживу до этого... А им — все нипочем, то, какими глазами на отца станут смотреть теперь — об этом даже не думают!

Он вздохнул, тяжело и с надрывом. Киммериец не понимал ни слова из его сетований, но слушал молча, не перебивал, чувствуя, что стариком владеет неизбывное горе.

— Забыть долг гостя перед хозяином — откуда это у них? — продолжал сетовать Тиберий. — Что, скажите, за напасть такая! Чтобы под тем кровом, где ел и пил, где дали тебе постель... Э-эх — да что говорить!

Он помолчал.

— Ну да ладно. Сделанного не воротишь. Скажи лучше, парень, с чем прислал тебя хозяин? Я понял, что гнева отцовского он страшится, раз прислал такую оралу ратников — но что велел передать? Вернет ли он честное имя моей дочери?

Конан смотрел на Тиберия во все глаза, не понимая, о чем идет речь. У него мелькнула сперва мысль, что это Нумедидес обманул его, послал с подложным поручением, надеясь под шумок обстригать какие-то свои темные делишки — но это предположение звучало слишком нелепо. Зачем принцу...

Киммериец покачал головой.

— Я не знаю, барон, о чем вы говорите. Я никогда не видел вашу дочь, и прибыл в Амилию совсем по другому поводу.

Тиберий в изумлении уставился на Конана. Несколько мгновений он силился обдумать сказанное.

— Но... но что же тогда Релата? — выдавил он наконец, но, видя недоумение в синих глазах северянина, спохватился и забормотал: — Если ваши слова правдивы, месьор, тогда мне впору молить прощения и у вас, и у вашего господина! Я заподозрил его в недобром умысле — но, похоже, отцовские чувства завели меня слишком далеко. Поверьте, тревога за дочь и ничто более стала причиной этого недоразумения. Я готов любым образом загладить свою вину перед вами! А теперь, когда я принес извинения, расскажите, с чем вы приехали в наш скромный дом. И я сам, и все мои домочадцы окажут вам посильную помощь!

Конан понял, что старику было неловко. И за всей этой болтовней он прятал смущение.

Вон даже заговорил почтительно, как с равным.

Конан мог лишь гадать, что могло случиться с дочерью Тиберия — но это оказалось ему на руку. Теперь, пристыженный недавним конфузом, барон делается поговорчивее.

— До принца дошли тревожные слухи, — произнес киммериец внушительно, намеренно не подчеркивая, о каком именно принце идет речь, ибо теперь, когда он самовольно отказался следовать полученным от Нумедидеса приказам, цвета, в которые одеты были наемники, ставили его в неловкое положение.

— Кто-то сообщил принцу, что вы якобы укрываете в Амилии черно книжников. И дом ваш стал для них убежищем. Что скажете на это, барон Тиберий?

Старый воин застыл, пораженный. Рот его раскрылся, он пытался что-то ответить, но ни звука не слетело с языка.

Наконец он вскочил, как видно, задев при этом большую руку, ибо лицо его исказила гримаса боли.

— Да что же это... Да откуда...

Видно было, что возмущение его неподдельно. Он задыхался от гнева.

Конан пожал плечами — в своей жизни он слышал обвинения и похуже. Подумаешь — черно книжники! Не самый большой повод для беспокойства.

Старый воин, наконец, совладал с собой и превозмог душившую его ярость. Взгляд его посуровел.

— Нет, воин! — повернулся он к Конану. — Мне неведомо, кто возвел этот поклев на меня, кто тот злодей, что пытался очернить меня в глазах Короны, и я не прошу тебя открыть мне это. Пусть отсохнет его ядовитый язык! Но слова — это только слова! И неплохо проверить их правдивость. Пойдем, я сам покажу тебе дом, и ты убедишься сам, что я говорю правду. Я слишком долго служил государю, чтобы устраивать в своем поместье рассадник скверны! Знать бы, кто очернил меня, клянусь, прикончил бы негодяя на месте!

Вдруг его лицо пошло багровыми пятнами. И он схватился за сердце.

Конан понял, что со старым воином неладно. Жаль старика. А все этот проклятый Нумедидес! Наболтал невесть чего, Нергал его заberi. Он повидал на своем веку немало колдунов, но они никогда не выглядели так, как этот старый нобиль.

С трудом ему удалось усадить взбудораженного барона на стул, но прошло еще немало времени, прежде чем волнение хозяина Амилии улеглось настолько, чтобы он смог говорить спокойно.

Слезящимися старческими глазами воззрился он на рослого воина, невозмутимо, точно скала, восседающего перед ним. Ему показалось, на лице синеглазого северянина мелькнула тень истинного участия, и Тиберий произнес ослабевшим голосом:

— Амилия чиста пред ликом Митры, и скверна черно книжия не затронула ее, как многие дугие вотчины! Тот, кто не верит этому, глупец! Но принц шамарский вправе убедиться в этом, глазами своего слуги.

Конан задумался.

Не было сомнений, что амилиец говорит искренне. Но его вполне могли держать в неведении относительно того, что в действительности творилось в замке. Не зря, в конце концов, такой переполох поднялся из-за его дочери. Возможно, каким-то боком она причастна к заговору колдунов!

Кром, до чего же ему не по душе все эти хитросплетения. Но деньги он получил и честно их отработает. Поэтому не лишне будет пройтись со старым воякой по этой лачуге.

— Я-то верю вам, барон, — проворчал он, — но о таком зря болтать не будут! Может, не вы сами, но кто-то из ваших домочадцев...

— Раз я говорю — нет, значит — нет! — Тиберий гневно стукнул здоровой рукой по ручке кресла, отвергая самую возможность чего-то подобного.

— У меня все на виду! Да и народу в замке — раз, два и обчелся. Я сам, двое сыновей моих, Винсент и Дельриг, да дочь Релата. Слуг, может, две дюжины, все проверенные, наши деревенские. Да десять человек стражи. Вот и все! Живем скромно, уединенно. У нас почти никто и не бывает. Вот разве что...

Барон внезапно осекся. Лицо его вытянулось, приобрело хищное выражение.

— Нет. Не может быть! — прошептал он чуть слышно.

Киммериец мгновенно подобрался, чувствуя, что напал на след. Взгляд синих глаз сделался жестким.

— Не может быть — что? Говорите, барон!

— Мальчишка-немедиец, бывший жрец. Третью луну живет у нас, — выдохнул Тиберий. — Слуги шепчутся о нем. Судачат. Я не верил сперва, думал — пустое. Но, видно, зря...

Конан вскочил с места. Барон, поморщившись от боли, также поднялся и повлек варвара за собой к дверям.

— Не будем терять время! — воскликнул он. — Пойдемте прямо к нему!

Он схватил со стены светильник — метнулись длинные тени — и пошел вперед. Киммериец последовал за ним, держа ладонь на рукояти меча.

Выходя, северянин обратил внимание на шум, доносившийся со двора. Кто-то там выкрикивал ругательства, слышался топот ног. Должно быть, наконец отыскали пропавшую дочь Тиберия, подумал он... Но затем они свернули в дальнее крыло замка, куда шум снаружи почти не доносился, и Конан забыл об этом.

Торопливым шагом, так что даже рослый варвар с трудом поспевал за ним, барон шел по коридору. Как видно, обвинения, что посмел кто-то выдвинуть против него, настолько оскорбили старого вояку, что теперь он готов был на все, лишь бы доказать свою правоту. Даже в том, как щелкали его подкованные салоги по каменным плитам, чувствовалась ярость.

Но вот дверь, ведущая в гостевые покои, оказалась перед ними. Барон устремился вперед — но киммериец властным жестом удержал его. Не хватало еще, чтобы старик первым сунулся в огонь!

Жаль, конечно, не удалось подкрасться к логову колдуна незамеченными — слишком уж громко топал по коридору барон — но делать нечего. Оставалось лишь надеяться, что жрец не заподозрил опасности.

Конан обнажил меч и застыл перед дубовой дверью, силясь расслышать, что происходит в комнате. Но там царил мертвая тишина.

Внезапно решившись, он с силой толкнул дверь. Та поддалась без труда.

Киммериец влетел в комнату, держа меч наизготовку — и замер.

— Птичка улетела!

Он обернулся к барону и, не удержавшись, сплюнул на пол.

Тиберий озибался в пустых покоях, отведенных немедленно.

— Митра! Чем же он тут занимался, этот бельверусский пес?!

Комната лишь на первый взгляд казалась самой обычной. Глаз хозяина мигом уловил неладное, но и Конан, благодаря своему цепкому уму, мигом сообразил, что так встревожило хозяина замка.

Перед ним были не гостевые покои, но настоящая монашеская келья, и от убранства ее веяло жутью.

Грубо сколоченный деревянный стол и трехногий табурет. Низкая деревянная лежанка, застеленная грубой дерюгой. На стенах, обитых дубовыми панелями, выделялись следы — там еще недавно висели гобелены и какие-то украшения... но они были сорваны безжалостной рукой. Было в нарочитой нищете комнаты что-то бесстыдное, внушающее отвращение.

Но не это привлекло взор киммерийца.

На полу, полузатертые, ясно виднелись контуры начертанной мелом пентаграммы. Опустившись на колени, по углам ее Конан различил потеки красного воска — там, где стояли свечи.

Киммериец потянул носом воздух. Так и есть, в комнате кто-то недавно жег травы.

Он взял у барона свечу и поднес ее к столешнице. На ее деревянной поверхности виднелись несколько длинных девичьих волосков и крохотный обрезок ногтя.

Не говоря ни слова, северянин обернулся к владельцу замка. Тот съежился перед внушающей страх фигурой воина, не зная, куда девать глаза.

— Я никогда — и подумать не мог — да если б только... — бормотал он бессвязно.

На барона было жалко смотреть.

Подозрения Нумедидеса оправдались! Киммерийцу неловко стало, что он мог усомниться в принце. Сурово сдвинув брови, он окинул взглядом пристанище черно-книжника.

— Под вашим носом, барон, творились бесчинства, а вы говорите, будто ничего не знали об этом!

Тиберий побледнел.

— Клянусь вам, месьор!...

— Хватит клясть! — зло перебил его воин.

Возможно, он был слишком суров со стариком, но ненависть к любому колдовству была в нем слишком велика. Эти подлые псы, чинящие смуту, сеющие раздор и несущие погибель всему живому! Презренные черно-книжники, обуреваемые жадной властью, готовые стереть с лица земли любого, кто осмелится помешать их безумным планам!

Сколько раз становился он у них на пути! Сколько рушил их черные замыслы! Но скверны не становилось меньше. Вся Хайбория, казалось, поражена ею!

Конан стиснул челюсти. Ничего! Рано или поздно он перебьет их всех. А начнет с этого осинового гнезда. Проклятый выродок Сета не уйдет от гнева сына Крома!

— Я немедленно снаряжу людей в погоню! — рявкнул он. — А вам, барон, придется убеждать в своей невиновности Суд Короля!

И, не дожидаясь ответа Тиберия, стремительным шагом вышел из комнаты.

Скорее! Этот жрец не мог уйти далеко — должно быть, он бежал перед самым их приходом. Они успеют его нагнать!

Варвар торопливо сбежал по лестнице на первый этаж, бегом преодолел коридор, ведущий наружу, распахнул тяжелую дверь — и оказался в самом центре схватки.

Его парни во дворе замка отчаянно рубились со стражниками барона.

Кто-то подскочил к Конану, замахиваясь алебардой.

Киммериец выхватил меч.

— За мной! — прогремел его голос на весь замок. — За мной!

* * *

Когда их капитан удалился в замок, в сопровождении старого барона, отряд остался ждать во дворе, как им и было приказано.

Сперва наемники держались настороженно, памятуя о том, что говорил им Конан на выезде из Тарантии. Но этот мирный замок, где на воротах сидели разомлевшие от жары, обленившиеся толстые стражники, где сновали по двору с ведрами, кадками и охапками белья дородные краснощекие молодницы, хихикавшие в кулак при виде суровых конников, и деловито расхаживали, склевывая крошки, индюшки и куры, — замок этот ничем не напоминал мрачное гнездо черно-книжников, и воины понемногу расслабились.

Неторопливо спешившись, все еще поглядывая подозрительно по сторонам, но уже больше для вида, они привязали лошадей у гостевой конюшни, у самой стены, и сгрудились неподалеку, переминаясь с ноги на ногу в ожидании.

Если бы сразу был дан приказ наступать — дело другое! С такой горе-охраной, они овладели бы замком в считанные мгновения.

Но время шло, а капитан как сквозь землю провалился, и боевой пыл их постепенно начал спадать. Двое зингарцев, по всегданней своей привычке, принялись вяло переругиваться. Немой офицер Сабрий, опустившись на корточки, чертил в пыли узоры острием кинжала. Барх озирался по сторонам, косясь на служанок, то и дело выразительно сплевывая сквозь зубы. Эх, знать бы, что потасовки точно не предвидится — он бы тут развернулся...

— Нергаловы потроха! — процедил сквозь зубы Невус, оправляя кольчугу. Ему было жарко, и он злился на весь белый свет. — Дернул Эрлик киммерийца взяться за это дело! Надо было тащиться в такую глушь, чтобы выставить тут себя деревенщинам на посмешище!

— Да будет тебе, танасулец, — отозвался примирительно Барх. — Золотых отсыпали — и то дело! Вспомни, когда в последний раз монету в руках держал! Вот то-то...

Удовлетворенный тем, как отбрил вечно недовольного приятеля, он с новой силой принялся подмигивать слуганкам.

Офирец по кличке Жук потянулся лениво, подставляя осеннему солнышку свою уродливую физиономию.

— И правда, Невус, — поддержал он Барха. — Не все ли тебе равно, пока деньги платят. Принц не поскупился — и славно. Глядишь, найдется еще работенка. Будет повод мечом помахать. — Он засмеялся. — Не бойся, на твой век хватит!

Наемники расхохотались. Драться уже никому не хотелось, и они были даже рады, что эта странная вылазка, с самого начала не внушавшая им добрых предчувствий, похоже, закончится мирно.

— А как странно получилось! — пробормотал уязвленный Невус. — Ведь мы недалеко отсюда Бернана отыскали! Когда еще с огненными демонами повоевать пришлось... Эй, Бернан, скажи, приятно небось вернуться в родные места?

Солдат обернулся к гандеру, но того и след простыл. Никто не заметил, когда наемник покинул их.

— Куда подевался? — недоуменно огляделся по сторонам Жук.

— Ну, мало ли... — многозначительно протянул кто-то.

Все опять засмеялись. Танасулец предложил перекинуться в кости...

* * *

Бернан осторожно выглянул из-за угла конюшни.

Нет, пронесло! Никто не заметил его! Эти болваны стоят как стояли. И капитана нет...

Будь Конан на месте, гандер, боявшийся сурового киммерийца пуще грома, побоялся бы и шаг ступить в сторону. Но северянин ушел куда-то с бароном — и искушение оказалось слишком велико.

За те ползимы, что он разбойничал в амилийской чаще вместе с сыновьями Тиберия, гандер неплохо разжился монетой. Амилийский тракт был наезженным, торговцы посещали его часто, и снимать дань с этих жирных гусей

было легче легкого — пока сам Змееголовый не поставил у них на пути проклятого немедийца!

По вине этого бельверусского демона Бернан утратил все свои сбережения. С перерезанными сухожилиями у него не достало сил вернуться в их лесное убежище; а затем его подобрал киммериец с отрядом. Он не мог рассказать им о своем прошлом — а значит, приходилось помакивать и о закопанных в лесу денежках.

Но теперь у Бернана созрел новый план.

В конце концов, разве Винсент с Дельвигом, резвые отпрыски Тиберия, не были его поделельниками? Разве не потрошили они вместе проезжий люд на дороге?

Митра велел помогать друзьям в беде — все жрецы долдонят об этом! Так пусть теперь сынки барона раскошелятся. У них и без того мощна полна, от них не убудет. Зато совесть перед Солнцеликим будет у пареньков чиста.

Зорко озираясь по сторонам, Бернан пытался заприметить, куда подевались сыновья Тиберия. Ему показалось, когда они въезжали в ворота, где-то мелькнула знакомая светлая шевелюра...

И все же он вздрогнул от неожиданности, когда рослый, плечистый юноша с изумленным видом вырос перед ним.

— Бернан! Эрлик тебя побери! Откуда ты?

Он хмуро посмотрел на гандера. Помнится, Винсент уверял, что месьор Амальрик с ним расправился. И вот пожалуйста! Оказывается, он целехонек! Да еще как ни в чем не бывало притащился к ним в замок! Зачем он здесь, не для того ли, чтобы рассказать обо всем отцу?

— Что ты здесь делаешь?

Перекошенная физиономия гандера расплылась в ухмылке.

— Вас ищу, месьор Дельриг, что же еще!

Сын барона нахмурился. Он здорово перетрусил, когда их тайна была раскрыта немедийским бароном. Тот грозил, что передаст их в руки королевской страже — и Дельриг вполне верил, что тот способен сдержать слово. Если бы это было в интересах посланника, братья давно болтались бы в петле, воронью на потеху.

Переговорив с Винсентом, они единодушно договорились прекратить свои рискованные игры. Молодеческие забавы, в конце концов, — это одно, но королевская тем-

ница — совсем другое. И не хотелось бы, чтобы невинные развлечения окончились каменным мешком и плахой.

Шли дни — и им почти удалось забыть о прошлом. Убедить себя в том, что ничего не случилось, что никакая опасность отныне не грозит им. Гандер, брошенный в лесу, должен был подохнуть, как собака. Чтобы никто не мог показать на братьев как на участников разбоя.

Им так хотелось верить в это!

Но вот поклятый гандер стоит перед ним, невесть откуда взявшийся, с целым отрядом до зубов вооруженных ратников! И еще ухмыляется своей всегдашней мерзкой ухмылкой.

Дельриг похолодел.

Должно быть, он уже донес на них! И солдаты приехали, чтобы по воле короля взять сыновей барона под стражу. Не зря их капитан увел отца в дом — должно быть, хочет, чтобы старик узнал о своем позоре без свидетелей!

Сын Тиберия почувствовал, как черные круги поплыли у него перед глазами. Был бы Винсент рядом — он непременно что-нибудь бы да придумал! Но брат как назло куда-то запропастился...

— Что ты здесь делаешь, Бернан? — повторил он как мог грозно. — Зачем ты с этими молодцами явился в наш дом?

Он ожидал, что кривоносый гандер скажет ему об аресте. Что примется глумиться над ним... Возможно даже, сам пожелает взять юношу под стражу — но физиономия его бывшего подельника приобрела заговорщическое выражение, и подступив к молодому человеку поближе, так что на того пахнуло кислым вином и луком, зашептал:

— Рад вас видеть, молодой господин! Как узнал, что сюда едем, сразу о вас подумал. Негоже, думаю, забывать старых друзей. Кто друзей забывает — того Митра накажет, так жрецы говорят!

Дельриг недоуменно воззрился на разбойника. Тот ни слова не сказал об их аресте — неужели наемники явились сюда не за этим? Но чего же тогда хочет от него Бернан?

— Я не понимаю тебя, — произнес он запинаясь. — Скажи прямо, что тебе нужно, и проваливай!

Глаза Бернана хищно вспыхнули.

— Негоже так со старыми приятелями говорить, месьор, — протянул он с издевательской укоризной. — А то они могут и обидеться! Сами знаете, времена пошли тяжелые. На кусок хлеба порой не хватает — что уж там говорить! А друзья-то живут в сытости... Вот я и сказал себе: Бернан! Дельриг и Винсент — славные мальчишки. Они не допустят, чтобы их друг умер голодной смертью! Отыщу-ка я Дельрига с Винсентом, так я себе сказал. Они помогут тебе пережить зиму.

У юноши вытянулось лицо. Лишь сейчас он осознал, что стал жертвой бесстыдного вымогательства. Старший сын барона никогда не славился благоразумием. Вот и сейчас он вспыхнул, точно сухой пергамент.

Этот негодяй, едва не погубивший их с братом, осмелился явиться сюда, к ним в дом, и требовать чего-то! Да как он посмел!..

Дельриг стиснул челюсти, так что на скулах заходили желваки.

Сейчас он проучит его!

Меч оказался в его руке прежде, чем гандер успел опомниться.

— Я тебе покажу, как оскорблять наследного барона Амилийского, пес! — выкрикнул он, размахивая мечом перед лицом ошалевшего Бернана. — Ты забудешь сюда дорогу!

Он не собирался убивать его. Хотел лишь потеснить, изгнать с позором из отцовской вотчины, чтобы этот зловонный ублюдок никогда больше не оскорблял их глаз... Но убивать он не хотел.

Дельригу еще не доводилось лишать жизни человека. Сражаться на турнире — да. Пролить кровь — всего дважды, во время ночных нападений на большой дороге. Но до смертоубийства дело не доходило ни разу.

Он и представить не мог, как это тяжело.

И сейчас, против воли, несмотря даже на владевшую им ярость, клинок его продолжал наносить удары вопреки силе.

Чем и не преминул воспользоваться противник.

Острый меч, подаренный ему Конаном при вступлении в Вольный Отряд, уверенно лег в руку гандера. Раз за разом он без труда парировал удары юноши. В пылу схватки он даже перестал чувствовать боль от незаживших ран.

Удар! Еще удар!

На плече Дельрига выступила кровь. По тому, как исказилось лицо юноши, бандит понял, что задел ту самую руку, которая была ранена в схватке с немедийцем. Отлично!

Боль и отчаяние превратили лицо юноши в уродливую маску. Они едва начали драться — а он уже задыхался. Гандер настолько превосходил его в мастерстве, что пытаться одолеть его было все равно что драться с мельничным жерновом.

Сын барона считался неплохим фехтовальщиком. Но он учился этому искусству в тренировочной зале, где выше всего ставился изящный финт или ловкий маневр. По сравнению с этим, стиль гандера был топорным и грубым — но он был нацелен на убийство.

Последний раз Дельригу с трудом удалось отбить атаку. Но он чувствовал, что силы стремительно покидают его, и, отчаявшись, пронзительно закричал:

— Ко мне! На помощь! Убивают!

И в этот миг клинок Бернана вонзился ему в сердце.

Со злорадной улыбкой бандит вытер окровавленный клинок о камзол юноши. Но когда обернулся — к нему бежали трое стражников.

Не раздумывая ни мгновения, Бернан завопил, призывая на помощь наемников:

— Измена! Сюда!

Послышался топот ног.

Заслышав его отчаянный зов, весь небольшой отряд устремился к нему, на ходу выхватывая мечи — и напоролся прямоком на ратников Тиберия. Те, узрев в луже крови тело молодого господина, не раздумывая, взмахнули мечами.

Началась беспощадная, дикая сеча. Первый стражник погиб мгновенно, рухнув на камни с рассеченным надвое черепом. Другой, лучше управлявшийся с оружием, какое-то время сопротивлялся, но и его кровь вскоре пропитала землю меж камней.

На подмогу из замка бросились остальные стражники и слуги, вооруженные первым, что попало под руку, — но где им было совладать с тренированными, закаленными в боях бойцами. Один за другим они падали замертво, со страшными ранами. Камни двора сделались липкими от крови. Вопли раненых и женский визг разносились

пронзительно, оглушительные, точно крики обезумевших чаек.

Именно в этот миг показался в дверях киммериец — и кровавый водоворот захлестнул и его. Он пытался что-то сделать, обуздать неистовствующих безумцев, с ходу осознав, что они стали жертвами какой-то чудовищной ловушки — но яростная стихия страха оказалась сильнее.

С разных сторон на него кидались люди с искаженными от ярости лицами, кто с дубинкой, кто с ножом. Он умело отражал удары, стараясь не убить, но лишь обезоружить их.

Улучив мгновение, когда сеча как будто бы на мгновение затихла, он во всю глотку заорал:

— Стойте! Остановитесь все! Я приказываю!

На миг установилось шаткое равновесие. Все застыли, и казалось, еще немного, и киммерийцу удастся переломить их, остановить чудовищную резню...

Как вдруг Бернан стремительно пронесся мимо него в распахнутые двери замка и, выхватив из стенной скобы пылающий факел, что было силы швырнул его внутрь.

— Пали их, ребята! — завопил он истошно, и Конан увидел, что глаза гандера безумны, как у кликуши.

— Жги колдунов!

Вопль этот подхватили остальные. Точно ветер разнес по двору замка споры безумия, заражая их всех. И не было спасения.

Наемники ринулись в замок, круша все, что попадалось им на пути.

Конан пытался преградить им дорогу — но мощный поток не зающих удержу бойцов сбил его с ног. Он кинулся вдогонку за ними... Ему удалось даже, выкрутив руку Невуса, отнять факел... Но было поздно.

Обезумевшие от убийств и крови наемники рассыпались по всему двору, разбрасывая огненные снаряды. Солома и просмоленная древесина вспыхнули почти мгновенно. Перепуганная челядь бросилась во двор, где их встречали отточенные, не ведающие жалости клинки. Другие наемники бросились в замок, добывая прячущихся там.

Сильно потянуло гарью. Полыхало все, что могло гореть. Занялись занавеси в жилых покоях, шпалеры на стенах. Огонь перекинулся и на мебель.

Во дворе не оставалось никого, кроме солдат и бесчисленных трупов. Нескольким уцелевшим удалось бежать, и их не стали преследовать. Большинство же навсегда остались в замке, что превратился в огромный погребальный костер. Жирный черный дым поднялся до самых небес. Запах крови и паленого мяса вызывал тошноту.

Лишь тогда наступило отрезвление.

Ошпаренные, измазанные копотью и кровью, наемники сгрудились по двое, недоуменно оглядываясь по сторонам, взирая на дело рук своих и не веря тому, что натворили.

Трупы повсюду, изломанные фигурки на камнях, точно куклы, выброшенные жестокой рукой из ящика бродячего шарманщика. Женщина в запачканном мукой переднике, — юбка ее задралась, обнажив непристойно раскинутые ноги. Мальчик, тощий и взъерошенный, подложивший руку под голову, точно прилег вздремнуть на минутку. Лысый толстяк, еще живой, со стоном прижимающий к животу ладони в тщетной попытке удерживать вываливающиеся внутренности.

А рядом лопнувшие мешки, черепки кувшинов, куриные перья, разлитое масло.

Рухнули балки замка. Пламя гудело, точно в печи. Налетевший ветер разбрасывал искры. Пламя перекинулось на амбары и конюшни.

Конан отвернулся. Остальные также прятали глаза.

— Колдовство... — прошептал кто-то, и остальные закивали, спеша согласиться.

И впрямь колдовство! Как еще объяснишь это безумие, что охватило их внезапно, без повода и смысла.

— Хороши, — процедил Конан сквозь зубы, не скрывая отвращения. — Отличный у меня отряд, ничего не скажешь! Ублюдки!..

— Это все Бернан! — крикнул кто-то виновато. — Это он заварил кашу!

Конан вскинулся, радуясь возможности воздать виновнику по заслугам.

— Где этот гандер? — прорычал он яростно. — Где он?! Я выщу ему кишки!

Наемники недоуменно переглядывались. Никто не заметил в пылу схватки, куда подевался проклятый Бернан.

Багровые отсветы пламени плясали на их закопченных, забрызганных кровью лицах. А с клинков скатывались капли, в сумерках казавшиеся черными.

Где-то далеко тревожно загудел набат.

Трупы и пылающий замок — вот все, что оставалось им.

Приказ Нумедидеса был исполнен в точности.

Аой.

ВРЕМЯ ПРОЗРЕНИЯ

Ораст, поджав ноги, сидел на голой земле и медленно покачивался, словно тростник, колеблемый ветром.

Взгляд его был пуст.

Марна, по обыкновению своему, почти не обращая на чужака внимания, копошилась у очага перед входом в лесную хижину, раскладывая на горячих, только что вынутых из огня камнях тесто для лепешек.

Впервые лесная отшельница снизошла до того, что предложила юноше разделить с ней трапезу, но Ораст, чье сердце еще несколько дней назад учащенно забилося бы от подобной чести, сейчас был настолько отрешен от окружающего мира, что не придавал этому никакого значения.

Ему казалось, он погрузился на дно черной проруби, где самое ничтожное движение становится невозможным, чудовищная толща водяных слоев обволакивает и приковывает своей тяжестью к илистому, скользкому дну. Крутом все стало одноцветным и безмолвным, замедлилось и утяжелилось.

Листопад прекратился, будто кто-то подвесил серые листья на невидимых нитях. Хотя нет! Если присмотреться, серые листья падают на серую землю. Только медленно-медленно, не больше сенма в луну.

А что за странные серые кусты выросли вокруг очага, похожие на измятые листы пергамента? Неужели это дым? Но почему он не движется, а стоит на месте? Место? То место в лесу... Туда пришла Релата... Релата? Ре-ла-та! Какое странное имя! Где ему приходилось его слышать? Может, так звали его мать? Или одну из сестер?

Нет! Мать так звать не могли... Ре-ла-та! Похоже, это аквилонское имя, а та, что обрекла его на жизнь, была

немедийка! А эта Релата зачем-то стояла на земле. Еще вокруг было много листьев... Листья! Серые листья? А почему серые, ведь совсем недавно они были разноцветные? Багровые как плащаница. Охристые, словно образ Пресветлого. Бурые, будто страницы Скрижали...

Марна повернула безликую голову в сторону окаменевшего жреца. Глупец, похоже, и не подозревает о том, что все колдовские талисманы пьют энергию своих хозяев! Только опытные маги знают, как укротить неведомые силы. Неофит же подобен ребенку, дразнящему демона.

Что ж, воистину месть сожженного немедийца Ост-вальда была достойной...

Теперь его душа на Серых Равнинах могла обрести покой. Ведь его убийца, похититель пифонской святыни, был обречен на смерть куда более мучительную, чем та, что принял он сам. Зловещий фолиант будет высасывать из своего нового хозяина все жизненные соки, словно паук из мухи, до тех пор, пока от того не останется лишь пустая оболочка. Незавидная участь уготована этому неудачливому колдуну! Но видно сам Асура направил сюда стопы этого щенка, иначе его первая ворожба грозила стать последней.

Стоило бы бросить его вот такого — недвижимого и безучастного ко всему, когда его разум плавает в далеких пластах бытия!

Но нельзя! Нельзя!

Жрец должен исполнить то, что ему уготовано судьбой.

Колдунья задумалась о том, что увидела в Зеркале Грядущего.

Четверо, что пытаются оживить мумию ахеронского некроманта! Она узнала троих.

Амальрика!

Валерия!

Ораста!

Значит, сам Рок уготовил этому тщедушному бритоголовому неудачнику стать тем, кто поколеблет хайборийский мир. Трудно поверить, что вот этот юнец с мелко подрагивающим кадыком и пузырьками слюны в уголках губ сумеет отыскать Сердце... Но помыслы Небожителей неисповедимы.

Марна сняла поджарившиеся лепешки с камня. Вот уже много зим только выпеченный хлеб, вода и отвары из трав были ее единственной пищей. Она разломала

дымящийся хлеб на мелкие кусочки и стала неспешно жевать их, просовывая в прорезь маски темными сухими пальцами с загнутыми когтями. Как мучительно носить эту жуткую личину, но она обречена на это до тех пор, пока на Рубиновом Троне сидит Проклятый!

Так вправе ли она толкать щенка на верную гибель? Не восстанет ли она против помыслов Бессмертных? Один раз она уже испытала на себе гнев Митры и с тех пор не может смотреть на мир обычными глазами... Не подвергнут ли ее боги наказанию еще более ужасному, чем в тот раз?

Но знамений не было! Не было никаких знамений, хотя она не раз просила богов открыть ей Истину. Значит, все ее действия предопределены свыше? Видно, так оно и есть! Что ж, придется снова стать орудием воли Бессмертных и вернуть душу несчастного в этот мир...

Она стряхнула крошки с рук и подошла к Орасту. Тот не изменил позы и никак не отреагировал на приближение ведьмы. Марна вздохнула и начала шептать певучие заклинания, водя руками над головой юноши.

Atero monaa soono

Atero monaa soono

Atero monaa soono

Жрец сидел не шелохнувшись. Утерянные чувства начали постепенно возвращаться к нему, и разум стал медленно оттаивать. Он не мог с уверенностью сказать себе, что все происходит наяву. Застывший лес, который выглядит точно грубо намалеванная декорация в балагане: кажется, пройди пару шагов — и упрешься в грязную холстину. Дробь дятла, приглушенно-гулкая, словно удары цепями в молотьбу. Даже закатный свет, и тот чудится нереальным, местами неестественно густым, местами блеклым, подобно протертой до основы, готовой прорваться ткани. И сам он ощущает себя каким-то ненастоящим, как бывает, когда спишь, понимаешь, что это сон, но никак не можешь проснуться...

Воспоминания возвращались к нему, внутри головы покалывало, чувство сродни тому, когда отсидишь ногу, а затем резко поднимешься. Встреча с принцем, бегство из замка, ночной лес, Марна, вышедшая ему навстречу — все сливалось в мутном водовороте нескончаемого кошмара, он словно тонул, с каждым мгновением уходя все глубже под воду, отчаянно чувствуя, как не хватает воз-

духа, и черные круги перед глазами растут, вертятся бешено, кровь стучит в ушах и подступает безумие... Мгновениями он был уверен, что давно уже сошел с ума.

Atero monaa soono

Atero monaa soono

Atero monaa soono

Ghoa!

Выкрикнув последнее слово, ведьма резко сжала кулак над теменем юноши. Вдалеке громыхнул гром. Марна знала — в это самое мгновение где-то скончался неведомый младенец, к которому перешла отравленная энергия жреца.

Кем был он? Луноликим гирканцем, прикрытым зашальной кошмой, или сероглазым бритунцем, испустившим свой первый вздох на руках у повитухи, а может, дарфарцем, похожим на лоснящийся свежесорванный баклажан? Кем мог он стать? Воителем, под чьей железной десницей содрогнулся бы мир? Мудрецом, которому суждено открыть эликсир Вечной Жизни? Прекрасной Девой, ради любви которой пошли бы войной друг на друга цари двух держав? Даже боги не ведали ответа...

Ораст вздрогнул. Туман, доселе окутывавший его мир, развеялся так стремительно, что он невольно вскрикнул и на миг прикрыл глаза рукой от ослепившего его неяркого вечернего света. Словно он выбежал из темной комнаты на залитый солнцем двор... Ораст невольно встряхнул головой, пытаясь прийти в себя. События последних часов всплывали из темноты. Поначалу бесформенные, расплывчатые и нечеткие, словно глубоководные твари, они постепенно обретали ясность и осознанность. Он начал вспоминать, что говорила и делала ведьма за это время.

— Ты приманивала ворона! — прошептал он и закашлялся. — Зачем?

Женщина усмехнулась — даже под маской он ощутил это.

— Похоже, щенок, в тебе опять проснулось любопытство. Что ж, мы ответим тебе! Этот ворон — наш гонец. Он послан к твоему повелителю!

Что-то в словах ее встревожило Ораста.

— А что с моим... — он заппнулся и покраснел, ему почему-то страшно не захотелось называть так Амальрика.

— Что с бароном? — поправился он.

От Марны не ускользнуло его замешательство.

— Не хочешь считать немедийца своим хозяином? Это верно! Отныне ты слуга Рока! Наш гонец поведает ему о том, что случилось, и, Асура ведает, может быть, он успеет...

— Но что же случилось, госпожа?

Она недолго помолчала.

— Случилось многое, — отозвалась она наконец. Голос ее звучал глуховато и отстранено. — На пороге — Время Жалящих Стрел! И первая из легкоперых уже выпущена Кровавым Лучником. Чернуннос грядет! Тяжела его поступь. От копыт его делаются трещины в земле, откуда брызжет пламя Подземного Мира. Недаром мы видели кровь в огне, а лесные птицы принесли весть о большом пожаре.

— Пожар? Где-то в лесу? И только-то? — Ораст недоуменно воззрился на колдунью. Но та покачала головой в ответ.

— Пожар знаменует начало Времени Жалящих Стрел! Оно начинается, и многим из нас не дано пережить его...

С этими странными словами она ушла в дом, а когда вернулась, в руках ее был небольшой сверток, завернутый в промасленную кожу, в очертаниях которого жрец угадал свою книгу. Положив его на землю, она села рядом, аккуратно расправив свое пестрое платье, и указала Орасту на горячие лепешки.

— Ешь.

Он безмолвно повиновался. Лепешки были пресными, чуть суховатыми и совершенно несолеными, однако, попробовав одну, он почувствовал вдруг, что не в силах оторваться, и не успокоился, пока не съел все. Ведьма молча следила за ним, и бурая маска ее показалась ему ликом мертвеца в подступающих сумерках.

Наконец он насытился и утолил жажду прохладной родниковой водой из глиняного кувшина. Колдунья взяла на колени сверток и не спеша развернула, рассеянно поглаживая его левой рукой. Жрец не сводил взгляда с ее пальцев, касавшихся переплета Скрижали Изгоев.

Он не думал, что ему так болезненно будет видеть Книгу в чужих руках. Предполагал, боялся этого — но к такой резкой, нестерпимой боли оказался не готов. Ему хотелось вскочить, вырвать Скрижаль из рук слепой ведь-

мы, убить ее за то, что касанием своим осквернила святыню... Он удержался лишь с трудом.

Она подняла голову.

— Да, знаем, — произнесла Марна негромко, точно про себя. Ораст с ужасом понял, что она вновь прочла его мысли. — Это тяжело. И время от этого не лечит. Единожды приникнув к источнику, лишенный его, ты будешь страдать вечно.

В словах ее были холодные осенние сумерки и чувствовалась неотвратимость зимы, и Ораста против воли пробрала дрожь.

— Но что же это за книга? — воскликнул он в отчаянии.

Обычный пергамент с начертанными — пусть хоть трижды магическими знаками — как могла Скрижаль изъесть его душу, незаметно сделать своим рабом, так что теперь он испытывает все муки преисподних от невозможности коснуться ее страниц. Точно женщина, желанная, возделенная, что с радостью отдается другому на глазах у отвергнутого возлюбленного... Он и сам не заметил, как Скрижаль и Релата сделали для него одним. — Как возможно такое?

Отшельница не отвечала так долго, задумчиво водя слепыми пальцами по корешку книги, что Ораст уже готов был повторить вопрос, уверенный, что она не слышала его.

— А ты думаешь, Скрижали напрасно даровано было Ее имя? — отозвалась она наконец. — Если так — то ты куда больший глупец, чем мы полагали. Впрочем, ты и впрямь еще щенок и не ведаешь, что творишь...

Она помолчала немного. Слова ее ранили больно, но он принял их как должное.

— Ни один маг, даже владеющий всеми искусствами защиты, что даруют своим adeptам Темные Боги, не дерзнул бы листать эти страницы, если только речь не шла бы о жизни или смерти... да и то, мы знали многих, что предпочли бы смерть. Взгляни!

Колдунья положила закрытую книгу перед собой на камень, хранивший еще тепло очага, и сделала несколько пассов над ней. Скрижаль сама раскрылась, на глазах у пораженного Ораста. Страницы с шуршанием перелистывались, изгибаясь и заворачиваясь. Затем все прекрати-

лось, и жрец узнал — он узнал бы ее из тысячи! — страницу, откуда он взял то злополучное заклинание.

Пальцами левой руки ведьма уперлась в пергамент, установив их строго в определенных точках, раз или два изменив положение, когда что-то не понравилось ей. Орасту показалось, некоторые буквы стали чуть ярче... впрочем, в полумраке он мог и ошибиться. Но когда колдунья принялась водить над книгой правой рукой, тут уже ошибки быть не могло. Розоватое сияние облачком поднялось над пожелтевшими страницами, золотистые искорки замелькали внутри.

Темная маска Марны напряженно вперилась в светящуюся туманность, где причудливыми иероглифами свивались и закручивались радужные вихри. Лес вокруг них притих, — или то только показалось оробевшему жрецу, — как вдруг протяжное шипение нарушило безмолвие. Он не сразу понял, что странный звук этот доносился из-под маски ведьмы. Она отняла руку от пергамента, и сияние над колдовским талисманом исчезло.

Продолжая шипеть, точно рассерженная кошка, Марна потрясла в воздухе обожженными пальцами. Ораст сжался в комочек, словно пытаясь раствориться во влажном сумраке ночи, ибо не сомневался, что гнев чернокнижницы обрушится сейчас на него с новой силой. Но та лишь внезапным резким, почти брезгливым движением отшвырнула Скрижаль прочь, и она, закрывшись, рухнула на прелую листву у ног ворожеи, словно простая амбарная книга.

— Вот так! — отчеканила ведьма с неожиданным торжеством в голосе. Ораст лишь сейчас понял, что между нею и этим ахеронским исчадием, должно быть, состоялся некий поединок воли, в котором женщина, если и не вышла победительницей, то, по крайней мере, и не потерпела, в отличие от него самого, поражения. Но он-то отдался этому зловещему тому по собственной воле...

Он ожидал угроз и проклятий — и потому следующие слова ведьмы застали жреца врасплох.

— Тебе никогда не знать женщины, несчастный, — произнесла она с мстительной насмешкой. — Ни той, которой ты так неумело пытался овладеть, ни какой иной. Призванный Скрижалью, ты навеки стал Изгоем. И она станет отныне твоей единственной избранницей.

В ее словах была окончательность вердикта королевского суда, признавшего его виновным без права обжалования, и Орасту даже в голову не пришло возмущаться, спрашивать или жаловаться. Он принял это как должное. Ибо странная, невероятная мысль кольнула его, и он не мог удержаться, чтобы не произнести ее вслух.

— Скрижаль преподала мне урок, — произнес он с благоговейным ужасом, и это не было вопросом. Он *знал*. — Я должен был сделать то, что сделал, но — почему?

Ведьма словно ждала, пока эта простая истина будет признана строптивым жрецом, и теперь, когда он понял наконец, к чему привела его неумная жажда власти и познания, торжествовала, как может торжествовать лишь человек, приветствуя собрата по несчастью, угодившего в ту же ловушку, где сам он бьется уже долгое время.

— Да, урок. Урок дерзкому недоучке, что возомнил себя равным Высшим! — провозгласила она, и голос ее, прозвучавший из сгустившейся тьмы, был голосом самой ночи. — Ибо лишь после принесенной жертвы открывает Скрижаль свои тайны адепту. И ты принесешь эту жертву — если не хочешь, чтобы Книга отняла твою душу. И лишь тогда разрушатся чары, которыми опутал ты душу невинной!

Ораст замер, боясь даже вздохнуть, ибо знал уже, что должно последовать сейчас, и мучительно боялся, чтобы это не оказалось правдой. Но ведьма не пощадила его.

— Скажи! — потребовала она хрипло, точно сам пифонский фолиант говорил с ним. — Скажи сам, какова цена знания, которого ты так жаждешь? Скажи — ибо цена ведома тебе одному! Скажи — ибо сама Скрижаль назвала тебе ее.

И, помимо воли, помертвевшие губы жреца прошептали:

— Цена эта — кровь короля...

* * *

С усталым вздохом Валерий слез с лошади и, пройдя несколько шагов, остановился у журчащего в траве ручья. Не боясь испачкаться, он опустил на колени, обеими руками зачерпывая ледяную влагу, и с наслаждением плеснул ее себе в лицо, разгоряченное долгой скачкой. Холодные капли потекли по лбу, заливая глаза, по щекам,

стекли на шею и за ворот, и он невольно поежился. Зачерпнув еще воды, он напился, чувствуя, как сводит от холода зубы.

Он выехал из Тарантии в такой спешке, что даже не подумал взять ничего поесть, и теперь корил себя за непредусмотрительность. Голод и усталость отрезвили его. И принц Шамарский уже не знал, что за неведомая сила толкнула его нестись, подобно надышавшемуся ядовитых спор берсерку, через пол-Аквилонии, позабыв обо всем, в погоне за смутной мечтой-вожделением, что не имела ни смысла, ни реальных очертаний.

Внезапно он ощутил прилив жгучего стыда, словно целый рой пчел налетел и принялся жалить его изъязвленную душу. За все эти годы он был уверен, что хоть что-то понял, чему-то научился... но нет! Каждый раз все повторялось заново. Каждый раз, стоило некоему призраку, смутному видению, замаячить на горизонте, и он терял голову, устремляясь, точно безумный, в погоню, не имея даже ясного представления, что он, собственно, ищет и что желает получить.

Так было в Хаурани, когда любовь к прекрасной Тарамис заставила его потерять голову и пойти на такие безумства, раскаты в которых, должно быть, не хватит и жизни. Так было прежде, во время его короткой службы в Офире и в Зингаре... Он был уверен, что с возрастом избавился от наваждения, что позволил наконец здравому смыслу возобладать над безумием сердца, но оказалось, даже опыту и усталости не под силу излечить его.

Впрочем, философски сказал он себе, напив жеребца и садясь обратно в седло, надо благодарить судьбу за то, что на сей раз все обошлось благополучно, и очередная его погоня за фантомом вечной женственности с самого начала оказалась обречена на неудачу. Теперь ему было страшно подумать, что он сделал бы или сказал, если бы ему и впрямь удалось отыскать лесную хижину и обитающую в ней колдунью. Он попытался представить себе их разговор.

...Дорогая Марна, или как вас там... Соблазнив дочь барона Тиберия, я вдруг в одночасье осознал, что жить не могу без вас и желаю вас страстно, хотя даже лица вашего ни разу не видел. Конечно, я еще не настолько безумен, чтобы вновь связаться с ведьмой — видите ли, у меня уже был довольно неприятный опыт, — и тем

более, привезти вас с собой в столицу... однако, боюсь, это оказалось сильнее меня, и я приехал, чтобы... Собственно, даже сам не знаю зачем...

Интересно, что бы она ему ответила на это?

Валерий невесело усмехнулся, вспоминая свою безумную скачку, — из Тарантии до Амилии он долетел всего за четыре поворота-клепсидры, благо дорога оказалась не слишком запружена. А затем еще столько же впустую бродил по лесу.

В прошлый раз к обиталищу ведьмы его вывел Нумедидес, но он был уверен, что вполне запомнил дорогу, однако впечатление сие оказалось обманчивым. Точно муха, запутался он в паутине лесных тропок, извилистых, прерывающихся, петляющих и кружащих. Они уводили его в чащу и возвращали на то же место, откуда он начал поиски, вынуждали ходить кругами, заставляли плутать и терять ориентацию. Один раз Валерию померещилось, он узнал поляну, где тогда встретился с Релатой — Митра Пресветлый, всего два дня назад это было! — однако, как ни старался, не смог отыскать даже пути к лесному озеру.

Теперь, утолив жажду и позволив ледяной воде слегка отрезвить разгоряченную голову, Валерий явственно осознал, что блуждания его могли иметь лишь одно разумное объяснение, а, стало быть, без колдовства здесь не обошлось. В обычное время он неплохо ориентировался в любой местности, будь то в лесу, в пустыне или в горах, и потому объяснить нынешние его беды можно было лишь одним способом: должно быть, колдунья нарочно наводит на путников чары, не позволяя им приблизиться к своему убежищу.

Правда, в прошлый раз им с Нумедидесом удалось это без труда... Но и это было объяснимо. Проведав об их приезде, ворожея постаралась облегчить им дорогу. Теперь же все было иначе.

Валерий ощутил необъяснимую досаду. Зандра побери всех этих чернокнижниц, гореть им в котлах преисподней до скончания века! Почему и здесь для этого жирного болвана, его кузена, все пути открыты? Почему даже у лесной отшельницы его встречают с распростертыми объятиями, тогда как Валерия оставляют, точно нищего, у запертой двери?! Или даже неграмотная сельская ведьма чует в его братце будущего короля Аквилонии?

Привычная горечь захлестнула сердце Валерия, однако на сей раз к ней примешивалась ярость, и он был уверен, что, окажись сейчас перед ним Нумедидес, он, не раздумывая, придушил бы того своими руками. Подобную ненависть он едва ли испытывал прежде к кому бы то ни было.

Стиснув зубы, он с силой хлестнул лошадь плетью, и даже обиженное ржание животного не отрезвило его. Рискуя сломать себе шею, он погнал коня вскачь через бурелом, сквозь заросли и заломы, и вдруг серебристый блик мелькнул где-то в стороне, едва замеченный, и все же привлек внимание принца. Забыв мгновенно все прошлые сомнения и гнев, он поворотил скакуна. И не прошло и нескольких минут, как озеро, которое он так долго искал все утро, оказалось у его ног.

Принц спешился и, держа коня в поводу, замер в нерешительности. Он был сейчас на том самом месте, куда в прошлый раз пришла за ними Марна, — но что же дальше?

Долго ждать ответа на свой вопрос ему не пришлось. Заросли за спиной у него раздвинулись, подобно тому, как расходятся тяжелые бархатные портьеры на окне, когда тянет за шелковый шнур слуга, и — он едва успел обернуться — слепая колдунья оказалась прямо перед ним.

Она вышла уверенно, словно зрячая, и принц, успевший за эти дни оправиться от шока, вызванного пугающим обликом ведьмы, содрогнулся невольно, заметив ее. После того как бежал с лесной поляны, он старательно убеждал себя, что в колдунье не было ничего особенного и испытанный им ужас был лишь следствием усталости и излишней впечатлительности, именовав ее про себя шарлатанкой, ярмарочной гадалкой, ничтожной лгуньей... пытался обмануть себя самого.

Но стоило лесной отшельнице предстать перед ним во всем своем жутком величии, в первозданной дикости своей и царственной силе, как всякое притворство сделалось невозможным. И он едва удержался, чтобы не преклонить перед Марной колени.

Что чернокнижница заметила его смятение, Валерий не сомневался. В прошлый раз она ясно дала ему понять, что читает все мысли его, как открытую книгу. И потому он остался стоять перед нею, недвижимый, безмолвный,

лишь слегка наклонив голову, ожидая, пока та заговорит с ним, ощущая себя придворным на приеме у королевы.

— Хорошо, — произнесла, наконец, ведьма, и он не знал, отнести ли это к своим думам, к их встрече, или же к чему-то третьему, ведомому лишь ей одной. — Марна позвала, и ты пришел. Хорошо.

Это не удивило принца. Здесь, в этом заколдованном месте, ему казалось, ничто не имело способности удивить его или повергнуть в растерянность. Он был уверен, что знает наперед все, что колдунья скажет ему. Теперь, когда Нумедидес не может им помешать, он был уверен, что услышит от нее немало интересного. И он выжидающе поднял на Марну глаза.

Та, однако, не торопилась приветствовать наследника аквилонского престола, и лишь когда он сделал шаг по направлению к ней, предостерегающе вскинула руку.

— Остановись, принц! — Голос ее прозвучал неожиданно хрипло и пронзительно, точно крик ночной птицы. — Ты откликнулся на наш зов, но мы должны знать, что привело тебя к нам.

Валерий застыл в недоумении. К чему она клонит? А ведьма, тем временем, потянулась к нему и кончиками длинных ногтей коснулась левого виска принца... и тут же отпрянула, брезгливо отряхивая руку, точно дотронулась до чего-то невыносимо мерзкого. Как если бы человек, желавший погладить нежную шелковистую шерстку щенка, наткнулся бы вдруг на осклизлую бородавчатую жабу...

— Похоть! — взвыла колдунья. — Так это похоть привела тебя к Марне?!

Принц замер, готовый от стыда провалиться сквозь землю. Он не знал — не предполагал даже, что она узнает. Он не мог и подумать...

Ему хотелось немедленно развернуться, бежать прочь — но, к ужасу своему, Валерий обнаружил, что не в силах даже сдвинуться с места, точно ноги его за это время успели пустить корни, и сумрачный лес завладел им, сделав частью заколдованной чащи.

— Ты не выдержал испытания! — Голос из-под кожаной маски звучал теперь глухо и зло. — Мы хотели знать, что движет тобой — властолюбие, долг, ненависть... Таковы чары, что наложила на тебя Марна. Они должны были возбудить самую яростную страсть из всех, что дремлют в твоём сердце.

Теперь она говорила быстро, захлебываясь, и принц не мог отвести взгляда от ее маленьких, стиснутых на груди смуглых рук. Где-то он видел эти руки... Но это было так давно. И было ли? Может, это ему приснилось?

— Эта страсть должна была привести тебя к нам, чтобы мы поняли, кем ты стал, что за пламень пылает в твоей душе, шамарец! Честолюбию мы готовы были указать путь наверх, мщению вручить меч, алчности — ключ от сокровищницы... Ко всему мы готовились, пока ждали тебя. Но вот ты здесь — и Марне нечего дать тебе. Уходи.

— Постой! — взмолился Валерий.

Он не мог вынести, чтобы она отвергла его. Чувствовал себя на пороге чего-то неизмеримо важного, что могло бы перевернуть всю его жизнь — и вот, по вине досадной нелепости, дверь перед ним захлопнула. От досады он готов был кусать себе локти. Если колдунья и впрямь намеревалась чем-то помочь ему, не может быть, чтобы из-за такой глупости...

— Постой, не гони меня! — воскликнул он вновь.

Он был уверен, что она передумает. Невозможно, в конце концов, чтобы все это было зря! Невозможно! Поломается немного, чтобы набить цену, и скажет все, что хотела сказать.

Чувствуя, что ведьма почти готова уступить, он продолжал умоляющим тоном:

— Госпожа, я проделал долгий путь, чтобы отыскать тебя. Если оскорбил тебя хоть жестом или мыслью — прости! На то не было моей воли. Ты не можешь винить человека за то, над чем он не властен. Так не гневайся больше и ответь, наконец. Я хочу знать, что ждет меня в будущем и что означало странное предсказание, что ты сделала мне два дня назад. Я хочу знать, кто займет трон.

Но колдунья лишь упрямо покачала головой. Гнев ее улегся, и голос звучал теперь приглушенно, однако поколебать ее решимость оказалось Валерию не под силу.

— Мы готовы были на все ради тебя, шамарец, но ты предал нас. Ты и сам не знаешь, как предал... Ибо на тебя возложены были большие надежды. Теперь же мы видим явственно, что не тебе суждено их исполнить. Должно быть, иной придет — и из иных рук примет он помощь. Тебе же нечего больше ждать от нас, принц проклятой страны. Уходи!

— Но почему? Почему ты готова была простить ненависть, властолюбие, жажду мщения, всю низость человеческую... но не простила любви?

Ведьма опустила голову в маске.

— Все эти страсти — *человеческие*, шамарец. В том же, с чем пришел к нам ты, нет разума, нет стремления вверх. Один увидит Марну и узрит в ней путь к трону. Другой — ключ к сокровищнице познаний. Третий — силу, что поможет достичь цели. Но ты увидел в ней лишь тело, и ничего более. Те, другие, обретут желаемое, пусть и не так, как им мыслилось... Но для тебя, шамарец, у Марны нет ничего. — И внезапно закричала пронзительно, так что испуганные птицы, захлопав крыльями, вспорхнули с ветвей. — Уходи прочь! Уходи!

И сама развернулась и решительно двинулась с лесную чащу, ступая тяжело, устало, так что принцу не казалось больше, будто ноги ее не касаются травы. Растерянный, униженный и недоумевающий, он постоял еще немного, глядя колдунье вслед. Затем отвязал коня, вскочил в седло и, со злостью ударив его пятками в бока, понесся через лес напролом и вскоре выбрался на широкую, нахоженную тропу.

* * *

В малом тронном зале было натоппено и душно. Король Вилер только что закончил обычный прием подданных, который проводил каждую седмицу. Множество аквилонцев съезжалось со всех концов державы, дабы представить на верховный суд свои жалобы и прошения. Когда он только ввел эту традицию, вычитав о ней в древних списках, это не вызвало большой радости среди вельмож.

«Негоже королю позволять докучать себе всякому сброду», — твердили они, однако, Вилер остался тверд.

«Этот самый “сброд”, как вы изволите выразиться, почтенные месьюры, — мои подданные, и перед Судом Герольда я дал клятву быть им отцом и господином. Творить суд и милосердие — мой долг как верховного правителя Аквилонии, и если взор ваш оскорблен этим, вам лучше будет удалиться от нашего двора».

Речи эти прозвучали неожиданно твердо, даже резко, и напуганные угрозой отлучения от столицы придворные поспешили смириться, лицемерно восхваляя вслух мудрость и справедливость самодержца.

Вилер не слишком обманывался на их счет, и, впрочем, в глубине души позволял себе признать, что и ему самому эти судилища особой радости не доставляют. Отправление правосудия было делом тяжелым и неблагодарным, ибо законов в древнем государстве оказалось великое множество, зачастую противоречащих один другому; как ни суди, одна из сторон все равно уходила обиженной, — а король не мог даже найти привычного утешения в том, что судил по совести, ибо зачастую политические соображения перевешивали, и решения, что приходилось ему принимать, столь же мало удовлетворяли его самого, сколь и просителей.

К тому же, как ни старался, он не в силах был избавиться от презрения, что внушали ему эти грязные, необразованные, забитые вилланы, что являлись сюда, принося с собой запах хлеба, озирались в тупом изумлении по сторонам, дивясь на дворцовую роскошь, мямлили что-то неразборчиво, часто не в силах были даже толком изложить свое дело, путаясь в словах, запинаясь, возвращаясь по десять раз к одному и тому же... Нет, речи о долге и справедливости были прекрасны, однако действительность ужасала сверх меры. И все же король терпел.

Однажды в шутку он признался Троцери Пуантенскому, что видит в этих приемах нечто вроде искупления, однако на последовавший вопрос, за какой грех столь странным образом расплачивается властитель, последовало лишь смущенное молчание, точно король раскаивался, что сказал лишнее. Больше они никогда не заговаривали на эту тему.

Впрочем, с годами пришла привычка, и король Вилер научился даже находить определенное удовлетворение в том, что сперва заставлял себя делать лишь усилием воли, из всепобеждающего чувства долга. Ныне он смог, ни разу не зевнув, битый час выслушивать жалобы кожаных дел мастера на городского голову, задавившего их цех поборами, и даже не поморщиться ни разу, несмотря на резкий запах, которым пропитана была вся одежда ремесленника, так что, казалось, тронный зал превратился на время в дубильный цех. Он даже вынес решение, которое, хоть и было половинчатым, должно было на время примирить враждующие стороны.

Довольным ушел от короля и мелкопоместный гандерландский дворянчик, судившийся с соседом из-за покос-

ных лугов; и крестьяне Мередиса Тиранского, жаловавшиеся, что нарушено их право сбора сухостоя в господском лесу...

Все эти проблемы, разумеется, были совершенно смехотворны и недостойны того, чтобы их выносить на столь высокий суд, однако за годы правления Вилера аквилонцы успели привыкнуть, что могут прийти к королю за справедливостью, когда не в силах обрести ее у местных властей, и им показалось, куда легче все свои беды перекладывать непосредственно на королевские плечи. Он знал, что должен бы гордиться подобным доверием подданных... но в последнее время не ощущал ничего, кроме усталости.

Вскоре после полудня последний посетитель был принят и выслушан. Герольд трубным голосом огласил приговор короля. Писец начертил положенные слова на розовом тончайшем пергаменте, и король, приняв малую печать из рук канцлера, поставил внизу листа жирный оттиск. Придворные, в обязанности которым вменялось присутствовать на королевском суде, облегченно засуетились, обмахиваясь расшитыми золотом веерами из перьев южных птиц, — игрушка, не столь давно вошедшая в моду в Тарантии, — и начали продвигаться к выходу.

Король с трудом поднялся с трона, ухватившись рукой за резную спинку, — в такие промозглые осенние дни у него частенько ныли суставы. Придворные и слуги проводили его почтительными поклонами. Он удалился один, через небольшую дверцу за тронным помостом, не позвав никого с собой. Сегодня, как никогда, Вилеру хотелось остаться одному.

Он подумал вдруг, что в пестрых рядах придворных, что толпились вдоль стен тронного зала, не заметил ни одного из наследных принцев. Собственно, он заметил это в самом начале, но отложил эту мысль на потом, не желая отвлекаться, однако теперь дал полную волю гневу.

С Нумедидесом у него и прежде случались споры на эту тему, — для Его Высочества, видите ли, королевский суд начинался слишком рано, чтобы он мог подняться к этому часу. Не действовали ни увещевания, ни уговоры. И лишь когда Вилер пригрозил, что отошлет племянника в родное имение, чтобы тот всерьез поразмыслил на досуге над долгом правителя перед подданными, тот, казалось, взялся за ум.

Но вот отсутствие Валерия короля огорчило не на шутку. Он был так рад возвращению принца, так приветствовал его, возмужавшего, посерьезневшего, помудревшего. Возлагал на него такие надежды... Он начал даже подумывать было, не попытаться ли в завещании своем отыскать способ обойти неизбежный Суд Герольда, перед которым, по аквилонскому обычаю, должны были предстать претенденты на престол в том случае, если у них были равные права, как у двух племянников Вилера.

Одно время королю это казалось делом решенным...

К чему оставлять на волю слепого случая и ослепленных страстями и честолюбием людей решение, которое ему самому казалось столь естественным и очевидным! Однако за последние дни, в особенности, после Осеннего Гона, отношение его изменилось.

Пожалуй, теперь он мог с горечью признаться себе, что оба принца в равной степени внушают ему тревогу. Нумедидес, что день ото дня становится все взбалмошнее и истеричнее, утрачивая, похоже, остатки власти над собой, всецело отдаваясь на волю безумных страстей и извращенных прихотей. Валерий, у которого под оболочкой внешнего спокойствия и мужественной невозмутимости, все заметнее становится внутренняя неуравновешенность, почти одержимость.

Ни один из них, в его глазах, не был достоин Рубинового Трона, и порой, как сегодня, это наполняло сердце властителя ужасом. Будущее виделось ему сплошным черным пятном, грозовой тучей, чреватой бурей, надвигающейся неотвратимо, и его собственное бессилие сводило его с ума.

Ах, если бы у него были собственные дети! Он был уверен, что своих сыновей воспитал бы иначе, с младых ногтей вложив в них все необходимое, воспитав те качества, без которых не может состояться правитель. Его сыновья... Они пошли бы по стопам отца, но без его ошибок! Они бы не оступились там, где оступился он! Они... Но что толку в мечтах и благих пожеланиях! Вилер был бездетен, и имел тех наследников, каких заслуживал.

Пожалуй, он еще должен быть благодарен Митре! Будь Валерий с Нумедидесом от его плоти и крови, — какие муки пришлось бы вынести ему тогда...

Опустив голову, король шел по узкому коридору, освещенному медными масляными лампами, не поднимая

головы и не замечая ничего вокруг себя. Знакомая до последнего шага дорога... он мог бы пройти ее с закрытыми глазами. Король подумал вдруг, что был бы рад послать их всех, этих наследников, придворных, кожевников и селян, всю Аквилонию, в самую черную из преисподен Зандры, — и посмотреть со стороны, как они будут там, без него.

Но привычная трезвость взяла верх над хандрой, и с печальной усмешкой король заметил себе, что, скорее всего, сам после смерти окажется в той же преисподней, так что едва ли сгодится на роль беспристрастного свидетеля...

И все же, за какие грехи так наказывают их боги? Если он и шел порой против законов небесных и человеческих — так то было лишь на благо его родной Аквилонии, чтобы не дать иноземным псам расчленить державу, растащить ее по кусочкам. Все, что ни делал Вилер, было посвящено лишь одной этой цели. Ничего ради себя самого... И разве боги сами не благословили его на это, когда рукою Герольда вручили ему Рубиновый Трон? Разве не по их желанию совершил он все это?

Или коварство богов таково, что они сперва толкают смертного на преступление, а затем карают его за то, что поддался их искушениям?

Утомленный, король опустился на низкую, на гнутых ножках кушетку, призывая слугу, чтобы принес вина. Он вновь ощутил ноющую боль в суставах, но теперь к ней прибавилось странное ощущение в груди, точно холодной рукой кто-то сжал ему сердце и давит, давит, не отпуская, и все труднее становится вздохнуть, и кружатся перед глазами черные круги, и боль, боль...

Неожиданно все кончилось, так же внезапно, как началось. Ошеломленный король хватал ртом воздух, точно выброшенная на берег рыба, не решаясь позвать на помощь из страха, что приступ возобновится. Слугу, появившегося в дверях с кувшином вина, он отпустил одним жестом. И откинулся на подушках, боясь пошевелиться.

Но время шло, боль не возвращалась. Вилер нерешительно открыл глаза. В комнате все было по-старому, он даже поразился этому, точно ожидал увидеть на месте дворца развалины.

Горел, потрескивая, огонь в камине. Стояло на столике у двери вино.

На нетвердых ногах король подошел и налил себе немного, на самое доньшко. Вкус показался ему необыч-

ным, каким-то горьким, но ощущение это тут же прошло. Он выпрямился, на всякий случай, опираясь спиной о стену. Страх почему-то ушел, он не ощущал и тени тревоги или беспокойства, хотя отчетливо сознавал, что смерть только что коснулась его своим крылом.

Сын Хагена задумчиво коснулся рукой груди, где красовался амулет с изображением солнечного лица, окаймленного попеременно изогнутыми и кривыми протуберанцами. Но священная реликвия, казалось, утратила свою божественную силу, и не дарила более владельцу ни защиты, ни утешения. Что-то нарушилось в устоявшемся порядке жизни, подумалось королю, словно дал трещину сосуд, заключавший в себе волшебную жизненную влагу.

И если прежде у Вилера еще оставались надежды, то теперь он со всей ясностью понял, что дни его сочтены.

Аой.

ВРЕМЯ СТРАХА

Валерий выбрался из леса и, нещадно нахлестывая лошадь, пустил ее в галоп по тракту, торопясь как можно скорее покинуть ненавидимые места. Оскорбление, нанесенное колдуньей, было слишком сильно, чтобы думать об этом без содрогания, и потому он усилием воли заставил мысли переключиться на другое.

И тут же вспомнилась ему Релата. А, подумав о ней, он не мог не обернуться направо, туда, где на вершине холма вздымались гордые стены Амилии... и в этот миг сердце у него забилося с переборами и перехватило дыхание. Валерий стиснул в руках поводья, не в силах поверить в то, что твердили ему глаза. И все же ошибки быть не могло. Густые клубы жирного черного дыма подымались над крепостными стенами.

Нервно хлестнув коня, принц бросился вперед.

Однако, уже подъезжая к перекинутому через давно высохший ров мосту, он понял, что опоздал. Запах гари и крови встретил его, такой сильный, что тошнота подступила к горлу, заставляя, совершенно некстати, вспомнить, что он со вчерашнего дня ничего не ел.

Запах гари и крови.

Увидев двор, залитый кровью и трупы тех, кто совсем недавно привечал его здесь, он на мгновение прикрыл глаза. О, Митра, какой же демон мог сотворить такое?

Зрелище, представшее его глазам, напоминало следы резни, устроенной в Хауране шемитами Констанциуса.

С тех самых времен в самых страшных кошмарах преследовало его то видение, но Валерий был уверен, что оставил этот ужас навсегда позади. Он надеялся укрыться от него в чистой, мирной, безмятежной Аквилонии, — но теперь все его мечты о покое разбились вдребезги. Словно что-то сместилось в его сознании. Трупы в Амилии и трупы в королевском дворце в Хауране, трупы на бесчисленных полях сражений... Все перемешалось, и крики раненых, звон мечей, треск горящего дерева, — все слилось в безумной оглушающей какофонии.

На мгновение у него закружилась голова, желудок сжался от болезненных спазмов, однако Валерий постарался взять себя в руки.

Спокойно, принц! Спокойно.

Ты в Аквилонии, и все, что ты видишь, — реально, все это происходит в действительности.

Навыки воина взяли верх, и он понял, что надлежало делать теперь. Попытаться отыскать выживших, — хотя, судя по пепелищу, это вряд ли удастся. И главное — отыскать какие-нибудь следы и понять, что произошло здесь и кто был виною злодейству.

Удачно, что он оказался здесь первым.

Воронье еще не успело расклевать павших, а голодные псы растащить их кости. Да и амилийские крестьяне, что греха таить, переждав немного, осмелятся выглянуть из своих лачуг и тоже окажутся не прочь поживиться остатками хозяйского добра.

Но кто же посмел сделать все это? Кто?

Насколько он слышал, в Аквилонии давно были уничтожены все крупные разбойные шайки, и принц терпелся в догадках, пытаясь объяснить происшедшее. Впрочем, первым делом нужно сообщить королю. Вилер лучше их всех ведает, что творится в королевстве. Он разберется, что случилось в Амилии.

Лошадь, испуганную, упирающуюся, Валерий вывел за ворота и привязал к дереву на холме, в полусотне шагов от замка. Немного далековато, особенно если разбойники до сих пор здесь — хотя в этом он сомневался, — однако несчастное животное невозможно было заставить стоять смирно во дворе, где оно теряло голову от близости пламени и трупов.

Сам Валерий уже вполне взял себя в руки и теперь смотрел на открывающуюся его взору картину взглядом если и не спокойным, то достаточно отстраненным.

Во дворе замка было не меньше двух десятков трупов, большей частью стражники и прислуга, даже несколько женщин. Все зарублены мечами. Стражники большей частью безоружны. Стало быть, те, кто все это проделал, приехали как жданные гости, и охранники сами впустили их в замок.

Валерий внимательно посмотрел под ноги. Он не был обучен читать следы, но понял, что здесь побывало не меньше десятка конников.

Ненависть к неведомым убийцам заставила сжаться сердце принца. Он поднял глаза на высокие стены замка, уже закопченные, с провалившейся крышей. Из окон огромными жадными языками вырывался огонь. Снопы искр с треском взмывали ввысь. Клубы дыма застилали небо, точно траурный полог. Пытаться проникнуть внутрь не имело смысла — живых там быть уже не могло.

Валерий прошел по двору, почти до самых конюшен, которые, будучи сооруженными из дерева, уже почти догорели, оставив после себя лишь дымящиеся развалины, под которыми лишь кое-где тлел огонь. Принц с облегчением отметил, что лошадей не было видно, — должно быть, им удалось вырваться на волю, или же бандиты увели их с собой.

Непонятно, почему он так радовался за животных, когда столько людей, беззащитных, невинных, лежали в лужах крови у ног его... Впрочем, он не казнил себя за эти чувства, по опыту зная, насколько непредсказуемой бывает реакция человека в подобных ситуациях. Подобные чувства были естественны, — так разум его пытался справиться с пережитым потрясением.

Однако теперь предстояло самое неприятное: осмотреть тела погибших. Возможно, хоть в ком-то из них еще теплится искра жизни, и они смогут объяснить, что произошло в замке. Возможно, ему удастся отыскать хоть какие-то улики... Однако все поиски оказались тщетными. Палачи выполнили свою работу на совесть: в живых не осталось никого. И точно так же они не оставили никаких следов своего пребывания, ничего, что дало бы ключ к разгадке.

Валерий медленно пошел к воротам, даже не оглянувшись, когда что-то с ужасающим треском обрушилось сзади, — должно быть, стропила... До сих пор он старался не думать о том, что за судьба могла постигнуть самого барона и его детей, ведь их трупов он не нашел во дворе, однако следовало признаться самому себе, что надежды на их спасение почти не было. Наверняка, бандиты с той же тщательностью прошли и по внутренним покоям замка, уничтожая всех, кто пытался укрыться от беспощадных мечей, и где-то в недрах старинной цитадели кровавое пламя поглотило тела отважного старого воина, которым так восхищался принц, и девушки, что была с ним одну короткую ночь.

Он отвязал лошадь и забрался в седло, думая теперь лишь о том, как скорее убраться прочь из Амилии. Сердце болезненно сжималось, но он не в силах был даже ощутить скорби. Он пытался вызвать в памяти голос барона, его рассказы, смех его сыновей, горячие объятия Релатты, — но на том месте, где должны быть воспоминания, была лишь глухая, сосущая пустота.

Валерий чувствовал онемение во всем теле, странное состояние отстраненности от мира, когда все звуки и образы его доходили с опозданием и приглушенными, точно через толщу воды. Он принялся яростно нахлестывать лошадь плетью, мечтая лишь об одном — оказаться как можно дальше отсюда, забыть этот кошмар. Руины дворца маленького королевства в пустыне встали перед его внутренним взором.

Демоны Хаурана вновь преследовали его по пятам.

* * *

Где-то вдалеке заухал филин, недобро и жутко, и Ораст невольно вздрогнул, поежившись. Неприятное ощущение — он не назвал бы его страхом, однако это было нечто весьма близкое, — усиливалось еще и тем, что ближе к вечеру Марна покинула его, не сказав, по своему обычаю, ни слова о том, куда направляется и когда вернется, и он остался один в крохотном слепом домишке, в окружении мертвой чащи.

Ему было зябко и неудобно, и ощущение неловкости нарастало с каждым мгновением. Деревья, огромные, черные, со стволами, искривленными, точно спина старца, тянули к нему костистые лапы, и единственным звуком,

нарушавшим тишину, был редкий шорох, когда падал на землю очередной мертвый листок. Ковер из бурых тел его собратьев покрывал все вокруг, распространяя слабый запах прелости и корицы, — странное сочетание, липкое, освободиться от которого было совершенно невозможно. Еще пахло влажной землей, остывшей золой, смолистым деревом.

Ораст, сидевший на пороге дома, чтобы не пропустить появление колдуньи, невольно поежился, думая, не зайти ли внутрь, но, представив себе затхлую сумрачную комнату, где после захода солнца его охватывал ужас заточенного в подземелье, предпочел оставаться на воздухе.

По правую руку его над деревьями показался месяц, узкий белый серпик, — орудие пахаря, вышедшего на черную ниву неба собрать ночную жатву. Ораста пробрала дрожь. Острое лезвие луны тянулось к его душе, и он ощущал его неземной холод совсем рядом, у самого сердца.

Жрец попытался обдумать все, что случилось с ним за последние дни, все, чему лишь предстояло свершиться. Теперь он осознал наконец, в какие бездны повергла его собственная неопытность и неосторожность, глупость и вожделение, и какие ужасные жертвы потребуются от него, чтобы поправить содеянное. Он знал, что позже неминуемо придут сомнения, насколько правомочно было задуманное, имел ли он право распоряжаться чужими жизнями и проливать кровь невинных. Он знал, что придет и страх, ибо сам он рисковал всем, вплоть до самой жизни, во имя исполнения своих планов.

Все это неминуемо, однако пока Ораст гнал прочь эти мысли, удерживая их на самой грани сознания, сознавая, что они все равно вернуться, и даже не пытаясь препятствовать этому, желая лишь одного: чтобы они пришли, когда все будет кончено, когда все будет решено, и, каковы бы ни были его страхи и опасения, путь назад окажется отрезан навсегда, и руки его исполнят предначертанное, даже когда сердце будет разрываться от боли.

Луна всходила все выше, выбираясь из черных сетей, сплетенных голыми ветвями, и понемногу Ораст почувствовал, как отступает тоска, уходят, точно бледные призраки, страхи, и самое сознание его теряет четкость и остроту.

Он остался один на один с лесом и ночью, впуская в обезмысливший мозг всю полноту сумеречной жизни, сливаясь с прохладным потоком. На несколько нескончаемых мгновений душа его, несомая черной приливной волной, расширилась вольно, взмыла ввысь, бескрайняя, неподвластная никаким законам, и опустилась на мир огромной сетью, в ячейках своих улавливая неясные, смутные образы, стущая их усилием воли, придавая осязаемость и объем, делая доступными пониманию.

Это было сродни магическому зрению, — с той лишь разницей, что он видел не только то, что непосредственно окружало его, но и все, что находилось бесконечно далеко, как в прошлом, так и в будущем, точно сознание его вырывалось на миг в ту поразительную область, где не существует преград и различий между временем и пространством, где точка равна вечности, мгновение — миру, и познавший единое познает бесконечность.

Он видел девушку, обнаженную, златокожую, бесстыдно раскинувшуюся на шелковых простынях, лицо, запрокинутое, с приоткрытыми зовуще губами, темными кругами под огромными, жадными глазами, и признал в ней Релату, и ужаснулся ей.

Видел мужчину, грузного, седеющего, полного величавого достоинства, в алой виссоновой мантии и золотом обруче короны, и, не узнавая, дал ему имя, и преисполнился скорби.

Видел двух принцев, сошедшихся в жаркой схватке; две державы — и небеса над ними, затянутые дымом пожаров.

Видел книгу, магический фолиант, с растрескавшимися от времени страницами, покрытыми мушиной скорописью выпцетших чернил. На глазах у него они насыщались цветом, становились сперва огненно-алыми, затем густо-багровыми, переполнялись, набухали влагой, что вдруг выплеснулась на древний пергамент горячей волной и хлынула безудержно, потоками крови заливая мир, державы, правителей их, девушку на шелковых простынях с кожей цвета гречишного меда...

Видение это длилось лишь миг — и тут же началось падение в реальность, головокружительное, болезненное, но мир, в который он погрузился, который сгустился вокруг, полный земли и ветра, запахов и звуков, уже не был прежним. И Ораст содрогнулся от ужаса, ведомого

лишь тому, кто заглянул в зеркало грядущего и узрел там собственную беспомощность что-либо изменить.

Где-то вдалеке вновь заухал филин.

Через несколько мгновений из лесной чащи донесся шум, едва слышимый, на который в обычном состоянии Ораст едва ли обратил бы внимание, приняв его за шелест ветвей или травы, — но теперь восприятие его, обострившееся, точно у дикого зверя, обрело способность различать малейшие оттенки, насыщая их значимостью и смыслом.

Он поднялся навстречу Марне.

Как обычно, слепая ведьма двигалась уверенно и легко, и казалось даже, что ночью ей легче ориентироваться, нежели днем, но почему он так уверен в этом, Ораст не мог бы сказать наверняка. И все же, хотя она наверняка ощутила его присутствие рядом, ведьма прошла мимо, даже не замедлив шага, не кивнув в знак приветствия, и безмолвно скрылась в душных недрах крохотного домишки.

Ораст замер в нерешительности, глядя ей вслед, ощущая, как вся его чудесная уверенность в себе исчезает мгновенно, точно вода просачивается в песок, уходят волшебные видения, магия оставляет его безвозвратно, оставляя лишь золу и горький дым бессильных сожалений.

Внезапная слабость охватила его, и он пошатнулся, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Неудержимое желание лечь, прижаться к земле, ощутить ее прохладу и сырость охватило его, — но повелительный голос колдуньи мгновенно вывел жреца из забытья.

— Что ты медлишь? Поди сюда. — Точно вышколенный пес, он поспешил на зов.

Марна сидела, скрестив ноги на полу, с глубине землянки, в густой тени, куда не доставал и лучик серебристого лунного света, — бесформенное черное пятно в окружающей тьме. Когда глаза его привыкли ко мраку, Ораст разглядел, что на коленях она держала большое глиняное блюдо, на котором были разложены некие предметы, однако ничего больше, как ни старался, он увидеть не мог.

С минуту он мялся в дверях, не зная, что делать дальше, не решаясь пройти и сесть, покуда голос кол-

луньи, звучный и презрительный, вновь не вернул его к действительности:

— Разожги огонь в жаровне. Уголь — в хойцовой мешке за сундуком. Возьмешь семь угольков и пять веток остролиста. Жаровню поставь сюда. — Жестом она указала на свободное пространство перед собой.

Ораст повиновался бездумно, поражаясь мысленно той власти, что имела над ним ведьма. Одним движением, одним лишь словом она могла лишить его воли, погасить в душе его огонь, подчинить себе и полностью уничтожить, — а он даже не в силах был воспротивиться ей. Только что, всего несколько минут назад, он был свободен, наслаждался чудесным полетом в иных мирах, познавал неведомое... и вот все это растерто в прах под расшитыми сагонами лесной колдуньи, причем она, похоже, даже не сознавала того, что делает с ним.

Или, напротив, знала прекрасно и наслаждалась, до глубины своей черной, точно ночная трясина, души. Ораст не мог сказать, какая возможность внушала ему большее отвращение. И лишь в одном он был уверен наверняка, — ни одному живому существу за свою жизнь он с такой силой не желал смерти и вечного проклятия, как этой демонице в человеческом обличье, что восседала недвижно в глубине крохотной комнаты, — воплощение мрака и мстительной ненависти.

Тем временем Марна шевельнулась чуть заметно в своем углу, и охристые отблески от разгоревшихся углей в жаровне легли на грубо выделанную маску-забрало. Ораст тревожно поднял глаза, ожидая новых указаний. Ведьма протянула к нему руку, крепкую, с удивительно гладкой, молодой кожей, опровергавшей все домыслы жреца о ее возрасте.

— Дай нам твой кинжал, — велела она коротко.

Ораст повиновался не задумываясь, и лишь в последний момент спохватился и рука его замерла на полпути. Откуда Марне известно было о кинжале, — ведь прежде он всегда был безоружен. И неужели она знает также, откуда взялся у него этот кривой клинок с синеватым лезвием и рукояткой, отделанной червленым серебром? Он нашел его в лесу, когда бежал сюда, наткнулся случайно, заметив серебристый блеск во мхе, среди корней. Но он ничего не говорил об этом ведьме. Так откуда же...

Марна повторила свой нетерпеливый жест, и, спохватившись, Ораст поспешил повиноваться, передавая жемчужине кинжал. Та с минуту подержала его, точно взвешивая, на открытой ладони, затем опустила на глиняное блюдо.

Теперь, в неверном свете мерцающих угольков, жрецу удалось разглядеть, что еще находилось на грубом подносе. Горстка какого-то крупнозернистого серовато-желтого порошка, несколько раздавленных лепестков пятнистого крина, до сих пор источавших слабый аромат, два или три пучка трав, доподлинно определить которые он не сумел, продолговатый кристалл, казавшийся черным в полумраке. Что-то еще было там, завернутое в пергамент, скрытое рукояткой кинжала. Любопытство оказалось не настолько сильно, чтобы одолеть страх, и он не стал всматриваться ближе.

Тем временем Марна вдруг встрепенулась, точно огромная ночная птица, пробудившаяся с закатом, развела в стороны руки, ладонями вверх, и устремила слепое лицо к небесам.

— Полночь, — промолвила она хрипло, и Орасту даже в голову не пришло задаться вопросом, откуда она, слепая, может знать это, даже не выходя из дома.

Ведьма потянулась с видимым наслаждением, так что хрустнули суставы, и наконец опустила руки на глиняное блюдо, касаясь всех находившихся там предметов.

— Пора.

Тонкой деревянной палочкой с начертанными на ней рунами, которая, как имел уже возможность убедиться Ораст, странным образом не сгорала и в самом сильном огне, ведьма пошевелила угли в жаровне, так что брызнули во все стороны искры, затем уложила поверх веточки остролиста, предусмотрительно оставленные Орастом поблизости. Потянуло пряным пьянящим дымком.

Выждав немного, ведьма принялась бросать в пламя, на вид, без всякого разбора, ингредиенты с глиняного подноса. Нежные крапчатые лепестки мгновенно почернели и обуглились, сухая трава сгорела почти без остатка, негромко потрескивая. От серо-желтого порошка пошел неприятный запах и густой дым, прямо в лицо Орасту, и он, не удержавшись, зашелся в кашле. Марна вскинула голову, точно впервые вспомнив о его присутствии.

— А ты что сидишь? — В холодном голосе звучало пренебрежение и насмешка. — Ступай прочь! Будешь ну-жен — придешь.

— Но госпожа... — Ораст попытался воспротивиться, однако колдунья властным жестом подняла руку, и он осекся, не смея ослушаться.

— Поди прочь, щенок!

Безмолвно повернувшись, жрец выбрался наружу.

Велико было искушение хоть одним глазком заглянуть в дом, ведь, в конце концов, Марна слепа, она может и не узнать... но страх удержал его. А, быть может, не так уж он и жаждал проведать, что на самом деле происходило сейчас в хижине.

Какое-то время там царил тишина, и вдруг послышался звон, словно разбился хрустальный бокал, затем гулкий стук, негромкий, ритмичный, — он длился бесконечно долго, сопровождаясь шорохом и притоптыванием, точно ведьма исполняла некий странный магический танец, аккомпанируя себе на барабане. Насколько Орасту было известно, в лесной хижине не было ничего похожего на барабан, ничего, что могло бы производить подобные звуки, — но какое это имело значение?

Мерный рокот неведомого инструмента убаюкивал, навевал гипнотический сон... и возможно, Ораст задремал-таки, ибо когда он вновь открыл глаза, стук прекратился, сменившись невнятицей бормочущих голосов, женских, мужских, неотличимых один от другого и в то же время явственно принадлежащих разным лицам. Они вели между собой нескончаемый спор, переругивались, то возвышаясь до крика, то вновь падая до заговорщического шепота, требовали, ласкались, убеждали, молили... точно сотни душ проклятых скитальцев собрались в крохотной хижине, переполняя ее, стремясь вырваться на свободу.

Жрецу начало казаться, что бесконечное их бормотание уже звучит у него в мозгу, и нет от него спасения, и ощутил нестерпимое желание зажать руками уши, броситься прочь, — но гомон продолжался, проникая, казалось, в самую душу, завладевая самыми сокровенными мыслями и сводя с ума. Он упал ничком на ледяную землю, тщась подавить рвущийся из глотки крик...

Когда он вновь пришел в себя, уже светало. Солнце не поднялось еще над горизонтом, однако грязно-серые разводы на небе говорили, что до утра осталось рукой подать.

Смутно, как сквозь сон, ему вспоминалось, что за ночь сознание еще несколько раз возвращалось к нему, но, должно быть, не до конца, ибо образы, что являлись пред его внутренним взором, казались слишком невероятными, чтобы быть достоверными.

Огромные тени, серые, окаймленные багровым, что вылетали из дверей дома и возвращались обратно на крыльях, тронутых синевой. Истошное кошачье мяуканье, доносившееся изнутри. Клубы зеленого дыма, не терявшие формы и не рассеивавшиеся, покуда не поднимались к самым вершинам деревьев...

Он не желал больше думать об этом. Тело его затекло после сна на голой земле, его бил озноб, кости ныли мучительно, и он все на свете отдал бы сейчас, должно быть, за горячий завтрак и пылающий очаг. Ораст поднялся, потягиваясь, — и обнаружил, что ведьма стоит напротив, в двух шагах от него.

Он не успел даже удивиться, как ей удалось так неслышно выйти из дома, — точно она попросту материализовалась из сгустившегося мрака, — как она поманила его рукой.

— Поди сюда.

Ему показалось, в голосе ее он уловил нотки усталости. Он сделал шаг вперед, и она протянула ему кинжал.

Это был его клинок, прежний, и в то же время, иной. Загнутое лезвие осталось прежним, и рукоять, — однако теперь синеватое сияние окружало его ореолом, и, сжав его в руке, Ораст ощутил нечто странное, точно нож этот был живым, обладал собственной волей и желаниями и даже имел силу передать их владельцу.

Да, это было действительно так. Кинжал жил. И он жаждал крови. Ощущение это в первый миг парализовало жреца, и он растерялся, на миг утратив контроль над собой. Наказание за оплошность не заставило себя ждать. Нож рванулся в его руке, выворачивая запястье, и, прежде чем он успел остановить его, прочертил длинный глубокий разрез на левом предплечье.

Остолбеневший, Ораст попытался отдернуть руку — но это оказалось не так легко.

Лезвие точно впилося в рану, и ему огромного труда стоило отвести его прочь. Он взглянул на свои руки: они слегка дрожали. Он поднял голову.

Теперь он не сомневался, что каким-то образом слепая колдунья видит все, что происходит вокруг, ибо она явно наблюдала за ним. Даже под грубой кожаной маской он чувствовал ее напряжение. Заметив наконец, что ему удалось справиться с жаждущим крови клинком, Марна кивнула задумчиво, и в голосе ее прозвучало почти одобрение.

— Неплохо. Мы знали, что ты *справишься*. — Она помолчала немного, словно взвешивая, сколько можно доверить жрецу. — Теперь Скрижаль получит свою жертву!

— Кровью?

Ораст и без того знал ответ, однако ощущал непреодолимое желание вновь услышать это от колдуньи. Ибо теперь, когда смутные и нерешительные планы его оказались близки к осуществлению, он не мог больше скрывать от себя, что преисполнен страха. Ему вспомнились его вечерние раздумья и нежелания впускать сомнения в свою душу... Что ж, теперь пришло их время.

И, возможно, колдунья понимала, что так гнетет его, ибо, впервые за все время, тон ее сделался мягким, словно материнским, и ему показалось даже, на губах под маской играет улыбка.

— Кровью. Кровью, жрец Митры, — прошептала она со странным вождением. — Ибо кровь — единственный дар. Она скрепляет клятвы и создает нерушимые узы. Кровь, жертва и награда. Она одна... Но лишь та кровь достойна великого Искусства, в которой горит огонь божества. Кровь того, кто ведет свой род от одного из небожителей.

— Но почему именно Вилера?

— Ты знаешь, жрец. Лишь тот, кто был помазан на престол и освящен божественным огнем, обретает в крови своей огонь Солнцеликого Митры. И только этот огонь утолит жажду твоего кинжала и даст тебе власть над Скрижалю Изгоев. Только ему дано разрушить чары, опутавшие душу той, которую ты воделеешь.

Она протянула руки и опустила их Орасту на плечи, тяжелые, точно мельничные жернова. Слепой лик ее приблизился к самым его глазам, и он ощутил ее горячее дыхание, и пальцы ее впились ему в плечи, точно стремясь отделить мясо от костей, так что он едва сдержал

стон. Так она держала его несколько мгновений — и вдруг неумолимая хватка ее сменилась нежными объятиями.

— Ты убьешь Вилера, Ораст. Ты убьешь его — и когда руки твои будут омыты в его крови, Скрижаль станет воистину твоей, и ни тайного, ни запретного не будет в ней для тебя.

* * *

Валерий вернулся в Тарантию глубокой ночью, и немало времени пришлось ему колотить рукоятью меча в ворота, пока стражники соизволили наконец выяснить, кто там поднял шум в столь поздний час, и впустить запоздалого путника. Он бросил им пару медных монет, однако это не стерло недовольно-насуспенного выражения с заспанных лиц, и принц ощутил смутную, саднящую досаду.

Для этих людей он был меньше чем никто, лишь скрепя сердце они признавали его высокое положение и оказывали требуемые почести, однако он чувствовал, что в душе они презирают его, возможно, даже насмеваются над ним. Даже когда он был солдатом в Хауране — он не знал такого обращения. Там он действительно пользовался уважением, чувствовал это в каждом взгляде... но Аквилония упорно не желала принимать блудного сына. Он и сам не знал, почему так уверен в этом — и все же ощущение это не вызывало сомнений.

Мрачные думы оставляли его всю дорогу до дворца. И по мере того, как лепившиеся к крепостным стенам домишки, — нищие грязные, облупившиеся, где даже ночью не прекращалась шумная, бурлящая жизнь, вопили младенцы, доносился шум драки или любовной ссоры — уступали место особнякам богачей, роскошным, уединенным, прячущимся в тени садов, настороженно-молчаливым, лицо принца делалось все более хмурым и напряженным.

Он не мог понять, почему, вопреки всем своим благим намерениям, не уехал до сих пор из Тарантии, почему медлит, точно ожидая чего-то, что никак не может произойти, томясь от бездействия и ощущений собственной беспомощности.

Вот и сейчас — он вновь возвращается во дворец, хотя был бы счастлив никогда более не видеть его, готовый встретить на завтра все прежние лица, провести день в

глубокомысленно-пустой болтовне, бессмысленных ритуалах, придворной суете, давно утратившей для него интерес и привлекательность, в мрачных раздумьях и болезненном самокопании. Подобно иным подвергшимся пытке, он точно испытывал мучительную страсть к своему палачу, наслаждаясь собственными страданиями и не в силах отказаться от них, словно с прекращением мучений утратился бы, пусть и порочный, но все же смысл существования, и ожидающая пустота страшила сильнее всякой боли.

Неторопливо продвигаясь по темным улицам города, тишину которых здесь, в богатых кварталах, нарушал лишь стук копыт его лошади да порой — шаги стражников, совершающих второй за ночь обход, Валерий усилием воли отогнал дурные мысли. Как можно было, в конце концов, предаваться пустым раздумьям и жалеть себя — он прекрасно сознавал, что настроение это вызвано ничем иным, как унижением, что заставила его пережить колдунья, — после всего, что он видел в Амилии!

Ведь он воин, а воину надлежит действовать... однако принц не только сам не сделал ничего, чтобы выследить грабителей, но даже не сказал ничего стражникам у ворот. Подобное равнодушие менее всего пристало наследнику престола, заявил он себе строго. И дал слово завтра же найти капитана Черных Драконов.

Конечно, в былые годы он никогда не позволил бы себе такого отношения. Ночь провел бы в седле, один или с отрядом, но нагнал и покарал бы негодяев! Однако времена те давно миновали. Вспомни Хауран, сказал себе принц. Тогда ты из кожи лез вон, лишь бы спасти город и королеву — и что получил взамен? Не тебя, а варвара-северянина чествовали как спасителя, не тебе, а ему предлагала сердце прекрасная Тарамис... Так стояла ли игра свеч?

И сейчас, сказал себе Валерий, горячая купальня, ужин и постель для него стократ дороже, чем зов долга и славы.

Отчасти, конечно, он лукавил сам с собой. Дымящиеся руины Амилии не оставили его равнодушным, и рука невольно тянулась к мечу, стоило лишь вспомнить об изуродованных трупах во дворе... Однако это говорило в душе его негодование: немыслимо, чтобы здесь, в мирной, не знавшей войны Аквилонии, его настиг омерзительный запах пожарника и пролитой крови! Валерий воспринял

это почти как личное оскорбление. Ибо то, от чего он так старался убежать, вновь настигло его, точно и впрямь зловещее проклятие тяготело над принцем...

Нет, повторил он, стискивая кулаки. Довольно с него войн и крови! Здесь, в Аквилонии, пусть сражаются другие. Он заслужил свой покой.

И потому, въехав во двор королевского замка, принц молча двинулся к конюшням, лишь коротко кивнув стражникам, и ничего не сказал им.

Заспанный конюх принял у него поводья, и Валерий, вопреки обыкновению, не задержавшись даже проследить, чтобы за лошадью его поухаживали как следует, углубился в лабиринт дворцовых построек, переходов, лестниц и галерей, направляясь в самую глубину муравейника, где, стыдливо прижимаясь к серому боку донжона, скрывались Алые Палаты, его пристанище на время пребывания в столице.

В эти ночные часы, когда время уже близилось к рассвету, однако даже слабой серой полоски не появилось на горизонте, и небо было безлунным, а тьма — совершенно непроглядной, дворец казался пустым, словно бы вымершим. Не ощущалось даже слабого дыхания жизни — случайного шороха, ночного вскрика, — и лишь шаги принца и скрип открывшейся двери, что он отпер большим зубчатым ключом, радуясь предусмотрительности слуг, не ставших задвигать засова, нарушили вязкую тишину.

Воздух в доме казался густым и застывшим, и Валерий на мгновение ощутил себя мошкой, плененной в куске черного янтаря. Грудь сдавило, сделалось тяжело дышать.

Поднимаясь по мраморной лестнице, что вела на второй этаж, в его личные покои, он остановился на площадке, пытаясь перевести дух, жалея, что не позвал слуг и не велел зажечь лампы.

Он и сам не знал, почему не захотел никого будить — едва ли из ложной деликатности, скорее, просто не желая говорить ни с кем, отвечать на вопросы или ждать исполнения своих приказов. Куда проще было сделать все самому... Даже горячая вода и еда могли подождать до утра. Сейчас он желал лишь одного — выхлебать кувшин вина и повалиться в постель, провалившись в глубокий сон без сновидений.

Однако даже эта простая радость оказалась ему недоступна. В недлинном коридоре, из которого три двери вели в малую гостиную, столовую и спальню, Валерий замер в нерешительности, созерцая полоску света, просачивавшуюся из-под дальней двери. Возможно, в ожидании хозяина слуги оставили лампу в спальне... однако это было маловероятно.

Они не знали, когда он вернется, — он и сам не ведал того, когда уезжал, и никого не предупредил, — а оставлять надолго масляную лампу без присмотра было слишком опасно. Он строго следил за этим, и никто в доме не осмелился бы нарушить волю хозяина.

Но тогда — кто же был там?

Проще всего, разумеется, было бы сделать шаг, протянуть руку к двери, распахнуть ее, — однако что-то мешало Валерию сделать столь простой жест. Странная нерешительность овладела им, он смотрел на золотистую полоску света перед ней, с необъяснимой опаской, точно это был обнаженный меч перед дверью, переступить через который он не решался.

Но раздумьям его был положен конец.

Дверь, чуть слышно скрипнув, приоткрылась осторожно, и Релата Амилийская, живая до боли и вызывающая в памяти совсем иной огонь, возникла на пороге.

— Это ты, мой господин? Ты вернулся? — Она протянула к нему руки, и, точно замороженный, Валерий сделал шаг ей навстречу. — Я счастлива, что мы наконец вместе.

Релата бежала из Амилии накануне ночью, ибо поняла, после отъезда принца, что не мыслит жизни без возлюбленного. Собрала узелок с вещами, оседлала любимую кобылку — подарок отца — и, оставив письмо, где просила не искать ее и простить все обиды, не спеша отправилась в Тарантию.

Должно быть, они с Валерием разминулись совсем ненадолго.

Она приехала во дворец около полудня и осталась дожидаться его в Алых Палатах. Она никого не видела и ни с кем не говорила, кроме его слуг. Она не знала ничего о той судьбе, что постигла ее братьев и отца.

Она мечтала лишь об одном — быть с Валерием рядом. И очень хотела быть королевой.

Аой.

Вопреки обыкновению, в это утро Нумедидес проснулся с рассветом, — хотя блеклым, несмелым лучам осеннего солнца большого труда стоило пробиться сквозь тяжелый бархатный полог, отгораживавший огромную кровать принца от всего мира. Он потянулся, почесывая безволосую грудь сквозь ночную рубашку из тончайшего полотна с обшитым кружевом воротом.

Многие, вероятно, сочли бы подобное облачение неподобающим мужчине, — и, может статься, именно поэтому, опасаясь в душе насмешек, но не желая все же отказываться от милых сердцу привычек, Нумедидес до сих пор избегал продолжительных связей с женщинами, с которыми пришлось бы делить ночи и ложе, предпочитая мимолетные, ни к чему не обязывающие интрижки и объятия слуганок.

Но сейчас принц не думал о женщинах, и даже облик Релаты Амилийской, неизменно сопровождавший его последние ночи, — источник самых буйных фантазий, являвшийся порой даже во сне, становясь причиной определенного беспокойства, — неожиданно померк, точно набросок углем, размытый струями дождя. Она словно бы умерла для него, вместе с той другой, на речном берегу, что была так на нее похожа, и он без труда выбросил из памяти их обеих.

И все же что-то тяготило его, смутное чувство тревоги или ожидания... Он попытался припомнить, что снилось ему перед самым пробуждением, но картины, мелькавшие перед внутренним взором, казались неотчетливыми и лишенными смысла. Кажется, что-то угрожало ему, неведомая опасность, от которой он силился спастись, — но ноги отказывали ему. Он помнил еще узкие, неосвещенные коридоры. По ним потоками хлестала вода, черная, точно кровь... Он бежал...

Нумедидес тряхнул головой, раздраженно отгоняя остатки ночного морока. День и без того предстоял хлопотный, и не было нужды отравлять его нелепыми предчувствиями.

Он отдернул тяжелый полог, с отвращением выглядывая наружу. В постели под балдахинном, в мягком, теплом полумраке, он всегда чувствовал себя уютно и в безопас-

ности, — ощущение, почти забытое с детства. Должно быть, нечто похожее ощущает зверь в подземной норе.

И каждый раз ему стоило труда заставить себя выбраться из-под бархатного полога, чтобы встретить лицом к лицу опасности внешнего мира. День за днем повторялось одно и то же. Он взял за правило вставать как можно позже, — это помогало, особенно зимой, когда он открывал глаза не раньше, чем за окнами начинало смеркаться. Вечерний мир почему-то казался ему не столь враждебный, сколь дневной, залитый холодным, беспощадным солнцем... Но сегодня он не мог позволить себе роскоши нежиться в постели. Слишком много дел ожидало его.

С усталым вздохом Нумедидес сел на постели, поживившись, когда босые ноги его коснулись холодных мраморных плит пола. Потянувшись, он нащупал колокольчик на низеньком столике и позвонил, вызывая слуг.

Они откликнулись тут же, хотя на лицах явственно читалось удивление, и сбегались, держа наготове стеганный халат, что с рассвета был уложен на особую решетку над чуть теплящейся жаровней, чтобы хранить приятное тепло, горячее вино со специями, бокал которого он всегда выпивал перед завтраком, притирания и мази для лица и тела, ароматную помаду для волос, раскаленные на углях щипцы для завивки и многое другое, без чего большинство аквилонских вельмож не мыслили своего туалета.

Отдавшись бережным заботам преданных слуг, Нумедидес наконец позволил себе расслабиться. При всей его подозрительности, в такие минуты он наслаждался блаженным покоем и, прикрыв глаза, позволял себе унести на легких волнах в туманные бессмысленные дали, лишь краем сознания отмечая уверенные движения рук бладобрея, цирюльника или лекаря-костоправа, что нежили его, точно младенца, готовя тело принца к тяготам грядущего дня.

Против воли, ибо он предпочел бы не думать ни о чем вовсе, мысли его вернулись к вчерашнему дню, что он провел бесплодно и беспечно, в напряженном ожидании вестей из Амилии. Сильнее всего, досаждала необходимость скрывать всеми силами тревогу, чтобы никто позднее, вспомнив этот день, не мог бы сказать, будто заметил в поведении принца нечто подозрительное.

Разумеется, он не сомневался в успехе своего плана, ибо учел в нем все до мелочей и почитал совершеннейшей из ловушек, какие только изобретало коварство человеческое, — однако нельзя было пренебречь элементарной осторожностью. История знала массу примеров, когда не менее хитроумные замыслы терпели крах по вине нелепых упущений. Нумедидес был преисполнен решимости не повторить подобных ошибок.

Полные губы принца мстительно сжались, однако он тут же расслабился, ощутив, как замерло тревожно лезвие бладобрея, который испугался, должно быть, что причинил боль принцу. При мысли о власти, что он имел над всеми этими людьми, его верными слугами, которых мог возвысить или смешать с прахом по своему капризу, одним движением руки, на душе у принца слегка потеплело. Вот если бы и остальные так же трепетали перед ним!..

«Ну, ничего, — пообещал он себе с недоброй усмешкой. — Ничего, осталось недолго».

Ни один из тех, кто осмеливается сегодня посмеиваться у него за спиной — а он всех их знает наперечет! — кто пренебрегает им, не останется безнаказанным. Все они склонятся перед ним, все будут у его ног.

Амилия станет лишь испытанием.

Пробным шаром.

Но с ее помощью он поразит сразу две цели. Прежде всего, отведет непосредственную угрозу в лице старого Тиберия. Он не мог без усмешки вспомнить этого старого правдоискателя, что нагнал на него такого страха всего два дня назад. Сидел бы лучше спокойно, кормил кур! Вот куда его завела страсть совать нос в чужие дела!

И хвала Митре, что о другом источнике неприятностей — этом наглом луантенце — уже позаботился Амальрик.

Нумедидес жалел лишь, что не мог лично присутствовать при их поединке. По рассказам придворных, то было весьма забавное зрелище...

Оставалось лишь надеяться, что к этому часу Троцеро благополучно отдал душу Зандре!

Кроме того, теперь он разделается и с Валерием.

Конечно, он не питал личной вражды к кузену — хотя в последнее время с трудом выносил его общество, — но то была совершенно необходимая жертва.

Принц Шамарский пытался занять при дворе место, принадлежащее по праву ему, Нумедидесу. Тот просто обязан был защищаться. К тому же, Валерий первым начал войну, — ибо разве не коварным обманом с его стороны были разговоры о том, что он, якобы, вот-вот вернется в свое поместье, уедет из столицы... все это с единственной целью — усыпить бдительность Нумедидеса, чтобы при случае нанести предательский удар в спину!

Мысли эти привели принца в жаркую ярость, и он почувствовал, как руки его сжимаются на резных подлокотниках высокого кресла с такой силой, что дерево едва не крошится под пальцами.

Его руки... эти странные руки, что в последнее время принимались порой жить своей, отдельной жизнью, не повинаясь ни разуму, ни воле, — и в них была жажда смертоубийства, слепая, нерассуждающая, и в то же время коварная, точно укус змеи.

Он чувствовал это.

Их сила понемногу, точно яд, разливалась по всему его телу, и он не испытывал больше страха перед ней, и словно бы даже приветствовал ее приход. Порой ему казалось, что это руки его составляли все эти планы и, главное, давали волю и возможность исполнить их. Они направляли и подталкивали его. Они питали его тайной мощью. Он почти любил их...

Но какая мощь!

Какая мощь появилась в его руках после той стычки с Цернуиносом!

Совсем недавно они были безвольные и слабые, с жирными перетянутыми, словно колбаски, пальчиками, от выпитого вина опухавшими так, что под вечер с них нельзя было снять все эти бесчисленные узкие перстеньки. А теперь его ладони сделались крепкими, пальцы жилистыми, предплечья перевелись тугими жгутами выпуклых вен, будто кто-то обмотал их толстыми корабельными шкотами. Сегодня он мог расплющить тяжелый бронзовый потир с той же легкостью, с которой иные сминают лист бумаги.

Но руки хотели крови...

Сперва они чуть было не прикончили короля, затем переломили хрупкое горло крестьянской потаскушки... Кто знает, чего потребуют они завтра?

Нетерпеливым жестом он отогнал прочь суетящихся вокруг слуг, впервые за все это время открывая глаза, и они невольно попятились, узрев во взоре принца неприглядную, недобрую решимость.

— Королевского сенешаля ко мне, — велел он, поднимаясь с кресла. — Я хочу знать последние новости.

Не может быть, чтобы к этому часу еще не было гонцов из Амилии...

* * *

Сидя в глубоком кресле у стола, в своем кабинете, Амальрик Торский, как обычно, перед завтраком, занимался просмотром корреспонденции. Писем было немного, и первое, за что взялся посланик, был доклад Бральхонта, его управляющего, о состоянии дел в поместье, — как всегда, чрезмерно подробный и обстоятельный, однако точный, и, как убедился барон, внимательно изучив исписанный убористым почерком пергамент, более чем удовлетворительный.

Дела в Торе, даже в отсутствие хозяина, шли вполне сносно. Рожь и ячмень уродились обильно, так что излишки были проданы на большой осенней ярмарке в Бельверусе, и там же закуплена на всю зиму пшеница, для которой мало подходил сутлинок и песчаные почвы поместья. Неплохо чувствовали себя овцы, и остриженная шерсть, что оставалась с летней стрижки, также ушла на ярмарке по высокой цене.

Амальрик произвел мысленные подсчеты. Да, если прибавить сюда полученные налоги и доход от ремесленных мастерских, принадлежавших барону, — в отличие от большинства вельмож, как в Немедии, так и в Аквилонии, чуравшихся подобных занятий, он никогда не считал коммерцию делом низким или недостойным, — итог получался вполне достойный. Год был прожит не зря.

В памяти, служившей ему вернее любых секретарей, Амальрик сделал пометку сегодня же отписать Бральхонту. Старик неплохо поработал и заслужил благодарность. Следовало также предупредить его, чтобы встретил подводы с оборудованием для стеклодувной мастерской — последнее увлечение барона, сулившее, судя по всему, немалые барыши, — и подыскал для мастера жилье и помещение под цех, желательно вблизи леса, где в изо-

биии будет золы, песка и воды, столь необходимых в его работе.

Сам стеклодув, рыжебородый офирец с маленькими бегающими глазками, лишь пару дней как прибывший в Тарантию в надежде открыть здесь дело, был нанят Амальриком лишь накануне, — он случайно свел с ним знакомство в таверне, и, по своему обыкновению, принял решение почти мгновенно. Товар — многоцветные, переливающиеся сосуды, радужные стеклышки для витражей, изысканные дамские украшения и прозрачные чаши для вина, — пришлось посланику по вкусу, и ему не стоило труда убедить мастера, что климат Немедии куда лучше подойдет ему. В тот же вечер довольный офирец отправился вместе со всем скарбом на север, по дороге, указанной новым хозяином.

Кто-то, возможно, счел бы подобное решение скоропальчивым, и сам Бральхонт частенько корил господина за спешку, однако даже он не мог не согласиться, что начинания Амальрика, как правило, оказывались весьма успешными, будь то добыча олова и серебра в горах, кожевенное производство или ювелирные мастерские. Однако те, кто, опасливо делая знак, отвращающий демонов, шептался за спиной у него, что источником богатства барона были занятия чернокнижием и золотоварением, упорно не желали замечать очевидного.

Но Амальрик, лучше чем кто бы то ни было, знал, что означало остаться в неполных двадцать лет хозяином разоренного, запущенного поместья, не унаследовав от отца, удалившегося на закате жизни в горный монастырь Ордена, ничего, кроме кучи долгов и непомерной гордыни, не имея в жизни ни опоры, ни поддержки, если не считать упрямства и безграничной веры в свои силы. Путь, пройденный им с тех пор, он помнил до дня, до мгновения, каждый шаг, каждое падение и каждую удачу.

И не считал зазорным трижды перечесть доклад управляющего.

Куда меньше интереса вызвали остальные бумаги, — письма из Бельверуса, приглашения от аквилонских вельмож на охоту или праздничный ужин, — весь этот хлам он небрежно отгнул в сторону. И совсем уж презрительно обошелся с последним посланием, — толстым свитком в бархатном, расшитом золотом футляре, с огромной алой печатью, на которой красовался герб Немедии. Послание

короля Нимеда царственному собрату... Амальрик презрительно хмыкнул, отбрасывая свиток прочь и, когда тот скатился со стола на пол, легонько пнул его носком сапога из тончайшей телячьей кожи, выделки собственных мастеровских.

При желании, ему не составило бы труда вскрыть послание и ознакомиться с содержимым — но это не имело смысла. Он и без того знал, о чем мог писать король Нимед. Последние дворцовые новости. Наилучшие пожелания по случаю осенних празднеств. Заверения в вечной преданности и сердечном расположении...

Пять-шесть раз за год венценосцы считали своим долгом обменяться подобными ничто не значащими грамотами, и лишь в эти дни Амальрику Торскому приходилось скрепя сердце вспоминать о своих обязанностях посланника. Однако даже подобная малость вызывала в последнее время все большее раздражение. Одно время он подумывал даже сложить с себя полномочия дуайена и подать в отставку, — до тех пор, пока его первоначальный замысел окончательно не вызрел и барон не убедился, что тот сулит ему изрядные выгоды и возможности.

И теперь, чем бы не окончилась его безумная, самоубийственная затея, в одном Амальрик мог быть уверен наверняка: в качестве полномочного представителя Немедийского двора в Аквилонии он доживает последние дни.

Однако до тех пор ему предстояло играть свою роль, и играть ее с блеском, как он старался исполнять все, за что брался, сколь бы сильно это ни претило ему. Раз уж взялся что-то делать, делай это на совесть, — эту истину он всосал если и не с молоком кормилицы, то с отцовскими побоями...

Вздохнув и поправив на груди черный кхитайский халат, Амальрик выглянул в окно. С утра вроде бы выглянуло солнце, но теперь небо было затянуто тучами, как и все последние дни, однако, похоже, время близилось к полудню, а, стало быть, он еще успеет на Малый Выход, что начинался, после того как король изволил позавтракать. Пожалуй, там удобнее всего будет вручить Вилеру послание немедийского суверена.

Потянувшись, чтобы размять мышцы, затекшие от долгого сидения, Амальрик прошел в опочивальню.

Как он и ожидал, Феспий еще мирно спал, посапывая, точно младенец, чуть приоткрыв пухлые искушенные губы.

Он лежал, свернувшись клубочком на огромной постели, — острые лопатки выпирали под тонкой веснушчатой кожей, длинные волосы золотистым ореолом разметались по подушке. Посланный отдернул тяжелый полог и грубо потряс его за плечо.

Недовольно промычав что-то, юноша натянул на себя одеяло, прикрывая глаза рукой, и Амальрик ощутил прилив раздражения. Сегодня этот жеманный красавчик не вызывал в нем ни влечения, ни даже симпатии, и барону не терпелось отделаться от него. Обычно он давал им всем второй шанс, — однако сейчас терпение его было на пределе.

— Вставай! — Он встряхнул его во второй раз. — Тебе пора!

— Оставь меня в покое. — Голос Феспия был вязким и хриплым со сна. — Чего ты хочешь? Убирайся прочь.

Амальрика обычно непросто было вывести из себя, однако грубости он не прощал никогда, — в особенности тем своим партнерам, что, проведя с ним единственную ночь, уже мнили себя вправе дерзить, уверенные, должно быть, что, дав согласию разделить с ним ложе, обрели некую власть над немедийцем. Как жестоко они ошибались!..

Впрочем, это также было частью игры. Амальрик усмехнулся, предвкушая несколько приятных минут, что, несомненно, доставят ему удовольствия куда больше, чем предшествующее соитие с трусливым, неопытным юнцом, учить которого тайнствам любви оказалось совершенно неблагоприятной работой.

Игра эта повторялась каждый раз, почти без изменений, он знал наизусть каждое слово партнера и свой ответ, — но она никогда не наскучивала ему. Это был ритуал, сродни служения неведомому темному божеству, который Амальрик исполнял благоговейно и с трепетом.

Прежде он не мог понять... Когда отец впервые завел с ним разговор об утехах плоти и различных видах вожделения, назвав это высшим уроком и священным тайнством Черного Кречета, он счел его безумцем, рехнувшимся на старости лет от сладострастия. Его едва не вывернуло наизнаку от отвращения... Но одна фраза, брошенная отцом, заставила его задуматься. «Покорить женщину — забава для ничтожеств, — сказал тот ему. — Подчинить себе мужчину — вот истинное наслаждение!»

Подчинить мужчину. Да, старый воин оказался прав! Сломать, если потребуется, не испытывая ни жалости, ни наслаждения... Если тебе удастся достичь этого, на твоём пути не останется преград! Амальрику понадобился не один год, чтобы до конца осознать всю мудрость этих простых слов. И еще многие годы, чтобы вполне овладеть скрытой в них силой.

С тех пор барон никогда не делал тайны из своих пристрастий, — ни на родине, где подобное было в порядке вещей, ни даже здесь, в Аквилонии, где на его наклонности смотрели довольно косо. *Лемурийские забавы*, как это почему-то именовалось на изысканном придворном языке, не имели для Амальрика ничего общего с усадями плоти. И маленькому Феспию вскоре предстояло убедиться в этом.

— Вставай, — повторил он ему в третий раз, гораздо мягче, почти ласково. — Вставай и уходи, пока я не велел слугам вышвырнуть тебя вон.

На сей раз юнец отреагировал мгновенно. Он сел на постели, округлившимися глазами глядя на стоящего над ним барона.

— Ты сошел с ума... — В голосе его не было уверенности. Должно быть, он думал, что ослышался.

Амальрик зло усмехнулся, поигрывая кистью черного шнура, обхватывавшего его тонкую талию. Халат распался на мускулистой груди, и в просвете блеснул медальон в форме хвостной птицы, распавшейся крылья.

— Боюсь, что нет, мой милый. Едва ли от твоих ласок можно было обезуметь. Для этого они недостаточно изысканны.

Краска прилила к щекам Феспия, покраснела даже шея и плечи. Он начал понимать, что немедиец издевается над ним. Не раздумывая, привыкнув мгновенно реагировать на оскорбление, он вскочил с постели, накинувшись на барона с кулаками. Однако тот с легкостью перехватил занесенную для удара руку — и, заломив запястье, с удовольствием отметил, как исказилось от боли холеное лицо юноши.

Холодным, лишенным эмоций взглядом он окинул его стройное, бледное, почти женственное в своей изнеженности тело, чуть дольше задержавшись на нижней части живота, уверенный, что внимание его не ускользнет от Феспия.

Тот и вправду смущенно заерзал, пытаясь отстраниться, но безуспешно, — хватка Амальрика оказалась железной, и малейшее движение причиняло боль. Юноша застыл перед ним, ошеломленный, забыв о сопротивлении, не думая даже прикрыться свободной рукой. Словно птаха, зачарованная змеей, он впал в ступор, не способный ни мыслить связно, ни оказывать сопротивление.

Когда Амальрик впервые осознал, насколько велика может быть его власть над себе подобными, он и сам поразился, до чего просто это дается ему. Здесь играла каждая деталь: его презрительный тон, взгляды, движения. Даже то, что он стоял одетым перед обнаженным человеком, позволяло ощутить превосходство.

И в его опытных руках эти отчаянные храбрецы и задиры, мнящие себя искушенными и пресыщенными, но совсем не знающие подлинной жизни и подлинной жестокости придворные, оказывались беззащитны, подобно наивным девочкам-служанкам, — с которыми, надо признать, они обращались ничуть не лучше, нежели Амальрик с ними самими.

Свободной рукой он легко, с задумчивой нежностью, коснулся груди юноши, нарочито медленно скользнул ниже, с удовлетворением отмечая, как, против воли, тот начинает испытывать возбуждение. Мысленно он отметил не без удовольствия, что не ошибся в своей оценке: подсознательно юнец искал унижения, наслаждался им, одновременно стыдясь и пугаясь тех черных глубин, которые открывал в собственной душе. Подняв глаза, немедиец насмешливо улыбнулся Феспию, обнажив ряд мелких белых зубов.

— Похоже, тебе это понравилось больше, чем ты сам ожидал?

В ответ тот сумел лишь прохрипеть:

— Отпусти меня!

В глазах читался ужас и непонимание. Ничего особенного не произошло, — несколько слов, несколько жестов... Но внезапно юноша ощутил себя дичью в силках охотника, мышью в лапах огромной безжалостной кошки, и то, что прежде представлялось ему пусть порочной, но безопасной игрой, вдруг предстало в совершенно ином свете.

Все было иначе еще пару дней назад, когда он в шутку отвечал на ухаживания немедийца, забавлялся игрой в

намеки и недомолвки, наслаждаясь атмосферой потаенного сладострастия, скрытого, почти постыдного вожделения.

Это было чутьчку рискованно, чутьчку забавно.

Он хотел лишь узнать, насколько далеко сам способен зайти. Он говорил себе, что желает испытать в жизни все.

Но то, что происходило с ним сейчас, не вписывалось в эти рамки. Он с мольбой взглянул на неподвижно застывшего немедийца, сурового, прямого, точно вырезанное из черного дерева изображение древнего божества.

— Чего ты хочешь от меня? — Он старался, чтобы голос его звучал твердо, но тот предательски дрожал и едва не сорвался на всхлип. — Чего ты хочешь?

— Молчи! — Окрик барона был резким, точно удар хлыста, и юноша дернулся, невольно застонав от неожиданной боли в запястье. Амальрик сильнее вывернул ему руку, почти заставляя юношу опуститься на колени. — Кажется, ты решил, что эта ночь дает тебе какие-то права на меня?

О, разумеется, он был в этом уверен! Все это время немедиец был так учтив, почти подобострастен, так увлечен! Знаки внимания, томные взгляды, двусмысленные речи... И пусть это вызывало насмешки приятелей, — из которых иные уже стали жертвами чар Амальрика и с тех пор молчали об этом, другие же в глубине души мечтали о том же, досадуя, что не на них остановил свой взгляд барон Торский, такой загадочный и восхитительно порочный, — в душе Феспий упивался тем, что происходило с ним, и, в особенности, властью, что, казалось, имел над посланником.

Но теперь, похоже, власти его пришел конец.

Он не понял еще, что, с начала и до конца, то была лишь иллюзия, обман и насмешка, и Амальрик сомневался, что он когда-либо сумеет осознать это. Уязвленная гордость не допустит дойти до глубин понимания, ибо оттуда для слабого путь будет лишь один, дальше и дальше вниз, в самые пучины безумия и деградации, — но это не имело значения. Достаточным удовольствием был и сам процесс охоты, когда он выбирал жертву, опутывал ее силками, разорвать которые вскоре делалось невозможным, — а затем захлопывал ловушку.

Постепенно это превратилось для Амальрика в своего рода наркотик, острую приправу к унылому и зачастую

бессмысленному придворному существованию. На то, чтобы завлечь в свои сети напыщенного юнца, подобного Феспию, изнеженного, ничего не знающего о жизни и о собственных желаниях, у него уходило не больше одной луны, но, как ни странно, легкость не отбивала азарта.

Ему нравилось соблазнять их, таких жаждущих быть соблазненными, одного за другим, и наблюдать затем, как прячут они глаза, случайно сталкиваясь с посланником во дворце. Нравилось бросить случайную реплику в разговоре, внешне совершенно невинную, но заставляющую того, кому она адресована, скорчиться от стыда, страпась разоблачения.

Поразительно, однако, что все они затем испытывали такой страх перед ним, — лемурийский грех, хоть и не пользовался одобрением в Аквилонии, особенно среди старшего поколения, не считался все же преступлением, а Амальрик обычно вел себя довольно сдержанно, не давая повода для скандала. Так что, скорее всего, несчастных жертв его угнетал отнюдь не сам факт, что они уступили домогательствам немедийца, и не боязнь разоблачения, но стыд при воспоминании об унижении, что пришлось пережить затем. Иные, отмечал он с удовольствием, оказывались сломлены навсегда, спивались, ударялись в дебош, меняли женщин одну за другой, ввязывались в нелепые поединки, лишь бы доказать самим себе и окружающим свою несомненную мужественность.

Над такими он смеялся от души.

В его понимании, то были не люди, — слизняки, недостойные жить на свете и дышать одним с ним воздухом. Он имел полное право обходиться с такими по своему усмотрению.

Именно затем Черный Кречет вложил в его руки сей карающий клинок.

И лишь крайне редко случалось иначе, и Амальрик по-настоящему испытывал влечение к другому мужчине. Всего дважды, на его памяти, ему не удалось взять верх над избранной жертвой, и он пасовал перед чужой силой. С одним из тех двоих они оставались друзьями до сих пор, и изредка, при встрече, — страстными и нежными любовниками.

Второй же стал его заклятым врагом.

Впрочем, если третьему подобному случаю и суждено было произойти, это случится явно не сегодня. Амальрик

презрительным взглядом смерил съжившегося перед ним юношу.

Тот стоял, склонив залитое краской стыда лицо; тонкие светлые волосы скрывали его шелковистой завесой, и блики света играли в них. Он больше не пытался ни отстраниться, ни даже высвободить руку, покорно ожидая, что последует дальше.

Амальрику внезапно сделалось скучно.

Он подумал, что еще немного, и он опоздает на Малый Выход, а нужно было еще увидеться с Нумедидесом — последние дни тот что-то избегал встречи, — осведомиться о здоровье Троцера, узнать последние дворцовые сплетни.

Столько дел, и ни одного, что принесло бы хоть какое-то удовлетворение.

С усталым вздохом притянув к себе юношу, он поцеловал его в лоб.

— Ступай, мальчик. И передай маменьке, чтобы больше не пускала тебя гулять одного. В лесу, кроме зайчиков, водятся еще и волки.

Он отпустил руку Феспия.

Растирая ноющее запястье, тот отскочил назад, затравленно глядя на барона из-под спутанных волос, и Амальрику показалось, он собирается что-то сказать, возможно, осыпать его проклятиями или угрозами, — ибо теперь, когда он оказался на достаточном расстоянии от своего мучителя, к Феспию начала возвращаться смелость, — и, не желая повторения утомительной сцены, немедиец поспешил тряхнуть взятым с подставки колокольчиком.

Несколько мгновений спустя в дверях возник слуга.

Равнодушно-презрительным взглядом смерив обнаженного, вновь залившегося густым румянцем гостя, который тщетно пытался, скрестив руки на животе, прикрыть срамные места, он низко поклонился барону.

— Вы звали меня, господин?

Амальрик кивнул.

— Вели, чтобы приготовили мне парадный костюм для Малого Выхода, да поживее. У меня мало времени. — И когда слуга уже развернулся, чтобы идти, словно спохватившись, окликнул его: — Да, и проследи, чтобы нашего гостя проводили, когда он соизволит одеться. Через черный ход, разумеется.

Он вышел, даже не обернувшись, чтобы взглянуть, какой эффект произвели на юношу его слова.

Аой.

ВРЕМЯ ПРОКЛЯТИЙ

Вопреки ожиданиям Амальрика, когда перед ним распахнулись тяжелые двери, ведущие в малую приемную, король еще не покидал трапезной.

В длинной, узкой, точно коридор, зале, практически лишенной мебели — ибо никто не имел права сидеть в присутствии Его Величества во время Малого Выхода, — собрался весь цвет знати.

Здесь были просители, робкие, униженно озирающиеся по сторонам, то и дело оглядывающиеся на украшенные гербами двери, откуда должен был показаться Вилер; разряженные вельможи, пришедшие обменяться последними новостями; чинные дамы, не пропускавшие ни единого дворцового приема...

Быть увиденным здесь считалось чрезвычайно важно для каждого, ибо означало особую степень посвященности, вхожеть в святая святых, принадлежность к сонму избранных.

И лишь единицы могли позволить себе пренебречь появлением.

Заняв удобное место в нише у окна, Амальрик исподволь разглядывал приглушенно гудящих, натянуто улыбающихся придворных. Никто не знал, почему задерживается король, однако отсутствие его было тревожным знаком.

Атмосфера напряженного ожидания сгущалась в приемной.

Небрежным кивком посланник поприветствовал знакомых, на несколько же поклонов не счел нужным ответить, нарочито глядя в сторону. Это были привычные старые игры, — торговля влиянием, проверка силы, — лишь в несколько более утонченной форме, нежели те, в которые он играл чуть раньше с Феспием; они если и доставляли удовлетворение, то крайне слабое, пополам с досадой.

И все же барон Торский не был бы придворным до мозга костей, если бы не продолжал забавляться происходящим, и со злой усмешкой он сказал себе, что отсутствие юного Феспия, наверняка, не пройдет сегодня незамеченным. Многим не составит труда сопоставить очевидное... Ну что ж, барон никогда не скрывал своих пристрастий. Его репутации, в отличие от несчастного глупца, это пойдет лишь на пользу.

Он дружески кивнул принцу Валерию, с озабоченным видом вошедшему в залу, в надежде, что тот не откажется подойти и составить ему компанию, поскольку уже приметил хищные взгляды, что бросали придворные стервятники на пакет в его руках. Печать Немедии на свитке не ускользнула от их внимания, и теперь они, должно быть, горели желанием разузнать, что за вести принес посланник.

Единственной возможностью отвести их было затеять с кем-нибудь беседу, прервать которую они бы не решились.

Ответив на поклон посланника, Валерий подошел, приветственно улыбаясь, однако улыбка вышла какой-то мрачной и не смогла разгладить глубоких морщин на лбу. От пронизательного взгляда немедийца не укрылось также угрюмое выражение глаз принца, его опущенные плечи, и он едва сдержался, чтобы не потрепать Валерия по руке в знак дружеского ободрения, однако этикет не позволял и помыслить о подобном. И к тому же здесь, отметил Амальрик с внутренней усмешкой, его репутация могла сослужить дурную службу.

Не то чтобы ему не нравился Валерий, — скорее, наоборот.

С первых дней, как принц появился в Тарантии, немедиец ощутил к тому безотчетную симпатию, перерасти которой в более теплые чувства не позволили лишь обстоятельства, да сумрачная сдержанность молодого человека. Однако горький опыт с давних пор приучил барона подыскивать себе спутников лишь среди тех, кто в душе ему глубоко безразличен, и сторониться немногих, к кому он мог бы искренне привязаться, поскольку это было небезопасно.

С Валерием же он держался особенно настороже, ибо тот обладал тем редким качеством, — трепетным сочетанием ранимости и силы, почти болезненной напряженностью души, — что делало его в глазах Амальрика практически неотразимым. Вот почему так редки были их разговоры, — один раз на охоте, на королевском пиру, и вот сегодня, — и каждый раз барон затевал их со сладостным ощущением запретного наслаждения.

Принц Шамарский, впрочем, едва ли замечал, что за противоречивые чувства владеют посланником. Рассеяннотеребя кружевные манжеты вишневого с черным атлас-

ного камзола, он прислонился к стене у окна, невидящим взором обводя пышное собрание.

— Вы изволите кого-нибудь искать, принц? — на учтивейшем лэйо поинтересовался Амальрик.

— А?.. — Валерий словно пробудился от глубокого сна, но тут же, сообразив, что был невежлив по отношению к собеседнику, сделал над собой усилие и выдавил на губах извиняющуюся улыбку.

— Прошу простить меня, барон, — но нельзя ли нам перейти на аквилонский? Боюсь, я не гожусь сегодня для дипломатических тонкостей.

Немедиец понимающе усмехнулся, переходя на певучий язык собеседника, в его устах, однако, обретающий странные металлические нотки.

— Разумеется, принц. Ваши желания — закон для меня.

И, заметив настороженный взгляд, что метнул на него Валерий, слегка удивленный столь изысканной любезностью, что обычно приберегалась всеми лишь для его дяди и кузена, поспешил добавить:

— Как же иначе? Вы разве не поняли, что стали моим спасителем? Иначе эти хищники... — он неприметно кивнул головой в сторону придворных, что сгрудились неподалеку, стараясь уловить хотя бы обрывки их разговора, — ...давно разорвали бы меня на клочки. Они алчны до новостей, точно деревенские кумушки. Как будто один король может писать другому хоть что-то заслуживающее внимания...

Валерий чуть заметно улыбнулся и, лишь сейчас заметив пакет в руках Амальрика, сдержанно, но не без иронии поинтересовался:

— А вдруг там объявление войны, барон?

Тот с деланным отчаянием развел руками.

— Из вас никогда не выйдет дипломата, принц. Иначе вы давно бы знали, что подобную весть невозможно удержать в тайне и двух минут. Король Нимед еще просушивал бы чернила на пергаменте, а в Аквилонии уже начали бы точить мечи. Сегодня же с утра слух мой радовал лишь мирный храп благородных обитателей замка, — а стало быть, едва ли вам скоро представится случай блеснуть воинским искусством.

Валерий чуть заметно нахмурился при этих словах, и Амальрик усмехнулся про себя. Он знал, что принцу не

доставляет удовольствия, когда кто-то позволяет себе в столь легком тоне отзываться о его боевом прошлом, и полагал, что это может быть вызвано лишь дурными воспоминаниями, — однако некий злой демон толкал его поддразнить угрюмого собеседника. Пристальным взглядом окинув зал, где за последние несколько мгновений народу, казалось, прибавилось чуть ли не вдвое, он заметил с деланой небрежностью:

— Его Величество что-то не торопится сегодня. Должно быть, королевский повар превзошел самого себя...

На сей раз принц уже не скрывал неудовольствия, что вызвала в нем непочтительность барона. Тому даже показалось, что он собирается стойти прочь, оборвав разговор на полуслове, но вместо того Валерий лишь смерил собеседника тяжелым взглядом.

— Я нахожу ваши переходы от любезности к дерзости весьма странными, барон, — произнес он холодно. — Кажется, вам не по душе порядки при Аквилонском дворе?

В ответ Амальрик широко улыбнулся, дружелюбно, словно и не заметив вызова в голосе принца. Не так давно ему уже пришлось драться на поединке. Если это повторится, король Вилер может решить, что посланник всерьез замыслил лишить его самых преданных приближенных. И, кстати, это напомнило ему...

— Скажите, принц, — он намеренно резко сменил тему разговора, уверенный, однако, что собеседник поймет намек. — Как поживает наш друг граф Пуантенский? Я что-то не видел его сегодня.

Несколько мгновений Валерий молча смотрел на барона, не в силах решить, издевается ли тот или говорит серьезно, и как обычно, когда имел дело с немедийцем, не сумел удовлетворительно ответить себе на этот вопрос. С ледяной вежливостью, пытаясь подавить нарастающее раздражение — ибо его не оставляло чувство, что собеседник его, даже в столь невинном разговоре, постоянно берет над ним верх, — он отозвался:

— Насколько мне известно, граф чувствует себя хорошо — насколько это возможно при таких обстоятельствах. Однако, — добавил он чуть погодя, не удержавшись все же от укола, — меня удивляет, что вы решились причислить себя к его друзьям.

— Почему же нет? — В рысех глазах барона промелькнуло искреннее недоумение. — Уверяю вас, я не

чувствую ничего, кроме симпатии и глубочайшего уважения к этому достойному человеку. Наш нелепый поединок был лишь недоразумением — и, должно быть, граф первым признает это, когда поправится!

— Сомневаюсь!

Это прозвучало излишне резко, однако Валерий ощутил вдруг, что не в силах больше вынести ровного, изысканно любезного тона немедийца, где в каждом слове он угадывал скрытую насмешку. И то, что он не мог разгадать ни смысла ее, ни адресата, лишь усиливало неловкость. Ему нестерпимо хотелось оборвать разговор. И останавливало лишь то, что тогда он будет чувствовать себя проигравшим, и уже окончательно. После безумия вчерашнего дня и сегодняшней ночи, это было больше, чем могло вынести его истерзанное самолюбие.

На его счастье, посланик вдруг отвернулся, вперившись взором куда-то в другой конец зала. Проследив за направлением его взгляда, принц заметил своего кузена, необычно взволнованного. Он переходил от одной группки придворных к другой и что-то возбужденно им рассказывал, размахивая руками в бархатных перчатках. В своем атласном лиловом костюме, подвязанном бесчисленными разноцветными ленточками, Нумедидес походил на важного булькающего индюка, который переваливается по птичьему двору, распугивая глухих кур и гусынь.

Огоньки масляных светильников отражались в глянцевиной поверхности его наряда, дробились и переливались, сплетаясь в замысловатые гирлянды. Казалось, что тучное тело наследника престола окружает многоцветное переливчатое сияние, а сладкий запах его духов был настолько силен, что Валерий, стоявший за пару десятков шагов, непроизвольно поморщился и демонстративно закрыл нос платком. Вскоре вокруг Нумедидеса собралась целая толпа.

— Прошу простить меня, принц, — рассеянно заметил Амальрик, не сводя с вновь пришедшего настороженных глаз.

Мгновенно он позабыл о собеседнике, и от этого Валерий лишь сильнее ощутил себя уязвленным.

— Мне нужно перемолвиться парой слов с вашим кузеном.

— Ну, разумеется, барон. Как же иначе... — Теперь уже Валерий ответил на самом изысканном лэйо, с ненави-

стью отмечая, однако, что Амальрик даже не заметил насмешки. И прибавил вполголоса, в спину удаляющемуся немедийцу, на самом грязном хауранском жаргоне, какой слышал лишь от наемников и шлюх в кабаках:

— Убирайся ко всем демонам, грязный пес, и пусть адские кошки заживо сдерут твою поганую шкуру!

Ему тут же сделалось неловко за свое мальчишество, хотя он и был уверен, что немедиец не мог понять его, но тот, похоже, и не расслышав его последних слов, удалился поспешно, небрежно раздвигая столпившихся вокруг придворных. Валерий, в одиночестве оставшийся стоять в нише у окна, всеми забытый и никому не нужный, вдруг поймал себя на мысли, что ненавидит все это пышное собрание, без малейшего исключения, настолько сильно, что если бы была возможность запереть их всех здесь и поджечь зал снаружи, он исполнил бы это не задумываясь.

Во рту его был привкус желчи, и красные круги перед глазами. Вскоре ему удалось взять себя в руки, иначе неизвестно, что бы он мог натворить, дав волю ярости, — однако злость его не улеглась по-настоящему и продолжала тлеть, подобно углям на пепелище. Достаточно было дуновения ветерка, чтобы пожар разгорелся вновь.

С ужасом и отвращением он вспомнил сцену, что пришлось ему пережить утром: Релата ни за что не желала отпускать его или настаивала, чтобы он взял ее с собой. На нее не действовали ни объяснения, ни уговоры. В конце концов он сорвался на крик, едва не поднял на нее руку...

Он и вообразить не мог, что станет с ней, когда она узнает о судьбе отца и братьев. Малодушие не позволило ему заговорить с ней об этом.

Он не мог понять, что чувствует к этой девушке.

Не любовь, нет, ибо в сердце его не было ничего похожего на пламенную, бушующую страсть, от которой он стирал в былые дни. Несмотря на всю боль и страдания, чувство, что он питал к Тарамис была волшебным, чарующим, оно испепеляло и возрождало, придавало сил, дарило крылья... он был бы счастлив, если бы ему вновь довелось испытать нечто подобное, однако, казалось, врата души его закрылись навеки, петли проржавели, и ключ был навсегда утрачен.

Он больше не способен был любить.

И все же Релата не оставляла его равнодушным. Он не нашел в себе сил прогнать ее вчера вечером, хотя, разумеется, это было единственным возможным выходом, ибо он прекрасно сознавал, какие толки пойдут в Лурде, как только кто-нибудь обнаружит присутствие девушки в Алых Палатах. Он не воспротивился даже, чтобы она осталась с ним до утра — проклиная собственную слабость и малодушие, он уступил ее мольбам. А ведь в тот миг он даже не желал ее!

Страсть пришла позже, конечно же... но это не имело ничего общего с истинным чувством; он лишь уступал сладострастию, что столь умело разжигала в нем эта маленькая медноволосая ведьма. Однако когда наступило пресыщение, от этого огня остался лишь привкус золы на губах и смертельная тяжесть в душе.

Он был рад, что смог наконец уйти — и страшился минуты, когда придется наконец возвращаться, со стыдом сознавая, что вновь не найдет в себе мужества прогнать девушку.

В ее настойчивости было что-то противоестественное, истовое, безумное, что пугало его и внушало подспудное отвращение, словно в каждом ее взгляде и жесте ему чудилось касание демона. И в то же время источаемый ею яд был слишком сладостен, чтобы у него достало сил противиться... Он был в тупике и, при всем желании, не мог отыскать выхода.

Лисы, вспомнилось ему, нередко отгрызают себе лапу, угодив в капкан.

Размышления его прервал шум и смятение, начавшиеся на другом конце приемной и, точно волны, разошедшиеся по всей зале. Наконец распахнулись высокие белые двери, украшенные гербами, и показался король Вилер. На пороге он застыл, словно бы в нерешительности. Придворные притихли в недоумении.

С того места, где стоял Валерий, ему не слишком хорошо было видно происходящее, однако он не мог не заметить, каким усталым и встревоженным выглядит самодержец. Полные губы были сжаты так, что превратились в тонкую бесцветную нить; на лбу залегли глубокие морщины.

Но вот, точно взяв себя в руки, король начал привычный обход зала.

Медленно, неспешно он переходил от одной группки придворных к другой, обмениваясь с каждым несколькими ничего не значащими словами, но даже издали заметно было, как он рассеян, и мысли его явно далеки отсюда. Искушенные царедворцы, остальные также почувствовали это, и напряжение в зале, вместо того чтобы ослабеть, сделалось лишь сильнее. Вельможи переглядывались, обмениваясь вопрошающими взглядами, однако никто не в силах был разрешить недоумения, задать же королю вопрос напрямую не осмеливался никто.

Со своего наблюдательного поста Валерий заметил, как мелькнул в толпе аспидный камзол немедийского посланника, и вид его вновь пробудил дремавшую досаду, однако то был лишь отголосок, бледная тень подлинного чувства, и его собственная обида вдруг показалась принцу мелкой и нелепой. Правда, насколько он мог судить, Амальрику так и не удалось приблизиться к Нумедидесу, — ну что ж, слабое, но утешение. И он усмехнулся нелепости собственных мыслей.

Тем временем Вилер продолжал обходить приемную. Вид у него был по-прежнему отсутствующий, и он явно торопился поскорее разделаться с утомительной церемонией. Валерий не мог понять, что так встревожило суверена.

Как вдруг наружная дверь распахнулась рывком, и, на ходу отталкивая вцепившихся в его пропыленный плащ стражников, в зал ворвался человек.

Он был грязен. На небритом лице запеклась кровь. В глазах блесело безумие.

Появление его вызвало шок среди придворных.

Точно боевой ястреб к томным павлинам, влетел он сюда и, позабыв и о протоколе и об обычной вежливости, продираясь сквозь застывшую толпу вельмож, рухнул на колени перед королем.

— Ваше Величество!

Дюжина Черных Драконов, забряцав алебардами, ринулись в сторону юноши, словно стая воронья.

На фоне багровых занавесей, охристо-красных витражей и червонных плит пола их черные мундиры выглядели зловеще.

Валерий прикрыл глаза.

Амелия. Кровь и пепел. Красное и черное.

Он узнал этого юношу.

Это был Винсент — сын барона Тиберия.

Принц понял, что должно последовать сейчас, и застыл на месте. С внезапным уколом стыда он вспомнил, что, за скандалом с Релатой, не нашел даже времени никому сообщить о том, что видел вчера в Амилии. Но теперь, похоже, его вмешательство уже не потребуется! Эта мысль вызвала у принца прилив облегчения. Он был рад, что не придется суетиться, ничего объяснять, отвечать на неизбежные вопросы о том, зачем его, собственно, понесло во владения Тиберия. Нет, воистину, пусть лучше обойдутся без него!

Внезапно его обожгла догадка.

А что если этот провинциальный дворянчик примчался сюда по его душу?

Вдруг он хочет поведать королю о том как, он, Валерий, обесчестил его сестру? И сейчас при всем дворе он произнесет страшные слова. «Принц Валерий — грязный соблазнитель, надругавшийся над законами Аквилонии!»

После такого позора ничего другого не останется, как перерезать себе жилы или броситься на меч! Ибо не будет места в Аквилонии, где ему бы не плюнуть в спину!

Неожиданно он вспомнил себя маленького, трясущегося мокрого от слез и вечерней росы перед страшным волколаком. Как он шептал тогда «Митра всемогущий, сделай так, чтобы все это было понарошке...» Да уж воистину, все повторяется. «Митра всемогущий, сделай так, чтобы этот человек ничего не знал о Релате!»

Валерий внезапно понял, почему никому не рассказал об Амилии.

Потому что он *втайне* был рад смерти барона и его сыновей!

Только боялся признаться себе в этом. Потому и не стал искать останки в горящем замке. Не потому, что это было бесполезно. Всегда можно что-то предпринять... А потому что страшился, что найдет кого-нибудь живого. Кого-нибудь из тех, кому бы лучше было умереть... По крайней мере, если бы такое случилось, то он сам оставался в безопасности.

Но, оказывается, один из них жив, и только Митра ведает, что за слова сейчас сорвутся у него с языка.

Он замер в ожидании.

Вилер сделал знак рукой, и острия алебард, нацеленные на юношу, были отведены. С появлением молодого ами-

лийца он весь как-то сжался, поник, точно чуял недоброе, но не видел возможности отвести беду, что с минуты на минуту грозила обрушиться на него и на Аквилонию.

— Винсент, сын Тиберия, барона Амилии, если не ошибаюсь?.. Что за беда привела тебя к нам?

Взбудораженные, перешепывающиеся придворные напирали со всех сторон, и Валерию даже пришлось исподтишка ткнуть локтем в живот кого-то особо ретивого. Впрочем, их можно было понять. Впервые за много зим Малый Выход, одна из самых скучных и формальных церемоний, прерывалась подобными эксцессами.

И в их приглушенном родоте неодобрение мешалось с любопытством.

Винсент вытер рукавом пот с грязного, исцарапанного лба, гордо вскинул голову и поднялся с колен.

— Ваше Величество! Я требую справедливости — и отмщения!

Наследник Антуйского Дома напрягся. Начало не сулило ничего хорошего. Впрочем, оно могло относиться к чему угодно.

Гул в зале усилился.

Обычно столь степенно-сдержанные, вельможи не скрывали своего возбуждения. Женщины кудачтали испуганно, точно квочки. В толпе Валерий заметил напряженное, сосредоточенное лицо немедийца, злорадную физиономию кузена.

И лишь один король, казалось, оставался спокоен во всеобщем смятении.

— Никто не вправе требовать чего бы то ни было от властителя Аквилонии, — отчеканил он, и пунцовая краска стыда залила щеки юноши.

Однако он продолжал стоять на своем.

— Молю простить меня за дерзость, государь! Страх и гнев говорили моими устами, на миг заставив позабыть о почтении. Однако выслушайте, прошу вас...

Вилер Третий милостиво кивнул.

— Говори, сын Тиберия. Открой, что за дурные вести ты нам принес.

Молодой вельможа обвел взглядом ряды придворных, ни упустивших ни звука из разговора, точно прося у них поддержки. Валерию показалось, он ищет кого-то глазами, но, не найдя, продолжил:

— Ваше Величество, ужасное злодеяние совершено было вчера во владениях барона, моего батюшки...

Он вдруг совсем по-детски шмыгнул носом, что так не вязалось с трагичностью его вида, и придворные невольно заухмылялись.

Однако уже следующие слова Винсента сорвали с их лиц улыбку, как срывает пожелтевшие листья с деревьев пронизывающий осенний ветер.

— Отряд разбойников напал вчера на замок барона Тиберия, разорил и спалил его дотла. Отец мой и брат погибли. Большинство слуг убиты. Негодяям же удалось скрыться. Ваше Величество! Долг короны — отыскать и покарать преступников!

Вилер молча выслушал его, в знак скорби склонив голову на грудь.

— Тиберий... Верный мой Тиберий, — пробормотал он в отчаянии и, взяв юношу за плечи, заставил его подняться с колен, пристально вглядываясь в потное, все в потеках запекшейся крови лицо, точно силился прочесть в нем нечто, невыразимое словами.

— Так это правда? — прошептал он наконец, отпуская Винсента. — Он мертв, мой Тиберий?

Сын барона опустил голову, словно не в силах выдержать взгляд короля.

— Да, Ваше Величество. Они убили его.

Вид короля сделался страшен.

Но кто?! Кто и зачем осмелился совершить подобное злодеяние здесь, в Аквилонии, не страшась правосудия ни короля, ни самого пресветлого Митры?

Наступило долгое молчание. Все в зале ждали, затаив дыхание, хотя и понимали, что ответа не последует, ибо кто мог знать... Но, вопреки их безмолвной уверенности, юноша подал голос. И лишь сейчас вся так долго сдерживаемая боль и ярость прорвались наружу.

— Я не знаю, *зачем* это было сделано, Ваше величество! Но — я знаю, *кто*! И я готов сказать об этом здесь, перед всеми вами, призывая Митру в свидетели своей правоты.

И, дождавшись, чтобы все взоры обратились на него, громогласно продолжил:

— Люди, что сожгли амилийский замок и убили моего отца, носили цвета Антуйского Дома. Я видел их собственными глазами!

Несколько мгновений в зале стояла напряженная тишина, подобная той, что длится так мучительно-бесконечно между вспышкой молнии и ударом грома. А затем все взоры обратились на Валерия.

На миг его охватило головокружение, когда он ощутил себя центром всеобщего внимания, — возбужденного, недоброго. Все оказалось куда хуже, чем он предполагал. Недоуменная мысль поразила его: что сделал он, чтобы заслужить такую нелюбовь?

Однако почти тут же он понял, насколько нелепо его удивление, ибо в отношении придворных, в сущности, не было ничего личного — лишь обычное человеческое торжество перед чужим падением. Лишь несколько глаз наблюдали за ним с явным сочувствием, и среди них, как ни странно, сам король и Амальрик. И злобное, звериное торжество было в глазах Нумедидеса, точно тот знал о том, что должно случиться, и заранее наслаждался победой.

Однако Валерий не позволил себе задержаться на этой мысли — король ждал ответа. Собравшись, точно на поле боя, перед тем как ринуться в атаку, он втянул в себя воздух и произнес, внешне совершенно спокойно:

— Государь, мне нечего сказать вам, ибо я не понимаю, в чем меня обвиняют. Я ничего не знал о несчастии, постигшем Амилию... — сразу же, заметив торжествующий блеск в глазах Нумедидеса, он осознал, что допустил роковую ошибку, однако менять что-либо было поздно, и продолжил, как мог твердо:

— Любой, кто скажет иначе, — лжец и изменник, и я готов повторить это хоть перед Судом Герольда.

И тяжелым взглядом он вперился в лицо кузену.

Тот, не выдержав, поспешил отвести глаза.

Король покачал головой. Очевидно было, что смысл сделанных обвинений еще не дошел до него. Он в недоумении обернулся к сыну Тиберия.

— Винсент! Твои слова необъяснимы, и я могу лишь предполагать, что горе затмило твой разум. Как мог принц Антуйского Дома, мой племянник и наследник престола, злоумышлять против твоего отца, которого уважал и любил, как и все мы? Ты, должно быть, ошибся. Ты же слышал — принц отрицает, что причастен к преступлению, и я верю ему. Скажи, что ты ошибся, амилиец... — Последние слова короля прозвучали мольбой.

Но юноша был неумолим.

— Вы просите меня отречься от своих слов, Ваше Величество! — воскликнул он с горечью. — Вы не верите мне — так езжайте в Амилию! Возможно, вид пепелища и земли, пропитавшейся кровью, убедит вас в моей правоте. Ибо горе лишь добавило мне зоркости, и я говорю вновь, и если меня не послушают здесь, готов обойти всю Аквилонию, крича об этом на всех площадях: принц Валерий Шамарский — убийца моего отца. И я требую справедливости!

Валерий почувствовал, как стоящие рядом незаметно пытаются отодвинуться от него, и вскоре вокруг принца образовалась пустота.

Он растерянно огляделся по сторонам.

Все это не могло быть правдой... Это лишь кошмар, который сейчас развеется без следа... Но он видел изумленное, посуровевшее лицо короля, полные ненависти глаза Винсента — и понимал, что это не может быть сном.

— Я не повинен в том, в чем меня обвиняют, — пробормотал он неловко, не решаясь возвысить голос. — Это какая-то ошибка! Зачем мне желать зла барону?

Зачем?

В этот вопрос упиралось все.

И он заметил сочувствие и сомнение в глазах придворных, услышал, как кто-то прошептал: «Юнец ошибся. Зачем бы сыну Орантиса Антуйского идти на такое?..»

Валерий воспрял было духом — как вдруг голос подав Нумедидес:

— В самом деле, брат? А не ты ли говорил мне, что если Тиберий не отдаст за тебя свою дочь Релату, ты готов на все?!

Пораженный столь наглой ложью, Валерий мог лишь пробормотать:

— Никогда я не говорил ничего подобного!

На что кузен его лишь презрительно отмахнулся, и принцу сразу ясна стала вся безнадежность его положения.

Это был заговор — чудовищный, продуманный до мелочей.

Ловушка, из которой у него не было ни единого шанса выбраться.

Умоляюще он взглянул на короля, с трудом удерживаясь, чтобы не пасть на колени.

— Ваше Величество! Теперь мой черед воззвать к вашей справедливости! Обвинения возведены на меня облыжно, и я не приму их ни в большом, ни в малом! Мне неизвестно, кто мои враги, и кто пытается погубить меня, но я невинен в глазах людей и Пресветлого. Лишь прикажите — и я готов с мечом в руке отстаивать свое доброе имя!

Вилер Третий устало покачал головой. Сейчас у короля был вид человека, совершенно утратившего власть над событиями, не поспевающего за их стремительным ходом. Он чувствовал себя, подобно вознице кареты, чьи лошади понесли, и желал лишь одного — остановки, покоя. Времени на раздумья.

Сумрачным взглядом правитель обвел напряженно ожидающих его решения придворных.

— В королевстве случилось нечто страшное, — произнес он медленно. — Признаться, я надеялся, что на своем веку не увижу более ни крови, ни таких смертей, что Аквилонию мне удалось надежно защитить от подобной участи... Но, видно, и впрямь Пресветлый отвернулся от нас за грехи наши. Что же толку теперь взывать к правосудию?!

Неожиданно для всех, он развернулся и направился к выходу из зала, тяжелой, шаркающей походкой. У него был вид сломленного горем старика, невесть зачем надевшего на голову золотой обруч. Точно почувствовав на себе их взгляды, у самой двери Вилер обернулся.

Несколько секунд он молча смотрел на придворных, точно силясь припомнить, зачем все они собрались здесь и чего ждут с таким напряжением, а затем с трудом проговорил:

— Уходите все. Тиберий мертв — зачем же вы стоите здесь? Подите прочь!

Сын барона был единственным, кто осмелился подать голос, ибо он был слеп и глух ко всему, оглушенный яростью и болью:

— Ваше Величество! Но правосудие...

— ...свершится! — в тон ему огозвался Вилер. — Правосудие Митры, которое ждет всех нас!

И, не слыша ничего больше, удалился, согбенный, разом состарившийся, убитый горем.

Удалился оплакивать того, кто был ему ближе, чем брат; и тех двоих, что были ему роднее, чем сыновья.

* * *

Валерий обвел глазами придворных.

Теперь они намеренно избегали его, точно человека, у которого проявились первые симптомы опасной болезни. Стоило ему случайно встретиться с кем-то глазами, и тот поспешно отворачивался, отходил с дороги, как будто опасаясь даже просто коснуться его. Стоило королю скрыться за дверью, как разнряженные вельможи гурьбой устремились к выходу на другом конце приемной, словно мутный поток обтекая застывших неподвижно племянников короля и сына барона.

Принц скользнул взглядом по дышавшей ненавистью фигуре Винсента, чью ярость он ощущал, подобно волне жара от раскаленного очага, и задержался на Нумедидесе. Тот стоял неподвижно посреди зала, и на жирном вислощекном лице отражалась странная смесь радости и недоумения. В его позолоченных зубах Валерий вдруг увидел свое отражение — маленькое, кривое, жалкое.

Шамарца одолело искушение подойти к Нумедидесу, встряхнуть за грудки и потребовать ответа — зачем ему понадобилось это нелепое представление, что за злобный умысел стоял за его словами, однако он знал, что все равно не услышит правды.

Развернувшись на каблуках, Валерий двинулся к выходу. Подумать только, мелькнула у него пальная мысль, — только сегодня утром он был уверен, что испил чапу горестей до дна, и ничего хуже с ним случиться не может.

Горький смех сорвался с губ принца.

Должно быть, боги преисподней отверзли свой черный мешок, что несет беду и погибель, прямо над его головой.

Хмельная, жестокая веселость захлестнула его мутной волной. Он сказал себе, что будет счастлив вернуться к Релате. Двое безумцев, несомых, точно щепки, по воле бурлящих волн судьбы, — они были прекрасной парой!

Ускорив шаг, Валерий двинулся по бесконечному коридору, даже не дав себе труда обернуться на чей-то знакомый голос, что окликал его сзади.

* * *

Когда двери приемной захлопнулись за ним, король Вилер быстрым шагом прошел по узкому коридору на лестницу, что вела в его покои. На полпути, словно спохватившись, он обернулся и раздраженным жестом

велел следовавшим за ним канцлеру и сенешалю убираться прочь. Опасаясь, как бы гнев повелителя не обрушился на их головы, барон Латро и герцог Беррийский поспешили повиноваться. Вилер удалился в одиночестве.

Он сразу прошел в библиотеку — крохотный оазис в огромном дворце, единственное место, где он мог ощущать себя в безопасности и вне досягаемости для тревог внешнего мира, — однако сегодня даже здесь, в окружении древних пергаментов и свитков, начертанных на шелке карт далеких материков, рисунков, изображавших неведомых животных, и прочих диковин королю не суждено было обрести успокоение. Он прогнал слуг, не позволив им разжечь в камине бгонь, и, убедившись, что никто не нарушит его драгоценного одиночества, принялся расхаживать по комнате, вполголоса бормоча себе под нос.

То была нелепая привычка — однако она помогала Вилеру сосредоточиться.

Митра, как же мог ты допустить, чтобы такое случилось с Тиберием?!

Он до сих пор не в силах был поверить, что давний друг его и наперсник мертв, пал жертвой неведомых злодеев... Пока король не мог даже думать о том, что означало это нападение для всей страны, — насколько его бароны разомлели, дружины их утратили боеспособность, насколько нага и беззащитна оказалась вдруг Аквилония, отданная на растерзание любому разбойнику с большой дороги, у которого достанет дерзости замахнуться на столь жирный кусок. И в том была вина и самого Вилера, — однако сейчас он был попросту не способен мыслить о судьбах державы.

Скорбь его была слишком глубока, чтобы впустить в душу иные печали.

Но кто же мог сотворить такое? Он не мог заставить себя поверить, несмотря на всю уверенность молодого Винсента, в том, что Валерий причастен к злодейству.

Валерий... С детства готовый вступить за слабого, прямодушный, горячий — или именно эта горячность его и погубила? И принц стал жертвой страстей, совладать с которыми у него не достало сил?

Вилер покачал головой. Невозможно поверить!

Хотя... Нумедидес ведь указал на возможный мотив. Женщина! Ради нее мужчины идут на любые безумства!

Но не на такое, тут же возразил он себе. Если только не предположить, что Нумедидес еще тогда, после Осеннего Гона, говорил правду, и шамарский принц и впрямь обуян демоном.

Тогда становится понятным все. И странное его поведение последние дни, и убийство несчастного Гретиуса, чей преемник на днях должен будет вступить в должность, и многое, многое другое...

Однако можно ли доверять Нумедидесу?

Король вынужден был признать, что в последнее время племянник порой просто пугал его — он совершенно перестал понимать, что у того на уме. Когда он наблюдал украдкой за Нумедидесом, ему казалось, он видит перед собой дикое животное, готовое в любой момент сбросить человеческую личину, обнажив свою звериную сущность. Даже глаза принца стали иными — янтарными, точно у оленя-самца, и когда взгляд их, холодный, немигающий, останавливался на короле, тот невольно чувствовал, как его пробирает дрожь.

Так можно ли верить хоть одному из них?

Вилер перестал метаться по комнате и, застыв перед холодным очагом, судорожно сжал висевший на груди талисман. Однако, вместо ожидаемого тепла, могильный холод обьял его душу, и ледяная дрожь пробрала короля. Выругавшись, он отпустил медальон.

Проклятье! Как же ему узнать правду? Где искать убийц Тиберия?

Разумеется, все обвинения против принца он замнет, чего бы это ни стоило: у него просто нет иного выхода. Помимо его личного долга перед Валерием, — о котором тот даже не подозревал, но это не делало его менее весомым в глазах Вилера, — ему нужно было еще позаботиться о чести трона. Грязные слухи должны быть жестоко пресечены! Как ни горевал он о Тиберии и его родных, он не мог, даже во имя их памяти и святой справедливости, поступить иначе.

И все же короля снедала тревога.

На миг ему показалось, что он что-то упустил в своих размышлениях, сделал ошибку, что неминуемо станет роковой для всех них... Однако он тут же приказал внутреннему голосу умолкнуть.

С глубоким вздохом король опустился в удобное мягкое кресло, стоявшее у полки с древними фолиантами,

иные из которых написаны были еще в довалузийскую эпоху, и позвонил в колокольчик, призывая слуг.

— Пусть разожгут камин — здесь холодно, — велел он бесстрастно, и даже самый внимательный глаз не заметил бы на лице короля следов тревоги и отчаяния. — И принесите вина. Я хочу помянуть моего доброго друга Тиберия.

Он задумался на миг.

— Да, и передайте верховному жрецу Декситею, что король желает его видеть. Нам есть, о чем поговорить со служителем Митры.

Аой.

ВРЕМЯ РАЗДУМИЙ

Дым остролиста, пряный и чуть горьковатый, поднимался от жаровни, белесыми шлейфами стлался по полу и стенам лесного скита. Дверь была наглухо закрыта, однако ни запах, ни духота, казалось, совершенно не мешают колдунье. Усевшись скрестив ноги перед огнем, она ворошила палочкой с вырезанными рунами тлеющие угли в очаге, лишь время от времени утирая пот со лба свободной рукой. Она была обнажена, но это не тревожило ее. Щенок, она знала наверняка, напуганный событиями последних дней, никогда не посмеет войти без приглашения.

Да и почувствовала бы она его приближение за десяток шагов...

Когда почти весь остролист обратился в пепел, с довольной усмешкой колдунья разломала на части палочку с рунами и бросила ее в жаровню. Та вдруг вспыхнула ярким алым пламенем и рассыпалась сухой зеленоватой золой.

Колдунья застыла, простирая над огнем руки.

Было бы легче, будь при ней сейчас медиум-человек. Чужими глазами ей видеть куда проще, нежели напрямую воспринимать смутные летучие образы, рожденные изменчивым дымом, — однако за последнее время она так часто вызывала эти видения, что уже не нуждалась в посредниках. От Ораста же, поглощенного ныне лишь одной задачей, исполнить которую ему вскоре предстояло, ей было мало проку.

Перед мысленным взором ведьмы возникла Тарантия.

Она видела ее глазами птиц, что пролетали сейчас над столицей, держа путь в далекие южные страны.

Город предстал перед ней таким, каким не видел его ни один человек, — бессмысленное, хаотическое нагромождение островерхих крыш, крытых красной и бурой черепицей, с высокими дымоходами и остроугольными флюгерами. Эти домишки жмутся друг к другу, и карабкаются вверх по холму, где светлым серпом сверкает на солнце королевский дворец. Его опоясывает сеть переплетенных дорог, оттого Лурд похож на лепесток цветка, занесенный ветром в паутину.

По маленьким кривым улочкам снуют крохотные человечки в темных нарядах. Кое-где видны небольшие пропелсины — площади, на которых муравьи-людишки толкуются подле возов с игрушечными мешочками и бочонками, поодаль мельтешат их собратья, одетые в разноцветное платье, — это акробаты, канатные плясуны и жонглеры. Вокруг них плотное кольцо зевак. Тут и там на солнце что-то блестит, будто капельки ртути — это начищенные доспехи городской стражи, которая совершает обход, смотрит, чтобы добрые жители Тарантии могли спокойно жить и трудиться. На улицах много мулов с повозками, всадников в черных и красных мантиях, их становится все больше и больше, по мере приближения ко дворцу.

А вот и сама тарантийская цитадель. Ее донжон украшен вымпелами и королевским штандартом. На мощеном дворе проводится развод караула — мундиры Драконов чернеют, словно бобы на выщербленной тарелке.

Теперь ведьма могла обойтись без глупых птичьих глаз. Магическое зрение колдуньи охватило весь дворец целиком, до самых его потайных уголков и закоулков, словно со строения срезали крышу.

Среди аккуратно уложенных штабелей сухого сена пожилой конюх тискал краснощекую служанку. Прежде чем брезгливо отвести взгляд, Марна успела еще заметить отвращение на лице девушки...

На кухне повар трепал за чуб ученика, пролившего соус. Криков его ей не было слышно, но из глаз мальчишки катились крупные, как горох, слезы.

На несколько мгновений Марна позволила себе помедлить, не спешить прямо к намеченной цели, наслаждаясь этим случайно уловленным дыханием далекой жизни. Она

уже успела позабыть, что это значит — жить среди людей, и теперь их суета оглушала и опьяняла, подобно крепкому вину. Дворец бурлил жизнью, от нее невозможно было спастись, невозможно укрыться.

Жизнь была повсюду, суматошная, кипящая, яростная, и на мгновение колдунью охватило желание убраться отсюда, спастись бегством, вернуться в покой и безмолвие одинокого лесного домишки, где пахнет свежей травой и мшистой сыростью, и нет иного движения, кроме трепета ветвей под дуновением ветерка, ряби воды на зеркальной глади озера, да случайно мелькнувшего зверька или птицы. Впрочем, она мгновенно преодолела эту нелепую слабость.

Взгляд, от которого ничто не могло укрыться, проник в самое сердце дворца, в небольшую комнату в башне донжона, где стены были заставлены шкапами с бесчисленными фолиантами, расползшимися от времени тома-ми с обтрепанными страницами, и на миг ей показалось, она ощутила кисловатый запах книжной пыли.

В комнате стояла низкая кушетка, изножье которой было слегка приподнято, чтобы давать отдых натруженным стопам, и два кресла с резными деревянными спинками и подлокотниками в форме свившихся кольцом змей. Однако ни один из тех двоих, что находились в библиотеке, не пожелал присесть и не притронулся к вину, разлитому в высокие серебряные кубки.

Марна с жадностью вперила в их лица, точно желая впитать в себя черты обоих.

Первым был сам король Вилер.

Колдовское зрение позволило Марне увидеть его истинный облик — а не просто грубую телесную оболочку.

Лицо его было черно. Плечи опустились, точно под тяжестью непосильного бремени, лоб изрезали глубокие морщины. Глаза покраснели и слезились, кожа на лице посерела и обвисла. Аура вокруг его головы была темная, с редкими всполохами багрового, точно небо пред грозой. Казалось, пламенный души его стремительно угасал, лишая владыку тяги к жизни.

Он стоял, тяжело опершись о стену у узкого, высокого окна, светлый, почти прозрачный витраж которого изображал золотого аквилонского змея, улющающего вепря Валузии. Руки бесцельно теребили расшитый золотой

тесмой пояс длинной домашней туники. Взгляд казался пустым и отсутствующим.

Принц Нумедидес, что стоял напротив и рьяно что-то доказывал повелительно, напротив казался редкостно бодрым и преисполненным энергии.

Перемены, произошедшие в нем за последние дни, не могли бы укрыться от внимательного наблюдателя, однако внутреннее зрение позволяло Марне увидеть и кое-что еще: принц обрел властность и силу, которой не было прежде в его ленивом, раскормленном теле. В его темно-желтых глазах мелькал недобрый огонек, который наследник престола старательно прятал за опущенными веками. То был лишь отсвет внутреннего пожара, разгоравшегося все ярче внутри недр темной скользкой души, и источником его была Магия Хаоса, более древняя, чем мир. Но лишь равные Марне могли узреть, как огонь этот яростно пожирает крохотные остатки человеческих чувств в душе принца, наполняя его новой животной силой.

— Проклятие Цернунноса, — пробормотала она сквозь зубы.

Здесь перед ней была мощь, подобной которой ей еще не приходилось встречать, и самая мысль о том, чтобы противостоять сей жуткой стихии, вызвала трепет и отвращение. Марна не боялась за себя — однако это вмешательство, что грозило в последний миг расстроить все ее давние, столь тщательно вынашиваемые планы, настораживало и вызывало недобрые предчувствия в душе.

Искушение отказаться от всего, предоставить событиям развиваться своим чередом, было почти неодолимым, ибо она чувствовала, что в борьбу вступили силы, неподвластные ей, перед которыми вся ее волшба казалась песчинкой перед натиском урагана, — но гордыня не позволяла ей отступить. Ради этих дней, и только ради них, она жила столько лет, у нее не было иной цели в существовании, и если она сдастся теперь, она погибнет, заживо сгорев на огне собственной ненависти и бессилия. Уж лучше погибнуть, пытаясь исполнить задуманное...

И все же ей было страшно. Впервые за много зим.

Колдунья вынуждена была признать, что неспособна уже не только держать происходящее под контролем, но и хотя бы опознать те силы, что боролись за господство в этом мире посредством человеческих марионеток. Сила древняя и черная пыталась пробиться наружу, — магиче-

ским восприятием она ощущала ее подобной лаве вулкана, что тхтит прорвать каменную корку и выбиться на поверхность раскаленным фонтаном.

Но была и иная мощь, что противостояла первой — не менее древняя, холодная, точно порывы северного ветра, обращавшая в лед все, чего касалась своим дыханием. То были два основных течения, однако в водовороте их ощущались и иные силы, более слабые, однако столь же упорные, каждая из которых, умело приложенная в нужном месте, в нужное время, могла взвихрить весь поток, придав ему совершенно новое направление. И среди них, как ни горько Марне было сознавать это, ее собственная магия была едва ли не одной из самых слабых... Однако она не теряла надежды. Это было последнее, что у нее оставалось.

Надежда — и Скрижаль, украденная Оростом у немецкого чернокожника.

Марна не испытывала ни малейших угрызений совести, когда думала о том, как безжалостно и цинично использовала этого юного глупца с глазами, похожими на раскаленные угли, полного рвения неопита, бредящего мировым владычеством. Подобно всем им, мнящим, будто созданы для высшего, он решил, что не оценен по достоинству теми, кто окружал его, и был преисполнен жажды мщения, — не сознавая, ослепленный гордыней и самомнением, что мир дает ему ровно столько, сколько причитается по способностям его, и на большее он не вправе рассчитывать.

Марна усмехнулась, представив себя в роли карающей длани Судьбы, миссия которой — поразить дерзкого, замахнувшегося на недоступные его пониманию выси. Это не было ее целью... Ей не было дела до этого юнца, до его чаяний и упований. Однако он подвернулся как раз кстати, — точно посланный богами в ответ на ее мольбы. Так какая разница, станет ли она орудием его падения или возвышения.

Каждому в книге горней записано свое.

Колдунья и не желала знать, что именно предназначалось Оросту; ее волновало лишь то, какую роль он сыграет в ее собственных планах. Возможно, если удача и решимость не изменят ей в последний момент, ее сила окажется тем самым слабым рычагом, который, умело при-

ложенный, сумеет свернуть горы и переломить ход событий в нужную сторону.

Надежды эти можно было бы счесть слишком дерзкими, однако Марна не допускала в сердце отчаяния. Пусть ей противостояла древняя, нечеловеческая мощь, в прямом столкновении с которой она не продержалась бы и нескольких мгновений, — но та сила была слепа, как сама природа, подобная горному селю, что несется вниз, сметая все на своем пути.

За Марной же была мудрость поколений магов, приносящих жертвы Асуре и долгие годы постижения. И отчаяние, перемешанное с ненавистью, которые были не слабее тупой ярости потока.

Стиснув кулаки, ведьма вновь уставилась в огонь.

Слепой, всевидящий взор колдуньи перенесся дальше, в самое сердце запутанного лабиринта, каким был древний тарантийский дворец, в ту часть его, где находились бесчисленные гостевые покои, опустевшие и неприбранные со времени отъезда нобилей, что лишь дважды в год навещаются в столицу из дальних краев, и не имеют собственной резиденции в городе, — туда, где обитаемой оставалась лишь небольшая пристройка в дальнем конце левого крыла, окруженная густой порослью магнолий и цикламенов, цветущих редким кровавым цветом, благодаря которым палаты эти и получили название Алых. Без утайки и стеснения, подобно всем прочим, покои принца Валерия обнажили самое сокровенное нутро свое нескромному колдовскому взгляду.

С отвращением поморщившись, ведьма обнаружила, что застала принца в разгаре любовных утех, и изумленный возглас сорвался с уст ее, когда она узнала медноволосую девушку, извивающуюся и стонущую в объятиях Валерия.

Чем-то зрелище это было непередаваемо омерзительно ей, — и все же Марна не отвела взора, с непристойной жадностью впитывая мельчайшие детали открывавшейся перед ней сцены. Ничто не ускользнуло от ее внимания — ни закатившиеся в экстазе глаза Релаты, ни ее искусанные в кровь пунцовые губы, ни пот, катящийся в ложбинке по груди. Видела она — точнее, воспринимала тем странным свойством колдовского зрения, что открывало ей куда больше, нежели человеческие глаза, — и мрачное отчаяние принца, точно жаждавшего забыться в горячеч-

ном водовороте страсти, и пустой взгляд устремленных в никуда глаз...

В дымном сумраке лесного скита ведьма заскрежетала зубами.

— Похотливый глупец! Марна верно разгадала тебя! А ведь едва не сжалилась, не уступила тогда, у озера... Проклятье Асуры на твою голову! — Не удержавшись, она вскочила с места, грозя кулаком скрытым за низким потолком небесам, слепым и черным, точно уродливая маска ведьмы.

Ради чего тогда все?!

Она поставила на карту будущность и всю жизнь свою ради этого слизняка — только чтобы воочию убедиться, что он недостойн ни тех жертв, что были принесены ради него, ни тех усилий.

Сейчас, когда решается все, когда стрелка на весах мирового порядка удерживается в тончайшем равновесии и достаточно малейшего толчка, чтобы сместить ее; в тот самый миг, когда решается его судьба и судьба всей Аквилонии, — этот глупец забавляется с потаскушкой, пытаясь обрести забвение, в коем, знает заведомо, будет ему отказано!

Неистовый волчий вой сорвался с губ колдуньи, протяжный и полный бессильной злобы.

Он же не знал... он ничего не знал об их планах, ни о том, что она делала для него. Он не повинен в собственной слабости! И все же, как ни старалась Марна найти для принца оправданий, чувства не поддавались доводам разума.

Он должен был знать!

Валерию судьбой и рождением уготовано было стать воином и правителем. Инстинкт бесчисленных поколений вождей должен был подсказать ему, что грядут перемены, грозные и неумолимые, подобно роковому девятому валу, и если он не попытается оседлать эту волну, — она захлестнет и поглотит его. И все же, несмотря ни на что, принц предпочел закрыть глаза, спрятать голову под крыло, подобно перепуганной птице, искать убежища в бесплодных грезах и лживой страсти.

Чем же могла помочь ему лесная колдунья? Она сделала все, что могла!

Устало и обреченно Марна опустилась на свое место у жаровни. Угли почти утасли, и ей пришлось долго дуть

на них, покуда она вновь не ощутила обжигающее дыхание огня. Ей не хотелось больше смотреть — на сегодня она видела достаточно, однако некая смутная сила точно подталкивала ее... как будто она не находила в себе мужества прервать сеанс ясновидения, унося в памяти образ Валерия, предающегося постыдному соитию с той, что была, в глазах колдуньи, не человеком даже, но пустой оболочкой, наполненной тупым вожделением.

Ей необходимо было увидеть еще хоть что-то...

Однако подглядывание за дворцовой жизнью опустылило ей, сделалось невыносимым, и, хотя многое еще хотелось узнать, она с отвращением отвратила взор. Насколько мгновений она точно парила в сером пространстве, лишенном формы и границ, — странном межмирье, служащем границей между областью живых и той, что населена высшими духами и истинными отражениями.

Затем усилием воли поднялась выше.

Воздух на этом плане — если это можно было назвать воздухом, — казался смертельно разреженным, и колдунье было тяжело находиться здесь. В этом мире тончайших эманаций даже ее магическое зрение казалось грубым, физическим, и она испытала вдруг нечто давно забытое, утраченное, — ощущение рези в глазах, точно слишком долго разбирала слепую вязь манускриптов при неверном свете лучины.

Пребывание на этом плане всегда было мучительно, и лишь сильнейшие из земных некромантов находили силы подняться сюда, ибо этот мир не выдерживал их чужеродные, слишком грубые тела, как вода не выдерживает тяжесть камня, давая ему пасть на дно. Лишь на несколько мгновений удалось ей задержаться, — однако даже этого оказалось достаточно, чтобы увидеть все то, что ей было необходимо.

Столкновение, что выражалось на земле в противостоянии отдельных людей, армий и целых держав, представлено здесь было в форме потоков энергий, — именно так, как она и представляла себе прежде. Черная огненная река, и навстречу ей — синяя, густеющая снегом и ветром... древняя, из глубин веков пришедшая мощь. Там же была тень черного кречета, рапластавшего крылья, столь мощного некогда, однако обреченного на неминуемое поражение, ибо не под силу ему было ни обуздать поток раскаленной лавы, ни взмыть ввысь с ледяным Бореєм. Своей

собственной силы не увидела она — но это было естественно, ибо сейчас она была в самом средоточии ее...

Однако теперь, на этом новом плане, в новой перспективе, Марна узрела нечто, о чем знала все это время, однако не уделяла достаточного внимания, удерживая на самом краешке сознания, как нечто важное, что могло сослужить службу когда-нибудь позже, однако до сих пор неведомо когда и какую именно. Скрытая, потаенная сила, способная изменить всю картину их сложного, запутанного мира, однако овладеть ею мог далеко не всякий, ибо тайна та была упрятана в зашифрованной вязи древнего фолианта, схоронена надежно, заперта на замок от нескромного взора, — и все же-ж ней имелся ключ.

И в тонкой сфере, где истинный свет невозможно сокрыть ни в пергаменте, ни умолчанием, ни даже смертью самой. Оно сияло огненно и ясно, приковывая взоры тех, кто обладал достаточной мудростью и отвагой, чтобы увидеть его, — Сердце Аримана, чью тайну хранили в себе страницы Скрижали изгоев, похищенной немедийским жрецом, ради которой он готов был взойти на костер и которая могла теперь стать решающим, спасительным оружием в борьбе за будущее Аквилонии.

* * *

Спускаясь по узкой винтовой лестнице, что вела из личных апартаментов короля на верхушке донжона, принц Нумедидес остановился перевести дух на крохотной площадке, освещенной смолистыми факелами, контившими в медных скобах в стене. Принца мучала одышка, и он с ненавистью взглянул вниз, в пронизанную алыми отсветами тьму, прикидывая, долго ли еще осталось до низа.

Судя по всему, оставалось немало...

Он не мог взять в толк, ради чего понадобилось Вилеру устраивать себе кабинет на такой высоте, и как тому, в его-то годы, удастся каждый день карабкаться туда-сюда по этой треклятой лестнице — и не сломать себе шею!

Нет, как только он станет королем, то велит перенести свои покои в правое — новейшей постройки — крыло замка, желательно, на первый этаж. И никаких башен!

Отдуваясь и утирая пот со лба, принц продолжил спуск.

Ступени винтовой лестницы были настолько узкими, что едва вмещали стопу человека, и идти приходилось крайне осторожно, ибо каждый неосторожный шаг мог

закончиться падением и смертью, ведь помимо всего прочего, здесь отсутствовали даже поручни, за которые можно было бы ухватиться, оступившись. Вилер объяснял как-то, что так он чувствует себя в безопасности: якобы злоумышленникам не так легко будет пробраться в его покои незамеченными, — однако Нумедидес скорее склонялся к мысли, что королю доставляет удовольствие относительное одиночество и уединенность, даруемые донжоном... и унижение советников и придворных, вынужденных карабкаться в это воронье гнездо ради встречи с повелителем.

Гм, возможно, когда он станет королем, что-нибудь подобное также стоит устроить, — мысль о запыхавшихся, взмокших вельможах, на четвереньках ползущих, чтобы предстать пред светлые очи владыки, не лишена была привлекательности... с тем условием, разумеется, что сам он будет избавлен от подобных тягот.

Над этим стоило поразмыслить.

Так, за приятными раздумьями, принц не заметил, как добрался до конца лестницы и вышел в крытую галерею, что, опоясывая огромный внутренний двор, вела в основную часть замка. Погруженный в свои мысли, он не заметил даже поклона, каким приветствовали его четверо часовых, несущих стражу у подножия донжона, охраняя вход в королевскую башню. Те, впрочем, хорошо зная принца, не слишком и надеялись на ответ, и, проводив глазами тучную фигуру, скрывшуюся за поворотом галереи, обменялись мрачно-насмешливыми взглядами.

Вернувшись к себе, Нумедидес переоделся в домашнее платье и велел слугам подавать ужин. На миг он засомневался, не пригласить ли разделить с ним трапезу кого-нибудь из придворных, — те, в последнее время, слепым, но безошибочным чутьем ощущая близость грядущих перемен, вились вокруг него, точно бабочки вокруг цветка-медоноса, и были бы счастливы любому случаю присоединиться к тому, в ком угадывали будущего правителя.

Он недоумевал, как они могли почувствовать это — ибо король Вилер внешне был еще вполне крепок, не собиравшись ни отречься от трона, ни оставлять его каким-либо иным образом; к тому же он, казалось, не слишком и привечал племянника, отдавая пусть не явное, но заметное предпочтение принцу Шамарскому, — однако

все знаки были налицо. Они кланялись Нумедидесу все ниже, делались с ним все угодливее, — в особенности, после вчерашнего Малого Выхода и всего, что за этим последовало, — и не упускали возможности засвидетельствовать ему свое почтение.

Тщеславию принца льстило их внимание, и хотя он ясно сознавал, как мало в нем искреннего чувства, но воспринимал происходящее скорее как подтверждение собственных предчувствий. Помимо воли короля и придворных, в обход всех интриг Амальрика и предсказаний лесной ведьмы, в жизни их вершилось нечто, над чем они были невластны и чему могли быть лишь благоговейными свидетелями. Нумедидес трепетал от восторга при мысли, что именно ему выпала честь сделаться главным героем грядущих перемен.

Воспоминание об Амальрике, однако, повлекло за собой иные мысли, и он с сожалением отказался от того, чтобы приглашать кого-то к ужину, — даже танцовщиц и певичек, к чему сперва клонились его желания, — ибо тогда трапеза рисковала затянуться, а разговор с немедийцем, пожалуй, откладывать не стоило.

Кликнув доверенного слугу, Нумедидес велел, чтобы тот отыскал барона Торского и передал, что принц просит незамедлительно явиться к нему.

Слово *просил*, хоть и являлось дипломатической необходимостью, далось Нумедидесу с трудом, — однако его утешила та мысль, что надменному немедийцу придется, как простому просителю, дожидаться в приемной, пока наследный принц завершит трапезу.

Пока что этого будет достаточно.

Мстительно усмехаясь, Нумедидес проследовал в столовую, отделанную ониксом.

Там был уже накрыт стол, огромный, где без труда поместилось бы две дюжины гостей, но сейчас лишь во главе возвышалось единственное кресло, обтянутое пурпурным штофом.

Изобилия блюд также хватило бы на целый отряд, но и в одиночестве принц воздал должное и запеченному в белом вине зеркальному карпу, фаршированному орехами и грибами, в соусе из майорана и раковых шеек, и пирогу с голубиными язычками и ароматными трюфелями, и паштету из кабана с травами, по Бритунскому рецепту,

и копченому утрю, лишь утром доставленному из Зингары...

Ел он с жадностью и помногу, ибо заметил в последнее время, что аппетит его еще более возрос, так что порой даже четырех обильных трапез в день казалось недостаточно, чтобы насытиться, — однако вина почти не пил, желая сохранить трезвую голову перед грядущим разговором с дуайеном.

Насытившись наконец, он откинулся в кресле, задумчиво созерцая свечу, стоявшую на столе всех ближе к нему. Розовый воск оплывал, стекая жирными наростами, пламя чуть заметно подрагивало... О чем-то это напоминало ему, однако после сытной трапезы принцу никак не удавалось собрать лениво расползающиеся мысли и сосредоточиться на том, что видел перед собой. Он почувствовал, что его клонит в сон, захотелось приклонить голову, лечь, ощутить нежные женские руки, оглаживающие усталые плечи, снимающие напряжение дня.

При мысли о том, что предстоит сейчас говорить с раздраженным ожиданием немедийцем, выслушивать его нелепые попреки и притязания, принц ощутил прилив вялой злобы. Первым делом, подумал он сонно, прикажу казнить его как немедийского шпиона! Эта мысль принесла чуть заметное облегчение. С усилием он поднял голову, готовясь к неизбежному разговору.

Конечно, приятно было бы все же отослать Амальрика, так и не увидевшись с ним, — это здорово сбило бы спесь с возомнившего о себе невесте что барона! Однако Нумедидес с сожалением признался, что пока не может позволить себе подобной роскоши. Все нити заговора сходились в ловких руках немедийца, — и даже если, как в душе был уверен принц, в борьбе за власть ему обеспечена поддержка и участие высших сил, все равно, без помощи сил земных, увы, не обойтись. А значит, придется еще потерпеть надменность барона. И все же хоть раз стоило поставить его на место.

Чтобы не забыть, с кем имеет дело.

Остатки дремотной истомы покинули Нумедидеса, он с удовольствием ощутил, что разум его ясен и готов к бою, точно обнаженный меч, — и негоже было возвращать его в ножны, покуда клинок не испил крови. Он потянулся, так что хрустнули кости, и показал ожидавшим в дверях слугам, что они могут убирать со стола. Затем,

поднявшись с кресла, вновь позвал своего доверенного раба.

— Явился ли посланник?

Тот поклонился, не смея поднять глаз на господина.

— Да, как вы приказывали, принц, и ждет в малой гостиной. Он, кажется, очень сердит, мой повелитель...

Нумедидес отмахнулся небрежно.

— Пусть его. — И, уже направляясь к двери, остановился на полпути, словно вспомнив о чем-то. — Да, вот еще что... — Раб обратился в слух. — Пусть пришлют ко мне эту зингарку, что вчера танцевала у короля за ужином. И поскорее — с немедийцем я долго не задержусь.

Раб пятась удалился, не переставая кланяться. Принц быстрым шагом прошел в гостиную, где дожидался его барон Торский.

Одного взгляда было ему достаточно, чтобы понять — Амальрик не просто сердит, но в бешенстве.

Никогда прежде принц не позволял себе обращаться с ним, словно с последним из слуг, и тот не находил себе места от ярости. На мгновение Нумедидесу сделалось не по себе, ибо он знал, как опасен может быть барон в такие минуты, — однако страх тут же сменился ледяной веселостью.

Несмотря ни на что, немедиец дождался его. Как бы ни бесился, ни проклинал его про себя — но дождался покорно, точно пришедший с поклоном проситель, точно раб, на коленях! Нумедидес с трудом скрыл довольную усмешку.

То ли еще будет, немедийский пес, сказал он себе довольно. То ли еще будет...

Амальрик поднялся навстречу вальяжно приближающемуся принцу с преувеличенно низким поклоном.

— Ваше Высочество... Я боялся, вы и забыли, что велели своему ничтожному слуге явиться пред светлые очи.

Тон его, как и все обороты выпренного лэю, был безукоризненным, возможно, даже чересчур, однако Нумедидес сделал вид, что не ощутил скрытой в словах угрозы.

Небрежно он махнул рукой в сторону дивана, слишком низкого и мягкого, чтобы Амальрик с его ростом мог чувствовать себя там комфортно. Сам же уселся в кресло

напротив, в упор разглядывая гостя с подчеркнуто добродушной улыбкой.

— Не взыщите, посланник, что заставил вас ждать — но у особ королевской крови могут быть свои обязательства.

— Разумеется, Ваше Высочество. И не простым смертным судить о них.

Это были пустые слова, и оба собеседника знали это, однако в тоне, каким они были сказаны, крылся вполне ясный подтекст, и Амальрик, искушенный в придворных тонкостях, не мог не услышать его.

Принц ясно давал понять, что ситуация изменилась, и требовал, чтобы сообщник его также признал это и уступил его власти, — но барон, разумеется, был не так прост, чтобы склонить голову по первому требованию.

До сих пор он надежно удерживал в своих руках нити заговора, а стало быть, и самую жизнь принца, и отнюдь не намеревался расстаться с этой властью лишь потому, что надменный глупец, которому корона Аквилонии пошла бы не больше, чем корове седло, вознамерился показать свою власть.

Слегка помедлив и тщательно взвешивая слова, он заметил:

— Насколько я понял, Ваше Высочество, в столь поздний час вы побеспокоили меня по действительно важному делу?

Вопрос его передавал массу оттенков, — скрытое неудовольствие, что принц вызвал его к себе. Упрек в том, что тот не соблюдает элементарных требований безопасности. Сомнения, что у того, вообще, мог найтись повод достаточно важный, чтобы потревожить барона... Однако Нумедидес придал его словам значения не больше, чем жужжанию докучливой мухи, и лишь пренебрежительно отмахнулся, все с той же презрительной усмешкой.

— Полноте, барон. Неужели недостаточно того, что мне просто захотелось увидеться с вами — вкусить на ночь плодов премудрости, что наполнят сладостью мою жизнь...

Амальрик вспыхнул, на мгновение растерявшись, не зная, как реагировать на очевидное оскорбление. Принц явно провоцировал его, — однако он не желал принимать его игру, пока не поймет, чем вызвано столь странное поведение, ибо заповеди Черного Кречета гласили, что,

играя на чувствах человека, можно завлечь его в такую ловушку, из которой даже смерть не станет выходом.

Стиснув зубы, он подавил гнев.

И все же это было более чем странно.

Перемены в характере Нумедидеса он заметил не так давно, и начались они с проявлений столь мельчайших и незначительных, что человек менее наблюдательный едва ли обратил бы на них внимание, — однако нрав принца менялся теперь столь стремительно, буквально в течение дней и часов, что он терялся в догадках, совершенно неспособный объяснить, чем это может быть вызвано.

Два года назад в принце он видел лишь избалованного недоросля, капризного и испорченного, ищущего во всем лишь личной выгоды. Он ровным счетом ничего не смыслил ни в государственных делах, ни в военном деле, ни в искусстве, ни в дипломатии.

При помощи простейших приемов, его можно было толкнуть на что угодно, и в ловких, искушенных руках Амальрика принц был, что сырая глина в руках опытного гончара. Неспешно плетя нити заговора — ибо считал, что в таком деле лучше ждать слишком долго, чем из жадности лишиться головы, — он незаметно давал Нумедидесу кое-какие уроки, ибо для него посадить на трон человека, совершенно неспособного управлять государством, было бы не уважать себя самого; однако заботливо старался не учить его слишком многому, ибо помнил также и ту заповедь, что ученик неминуемо обернется против чересчур ретивого наставника.

И потому знал наверняка, что сегодняшние перемены в Нумедидесе были не его рук делом, — и терялся в догадках.

Пока еще это не пугало барона: он был уверен, что вполне способен справиться с не в меру возмнившим о себе принцем, и, поразмыслив, что тому даже на пользу пойдет, если он слегка отпустит вожжи, — лишь чтобы резче осадить его впоследствии. Так что опасности происходящее пока не представляло... И все же барон решил держаться настороже.

Вполне овладев собой, он поднял взгляд на Нумедидеса, чуть заметным пожатием плеч давая понять, что заметил и оценил по достоинству все — и тон принца, и то, что тот даже не соизволил предложить ему вина, как

того требовали священные обычаи гостеприимства, и унизительное место на диване для нежеланных гостей.

На губах его заиграла обманчиво сладкая улыбка.

— Как бы то ни было, Ваше Высочество, я рад видеть вас в любой час дня и ночи, когда будет на то ваша воля.

Он заметил, как довольно сверкнули глаза принца, уверенного, что одержал окончательную победу над противником, и едва сдержался, чтобы не расхохотаться вслух. Что бы ни происходило с Нумедидесом — на лесть он был падок точь-в-точь как и раньше!

— Угодно ли вам было поговорить со мной о случившемся в Амилии?

Он не слишком рассчитывал, что принц поддастся на эту уловку, — однако задать вопрос стоило, хотя бы ради того, что этого от него ждали. Прятать большую хитрость в меньшей было его излюбленным приемом... И, судя по всему, Нумедидес заглотил наживку.

И, видя, как тот потирает пухлые руки с посеребренными ногтями, Амальрик порадовался про себя, что не успел преподать принцу урока об опасности слишком красноречивых жестов. Пока что он по-прежнему мог читать его как раскрытую книгу.

— Амилия? Вы хотите сказать, об этом злодейском убийстве нашего друга Тиберия? Но что я могу рассказать вам об этом?

Принц неплохо изображал недоумение, однако барон уже не слушал его пустых фраз и заверений. Он узнал все, что ему было необходимо, и не сомневался более, что, прямо или косвенно, Нумедидес причастен к происшедшему.

Возможно даже, нападение на дом барона произошло по прямому наущению с его стороны.

Эта мысль не могла ни поразить барона, ни вызвать его негодования, — подобные чувства не были свойственны ему, если речь шла о власти, даже когда жернова ее перемалывали жизни невинных.

Единственное, что испытывал он в это мгновение, — это бешенство от того, насколько грубо и неаккуратно было это нападение исполнено.

Топорная работа! Разве такому я учил тебя, хотелось ему крикнуть в лицо Нумедидесу, — разве я учил тебя быть мясником?

И то, как принц пытался теперь переложить вину на брата — каких бы свидетелей он ни нашел, какие бы доказательства ни предоставил, — лишний раз говорило о полной его несостоятельности как правителя и стратега. Вилер без труда раскусит его, как и все остальные, и это станет падением Нумедидеса, ибо подобной измены король никогда не простит ему!

Немедийцу захотелось вскочить, ухватить этого жирного болвана за волосы и трясти, пока не заклацают зубы, пока не поймет, каких глупостей натворил, возомнив, что стал теперь умнее всех и способен в одиночку действовать и принимать решения!

А ведь он способен погубить их всех...

Мгновенное отчаяние охватило Амальрика, когда он осознал, на грань какой пропасти завлекла их глупость Нумедидеса. Жизнь каждого из них, всех, кто прямо или косвенно принимал участие в заговоре, висела ныне на волоске по вине этого кретина, — а он сидит перед ним и ухмыляется довольно, точно стал героем дня!

Барон Торский едва сдержался, чтобы не дать выход отчаянию, и лишь железная выдержка помогла ему сохранить безмятежное выражение на лице и в голосе, пока он продолжал обмениваться с принцем пустыми, ничего не значащими словами о настроениях во дворце и об ужасе, вызванном среди придворных вестями из разоренной Амилии.

— Должно быть, это какие-то приграничные шайки, — цедил с усмешкой Нумедидес, задумчиво разглядывая свои сверкающие ногти. — Это же сущие головорезы...

— Да, разумеется, Ваше Высочество. Кто же еще?

— Король должен бы отдать приказ, чтобы Черные Драконы усилили охрану дворца. Кто знает, не доберутся ли эти псы до самой Тарантии.

— Здравая мысль, Ваше Высочество.

— Сегодня я как раз говорил об этом с королем. Он сказал, что уже отдал приказ. Мы все вздохнем свободнее.

— Истинно так, Ваше Высочество.

— И тогда же состоится расследование всех обстоятельств дела — ибо, скажу вам по секрету, дорогой Амальрик, свидетельства против моего кузена весьма и весьма серьезные. Мне удалось убедить короля начать разбирательство как можно скорее...

На сей раз барон Торский ограничился лишь кивком, — впрочем, большего от него и не требовалось. С каждым мгновением отчаяние все сильнее охватывало его.

До сегодняшнего вечера у него еще была иллюзия собственной власти, некоего контроля над ситуацией, но теперь, с каждым словом принца, она развеивалась, точно дым, оставляя его в недоуменном бессилии, с ощущением пустоты в руках и в сердце. Он утрачивал не только власть — но и просто понимание происходящего. Мир утекал сквозь пальцы, подобно песку, и Амальрик внезапно испугался, что утратит так все, до последней песчинки.

Никогда прежде ему не доводилось чувствовать себя настолько беспомощным.

Может быть, права была Марна, в отчаянии спросил он себя, кивая в ответ на слова принца, которых даже не слышал, — и нам с самого начала, как она и настаивала, следовало поставить на Валерия?

Тогда он посчитал, что сумеет куда лучше оценить ситуацию и собственные возможности, нежели невежественная лесная колдунья, никогда не бывавшая при дворе, не знающая ни царящих там обычаев, ни нравов, однако теперь он ясно видел, как далеко завело его самомнение и гордыня.

Могло ли стать, что Марна еще в те дни предвидела, насколько неуправляемыми могут оказаться силы, с которыми они столь безрассудно пытались играть? Но тогда это означает, что Амальрик сам погубил все, не прислушавшись к ее советам...

Внезапная усталость нахлынула на него, и он с трудом нашел в себе силы вслушаться в то, что говорил ему Нумедидес. Оказалось, тот спрашивал его, каковы настроения в среде заговорщиков.

Он отделался несколькими ничего не значащими фразами о полной готовности их сторонников к любым неожиданностям, однако теперь принц неожиданно — чего ранее за ним никогда не водилось, — пожелал вникнуть в детали. Его интересовало, сколько отрядов гвардейцев на его стороне, кто пользуется большим авторитетом в их среде, он сам или Валерий, могут ли они, в случае чего, встать на защиту принца Шамарского? Придворные, заметил про себя Амальрик, интересовали его куда меньше.

И в этом также был новый Нумедидес.

Они проговорили далеко за полночь.

Когда Амальрик уходил, вымотанный и опустошенный, весь во власти дурных предчувствий и опасений, он на мгновение задержался за дверью. Несколько секунд, не более, пока никто не заметил его, — однако достаточно долго, чтобы слышать, как Нумедидес отдает приказ рабу, что пришел на его зов, перед самым уходом гостя:

— На рассвете отправишься в таверну «У трех королей», найдешь капитана Вольного Отряда, киммерийца по имени Конан. Отдашь ему вот это... И скажешь, принц Нумедидес ждет его у себя. Скоро мне будет нужна его помощь.

Аой.

ВРЕМЯ МСТИ

О, месьор! Как я рад, что могу наконец поговорить с вами!

Амальрик Торский не ответил, мрачным взглядом окидывая расположившегося напротив Винсента, сына почившего барона Тиберия. В таверну, где немедийский посланник назначил ему встречу, юноша явился первым и, судя по опустевшей больше чем наполовину кружке медовухи, с толком провел время.

Но щеках его уже играл предательский румянец, а жесты были слишком размашистыми и рваными.

«Совсем не держит вина. Мальчишка...» — подумал барон с презрением.

Однако, как бы ни относился он к сыну Тиберия, он не мог отказаться от разговора с ним.

— Я тоже буду рад, — проворчал Амальрик ожидающему ответа юноше. И, отодвинув простой некрашеный табурет, сел рядом. — Особенно, если ты прекратишь орать на всю харчевню...

Он незаметно огляделся по сторонам. Маловероятно, что здесь его кто-нибудь узнает, но осторожность никогда не бывает излишней. И она удвоилась с тех пор, как граф Троццо стал свидетелем их собрания в храме. Его цепкий взгляд скользнул по грязной побелке стен, на которых были развешаны снопы засушенного огнецвета, дабы отвратить злых демонов, и прошелся по испытанным помятым лицам посетителей.

Нет, он не знал здесь никого!

Таверна нарочно была выбрана им грязная и дешевая, где и народ собирался подобающий: небогатые горожане, менялы с соседнего рынка, крестьяне, славно поторговавшие свежим мясом и решившие теперь, пока их не видят сварливые жены, пропустить кружку-другую тарантийского винца, чтобы было о чем порассказать односельчанам.

Дюжие служки в серых суконных фартуках по двое разносили простые деревянные носилки со множеством плюшек, заполненных какой-то подозрительной похлебкой. Это была еда для тех, кто победнее и не может позволить себе заказать кусок жареного мяса и кружку доброго аквилонского эля. Любой мог протянуть руку и взять себе тарелку, но маленькие, заплывшие жиром глазки хозяина зорко следили за посетителями и не упускали ни единой мелочи, а толстые пальцы отмечали на грифельной доске, кто из гостей сколько выпил и сколько съел. На поясе у него висела небольшая *авага* — счетная дощечка, — и толстяк иногда щелкал ее костяшками и закатывал глаза. Губы его шевелились, подсчитывая барыши.

Между длинных столов ходили оборванные музыканты с волынками. Порой кто-то из подвыпивших гостей бросал им мелкую монетку, и они, угодливо кланяясь и попробовав серебро на зуб — не фальшивое ли? — надували мех и начинали играть. Порой крестьяне, не утерпев, грузно вылезали из-за стола и пускались в пляс, топая своими ножищами в грубых деревянных шабо по усыпанному соломой полу.

Было тесно и шумно.

Сизые клубы дыма от чадивших сковородок выползали из дверей кухни и проплывали в зал, где перемещивались с кисловатыми запахами дешевого вина и промокшей овчины крестьянских одеяний.

Проглотив замечание барона, Винсент мгновенно сник, вспыхнув, точно маков цвет. Длинные русые волосы и огромные серые глаза, опущенные густыми ресницами придавали его облику нечто девичье; должно быть, именно поэтому, тисая себе самому и окружающим доказать свою мужественность, он и готов был на любые безрассудства. Мгновенно осознав все это, барон почувствовал искушение, устоять перед которым было очень непросто.

Юнец и впрямь недурен собой — он может стать отличной заменой Феспиио. И *это* ломает его окончательно. Ведь после того, как Амальрик расстанется с ним (что рано или поздно случится), Винсенту никогда и ничем не удастся убедить себя, что он по-прежнему остается мужчиной. Это было бы славной мстостью за ту встречу в лесу, за страх, за погибшую гнедую...

И, усмехнувшись своим мыслям, барон тронул юношу за плечо.

— Не стоит так смущаться. Ты же не девица, в конце концов. Расскажи лучше по порядку все, что случилось. Я хочу знать, что произошло в Амилии. И прежде всего — кто!

Юноша вскинул голову, попытался выпрямиться и, зацепив рукавом кружку, чуть было не расплескал остатки своего пойла. «Эге, да ты совсем хорош, как я посмотрю», — поморщился Амальрик и, брезгливо взяв двумя пальцами кружку из промасленной кожи, отставил ее в сторону. Он сам не любил вино и не терпел, когда кто-то напивался в его присутствии.

— Я же все сказал королю! — с жаром воскликнул Винсент. — Это чистая правда! Вы что, мне не верите?

Он был слишком прямодушен и неискушен, чтобы представить, что кто-то способен лгать, когда это не сулит немедленной выгоды.

— Это были люди Валерия Шамарского. И я хотел предложить вам, барон... Собственно, я именно затем и просил вас о встрече... — Он замялся, собираясь с духом, и выпалил: — Я хочу вызвать шамарца на поединок! Вы не откажетесь стать моим секундантом?

Амальрик расхохотался. Ну и дела! Он, немедийский посланник, едва не погибший недавно на дуэли, чья свобода и самая жизнь висит на волоске, ибо пуантенский граф в любой миг может рассказать королю о заговоре; барон Торский, своими руками готовящий покушение на венценосца — будет смешить честной люд, подносить этому сопляку меч на дуэли! Нет, мальчишку точно надо скорее затащить в постель. Из него получится не только хороший любовник, но и шут!

— Почему вы смеетесь? — Винсент надулся, как петух, с видом такого оскорбленного достоинства, что Амальрик опять расхохотался.

— Нет, ну, это уж слишком! — выдавил он в перерыве между приступами безудержного смеха, однако, заметив, как заоборачивались на них посетители таверны, приглушил голос. — Ты и впрямь рехнулся, если говоришь всерьез. Конечно, по-человечески я могу тебя понять. Пережить такое и сохранить здравый рассудок — это дано не всякому. Я даже готов посочувствовать тебе... Но тратить время на безумцев я не могу. Его у меня слишком мало. Так что не обессудь... — И сделал вид, что поднимается с места.

Тактика возымела действие. Подавленный, в полной растерянности, Винсент схватил барона за руки.

— Умоляю, месьор, не уходите! Мне нужен ваш совет. Вы — единственный при дворе, к кому я могу обратиться.

Амальрик, однако, не собирался сдаваться так скоро. Он хотел утвердить свою власть над этим юнцом окончательно и бесповоротно, так, чтобы у того и мысли не могло возникнуть о бунте.

— Не мели вздор! — оборвал он сына Тиберия, по-прежнему возвышаясь над столом, и стряхнул его руки. — Здесь Аквилония! Я же подданный короля Нимеда и не имею здесь никаких прав! Попроси совета у кого-нибудь из тарантийских нобилей...

— Никогда! — отозвался тот с прежней горячностью. — Все они предатели и лжецы, как этот проклятый шамарец! Я не желаю иметь с ними дела.

Так... Похоже, юнец безоговорочно уверился в причастности принца к нападению на свою вотчину. Забавно, сказал себе Амальрик. Сам он отнюдь не был в том убежден, однако не в его интересах было делиться с Винсентом подозрениями. Но любопытно и то, что ненависть свою он с готовностью переносит на всех подданных короля Вилера... А это уже можно было использовать.

— Хорошо.

С деланой неохотой барон Торский вновь опустился на табурет. Обрадованный, юноша поспешно кликнул хозяина, чтобы тот принес им вина. Утвердившись в мысли, что юнец этот глуп настолько, что неважно, пьян он или трезв, Амальрик не возражал. Пусть амилийский недоумок опыняет как следует, глядишь и выболтает что-нибудь интересное. Потом, правда, придется на себе тащить его во дворец — не хватало еще, чтобы он ввязался в

потасовку и выболтал, что тайно встречался с чужестранным посланником.

Дождавшись, пока эти ужасные кожаные сосуды вновь окажутся перед ними, а хозяин отошел подальше, Амальрик продолжил:

— Я рад, что, по крайней мере, ты не утратил способности узнавать своих истинных друзей.

— О, месьор...

Барон не дал ему договорить.

— Знаю, знаю. Я твой единственный друг, а ты — мой самый преданный слуга и готов на все, лишь бы я помог тебе расправиться с Валерием Шамарским. Так? — И, не обращая внимания на робкий кивок собеседника, усмехнулся жестко. — Еще бы! Ты меня боишься и нуждаешься во мне — что может вернее привязать одного человека к другому! Но что если шамарец не имел никакого отношения ко всей этой истории? Что, если в гибели твоего отца, сестры и брата повинен совсем другой?

Юноша упрямо помотал головой, откидывая со лба русые волосы таким полным неосознанной грации жестом, что Амальрик против воли залобовался им.

— Нет, месьор, — заявил Винсент утробно. — Это был принц Валерий, и я готов хоть перед самим Митрой ответить за свои слова. То же самое я сказал и королю.

— В самом деле? Так Его Величество что, виделся с тобой еще раз?

Сын Тиберия кивнул.

— Да, чуть позже он прислал за мной слугу. Король хотел расспросить... — У него перехватило горло, и Винсент смог продолжать лишь с трудом, — ...о том, как погиб отец. Увы, я не смог поведать ничего достойного внимания правителя.

Он осушил одним глотком свою кружку и тут же махнул рукой, чтобы принесли еще.

— Я в конюшне был, когда они напали на нас. Смотрел жеребенка... На шум сперва не обратил внимания, думал, это Дайрат, наш капитан стражи, затеял во дворе учебные бои... Потом выбежал, бросился на помощь — но эти негодяи прокрались сзади и подожгли конюшню. Лошади обезумели и бросились к выходу. Должно быть, одна из них налетела на меня сзади... Я почувствовал удар, отлетел в сторону, ушиб голову... — Он невольно коснулся затылка, где внимательный глаз даже под волосами мог заметить

огромную шишку. — Больше я ничего не помню. О, если бы я мог...

— Не трать времени на пустые сожаления, — сухо оборвал барон его стенания. — Ты остался жив, чтобы отомстить убийцам, а это главное. Даже если бы ты поспешил отцу на помощь — что ты мог сделать, один против всех, безоружный... Но что же дальше?

Винсент вздохнул, собираясь с мыслями.

Пережитое еще слишком свежо было в памяти, чтобы он мог спокойно говорить об этом. И он даже не осознал до конца всей необъятности утраты. Лишиться в одночасье всех родственников, имущества, крова... тут было от чего прийти в отчаяние. Но юноша не до конца еще оправился от шока, и сильнее всего было в нем недоумение. Он никак не мог поверить, чтобы нечто столь ужасное могло произойти именно с ним, но это было реальностью, причем необратимой. Приземленный разум его никак не мог свыкнуться с этой мыслью. И потому даже в гневе и скорби его было что-то наигранное, неискреннее.

Он знал, что от него ждут этих чувств, и от стыда, что не испытывает их, играл фальшиво, подобно неумелому комедианту.

— Мой бедный отец! Дельриг! Релата! Я должен был защитить их... А так — я даже не знаю, что случилось с ними. Возможно, злодеи взяли их в плен, чтобы продать как рабов где-нибудь на юге... или бросили их трупы в лесу... А моя сестра...

— Постой! — вскинулся барон, выведенный из терпения этим бессмысленным нытьем. — Что ты мелешь? Какие рабы — они же все мертвы!

— Не знаю! — На сей раз отчаяние в голосе Винсента было подлинным. — В том-то и дело, господин барон, что я ничего не знаю! Ведь, когда я очнулся, разбойники уже скрылись. Я осмотрел все трупы. И не нашел ни отца, ни брата, ни сестры. Возможно, их убили в доме, и огонь поглотил их тела, прежде чем я успел до них добраться... Но, возможно, они...

И, обхватив голову руками, он зарыдал.

Без всякого почтения к чужому горю, барон грубо встал над ним за плечо.

— Прекрати, сопляк! На нас смотрят.

Он видел, что Винсент совсем захмелел. Все-таки зря он разрешил ему столько пить. Все равно этот глупец

ничего не знает. А теперь вот изволь слушать его пьяную болтовню. Лицо немедийца исказила брезгливая гримаса. Сам он даже не притронулся к дешевому пойлу... Но что же теперь делать с этим сплонтяем?

— Вставай!

Он поднялся с места и рывком вздернул юнца, ставя его на ноги. Тот пошатнулся, ухватился за столешницу, однако удержался, бессмысленным взглядом уперевшись в барона:

— Пойдем отсюда. Доскажешь мне все по дороге.

Не отвечая, Винсент повиновался. Амальрик кинул хозяину пару серебряных монет и, расталкивая пласунов и музыкантов, потащил юнца к двери. Когда они покинули душное продывленное помещение и вышли на улицу, свежий воздух на мгновение придал юнцу силы, и он, выпростав руку, пошел самостоятельно, загребая носками сапог опавшую листву на мостовой. Длинный меч бил по худым мальчишеским ногам.

— А ведь теперь я — барон Амилийский! — заплетаясь языком бормотал он, пошатываясь и глядя на поджавшего губы Амальрика мутным взором. — Я, а не Дельриг! Х-ха...

Спьяну он выболтал то, что на трезвую голову утаил бы, пожалуй, не только от окружающих, но и от себя самого. Немедиец криво усмехнулся. Как мило...

— Да, и мы обязательно выпьем за это, как только вернемся во дворец, — пообещал он юнцу, в надежде, что это заставит того двигаться чуть быстрее, ибо барону вовсе не улыбалось, чтобы кто-то из знакомых заметил его в столь странной компании. Можно было бы, конечно, бросить щенка прямо здесь, но пьяный он слишком откровенен, а значит, опасен. Один Митра ведает, что может он наболтать случайным доброхотам.

— Да, — с пьяной радостью поддержал его Винсент. — Выпьем...

Он и впрямь зашагал чуть быстрее, и барон приободрился. Глядишь, так они скоро окажутся в безопасности. И все же он не мог удержаться, чтобы не спросить еще:

— Но почему ты решил, что это шамарец, Винсент? Если ты говоришь, что не видел их.

С пьяным упрямством юнец замотал головой.

— Видел... Видел двоих — бежал к ним, когда... Когда лошадь... — Он сбился с мысли, забормотал что-то не-

разборчиво, затем, как видно, вспомнив, что хотел сказать, торжественно провозгласил: — Да, видел достаточно! На них были плащи с антуйским гербом. И цвета принца... И он сам...

— Что? — Амальрик остановился, как вкопанный, сперва решив, что ослышался. Остальное не имело значения — кто угодно мог напялить на наемников одежды дружинников Валерия, но последняя фраза Винсента меняла все дело.

— При чем тут сам принц? Он что, был с ними вместе?

Винсент думал бесконечно долго, и немедиец уже решил было, что тот забыл вопрос, когда сын барона вдруг отозвался:

— Нет. То есть, да. То есть... Он там был — я видел его. Но не с ними. Он пришел позже. Ходил по развалинам. Я прятался... Он смотрел... А тех не было уже, они раньше ушли, когда я... Когда они... он... — запутавшись окончательно, Винсент смолк, задумчиво зажевав губами, но сказанного им было вполне достаточно барону, и это полностью меняло картину.

Получалось, Валерий Шамарский и впрямь был тем подлецом, что натравил наемников на Амилию, — но с какой целью? Зачем это могло понадобиться ему? В версию, подсказанную Нумедидесом, что принц, мол, готов был на все, чтобы заполучить дочь Тиберия, барон не поверил бы, даже если бы был так же пьян, как несчастный Винсент. Но других версий у него не было.

Амальрик задумчиво погладил бороду. Надо бы сбрить ее. Она уже вышла из моды... Он плотнее запахнул свой черный хорайский плащ и, поправив золоченую сеточку на голове, огляделся по сторонам, не шпионит ли кто? Но улица была пуста, и барон успокоился. Сзади доносились глухие звуки волынки — видно, веселье в таверне было в самом разгаре. Ладно, как доберемся во дворец, надо будет уложить этого слюнтяя в постель, а когда проспит, допросить еще раз. Возможно, он что-то перепутал спяну. Сейчас выйдем на улицу Кожевников, там полуднее, и кликнем повозку. Похоже, этот герой пешком до дворца не дойдет...

— И ты все это рассказал королю? — спросил он Винсента. — И что он сказал?

— Сказал... Отец говорил — не пей на голодный желудок, — жалобно, как маленький, проныл юноша.

Но когда барон вновь безжалостно встряхнул его, пробормотал:

— Да, рассказал, королю, рассказал! Он плакал...

— Плакал?!

Мальчишка молча кивнул и сам шмыгнул носом. Больше от него ничего нельзя было добиться. И они двинулись дальше.

Внезапно барону пришла в голову мысль, и он сам поразился ее здравости. Жаль только, не догадался сделать это сразу... Не доходя до дворцовых ворот, он вдруг резко развернулся и потащил несчастного Винсента в другую сторону, туда, где высился шпиль ратуши. Тот, услевший, должно быть, слегка протрезветь на холоде, встрепенулся.

— А? Что? Куда мы идем?

— На постоянный двор. Нечего тебе в таком виде делать во дворце. А как проспишься — я за тобой приду.

Юноша покорно кивнул, готовый во всем подчиниться барону, которого безоговорочно признал над собой господином... Как вдруг внезапно он, что-то заметив в узком проулке, мимо которого они шли, схватился за меч.

— Смотрите, месьор, смотрите!

Казалось, он мгновенно протрезвел. С лица сошел румянец, глаза расширились, словно он увидел призрак.

Амальрик с явной неохотой посмотрел туда, куда указывала рука юнца. Что там может быть, кроме уличных потаскух, да шелудивых псов, но через мгновение глаза его сузились. Из узкой двери дома, что стоял в переулке, прихрамывая, выходил человек. Что-то неуловимо знакомое было в его кряжистой фигуре. Постой-ка, ведь это же...

— Гандер! — как бы в ответ его мыслям выпалил юноша. — Гандер Бернан!

Последние слова он произнес чересчур громко. Человек непроизвольно обернулся, услышав свое имя, и глаза его загорелись хищным огнем. Амальрик мгновенно закрыл лицо плащом. Не хватало только, чтобы этот пес его узнал и принялся вопить на всю улицу — держите, мол, немедийского чернокожника. Но, Нергал поberi, как же он уцелел? Как мог спастись от губительного роя огненных саламандр? Впрочем, какая разница! Он жив — вот что главное. Жив, хотя давно должен умереть!

— Стой, убийца! Не уйдешь!

Винсент рывком выхватил меч из ножен.

Что ж, может, Митра будет благосклонен, и эти ублюдки перегрызут друг другу глотку. А вот ему самому не стоит привлекать к своей персоне излишнего внимания. Заслышав звон мечей, сюда в мгновение ока сбегится толпа зевак. А может появиться и стража.

И немедиец тенью проскользнул в щель между домами. Отсюда ему было видно все, но сам он оставался незамеченным.

Похоже, гандер его не видел. Оскалившись и мгновенно подобравшись, он двинулся на юношу, словно медведь. В руке его блеснуло широкое лезвие жайбарского ножа.

— Ну, иди сюда, щенок, — ласково прогнусавил он. — Давай посмотрим, какого цвета у тебя потроха...

Винсент, издав гортанный клич, кинулся вперед. Сталь с лязгом ударилась о сталь, высекая синие искры. Со шпиля ратуши, шумно захлопав крыльями, испуганно взлетели голуби.

Амилиец пошатнулся, хмель давал о себе знать. Этого неловкого движения Бернану было достаточно, чтобы понять, что его противник едва держится на ногах, и уродливое лицо его вспыхнуло злобным торжеством.

— А, волчий выкормыш, попляшешь сейчас у меня! — прохрипел он, нанося удар сверху, который юноше с трудом удалось парировать:

— А я-то все думал — где же ты от меня прячешься?

— Убийца! — Винсент попытался атаковать, но лезвие его ушло вкось, не задев даже куртки Бернана. — За что ты их?..

В другое время гандер без труда мог бы сразить своего противника, которому усталость и выпитое вино не позволяли сражаться и на десятую долю его способностей. Иначе кривоносому было бы не выстоять со своим жайбарским ножом против длинного меча. Но он сильно прихрамывал, да и рана в боку давала о себе знать, и потому его движения были неуверенно-угловатыми, словно у рака, выброшенного на берег.

И все же гандер был опытным бойцом, и видя это, Амальрик невольно пожалел мальчишку. Однако сейчас это было ему на руку. Он был уверен, что в пылу боя эти двое выболтают многое из того, что он едва ли сумел

бы узнать иным путем. Пока все идет недурно, лишь бы не набежали зеваки!

И все же, за что так набросился сын Тиберия на своего бывшего приятеля?

Там, на поляне, когда они готовились ограбить и убить немедийца, насколько он мог судить, между членами шайки царило полное согласие. И даже потом, когда они с братцем рыскали по лесу, чтобы добить раненого, ими двигал лишь страх — Гнусавый мог их выдать... Но сейчас? Сейчас этот сопляк нападает на него столь рьяно, будто он муж-рогоносец, который наконец встретил дружка своей женушки.

До него доносились выкрики, перемежаемые звоном стали.

— Нергалов ублюдок! Я тебя тогда во дворе... С факелом! Ты был среди тех, кто подло напал на наш замок! Держись! Сейчас я перережу глотку тебе, а потом твоему шамарскому хозяину!

— Давай-давай, паценок! — оскалился гандер. — Помаши своей железкой перед смертью! Тебя и твоего братца давно пора было прирезать! От судьбы не уйдешь — все равно встретились!

Барон Торский застыл, стараясь не пропустить ни единого слова. Вот, оказывается, что так старался утаить ото всех сын Тиберия: он узнал не только цвета, в которые были обряжены нападающие. Он признал и одного из них. Но не мог никому сказать о том, ибо Бернан неминуемо указал бы на него как на сообщника в грабеже, и тогда юнцу было бы несдобровать. Ведь сам Амальрик, помнится, весьма красочно живописал ему четвертование...

Однако если Бернан был среди тех, кто разграбил Амилию, это никак не могло быть делом рук шамарского принца. Надо постараться выяснить, кто подобрал его тогда в лесу. Амальрик нахмурил лоб. Гандер был при смерти, это несомненно. Значит, его должны были отвезти куда-то в безопасное место, причем в направлении Тарантии. Посланник провел рукой по лицу, вспоминая, какие деревеньки находятся близ Амилии.

И вдруг его обожгла мысль.

Тараск!

Принц Тараск жаловался ему на каких-то дерзких наемников, что втащили в таверну, где он изволил за-

втракать, раненого солдата. Как же он называл тогда эту харчевню? Нет, не вспомнить! Но случилось это в деревеньке вблизи от тарантийского тракта...

В этот момент Винсент изловчился и попытался порезать гандера, рубанув мечом по ногам. Тот неловко подпрыгнул и, опустившись на раненые ноги, вскрикнул и упал на мостовую. Юноша одним прыжком подскочил к нему и попытался вонзить клинок в грудь.

Бернан грязно выругался и мгновенно перекатился в сторону — юрко, словно уж. Меч с лязгом ударился о камни мостовой, клинок разлетелся на куски, и Винсент с трудом сохранил равновесие. Он стоял запыхавшийся, с включенными волосами, и недоуменно смотрел на обломок меча, зажатый в его руке.

И в этот миг Бернан метнул свой жайбарский нож в грудь юноши.

Тот еще не пришел в себя и не успел увернуться.

Широкое лезвие с противным всхлипом вошло в его грудь, и полотно светлой рубашки мгновенно окрасилось кровью. Он выронил меч и схватился обеими руками за деревянную рукоятку, торчащую у него из груди. Глаза его выкатились, он судорожно глотал ртом воздух. Обезумевший взгляд метался из стороны в сторону, как затравленная лисица. Он искал Амальрика и не находил его. Поняв, что его спутник предал его и скрылся, он в отчаянии дернул за рукоять.

«Не делай этого!» — чуть не закричал немедиец, но вовремя сдержался. Мальчишке все равно не поможет. Жаль, что эти щенки, которым роль в предстоящем перевороте была уже уготовлена, один за другим сбежали от него на Серые Равнины. Ну, ничего! Найдутся и другие...

Винсент извлек нож из раны и уронил его на мостовую. Кровь хлынула фонтаном, и юноша, стремительно теряя силы, рухнул на землю. Он тяжело дышал, и с каждым вздохом кровь толчками выплескивалась из раны, окропляя красным камни и листья. Бернан пару мгновений с злобной гримасой смотрел на мучения своего недруга, потом кряхтя поднялся и что есть силы двинул умирающего ногой в бок.

— Вот так, — прохрипел он. — Вот так бил меня по ране проклятый немедиец, когда я израненный валялся на лесной поляне. Жаль только, щенок, ты умрешь легкой

смертью, и я не успею перерезать тебе сухожилия. — Воровато оглянувшись, он схватил свой нож и обтер кровь о рубашку Винсента.

Где-то вдалеке послышались людские крики и топот многочисленных ног.

— Прощай, пес! Скоро так же я буду стоять у трупам того бельверусского ублюдка.

— Зачем же откладывать столь важную встречу? — послышался за его спиной певучий голос, и Бернан повернулся, вытаращив глаза от изумления.

Перед ним стоял барон Торский.

Его черное одеяние и взгляд горящих глаз был столь жуток, что Бернан торопливо пробормотал слова молитвы, отвращающей демонов. Страх парализовал его, он не мог сдвинуться с места, не мог поднять руку с ножом.

А немедиец приближался, поигрывая горстью странных металлических звездочек.

Гандер не мог отвести глаз от его рук.

Холеных. С длинными пальцами и ухоженными позолоченными ногтями.

Звездочки издавали легкий звон, от которого гандера прошиб холодный пот. Он хорошо помнил, как этот черный воитель рассказывал ему о своих ужасных приспособлениях для убийства. И теперь, теперь он наверняка применит одно из них, и кости его превратятся в воду.

Амальрик улыбнулся. И эта улыбка показалась Бернану страшнее всего, что он видел на свете. А видывал он немало.

— Никак не возьму в толк, — медоточиво продолжал немедиец, приближаясь кошачьими шагами к помертвевшему от страха наемнику, — как тебе удалось сбежать от моих маленьких огненных саламандр? Эти крошки так хотели полакомиться человечиною, и было невежливо оставлять их без ужина...

Бернан на подкапывающихся ногах попятился назад.

— Конан, — пролепетал он. — Это все Конан, клянусь вам... Он прогнал ваших слуг...

Амальрик вздрогнул. Перед глазами его словно кто-то начертал огненные знаки. Проклятая головоломка, которая не давала ему покоя, сложилась в законченную картину.

— Конан? — переспросил он взволнованно. — Ты сказал Конан, пес?

Он замер на месте.
И машинально опустил Летучие Звезды в карман.
Конан.

Редкое имя в этих краях! Так, помнится, звали одного неистового киммерийца, который служил под его началом в Хорайе. Он был могуч, черноволос и синеглаз. Значит, именно его описывал Тараск? Он говорил о здоровом северянине, который командовал наемниками. Значит, Конан!

Барнан не замедлил воспользоваться замешательством немедийца и стремительно пустился наутек. Животный ужас заставил его забыть о ранах. Он летел, словно стрела, и через мгновение его кожаная куртка скрылась в полутемном переулке.

Но поглощенный своими раздумьями дуайен и не думал его преследовать. Внезапно послышался какой-то хрип. Амальрик обернулся. Винсент что-то шептал помертвелыми губами. Подумать только, он и забыл об этом щенке...

Барон склонился над юношей. Амилийский наследник что-то шептал, и немедийцу пришлось приложить ухо почти к самым губам.

— Барнан! — шептал Винсент. — Он один из тех, кто разгромил наш замок. Я умираю, месьор. Так заклинаю вас, отомстите за нашу семью. Убейте его и Валерия! Но я не хочу уходить из жизни не раскаявшись. Расскажите обо всем королю. Или нет, сейчас сюда прибежит стража... Лучше я сам! Сам все расскажу...

На мгновение в глазах Амальрика мелькнуло сомнение. Может, оттащить мальчишку в безопасное место? Еще можно попытаться остановить кровь. А в Лурде у него есть снадобья, которые помогут сохранить ему жизнь. В конце концов, можно применить и магию...

Но внезапно за поворотом, совсем уже близко, он услышал топот подкованных сапог, звон мечей и грубую переключку голосов. Это спешили на место поединка стражники, извещенные, должно быть, кем-то из добропорядочных горожан, что на улице чинится кровопролитие.

Не трата времени на размышления, барон, привыкший в моменты опасности действовать молниеносно, сомкнул свои железные холодные пальцы на горле Винсента.

— Нет, дружок, — ласково прошептал он. — Ты уже никому ничего не расскажешь.

Он подумал, что Амилия так и не увидит своего нового владыку, и от этой мысли ему сделалось смешно. Юноша последний раз дернулся и затих.

Теперь я навсегда заткнул глотку этому псу, сказал себе Амальрик. Он уже ничего не скажет мне — но не скажет и другим. А это куда важнее. Отброшенный меч лег точно у руки трупа. Поди разберись теперь, чья там кровь на клинке...

Не спеша поднявшись, барон взглянул на сына Тиберия Амилийского. В светлых глазах мертвеца отражалось серое небо. В остановившемся взгляде его была напряженность, точно юноша силился разглядеть в недостижимой выси нечто видимое ему одному. Невольно Амальрик поднял глаза — но не увидел в небесах ничего, кроме белесого пятна солнца, скрытого плотным пологом низких облаков, да черных точек перелетных птиц.

Длинные русые волосы, которых он так и не успел коснуться при жизни, слиплись теперь от крови и грязи; не осталось и следа от их светящейся красоты... Амальрик отвернулся со вздохом.

И в этот миг прямо на него из-за угла вылетели пятеро стражников.

Они были одеты в грубые кожаные куртки и металлических нагрудники. На головах красовались начищенные шлемы, на которых внимательный глаз без труда смог бы разглядеть латки и вмятины. В руках нет копий — ими не очень-то размахнешься в узких переулках. Зато все как один при мечах. А у того, что впереди, на груди медная пластина — знак власти.

— Добрый день, месьоры, — встретил их насмешливым поклоном Амальрик. — Я вижу, городская стража прибыла как всегда вовремя. Но боюсь, ваша помощь здесь уже никому не понадобится.

Солдаты нерешительно переминались на месте. Их смутил уверенный облик и надменность этого странного господина в просторном черном одеянии, скорее походившего на восточного мага, нежели на благородного месьора. Ничто не напоминало в нем аквилонского вельможу, ни грациозные кошачьи движения, смахивающие на танец мимов, ни изменчивая улыбка на устах, которая то лучилась радушием, то источала горечь и яд, ни рысьи,

чуть раскосые глаза, в которых клубились непонятные тени, словно отражения летучих облаков пробегали по глади озера. Видно было, что это не простая птица.

Кроме того, от насмешника явственно исходило ощущение угрозы. Вроде бы и вид у человека был не воинственный, но почему-то он как не хотелось бросаться на него, крутить руки и пинками гнать до караулки. Может быть, незнакомец колдун?

Тогда от него точно лучше держаться подальше!

Амальрик выпрямился и равнодушно скользнул по ним взглядом. Оставалась еще одна деталь, небольшая безделица, которую он никак не мог вспомнить. Но был уверен — мгновение-другое и картина перед его внутренним взором станет стройной, словно бритунский храм.

— Помолчите немного, месьюры, — небрежно сказал он латникам. — Мне нужно немного поразмыслить.

...Так, что мы имеем.

Разбойник Бернан был подобран в лесу северянином и его шайкой. Им каким-то образом удалось одолеть огненных элементалей. Киммериец сшил гандеру сухожилия, — барон слышал, северные варвары проделывают и не такие штучки... Затем эта компания двинулась в таверну, где и встретилась с Тараском.

Он улыбнулся, вспомнив, как негодовал коротышка. Молодец варвар, хорошо проучил этого выскочку!

А потом они попали в Тарантию. Что же дальше? Скорее всего, они рассчитывали наняться на службу. Но Вилер недавно издал эдикт, запрещающий вербовать наемников. И все же они нашли хозяина. Кто бы это мог быть? Валерий? Вполне... Но зачем шамарцу наряжать своих ландскнехтов в цвета Антуйского Дома? Не совсем же он рехнулся. Проще было ходить по Лурду и кричать — «я убийца!»

Нет. Тут что-то не вяжется.

Помнится, шамарец был вне себя, когда Винсент на Малом Выходе прилюдно обвинил его в разбое... Он не настолько искушен в придворных интригах и не смог бы так правдиво разыграть возмущение. По крайней мере, он, Амальрик, быстро почувствовал бы ложь.

А кто там кричал больше всех? Кто возмущался? Нумедидес! Этот жирный болван! Именно он объявил во всеуслышание о том, что его кузен ухлестывает за дочкой Тиберия. А ведь совсем недавно ему доносили, что в покои

принца приходил какой-то варвар... Уж не Конан ли? Когда же это было? Точно — это было накануне погрома в Амилии.

Вот оно!

Вот то, что он силился вспомнить все это время... Нумедидес! Так вот почему этот недоумок был так уверен в себе! Но чем же не угодил ему Тиберий? Может, принц просто решил доказать себе, что он не хуже, чем другие?

Недоносок! Сын свиньи!

Рассказать бы обо всем Вилеру... Но когда этого похотливого борова Нумедидеса вздернут на дыбу, он все выложит о заговоре. А время не ждет! Остались буквально считанные дни! Скоро Вилер отправится к праотцам, и как только этот слизняк сядет на трон, придется при помощи магии полностью подчинить его волю, чтобы не смел больше и шагу ступить без ведома своего господина.

Он вздохнул с облегчением, как человек, решивший сложную задачу.

— Все, месьюры, — обратился он к опешившим от такого нахальства стражникам. — Благодарю вас, что не мешали моим раздумьям. Теперь я с радостью отвечу на ваши вопросы.

В храме Митры зазвонили колокола, словно отпевая последнего барона Амилии.

Первым обрел самообладание старший из стражников. Он задумчиво наклонился к телу Винсента, заглянул в его обескровленное лицо и, убедившись, что тот мертв, зло посмотрел на немедийца.

— Негоже, месьюр, так поступать с юнцами вроде этого. Он же совсем мальчишка, да к тому же, как видно, нализался изрядно. За что вы так его? С виду такой благородный господин, а позарились на кошелек бедняги. И не побрезговали...

Амальрик заломил бровь.

Лужица крови, натекая из раны Винсента, скопилась у самых ног. Он поспешно отодвинул носок своего щегольского гирканского сапожка, отороченного поверху голенища пятнистым мехом снежного барса. Его начинал раздражать такой оборот дела.

Неужели эти недотепы подумали, что он убийца этого щенка? Он, наследник старейшего немедийского рода, зарезал мальчишку из-за пары серебряных монет? Вздор какой-то!

— Ты глуп, любезный! — процедил он. — Если не видишь, *кто* перед тобой! Тебе выпала честь разговаривать не с простым аквилонским нобилем. Я дуайен Немедии, представитель короля Нимеда в этой стране, да будут благословенны его годы. И я не терплю, когда немытые мужланы, вроде тебя, мне дерзят. Сегодня я прощаю тебе эти слова. Но постарайся больше не попадаться мне на глаза, иначе познакомишься с крепкой бельверусской плеткой.

Он развернулся на каблуках, но вдруг почувствовал, как грубые пальцы сомкнулись у него на плече.

— Э-э, нет, приятель. Так не пойдет, — прорывал враз побагровевший стражник. — Давай, ребята, тащи его к нам в караулку! Там разберемся, кто благородный вельможа, а кто мужлан. Немедийский посланник, надо же! — передразнил он барона. — Да будь ты хоть сам зингарский король, ты сполна ответишь за убийство аквилонца! Послужишь нашей державе в серебряных рудниках Его Величества Вилера Третьего. Судейский палач живо развяжет тебе язык. И на дыбе, пес, признаешься во всех своих злодеяниях!

Стражники обступили Амальрика, наполовину обнажив мечи.

Барон Торский резким движением стряхнул руку с плеча и посмотрел прямо в пороссячьи глазки начальника стражи.

— Я посланник Немедии, — повторил он тихим, страшным голосом. — И горе тебе, если ты встанешь у меня на пути. Прочь с дороги, пока я не показал вам, что такое истинный сын Торы!

Но старший уже обрел утраченное равновесие. Он кинул на немедийца короткий злобный взгляд и вдруг со всей силой обрушил сжатую руку в кольчужной перчатке на непокрытую голову Амальрика. Стражник был уверен в себе — этот удар не раз выручал его в потасовках и хорошо умирал гордых петухов вроде этого жалкого иноземного дворянчика.

Но тут произошло нечто странное. Его огромный кулак, размером с кружку для эля, вдруг скользнул по мгновенно выставленной руке непокорного арестанта и ушел куда-то вбок. А проклятый немедиец взвился на месте, подпрыгнул не меньше чем на десять локтей, перевернулся в воздухе и с гортанным криком, похожим

на клекот хищной птицы, с силой ударил нападавшего каблуком точно в висок.

Внешне казалось, что ничего не произошло — стражник застыл на месте, но затем глаза его закатились и он упал как подкошенный.

Ремешок лопнул, и шлем слетел с головы несговорчивого стража порядка, жалобно забренчав по брусчатке. На виске поверженного буквально на глазах взбух огромный кровоподтек.

Его товарищи на мгновение замешкались, не успев понять, что же собственно произошло. Но осознав своими неповоротливыми крестьянскими мозгами, что их командир лежит недвижим, а наглый чужеземец стоит рядом с легкой улыбкой — с ревом кинулись вперед, на ходу обнажая мечи.

Немедиец почти не изменил позы, только слегка развел руками, столь же плавно и красиво, как лебедь крыльями... и первая пара стражников, грохоча своими железными панцирями, грохнулась на мостовую, выронив клинки.

Их оставшиеся товарищи рухнули на них, споткнувшись о тело командира.

Амальрик скучающе наблюдал за кучей рук, ног, доспехов и мечей, копошащейся на булыжниках. Он понимал, что сейчас разъяренные солдаты распугают свои непослушные конечности, и все повторится сызнова. И так до тех пор, пока эти безмозглые быки не вымотаются окончательно и не утихомирятся.

Откуда этим неуклюжим болванам знать, что тот прием, который им только что довелось испытать на себе, взят из арсенала аколитов Красного Кольца — тайного сообщества магов загадочных стран, лежащих за пределами Гиркании, где в диковинных зарослях древесной травы обитают тигры и золотые драконы, где раскосые клыкастые боги пьют людские души, а по небосводу текут желтые реки.

Мелькнула мысль, а не уничтожить ли этих жалких ублодков?

Он опустил руку в карман, скрытый в складках просторного одеяния, и задумчиво побренчал горстью Летучих Звезд. Несколько почти незаметных движений — и Серые Равнины обретут новых скитальцев.

Нет, пожалуй, не стоит. Вон сколько звек сбежалось... Он слишком громко называл себя — наверняка кто-ни-

будь слышал его, и теперь доноса не избежать. И так в тавернах Тарантии уже этим вечером будут судачить о том, как некий чужестранец поразил сотню меченосцев. Истина быстро забудется, а слухи будут роиться словно пчелы. Да и повелитель Аквилонии вряд ли обрадуется, если прознает о том, что дуайен его царственного собрата прикончил наряд городской стражи. Нет, поиграли и довольно. Он дал негодяям хороший урок.

Главное — вовремя остановиться.

Стражники тем временем поднялись на ноги, и их налитые кровью глаза не сулили чужеземцу добра. Они сгрудились, топтались на месте, но вновь нападать остерегались, утвердившись, должно быть, в предположении, что их противник — опытный маг. Кто еще смог бы шутя справиться с пятерыми вооруженными людьми? А кому охота связываться с чернокнижником? Кто знает, что взбредет на ум этому типу? Может, сейчас с его рук слетят молнии и испепелят их дотла. Ведь обычному человеку не под силу одним ударом ноги уложить такого здоровяка, как их командир Рельвиз.

Поэтому они ограничились грязными ругательствами и принялись грозить барону кулаками, обещая скорую расправу. Горожане, стоявшие поодаль, принялись свистеть, улюлюкать и наускивать стражников, обзывая их трусами и сыновьями свиньи. Чувствовалось, что солдаты не пользуются любовью у городской черни.

Те не замедлили ответить и в мгновение ока разогнали зевак пинками, вымещая на них злобу за свой позор. Наконец, они остались на улице совсем одни, если не считать их поверженного командира, который очнулся и негромко стонал, да труп Винсента, уже начинающего коченеть.

Амальрик вынул из другого кармана надушенный кружевной платок и приложил его к носу. Затем демонстративно вытер им руки, обмахнул чуть запыхавшиеся сапоги и, скомкав тонкую ткань, отшвырнул прочь.

— Ты, — он указал пальцем на ближайшего латника, — поможешь моему командиру добраться до казармы. Дашь ему кувшин вина, и через пару поворотов клепсидры он совсем очухается и может снова сквернословить и бить по голове добрых аквилонцев. А вы трое, — махнул он рукой оставшимся, — Пойдете со мной во дворец. Там доложите месьюру Альвию о случившемся. Пусть коман-

дир Черных Драконов сам разберется, что к чему! Да, и не забудь прислать кого-нибудь, чтобы забрали тело, пока погибшего не раздели догола и не бросили в сточную канаву, — крикнул он вслед первому, который кряхтя от натуги, поволок прочь своего здорового командира, словно куль с мукой.

Оставшиеся латники, кидая настороженные взгляды, приблизились к немедийцу.

— Вы должны отдать нам свой меч! — заявил один из них.

— Меч? — фыркнул Амальрик. — Вот уж нет. Я слишком дорожу своим клинком, чтобы отдавать его в немытые руки черни. Запомните, болваны, немедийского нобия разлучает с мечом только смерть!

С этими словами он повернулся и гордо пошествовал по улице. Трое стражников трусили за ним следом, словно приبلудные собачонки.

* * *

Принц Валерий Шамарский стоял у разноцветного витражного окна, обдумывая все то, что было сказано на длительной и малопривлекательной аудиенции у Его Величества, когда его глазам открылось забавное зрелище.

Во двор Лурда вошли четверо. Барон Торский и трое стражников. Немедиец возглавлял шествие с таким видом, будто возвращался с прогулки по парку. Сзади понуро брели латники. Хотя, несмотря на уверенный вид посланника, и меч, болтавшийся на поясе, было ясно, что дело тут нечисто.

Прочие обитатели замка также не оставили странную группу без внимания, и на пути дуайена тут же столпился народ. Челядь как всегда была рада полюбоваться на унижение богатого вельможи, да еще и чужестранца. Это помогало всему этому чумазому, пахнущему свиным жиром и дегтем люду хоть в кои-то веки почувствовать себя выше кого-то. Мол, пусть мы и не благородные господа, пусть наши руки заскоруждены и не холены, пусть наши лица красны от вина, а не покрыты благородной бледностью, пусть наши тела неуклюжи и немыты, но зато мы стоим, где хотим, и нас не ведут по двору стражники, словно разбойников с большой дороги.

Разочаровывало, правда, то, что проклятый немедиец вовсе не казался удрученным. Напротив, он шел, гордо

вздернув подбородок, а недотепы-стражники тащились сзади. Но это не помешало конюхам вполголоса отпускать соленые шуточки, горничным и кухаркам хихикать, зажимая рты, и пихать друг дружку локтями в бок. Еще бы не каждый день увидишь такое...

В душе Валерия на миг проснулось сочувствие. Хорош немедиец или плох, но он *дворянин*, и негоже слугам таращиться на него, словно на медведя на ярмарке. Оказавшись не столь давно объектом подобного же злорадного интереса, он хорошо понимал, каково сейчас барону. И потому, хотя здравый смысл советовал ему отвернуться от окна и тотчас забыть всю эту сцену, Валерий не удержался и, на ходу завязывая шнурки на короткой мантии с изображением красного единорога — атрибутом власти Антуйского Дома, — выбежал из комнаты и заспешил к странному кортежу.

Спустившись во двор, он бесцеремонно растолкал задние ряды зевак. Те, кто, обернувшись, собрались было возмутиться, увидев, что пред ними шамарский владыка, враз изменили выражение лиц и, почтительно кланяясь, расступились, стараясь не встречаться с разъяренным принцем взглядом.

Через мгновение Валерий уже стоял перед стражниками и, властным движением велел им остановиться, повернулся к челядинцам и, сверкнув водянистыми глазами, негромко приказал:

— Вон отсюда!

Слуги, тихо ропща, отошли на почтительное расстояние, хотя совсем не ушли — уж больно интересно было, чем же все это кончится. Но Валерий не считал нужным разгонять всех этих ублюдков по их мыльням, конюшням и кухням. Довольно и того, что издали они не услышат, о чем пойдет речь.

Он сделал шаг по направлению к стражникам.

— Что здесь происходит? Куда вы ведете господина барона?

Самый старший из них, выведенный из себя шуточками челядинцев, зло буркнул в ответ.

— А тебе что за дело, любезный?

В обычное время Валерий, скорее всего, спустил бы эту дерзость, поскольку привык с приятельским снисхождением относиться к славным парням, вроде этого, чья служба и без того достаточно неблагоприятна, чтобы еще

вельможам отравлять им жизнь... но сейчас он был раздосадован разговором с королем, косые взгляды, что бросали на него при дворе, ранили, подобно жайбарским ножам — и он ухватился за первую же возможность выместить на ком-нибудь накопившуюся злость.

— Ты говоришь с наследником трона, пес! — рявкнул он, хлестнув латника по лицу. — Отвечай, когда тебя спрашивают, пока не заработал плетей!

Рыжеусый стражник, мгновенно сробев, бросил на принца испуганный взгляд исподлобья. Он был простой вояка, которому до дворцовых Черных Драконов было, как до луны. И ему никогда прежде не приходилось так близко сталкиваться с властью «предержащими», поэтому он растерялся, не зная, как вести себя, что говорить и делать.

Амальрик пришел ему на помощь, впервые за все время подав голос:

— Я чрезвычайно рад, что встретил вас, Ваше Высочество, — бархатистым голосом проворковал он, словно они встретились в салоне какой-нибудь придворной красотки и обмениваются любезностями в перерыве между двумя турами *полонеза*. — Я пригласил этих бравых парней на прием к месью Альвино, но они, похоже, решили привлечь к нашим скромным персонам как можно больше внимания. Видно, им не дает покоя слава королевских шутов. Но, увы, мне претит интерес черни! Хорошо и то, что я взял на себя труд познакомить их с местными достопримечательностями...

Он широким жестом обвел стойла, кухни, амбары, включив сюда и глазающую на них толпу.

...Однако всему должен быть предел. Так не будете ли вы столь любезны, чтобы показать им, где апартаменты Начальника Королевской Стражи. Каюсь, я оказался бессилен им помочь. Дуайену Немедии, увы, доселе не доводилось бывать в гостях у командира гвардейцев.

Лишь нарочито замедленная, иронично-многословная речь немедийца и слегка усилившийся его акцент показывали, что за этой развязной маской он пытается скрыть овладевшее им бешенство, и принц не мог не восхититься выдержкой Амальрика.

— Любезный барон, — произнес он на лэйо, давая тем самым и немедийцу возможность говорить на языке, непонятном стражникам и черни; от него не укрылся благодарный взгляд посланника и негодование в глазах

солдат, до глубины души возмущенных дружелюбием принца к подлому врагу Аквилонии. — Могу ли я узнать, за какую провинность, собственно, судьба наказала вас обществом этих недотеп? Не могу поверить, чтобы вы совершили нечто противозаконное...

...и имели бы глупость понаблюдать с поличным, добавил Валерий про себя.

С деланным пренебрежением немедиец пожал плечами.

— Спросите о том у этих мужланов, Ваше Высочество! Они застали меня на месте поединка двух аквилонцев и, естественно, — как же иначе — сочли меня убийцей одного из них. Благо, у посланников в вашей прекрасной стране еще есть какие-то привилегии. А не то, держу пари, их капитан уже вздернул бы меня на дыбу, выколачивая желаемые сведения.

Валерий невольно улыбнулся этой картине.

— Ну, надеюсь, до этого бы дело не дошло, — примирительно отозвался он и повернулся к рыжеусому стражнику, переходя на аквилонский. — Так в чем же вы обвиняете этого вельможу?

Солдат, чувствуя сговор благородных нобилей и не имея сил и власти противостоять ему, ответил угрюмо, с ненавистью глядя на обоих:

— Не знаю уж, что он за вельможа — по мне, так просто бельверусский колдун... А только мы застали его на улице Кожевников, и труп валялся у его ног. Кто убитый, не говорит. И за что порешил его — тоже. Вот капитан и велел нам задержать его...

— А где сам капитан? Я хочу порасспросить его!

Стражник крикнул.

— Его поразил этот прислужник Нергала, — он кивнул головой на барона. — Только вот что я скажу вам, месьор, я больше двадцати зим служу верой и правдой нашей державе и ни разу не видел, чтобы простой человек голыми руками мог остановить пятерых латников. Ясное дело, тут без колдовства не обошлось.

Другой стражник, молча страдавший от унижения, которому их подвергали, лишь за то, что они несли службу, как положено и исполняли свой долг, пробурчал сквозь зубы, но так, чтобы слышали все:

— Да спалить его на костре, и все дела!

Валерий заметил, как оскалился при этих словах немедиец, точно волк, готовый к прыжку, и, менее всего

желая, чтобы и без того беспокойная обстановка во дворце накалилась еще сильнее, предостерегающе опустил руку на запястье барона.

— Я вижу, дисциплина у городской стражи хромает. Ну, не беда, мы это вмиг поправим, — произнес он с задумчивой угрозой, и в голосе его солдаты явственно услышали обещание бесчисленных кругов по плацу, плетей непокорным, учебных тревог и маршей с полной выкладкой.

Лица их мигом вытянулись. Ни у кого больше не возникало желания открыть рот. Они поняли наконец, что перед ними не просто какой-то придворный хлыщ, но такой же вояка, как они сами, способный быстро призвать к порядку любого недовольного.

— Так куда вы собирались вести этого благородного господина?

Удрученный, стражник пожал плечами.

— Воля ваша, месьор, а только он сам пожелал, чтобы его доставили к месьору Альвию.

Принц коротко кивнул. Он уже принял решение.

— Сделаем проще. Отведите его прямо к королю. — И, заметив изумленные лица латников и жесткую складку в уголке рта барона, усмехнулся:

— Посланнику короля Немедии не пристало давать объяснения простому стражнику, хотя бы и месьору Альвию! Едва ли это будет разумно. Короли — народ обидчивый. Неприятно будет, если из-за вас троих начнется война.

Он думал пошутить, но и без того перепуганные солдаты задрожали, приняв угрозу за чистую монету.

— Да что ж нам делать теперь? Что же с нами будет?

Ладно, пусть потрясутся немного...

Принц Шамарский усмехнулся.

Хоть какое-то развлечение выпало ему, отвлекло от тягостных дум и неизбывных тревог. И посланник, он видел это по глазам, благодарен ему; а благодарностью дуайена пренебрегать не след! И, повеселев, впервые за столько дней, Валерий взял Амальрика под руку и решительно двинулся к королевскому донжону, где находился сейчас его дядюшка. Солдаты нерешительно последовали за ним. Толпа, огорченная, что забавное представление так скучно завершилось, постепенно рассосалась.

Двор замка опустел.

Аой.

ВРЕМЯ ОТКРОВЕНИЙ

Они шли по бесконечным коридорам дворца — прямым, извилистым, кольцеобразным, выходящим в сумрачные галереи и лоджии, таким безлюдным, что, казалось, они населены призраками. Мимо них проплывали просторные гостинные с огромными каминами, где пузырилась смола на поленьях и пахло зимой; светлые залы, похожие на хрустальные стигийские кубы; темные, мореного дерева стены библиотек, шуршащие шелковистыми шторами; мерцающие металлом оружейные; желтые, красные, белые и смарагдовые столовые, обитые кхитайскими шпалерами с узорами, словно навеянными полуденным сном в фарфоровом павильоне.

Непривычные к такой роскоши стражники ступали на цыпочках, пораскрыв рты. Им уже было не до своего пленника, и стычка на улице представлялась им такой далекой, словно она произошла во сне. Они переглядывались между собой и не могли скрыть переполнявшего их восхищения.

Еще недавно они видели лишь солдатские казармы и душные таверны, с полом, засыпанным соломой, а единственной музыкой, улаживавшей их грубые уши, были звуки сигнальных рожков да дребезжанье ярмарочных цевниц. Как во сне, озирались они в этом чудном месте, где, казалось, воздух был пропитан благовониями, а из-за полуоткрытых дверей доносились отдаленные звуки лютни.

Валерий Шамарский, отпустив немедийца, шел впереди своим быстрым, подсказывающим шагом. Со стороны он казался воплощением невозмутимой власти и уверенности в себе: резкость движений и сумрачность взгляда лишь подчеркивали это впечатление. Один из солдат, не удержавшись, подтолкнул в бок своего товарища, указывая глазами на светловолосого шамарца.

«Гляди, дурень, *настоящий* принц, — говорил его взгляд. — Погоди еще, будешь внукам рассказывать, как довелось тебе ступать рядом с дворянином королевской крови».

В голосе, манере держаться, в самой внешности наследника престола было нечто, вызывавшее у них мгновенное уважение и готовность к беспрекословному подчинению. Недалекие городские стражники, лицезревшие на-

стоящих вельмож только через занавешенные дверцы карет или паланкинов, млели от неожиданно выпавшей на их долю удачи. Чудно было видеть венценосного наследника так близко — протяни руку, и коснешься его атласной мантии.

Валерий и не подозревал, что находится в центре внимания и его сутулую спину ощупывают восторженные солдатские взгляды. Его спокойствие было на деле лишь маской, прикрывавшей смятение, царившее в душе. Он вмешался в происходящее только затем, чтобы хоть немного отвлечься от терзающих его дурных мыслей. Но уже через мгновение он принялся корить себя за горячность — такова была раздвоенность его натуры — и почти жалел о внезапном импульсе, привлечшим к его особе нежеланное внимание.

Король, как показал их утренний разговор, был настроен к племяннику отнюдь не столь благодушно, как некогда, и хотя, судя по всему, принял его горячие заверения к полной непричастности к амилийскому злодейству; но, видимо, в глубине души таил сомнения.

И Валерий знал, кто посеял их черные семена.

Путру, когда он шел следом за слугой, что явился за ним от Вилера, на самом входе в королевский донжон принц столкнулся со своим кузеном, выходящим из апартаментов государя. Проходя мимо, Валерий по привычке кивнул Нумедидесу, в тот же миг выбранил себя за слабость. Зря он поздоровался с этим подлым интриганом! Он пытался разглядеть в глазах брата хоть искорку сожаления о том, что произошло накануне, но, поймав взгляд кузена, горевший неукротимым злобным торжеством, отвел глаза. Мгновенно вспомнились скрытые угрозы и обвинения Нумедидеса, которые тот, с подлостью гадюки, источал на Малом Выходе, и сразу же вернулась тревога, которую он тщетно гнал от себя.

Слова Нумедидеса о его якобы безрассудной страсти к Релате были ложью, гнусной и злонамеренной, и Валерий не уставал твердить себе, что ни король, ни другие придворные не придадут им значения, даже не подумает прислушиваться к ним, да и сам он в любой момент сумеет опровергнуть все эти измышления, вызванные лишь ревностью и коварством, — и все же беспокойство не уходило. И одно то, что Релата в этот миг находилась

в Алых Палатах, повергало в прах все доводы, которыми он пытался утешить себя.

Достаточно было кому-нибудь проведать, что дочь покойного барона все это время была с принцем, — и никакие оправдания, никакие попытки что-то объяснить не спасли бы его, ибо ложь кузена получила бы подтверждение, против которого у Валерия не было оружия. Он даже сперва подумал, что Нумедидесу каким-то образом удалось пронюхать правду о них с Релатой, и теперь он вознамерился использовать это в своих интересах... Но почти сразу же понял, что это невозможно. Если бы его злобный братец хоть на миг заподозрил, что слова его могут оказаться истиной, он не остановился бы перед чем-нибудь еще более гнусным.

Но король не сказал Валерию ничего. Он не пожелал говорить даже о чудовищных обвинениях, брошенных в лицо его наследнику сыном барона Тиберия. И горячность Валерия, его клятвенные заверения и мольбы воспринял отстраненно и устало, точно все давно уже решил для себя и теперь желает лишь одного: чтобы вся эта злосчастная история была как можно скорее предана забвению. Собственно, именно затем он и призвал к себе племянника — объявить, что никакого дознания не будет, ни чтобы доказать его вину, ни чтобы ее опровергнуть.

Однако, сказал Вилер, для всех будет лучше, если Валерий на время удалится в Шамар. Пусть страсти улягутся и злые языки успокоятся. Поменьше напоминать о себе, таков был совет правителя.

По сути, он отправлял племянника в бессрочную ссылку.

И вот, не прошло и четверти клепсидры, как наследник Антуйского дома вновь дерзает напомнить о себе. Валерий понимал, что совершает непоправимую ошибку. Он уже было принялся искать путей к отступлению... но тут же взял себя в руки.

Угораздил его Нергал вмешаться — значит, так тому и быть!

И последствия собственной глупости надлежит принять с достоинством, невозмутимо, как подобает принцу крови. Невольно при этой мысли он выпрямился, расправил плечи, взгляд сделался суров, а губы, сжавшись, превратились в подобие трещины в граните. А впрочем, почему глупости? Может, это сам Митра подставил ему неме-

дийца и стражников? И то, что он снова направляется к Вилеру, не случайность, а умысел Огнекулдрого...

Барон Амальрик Торский усмехнулся, заметив восхищенные взгляды, что бросали по сторонам его конвоиры. Бедные мужланы! Хранители спокойствия! Хотели поймать крупный улов, но рыбка-то оказалась чересчур велика для вашей дырявой верши. Вот идите теперь, краснея и потея, словно юные школяры под взглядом портовой шлюхи.

Но Валерий, Валерий-то каков! Не погнушался обратиться венценосное внимание на их скорбную группу. А казалось бы, после того, что произошло недавно на Малом Выходе, ему должно быть ни до чего... Странно, что он вообще здесь. Конечно, Вилеру поднимать шум вокруг этого дела ни к чему. А вот выслать племянничка подалее — это другое дело. По крайней мере, он, Амальрик на месте короля сделал бы именно так.

Подальше от придворных глаз — в шамарскую глушь!

Конечно, идти к самому Вилеру ему было не с руки. Проще было бы предстать пред ясные очи командира Черных Драконов. Тот быстро бы замял дело. Барон вспомнил, как они хохотали, когда за кубком вина вместе придумывали, как будут обводить вокруг пальца доверчивых аквилонских мятежников. Неплохо они, Зандра побери, разыграли эту сценку в храме Асуры... Да, лучше бы к Альвию! Но теперь уж ничего не поделаешь — к королю, так к королю!

Он поправил черный локон, выбившийся из-под золоченой сеточки на голове, и взбил кружевной манжет. Интересно, что скажет тарантийский венценосец, когда они предстанут пред светлые очи всей гурьбой. Кстати, будет любопытно понаблюдать за тем, как дядюшка отреагирует на появление своего несносного племянника. Бряд ли он станет топтать ногами и брызгать слюной, но опытный глаз и ухо и из простого молчания могут вытянуть немало интересного.

Он искоса посмотрел на Валерия. Взгляд его, рассекая наружную оболочку, умел проникнуть внутрь, в самую суть предметов и явлений, однако взгляд этот был подобен весам менялы. Точно так же он взвешивал, оценивал, с безукоризненной точностью определяя, какую пользу может извлечь от увиденного; прочее же, что не имело непосредственной ценности для него, проскальзывало ми-

мо, не вызывая ни интереса, ни сострадания. И потому, в отличие от стражников, в принце немедиец видел сейчас лишь сломленного обстоятельствами и коварством врагов человека, лишенного монаршей милости, который более никак не может быть полезен ему в его планах. Даже то, что теперь он доподлинно знал — Валерий непричастен к разгрому Амилии, не меняло его отношения к принцу.

Наконец они остановились перед огромными позолоченными дверями, украшенными затейливым орнаментом в виде солнечных лучей. Стражники в форме Черных Драконов, презрительно посмотрев на своих раскрасневшихся собратьев, коротко поклонились Валерию и скрестили перед входом алебарды. Даже принцу крови не позволялось входить к венценосцу без доклада.

Молчаливый дворецкий в серебристой ливрее принял их мечи и провел к правителю Аквилонии почти сразу же, точно тот заранее ожидал их появления. Это было нарушением дворцового этикета, и Амальрик насторожился.

Что-то тут не так.

Никогда прежде Его Величество Вилер Третий не принимал бельверусского дуайена, не заставив его потомиться в ожидании хотя бы пару поворотов клепсидры... и уж, тем более, никогда не встречал его так, как сегодня. Что-то домашнее, странно трогательное было в том, как поднялся им навстречу из глубокого кресла король, отложив книгу, которую держал на коленях, заложив пальцем страницу, поскольку не было под рукой закладки, и потому остановившемуся в нерешительности — он хотел было сделать шаг навстречу вошедшим, но не мог двинуться, ибо тяжелый фолиант на столике грозил захлопнуться... Наконец, с виноватой улыбкой правитель Аквилонии сделал приглашающий жест рукой, одновременно жестом отпустив эскорт вошедших гвардейцев и дворецкого.

Амальрик с принцем приблизились.

Стражники, смущенные, застыли в дверях, низко склонив головы, не решаясь поднять взгляд на монарха.

— А, племянник! Что привело тебя сюда? — спросил Вилер, точно не виделся с Валерием только что. — И вы, барон... Я как раз собирался послать за вами.

Амальрик поклонился.

— Ваше Величество, я вынужден звать к вашей мудрости и милосердию.

— Лэйо посланника, как обычно, был безукоризненным.

— Ваши подданные... — не оборачиваясь, он сделал жест в сторону жавшихся у двери стражников, проклинавших, должно быть, про себя самый миг, когда им вздумалось связаться с немедийцем. — Ваши подданные нанесли оскорбление мне и, в моем лице, сюзерену Немедии. Я прошу правосудия и, надеюсь, виновным воздастся по заслугам!

Король прищурился.

— Даже если виновным окажется вы сами, барон?

Он поплотнее запахнул в теплый куний палантин.

Амальрик задержался взглядом на восковой руке короля, где набухли тяжелые черные вены, оттеняемые багровыми каплями рубиновых перстней. Ему редко доводилось видеть аквилонского владыку так близко. Да, по всему видно, здоровье короля оставляет желать лучшего, отметил он про себя. Может, напрасно так торопились они с Марной? Глядишь, не пройдет и трех лун, как Рубиновый Трон освободится волею Митры, без их вмешательства?

Чтобы лицо не выдавало его мыслей, он нагнул голову, словно бы склоняясь пред властью короля.

— Я не понимаю, на что намекает Ваше Величество. — Голос посланника, однако, был холоден, как железо на лютном морозе. — Но соблаговолите прежде выслушать меня...

Не отвечая немедийцу, Вилер повернулся к своему племяннику. От благодушия его внезапно не осталось и следа, точно порыв ветра, влетевший через витражное окно, сдул его словно пушинку.

— Дуайен требует правосудия, — произнес он задумчиво. — Видно, и вправду мои подданные...

— Тем же жестом, что прежде Амальрик, он указал на стражников,

— ...сильно оскорбили его. Из чего я заключаю, что, будучи в городе, посланник дружеской Немедии попал в какую-то скверную историю и был доставлен сюда, словно простой злодей. Хотя не каждого злодея поведут прямо к королю... Но это ведь придумка моего племянника, не так ли? Вряд ли простые аквилонцы додумались бы сами до подобного?

Нарочитая издевка, звучащая в словах короля, особенно заметная на лэйо, поразила Валерия. Он знал, что это не могло быть случайностью. Вилер гневался... Он лишь не мог понять, на кого. Но это стало ясно из следующих слов правителя.

— Ладно, пусть так! Что делают здесь *они*, я понимаю, принц Шамарский. Но ты — ты должен был уже собирать поклажу, слать вестовых в свое родовое гнездо, наносить прощальные визиты... Что делаешь здесь *ты*?

Так значит, короля все же уязвило его неповиновение. И сюзерен счел себя оскорбленным, заметив, как легко пренебрег племянник монаршей волей. Поняв наконец, как далеко завел его необдуманный порыв, Валерий вспыхнул, покраснев до корней волос.

Голос его сорвался.

— Я немедленно... немедленно покину Тарантию! Если такова воля Вашего Величества — уже через полклепсиды меня не будет в этих стенах!

Но король сурово покачал головой.

— Нет, принц! Теперь уж ты останешься здесь. И не вздумай ослушаться, — поспешил добавить он сурово, заметив, как загорелись упрямым взглядом племянника. — Я запрещаю тебе уезжать! Если ты настолько слеп, что не видишь, кто желает тебе добра, настолько глух, что не слышишь разумных советов, и глуп, что не способен последовать им — так пожинай плоды собственного безрассудства. Что бы ни случилось теперь — я умываю руки.

И, помолчав немного, дабы прибавить веса своим словам, указал рукой на дверь.

— Ступай!

Валерий помедлил лишь мгновение, а затем, не глядя ни на кого, гордо вскинув голову, удалился.

Стражники у дверей, достаточно чуткие к напряженности ситуации, несмотря на незнание придворного лэйо, смущенно потупились, когда он проходил мимо. И в их взглядах, устремленных на короля, явственно читался упрек.

Словно заметив это, Вилер усмехнулся.

— Итак, — обратился он к ним на аквилонском па-туа, — в чем же вы обвиняете посланника дружественной Немедии? Что заставило вас взять под стражу высоко-рожденного вельможу, словно уличного бродяжку? Отве-

чайте! — В голосе его вновь явственно зазвенел металл. — Я приказываю старшему из вас отвечать, и поживее, если вы не хотите сложить голову на плахе за нарушение покоя короля! И не дай вам Митра, чтобы повод, который привел вас сюда, оказался недостаточно весомым!

Стражники, как по команде, бухнулись на колени.

Навлечь на себя гнев всемогущего Вилера, что может быть хуже!

Рыжеусый, окончательно обескураженный и сбитый с толку, принялся бормотать что-то в их оправдание. Мол, они и знать не могли, что барон этот — такая важная шишка... и уж тем более и помыслить не могли побеспокоить Его Величество подобной безделицей. Они просто хотели сообщить обо всем, что видели, капитану Черных Драконов и препоручить немедийца его заботам — но принц Валерий остановил их и заставил идти сюда. Сами они, ясное дело, ни за что бы...

— Ладно. — Коротким рубленым движением ладони король оборвал их жалкие извинения и обернулся к Амальрику: — Теперь мне хотелось бы послушать, что скажете вы, дуаин.

Барон заметно приободрился, с того самого момента, как уловил настроение владыки. Вилер явно был не заинтересован, чтобы в том неустойчивом положении, в каком находилась сейчас его держава, хоть в малости осложнять отношения с соседями, и с Немедией прежде всего. А потому барону — если только против него не найдется неопровержимых свидетельств, каковых, он доподлинно знал, и быть не могло — ровным счетом ничего не грозило.

Он небрежно пожал плечами.

— Эти жалкие недоумки не заслуживают даже наказания, Ваше Величество, — бросил он презрительно, впервые за все время заговорив на аквилонском, чтобы стражники могли понять его. — И мне лишь крайне досадно, что своими ничтожными проблемами мы отняли у правителя великой Аквилонии столько драгоценного времени.

— И все же мне крайне любопытно было бы знать, что случилось. Кто-нибудь в состоянии объяснить мне это?

Заговорили все разом — трое стражников и немедиец... и так же разом смолкли. Солдаты от смущения, барон — ибо не желал мешать свой голос с чернью. Но взгляд

короля был устремлен на него, и, волей-неволей, Амальрику пришлось продолжать.

— Мне почти нечего сказать, — он улыбнулся, точно извиняясь. — Все мое преступление в том, что я, по чистой случайности, стал свидетелем поединка. Я возвращался во дворец из города, как вдруг увидел молодого человека, выходящего из таверны. Мне он показался знакомым... кажется, я видел его при дворе, но, увы, я знаком отнюдь не со всеми достойными вельможами. Видно было, что он немало выпил. Я вознамерился окликнуть его, чтобы предложить помощь — но какой-то негодяй опередил меня. Соблазненный, как видно, богатым нарядом, он подло напал на почти беззащитного юношу.

Однако тот не растерялся и, обнажив клинок, стал обороняться. Я поспешил к ним, в надежде помочь несчастному, однако подоспел слишком поздно. Злодей смертельно ранил его и убежал, как видно, испугавшись меня. Когда я подбежал к раненому, тот уже отдал душу Митре. В этот момент и подоспели эти доблестные стражи порядка...

В свой черед барон обвел побагровевших от ярости солдат рукой. Те уже чувствовали, что перед красноречием немедийца все их косноязычные доводы рушатся, им было нечего противопоставить его надменной уверенности. И, сознавая всю тщетность попыток убедить правителя в своей правоте, замкнулись сердито, как это свойственно крестьянам и детям крестьян, всем видом своим излучая угрюмую, тупую ярость.

— Вы хотите добавить что-нибудь к словам барона? — спросил их король.

Они молча, как один человек, помотали головами.

— Может, он что-то сказал не так?

Тот же ответ.

— Так хотя бы знаете ли вы убитого? Кто он был?

Сумрачное молчание.

Король понял наконец, что ничего больше не добьется от них. Пристальным взглядом окинув стражников, он вздохнул и, нерешительной рукой подняв со столика колокольчик, дважды позвонил. Явившемуся мгновенно на зов дворецкому он указал на солдат, которые неуклюже поднимались с колен, по привычке отряхиваясь, словно они стояли не на мраморном полу, а на залитой помоями мостовой.

— Проводи их, Анбальм. Пусть каждый получит по серебряной марке — они хорошо послужили мне.

Глаза стражников вспыхнули радостью. Но уже следующие слова короля заставили их вновь помрачнеть.

— И если увидишь Альвия, капитана Драконов, передай, что всякие обвинения с немедийского посланника сняты мною лично. Так что, если ему уже донесли об этом происшествии, то пусть выкинет это из головы. *Выкинет из головы*, ты меня понял?

Дворецкий, кивнув невозмутимо, как человек, давно утративший способность удивляться, удалился, уводя за собой стражников, которых посещение королевского дворца оставило в состоянии крайней растерянности, ибо они не поняли ровно ничего из того, что случилось у них на глазах, а король Вилер вновь повернулся к Амальрику.

— Вы позволите мне удалиться, Ваше Величество? — поклонился тот. Он уже готов был идти, уверенный, что правителю Аквилонии незачем более задерживать его... как вдруг тот отрицательно покачал головой.

— Нет, барон, не позволю. Наш с вами разговор только начинается. Признаться, я давно собирался встретиться с вами. Так что будем благодарны случаю. Пусть и не слишком приятный, но он дал нам возможность поговорить наедине. Согласитесь, подобная возможность выпадает нечасто.

Не дожидаясь ответа посланника, король Вилер поднялся с места и с приглашающим жестом отдернул тяжелую атласную портьеру между двух шкафов с книгами, прикрывавшую, как оказалось, вход в другую комнату. Амальрик последовал за аквилонским сувереном, заинтригованный и слегка встревоженный в душе, сиюсья, однако, ничем не выдавая своих чувств. Однако на пороге комнаты замер, ибо услышал низкое угрожающее рычание.

Не обращая ни малейшего внимания на замешательство барона, король прошел к низкому дивану, стоявшему у окна, и сел, потрепав по холке разлегшегося на ковре лобастого волкодава. И лишь затем поднял глаза на замешкавшегося на входе дуайена.

— Входите же, барон. *Зверь* вас не тронет.

Словно опровергая его слова, пес вновь заворчал. Вилер успокаивающе почесал его за ухом. Амальрик осторожно прошел в комнату и сел на краешек дивана, напротив короля. Недавняя его уверенность была поколеблена, и он

чувствовал себя неуютно как никогда, но тут же усилием воли взял себя в руки. Не хватало еще, в конце концов, трястись из-за какой-то псины, пусть даже и такой огромной!.. И все же он косился на собаку короля с заметной опаской.

Пес напоминал полярного волка. Мощный, с крупной головой и челюстями, способными, казалось, перекусить руку взрослому мужчине — о нем во дворце давно ходили недобрые слухи. Одно время, две зимы назад, он повсюду сопровождал хозяина, и разве что на торжественных аудиенциях король появлялся без него, а так волкодав ходил за ним, точно тень, угрюмым взглядом и глухим рыком внушая ужас челядинцам и придворным.

Суеверная чернь, вообще, считала Зверя порождением колдовства, и ничем невозможно было разубедить их в этом... собственно, иные среди знати втайне придерживались того же мнения. Затем случилась некая таинственная история, о которой предпочли как можно скорее забыть — насколько удалось выяснить Амальрику, пес набросился на принца Нумедидеса, только чудом не искалечив его — и с тех пор собаку не видели.

Но, получается, Зверь не был изгнан с позором на конюшню и не отведан отравы. Король оставил его в своих личных покоях — благо, лучшего стража трудно было и вообразить. Но зачем же теперь показывать его Амальрику? Ибо немедисц не сомневался, что, как и все, что делает король Вилер, это было сделано намеренно, с неким неясным ему пока умыслом.

Полный смутных тревог и опасений, он попытался усесться поудобнее на слишком мягком диване, чувствуя себя особенно неуютно из-за того, что приходится сидеть так низко. Как же любят они все унижать собеседника, подумал он, вспомнив похожую сцену у Нумедидеса. Или они столь ничтожны, что даже такая малость может их возвысить в собственных глазах?

Узкая полоска сероватого света, точно лезвие зингарского клинка, падала в прорезь между неплотно задвинутыми шторами на окне, рассекая надвое душный полумрак. Вилер, сидевший напротив, устало откинулся на бархатных подушках, украшенных золотым шитьем с изображением аквилонского змея, рассеянно поглаживая брющего хвостом волкодава. Внезапно собака, успокоившаяся было, вновь вскинула голову, янтарным глазом

косясь на Амальрика, и оскалилась, и жесткая шерсть дыбом поднялась на загривке.

Вилер с усмешкой шлепнул его ладонью по морде.

— Ну, будет, Зверь. Спокойно.

Волкодав чуть слышно рыкнул в последний раз, словно недоумевая, как может хозяин не разделять его беспокойства, однако выучка оказалась сильнее, и он вновь неохотно улегся у ног короля, не спуская однако глаз с гостя. Амальрик, покосившись на пса, принялся небрежно постукивать пальцами по бархатной обивке дивана, что, казалось, еще сильнее раздражало животное.

— Ваш пес, похоже, опасается меня, Ваше Величество...

Король покачал головой.

— Зверь настороженно относится к незнакомым, барон. Но он ни перед кем не испытывает страха.

— В самом деле? — Амальрик Торский пожал плечами, словно показывая, что не считает уточнение существенным. — Впрочем, все дело, должно быть, в том, что я сам не слишком люблю собак. И ваш страж чувствует это.

Король с удовлетворением отметил, как быстро барон оправился от первоначального недоумения и теперь пытался стать хозяином положения. Он был рад, что доверился внезапному импульсу вызвать Амальрика на разговор. Этот надменный немедисц забавлял его и настораживал одновременно. В нем явственно ощущалась угроза — и все же что-то заставляло Вилера пренебречь соображениями безопасности, за что не уставали пенять ему верные советники.

Должно быть, все объяснялось очень просто: с посланником, в отличие от многих прочих, никогда не бывало скучно. В нем ощущалась тщательно контролируемая, но какая-то дикая, почти первобытная энергия, притягивающая и пугающая, он был полон напряженной, яростной жизни, — и это казалось удивительно освежающим, после тусклых, безразличных взглядов и пустой болтовни аквилонских вельмож. В обществе Амальрика король с удовольствием ощущал, как и к нему точно возвращается былая сила, веселая злость давно ушедших дней.

Разумеется, политические соображения не позволяли прибегать к подобному лекарству слишком часто, — однако в такие дни, как сегодня, когда тяжесть ледяным камнем ложилась на сердце и перехватывало грудь от тоски, Вилер позволял себе послать в преисподню всех

советчиков с их интригами и осуждающими взглядами. Какой смысл, в конце концов, тогда быть королем, если не можешь, при желании, менять правила игры?!

— Всем нам свойствен страх перед неведомым, барон, — заметил он многозначительно.

С грустью Вилер подумал о всех тех вопросах, которые никогда не решится задать немедийцу. О том, что тот действительно думает о творящемся в Аквилонии. О наследниках короля. О гибели Тиберия, в конце концов... Вилер не сомневался, что, если бы им удалось поговорить начистоту, он услышал бы немало такого, что едва ли сообщил ему кто-то из приближенных, — однако об этом не стоило и мечтать.

В полумраке острый профиль барона казался странно застывшим, точно вылепленным из лунного света, и глаза за полуприкрытыми веками не выдавали никаких чувств.

— Возможно, — отозвался он наконец, едва разжимая губы. — Однако меня куда больше пугает необратимость познания. Испив из реки всеведения, нам никогда уже не вернуться на сладкие луга невинности.

В голосе его не было ни печали, ни насмешки, как того можно было ожидать, — лишь сухая констатация факта, и король ощутил внезапно, как захлестывает его волна густой тоски, тягучей, точно гречишный мед. Он покачал головой, дивясь наплыву чувств, вызванному столь незначительными внешне словами.

— Вы слишком молоды, чтобы тосковать об утраченных иллюзиях, барон. На что же вы станете жаловаться в старости?

— К тому времени я надеюсь стать стойком, Ваше Величество.

— Значит, утрачены еще не все иллюзии, мой друг!

Обращение вырвалось непреднамеренно, и все же не случайно. На несколько мгновений оба собеседника смолкли, точно опасаясь спугнуть робкую птицу доверия, что опустилась вдруг между ними.

Наконец король заговорил вновь, нарочито отстраненным тоном, точно пытаясь стряхнуть наваждение:

— Впрочем, должно быть, вы недоумеваете, зачем я просил вас остаться — после всего, что случилось.

Он хмыкнул пренебрежительно, выказывая свое отношение к предшествующему нелепому эпизоду, точно желая показать, что все это не имеет равным счетом ника-

кого значения и должно быть предано забвению. И разговор их теперь пойдет совсем об ином.

— Я давно собирался встретиться с вами — сегодня лишь представился удобный случай. Воистину, все в руках Митры... Разумеется, это необычно: принимать вас здесь наедине, без надлежащего протокола, толпы вельмож и советников, придворных писцов, увековечивающих каждое слово — однако не тревожьтесь, наша беседа не имеет никакого отношения ни к Немедии, ни к Аквилонии. Напрямую, по меньшей мере.

Амальрик Торский неожиданно наклонился вперед, касаясь задремавшего волкодава. Тот мгновенно вскинул голову и ощерился, однако не успел Вилер отреагировать, как огромный пес столь же внезапно успокоился и, обнюхав руку посланника, лениво махнул хвостом и вновь опустил голову на лапы.

Не скрывая торжества, барон Торский поднял глаза на короля.

— Все, что делает Ваше Величество, не может не отразиться на его стране, ибо Ваше Величество и есть Аквилония.

Вилер задумался, пытаясь угадать скрытый подтекст в этих церемонных словах, и заметил осторожно, надеясь, что верно уловил намек:

— А вы, Амальрик? — Он намеренно назвал того по имени, что само по себе уже являлось грубейшим нарушением этикета. — Кто тогда вы?

Немедиец задумался. Пальцы вновь принялись выстукивать рваный ритм на подушке, украшенной аквилонским гербом.

— Я — лишь тень моего господина! — Традиционный ответ, часть вассальной клятвы, прозвучал в его устах натянуто и церемонно, однако в нем ощущался скрытый смысл, напряженность, источника которой Вилер не мог угадать. — У меня нет иных желаний, кроме отражения Его воли.

— Однако, кем бы он ни был, ваш господин, это отнюдь не король Немед.

Вилер до последнего мгновения не был уверен, верно ли истолковал сомнения, что крепили в нем на протяжении последних месяцев, когда он пристально наблюдал за немедийцем, однако сейчас по выражению лица посланника понял, что стрела попала в цель.

Амальрик прикусил губу, в глазах мелькнула тревога... и хотя лицо его, когда миг спустя он поднял его на короля, было вновь совершенно безмятежным и непроницаемым, он не мог скрыть залившей его бледности.

Вилер чуть заметно усмехнулся.

— Что за странные мысли, Ваше Величество? — Голос посланника звучал вполне твердо, даже с ноткой тщательно контролируемого возмущения. — Еще немного, и я решил бы, что вы обвиняете меня в измене моей стране!

— Митра упаси!

Убедившись наконец в истинности своих подозрений — и подумать только, до чего просто это оказалось... а он так долго гадал, как подступиться к разговору! — Король с трудом сдержал победную улыбку.

— Я хотел лишь убедиться, что вы именно тот человек, кто мне нужен.

Кожа на и без того напряженном лице Амальрика натянулась, точно у мумии. Глаза застыли, подобно кусочкам обсидиана.

— Могу ли я спросить, что Ваше Величество имеет в виду?

Вилер нарочито пожал плечами. Все сомнения вдруг оставили его, испарились, подобно росе, когда всходит солнце, и точно неимоверная тяжесть упала с души. Путь, что прежде казался темным и полным тревог, внезапно высветился перед ним, подобный золотому клинку, и он преисполнился возбуждения при одной мысли, что предстоит пройти по нему. И то, что на том конце пути лежала смерть, делала его лишь более захватывающим.

— Скажите, барон, — произнес он с почти отеческой улыбкой...

Впрочем, по возрасту немедиец годился ему в сыновья — невозможно представить, но он был ровесником Валерию с Нумедидесом! — и эта мысль лишь усилила его восторг.

— Скажите, по-вашему, что основное для любого правителя?

Вопрос был непростым, и Амальрик надолго задумался, пока не понял наконец, что Вилер и не требовал у него ответа. Он молча взглянул на короля Аквилонии, и тот, довольный его понятливостью, одобрительно кивнул.

— Умение выбирать слуг — на протяжении всей жизни. И врагов — на пороге смерти. Ибо они, лучше чем кто-либо иной, смогут продолжить начатое вами дело.

Немедиец вновь погрузился в раздумья. Однако на сей раз Вилер явно ожидал от него ответа.

— Почему Ваше Величество говорит о смерти? — решил он наконец.

И тут же понял, что совершил роковую ошибку, избрав, в этом поединке воли и слов, простейший выход из предложенных... который неминуемо завлек его в ловушку.

Вилер не скрывал торжества.

— Я заговорил о ней, ибо она близка, и только вчера вечером мои лекари подтвердили это. Мне осталось не больше двух лун жизни.

И, прежде чем Амальрик успел задуматься, что толкнуло суверена Аквилонии выдать эту тайну, тщательно хранимую даже от ближайших слуг и советников, послу враждебного государства, король продолжил, иронично приподняв бровь:

— Но это совершенно неважно. Куда интереснее другое, посланник. Почему вы решили, ничтоже сумняшеся, что я числю вас именно среди врагов?

Удар был нанесен мастерски, и даже сознание того, что он сам навлек его на себя, не могло защитить немедийца. С минуту он пристально смотрел на торжествующего короля, затем произнес негромко:

— Что будет угодно от меня Вашему Величеству? Я понимаю — вы обвиняете меня в измене. Точнее, не в измене, ибо я не являюсь подданным Аквилонии, но в некоем злоумышлении против вашей державы и вас. Так ли это? Прикажете ли, чтобы я немедленно пал на свой меч?

Выражение ликования исчезло с лица правителя. На миг он испугался, не зашел ли слишком далеко. В его планы входило показать надменному немедийцу, что он по-прежнему способен взять над ним верх. Возможно даже, унижить немного... но отнюдь не лишать его жизни. Для этого барон был слишком ценным орудием. Задумавшись, Вилер попытался решить, какой рычаг окажется сейчас наиболее подходящим, чтобы удержать контроль над немедийцем. Возможно, все же стоило сыграть на тщеславии...

— Аквилония опустела, — произнес он с затаенной печалью, негромко, так, чтобы не спугнуть напряженности, воцарившейся в полутемной комнате, но привлечь внимание Амальрика.

Тот поднял голову. Затравленное выражение вора, пойманного с поличным, еще не исчезло из его глаз, однако в них зародилась уже искра надежды. Но он еще не решился задавать вопросов...

— В Аквилонии не осталось мужчин, — продолжил Вилер тем же полупшепотом. — В лице Тиберия мы потеряли одного из последних.

В знак разделенной скорби посланник склонил голову, однако, потянувшись к нему, король неожиданно резким жестом заставил его поднять подбородок. Он заметил, как ощутимо дернулся при этом немедиец, — должно быть, движение это пробудило неприятные воспоминания, — но не убрал руку. Чуть прежде Амальрик показал ему, как легко может покорить его собаку. Теперь же ему предстояло убедиться, что хозяин Зверя способен стать хозяином и ему... И когда он увидел то, что желал, в глазах человека напротив, король Вилер удовлетворенно кивнул головой.

— Да, — прошептал он почти про себя. — Ты не можешь быть моим сыном — значит, ты должен стать карающим мечом. Ты разрушишь все, что было мне дорого, ибо не способен созидать.

Он внезапно ощутил, как ледяной пот заливает ему глаза, — это вновь подступала проклятая лихорадка, что подтачивала постепенно его силы, стремительно сводя суверена в могилу.

— Создаст другой. И будет он иной крови, в которой нет гибельной заразы...

— Но почему?

— На роде нашем — проклятие. — Вилер отпустил наконец немедийца и устало вытер пот шелковым платком, который неизменно носил теперь с собой. — Проклятие... Я ощутил его действие на себе, в полной мере...

Он прикрыл глаза, точно пытаясь укрыться от картин ужаса, встававших перед его внутренним взором.

— Теперь чашу предстоит испить моим наследникам. Но все будет разрушено. Слышишь, немедиец? Все!..

Голос его сорвался на последнем слове, и он мгновенно устыдился подобного проявления чувств. Это лихорадка делала его слабым! Она отбирала остатки власти над собой... Однако сейчас, глядя на немедийца, он понял, что взрыв этот сослужил ему службу. На лице барона был благоговейный невопрошающий ужас и готовность повиноваться, как у внимающего сивилле.

Перед ним — хотя бы на мгновение — был не заклятый враг, но преданный раб.

— Но чем я могу помочь Вашему Величеству? Если есть хоть что-то...

Вилер досадливо помотал головой. Приступ отпустил его неожиданно быстро, и теперь он чувствовал обычную слабость и сонливость. Однако сперва необходимо было закончить...

— Ничем, мой друг. — Он усмехнулся, вновь назвав его так. — Делай, что делал, и будь готов к неудачам. — Он усмехнулся с неожиданной злостью. — Проклятие ширится. Так круги расходятся по воде от брошенного камня. Если не поостережешься, оно захлестнет и тебя. Но ты идешь избранным путем. Свернуть не дано никому... Мне тоже не удалось тогда...

Он закашлялся внезапно, нутужно и хрипло, слабей на глазах. Амальрик даже не шевельнулся, чтобы помочь ему, хотя в серых глазах застыла боль, и, заметив это, король не смог сдержать радости. Значит, выбор его оказался верен.

— Ты станешь пламенем, что испепелит гниль.

— Я не понимаю, государь! Почему вы говорите мне все это? Неужели из-за того, что сегодня меня обвинили облыжно в убийстве аквилонца? Но, слово чести...

Вилер слабо махнул рукой. Даже столь незначительный жест требовал сейчас слишком большой затраты сил. Рука его упала, и под пальцами он ощутил густую кожу волкодава. Это неожиданно придало ему сил. Его последний друг...

— О, нет! Не пытайся увести разговор от главного, когда собственный язык предал тебя. И не пытайся теперь казаться глупее, чем ты есть — ты лишь заставишь меня разочароваться в тебе... Хотя, неважно... — Он вздохнул обреченно. — Ты едва ли поймешь меня. Для этого нужно познать одиночество тирана. Яд тирана. Тебе не понять того, что так кристально ясно мне. Я хотел лишь, чтобы ты понял — я знаю.

На побелевших губах появилась неожиданно лукавая усмешка.

— Даже когда я буду в могиле — ты будешь вспоминать и думать: он *знал*. Знал обо всем, что случится. И он хотел этого. Тебе не удастся обмануть меня, даже после смерти.

По лицу Амальрика он видел, что тому слова его кажутся бредом. Он и сам не был до конца уверен, что язык вполне

слушается его и произносит именно те слова, что велит разум. Возможно, нет. Но это и впрямь не имело значения. В последние несколько дней он впервые осознал, с мучительной ясностью и непреложностью, что должно произойти вскоре, проникся неизбежностью этого и смирился. Лишь удовлетворение мести оставалось ему — и сейчас он взял себе это право. Пусть они *знают!* Пусть помнят, что даже из присподбной он видит, что сотворили они с его королевством, столь тщательно собранным по кусочкам, лелеемым, оберегаемым ото всех бед...

Видит — и приветствует их зло! Ибо рано или поздно колесо судьбы пройдет полный круг.

И зло обернется благом.

Возможно, Амальрик также понял это, хотя бы отчасти, ибо лицо его озарилось вдруг каким-то новым светом, а в глазах, когда он поднял их на короля, мелькнула жалость, — и тут же, впрочем, исчезла, ибо он был слишком умен, чтобы так оскорбить гордого правителя.

— Позвольте мне удалиться, Ваше Величество, — произнес он негромко, совершенно спокойным тоном, холодно и отстраненно, точно все это время они беседовали лишь о погоде да о последних дворцовых сплетнях. — Слишком много было сказано. Вам нужен отдых... И, боюсь, мне он нужен еще больше.

Вилер улыбнулся. Он был рад, что не ошибся в этом человеке, с душой, как кофийский клинок. Он был рад, что избрал именно его.

— Да, ступайте, барон. — Однако, заметив, что тот собирается встать, жестом остановил его. — Постойте. Я подумал, что, сделав вас, в какой-то мере, своим преемником, не могу отпустить без символа вашего наследия. И мне будет приятно, чтобы вы получили его сейчас.

Амальрик вопросительно поднял на него глаза. Король же, склонившись неожиданно к по-прежнему лежащему рядом волкодаву, что-то прошептал тому на ухо, и, когда огромное животное поднялось с места, невозмутимо бросил посланнику, и тот заметил, что от недавней слабости правителя, по крайней мере внешне, не осталось и следа:

— Забирайте его, барон. Он будет служить вам верой и правдой, как служил мне самому. — Он потрепал пса по холке, украшенной стальным шипастым ошейником, и тот покорно шагнул к немедийцу. — Забирайте. Лучшего хозяина для него я не могу и представить. Теперь он ваш.

Несколько мгновений барон Торский переводил взгляд с короля на собаку, словно пытаясь оценить, что за странный смысл крылся в столь неожиданном даре.

— Я же говорил, что не люблю животных, — заметил он, без особой, однако, убежденности, уже протягивая руку к ошейнику пса, и король отозвался с улыбкой:

— Разумеется. Зверь тоже мало кого любит. Я же сказал, вы вполне подойдете друг другу.

Немедиец молча поклонился в ответ.

Он не спеша поднялся. Шагнул к занавесу, отделявшему укромный покой, где они беседовали, от остальной библиотеки. Огромный волкодав прошел вперед и на пороге остановился, поджидая нового хозяина. Тот в последний раз обернулся к королю.

— Ваше Величество... Я понимаю, насколько нелепы и пусты сейчас покажутся любые слова, однако...

Но король прервал его нетерпеливым жестом:

— Нет, ступай, Амальрик Торский. Да хранит тебя Митра на избранном пути. — Он улыбнулся, неожиданно весело, точно приглашая того посмеяться над удачной шуткой. — И запомни мой последний совет на прощание... Никогда — ни ради каких богатств — не принимай короны, какие бы страсти и побуждения не двигали тобой. Ибо она иссушит мозг и выпьет твою душу!

Непроницаемый взгляд обсидиановых глаз в последний раз задержался на лице короля.

— Я постараюсь быть вам хорошим врагом, Ваше Величество.

И, шагнув за порог, Амальрик Торский опустил занавес и вышел прочь, свистнув за собой огромного серого пса.

Аой.

ВРЕМЯ СБОРОВ

Вскоре колдунья сообщила Орасту, что час его наконец настал.

— Твое бывшее пристанище разгромлено, — равнодушно проговорила Марна, не поясняя, откуда об этом знает и нимало не заботясь о том, какое впечатление произведут ее слова на Ораста. Словно тот и не жил столько дней в доме барона, не ел вместе с ним за одним столом...

— Род Тиберия выкорчеван, словно пни с гнилыми комлями! Замок сровнен с землей, и только псы воют на пепелище, да вороны взвивают клювами золу...

— Когда это случилось? — глухим голосом спросил юноша.

— Вскоре после твоего ухода.

Ораст обхватил голову руками, сдерживая рыдания.

Релата... Его Релата!

Теперь он даже издали, украдкой не сможет любоваться ее грациозной фигурой, точным профилем и медвяными косами. Она не досталась ему, но и проклятый шамарец тоже ее не получил. От этой мысли стало немного легче на душе. Он вспомнил тот злополучный день, когда последний раз перешагнул порог амилиийского замка.

После того, как Ораст своими руками отдал отшельнице заветный том, он явственно ощутил — пути назад нет. Возвращаться было бы безрассудством. Конечно, его несостоявшаяся возлюбленная обещала молчать, но что такое эти девичьи клятвы? Цена им — дырявый медяк. Кто знает, не выплакала ли она нанесенную обиду отцу и братьям и не ждут ли его, несчастного, суровые стражники с мечами и копьями, чтобы заковать в кандалы и передать под суд жрецов?

Разумом он понимал это, но страсть, бушевавшая в его теле, толкала туда, где оставалась гордая прелестница. Хоть бы мельком увидеть ее напоследок, пред тем неведомым, что ждет впереди.

— Разрешите мне вернуться в замок, госпожа, — просил он ведьму.

Та отрицательно покачала головой:

— Нет! Эта дорога закрыта для тебя!

— Я мигом обернусь. — Желание разгоралось все сильнее и делало его изобретательным во лжи. — Там остались кое-какие вещи. Книжки, которые дарил мне месьор Амальрик. Гребень покойной матери, жреческая ряса... Для других эти вещицы ничего не стоят, но мне они дороги!

— Ряса? — Марна обернулась. — Ты сказал ряса, мы не ослышались?

— Нет.

Ораст не сумел сдержать удивления. Зачем колдунье понадобилось его жреческое облачение. Уж не для того ли, чтобы плутить над платьем, пачкать его кровью

черного петуха и человеческими нечистотами. Говорят, так поступают все чернокнижники.

— Вы не ослышались, госпожа! Моя старая накидка из монастыря. Когда в Магдебархе господин барон спас меня от костра, мне вернули все то, что прежде отняли.

— Хорошо, — неожиданно согласилась ведьма. — Можешь забрать свои пожитки. Но поторопись. Возьми — и сразу возвращайся. В том доме тебе незачем задерживаться. И не забудь свое облачение!

— А... — Ораст хотел спросить, зачем ей понадобился этот кусок ткани, расшитый золотыми знаками солнцеворота, однако, наткнувшись на слепой взгляд мертвой маски, испуганно осекся. — Хорошо, я сделаю все, как вы сказали, госпожа.

Ведьма удовлетворенно кивнула и, не прощаясь, развернулась, через мгновение растворившись в лесном тумане. Ораст, неотрывно смотревший ей вслед, ощутил, как защипало у него в глазах, и, даже зная, что то было лишь действие охранного колдовства, не смог преодолеть головокружение.

Вернувшись в замок, он поспешно собрался, — все пожитки его уместились в небольшом заплочном мешке, — и выскользнул из комнаты. Он не знал, почему Марна велела ему покинуть дом барона, однако не собирался ослушаться ее приказа. Мельком он вспомнил об Амальрике, — немедиец велел ему оставаться у Тиберия, пока он не придет за ним, — но сейчас это не имело значения. Пусть немедиец сам разбирается с колдуньей. Он, Ораст, сделает все, что она велит ему.

Он немного побродил по дому, надеясь встретить Релату. Но тщетно — девушки нигде не было. Не было и гостей и Орасту подумалось, что околдованная дочка Тиберия, презрев все правила приличия, могла отправиться в столицу вместе со своим случайным избранником.

Досадно, что он не сумел исполнить того, ради чего шел сюда, однако ничего не поделаешь. Пора возвращаться в лес. Конечно, жаль покинуть этот уютный кров — ведь он так привык к нему, — но, может, он еще вернется сюда вместе с Релатой... Кто знает? Будущее темно, и лишь избранным дано зреть его в Зеркале Грядущего.

Ораст вышел в коридор и прошел к одной из дальних лестниц, которой пользовались лишь слуги, да и то нечасто — в этом крыле замка не было никаких служб, и

здесь никто не жил, если не считать самого Ораста. Невольно он старался идти тихо, украдкой, точно тень скользит по сумрачному коридору, и, внезапно услышав шаги впереди, за поворотом, нырнул поспешно в приоткрытую дверь пустующих гостевых покоев.

Он и сам не знал, что толкнуло его сделать это, — возможно, инстинкт загнанного зверя, ощущающего опасность в малейших дуновениях воздуха, в шепоте листьев и крике птиц... Или то была рука самого Митры, по неведомой милости вспомнившего о жалком слуге своем... Как бы то ни было, вжимаясь в стену, весь в холодной испарине от необъяснимо накатившей волны слепого, животного ужаса, Ораст услышал за дверью приближающиеся шаги двух человек, неспешный разговор и чуть слышное звяканье, — как может зазвенеть лишь вытаскиваемый из ножен меч.

Разговор их был неразборчив, но по тону Ораст понял, что один из этих двоих — сам Тиберий. Другой, вероятно, был стражником. Шаги сделались громче, и он изо всех сил вцепился в стену, словно пытаясь втиснуться в каменную кладку, вне себя от ужаса.

Однако они миновали прикрытую дверь, не обратив на нее внимания, и Ораст испустил вздох облегчения. Кажется, пронесло.

Внезапно он осознал, как опасно сейчас промедление, и опрометью бросился к лестнице. Пусто! Должно быть, враги его задержались в гостевых покоях. Ораст вознес безмолвную благодарность Митре. Подумать только, помедли он хоть мгновение...

Однако опасность до сих пор не миновала. Стоит барону объявить тревогу, и он окажется заперт, точно мышь в мышеловке. Да и сейчас попасться на глаза кому-то из челяди было бы смертельно опасно.

Внезапно Орасту послышалось, что внизу, во дворе, он слышит тревожные крики. Он был на лестнице, почти у самого выхода, — но застыл, спиной ощущая пронизывающий ледяной холод каменной стены. Рубаха его промокла от пота, колени дрожали, точно все суставы обратились в воду, и он не мог заставить себя сдвинуться с места.

Но вот крики затихли. Ораст в несколько прыжков преодолел расстояние от лестницы до двери и осторожно

выглянул наружу. Слава Митре, задний двор был совершенно пуст.

Но вот из-за конюшни слева донеслась взволнованная перебранка. Какие-то крики. Звон мечей. Он не мог понять, что творится вокруг — но пока погони не было, и это единственное, что имело значение.

Он прикинул расстояние до крепостной стены, заросшей плющом. Там, в зарослях густой зелени, скрывалась потайная дверца, которой он не раз пользовался в своих ночных экспедициях. Если только повезет, и в полумраке никто не заметит его, когда он покинет укрытие и окажется на виду, — дальше конюшня скроет его.

Но эти первые пятнадцать шагов...

Ораст почувствовал, как мужество вновь оставляет его. Он никогда не решится двинуться вперед, не осмелится оторваться от спасительной стены, точно неумеющий плавать хватается за любую опору, не находя в себе сил довериться воде.

Чем больше смотрел он вперед, тем дальше казалось ему это расстояние.

Тысяча шагов.

Две тысячи!

А люди за углом — стражники с остро отточенными мечами! — они ждали его. Сделай он хоть шаг, и они набросятся на него!

Ораст почувствовал, что еще немного, и он закричит. И, точно безумный, прижимая к груди свой мешок, бросился вперед.

Каждую секунду он ждал крика за спиной, как ждет олень улюлюканья охотников... Но встретила его лишь тишина. Никто не заметил его. Никто не бросился в погоню. Оседая, точно мешок с зерном, Ораст сполз по заросшей плющом стене, цепляясь за шершавые, узловатые побеги.

Заветная дверца была чуть левее. Он без труда нашарил ручку в гуще листвы и потянул на себя. Петли громко закрипели. Он замер. Ему показалось, скрежет этот разнесся по всему двору, неслышанно громкий, и на звук сбегутся сейчас все, кто остался в замке, — однако никто не обратил на него внимания за тревожными криками, что по-прежнему неслись откуда-то со двора.

Трепеща от страха, Ораст выскользнул наружу, прикрыв за собой потайную дверь. Черная полоса леса тем-

нела впереди, суля убежище и спасение. Он кинулся бежать.

Знал бы несчастный, что в этот самый момент Марна стряхнула последние капли энергии с пальцев и еле слышно прошептала, не сводя усталого взгляда с почерневших углей:

— Иди спокойно, глупый мальчишка. Неужто ты думаешь, мы позволим им схватить тебя...

* * *

Когда он отнял руки от лица, глаза его были сухи, а губы сжаты. Он преодолел в себе губительную жалость, но Релата, его Релата... Неужели он больше не увидит ее никогда?..

— Она жива, — как бы почувствовав его смятение, промолвила ведьма. — Жива и находится в Тарантии!

— Что, что? — взволнованный Ораст подумал, что ослышался. — Она жива? Моя Релата?

В досаде он прикусил язык, но предательские слова уже вылетели из его уст.

— Твоя Релата? — издевательски осведомилась Марна. — Ты верно гредишь, жрец. Она не твоя. И никогда ею не станет. Вспомни, что мы говорили тебе о Скрижали... Еще не поздно передумать, если ты вдруг предпочтешь венок из цветов на полях сладострастья, венцу властелина.

— Нет, нет, — покачал головой Ораст, — мое решение неизменно.

— В столице уже проводали о погроме, — продолжала между тем слепая отшельница. — И теперь, на третий день после гибели рода Тиберия, самодержец должен будет, как велит обычай, принести жертву нынешнему аквилонскому Богу, чтобы душа покойника отыскала путь в Долину Воинов. Обряд состоится в Золотом Храме. Слышал о таком?

Ораст, затаив дыхание, кивнул. Еще бы! О нем слышал каждый... Каждый, кому даже не довелось побывать в аквилонской столице, знал известнейший на всю Хайборию Золотой Храм Солнцеликого, который жрецы именovali Храмом Тысячи Лучей. Самый большой из всех святилищ Митры, самый богатый, самый знаменитый — о чудесах его можно было рассказывать бесконечно. Чего стоила одна только статуя Митры из чистого золота в

двадцать локтей высотой, что встречала верующих у входа! И библиотека храма была одной из самых обширных, так что не было на свете жреца или послушника, что не мечтал бы хоть одним глазком узреть его сокровища.

И теперь, кажется, заветной мечте Ораста суждено было сбыться.

— Да, — сказал он просто.

Марна кивнула, и на миг жрецу почудилось в подступающей мгле, будто слепая маска ее озарилась кривой уродливой усмешкой.

— Слышать — мало. — Она задумалась ненадолго. — Немедиец вычертит тебе план и расскажет, что делать. Повинуйся ему во всем. Завтра на рассвете отправляйся к нему. Он готов тебя встретить.

— Но... Ты ведь не можешь отпустить меня так просто... — Ораст был в смятении. Он не мог поверить, что колдунья выпроваживала его без всякой защиты, без помощи и совета, даже без единого слова ободрения. Ведь его ждало впереди великое деяние, из тех, что потрясают устои мира — а она буднично указывала ему на дверь, точно он отправлялся навестить больную тетюшку в соседней деревне. А если он оплошает, в конце концов? Если что-то, не приведет Митра, пойдет не так, как задумано? Ведь другого шанса у них не будет.

Однако Марна пренебрежительно взмахнула рукой, отметаив невысказанные сомнения.

— Немедиец скажет тебе все, что необходимо. С его помощью ты без труда проникнешь в храм. А дальше тебя поведет кинжал. Стоит клинку лишь оказаться вблизи короля — и тебе ни о чем не придется думать.

В голосе женщины звучали презрительные нотки. Она словно подтверждала, что самому Орасту доверяет в сотни раз меньше, чем собственному колдовству, и никогда не положится лишь на его ум и ловкость. Юноша ощутил ее насмешку и почувствовал себя уязвленным.

— А потом? — Не удержался он от вопроса. — Там же гвардейцы, придворные... Когда они увидят, что король мертв, и бросятся за мной в погоню — как мне спастись от них?!

Ведьма фыркнула.

— Не тревожься об этом. Не забудь лишь то, чему мы учили тебя — омыть кровью руки, окропить веки и губы... Как только ты сделаешь это, то поймешь, сколь нелепы

твои тревоги. Магия сама даст тебе ответ. Магия Скрижали Изгоев. Ты ведь этого добивался, не так ли?

Голос колдуньи сделался внезапно торжественным и звучным, словно глас герольда, возвещающего волю Судьбы.

— Власти ты жаждал, бывший служитель Солнцеликого, и власть ты обретишь! Власть, что может вознести, но может и погубить! Ты готов заплатить за обладание ею. И тогда она будет принадлежать тебе во веки веков!

Не в силах найти слов для ответа, жрец кивнул. Как это было верно!

Поначалу Ораст еще пытался противиться. Голос в душе его твердил, что никакое знание, никакая власть или магия не стоят того, чтобы навеки погубить душу, запятнав ее пролитием крови. Внутренний голос, голос рассудка или совести, внушал, что любая жизнь священна, и тем более, жизнь короля. Нашептывал, что Митра проклянет его, если он осмелится исполнить задуманное. И даже пытался уверить, что он, Ораст, не создан для подобных дел, что у него неостанет духу совершить нечто подобное. Что он слишком неловок и погубит все из-за какой-нибудь нелепой оплошности. Голос...

И все же Орасту удалось заглушить его. И теперь голос больше не осмеливался тревожить. Ибо решение жреца было непоколебимо.

Собственно, это даже не было сознательным решением. Просто ему не оставили выбора. Он так страдал! Митра, как он страдал! Слово ледяные пальцы скручивали жгут его души, петлей свивали разум. Он сделался рабом Скрижали, когда поддался искушению испробовать одно из ее заклинаний, — так объяснила Марна. И теперь они с Книгой были связаны магической цепью, разбить которую могла лишь кровь. Изъестъ сталь ржою — вот, что должна была сделать кровь короля Вилера. Он омоет в ней руки, творившие проклятое закланье, коснется окровавленными пальцами глаз, что читали, и губ, что твердили его, — и станет чист.

И Скрижаль Изгоев откроется Орасту, и станет наконец истинно принадлежать ему.

Так говорила Марна.

И у него не было иного выхода, как поверить ей. Ибо Книга медленно убивала его, а заколдованный кинжал,

так счастливо найденный жрецом в лесу, напротив, придавал сил и толкал вперед.

И чем больше размышлял над этим Ораст, тем больше убеждался в мудрости небесных сил. Ибо наконец ему дарован был шанс действительно испытать себя. Ведь кем он был до сих пор? Сперва жрецом, одним из тысяч ему подобных, забитым, униженным, чье устремление не встречало в ближних ничего, кроме насмешек, а все благие порывы подавлялись с презрением и грубостью.

А затем, став чернокнижником, разве преуспел он более того? Удары судьбы все столь же рьяно настигали его. Жалкие, ничтожные честолюбцы, возмнившие себя властителями судеб! Одни пытались возвести его на кстер, другие спасли ему жизнь, — но, в сущности, и те, и другие были похожи. И тем, и другим не было дела до самого Ораста — лишь корысть двигала ими.

Они презирали его!

Не лучше были и домочадцы Тиберия. От них Ораст также не видел ничего, кроме оскорблений. Его до сих пор начинало трясти, когда он вспоминал, как обошелся с ним Винсент в тот памятный вечер, когда тащил его силком к барону — да не найдет он успокоения в юдоли Митры! А надменная Релата, эта гордячка, не пожелавшая снизойти до низкороджденного! Ораст невольно принимался скрежетать зубами при одной мысли о ней, забыв, что несколько мгновений назад едва сдерживал рыдания.

Теперь, когда он узнал, что она жива и пребывает в объятиях шамарца, ненависть вновь иссушила страсть в его душе.

Но теперь все будет иначе. Ораст докажет им всем, что он не ничтожество, не червь, которого ничего не стоит раздавить сапогом. Он сотворит то, на что не осмелился бы ни один из них, даже Амальрик, и деяние это вознесет его надо всеми. Точно колосья пшеницы под ветром, склонятся они перед ним. Пролитая кровь не просто даст жрецу власть над Скрижалю — она даст ему власть над миром, ибо лишь тот из людей достоин править другими, кто сумел преступить лживые запреты и стал выше всех прочих.

Он убьет короля! Убьет, чтобы обрести власть, перед которой преклонятся самые гордые вожди Вселенной.

— Завтра на рассвете я отправлюсь в путь, — сказал он Марне твердо. — Береги Скрижаль. Я вернусь за ней.

Амальрик Торский знал, что не сможет уснуть в ночь перед прибытием Ораста. Он, вообще, мало спал с того самого вечера, как огромный черный ворон ударился в его окно, прокаркав роковые слова. В последний раз обдумать все, вспомнить забытое, предусмотреть любые неожиданности... Немудрено, что сон избегал его!

И все же, как странно смешалось все! И то, что планы их готовы оказались осуществиться именно сейчас, после странного разговора с королем, о котором Амальрик до сих пор, несмотря на все свое хладнокровие, не мог вспоминать без суеверной дрожи.

И кровь, и огонь в Амилии.

И обвинения в адрес Валерия, и замешательство принца, точно он и впрямь был повинен в гибели Тиберия.

И понятное теперь своеволие Нумедиеса, над которым за последние дни, сам не заметив, как могло такое случиться, немедиец полностью утратил контроль... Все сошлось воедино, точно и впрямь эти последние дни были неким роковым центром, порогом, переступив который, ни один из них не сможет оставаться тем же, что раньше.

Странно, однако, что Амальрик почти не испытывал тревоги. Чем больше нити власти ускользали у него из рук, рвались, подобно гнилой пряже, и путались на глазах, тем спокойнее принимал он происходящее. Власть над происходящим была утрачена, и, как его учили Адепты Кречета, он отдался воле течений, действуя в потоке чуждой силы, куда удачное стечение обстоятельств или собственная ловкость не позволят ему вновь сосредоточить бразды правления в своих руках.

И то, что Марна решила наконец, что все готово для решающего шага, и отправила к нему своего посланца, не поколебало невозмутимости барона. Посредством магии он связался с ведьмой, и та подтвердила, что избранником ее, несущим заколдованный кинжал, призванный лишить жизни аквилонского самодержца, стал жрец Ораст. Амальрик не стал спрашивать, как удалось ей уговорить юношу на подобный шаг, требующий хладнокровия и решимости, столь чуждых его натуре. Он даже не сказал Марне, что, по словам самого Вилера, королю и без того оставалось недолго.

Это, в конце концов, не имело больше никакого значения.

Он еще думал, что, возможно, испытает чувство вины, подготавливая смерть короля, после их давешнего разговора, когда правитель в открытую заявил, что ему известны все замыслы мятежного барона и, возможно даже, что тот готовит прокушение на него. Впору было впасть в отчаяние, покончить с жизнью, дабы избежать позора, как он сам предложил королю... Однако тот отверг жертву немедийца. Более того, он словно приветствовал грядущую гибель свою и королевства. Словно был уверен, что Амальрик совершает великое благодеяние.

Смысл речей самодержца остался темен для барона. Однако помазанник Митры во многом отличен от простых смертных, и тем не понять его чаяний и устремлений. Прозрения короля Вилера были его тайной. И все же этого было достаточно, чтобы Амальрик не испытывал ни сомнений, ни угрызений совести, подготавливая его убийство.

Недавно он побывал в Храме Тысячи Лучей. Прошелся по извилистым коридорам, прикидывая, оценивая, выбирая. И видел жертвенного быка, белого, как снег, с вызолоченными рогами, который покорно дожидался на внутреннем дворе святилища того дня, когда ритуальный нож вонзится ему в глотку, дабы священная кровь оросила жертвенник. И невольно подумал, что, должно быть, король Вилер сам видит себя таким быком. Он тоже будет принесен в жертву. И кровь его, алая, горячая, прольется на алтарь грядущего.

И тогда вдвойне справедливо, чтобы именно жрец Митры стал тем, кто поднимет кинжал.

Бросив взгляд на жесткое ложе, где провел столько бессонных ночей, Амальрик поплотнее запахнул халат и уселся в кресло у окна, свое любимое, откуда он наблюдал за жизнью дворца, пока внезапно не утратил интерес ко всему вокруг, и сосущая боль одиночества сделалась непереносимой. Барон нагнулся погладить серого волкодава, свернувшегося у его ног, невольно вспомнив, что точно так же делал недавно Вилер. Пес приподнял тяжелую голову, янтарным глазом кося на нового хозяина. Немедиец улыбнулся ему — как он мог забыть, что он теперь не один?! И бесконечная ночь, что лежала впереди, показалась ему внезапно не такой мрачной, точно где-то вдали уже забрезжил рассвет.

...Враги вокруг — повсюду, куда ни глянь!

Дикие звери, хищники, алчущие крови! Лживые улыбки и сочувственные речи, за которыми они прятались, точно за щитами, не могли сокрыть их истинной природы: он угадывал ее в каждом жесте и взгляде, в каждом неосторожно брошенном слове. Все — все они жаждут его погибели, все стоворились послужить его падению! Он ощущал себя, точно олень, поднятый собаками выжлятников, загнанный, изнуренный бегством, не знающий отдыха, не находящий укрытия. И уже за самой спиной слышал он их восторженный хриплый лай, чуял горячее зловонное дыхание, оглядываясь, видел, как падает хлопьями из оскаленных пастей желтая пенящаяся слюна, как наливаются кровью глаза псов...

Они гнали его. От них не было спасения.

Мгновения паники, подобные этому, случались с Нумедидесом все чаще, накатывали, точно волны в час прилива, вздымая в душе темный осадок ужаса и ненависти, и, отхлынув, оставляли его обессиленным и дрожащим, точно в лихорадке.

Принц, один в непроглядном мраке опочивальни, где с утра слуги немало времени потратили, чтобы повесить особые плотные гардины, сквозь которые не проникало ни лучика света, забился в угол, в самую глубину огромного ложа, натягивая на себя покрывало из тонкой козьей шерсти. Он дышал прерывисто и с трудом, точно и впрямь выдержал только что долгую погоню. Горячий пот струйками стекал по щекам, оставляя липкие дорожки, и кожа, высыхая, стягивалась и принималась чесаться. Взгляд широко открытых глаз был устремлен в туманное никуда, точно принц все еще переживал сцены ужасной охоты, где ему выпала роль кровавой жертвы. Крупное, дряблое тело дрожало, словно в лихорадке.

Постепенно, однако, дрожь прекратилась, и, выпростав руку из-под покрывала, принц потянулся к ящичку у изголовья, где, в специальных углублениях, обитых черным бархатом, покоились полдюжины бутылок лучшего аквилонского вина. Выбрав уже открытую, он поднес ее к губам и с жадностью припал к горлышку. Тепловатая жидкость хлынула в пересохший рот.

Внезапно дрожь охватила его руки, и пурпурное вино выплеснулось на покрывало, заливая и лицо, и домашний

халат Нумедидеса. Яростным жестом он отшвырнул бутылку в угол комнаты, — но она, ударившись о стоявшее рядом кресло, не разбилась, а, скатившись, упала на покрытый ковром пол, продолжая расплескивать содержимое. Звук булькающей жидкости привел наследника престола в иступление. Вскочив с постели, он пнул бутылку изо всех сил, загнав ее под кресло, точно напроказившую собачонку, и, обессиленный, вновь рухнул на ложе.

Всплеск гнева, однако, помог ему прийти в себя, и, подняв руки, он увидел, что они больше не дрожат, и соленый пот высох на раскрасневшемся лице. Нумедидес перевел дух. Он не знал, что творится с ним в последнее время, что за странные приступы одолевают его, подтачивая здоровье и душевные силы, — однако был полон решимости не позволить никому узнать об этом. И, в первую очередь, дворцовым лекарям. На их верность нельзя полагаться — эту истину он усвоил крепко. Так что оставалось лишь терпеть и надеяться, что со временем припадки прекратятся, столь же беспричинно, как и начались, или же он отыщет способ самому совладать с ними.

Уже спокойнее он на ощупь вытянул из ящичка новую бутылку, откупорил ее серебряным штопором, и, плеснув немного вина в кубок, принялся потихоньку потягивать густую пряную влагу.

По сути своей, если вдуматься, странные приступы эти не причиняли ему особых неудобств, если не считать быстро проходящей слабости. Он даже склонен был считать их вполне разумной платой за некие иные способности, что пришли к нему в то же самое время. Ибо, когда припадок заканчивался, голова его начинала работать как никогда ясно, он видел многие вещи, которых не замечал прежде, обретал способность мысленным взором проникать в скрытое и запретное, что раньше считал лишь уделом магов. Даже души людей становились для него открытой книгой, и, читая в них, он лишний раз убеждался, что прав был, когда в бреду своем видел их всех подобным волкам и диким зверям, беспощадным и алчным, в любой миг готовым разорвать всякого, кто встанет у них на пути. То была истинная их суть, тщательно скрытая под придворной фальшью, и ему делалось

страшно, когда он думал о том, сколько прожил среди них, не подозревая ни о чем.

Нет, воистину, он должен был быть благодарен тому, что случилось с ним! Благодарен не только новому видению — но и новой мудрости, позволявшей осознать увиденное, и решимости, с которой ныне он воплощал в жизнь задуманное. Ибо, если и научило его чему-то обретенное прозрение, так это тому, что беззащитной жертвою ему не выжить среди зверей алчных — а значит, и оленю должно вспомнить о том оружии, коим наградила его природа, прекратить спасаться бегством, обернуться к преследователям... и перейти в наступление, не ведая ни страха, ни пощады. Лишь это могло спасти его.

Теперь он знал также и то, что действовать надлежит быстро, — ибо вскоре решимость его может иссякнуть, и тогда уже не достанет сил совладать с врагами. По счастью, пока он был вполне на это способен...

Не все среди преследователей были одинаково опасны. Иные, вроде тех жалких приживал, которых он не так давно выгнал прочь из своих покоев, едва ощутив приближение приступа, не представляли серьезной угрозы, — ничтожества, пожиратели падали, с ними он с легкостью мог совладать. Но другие... Других он страшился по-настоящему, мысли о них не давали ему покоя, отравляли дневные часы и делали сон прерывистым и исполненным кошмаров. Это их жаркое дыхание ощущал он во тьме, это их белые клыки готовы были впиться ему в горло. Пока ему удалось поразить лишь одного, разорить гнездо предательства... но сколько их еще оставалось!

Поднявшись и сделав несколько неуверенных шагов на ощупь, принц подошел к окну и осторожно отодвинул край шторы. Осенняя ночь опустилась быстро, — но во дворе замка уже зажгли факелы, и в неверном свете их вечерняя дворцовая суeta челяди, стражников и редких вельмож, спешащих по своим делам, казалась исполненной тайны и скрытого смысла.

Внезапно цокот копыт и веселый смех огласили двор. Это выехали с конюшни, собираясь, должно быть, в город на ночную пирушку, несколько молодых придворных. Голоса их, беззаботные и дерзкие, далеко разносились в ночи. Принц слышал, как подшучивает, по своему извечному обычаю, граф Аскаланте над Феспием, слышал, что упомянуто было к чему-то имя Амальрика Торского —

но хохот юнцов не позволил расслышать, о чем шла речь. С ними был Просперо, молодой приятель пуантенского графа, и еще кто-то, кого Нумедидес по голосу не узнал.

Нумедидес откинулся на подушки, в ярости стискивая зубы. Он ненавидел этих хлыщей, что еще недавно теснились у него в гостиной, щедро расточая лесть и хвалы принцу, а, лишь покинув его, мгновенно позабыли все клятвы верности и готовы были с тем же рвением перемывать ему кости. И ему не нужно было слышать этого своими ушами, чтобы знать — стоит им выехать из дворца, и они примутся злословить о нем. О нем! Их будущем повелителе! Принц готов был придушить их собственными руками!

Они, снаружи, продолжали болтать и смеяться.

Нумедидес отшвырнул пустой кубок и зажал руками уши. Голоса придворных сделались ему невыносимы, они кинжалами резали уши, вонзаясь в самый мозг его.

Он заскрежетал зубами от боли, не зная, что сделать, чтобы проклятые насмешники наконец замолкли... но почему-то не находя в себе сил открыть окно и крикнуть им, чтобы они убирались прочь. Он ненавидел их — все сильнее, с каждым доносившимся звуком!

Но вот, наконец, отстучали и затихли копыта лошадей, тьма поглотила хохот и возгласы, и Нумедидес остался наедине с бутылкой вина и спасительной тишиной. Лишь приглушенные шаги да далекая перебранка стражников нарушали ее — но то были шумы ночи, приглушенные, бессмысленные, и он расслабился понемногу, ощущая, как, точно вода в песок, уходит напряжение и боль, и возвращается способность мыслить здраво.

Ненависть, однако, не ушла никуда и осталась при нем, точно преданный пес, нетерпеливо рыча и показывая клыки. Усилием воли он усмирил ее.

Время крови еще придет!

Нумедидес пальцами потер ноющие виски. Валерий, подумалось ему вдруг. Интересно, почему его кузена не было с этими ублюдками? Где он, этот убийца, в какой черной дыре прячется сейчас, вынашивая свои гнусные замыслы? Тревога вдруг пронзила его ледяным клинком. Валерий — он готовит погибель им всем! Необходимо опередить его, остановить! И только он, Нумедидес, способен на это.

Он один понимает, насколько, на самом деле, опасен шамарский выкормыш. Остальные ослеплены, околдованы им... даже Вилер. Они не в состоянии осознать, что за угрозу несет им этот вестник черного востока, носитель кровавого хаоса, прислужник темных сил, алчущих чело-веческой крови! Он готовится повергнуть их в пучины мрака и отчаяния, уничтожить все живое, погасить свет вечный, сияющий в Валузии, — и только Нумедидесу под силу встать у него на пути. Один, подобно героям древности, он остановит дракона и очистит мир от скверны!

Он думал о том, как уничтожит Валерия. Все было готово для этого, — и ловушка приведена уже в действие. Еще несколько дней, и стальные зубья ее сомкнутся, отправив это дьявольское отродье в преисподнюю. Лишь тогда Нумедидес сможет вздохнуть спокойно.

Однако Валерий, он знал, был лишь главной — но отнюдь не единственной — преградой. Боги указали ему путь, ведущий к славе и могуществу... но тяжесть его казалась порой устрашающей. И при мысли о том, что ждало его впереди, сердце Нумедидеса сжималось испуганно.

Страх, однако же, не сковывал его, ибо в душе Нумедидеса не было сомнений в том, что боги на его стороне. Они были ему надежными союзниками, и он с благодарностью принимал их помощь, не слишком даже тревожась тем, что не в силах пока принести на их древние, забытые людьми алтари положенную жертву. Они подождут — пока не будет очищена земля и опрокинуты святилища лживого Митры, проклятого и ненавистного. Тогда его боги будут вознаграждены как подобает, — до тех же пор им надлежало действовать в тайне!

Пудобнее устроившись на мягком ложе и прикрыв глаза, Нумедидес принялся размышлять. План — подсказанный его божественными покровителями, — был безупречен, и от принца требовалось теперь лишь время от времени придавать ему легчайший толчок, чтобы приходили в движение огромные жернова. Он довольно вздохнул, вновь натягивая на себя покрывало, ибо становилось прохладно. Итак, решено. Валерию суждено оказаться первой жертвой. И расправа над наследником станет последним делом короля Вилера в сей юдоли скорби — а затем он и сам последует за племянником.

Нумедидес усмехнулся, предвкушая то, что предстоит ему завтра. Накануне он почти убедил короля, что суд над Валерием должен состояться как можно скорее, — якобы для того, чтобы пресечь на корню позорные слухи... которые усиленно разносили тем временем по столице собственные слуги принца. А таинственное убийство сына Тиберия лишь подлило масла в огонь. Разумеется, напрямую обвинить Валерия никто не решался, но Нумедидес видел, что намеки, брошенные им невзначай в разговоре то с одним, то с другим из придворных, подобно семенам, павшим на добрую почву, дали обильные всходы. Скоро во дворце не останется никого, кто еще верил бы в невиновность шамарца. Вилер, правда, еще колебался, — но принц не сомневался, что сумеет вырвать у него согласие. Нумедидес уверился в своей власти над правителем, когда убеждал дядю позволить ему, в обход указа, нанять собственный отряд воинов. Вилер согласился на удивление быстро, не имея силы противостоять напору племянника, и теперь, подумал принц с довольной усмешкой, ему незачем больше таиться. С завтрашнего дня Конан-киммериец и его наемники смогут занять при нем подобающее место. Тем более, что скоро им вновь найдется работа.

Да, король угасал на глаза. Воля его слабела с каждым часом, и сам он делался покорной глиной в руках Нумедидеса. И все это буквально за несколько дней! Но не только смерть Тиберия подкосила правителя.

Нет, ему в этом изрядно помогли.

Принц ласково погладил небольшую округлую коробочку, что таилась во внутреннем кармане его туники. Вырезанная из бивня elephants — чудесного зверя далекой Вендии, — на крышке своей шкатулка эта несла изображение змея, и то был знак ее смертоносного содержимого.

Пять маленьких шариков еще оставались в ней. Пять маленьких шариков синеватого цвета, похожих на круглые льдинки. Пять из семи, за столько же полных мер золота предоставленные принцу помощником королевского лекаря, с которым они так любезно побеседовали как раз перед отъездом Нумедидеса в Амилию... Уже тогда он понял, насколько опасно для него зависеть от планов коварного немедийца, и принялся строить собственные, в которые не посвятил никого. И вот настал час привести эти планы в действие.

Пожалуй, сказал себе принц с усмешкой, завтра нужно будет вновь навестить Вилера. Под вечер, когда король почувствует усталость, он, наверняка, не откажется выпить с племянником немного вина... И тогда, если удача будет вновь на его стороне, в коробочке останется лишь четыре пилюли. Пятая же, подобно своим смертоносным сестрам, исчезнет, без следа растворившись, в недрах бокала, полного огненной рубиновой жидкости. А на другой день королевские лекари заметят с ужасом, что лихорадка, одолевающая суверена, вновь усилилась... В отчаянии станут они пробовать одно средство за другим — лишь чтобы убедиться, что нет спасения. А в шкапулке из кости таинственного зверя будут ждать своего часа четыре застывшие льдинки.

Так уйдут они все — унесенные ядом, уничтоженные рукой наемных убийц, королевским правосудием или таинственными черными силами. И лишь одному Нумеди-десу будет ведом источник того очищающего пламени, что спалил их гнусную плоть, призванного возродить древнюю землю и подготовить ее к приходу истинных владык. Ему же, властителю этого края, уготована роль руки, держащей факел, длани карающей, несущей воздаяние и искупление! Миссия эта была настолько необъятна и рождала в душе его столь светлые и возвышенные картины, что слезы выступили на глазах у принца.

Только бы это свершилось скорее! Он не мог больше ждать.

Стиснув зубы, он вознес безмолвную мольбу древним богам.

Затем благоговейно коснулся головы, где набухали твердые холмики растущих рогов...

Аой.

ВРЕМЯ СКОРБИ

Траурный королевский кортеж длинной черной гусеницей выполз из Северных Ворот Лурда. Чтобы достичь Храма Тысячи Лучей, где должен был состояться поминальный обряд, процессии предстояло сделать приличный крюк, ибо святилище находилось в южной оконечности Тарантии, — однако обычной велел, чтобы для торжественных выездов король пользовался только этими воротами и никакими иными, пренебрегая соображениями удобства и скорости.

Самого правителя мало трогали все эти ограничения, подчас совершенно нелепые, которыми опутана была жизнь монарха, однако многим придворным подобные уступки требованиям седой старины казались совершеннейшей нелепостью. Разумеется, все они с почтением относились к старому Тиберию, уважая в нем опытного воина, царедворца и рачительного хозяина, и скорбели об участии, постигшей барона и его домочадцев, — но молодые вельможи, почти не скрывали, что куда с большим наслаждением провели бы этот день в пирушках и прочих забавах, вместо того, чтобы тащиться через весь город в храм и внимать там с показным благочестием заунывному вою жрецов, в душе мечтая лишь о том, чтобы поскорее кончилась служба и все это можно было забыть, как дурной сон.

Впрочем, недовольство недовольством — но отказаться сопровождать короля не посмел никто, как никто не решился бы высказать вслух своих истинных чувств. И, оглядывая траурный кортеж, Валерий, прекрасно понимавший, что гложет сейчас этих завитых, напояженных франтов, с усмешкой сказал себе, что уныние на их лицах только самым наивным наблюдателем могло бы быть отнесено на счет скорби по барону Тиберию.

Сам он, к стыду своему, также должен был признать, что не мог найти в себе сил искренне оплакивать владельца Амилии. Он не настолько хорошо знал барона, да и возраст не позволил бы им сойтись ближе, и кроме того, Валерий повидал за свою жизнь слишком многое, чтобы позволить увиденному надолго завладеть своим сердцем. Тем более, что тело Тиберия, равно как и тело его второго сына, так и не были найдены в развалинах, несмотря на то, что, по приказу короля, стражники прочесали их со всем тщанием.

Другая смерть — смерть Винсента Амилийского — тревожила Валерия куда больше. Он знал, что злые языки уже болтают всюду, будто именно он направлял руку безвестного убийцы, сразившего наследника Тиберия. Якобы, стремясь загнать рот своему обвинителю...

Он не пытался оспорить эти сплетни. Заставить глупцов умолкнуть было невозможно, и что бы он ни говорил, как бы не оправдывался, все равно любое его слово было бы истолковано против него. Разумнее было молчать и ждать, пока все само успокоится. Рано или поздно о нем

забудут. Найдутся новые темы для досужей болтовни... И кроме того, принцу в последнее время претила любая деятельность. Необходимость совершать какие-то шаги, принимать решения, нести ответственность за них — все это казалось ему слишком суетным.

Он предпочитал созерцать.

Жаль только, дядя осерчал и не позволяет ему удалиться от двора. Накануне Валерий вновь просил короля, чтобы тот разрешил ему отбыть в Шамар. Но Вилер остался непреклонен, и у принца возникло странное чувство, будто правитель втайне мстит ему за некое прегрешение, о котором сам Валерий и не подозревал. Как бы то ни было, слово сюзерена было законом для принца. Он остался в столице.

Конечно лучше было бы уехать. И увезти Релату. Здесь, в Лурде, он жил в постоянном страхе разоблачения. Пребывание девушки в Алых палатах не могло оставаться незамеченным вечно. Как ни преданы были Валерию его слуги, рано или поздно кто-нибудь из них проболтается...

Если это случится, то ему вменят ко всему прочему еще и похищение девицы. Ибо никто и никогда не поверит, что она пришла к нему по собственной воле, вопреки его желанию. Вот тогда ему уже никогда не удастся доказать, что слова Винсента были злонамеренной ложью, равно как и обвинения, брошенные кузеном. Он до сих пор не знал, что заставило Нумедидеса солгать, но из-за его слов Валерий оказался спутан по рукам и ногам. Если прежде Релата еще могла появиться во дворце, не вызывая особых подозрений — стоило лишь объяснить, как удалось ей бежать из Амилии, — то теперь об этом нельзя было и помыслить.

Не то чтобы это очень огорчало саму девушку. К удивлению принца, она казалась абсолютно счастливой и не видела в своем положении ничего странного или предосудительного. Мне достаточно быть рядом с тобой, просто видеть тебя рядом, повторяла она ему. Дочь барона не стремилась показаться при дворе, не желала видеть посторонних. В отсутствие Валерия, единственным, кто оставался с девушкой, был Ринальдо, его верный герольд, но и его она все чаще гнала прочь, жалуясь на его злой язык и постоянное нытье.

И потому мало-помалу Валерий смирился. Здесь также он выбрал самый простой путь — путь непротивления. И

плыл по течению, не пытаясь обуздать волны рока или повернуть вспять. «Пусть все идет, как идет» — воистину стало его девизом. И не имея сил противиться собственному безволию, Валерий с циничной усмешкой подумывал, что именно эти слова следовало бы начертать на фамильном гербе Шамарской династии, вместо гордого «Желаю и творю», красовавшегося там.

...Процессия между тем достигла Площади Цветов, в самом центре столицы, откуда, прорезая насквозь Нижний Город, к Золотому Храму вела дорога — прямая как боссонская стрела. В центре площади красовались засаженные цветами куртины. Именно из-за этих гряд, разбитых еще при короле Талине, площадь и получила свое название. Весной и летом здесь часто собиралась молодежь.

Парни и девушки плели венки, играли на цитрах, сюда любили забредать бродячие кукольники, которые под воеторженный свист, хохот и улюлюканье зрителей ловко водили на крестовине дергунчиков-марионеток, чаще всего изображавших известных вельмож или служителей Огнекудрого. Здесь же проводились празднества Зимнего и Летнего Солнцестояния, когда горожане катали огненные колеса, ряженные показывали сцены низвержения Сета благочестивым Эпимитреусом, а жрецы окропляли толпу можжевельным соком и щедро рассыпали медные монеты, в знак милости к Аквилонии Подателя Жизни.

Осенью на куртинах расцветали звездчатые астры с острыми лепестками. Эти сиреневые, белые и бордовые цветы отчего-то навевали на шамарца грусть, напоминали о скоротечности жизни. Он спрыгнул с коня, сорвал астру и поднес к носу. Цветок ничем не пах, а от стебля и листьев шел сильный аромат мокрой зелени и сырой земли. Почему-то этот запах вызвал в памяти картины из детства, когда он весь в репьях, исцарапанный лаза в зарослях Валонского леса, надеясь отыскать цветок папоротника.

Как давно это было...

Валерий прикрепил цветок к своему черному *бонне* — высокой шляпе без полей, — и перед тем как сесть на коня, еще раз взглянул на площадь. Красиво здесь, что ни говори. Совсем некстати он вспомнил, что раньше площадь использовалась как место для казней, и рядом с цветочными клумбами возвышались виселицы и плаха.

Так продолжалось до тех пор, пока Вилер не отменил публичные казни, справедливо полагая, что зрелища такого рода будят у черни низменные инстинкты. Принц подумал, что если после смерти Вилера к власти придет его полоумный братец, то скорее всего этот жуткий обычай опять воскреснет — и поехался.

Он посмотрел назад — черная кавалькада подползала к площади. Он сам отправился в путь налегке, не взяв с собой никого, кроме единственного паж, что должен был присмотреть за лошадьё у храма, но теперь, глядя на бесконечную верениц карет и паланкинов, он испытывал смутную неловкость.

Впереди, со штандартами, украшенными золотыми кистями, как и положено при торжественных выездах, и красной королевской орифламмой выступали на белоснежных лошадях шестеро *средних* герольдов. В знак траура в гривы скакунов вплетены были черные атласные ленты.

В Аквилонии, как и во многих других хайборийских государствах, это сословие распалось на три группы. Первая носила название — «короли гербов». Дворяне, входящие в нее, были вестниками мира и войны, присутствовали на всех судилищах, исследовали родовые таблицы и гербы, осматривали оружие на поединках. В его родном Шамаре эту роль играл небезызвестный Ринальдо.

Вторые — «средние герольды» были глашатаями: им вменялось в обязанность трубить в серебряные трубы и сообщать народу о королевской воле или возвещать о начале турнира.

Наконец младшими в этом списке были «сопровождающие». Обряженные в цвета соответствующего Дома, они должны были, словно стайка ручных соек, повсюду следовать за своим господином, проверяя еду и питье венеценосца, поддерживая его парадную горностаевую мантию и прислуживая за столом.

За герольдами ехали личные телохранители короля: две *децимы* Черных Драконов, по десять человек каждый. Они оттесняли в сторону черестур любопытных горожан, не забывая следить за толпой и окружающими дорогу домами. Первую *дециму* составляли лучшие аквилонские стрелки: их зоркие глаза цепко ошупывали толпу горожан, а руки крепко сжимали взведенные арбалеты. Любой, заподозренный в злом умысле против Его Величества, а

то и просто имевший неосторожность сделать подозрительное движение, рисковал получить стальной болт прямо в сердце. Гвардейцы не знали промаха и не ведали пощады.

Их называли Стрелки Митры, а на панцирях красовался отличительный знак — золотой солнечный диск.

Во втором отряде были собраны отборные копейщики. Их длинные пики, гордо взмывшие ввысь, были укреплены на специальных выступах на седле, но в нужный момент они в мгновение ока оказывались готовыми к бою, и золотые жала угрожающе нацеливались в сторону предполагаемой опасности. Обычай делать наконечники из золота был введен несколько столетий назад, с тех пор, как во время торжественного шествия на короля Авениуса накинута стая демонов, вызванных из глубин преисподних магами Черного Круга.

Их, как и любую другую нежить, нельзя было поразить простой сталью, и это стоило монарху жизни.

Наследники Авениуса учли горький урок и вооружили своих телохранителей так, чтобы они могли отразить натиск не только человеческих врагов. Поэтому вторую *дециму* стали именовать Золотые Копья.

Говорили, что гвардейцы этого отряда без усилий могли на полном скаку поразить копьем медную монетку, подброшенную в воздух.

Однако сейчас у них, как и двух отрядов меченосцев, что замыкали процессию, почти не было работы. Горожане сами теснились по сторонам, торопясь дать дорогу придворным, взирая на проезжающий кортеж с гордостью и благоговением.

Да, Вилер был любим народом. Невозможно и помыслить было, чтобы кто-то вздумал учинить против короля дурное. И потому гвардейцы ехали расслабившись, красуясь молодецкой выправкой и посылая сияющие улыбки очаровательным лавочницам.

А дальше следовали придворные. Зрелище они представляли собой более чем впечатляющее, однако, на взгляд Валерия, довольно комичное. Они тащили за собой все, что только можно, точно собирались переселиться в храм Митры навеки: походную мебель, почти не уступавшую дворцовой ни размерами, ни отделкой, утварь, охотничьи принадлежности — хотя на кого собирались они охотиться во владениях Солнцеликого, оставалось загадкой, собственные моленные принадлежности и складные

алтари, статуэтки божеств, а некоторые даже — собственных жертвенных животных. Бесчисленная челядь — повара и музыканты, лекари и писцы, брадобреи и конюхи — все ютились в крытых фургонах, пестрых, точно повозки ярмарочных акробатов, тогда как сами вельможи путешествовали в отделанных золотом и бархатом дормезах, в сопровождении жен, дочерей и доверенных слуг, — огромных сооружений, скорее напоминающих крепости на колесах, нежели обычные кареты.

Гиганты эти, в которые запряжено было не менее шести лошадей, также увитых черными лентами — еле ползли по раскисшей грязи, оставшейся после недавних дождей. Неудивительно, что процессия надеялась, выехав из Лурда с рассветом, достичь храма не раньше полудня, тогда как хорошему всаднику на это понадобилось бы не больше одного поворота клепсидры, и на мгновение Валерию захотелось пустить вскачь своего гнедого, оторваться от всей этой пышной свиты, сковывающей его хуже, чем колодки каторжника, однако он не позволил себе поддаваться искушению. Он и без того слишком на виду при дворе, — подобное неуважение едва ли пришлось бы по вкусу королю, не говоря уже о прочих вельможах.

Ну а кроме того, он не мог и представить себе, что будет делать в Храме Тысячи Лучей в ожидании, пока подтянутся остальные. Разве что молиться...

Взгляд его с тоской скользил по ползущим мимо неуклюжим дормезам и паланкинам. Проезжающие мимо верхом офицеры гвардии, в отличие от придворных, дружески кивали — он почти всех знал по именам и пользовался среди них определенной симпатией, но сейчас у него не было желания заводить с ними разговор. Отвечать на вопросы, улыбаться, шутить, — это было свыше его сил.

Его миновала карета с гербом на дверце, запряженная восьмеркой черных, как уголь, лошадей, — это ехал сам Вилер. Интересно, подумалось принцу, там ли сейчас Нумедидес, и что за яд расточает сейчас этот подлый пес, отравляя душу короля против Валерия... однако тяжелые шторы скрывали окна, и взгляду принца не удалось проникнуть внутрь. Рассеянно усмехнувшись, он пожал плечами.

Была бы возможность — он с радостью придушил бы Нуми, эту подлую лживую гадину, собственными руками. Однако отравлять себе жизнь постоянной тревогой и опа-

сениями было бы слишком нелепо. Да, воистину, пусть все идет, как идет, сказал он себе устало. Любой удар судьбы он постарается встретить с мужеством и стойкостью воина. Хотя бы этому жизнь научила его вполне.

И, прищипнув коня, Валерий Шамарский рысью пустил его вперед, вдогонку королевской карете.

По пути он обогнал Амальрика Торского, неспешно ехавшего на чалом жеребце, украшенном черными перьями, в том месте процессии, что установлено было для дуайена дворцовым протоколом. За ним, в нескольких шагах, следовал паж барона, смазливый юнец с каштановыми кудрями до плеч и алыми, точно лепестки розы, губками. Злые языки болтали, что этого мальчика Амальрик ценит отнюдь не за сметливость, но за услуги вполне определенного свойства; и сейчас, глядя на черноглазого красавчика, не спускавшего глаз с барона, принц вполне готов был с ними согласиться. Странно однако, что именно его взял посланник с собой сегодня...

Нелепой была бы мысль, что и в храме Митры он надеется найти место для плотских утех. И хотя Валерий был уверен, что подобного святотатства немедиец не допустит — все же мерзкие мысли, придя однажды, не желали отпускать его, и принц, дав волю воображению, почувствовал, что краснеет.

Именно в этот миг паж барона, словно ощутив на себе взгляд Валерия, повернулся, уставившись открыто ему в лицо, с непочтительностью, граничившей с дерзостью. Принц готов был одернуть его, но язык словно прилип к гортани. Это было невозможно, смехотворно — все же он не мог отделаться от мысли, что и прежде ему уже доводилось видеть эти глаза, жгуче-черные, полубезумные, пылающие неукротимым нездешним огнем.

И глаза эти не были глазами красавчика-пажа.

Содрогнувшись, принц с усилием отвел взгляд. Привидится же такое! Должно быть, бессонные ночи так подействовали на него. Он стал слишком мнителен, впечатлителен, точно девица в тягости...

С досады Валерий стегнул лошадь и пустил ее вскачь, обгоняя неповоротливые дормезы и паланкины, тесня гвардейцев и стражу, и вскоре выехал далеко вперед, вновь заняв во главе колонны место, принадлежащее ему по праву.

Юноша-паж, ехавший следом за Амальриком, с облегчением проводил принца взглядом и, не удержавшись, поднял руку, чтобы утереть испарину, выступившую на лбу. Слава Митре, пронесло!.. На несколько мгновений сердце его перестало биться — он был уверен, что Валерий узнал его. Хотя они с шамарцем виделись вблизи лишь однажды, тому, похоже, что-то запомнилось в облике Ораста, если он сумел признать жреца и в таком обличье. Ораст явственно уловил сомнение, промелькнувшее в глазах принца, несмотря на то, что самому себе бывший жрец казался совершенно неузнаваемым в светском платье, слоем грима на лице и накладными локонами.

Зря, конечно, он так уставился на шамарца.

Но, Митра свидетель, он не мог заставить себя отвести взор и смотрел на своего врага, точно кролик на удава. Миг назад он не боялся, но теперь липкий страх обволок его. Он лишь теперь осознал, что несколько мгновений все их предприятие висело на волоске, понял, какому риску подвергалась его жизнь...

Неудивительно, что лоб покрылся испариной, а по коже побежали мурашки.

Однако же обошлось. Он вздохнул с облегчением, испытывая неодолимое желание окликнуть барона, поделиться с ним пережитым ужасом, в поисках ободрения — но это было невозможно. Амальрик строго-настрого приказал ему держать язык за зубами, пока они не приедут на место, и, что бы ни случилось, не обращаться к нему первым. Таково было правило, установленное немедийцем для всех своих слуг, и паж Альфео, чью роль сегодня играл Ораст, также не был исключением. Многим при дворе известно было, что челядинцы барона готовы вынести безмолвно даже пытки, лишь бы не прогневить господина, и малейшее отступление от обычая грозило не остаться незамеченным.

И хотя Ораст накрепко запомнил все это, ему стоило огромного труда сдержать себя. Он невольно подумал, что не согласился бы пойти в услужение к дуайену даже за тысячу золотых.

Впрочем, нужно было признать, что излишняя, возможно, требовательность и строгость барона идет рука об руку с иными его качествами, коими Ораст не мог не восхищаться. С той самой минуты, как он прибыл в

Тарантию накануне, уставший, голодный, доведенный до отчаяния дорожными неурядицами, и постучался в двери бапти, где находились покои Амальрика, тот немедленно взвалил все заботы о нем на свои плечи, и жрец с облегчением понял, что ему больше тревожиться не о чем.

И вера его в успех задуманного укрепились стократно.

У Амальрика все было готово к его приезду. Сухо, по-деловому он объяснил Орасту, что тот должен сделать. Начертил план храма. Указал, как поступать в случае любых непредвиденных обстоятельств... Орасту подумалось невольно, что сам он не составил бы такого детального, продуманного плана, даже если бы на подготовку у него ушло сто зим.

О самом убийстве они не сказали ни слова. Барона это будто бы и не интересовало, точно его единственной задачей было дать возможность Орасту незамеченным проникнуть в святая святых Золотого Храма и присоединиться к церемонии. Для Амальрика это была не более чем заурядная военная операция, в коих ему довелось не единожды участвовать. Четкость, проработка деталей и никаких эмоций. Ораст же не мог не думать о крови... И каждый раз, когда он пытался взять что-либо со стола, рука его дрожала.

Он видел, что Амальрик это заметил, и стыдился собственной слабости. Но никакие увещания не помогали. Чем ближе подступал роковой миг, тем меньше оставалось у Ораста уверенности в себе. Под конец лишь твердость барона удержала его от срыва. И даже заснуть ночью он смог лишь после того, как немедиец наложил на него легкое сонное заклятье. Отдых, заявил он, прежде всего. И жрецу ничего другого не оставалось, как повиноваться.

Сон его был покоен. С пугающей отчетливостью перед ним вновь вставали образы дня минувшего.

Марна бесцеремонно растолкала его, и Ораст отправился в путь еще затемно. До рассвета было далеко и тогда, когда дорога привела его к Амилини. Вернее, к тому, что от нее оставалось. Из слов колдуньи он уже понял, что в замке Тиберия произошло нечто страшное, и все же оказался не готов к тому, что предстало его очам.

Злобно прищуренный глаз луны, уже клонившейся к закату, заливал землю мертвенным серебристым сиянием. Черные руины на холме вырисовывались на фоне серо-

синего неба, неправдоподобные в своей чудовищности, точно балаганная декорация, оставленная для грядущего представления. Казалось, обвалившиеся стены эти стоят так с незапамятных времен, зияя провалами незрячих окон.

Видя эти мертвые руины, нельзя было и представить, что совсем недавно там жили люди. Они страдали, любили и радовались жизни, даже не подозревая о том, что их ждет впереди.

Теперь же почерневшие от копоти останки стали памятником их тревогам и упованиям, горькой насмешкой над скоротечностью их века, — и бессмысленность эта странным образом приглушала ощущение трагедии, здесь разыгравшейся, делая ее частью балаганного действия, — и оставалось лишь ждать, чтобы лицедеи поднялись и вышли в последний раз на поклон публике, кровь оказалась на поверку клюквенным соком, огонь — искусной иллюзией, а человеческая боль и страдания — лишь умело представленной моралью, заезженной и ненужной, неспособной тронуть сердца ни зрителей, ни актеров.

Странное, пугающее зрелище. Оно стояло перед глазами у Ораста всю дорогу до Тарантии, и даже взошедшему солнцу оказалось не под силу развеять наваждение. И до сих пор жрец не в силах был забыть увиденного.

Теряя драгоценное время, рискуя быть замеченным с дороги, он все же не удержался и вошел в развалины замка. Стены, черные, обломанные, точно гнилые зубы в пасти великана, сомкнулись вокруг, и его пробрал озноб. Но непонятное упрямство гнало Ораста вперед, заставляя забыть страх и отвращение.

Трупов уже не было — должно быть, погибших предали земле. Однако в сером свете наступающего утра видна стала кровь на камнях, засохшая, черная, но от того вид ее был еще тошнотворнее. Ораст не мог отвести глаз от бесформенных пятен, точно в надежде, что, разгадав эти зловеющие письмена, он сумеет проникнуть в скрытую от него доселе тайну. Все, что связано с кровью, обрело для него с недавних пор совершенно особенное значение.

Разумеется, он захотел пройти в свою бывшую комнату. Хотя там не оставалось ничего, что принадлежало бы ему, ибо он успел забрать все свои пожитки перед бегством, искушение казалось непреодолимым. Но пожар

сделал большую часть замка недоступной. Обрушившиеся перекрытия, завалы и провалившиеся галереи превратили дом в смертельную ловушку. С содроганием Ораст представил, что случилось бы с ним, останься он в Амилии. Воистину, неисповедимы пути Митры!..

Пресытившись зрелищем разгрома, он двинулся в путь. Но еще долго пытался, восстанавливая в памяти план замка, представить себе, где мог погибнуть барон Тиберий и где обрели смерть эти дерзкие псы, его сыновья... Картины в мозгу его рождались на удивление отчетливые, яркие, и доставляли жрецу необъяснимое, болезненное удовольствие. Погруженный в свои думы, он почти не видел дороги.

Разумеется, пешком он до Тарантии не дошел бы и за седмицу, что бы там ни говорила Марна, намеренно отправившая его в путь как можно раньше, в надежде, что к вечеру он окажется на месте; но, непривычный к долгим пешим переходам, Ораст вскоре изнемог и, добредя до реки, рухнул в тени кустов, чувствуя, что не в силах сделать и шагу.

Однако, когда он услышал скрип телеги, приближающейся к мосту со стороны Амилии, и грубые понукания возницы, силы нашлись неведь откуда, и он выбежал на тракт, отчаянно размахивая руками.

Он был уверен, что повозка не остановится... Но, вопреки ожиданиям, поравнявшись с ним, крестьянин натянул вожжи. Тощая пестрая лошадевка, всхрапнув недовольно, остановилась, мотая головой, чтобы отогнать вьющегося над нею слепня.

— Чего раскричался-то? — с подозрением оглядел его возница. — Ехать что ль хочешь?

Ораст с трудом разобрал слова, таким тягуче-мутным был деревенский говор. Однако смысл вопроса вполне дошел до него и, не уверенный, что крестьянин, в свою очередь, поймет его аквилонский, большей частью заимствованный из книг, молча суматошно закивал.

— Так садись, что ли! — приглашающе махнул рукой возница. — Куда едешь-то?

Торопливо, опасаясь, как бы спаситель его не передумал, Ораст вскарабкался на телегу рядом с ним. За спиной у него громоздились тюки шерсти, свернутая овчина, какие-то мешки и кринки, и он понял, что крестьянин направляется в город на ярмарку. Неужели в Тарантию?

— В столицу, — скороговоркой пробормотал он и зачем-то добавил, — В Золотой Храм.

Сказал, и тут же осекся, в отчаянии готовый вырвать себе язык, чтобы не болтал чего ни попадя. Ну как, Митра помилуй, угораздило его быть столь неосторожным?! Возница, без сомнения, запомнит случайного попутчика, слова его отложатся в памяти, и потом, когда покушение свершится, он обязательно вспомнит все, донесет стражникам, Ораста схватят, будут пытать, а потом костер... Костер... Ораст внезапно поймал себя на том, что застыл, не смея даже вздохнуть, а возница говорит что-то, чего он даже не слышал.

— Что? Простите — я не понял... — пробормотал он со страхом.

Крестьянин повел плечами.

— ...и я, говорю, в столицу. Жена послала на ярмарку. Продашь шерсть, говорит, хоть дом, может, достроим. Третью зиму уже ковыряемся — всего ничего осталось. Полы настелить, да крышу, да очаг поставить, трубу вывести... Делов-то, говорит... А шерсть продали — и как раз бы хватило. А то и плотнику заплатить нечем. А я ей говорю, поеду, только дорога-то до столицы неблизкая. Что угодно случиться может...

Речь крестьянина, монотонная, неразборчивая, текла, подобно заболотившейся речке, мелкой, грязной, упрямо пробиваясь сквозь осоку, топи и отмели, и Ораст вскоре утратил нить рассуждений и лишь сидел, время от времени кивая, чтобы показать, что внимательно слушает.

Митра! Как же он испугался! Должно быть, это развалины Амилии так действовали на него. Да еще усталость... Иначе он сразу сообразил бы, что в словах его не было ничего непоправимого. Крестьянин толком и не расслышал, что жрец говорил ему. И потому, даже доведись ему услышать, что в Храме Тысячи Лучей было совершено преступление, ему никогда и в голову не придет связать это со случайным попутчиком, мало ли зевак, охотих поглазеть на церемонию. Все, что ему было нужно, это благодарный слушатель — судя по всему, дома с женой не очень-то поболтаешь — и теперь, преодолев первоначальную робость перед Орастом, он тараторил без умолку, не ожидая ответа. И жрец, приободрившись, даже нашел в себе силы вслушаться в мерное журчание бессмысленно петляющего рассказа.

— ...а она мне и говорит, мол, лошадь не забудь подковать, — продолжал возница жаловаться на жену. — А где ж я ей кузнеца-то найду? Коваль-то наш того...

— Он выразительно развел руками. И Ораст почувствовал, что от него ждут реакции более содержательной, нежели согласное мычание, неохотно спросил:

— А что же кузнец ваш? Что с ним стряслось-то? — Он поймал себя на том, что подсознательно подражает неграмотной речи крестьянина, точно надеясь, что так тому будет проще понять его. — Уехал, что ли?

— Какое, уехал!.. — Крестьянин надул щеки, точно чтобы придать особый вес своим словам. — Отдал душу Митре. Вот ведь как!

Ораст чуть заметно пожал плечами. Неужели до того в деревне никто не умирал? Что же тут особенного? Но крестьянину, как видно, не терпелось выложить все до конца, ибо история эта, как видно, была из тех, что производят на простаков неизгладимое впечатление, и они обсуждают ее между собой изо дня в день, пересказывая один другому, уснащая красочными подробностями, на ходу сочиняя новые, так что по несколько лун кряду вся деревня не говорит ни о чем больше — и какой же радостью тогда становится новый слушатель, которому можно пересказывать случившееся до бесконечности, наслаждаясь его удивлением, недоверием и ужасом. Точно вспахиваешь девственное поле...

И такой целиной стал для возницы Ораст.

Две или три клепсидры спустя он уже стал жалеть, что вообще окликнул повозку. Идти пешком казалось предпочтительнее. Ему пришлось выслушать всю историю кузнеца Ситена со молодых ногтей, историю его женитьбы на местной красавице Мариль, дочери печника, к которой сватались из трех деревень окрест, а она все же пошла за кузнеца, да только счастья ей это не принесло, потому что лупил он ее до крови, даже когда понесла... И о рождении дочери Мариль и Ситена, и о том, как забил кузнец жену до смерти, силушки не рассчитав, прогнавшись, что не сын оказался первенцем, а никчемная девка... И как мучался и каялся Ситен после смерти Мариль, как приносил Солнечному Богу жертвы и как поклялся любить дочку пуще жизни.

В устах крестьянина простая эта повесть, тупая, жестокая, как тысячи подобных, что происходят ежечасно в

любом селении, вырастала до размеров эпической трагедии, и Ораст невольно подумал, что в вознице его погиб великий сказитель. Однако пока он так и не мог понять, что же делало эту историю столь отличной от прочих.

— И что же дальше? — спросил он с некоторым интересом.

Крестьянин просиял, точно дальше должно было последовать нечто необычайное.

— А то и дальше, что порешили их обоих. И кузнеца, и Орвиллу, дочку его.

— Порешили? Кто? — Ораст сперва решил, что ослышался.

— А демоны и порешили, — отозвался крестьянин торжественно. — Демоны, кто же еще — Нергал их за-
бери!

Ораст недоверчиво покачал головой. Занимаясь магией и общаясь с чернокнижниками, он убедился, что демоны никогда не являются в мир сами по себе — за ними всегда стоит всегда чья-то злая воля. Их вызывают могучие колдуны для своих тайных целей, будь то корысть, мщение или сладострастие, и жертвами их делаются тогда отнюдь не простые селяне. И потому история эта заинтерговала его.

— Скажи на милость, зачем бы демону убивать этого вашего кузнеца? На что он им сдался?

Насмешливое недоверие попутчика к его рассказу, как видно, покорило крестьянина.

— Хочешь верь, хочешь нет, а только так оно все и было. На том самом месте, кстати сказать, где я тебя подобрал, — заметил он многозначительно, точно это должно было добавить достоверности рассказу. — Я их сам видел, когда мы вслед за Найлой к реке прибежали. А уж она-то была, уж убивалась... Орвилла, поди, ее лучшей подружкой была! Вместе росли, еще когда жена Ситенова Митре душу отдала, так Найлина мать обеих грудью вскормила...

Поняв, что рассказ надолго уклонился в сторону, жрец вновь отключился, глядя сонно по сторонам, убаюканный тряской телеги, мерным шагом кобылы, ритмично обмахивающей себя тощим хвостом, да не меняющимся пейзажем вокруг. Сколько хватало глаз, поля без конца и края, и лишь темная полоска леса у окоема. Поля сжатые — господские, а рядом — крестьянские: мелкие на-

делы-кочки, убранные лишь наполовину, с гниющим зерном, до которого у заморенных оброками селян, видно, не доходили руки. Лениво жующие коровы на выгонах приветствовали путников перезвоном колокольцев, да пару раз помахали рукой пастухи — вот и все развлечение. Ни повозки, ни всадника не попалось навстречу, точно вымер тракт.

Да еще возница все бубнит и бубнит себе под нос... Зевнув, Ораст сделал над собой усилие и вновь прислушался к рассказу. Оказалось, крестьянин уже вернулся к происшествию у реки.

— Стирать они пошли, значит. Вдвоем, понятное дело, на мостках, где бабы всегда собираются. Тут, видать, демон ее и подстерег. Из-за кустов выскочил — да и на нее. Говорят, с зубами из чистого золота, на голове рога, навроде оленьих, на ногах копыта, а руки, руки такие сильные, что ему подкову расколотить, что твою ковригу. Ну, Найла понятно, наутек, в деревню, стало быть. Народ созывать. — Он вздохнул, рукавом утирая вспотевшее лицо. — Да только поздно было. Покуда докричалась, пока разобрались, что к чему, пока добежали — порешил он девочку-то. Снаильничал и порешил...

— А вы что же?

Пока Ораст, как ни старался, не мог разглядеть здесь вмешательства потусторонних сил. Обычный разбойник, каких тьма гуляет по дорогам. Вот и у Тиберия в доме рассказывали, будто беспокойно в Амилийском лесу, что завелись там лихие молодцы, которым что сморкнуться, что человека жизни лишить — едино. Должно быть, кому-то из них и попала несчастная девица.

Но когда он поделился своими соображениями с возницей, тот упрямо затряс головой.

— Не был ты там, и не говори! — рявкнул он с неожиданной злостью. — А я все видел своими глазами. Побегали мы к нему, Ситен впереди всех, да Найла за ним, и мы с мужиками... а демон как завопит дурным голосом, и откуда ни возмись — толпа нежити сзади. На вид, словно всадники на конях, да огромные, всемеро человека здоровее, и тоже голоса не по-нашему, а в лапищах — плети железные... Такого страху нагнали, только держись! А оглянулся я — Ситен уж лежит. Главный демон-то его и сразил. Найла говорит, молнию пустил в него, и напал. Да только сам не видел — врать

не буду... Вот так-то. — И крестьянин смолк, утомленный рассказом, с видом человека, исполнившего трудное, но необходимое дело. — Вот так, — повторил он. — А ты говоришь...

Ораст пожал плечами. Ему не было дела ни до несчастной дочки кузнеца, ни до ее папаша, представавшего из слов возницы тупым животным, ограниченным и жестоким, из той породы, которую жрец ненавидел до дрожи. Однако что-то в рассказе возбудило его интерес, и он не удержался, чтобы не спросить:

— А выглядели они как?

— Кто?

— Демоны, кто же еще!

— А...

Крестьянин почесал в затылке. Вопрос явно застал его врасплох и потребовал напряжения всех умственных способностей. Он долго молчал, шевеля губами, собираясь с мыслями, но наконец отозвался:

— Да вылитые демоны, что тут говорить. Первый, что Орвиллу сгубил — огромный, поперек себя шире, да пестрый такой, что глазам больно смотреть. Переливается весь. Зеленый, синий, красный — ну чисто шут в балагане. А рожа круглая, злобная, глазницы так и сверкают, да крылья черные за плечами так и хлопают...

— А другие?

— Другие? Тех особо не разглядел. Вот только первый самый, что прямо на меня несли — вот того запомнил. Волосы черные, длинные, сам в кольчуге. На солдата похож — да только разве ж великаны такие бывают?! И еще — глаза у него синие. Митра свидетель, синие, точно небо на закате! Таких глаз, я почитай за всю жизнь свою ни разу не видел. Сразу ясно, демон — не человек же.

И крестьянин торжествующим взглядом окинул попутчика. Теперь, когда приведен был решающий аргумент, говорить стало не о чем. И без того все ясно, что уж тут спорить...

И Ораст не стал возражать. Теперь, больше чем когда-либо, он уверился, что за демонов из преисподней перепуганные селяне приняли самых обычных разбойников или наемников, случайно оказавшихся в этих местах. Может, те и впрямь были необычайными здоровяками, хотя, как гласит пословица, с перепугу имышь с медведя покажется.

Однако он благоразумно не стал высказывать своих соображений попутчику.

Одна лишь деталь задела его воображение: то, как красочно описывал первого злодея крестьянин. Таким вполне мог показаться простаку, никогда в жизни своей не видевшего придворных вельмож — ибо сельские дворяне одевались куда проще и скромнее — любой из столичных франтов. Другое дело, что в амилийскую глушь придворные, насколько он успел заметить, попадали довольно редко. За все время, что жил у барона, Ораст видел там, если не считать барона Амальрика, лишь соседа Тиберия, Патрида, да двух принцев.

Да! Двое принцев, что приехали незванными всего седмичку назад и уехали на другой же день...

— Постой, когда, ты говоришь, это случилось?!

Возница обернулся, пораженный горячностью в голосе жреца.

— Да как молотить закончили. — Он зашевелил губами беззвучно, подсчитывая. — Точно! Шестого дня... А что такого?

— Нет, ничего, — отозвался Ораст как мог равнодушно.

Ни доказать, ни объяснить он все равно ничего не мог — а что толку говорить попусту. Тем более, этот простак все равно никогда не поверит его несусветному предположению. Да и у него самого не было никакой уверенности в том, что внезапно осенившая его догадка имела хоть какое-то отношение к истине. Ведь, и правда, если задуматься, к чему вельможному принцу связываться с крестьянской девкой? Что он в ней, чумазой, нашел?

Он даже усмехнулся про себя нелепости всего этого. Вот как далеко способен завести воображение, когда у самого все мысли — о женщине... Но, не желая в этот час терзать себя воспоминаниями о Релате, бывший жрец поспешил переключиться на мысли о том, что ждало его в столице.

— Скоро ли будем на месте? — спросил он возницу.

Тот оценивающе взглянул на небо, определяя время по солнцу, неспешно начинавшему уже клониться к деревьям.

— Да аккуратно перед закатом приедем. Пока ворота не закрыли. Тебе остановиться-то есть где?

Ораст коротко кивнул, не желая продолжать эту тему, из опасения, как бы возница не вздумал расспрашивать его. После недавней оплошности с Золотым Храмом, он опасался выболтать о себе больше положенного. Однако крестьянин, к вящему его облегчению, не стал проявлять излишнего любопытства.

— А то смотри. Я в «Быке и Колоколе» буду. Всегда там останавливаюсь, прямо у рыночной площади. Повар там знатный. Суп из потрохов варит — пальчики оближешь! — Возница мечтательно почмокал губами. — В общем, если что, знаешь, где меня найти. Тамио спросишь. Меня там каждая собака знает.

— Всенепременно, — отозвался жрец, мысленно делая себе заметку ни при каких обстоятельствах не появляться вблизи харчевни. — Обязательно зайду тебя проведать.

Вдалеке на холме показались уже розоватые в закатном солнце стены столицы Аквилонии. Где-то там, он знал, в южной части города, расположен Храм Тысячи Лучей. Знаменитый на весь мир Золотой храм Митры.

Завтра он увидит его.

Аой.

ВРЕМЯ ОБМАНА

И вот, наконец, Золотой храм оказался перед ними. Даже привычных ко всему, пресыщенных, вечно скушающих придворных вид святилища не мог оставить равнодушным. Храм располагался на холме, единственном в этой части города, насыпанном трудом тысяч рабов, и дорога, ведущая к нему, представляла собой гигантскую лестницу с вымощенными красным камнем ступенями, каждая из которых была шесть шагов в длину.

Две величественных башни по обеим сторонам дороги встречали паломников на вершине.

Одна именовалась Башней Благодати и была высокой и островерхой. Глянцевитая поверхность ее стен, выложенных изразцами цвета шафрана, в погожие дни отражала падающие с неба лучи и разбрасывала вокруг мириады солнечных зайчиков, отчего казалась окутанной золотистым сиянием. Внизу башни виднелись ухоженные кур-

тины, аккуратно засаженные ровными рядами можжевеловых кустов.

Вторая называлась Башней Скорби и была утрюмой, приземистой, сложенной из грубого неотесанного камня, и вокруг нее был насыпан мелкий серый песок. Ее силуэт оставался мрачным даже в яркий весенний день и призван был напоминать пастве о бренности бытия. Мало кто догадывался, что именно здесь, в потайных ее подземельях, прячется крипта Храма, до самого верха наполненная несметными сокровищами.

Поровнявшись с башнями, придворные спешили, челядинцы пали ниц; король же вышел из кареты и, сотворив положенное число поклонов, которые жрецы с верхних галерей приветствовали хвалебными песнопениями, сделал знак слугам, чтобы те возложили принесенные дары к подножию Башни Скорби, ибо печальным был повод, что привел сюда самодержца, и жертва его также призвана была символизировать скорбь.

В ларцах черного дерева, что на коленях поднесли слуги к алтарю, был белый жемчуг — знак слез, серебро — знак одиночества и слоновая кость, напоминавшая об утрате. И один огромный рубин, бывший допреж гордостью казны. Как символ крови и мщенья положил его к ногам Солнцеликого король, и придворные ахнули, завидев столь щедрую жертву. Воистину, неизбывна была скорбь правителя. И лишь немногие догадывались, что не только барона Тиберия оплакивал Вилер.

То был плач его по гибнущей Аквилонии.

Наконец, процессия двинулась к лестнице.

Ездить по ней в экипаже или верхом было строжайше запрещено. А те смельчаки, кто не побоялись бы нарушить запрет, навеки отлучались от Храма. Даже для короля не делалось исключения. Пред Митрой все равны, говорили жрецы — этот путь миряне должны были проделать пешком, и за то время, пока ноги несли их по бесчисленным ступеням, души грешных должны были преисполняться думами о Вечном, а сердца возгореться любовью к Подателю Жизни.

Но изнеженные тарантийские нобили придумали, как обойти суровые законы, не впадая при этом в ересь.

И едва их щегольские ботфорты и туфельки коснулись каменистой почвы, как тут же расторопные слуги поспешили поднести к своим господам раззолоченные палан-

кины и портшезы. И длинная вереница переносных кресел и одр зазмеилась вверх. Ведь в заповедях Солнцеликого нигде не сказано, что нельзя подниматься в Храм на спинах своих рабов.

Валерий усмехнулся. Да уж, изворотливый ум аквилонского вельможи всегда найдет выход, чтобы обойти законы и светские, и божеские! Однако сам он, как правоверный сын Митры, собирался проделать этот путь на своих двоих.

Дойдя до середины лестницы Валерий остановился, чтобы перевести дух и посмотреть вниз, где сновали маленькие фигурки и, дожидаясь своих господ, возводили походные шатры, разворачивали белые шелковые ковры, готовили напитки и пищу, чтобы хозяева, вернувшись усталыми после церемонии, могли бы сперва подкрепиться и отдохнуть, и лишь затем пуститься в обратный путь. Поодаль стоял целый часток штандартов. И на ветру трепыхались крохотные полотнища — красные, золотистые, синие, словно ночное небо, черные и смараговые.

Король тоже шел пешком, не обращая внимания на своих ленивых подданных, проплывающих мимо. Он был мрачен, ни с кем не заговаривал, и даже пытящий потный Нумедидес, неведь откуда появившийся рядом, как ни пытался вызвать правителя на беседу, потерпел неудачу. Двое жрецов в белых с черной каймой одеяниях, шествовавших на полшага за сувереном, неодобрительно покосились на принца, взглядом призывая его уважать скорбь правителя.

Еще несколько десятков вельмож шагали позади, в почтительном отдалении, притихшие, в одночасье посерьезневшие. Не было слышно ни болтовни, ни обычных шуток и смеха. Даже на легковесных лурдских шаркунов суровая атмосфера Золотого Храма действовала отрезвляюще.

Валерий поднял голову. И несмотря на пасмурный день зажмурил глаза, чтобы не ослепнуть от сияния. Ибо храм этот недаром назывался Золотым.

За годы странствий на Востоке ему многое довелось повидать. Роскошь резиденций тамошних сатрапов зачастую превосходила все, что мог бы вообразить человек, и обиталища их богов были под стать жилищам земных владык. Золото и смарагды, платина и нефрит, серебро и алмазы, разноцветный мрамор и драгоценный пали-

сандр — все было в них. Но ни в одном из тех капищ величия Божества, непостижимое его могущество, не ощущались так явственно, как здесь.

Храм Тысячи Лучей невозможно было описать словами. Выстроенный в форме свастики солнцеворота, он возносился на невообразимую высоту, и пять нефов в центре, даже в такой хмурый, непогожий день, как сегодня, слепили глаз золотой сусалью.

Каждое крыло святилища было сложено из особого камня. Южное, символизирующее благодать Митры, — из желтого песчаника. Врата там были из самшита, а над ними красовался золотой солнечный диск с тысячей лучей, давший храму его имя. Западный придел, символ силы Огненноликого, из глазурированного красного кирпича, украшен был медным диском над дубовыми вратами. На восточном, символизировавшем мудрость, из белого известняка, диск был серебряный над ольховыми вратами. И наконец северное крыло, мраморное, знак непостижимости Бога. Там диск был стальным, а врат не было вовсе. Молва утверждала, что проход существует и открывается магией лишь Посвященным высших степеней — однако доподлинно это известно не было и открытой северную часть не видел никто.

Траурное шествие медленно приближалось. Из Западных Врат навстречу им выступила процессия жрецов. Их было тридцать три. Трое высших аколитов, обряженных в серебристые с черным мантии, и трижды по десять обычных адептов в белом, как и те, что сопровождали короля.

Церемония началась.

В приветственном гимне служители Митры воспевали мощь Солнцеликого. Любой, кто обратится к божеству, найдет у него защиту. Он утешит плачущего, отомстит за обиженного, приютит обездоленного. Он упокоит души навших. Ни один глас вопиющего не останется без ответа. Так зачем пришли сегодня к богу эти страждущие? Чего жаждут их сердца?

Жрецы, сопровождавшие короля, затаили положенный ответ, и Валерий позволил себе отвлечься. Магия места действовала на него уже не так сильно, и он незаметно принялся поглядывать по сторонам, интересуясь происходящим вокруг.

За последние полкленсидры погода резко испортилась. Когда они выезжали из дворца, несмотря на ранний час, было тепло, но затем поднялся ветер, а теперь плотные низкие тучи полностью затянули небеса. Пронизывающий холод пробирал до костей, да к тому же, как они прошли между башнями, начал накрапывать дождь. Человек суевренный, должно быть, не преминул бы усмотреть в этом знак свыше и сказать, что сам Митра, мол, разделяет скорбь своих детей, — но принц был настроен куда более прозаично и лишь пожалел, что не прихватил теплый плащ. Он и забыл, как неприятна бывает Аквилония в это время года.

Он незаметно оглянулся, обшаривая глазами ряды придворных, большинство из которых, судя по насулленным, скучающим лицам, вполне разделяли его чувства.

Валерий усмехнулся. Здесь собрался весь цвет аквилонской знати — придворные, герольды, военачальники. Все те, кто олицетворял державу. Но почему же у них у всех, как на подбор, такие лживые и злобные лица? Что таится за этими потупленными взглядами, нарочито печальным выражением лиц, уголками опущенных губ? Разве могут они скорбеть по кому-нибудь, кроме самих себя?

О чем думают они? О будущих барышах? О новых наложницах? Об игре в кости? О сытной трапезе и теплом вине? Или о том, что дает все эти наслаждения — о власти, безмерной и неделимой...

Вот хитрый казначей Публий в окружении своих многочисленных домочадцев. В глазах двора он слышет отменным семьянином, и лишь немногие ведают о том, что он не прочь поразвлечься с маленькими девочками, которых тайно, через черный ход доставляют в его покои. Чуть поодаль — Альвий, бесстрашный командир Черных Драконов. Губы его движутся, будто шепчут молитву, но если присмотреться, то видно, что это не так. Никаких молитв он не знает, а просто открывает рот, стараясь казаться набожным.

За ним стоит Фельон Тауранский — бабник и выпивоха, который спит и видит, как бы взгромоздиться на Рубиновый Трон. Жалкий бастард! Другой бы молчал о греховной связи его матушки с венценосцем. А этот — нет! Напротив трубит направо и налево, что он незаконорожденный сын короля.

Кто это рядом с ним? Нумедидес? Что это он прячется в тени колонны, боится, что ли, подойти к алтарю? Э, да похоже — беднягу пробирает озноб! Вон как трясется... Конечно, спать целыми днями под грудой меховых накидок, не то, что стоять в сыром, продуваемом зале.

По левую руку от него Аскаланте, граф Туны, напoмаженный жеманный щеголь, который только и умеет танцевать на балах, да шаркать ножкой перед дамами. А рядом с ним Эльмар Танасульский, его кузен Мариций Ламонский, Рогир из Гандерланда. Словно стая хауранских гиен, норовящих урвать кусок трапезы льва. Надменные, лошенные, их так и распирает от самодовольства. Хотя все их умения сводятся к тому, чтобы проматывать за игрой в кости наследство отцов!

А вон граф Феспий, так и стреляет глазами, словно кого-то высматривает... Уж не барона ли Торского? Не зря ходят слухи, будто этот красавчик, до отъезда в Хауран числившийся в друзьях принца, ныне служит мальчишкой для лемурийских забав Амальрика.

Почему-то Валерию захотелось увидеть дуайена — проверить, должно быть, как стойко переносит немедиец капризы погоды — но, как ни старался, он не смог отыскать его.

Это показалось ему странным..

Но в тот же миг король, повинувшись знаку жрецов, двинулся внутрь храма, придворные последовали за ним, и Валерий мгновенно позабыл обо всем.

* * *

Он был бы немало удивлен, если бы увидел в этот миг Амальрика.

Незаметно отстав от толпы, он и его спутник, так похожий на пажа, свернули налево, тогда как основная часть процессии удалилась вправо, к Западным Вратам. Они шли неспешно, переговариваясь, с надменным сосредоточенным видом людей, уверенных, что находятся именно там, где им положено находиться, и, чувствуя их уверенность, никто из митрианцев не смелиться встать у них на пути. Впрочем, с этой стороны храма им почти никого не попало навстречу: большая часть служителей была занята в западном приделе или на жертвенном дворе, где готовилась основная часть церемонии. Храмовые жрецы и редкие служки, спешившие по своим делам, также

не обращали никакого внимания на вельможу и его слугу, привыкшие к любым странностям власть имущих.

Ораст ожидал, что они пройдут прямо к восточному входу, однако в последний момент Амальрик свернул вдоль стены, увлекая жреца к низкой неприметной дверце, расположенной чуть левее.

— Вот истинные Врата Мудрости... — усмехнулся немедиец.

Дверь, как и опасался Ораст, оказалась закрыта, однако спутника его это, казалось, ничуть не смутило. Он достал из кармана широкое кольцо, на котором позвякивала гроздь блестящих, на вид стальных стержней, размером чуть больше пальца. На концах некоторых щетинились острые крючки, другие имели спиралевидную нарезку.

Ораст догадался, что это отмычки, наподобие тех, какими пользуются воры.

Оценив еще взглянув на замок, барон двумя пальцами взял один из них. Остальные, жалобно тренькнув, скатились по кольцу вниз.

— ...и попасть в них, как и полагается, непросто. Не-офиту не обойтись без сноровки, что даруется ему после долгих часов усердного труда.

Он принялся ввинчивать отмычку в круглую замочную скважину. В Аквилонии предпочитали винтовые замки; чтобы открыть такой, приходилось вворачивать ключ до самой головки. А это занимало некоторое время.

Ораст стоял как на иголках, тревожно озираясь во все стороны, точно в любую минуту готов был увидеть бегущих стражников с копьями наперевес и пуститься наутек. Амальрик покосился на своего спутника и, заметив, что юношу бьет крупная жрешь, презрительно бросил через плечо:

— Да стой ты спокойно, болван! Никто и не подумает обратить на нас внимание, если мы не будем вести себя, точно уличные грабители, взламывающие лавку менялы. Вспомни, наконец, что я твердил тебе вчера!

Такого Амальрика, злого, напряженного, Ораст боялся пуще самой смерти. В такие минуты немедиец был точно кинжал в руке бойца, готовый в любой миг вылететь из ножен и вонзиться в горло обидчику. Юноша ничего не ответил, но расслабил мышцы, чтобы унять нервную дрожь, и постарался напустить на себя беззаботный вид.

Пытаясь отвлечься, он вспомнил их приготовления. Как он не мог натянуть костюм паж, не привыкший к изысканному светскому платью, которое ему не доводилось носить никогда в своей жизни. Когда барон ловкими пальцами застегивал все эти бесчисленные пуговички, крючочки, завязывал тесемки и шнуры, Ораст понял, для чего вельможным месьорам нужны их слуги. Ведь без посторонней помощи никогда не сумеешь одолеть все эти премудрости...

После того, как несостоявшийся чернокнижник оделся и стоял, смущенно переминаясь с ноги на ногу, немедиец внимательно оглядел его и ненадолго удалился. Когда он вернулся, то держал в руках деревянный ларь, как видно, позаимствованный у цирюльника. Открыв его, он достал круглые баночки с какими-то красками, маленькие склянки, в которых колыхались густые маслянистые жидкости, длинные палочки, похожие на стилосы, и еще баночки, и еще склянки. После чего барон не менее четверти клепсидры возился над его лицом, а когда закончил, то расхохотался и подтолкнул юнца к зеркалу из полированной бронзы.

— Посмотри на себя! Ну как, доволен?

Тот осторожно заглянул в блестящую поверхность. До этого момента свое отражение ему доводилось видеть разве что в водной глади озера, когда он ждал слепую колдунью. Но то изображение было зыбким, оно колыхалось и дробилось от случайно упавшего листа или пробежавшей водомерки — а здесь, здесь он мог сполна насладиться увиденным.

И какое же было его негодование, когда из полированной бронзы на него взглянуло порочное личико с подведенными глазами и отвратительными кудряшками, падающими на лоб. И вот с таким лицом он будет вершить судьбы Аквилонии?

Он возмущенно повернулся к барону, но тот уже забыл об Орасте, готовясь к выходу. Он зачем-то пристегивал к груди маленькие железные кругляши, прицеплял к поясу небольшие продолговатые предметы, похожие на лекарские пестики для растирания снадобий, засовывал в прикрученные к запястью сафьяновые ножны узкий стилет.

Ораст вздохнул и отвернулся, до глубины души уязвленный тем, что этому торскому выскочке нет никакого дела до будущего Владыки Мира.

...Он так погрузился в воспоминания, что не заметил, как из-за угла показался жрец, парадно обряженный в белое с черной каймой одеяние, что выдавало в нем одного из участников обряда.

Услышав шаркающие шаги, Ораст мгновенно очнулся, и ноги у него подкосились.

Все пропало!

Сейчас он кликнет храмовую стражу, нас схватят и закуют в кандалы! А когда найдут кинжал, то поймут, что мы злоумышляли против короля. Что же делать? Почему немедиец, как ни в чем ни бывало, возится с замком, разве что не мурлыкая себе под нос песенку? Неужто он ничего не боится?! Он — посланник дружественной державы! Кому будет непросто объяснить, что делал он у двери аквилонского монастыря с набором отмычек в руках?

Тем временем жрец приближался, и с каждым шагом все явственней проступало на его лице недоумение. Похоже, он не мог взять в толк, что понадобилось здесь двум вельможным нобилям, один из которых обряжен в теплый серый плащ с мерлушковым подбоем, напоминающий одеяние карпашских горцев, а другой — в черно-красную куртку пажа.

Сердце Ораста прекратило биться. От ужаса у него свело конечности. Сейчас жрец закричит!

Он распластался по стене, моля Митру, чтобы случилось чудо, камень расступился и принял бы его в себя.

Он попытался предупредить по-прежнему склоненного над замком Амальрика, но из пересохшей глотки вырвался лишь сдавленный хрип. Как вдруг барон, не разжимая губ, прошипел:

— Молчи, болван! Я вижу — молчи!

Уверенный, что все пропало, Ораст зажмурился от ужаса. Вчера, когда Амальрик открыл ему план, все казалось таким простым и понятным. И вот, на первых же шагах, все рухнуло! Он готов был завывать от отчаяния...

А тем временем жрец подошел ближе.

— Могу ли я чем-то помочь благородным господам? — учтиво осведомился слугитель Митры, но в глазах его читалось недоверие.

Казалось, в любой момент он готов кликнуть стражников, и лишь наряды незнакомцев, выдающие принадлежность к высшему свету, удерживают его от того, чтобы поднять тревогу.

— Должно быть, вы заблудились. Жертвоприношение должно состояться в Западном приделе. Позвольте мне проводить вас туда.

Амальрик повернулся к говорящему, стараясь заслонить связку отмычек, торчащих из замочной скважины. Лицо его осветилось улыбкой.

— Мы осведомлены об этом. Но Верховный жрец Декситей любезно разрешил нам осмотреть внутренности храма и даже распорядился снабдить ключами от этой двери. Вот этот юноша, — он кивнул в сторону оцепеневшего Ораста, — доводится племянником Его Святости!

Жрец удивленно поднял брови.

— Мне крайне странно слышать о том, что Его Святость потворствует такому страшному греху, как любопытство. Ибо ничто так не разъедает молодую душу, как нетерпение и чрезмерная пытливость.

— Но разве Солнцеликий не прощает тех, кто жаждет испытать из чаши познания? — в тон ему возразил Амальрик. — И разве не сказано в его заповедях: «Да будет одобрен идущий по тернистому пути к истине»?

— Приятно встретить мирянина, столь искушенного в вопросах Веры, — смягчилось лицо жреца. — Но правила храмы нерушимы — непосвященным запрещено проходить внутрь!

Он развел руками.

— Так что, дети мои, мне не остается ничего другого, как проводить вас в Западный придел, дабы вы могли присоединиться к своим братьям!

Амальрик повернулся к замку, но жрец неправильно истолковал его движение и протянул руку.

— Не стоит беспокоиться, сын мой. Я сам верну ключи Его Святости.

Тело немедийца напружинилось.

— Как вам будет угодно, добрый отец!

Лицо Ораста залила мертвенная бледность. Он застыл от ужаса, провожая взглядом протянутую руку митрианца. Жрец поймал его взор и обеспокоенно повернулся к юноше.

— Что такое? Вам дурно? Позвольте, я помогу...
— Да, — подал голос барон, опуская руку в карман. — Вы сможете нам помочь. Если сами откроете эту дверь!

* * *

Церемония была в самом разгаре. Кульминация и завершение ее должно было состояться на одном из четырех дворов храма, там, где уже дожидался своей участи белый жертвенный бык, чьей крови предстояло оросить каменную плиту алтаря, но пока в огромном зале перед придворными разыгрывалось священное действо, бывшее неслучайной частью церемонии.

Валерий, как и прочие, был его свидетелем уже не раз, но редко обряд проводился с такой пышностью. В действе, призванном представить взору верующих картины из жизни погибшего воина, его долгий путь наверх, в чертоги Солнцеликого, и конечное Успокоение, задействовано было десять дюжин жрецов. Одних певчих на хорах, расположенных с четырех сторон необъятного зала, было не менее сотни.

Пышность зрелища была беспредельной — но почему-то именно это нагоняло на принца тоску. Он не ощущал за этими живыми картинами искренних чувств, живой скорби по усопшему. Перед ним был балаган. Пусть богатый, невероятной красочности, но балаган. Перед таким холодным, лживым Митрой, которого являли здесь разряженные и такие же лживые жрецы, принц не мог испытывать ни страха, ни благоговения. Он мог лишь надеяться, что Тиберий с сыновьями обрели успокоение в объятиях куда более милосердного и любящего божества.

Он вновь отвлекся, разглядывая пышное убранство храма: фрески на стенах, колонны, отделанные огнистым сланцем и увитые хвойными гирляндами, мозаичный пол, где выложен был сложный лабиринт из двух скрещенных солнцеворотов. Но мысли его разбегались, неуклонно возвращаясь ко дню вчерашнему и ко всему тому, что он так усердно старался забыть.

И все же та давешняя встреча под покровом темноты не привиделась ему. Он не мог ошибиться. И человек, встретившийся ему на заднем дворе у конюшен, был никто иной, как его старый знакомый киммериец.

В молчаливой задумчивости Валерий Шамарский возвращался с прогулки по городу, куда отправился бродить

бесцельно, не в силах больше находиться в своих апартаментах. Общество Релаты было невыносимо — но оказалось, что наедине с самим собой ему сделалось только хуже. Прогулка не принесла облегчения, а дешевое вино, выпитое в каком-то кабачке у рынка, вместо того чтобы разогнать тоску, лишь усилило ее.

Шумная компания подгулявших селян за соседним столиком, где какой-то бородач с жаром рассказывал бесконечную историю о том, как его друг кузнец с дочерью были сожраны явившимися из преисподни демонами, и вовсе заставила его возненавидеть весь род человеческий...

Мрачное настроение принца лишь усугубилось при виде дворца, освещенных окон в главном зале, где всюду кутили придворные, и он намеренно сделал крюк через конюшни, чтобы не слышать звуков гульбы, пьяного хохота и визгливой музыки.

Казалось, весь мир что-то праздновал сегодня, наслаждался жизнью — кроме него одного!

Но здесь, на задворках дворца, было сравнительно тихо. Большинство слуг, точно деловитые муравьи, сновавших здесь днем, уже разбрелись по своим каморкам, торопясь урвать недолгие часы отдыха, и на пути Валерию попадались лишь редкие стражники, да челядинцы, посланные, должно быть, хозяевами с какими-то поручениями. Он впервые вздохнул полной грудью, наслаждаясь одиночеством и покоем.

Откуда-то из бесконечного далека до него доносились приглушенные голоса, смех, ругань, — обычные звуки ночи. Однако во тьме каждый звук приобретал неожиданную выпуклость, отчетливость, утрачивая одновременно связь с целым и всякий смысл, не означая более ничего, не имея иного существования, кроме вот этого, мгновенного, ясного и краткого, точно вспышка во мраке, точно перезвон храмовых колокольников.

Он тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение, — и вновь мир вернулся к обыденности, обрел смысл. Теперь его окружала самая обычная ночь, холодная, сырая, насыщенная ароматами влажной земли, конского пота и варящейся похлебки.

Внезапно умиротворенное состояние его нарушила раздававшаяся совсем поблизости грубая солдатская ругань и отрывисто отдаваемые команды...

Он вздрогнул от неожиданности, увидев фигуры во тьме.

Непохоже на Черных Драконов — да и те давно уже спят по казармам, кроме тех немногих, что несут ночную службу в королевских покоях. Но и не городские стражники: слишком уж подтянутые, плечистые, собранные — не то что расхлябанные, разжиревшие тарантйские хранители покоя...

Бывший воин, Валерий замер, и что-то встрепенулось в его душе. Если бы не запрет Вилера брать на службу Вольные отряды, он готов был бы поклясться, что на встречу ему идут наемники.

Он ускорил шаги, торопясь пройти мимо, — ибо почему-то вид этих крепких, мускулистых воинов с обветренными, иссеченными шрамами лицами, был ему неприятен. Раздражало то, как переговаривались они между собой, грубовато и насмешливо, как беззаботно звучали в ночи их голоса.

Ему вспомнились невольно иные ночи, куда более жаркие, чем нынешняя, когда даже тьма не приносила облегчения, и звезды, огромные, точно белые хризантемы, расцветали на густо-синем небе... Все тогда было иначе. В то время ему и в голову не пришло бы таиться в ночи, подобно конокраду, или красться, надеясь не попасться никому на глаза. Тогда не было ни этой горечи на душе, ни усталости, до срока погасившей огонь в глазах и заставившей согнуть плечи.

Но что осталось ныне от гордого воина, каким он был прежде?!

Погруженный в мрачные раздумья, Валерий двинулся вдоль галереи и не заметил, как чья-то массивная фигура выросла у него на пути. Он очнулся, лишь когда незнакомец оказался прямо перед ним и он едва не столкнулся с ним.

Валерий отшатнулся, пытаясь восстановить равновесие... и возглас изумления сорвался с его губ.

Наемник был необычайно высок ростом, — даже принц, отнюдь не слышавший коротышкой, был ниже его на добрых полголовы. Свет факела, горевшего у него за спиной, окутывал статную, широкоплечую фигуру облаком оранжевого сияния, но Валерию не нужен был свет, чтобы узнать этого человека.

— Киммериец, — прошептал он чуть слышно.

Варвар надменно склонил голову, всем своим видом показывая, что, хотя и признал в случайном встречном знатного вельможу, но отнюдь не собирается заискивать перед ним.

— Ты ищешь кого-то, приятель?

Ах, как был знаком ему этот говор!

Вызывающий, чуть тягучий, горделивый... Валерий содрогнулся, чувствуя, как побежали по коже мурашки. Дважды он был уверен, что навсегда расстался с киммерийцем, — в первый раз, когда думал, что тот погиб, распятый на кресте в пустыне, второй, когда сам бежал из Хаурана, от скорби и тоски, коими полон там стал для него каждый вздох, от мук совести и самоуничтожения.

Но, значит, не только воспоминания последовали за ним через полмира. Прошлое не желало отпускать его от себя, не давало покоя, — и Валерий стиснул зубы от внезапного приступа слабости.

Киммериец ждал ответа.

И принцу показалось вдруг, что в глазах варвара он видит знакомый огонек презрения... все повторялось! Он попытался сказать как можно небрежнее, сознавая в то же время, как натянуто звучит его голос:

— Кто вы такие, и откуда вы здесь?

Северянин чуть помедлил, прежде чем ответить.

Валерий заметил, что рука его легла на рукоять меча, — и это удивило принца. Неужели бесстрашный Конан кого-то опасается? Но кого? И что тому причина? Наверняка, не их встреча, тем более, что варвар, похоже, до сих пор его не узнал.

— Мы — Вольный Отряд, на службе вельможного принца Нумедидеса, — отозвался наконец тот. — Я капитан отряда. Мое имя — Конан из Киммерии!

При этих словах Валерий почувствовал, как сжимается у него горло. Все и впрямь повторялось...

— Но зачем вы здесь? — спросил он быстро. — И как могло случиться, что король нарушил собственный эдикт и позволил принцу нанять вас?

Черноволосый гигант чуть заметно пожал плечами во тьме.

— Принц нанял нас — и платит деньги! Что до прочего, спроси у него сам! Но я хочу знать, кто говорит со мной! Я не привык болтать с незнакомцами!

Валерий ощутил замешательство.

Он не хотел, чтобы киммерийцу стало известно его имя. Он боялся даже помыслить об этом! Но одновременно он не мог не почувствовать ядовитого укола досады. Сам-то он узнал Конана с первого взгляда!

Неужели их встреча так мало значила в его жизни, — встреча, что перевернула всю жизнь аквилонского принца... Противоречивые чувства терзали его, и он почти готов был выкрикнуть свое имя варвару в лицо — но что-то удержало его. Возможно, так и впрямь будет лучше.

Валерий вздохнул, плечи его опустились.

— Неважно, как меня зовут. Довольно и того, что я не враг, а аквилонский нобиль!

Он небрежно махнул рукой, отпуская наемника.

— Ступай, северянин. Я уверен, мы еще встретимся!

Не говоря ни слова, воин развернулся на каблуках и бесшумно, точно огромная кошка, скользнул во тьму. Вскоре откуда-то издалека до Валерия донесся его звучный голос: он отдавал своим солдатам какие-то распоряжения насчет дежурства.

Постояв еще немного, принц продолжил путь.

...Этот случай не давал ему покоя и сегодня. Даже здесь, в храме Митры Валерий ощущал смутную тревогу, определить источник которой был бессилен. Безусловно, встреча с Конаном-киммерийцем выбила его из седла, заставив вспомнить времена и вещи, о которых он надеялся забыть навсегда, — однако было что-то еще, какая-то смутная мысль, подозрение...

Валерий раздраженно тряхнул головой, досадуя на усталость, что лишала его способности мыслить трезво и анализировать происходящее. Все та же проклятая усталость, что стала его постоянной спутницей в последние дни.

Погруженный в свои думы, он и не заметил, что действо, разыгрываемое жрецами, подошло наконец к завершению. Окруженный служителями Митры, король двинулся к аркаде, ведущей на жертвенный двор. Придворные, утомленные, зевающие, потянулись следом. Валерий же замешкался немного и, когда двинулся вперед, вдруг заметил левее знакомую фигуру, которую прежде безуспешно искал глазами.

— А, барон, — окликнул он немедийца негромко. — Я что-то не видел вас...

Амальрик Торский повернул к нему улыбающееся лицо. Валерий на миг задержал взгляд на его высокой шапке, сделанной из мерлушки — шкуры новорожденного ягненка. В серых глазах посланника плясали смешинки, и это показалось принцу особенно странным. Барон словно смеялся над какой-то шуткой, доступной лишь ему одному.

— Ну что вы, Ваше Высочество, — произнес он на утонченном лэйо, приберегаемом им специально для таких случаев. — Всю церемонию я простоял у вас за спиной. Должно быть, благочестивые думы слишком захватили вас, и вы не обратили внимание на скромного дуайена.

Он согнулся в полупоклоне и, не дожидаясь ответа, быстрым шагом двинулся вперед, нагоняя основную часть процессии, оставив Валерия в одиночестве, странно раздосадованного, обозленного, более чем когда-либо завидующего старому Тиберию.

Тот хотя бы обрел наконец вечный покой.

* * *

Немедийский барон спиной чувствовал угрюмый взгляд принца, но даже не подумал оглянуться.

Слюняи, все как один, подумалось ему в сердцах. А ведь шамарец еще один из лучших! Он все-таки был солдатом, имеет понятие о дисциплине, должен бы уметь держать себя в руках. И все же малейшая неприятность выводит его из равновесия, лишает уверенности в себе. Амальрику Валерий напоминал бойца, превосходного в нападениях, но совершенно неспособного обороняться. Как только в атаку переходил противник, он мгновенно терялся, утрачивал инициативу, заранее готов был счесть себя побежденным.

На его месте, барон знал, он сражался бы до последнего. Любыми средствами, любым оружием. Зубами и когтями бы рвал глотки врагам, но не позволил им загнать себя в угол. Он скорее погиб бы, сражаясь, чем признал поражение. И потому в этот миг к аквилонскому принцу он не испытывал ничего, кроме безразличного снисхождения. Нумедидес, по крайней мере, при всей его шакальей подлости и ослиной тупости, точно знал, чего хочет, и готов был добиваться своего.

Выйдя на жертвенный двор, Амальрик отыскал взором второго принца. Нумедидес стоял в окружении придворных, мрачно и недовольно взирая на мир. За то время, что они были в храме, погода испортилась еще больше, пошел дождь со снегом, и наследник трона ежился, переминался с ноги на ногу, всем своим видом показывая, как неумоги́мо ему затянувшаяся церемония.

«Потерпи, — усмехнулся Амальрик про себя. — Недолго тебе осталось». Он знал, что скоро Нумедидесу станет жарко как никогда.

У них с Орастом все прошло благополучно, да он, собственно, и не сомневался в этом. Как всегда в минуты опасности, веселое презрение ко всему на свете овладело им; он словно торопил смерть, подзадоривая ее, вызывая на бой, из которого, был уверен, что выйдет победителем. Уж его-то, в отличие от Валерия, ничто не могло лишить воли к победе, остановить или заставить свернуть с однажды избранного пути. Со злым безрассудным задором он шел прямо навстречу любой угрозе.

А как перепутался Ораст, когда тот жрец наткнулся на них! Он вспомнил перекошенную, позеленевшую от ужаса физиономию с выпученными глазами, рот, судорожно открывающийся и закрывающийся, точно у выброшенной на берег рыбы, и едва удержался, чтобы не расхохотаться. Сам он ощутил приближение жертвы задолго до того, как та показалась в поле зрения — обостренное чутье никогда не подводило его в таких случаях, — и он намеренно тянул у двери, выжидая, пока служитель Митры подойдет ближе.

Дальше все случилось так, как и было задумано.

Он убил его быстро и чисто, так что жрец не успел даже пикнуть. Достаточно было сказать пару слов, которые ошеломили его, чтобы несчастный служитель застыл. Всего на миг. Но этого хватило для молниеносного броска — и в правую глазницу ему вонзился стилет, который барон носил в особых ножнах на предплечье.

Рот служителя раскрылся в немом вопле — но он умер прежде, чем хотя бы звук слетел с искажившихся уст.

Амальрик не без гордости взглянул на плоды своих рук. Даже его суровый наставник в Торе не нашел бы, в чем упрекнуть питомца. Убийство свершилось молниеносно и, главное, бескровно. Одевание жреца осталось незапятнанным, а это именно то, чего добивался барон.

Он вспомнил, как Ораст тряс перед ним своей старой рясой, которую притащил из Амилии. Мол, Марна при-

казала ему взять ее. Амальрик с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Ну ладно, ведьма, она слепая, да и столько зим не выплезала из своей норы — ей прости-тельно! Но этот-то, этот храмовый тихоня! Неужели он не помнит, что в Немедии у жрецов рясы *желтые*? Он представил себе заговорщика в охряном облачении на фоне белоснежных риз и фыркнул.

Ему вспомнилось, что негодная ряса так и осталась лежать у камина, где Амальрик собирался, да так и не успел сжечь ее. Не забыть бы спалить эту тряпку, когда вернется!..

Распахнув дверь, что вела, как ему было известно, в подсобные помещения храма, он втащил внутрь труп, когда услышал, что Ораста, оставшегося снаружи, выворачивает наизнанку.

Ему пришлось отхлестать этого слизняка по щекам, прежде чем тот пришел в себя.

Поняв, что от незадачливого чернокнижника помощи ждать не приходится, немедиец сам раздел труп, после чего отволол его к маленькой кладовой, вскрыть которую не составило труда. Он втиснул в тесное, захлащенное помещение мертвое тело и набросал сверху садовые инструменты и мешочки с удобрениями.

Волей Митры, до вечера его не обнаружат...

Отдуваясь и утирая выступивший пот на лбу, барон обернулся наконец к своему спутнику, с возмущением увидев, что тот стоит, как стоял, точно впечатавшись в стену, глядя в никуда пустым, ничего не выражающим взором. Неслышным шагом Амальрик подошел к жрецу и с такой силой встряхнул за плечи, что у того едва не оторвалась голова.

— Шенок! — прорычал барон. — Возьми себя в руки, слюнтяй!

Постепенно взгляд Ораста сфокусировался на нем. Он часто-часто заморгал, точно приходя в себя от шока, но губы его шевелились по-прежнему беззвучно, и он не мог выдать из себя ни единого слова. Без лишних церемоний Амальрик сунул ему в руки одеяние жреца и резные ножны красного дерева, на длинном шелковом шнурке, в которых покоился ритуальный нож.

— Пошевеливайся.

Неловкими движениями Ораст принялся натягивать на себя платье, и барон с презрением заметил, как дрожат его руки. Порывшись в кошеле на поясе, он извлек

маленькую черную коробочку и, открыв крышку, выкатил на ладонь зеленоватую пилюлю. Затем, оценивающе взглянув на Ораста, добавил вторую и протянул жрецу.

— Проглоти. Это тебя взбодрит.

Не рассуждая, Ораст повиновался. Не прошло и нескольких мгновений, как немедиец отметил с удовлетворением, что мертвенная бледность отступила, руки перестали трястись, а взгляд жреца понемногу обрел осмысленность.

Он вздохнул с облегчением. Средство это было крайне опасным, и он берег его на крайний случай, ибо, как предупреждал его продавец пилюль, хитрый старый шемит Мана, стоит хоть чуть-чуть переборщить, и лекарство превратится в яд. Интересы ради, в Торе барон испробовал его на одном из рабов. От пяти горошин с ним сделался припадок, он задыхался часто, точно собака, бежавшая под палящим солнцем, на губах выступила пена, и он рухнул замертво. Амальрику понадобилось провести еще несколько опытов, чтобы доподлинно убедиться, в каких дозах снадобье безопасно, зато теперь он мог без страха воспользоваться им.

Пока жрец натягивал на себя белое с черной каймой облачение, немедиец собрал в охапку одежду пажа, облил ее маслом из светильника и поджег. В огонь полетели и накладные кудри. Дождавшись, пока одежда догорит, барон затоптал умирающее пламя ногами и разметал по сторонам пепел.

Да простит его Митра за то, что он изгваздал пол в святилище!

Он внимательно оглядел жреца с головы до ног. Вроде нет ничего, что отличало бы его от вереницы таких же белоризников. Тем более, что юнец, похоже, начал приходить в себя.

На вид, состояние Ораста не внушало опасений, разве что возбужден он был сильнее обычного, и, поправив ножны, висевшие, как того требовал обычай, у жреца на шее, Амальрик удовлетворенно кивнул. Он выполнил все, что требовалось от него. Снабдил планом храма, помог проникнуть внутрь незамеченным, дал возможность попасть в святая святых и принять участие в церемонии, смешавшись с остальными жрецами. Дальше Орасту предстояло идти одному.

— Справишься? — спросил он, когда они подошли к развилке, где пути их должны были разойтись. — У тебя

теперь есть все необходимое. И главное — не забудь подменить кинжал. В самом конце, как я тебя учил! Чтобы по рукояти никто не заподозрил неладного.

Ораст кивнул. Глаза его в последний раз с мольбой задержались на немедийце. Видно было, что он отчаянно трусит при мысли, что дальше ему надлежит двигаться самому, однако просить Амальрика идти с ним и дальше не позволяла гордость. К тому же накануне дуайен объяснил, почему это невозможно. Так что теперь, какие бы опасности не поджидали жреца впереди, ему предстояло встретить их в одиночку. И, резко развернувшись на каблуках, он стремительно, точно чтобы не растерять остатки решимости, двинулся вперед по темному коридору.

И сейчас, стоя на открытом дворе в ожидании, пока выйдут из дверей храма жрецы, барон мысленно прочерчивал путь, который надлежало проделать Орасту.

Он не испытывал тревоги. Ибо они с Марной полагались не на слабые силы человеческие, над которыми властна любая случайность, любая превратность судьбы, но на безупречность магии, для которой не существовало ничего невозможного.

Так, его собственное заклинание, пущенное в ход, когда они только подъезжали к храму, безошибочно, точно лису на охотников, вывело к ним одного из служителей Митры, что должен был принять участие в церемонии, дабы Ораст мог занять его место.

Но на этом его миссия закончилась. Дальше дело было за магией Марны.

Чары, что наложила она на кинжал жреца, были столь сильны, что даже мертвым Ораст выполнил бы свое предназначение. Клинок поведет его руку, словно ученый пс — слепца.

Он не достигнет цели только в том случае, если ему отрубят конечность.

Но Амальрик был уверен, что это не произойдет.

Медленно и плавно, с торжественным пением, окутанная дымом благовоний, процессия жрецов вышла наконец из дверей храма. Зоркий взгляд Амальрика различил в хвосте колонны знакомую фигуру, и он ободряюще, одними уголками губ улыбнулся Орасту.

Последний раз мы видимся с тобой, подумал он.

Но, прежде чем умереть, ты совершишь то, что должен!

Аой.

ВРЕМЯ ЗАКЛАННЯ

Пронзительный траурный плач жрецов возносился к низким серым небесам, подобно тоскливому клику чаек над морем, да и сами они, в просторных своих одеяниях с широкими рукавами, чем-то напоминали диких птиц, степенно и важно обходящих свои владения среди серых камней. Процессия двигалась медленно, с остановками, огибая жертвенник, к которому привязан был белый бык, стоявший недвижимо, точно серебряное изваяние. Причудливая вязь их пути должна была символизировать восхождение души в Чертоги Пресветлого; каждая же остановка, сопровождаемая возгласами и ритуальными движениями, — различные препоны на тернистом пути.

Король Вилер, окруженный четырьмя старшими жрецами, неподвижно застыл в ожидании, справа от алтаря. Его собственная роль в церемонии была невелика и сводилась к нескольким репликам в самом конце, когда он, выполняя роль наместника светлейшего Митры на земле, должен был подтвердить, что готов распахнуть пред мучениками двери небесной обители, — и поднести жрецу ритуальный кинжал, дабы тот, посыпав голову животного солью и мукой и окропив можжевельным соком, перерезал горло быку, чья пылающая жертвенная кровь укажет душам погибших путь в солнечные чертоги.

Ежась под порывами пронизывающего ветра, швыряющего в лицо пригоршни острых иголок-дождинок, король сумрачно заметил про себя, что от того, чтобы попасть в солнечные чертоги Митры сейчас, должно быть, не отказался бы ни один из вельмож. Лишь лица жрецов оставались совершенно невозмутимы, точно вырезанные из дерева, — но и в глазах младших из них читалось страдальческое выражение.

Что же касается придворных, то, не связанные жесткой дисциплиной служителей, они даже не пытались скрыть отвращения, которое вызывает у них непомерно длинная церемония. Столпившиеся чуть поодаль в ожидании конца, промокшие и озябшие, в своих пышных парадных одеяниях они выглядели довольно жалко, точно стайка пестрых заморских птиц, чудом очутившихся в негостеприимных северных краях. Большинство кутались в подбитые мехом плащи, другие, не стесняясь, то и дело

посылали слуг за новыми порциями горячего вина, — так что неясно было, от ледяного ли ветра или живительной влаги так раскраснелись их щеки и носы...

Как и положено, они не приближались к алтарю ближе, чем на трижды по одиннадцать шагов, и, судя по тому, как нетерпеливо переминались они с ноги на ногу и перешептывались между собой, большинство предпочло бы очутиться отсюда еще дальше. И Вилер был бы последним, кто стал осуждать их за это.

Лишь несколько фигур в пестрой нестройной толпе выделялись неподвижностью, застывшей напряженностью, невольно наполнявшей сердце короля тревогой. Трое или четверо были старыми войками, ветеранами бесчисленных походов, близкими друзьями Тиберия, — должно быть, единственные, кто испытывал подлинную скорбь в эти минуты. Разумеется, недвижим был и Амальрик Торский, и король не сумел сдержать усмешки: барон, похоже, делом чести для себя считал выдерживать любые напасти так, словно от его невозмутимости зависела судьба, по меньшей мере, всего королевства.

Что до Вилера, по его мнению, подобный демонстративный аскетизм скорее отдавал мальчишеством, — однако это не уменьшило его уважения к немедийскому послу. Несмотря ни на что, даже и на пакт, заключенный ими два дня назад, барон оставался умным и опасным противником. Недооценивать его было все равно что заигрывать с лесной рысью...

И наконец, чуть в отдалении от остальных придворных, не замечая никого и ничего вокруг себя, прямой и неподвижный, точно воткнутое в землю копьё, стоял принц Валерий. Даже с такого расстояния Вилеру видно было, каким измученным и бледным выглядит его племянник. Струйки дождя стекали с волос по мокрым щекам, точно ручейки слез, но он даже не пытался вытереть лицо.

Жалость холодным острием кольнула правителя. Он видел, как все эти дни подчеркнуто игнорируют принца придворные, после брошенных сыном Тиберия обвинений, как шепчутся у него за спиной, косясь опасливо и недобро, когда уверены, что Валерий не заметит их; видел, как на глазах мрачнеет и угасает его племянник, точно каждый прожитый день уносит у него годы жизни.

Его собственная строгость по отношению к принцу оказалась ему в тот миг жестокостью, неоправданной и недостойной, и Вилер пообещал себе, что немедленно по

возвращении во дворец устроит этот проклятый суд — пусть Нумедидес думает, что победил, Сет его побери! — и добьется, чтобы с Валерия были сняты все обвинения. Что бы там ни было на самом деле, он не может позволить, чтобы сын его любимой сестры так страдал у него на глазах! Он слишком виноват перед их семьей — и вернет долг Валерию, чего бы это ему ни стоило!

Укрепленный своим решением, король едва удержался, чтобы не подмигнуть ободряюще принцу, — однако тот смотрел куда-то в сторону, и, опомнившись, Вилер заставил свое лицо принять подобающе строгое выражение.

Он подчеркнул не смотрел в сторону второго своего племянника, Нумедидеса, что стоял, окруженный придворными, с кубком в руке, прячась от дождя под накидкой, что услужливо держал у него над головой какой-то, расфуфыренный юнец. Вилер перевел взгляд на процессию жрецов... Те, с многочисленными остановками, воскурениями благовоний, что упорно не желали загораться под дождем, и протяжными песнопениями, завершали обход алтаря сзади. Скоро они выйдут вперед, — и останется потерпеть совсем немного...

Как ни странно, и это не удивляло даже его самого, король Вилер совершенно не ощущал приличествующей случаю скорби. Лишь досаду и нетерпение. Не то было, когда он лишь узнал о гибели Тиберия — тогда новость эта буквально подкосила его. Но здесь, в храме... трагедия внезапно перестала ощущаться, все происходящее казалось неудачным ярмарочным представлением, настолько затянутым и нелепым, что не могло даже вызвать сопереживания у зрителей. В душе своей, как ни искал, он не мог найти ничего, кроме усталости и тоски, — и потому не смел бы осуждать своих придворных, чьи чувства были точным отражением его собственных.

И мысли в голове толпились беспорядочно, точно испуганные овцы, — о том, как неприглядно серо все вокруг, о давешнем разговоре с немедийцем, о том, что же делать с непутевыми племянниками... даже о том, что надо бы не забыть сказать лекарям, чтобы дали ему укрепляющего питья после завершения обряда, ибо новый приступ лихорадки, случившийся с ним по пути в храм, совершенно опустошил его, так что король сперва даже опасался, что выстоять бесконечную церемонию окажется ему не под силу.

...Как вдруг воспоминания наконец пришли, — и именно те, за которые Вилер дорого бы дал, чтобы они оставили его навсегда. Воспоминания об их ссоре с Тиберием.

Двадцать зим назад. С того дня, как ни старались они обманывать друг друга и сами себя, все было не таким, как прежде. И хотя оба старательно делали вид, будто все забыто, и ничего не было между ними, неловкость оставалась. И как преувеличенно сердечно ни встречались бы они каждый раз, Вилер в душе прекрасно сознавал, почему бывший верный друг его, с которым они не раз делили палатку в походах, добычу, а иногда и женщин, старается бывать в столице лишь по необходимости, проводя как можно больше времени в родном поместье. Оба делали вид, что все в порядке, что так и должно быть, подыскивали причины и оправдания, пока сами не уверились под конец, что ссора их была лишь дурным сном, и те страшные обвинения никогда не звучали... И все же это было. Двадцать зим назад.

Вскоре после гибели его сестры Мелани, нареченной после замужества Фредегондой.

Голова короля поникла. Впервые с того дня он вспоминал это отчетливо и ясно, точно наяву. Взор его затуманился, то ли от усталости, то ли от непрошенных слез, он пошатнулся, тут же ощутив, как стоявший чуть позади жрец поддерживает его за локоть. Он обернулся, улыбнувшись с благодарностью, но тут же вновь опустил голову.

Лицо Тиберия было перед ним, суровое даже в юности, с жестким, неулыбающимся ртом и сужившимися от гнева глазами.

— Я не верю тебе! — повторял он, не слушая оправданий короля. — Не верю, и можешь не тратить слов на объяснения!

Митра всемогущий! Тогда он еще перед кем-то оправдывался, чувствовал себя виноватым, обязанным давать кому-то отчет. Горькая усмешка скривила губы короля. Воистину, они были молоды в те дни...

И, конечно, Тиберий был не прав в своих подозрениях. Вилер ни малейшего отношения не имел к гибели Фредегонды. Иначе и быть не могло, — она ведь его родная сестра! Но, как ни старался, он не мог вбить это в упрямую голову амилиейца.

— Я знаю, что ты виновен! — кричал тот, метаясь по комнате. — Я же знаю тебя, Вилер, знаю лучше, чем ты

сам себя! Вина в твоих глазах, и ты не можешь скрыть ее от меня. Я вижу!

Вилер вздохнул. Да, вина была. Была до сих пор, жгла его раскаленным железом, лишала сна и отравляла дни, — однако то была совсем не та вина, о которой твердил Тиберий. И он не мог объяснить ему ничего.

В конце концов, он сорвался, не выдержав обвинений друга. И впервые прикрикнул на него, точно щитом, прикрываясь королевской властью. Он велел ему убираться прочь и не показываться на глаза, пока не излечится от своего опасного безумия... В ярости своей он добавил даже, что, в ином случае, королевская тюрьма станет лучшим лекарством от подобной болезни. Тиберий вылетел из залы, не оглядываясь. И когда они с Вилером увиделись в следующий раз, тот был подчеркнуто холоден и почтителен, — и избегал встречаться с королем глазами.

Вилеру подумалось внезапно, что друг его так и ушел из жизни, уверенный в его виновности, — и от мысли этой ему сделалось нестерпимо горько. Он лишь сейчас осознал, что Тиберий ушел навсегда, что он не сможет больше ни оправдаться перед ним, ни объяснить, ни попросить прощения, что слишком поздно для всего этого, и ему остается только скорбеть об утрате... и боль, которую он так тщетно пытался отыскать в своем сердце все это утро, вдруг пришла сам, пронзительная и ледяная, точно касание самой смерти.

Король поднял голову, глядя на приближающихся жрецов. Теперь он был готов.

* * *

Жрецы завершали обход алтаря, огромной каменной плиты в три локтя высотой, куда по ступеням возвели уже жертвенного быка. Янтарная чаша с золотым орнаментом и двумя ручками в форме солнечных лучей стояла на краю постамента, в ожидании, пока хлынет в нее дымящаяся кровь. Еще два гимна — и ритуальный клинок будет вручен королю, который, в свою очередь, препоручит его верховному жрецу Декситею. Негерпение охватило всех участников обряда — однако служители Солнцеликого двигались все так же медленно и торжественно, не обращая внимания ни на дождь, ни на раскисшую грязь под ногами. Лица их были сосредоточены и хмуры, глаза устремлены вдаль.

И медленно и торжественно, среди прочих, вышагивал Ораст Магдебский.

После того, как расстался с бароном, он, следуя плану святилища, который немедиец накануне заставил его заучить наизусть, прошел боковыми коридорами через весь огромный храм к проходу, что вел на жертвенный двор. Во время этого пути Ораст не единожды благодарил свою память, что еще в юности без труда позволяла ему запоминать без особого труда целые страницы священных текстов, так что сейчас план храма стоял у него перед глазами.

И все же он едва не заплутал в этом лабиринте ходов, проходов, галерей и коридоров, разветвляющихся, переплетающихся, ведущих на разные уровни, в кухни и книгохранилища, укромные молельни и личные покои, в библиотеки и скриптории. Несколько раз он пропустил в полутьме нужный проход и вынужден был возвращаться, однако это задержало его ненадолго. На условленное место он подоспел как раз в тот миг, когда завершилось действие в самом храме, и придворные, а за ними и жрецы, потянулись во двор для завершающей части обряда — жертвоприношения Солнцеликому. И, ни колеблясь ни мгновения, Ораст занял свое место в процессии.

Страху и сомнениям не было места в его душе. С того самого мгновения, как он проглотил зеленые пилюли, что дал ему Амальрик Торский, смятение Ораста улеглось, сменившись холодной решимостью. Следовало просто идти вперед, не оглядываясь, не задумываясь, ни о чем не вспоминая — и тогда все будет хорошо. И, главное, не думать об убитом жреце, чье платье было сейчас на нем, придясь Орасту впору, так, словно было на него спито.

И не только платье. Он сам был поражен, как быстро вспомнилось все бывшее, что он считал навеки погребенным в памяти. Привычные жесты, поведение — все вернулось. Даже посадка головы стала иной, плечи расправились, надменно сомкнулись губы. Впервые за долгое-долгое время Ораст почувствовал себя уверенно. Удивительно все же, что делает одеяние с человеком... Ему захотелось вдруг, чтобы Релата и остальные в Амилии могли бы видеть его сейчас. Они ни за что не узнали бы своего нескладного, боящегося собственной тени постояльца... Но, вспомнив о судьбе, постигшей домочадцев барона Тиберия, мгновенно осекся.

И все-таки метаморфоза была поразительной. Сделав всего несколько шагов по пустынным коридорам, он ощутил себя неотъемлемой частью Храма Тысячи Лучей, словно жил здесь с самого детства. Уверенность его была настолько непоколебима, что мгновениями Орасту казалось даже, что он без труда найдет дорогу в святилище сам, инстинктивно, даже забыв о плане.

И, должно быть, ощущение единородности было настолько велико, что ни спешащие по своим делам слуги, попадавшие ему на пути, ни послушники, встретившие его вблизи главного зала, ни даже собратья-жрецы, участвующие в церемонии, не обратили на него внимания, и взгляды их скользили по Орасту равнодушно, не задерживаясь, точно видели перед собою фигуру совершенно привычную, не вызывающую ни недоумения, ни подозрений. Он занял место убитого Амальриком жреца без колебаний, точно внутренний голос подсказывал ему все действия и движения, и даже сам поразился, до чего гладко все выходит.

Словно некая тайная сила исподволь управляла им...

Лишь когда он встал рядом с другим жрецом, низкорослым и краснолицым, точно от неумеренного пристрастия к медовухе, тот окинул его сонным взглядом и без тени любопытства поинтересовался шепотом:

— А что с братом Домериком?

— Ему нездоровится, — без колебаний отозвался Ораст, всем видом своим показывая, что занимает свое место по праву и не приветствует досужих расспросов.

— А как же жертвенный нож? Он передал его тебе?

— Разумеется. — Со всей надменностью, на какую был способен, Ораст похлопал себя рукой по груди.

Жреца, казалось, ничуть не удивило, что вместо Домерика он видит неизвестного служителя, и это было вполне естественно. В таком огромном храме не было возможности запомнить по имени или в лицо каждого собрата.

Наконец, когда Ораст уже начал опасаться иных, более неловких расспросов, они вышли на жертвенный двор. И здесь затруднений не возникло. Губы сами подсказывали Орасту необходимые слова молитв, несмотря на то, что ему никогда доселе не доводилось произносить их на аквилонском. Он влился в действо, чувствуя себя уютно, точно в старых, разношенных сапогах, и всей душой отдался очарованию обряда, наслаждаясь его торжествен-

ной строгостью и поэтичностью, подобной которой, как ни силился, он не мог отыскать в обычном мире.

Ностальгия по утраченному прошлому, когда все было так ясно, и дорога вперед казалась прямой и залитой солнцем, охватила его, и Ораст на несколько мгновений позволил себе забыть и о Скрижали Изгоев, и о своих мечтах, и о подрагивающем кинжале в ножнах, кинжале, который он успел подменить одним движением на самом выходе из храма, когда уверен был, что никто его не заметит — так что теперь, даже покажись кому из митрианцев подозрительной кривая рукоять, никто уже не осмелится прервать обряд из-за такой мелочи.

Но пока он забыл обо всем этом. Пение жрецов, прекрасное и мощное, точно единый голос, возносилось к небесам, и он ощущал всем сердцем, как раскрывает Солнцеликий им свои объятия, и ни дождь, ни холод не мешали ему ощущать божественное тепло. Краем глаза он замечал жмущихся друг к другу, дрожащих, вымокших до нитки придворных, и не мог не пожалеть этих слепцов.

Они завершили обход алтаря.

Краем глаза Ораст взглянул на жертвенного быка, чья белоснежная шерсть сделалась под дождем грязно-серой. Опоенное дурман-травой животное простояло недвижимо всю бесконечную церемонию, но в огромных сливовых глазах его, равнодушно наблюдающих за людьми, застыла тоска. Ораст подумал невольно, что бык знает, что должно произойти сейчас, и дрожь невольно пробрала его. Ему вспомнилось, что в бельверусском монастыре жрец, приносивший в жертву животных, отбирался после особых испытаний, едва ли не более строгих, чем экзамены на должность настоятеля храма, и приступал к исполнению обязанностей лишь после трех зим подготовки. Несомненно, жрец Золотого Храма был не менее опытен...

Но он, Ораст, сумеет ли он?

Впервые за все время юноша заставил себя взглянуть на короля. Тот стоял неподвижно, всего в нескольких шагах, и в глазах его была та же печальная усталость, что у жертвенного быка с позолоченными рогами. Орасту сделалось не по себе.

Ему вдруг вспомнилось, как упал у его ног митрианец с залитым кровью лицом. И узкая рукоять стилета, торчащая из правой глазницы, точно чудовищный нарост. И невозмутимость Амальрика, одним движением выдернув-

шего нож из раны, точно перед ним был не человек, но деревянная мишень... Его вновь охватила дурнота, и он с трудом удержал рвоту. Несколько мучительных мгновений сознание жреца балансировало на грани небытия, он готов был рухнуть замертво — как вдруг точно мощная невидимая рука поддержала его. Равновесие мгновенно восстановилось, и он незаметно перевел дух. Пот и капли дождя стекали по глазам.

Но он не сможет! Не сможет сделать того, что должен! Это невыполнимо!

Теперь, когда Деяние было здесь, перед ним, он впервые взглянул истине в лицо и поразился собственной самонадеянности и глупости.

Как он мог не знать, что никогда, ни при каких обстоятельствах не найдет в себе сил убить человека?!

Все мечты о славе и могуществе предстали в этот миг тем, чем они и были в действительности: бредом заносчивого безумца, плодом горячки и гордыни. Он готов был пасть на колени, во весь голос умоляя Митру о прощении — но страх остановил его.

Нельзя нарушать церемонию. Они не заподозрили неладного прежде, не поймут ничего и теперь. Если он не натворит глупостей — то сможет тихонько убраться восвояси, пока не обнаружена подмена и не найден труп. Его никогда не поймают. А он останется жив! И сбежит так далеко, как только унесут его ноги! И поступит служкой в самый захудалый монастырь, и до конца жизни будет смирением и трудом замаливать грехи.

Ораст, преображенный, поднял взгляд на короля. И надо же было так случиться, чтобы именно в этот миг поднял голову и Вилер, и глаза убийцы и жертвы встретились. На мгновение, не больше, — но жрецу почудилось, будто во взоре повелителя он читает любовь и прощение, и он растрогался до слез, точно это сам Митра смотрел на него очами венценосца.

Душа его растаяла, как тает под лучами солнца шапка ледника, и то, что обнажилось под сошедшим льдом, поразило Ораста. Обуянный гордыней и властолюбием, он мнил себя созданным для величия, мнил, что ничего не стоит ему переступить через других людей, что по прихоте своей волен распоряжаться их судьбами и лишать жизни... Но Солнцеликий преподнес ему урок. Теперь он знал, что есть грань, переступить через которую он не в силах, и это, в его глазах, сделало Ораста человеком куда

более чистым и возвышенным, нежели любой маг и правитель, каким он мечтал стать прежде.

И когда отзвучали наконец последние строки гимна, прославляющего милосердие Небожителя, Ораст сделал предписанный шаг вперед и, вынужденный кинжалом из ножен, благоговейно опустился перед королем на колени.

* * *

Губы лесной колдуньи скривились в довольной усмешке. Пряный дым остролиста щекотал обоняние, и внутреннее видение ее было как никогда четким.

Щенок не подвел ее. Она, впрочем, и не ожидала иного, — хотя, разумеется, была готова принять необходимые меры в случае неповиновения, однако куда лучше было, чтобы все прошло без ее вмешательства. Это позволяло сберечь силы и приносило удовлетворение от точно сделанных расчетов. Марна любила, когда планы ее, изощренные и продуманные до малейшей детали, тонкие, как работа аргосских оружейников, и столь же смертоносные, приводятся в исполнение изящно и четко, без зацепок и неожиданностей. И в этом искусстве она воистину достигла невиданных высот, еще в прежние времена, даже в Шамаре...

Впрочем, нет! Она резко трянула головой, отгоняя нежеланные мысли. Сейчас не время предаваться воспоминаниям. Они лишь туманят душу и лишают разум сосредоточенности, — а такой роскоши колдунья не могла себе позволить сейчас.

Позже, обещала она себе. Когда Вилер будет мертв, когда эта проклятая страна погрузится в кровавую пучину, когда колесница Солнцеревого низвергнется с небесных путей, а на смену ему придут истинные боги — она будет вспоминать о чем угодно. Наслаждаясь свершившимся, предвкушая сладость мщения, что ждет в конце пути, она даст волю памяти. Позже, не сейчас.

Колдовским взором она нашла Вилера, жадно вглядываясь в до боли знакомые черты. Ее удивило, как ужасно изменился повелитель за эти несколько дней... Кожа приобрела землистый оттенок. Запали щеки. Левое веко чуть заметно подергивалось. Жалость охватила ее, внезапная и совершенно необъяснимая, — зная то, что должно было свершиться ее волею через несколько мгновений. И все же, видеть его таким... Она ничего не могла с собой поделать.

Он стоял неподвижно, лишь бесцветные губы шевелились, отвечая словам верховного жреца. Глаза были пусты, усталое, загравленное выражение застыло в них, и Марне подумалось вдруг, что, похоже, повелитель каким-то образом догадывается о ждущей его участи. Удивительно лишь, как могли остальные не замечать маски смерти на его лице.

Марна отвела взор. Оставалось еще совсем немного. Хотя колдовство не позволяло слышать происходящее, ей, не хуже Ораста, известны были все детали церемонии. Но ожидание внезапно сделалось невыносимым.

Она не стала отыскивать магическим зрением Валерия, — почему-то у нее было предчувствие, что вид принца не доставит ей радости. Вместо того, взор ее вернулся к Орасту. Тот ждал недвижимо, напряженный, точно натянутая тетива, и она вновь одобрительно усмехнулась. Приятно сознавать, что оружие было выбрано ей настолько удачно, — точно сам Асура послал ей его, руками немедийца. Да, боги на ее стороне! С каждым мгновением Марна все больше уверялась в этом. Последние сомнения исчезали. Холодная, хищная радость пришла им на смену.

Один из жрецов, простирая руки к небесам, что-то прокричал, и слова его повторили остальные. Марне не нужно было слышать их, чтобы понять, что служители Митры взывают к Солнцеликому, воспевая жертвенную кровь, что оросит сейчас алтарь божества. Сейчас ритуальный кинжал должен быть вручен королю, который, в свою очередь, передаст его, верховному жрецу.

Пора!

Марна прошептала нужные слова, и кинжал завибрировал в руках Ораста..

* * *

Смутная неловкость, что не отпускала его с самого начала церемонии, внезапно переросла в открытую тревогу.

Валерий не смог бы точно сказать, чем вызвано его смущение, — однако оно становилось сильнее с каждым мгновением. Опасность была рядом! Он был уверен в этом, волна страха поднималась в душе, парализуя разум и чувства.

Он почти готов был броситься бежать.

Валерий загравленно огляделся по сторонам. Шестое чувство никогда не обманывало его, — но как ни старался,

он не мог заметить вокруг ничего необычного. Все так же переговаривались рядом придворные, с нетерпением ожидая окончания обряда, все так же тянули свои бесконечные молитвы жрецы.

Он втянул в себя сырой осенний воздух, пытаясь успокоиться. Должно быть, с ним и впрямь что-то неладно, если среди бела дня начинают мерещиться тени и черные силы... И все же — он не мог отделаться от ощущения, что вот-вот произойдет что-то страшное, что он упустил нечто важное, что грозит гибелью им всем. Ощущение смертельной угрозы не проходило.

Он подумал, что следует что-то предпринять — но тут же осекся. Инстинкты его были отточены годами службы, бесчисленными схватками и сражениями, и он не мог не доверять предупреждению, что внутренний голос посылал ему, — однако кто еще поверит его словам?! Да и что он может сделать? Выскочить вперед с требованием остановить обряд? Его сочтут безумцем. Хорошо если не святотатцем... Обратиться к королю? Но что он может сказать ему? Да и осмелится ли, после той гневной отповеди, которой удостоил его дядя во время их последней встречи?

Валерий вновь огляделся по сторонам.

Нет, вокруг все было мирно, ничего необычного, и он невольно сам поверил, что стал жертвой пустых страхов. Так ему скоро, как в детстве, станут мерещиться пучеглазые оборотни под кроватью!.. Он с сомнением покачал головой. Но чувство тревоги упорно не желало оставлять его.

Но вот наконец был допет последний гимн обряда, павшим обещана милость Митры в его светлых чертогах, где они обретут вечное блаженство и славу... Один из жрецов выступил вперед и, вытянув ритуальный кинжал из ножен, что висели у него на груди, опустил перед королем на колени.

Вилер протянул руку к клинку.

Верховный жрец Декситей начал подниматься на возвышение, где стоял бык, готовясь, приняв нож из рук короля, пролить священную кровь в подставленную янтарную чашу.

И в этот миг все тело жреца, стоявшего перед королем на коленях, вдруг как-то странно выгнулось, точно его били судороги. Он согнулся пополам, точно неведомые силы пытались завязать его узлом — а затем, распрямился, подобно натянутой до отказа тетиве. Рука его с обнаженным кинжалом взмыла вверх...

Но что это? Валерию показалось... Нет, он готов был поклясться, что неведомый жрец борется с ритуальным ножом. Он прищурил глаза. Нет! Это не ритуальный нож — тот прямой с простой ручкой, а этот искривленный, словно туранский ятаган.

Вот оно! То. Чего. Он. Боялся. Пришло!

В клинок словно вселился демон, он рвался к груди короля, разрезая в кровь руки несчастного жреца, кромсая его ладони, точно взбесившийся пес. Валерий почувствовал, как струйки холодного пота потекли по его спине.

Магия! Черная магия! Клинок заколдован. Но как такое могло случиться здесь? В святилище Митры?

Он закрыл глаза, и в его ушах зазвучал глухой голос лесной колдуньи.

...Колесо Рока сомнет тебя, словно былинку! Ты изощришься из чаши скорби, и сотворенное тобой изменит рисунок созвездий, растворит бездны мрака и выпустит Тьму...

Клинок дрожал, будто конь после дикой скачки. Он выписывал в воздухе замысловатые фигуры, вода тонкой рукой жреца и в могильной тишине Валерий отчетливо расслышал, как гудит его вибрирующее лезвие.

Принцу казалось, это длится самую вечность. Но в действительности все продолжалось доли мгновения. Никто из них не успел опомниться — ни жрецы, вырванные из молитвенного транса, ни давно переставшие следить за обрядом придворные.

Казалось, он единственный видел, что произошло.

Медленно, мучительно медленно плыл кинжал к груди ваянносца. Он тянул за собой жреца. Сейчас тот не выдержит, разожмет порезанные пальцы и...

В этот миг лезвие кинжала ослепительной молнией блеснуло во мгле ранних осенних сумерек, что уже спускались над храмом. Блеснуло. И тут же погасло.

По самую рукоять влившись в незащищенную грудь короля.

Вилер зашатался, размахивая руками, подобно раненой птице, заклекотал хрипло... и кровь фонтаном брызнула в жертвенную чашу из янтаря, с золотым орнаментом, с двумя протуберанцами вместо ручек.

Заклание произошло. Жертва принесена.

Скребя слабеющими пальцами камень алтаря, правитель Армении начал медленно сползать на землю. И,

преодолев наконец охватившее его оцепенение, Валерий бросился вперед.

— Дядя! Дядя! — закричал он что есть силы.

Он налетел на бегу на кого-то и отшвырнул человека прочь, лишь потом сообразив запоздало, что то был убийца. Краем сознания он отметил, что тот весь залит кровью, и даже веки и губы его запыляны алым, но в тот миг он не отдавал себе отчета ни в чем, видя перед собой лишь падающего короля.

Еще шаг — и Вилер рухнул прямо в его объятия.

Мир для Валерия остановился, он не слышал криков вокруг, ни топота бегущих на подмогу гвардейцев, ни истошных воплей жрецов и вельмож. Вселенная замерла, — или скорее, сам он выпал из ее коловращения, застыв в непроницаемом коконе, сотканном из немого ужаса и отчаяния. Ибо лицо короля было смертельно бледно, посиневшие губы едва шевелились, и слабеющая рука прижималась к груди, где стремительно расплывалось пятно крови, траурным багрянцем окрашивая белизну королевского одеяния.

Но не это так потрясло принца, хотя волна скорби затопила душу его при виде умирающего монарха. Он замер при виде оружия, что оставил в ране неведомый убийца. Валерий не знал, кто был этот злодей, но сам клинок был отлично знаком ему.

Это был тот самый кинжал, что привез он из Хаурана.

В горестном недоумении он поднял голову, озираясь потерянno по сторонам, словно пытаясь хоть в чьем-то взгляде отыскать ответ или поддержку...

Но встретил лишь взгляд сливовых глаз белого жертвенного быка, печальный, всеведущий и бессильный.

Аой.

ВРЕМЯ ИСПОВЕДИ

Он шел через красную пустыню. Колющий песок струился по верхушкам бараханов. Песок был везде — куда ни кинь взгляд, а у линии горизонта зыбучая гладь сливалась с палющим маревом неба, на котором ползли бурые облака, напоминающие слепцов, бредущих гуськом. Солнца не было видно, да и существовало ли оно в этом мире, он не знал. Во всяком случае, ничто не напоминало о нем. Небосвод был рыж, словно разлитая олифа, и если напрячь глаза,

на нем можно было разглядеть мелкие трещинки, похожие на паутину.

Удивительно, что он не чувствует жары. Ведь в пустыне должно быть знойно... Но здесь отчего-то не горячо босым ногам, и от суховея не саднит в груди. Где он? Может, это Серые Равнины? Если так, то врут жрецы! Они не серые, а красные, как обожженная глина... Но, если здесь пристанище заблудших душ, значит, он умер и по бескрайним пескам бредет, спотыкаясь, не его брэнная оболочка, а лишь то, что осталось от нее. А тело, его худое синошное тело, осталось гнить в сыром черноземе того страшного мира...

Как хорошо, что он один.

И никого рядом.

Не видно лживых глаз, похотливых губ, жадно раздувающих ноздри и смердящих ртов.

Один.

Один!

Боги, как это великолепно.

Пусть он наказан и обречен вечно бродить среди этой бескрайних песков, но, право, это куда лучше, чем жить: перемалывать гниющими зубами жилистую пищу; наскоро испражняться, опасаясь нескромных взглядов черни; рукоблудить, мечтая об упругом свежем теле самки, а обретая его за мелкую монету, морициться от едкого пота и пронзительного запаха разбуженного чрева; и погрузаться в забытие без сновидений.

Что, по сравнению с этой жутью брести без цели, наслаждаясь самой мыслью о бесконечности пути и отсутствии конца дороги?

Это — благо! Благо, что даровали ему великодушные небожители...

Ораст пришел в себя от боли. Боль была так велика, так необъятна, что охватывала всю Вселенную, точно неведомая сила перенесла его в мир, целиком состоящий из страданий, и растворила в его бескрайности.

Боль причиняло все. Его тело, которое больше не было его телом, ибо оно предало его, отказалось повиноваться, совершив то, чему противился рассудок и сердце. Телобийца! Но почему же тогда он чувствует боль этого чужого тела? Что за чудовищная несправедливость!

Значит, он жив? Боги посмеялись над ним, показав ему иные миры, и тут же задернув занавес с ловкостью

ярмарочного кукольника, как видно, лишь затем, чтобы усугубить его страдания в этой юдоли скорби. Они швырнули его обратно своего могучей дланью, как куражливый, напитанный вином крестьянин швыряет оземь слепого кутенка.

Орасту хотелось плакать — и лишь тогда он ощутил, как болят его глаза. На общем фоне эта частная боль показалась сперва мелкой, незначительной, но теперь, когда он сосредоточился на ней, сделалась огромной, невыносимой, палящей. Глаза его горели огнем, точно костры зажглись под веками, которые движимые чуждой волей пальцы омочили кровью убиенного короля. Ему казалось, пламя выело зеницы... Он уверился в этом, когда понял, что слеп. Перед глазами его была тьма.

Но боль становилась сильнее. Он не верил, что такое возможно — но она нарастала.

Внезапно Ораст понял, что лежит на чем-то жестком — должно быть на земле, и удары сыпятся на него, словно спелые яблоки на дно корзины. Его избивают, пронеслось в голове. Но это почему-то не вызвало ужаса. Слово все это происходило с кем-то другим. Его бьют, как тогда, на бельверусской улочке!

Образы, почти стертые из памяти, зареяли роем разбуженных ос. Кажется, тогда его обманул кто-то смуглый и кривоносый? Уж не лудильщик ли? Да, лудильщик. Его обожженные, потрескавшиеся пальцы готовят сплав для полуды, смешивая пять частей олова с тремя частями свинца. Потом трут золой медный таз, травят едкой кислотой, нагревают на углях, наливают расплавленное олово и натирают паклей. Лудить — это гадко. Так щиплет в носу от кислоты и нагретой меди. Как этот бородач мог выбрать столь мерзкое ремесло. Милые хозяйки, приносите нам свои булавки, колечки, цепочки! Мы сделаем все, что надо... А ты кто? Я тоже лудильщик! Маленький подмастерье коренастого гандера. Постойте, но он не лудильщик — он злодей! Но почему тогда кричат, что злодей — я? Нет, не я злодей, не я! Лудильщик злодей, лудильщик! Держите его! Он унес мои денежки... Держите... Держите... Ну почему же вы не бросаетесь за ним в погоню? Я прошу вас, догоните злодея. Нож? Какой нож? Мой нож? Нет, это не мой, я нашел его в лесу, под ракитовым кустом. В том лесу, где бродит слепая колдунья, которая посулила мне Силу. А я поверил!

Что вы говорите? Громче, громче! Я ничего не слышу. Ах, меня опять обманули? И что теперь? Теперь меня хотят убить! Потерпеть? Конечно потерплю, я привык... Сейчас удары тяжелых сапогов разобьют лицо, переломают ребра, разнесут череп...

Жрец открыл рот, чтобы закричать: «Быстрее! Добивайте быстрее!» И понял, что нем.

Лишь мычание вырвалось из разбитых губ. Губ, которые движимые чуждой волей пальцы омочили кровью убиенного короля.

В одно краткое мгновение картины прошлого пронеслись перед ним. Слова Марны: «Омой в крови руки, что касались страниц Скрижали, очи, что читали заклятья, уста, что творили их — и ты будешь очищен, и Книга станет принадлежать тебе...» Миг, когда он опустился на колени пред венценосцем, движимый раскаянием и любовью, а встал убийцей, сделавшись бездумным вместилищем смертоносной силы.

Он увидел, словно со стороны, как тянутся его пальцы, запятнанные кровью короля, и касаются губ его и глаз, и всепожирающий огонь охватывает их.

Охваченный ужасом и очаянием, Ораст хотел закричать — но крика не было у него.

—...Уберите же наконец эту падаль, пока его не забили до смерти! — крикнул храмовым стражам Альвий, в последний раз ткнув ногой бездыханное тело, распростертое на земле. — Принц Нумедидес велел, чтобы убийцу доставили во дворец живым. Палач развяжет ему язык!

Двое гвардейцев, растолкав толпу, подхватили Ораста за ноги и поволокли прочь. Придворные, жрецы, челядь и солдаты, застывшие в немом оцепенении, проводили их взглядами. Внезапно рассеялось безумие, овладевшее ими, когда они, точно стая гиен, накинута на убийцу, норовя побольнее пнуть, ущипнуть, ударить, причинить боль любым способом, лишь бы выместить ярость и страх, при этом стыдливо отводили глаза, стараясь не смотреть друг на друга.

На их глазах свершилось страшное. И, как могли, они отомстили за пролитую кровь. Но почему же теперь так тревожно было у всех на душе? И почему предчувствие не оставляло их, что кровь владыки Аквилонии станет лишь первой каплей в грядущем бескрайнем потоке...

* * *

Король Вилер, бледный от потери крови, возлежал на узком жестком ложе в гостевых покоях в южном приделе храма, куда жрецы отнесли его на поспешно сооруженных из плащей носилках. Правителя укутали в меховые покрывала, ибо могильный холод подбирался уже к его членам; три жаровни источали жар в изножии постели и по бокам, так что четверо лекарей, храмовых и придворных, суетившихся вокруг со своими целебными мазями, притираниями и отварами, не успевали утирать пот, крупными каплями стекавший у них по щекам; — но король по-прежнему жаловался на озноб.

Впрочем, вскоре он затих, потеряв сознание, — и Валерий, немало на своем веку повидавший подобных ранений, понял, что очень близок тот миг, когда правитель вообще перестанет чувствовать что бы то ни было. Маска смерти, — серая, восковая — уже легла на лицо короля, черты его заострились, запали глаза... Никто, в том числе и сам Вилер, должно быть, не сомневались в том, каков будет конечный исход. И продолжавшаяся суета была скорее данью растерянности и страху, нежели истинному упорству. Король с первого мгновения сознавал, что проиграл эту последнюю в своей жизни битву.

Хауранский кинжал по-прежнему торчал у него в груди.

Поначалу это вызвало немало жарких споров среди лекарей, и если бы Валерий не пресек их ревнивых пререканий, должно быть, они до сих пор не сдвинулись бы с места, продолжая обмениваться колкостями и шпильками в адрес друг друга. Впрочем, от них и сейчас было немного проку.

«Если стану королем — первым делом разгоню все эти соперничающие школы. Шуму будет меньше, а пользы все равно никакой...» — сказал себе Валерий, наблюдая за тем, как суетятся вокруг ложа умирающего четверо лекарей в традиционных серых туниках своей гильдии. Ментально он осекся, поражаясь, как могла прийти в этот скорбный миг столь неуместная мысль... Но, как ни старался, подобающие случаю думы так и не шли на ум. Он не мог понять, откуда такая пустота в душе.

Все же перед ним был король Аквилонии, его ближайший родич, человек, заменивший ему отца, — но, глядя на него, он не мог заставить себя ощутить ровным счетом ничего. Никакого сердечного трепета, ни сочувствия, ни печали, ни даже страха. Он говорил себе, что то, что

происходит в эти минуты, изменит будущее всей огромной державы, не говоря уже о его, Валерия, личном будущем; что, в какой-то мере, с Вилером уходит целая эпоха; что умирает единственный человек в этом мире, который по-настоящему любил его и за него тревожился... но то были лишь пустые слова. Они не находили отзвука в сердце, и чем больше повторял их Валерий, тем меньше верил в то, что твердил сам себе.

Он преисполнился досады, — на себя самого за необъяснимую, постыдную бесчувственность; на болванов-лекарей, что не могли дать великому правителю отойти спокойно в светлые чертоги Митры, отравляя своей суетой и земными страстишками последние мгновения его в брэнном мире; на Нумедидеса, что необъяснимым образом исчез, сразу после того как жрецы перенесли раненого короля в храм, оставив Валерия охранять правителя от докучливой заботы придворных, точно он был цепным псом, а кузен — его хозяином, неведомым каким образом присвоившим себе право распоряжаться им по своему усмотрению...

Но Нумедидес, видите ли, считал своим долгом разобратся сперва с пойманным злодеем. Схватить того не составило труда — он, кажется, даже не пытался сопротивляться, и потому Валерий не мог понять, что задержало кузена так надолго. Он давно мог бы отдать необходимые распоряжения и вернуться сюда, на тот случай, если перед смертью дядя пожелает сделать какие-то распоряжения. Проклятье! Нумедидес должен был быть здесь, с ним!.. Подозрение, что кузен его, воспользовавшись всеобщим замешательством, замышляет что-то недоброе, переросло в непоколебимую уверенность.

Раздражение его нарастало с каждым мгновением, пока Валерий не ощутил наконец, что еще немного — и он сорвется. Мучительно хотелось выпить... но нигде поблизости не было видно вина, а искать на глазах у лекарей было бы нелепо. Он так и не нашел в себе сил сдвинуться с места, стоя в углу комнаты, почти невидимый в густой тени.

Неожиданно один из врачей, которому, видно, понадобилось что-то в его стороне, скользнул мимо, но, не рассчитав, задел принца локтем. Торопливо поклонившись и пробормотав какие-то извинения, он отпрянул, — но его неловкость словно дала принцу силы действовать. Протянув руку, он схватил лекаря за ворот туники и зло потрянул его, притягивая к себе.

— Ты что, не можешь смотреть, куда идешь, раб?

Врачеватель испуганно воззрился на него. Лицо принца было бледно; глаза, сузившись, превратились в острые бритвы; губы побелели и напряглись. Казалось, еще немного, и приступ бешенства охватит его, и подобно сержантам-берсеркам, он пойдет крушить все вокруг, не разбирая правых и виноватых, охваченный священным безумием Имира... Лекарь попытался отодвинуться, но Валерий железной хваткой удерживал его. Дрожащим голосом он забормотал:

— Прошу простить меня, господин! Прошу простить... Я не хотел...

— Ты поплачешься за это, — нес!

В душе Валерия клокотала ярость. Она захлестнула его внезапно, совершенно, кажется, беспричинно, и он, всегда столь тщательно старавшийся контролировать свои поступки и настроения, с наслаждением приготовился отдаться ей, и распял сам себя, дабы злость захлестнула его целиком, не оставляя места ни для каких иных чувств, мыслей и сомнений.

— Ты ответишь за свою дерзость, негодяй!

Он с удовлетворением отметил, как побледнел и съежился несчастный лекарь, как притихли в своих углах трое его коллег, настолько напуганных неожиданным гневом принца, что даже выражение злорадства стерлось с их лиц... Как вдруг слабый шепот, прерывающийся и хриплый, донесся с королевского ложа:

— Пусть они уйдут, Валерий.

Принц застыл. Пальцы разжались, и тощий лекарь, утирая пот со лба, не веря в столь чудесное спасение, бросился прочь. Валерий, приблизившись, склонился над повелителем.

Тот неожиданно пришел в себя. Руки, серые, костлявые, с набухшими сизыми жилами, конвульсивно сжимались у горла, на синюющих губах выступила пена, — но когда старший из лекарей попытался поднести к лицу короля тряпицу, смоченную каким-то настоем, тот отвернул голову.

— Пусть они уйдут!

Валерий замер в нерешительности. Ярость его против лекаря улеглась мгновенно — более того, он тут же позабыл о ней — однако разумно ли было лишать повелителя пусть и столь ненадежной помощи? Однако, словно ощутив его замешательство, Вилер чуть заметно улыбнулся.

— Ерунда, племянник. Уж мы-то с тобой знаем... Мне уже никто не поможет, кроме, разве что, служителей Митры.

— Вы хотите, чтобы я позвал жрецов?

Но король лишь слабо покачал головой.

— Нет. К чему — раз уж мне вскоре придется предстать перед самим Пресветлым. Какой прок от посредников? — На губах вновь мелькнуло жалкое подобие усмешки. Нет... Только с тобой я буду говорить сейчас, принц. Только с тобой. Мне многое нужно тебе рассказать.

Валерий в сомнении взглянул на лекарей, словно опасаясь, что те попробуют вмешаться и заявить свои права на умирающего, — но они уже пятились к выходу из комнаты, прибирая на ходу свои бесчисленные горшочки, баночки и ступки с травами. Казалось, они и сами рады были, что представилась наконец возможность ретироваться, не посрамив чести цеха и собственного достоинства... Валерий остался наедине с королем.

Некоторое время они молчали. Принц не знал, что сказать. Правитель, похоже, собирался с силами. Но вот он шевельнул губами — однако слова, что слетели с них, показались Валерию совершеннейшей нелепицей, так что сперва он даже решил, будто Вилер бредит. Однако взор короля был ясен, и казалось, он чувствует себя куда бодрее, чем прежде, так что у принца даже зародилась надежда.

— Вовремя я отдал ему Зверя, — прошептал король, и Валерию показалось, тот почти улыбается. — Хоть о нем будет кому позаботиться... — И, заметив недоуменное выражение принца, лукаво подмигнул ему. — Не бойся, племянник, я не брежу. И не собираюсь уходить к Митре — по крайней мере, пока не очищу перед тобой душу... И да поможет мне Пресветлый!

Теперь Валерий видел и сам, что король и впрямь пришел в себя. Даже щеки его порозовели, — хотя то вполне могло быть признаком предсмертной лихорадки, о чем говорили и неестественно блестящие глаза раненого, и его торопливая речь. Однако король, его господин и повелитель, желал говорить с ним перед смертью. И как верный подданный и любящий родич, принц не мог перечить ему.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

Неожиданно улыбка сошла с лица короля, и суровое выражение его напомнило вдруг принцу лики древних

каменных истуканов, жестоких и преисполненных неземной решимости.

Но еще сильнее поразили его первые слова короля.

— Я ни в чем не виню тебя, мой мальчик. — Боги! сколько лет он уже не называл его так!.. — Прежде всего, я хочу, чтобы ты помнил это — я тебя не виню.

Он хотел спросить — но не смог найти слов для вопроса. Хотел возразить, ощущая инстинктивно, что его в чем-то обвиняют, но не знал, в чем, и чувствовал, что оправдываться было бы равносильно тому, чтобы фехтовать с пустотой. К тому же, почтение к умирающему сковало его уста. Однако король, похоже, его молчание принял за признание вины и продолжил, устало опуская посеревшие веки:

— Да, я знал, что это должно случиться. И я даже рад, что все кончилось именно так. Рад, что умру от твоей руки. Ибо тогда, представ наконец перед Светлейшим Митрой, смогу сказать ему, что все счета на земле оплачены мною, и долгов не осталось...

Смысл этих слов даже не сразу дошел до Валерия — но затем ледяной ужас сковал его. Так значит, король был уверен, что он направлял руку убийцы?! Но как?.. Почему?.. Он был настолько поражен, что даже не нашел в себе сил протестовать. Лишь взгляд его оставался намертво прикован к изукрашенной неведомым орнаментом рукояти хауранского кинжала.

Король поймал направление его взгляда и на мгновение нахмурил брови; впрочем, почти сразу же лоб его разгладился и лицо просветлело удивительно, точно происходящее доставляло правителю скрытое удовлетворение.

— У нас мало времени, и сил остается все меньше, — прошептал он Валерию. — И я рад, что слабость моя так велика. Иначе, возможно, сомнения и страх помешали бы мне исполнить мой долг... Но теперь — слишком поздно для этих суетных мыслей. Я должен рассказать, как виноват перед тобой, мой Валерий.

И король начал рассказ.

* * *

— Это было много зим назад. Еще до того, как ты родился. Многое из того, что я хочу тебе поведать в дворцовых хрониках, но есть немало и такого, что хранится в потайных уголках моей памяти.

Чувствуя близкую кончину, твой дед — король Хаген, разделил Аквилонию на трое. Он решился на этот шаг, дабы не сеять рознь между наследниками. Почему он сделал это — для меня оставалось загадкой. Митра не подарил мне сыновей и, не изведав радости отцовства, я так и не сумел понять, что двигало им — хотел ли он уйти с миром в Небесные Чертоги или пал жертвой любви к собственным детям.

Он умер на моих руках. И, должно быть, перед успехом ужаснулся содеянному, ибо последние слова его, обращенные ко мне были: «Сын мой, сохрани Аквилонию!» Я закрыл его глаза, но услышанное не переставало жечь мне сердце. Тогда я отправился в Гандерланд, к известному Эльмийскому оракулу, надеясь обрести истину, а скорее, чтобы увериться, что выбор мой истинен и боги одобряют его. Не буду пересказывать, что поведал мне оракул — там было много и хорошего, и дурного, но я понял одно — мне предназначено укрепить державу, расширить ее от зеленых полей Офира до заснеженных пиков Ванахейма.

Не зря король Хаген ушел в мир иной, возложив на мои плечи груз несделанного.

Он боролся за страну до последней минуты. Даже лежа на смертном одре, он нашел в себе силы отдать приказ об основании форта Венариум. Тебе известно, что за судьба постигла эту аквилонскую цитадель. Слава Митре, что отец мой не увидел того позора, что довелось испытать Аквилонии, когда орды варваров усеяли бескрайние северные пустоши костями аквилонского рыцарства...

Разделенная страна хирела на глазах. Уже точили мечи офиры, немедийцы и аргосцы. Но что я мог? Как дерзнул бы лишиться власти своего брата и сестру? *Законной* власти, что была завещана нам всем усопшим владыкой? Не идти же войной на них, не обескровливать державу междоусобицей!

Но оракул не лгал. Боги помогли мне. Может, за то, что я щедрой рукой возводил алтари Митре, искореняя капища Асуры. Или за то, что сердцем своим радел за отечество, мечтая сделать его империей столь же могущественной, как древняя Валузия, во времена владычества легендарного короля Куллом. Признаюсь тебе, племянник, по молодости я бредил подвигами этого древнего героя, а желание походить на него было столь сильным, что я

мечтал поместить на будущий герб обновленной державы исконные цвета Валузии — черный, пурпурный, зеленый...

Черный. Пурпурный. Зеленый.

Валерий вздрогнул. Ледяной пот потек по его лицу.

«...наконечник его был из обсидиана, а оперение трехцветным — черным, пурпурным и зеленым. Черный же, по древнему обычаю, означает исполненную месть».

Эти слова Троцера, сказанные им в ту грозовую ночь, грянули громом в его ушах, будто все аквилонские колокола зазвонили разом.

Но глаза короля были полузакрыты. Он не мог видеть, как переменялся в лице племянник. Лишь поморщился от невыносимой боли и продолжил:

— Ты должен знать, что моему брату Серьену по жребию достался Тауран, куда он и удалился, вместе со своей супугой Госвинтой. И спустя пять зим появился на свет темноглазый крепыш Нуми. Сестра же Мелани, которая приняла после венчания и коронации имя Фредегонда, счастливо жила со своим супругом герцогом Орантисом Антуйским, твоим будущим отцом.

Прошло несколько зим, и случилось страшное. Твоя мать, а моя сестра Фредегонда запятнала честь королевской семьи, продав душу силам Тьмы, за что Змееголовый Сет наделил ее магической силой. До сих пор я скорблю о том, что Фредегонда пала так низко, что воспользовавшись доверчивостью маркграфа Серьена, предупредила своего учителя злобного шамарского чернокнижника Каледиуса, что слуги Митры, которыми командовал маркграф, намереваются покарать его за все то зло, что принес он аквилонскому народу.

Мерзкий колдун бежал.

А когда Серьен прознал о бесчестном поступке нашей сестры, то страшно разгневался и поведал достойнейшему Орантису о том, что жена его потворствует приспешникам Зла. Что произошло между ними после этого разговора, не ведает никто, но маркграф после того дня объезжал Шамар стороной. Между ним и Антуйским Домом пролетела черная птица раздора. Не прошло и двух лун, как брат мой скончался. Все считали, что маркграф умер от разрыва сердца, однако я, зная, что он был крепким мужчиной и отважным воином не поверил этому и самолучно прибыл в Тауран, дабы доискаться до правды. Допросив слуг, я узнал, что накануне с визитом к мар-

кграфу прибыл посланник от твоего отца. То был наставник Гретиус...

На скалах Валерия заходили желваки. Он вспомнил усохшую фигуру жреца в колеснице и взбешенного Нумедидеса, замахивающегося на него мечом.

Вилер взглядом попросил Валерия подать ему бокал с целебным настоем и, морщась от боли, приподнялся и сделал глоток. Лицо его порозовело, он осторожно лег и он вновь заговорил:

— Злые языки говорят, что я преступил все законы, божеские и человеческие, когда вновь по кускам собирал Аквилонию. Но теперь ты знаешь — такова была предсмертная воля владыки Хагена. Мне известно, что вот уже почти тридцать зим за спиной моей судачат о том, что это по моему приказу отравили Серьена. Да, мой мальчик — брат действительно был отравлен. Бокал, куда подсыпали яд, лежал подле его тела. Мои лучшие врачи изучили остатки вина в фиале, и все как один сошлись во мнении, что туда был подмешан отвар цикуты. Но это сделал не я, клянусь тебе! Мне нет смысла лукавить перед смертью.

Я подкупил одного из шамарских слуг, и тот выведал, что Гретиус перед дорогой о чем-то долго шептался с твоим отцом и ушел от него, звеня туто набитым кошельком. Ему вторила служанка, с которой блудливый жрец пытался заигрывать. Испуганная девушка созналась, что видела, как Гретиус накормил дворового пса куском мяса, а когда несчастное животное стало корчиться в предсмертных судорогах, довольно потирал руки. Все это говорило о том, что отраву жрецу дал не кто иной, как твой отец — граф Орантис. Он безумно любил твою мать и боялся огласки, будучи уверен в том, что маркиграф Серьен обнародует всю правду о ее грехопадении, и ему придется отдать свою юную жену в руки митрианских дознавателей, которые обрекут ее на мучительную смерть на костре.

Я не мог обвинить герцога Антуйского.

Он рассмеялся бы мне в лицо, ибо я не имел на руках ничего, кроме своих догадок. Гретиуса я тоже не тронул. Он доводился племянником Альгиусу, тогдашнему Верховному жрецу, а я не хотел ссориться с духовенством, решив, что сам Солнцеликий должен покарать своего неверного слугу. Жрец вернулся в Шамар и, насколько мне известно, был твоим наставником до тех пор, пока ты не вступил в пору отрочества. Я знаю, что твой меч

настиг его грешную душу. Нумедидес поведал мне об этом. Я рад, что возмездие настигло этого пса...

Валерий жестко усмехнулся.

Нумедидес. Все тот же коварный Нумедидес.

Оказывается, он давно вынашивал свои злобные планы.

Он вспомнил, как меч его кузена коснулся морщинистого лба жреца, как кровь тонкой струйкой стекала по его лицу, и передернул плечами. Теперь он жалел, что не покарал жреца сам, но отнюдь не за то, что когда-то тот подмешал цикуту его дяде. Нет, его стоило убить за другое! За то, что он, как последний вор, украл оберег Кулла, принадлежащий его отцу. Талисман в виде солнечного диска с лучами попеременно прямыми и искривленными. Тот, что коварный жрец похитил, когда относил потерявшего сознание ребенка в мастерскую ювелира Жамеса.

Не укради жрец амулет, его отцу не пришлось бы беззащитным идти на поле брани. И как знать, может, талисман сберег бы его жизнь, и герцог Антуйский сейчас стоял бы рядом с ним. И мать его не бросилась бы от горя в воды Тайбора. Подумать только, жизнь могла бы стать совсем другой.

Глаза принца увлажнились. Он отвернулся, чтобы не показать своей слабости. Валерию сделалось стыдно — смертельно раненный король стойко переносит тяготы, а он ведет себя, словно нервная придворная дамочка.

— Я поклялся отомстить за безвинно погибшего брата, — продолжал Вилер. — Отомстить за смерть маркиграфа Серьена, который пал жертвой, прости мой мальчик, безумной страсти твоего отца к твоей матери. Неотмщенная кровь брата жгла мне сердце. Я долго вынашивал план мести, хорошо зная, что герцог не расстанется со своим фамильным оберегом, дарованным его предкам аколитами Пресветлого, как говорят даже самым таинственным Учителем, который обитает где-то на вершинах Кензанкийских гор.

Я не знаю, правда это или нет. О талисмане ходило много легенд. Говорили даже, что это Оберег самого Кулла. Я перерыл все древние манускрипты, пытаюсь отыскать какие-нибудь сведения об этой волшебной вещи.

Но тщетно!

Нигде ничего не говорилось ни о Воинах Митры, ни о талисмане владыки Валузии, и я понял, что это тайна, покрытая мраком. Однако, мне удалось выяснить, что талисман этот оберегает лишь от металлов. Об этом мне

сказала сама Мелани. Не помню, почему вдруг зашел разговор на эту тему. И я понял, как надо действовать.

Я смастерил стрелу. Сам, своими руками. Приладил к древку обсидиановый наконечник. А оперенье сделал трехцветным: черным, зеленым и золотым. В память о древней Валузии, чей образ всегда служил для меня примером. Оставалось найти того, кто смог бы отомстить за меня. Не мог же я сам мчаться в Венариум и выпцеливать Орантиса. Я долго колебался и взвешивал все «за» и «против». Наконец выбор пал на одного из моих верных друзей, кто был готов отдать за меня жизнь и кто, я знал это, унес бы страшную тайну с собой в могилу.

Это был барон Тиберий!..

Валерий вздрогнул. Боги, как все переппелось в этом клубке страстей. Тиберий. Владелец Амилии. Старый воин, которого он уважал за мудрость и отвагу, с чьей дочерью сплетался в жарких объятьях. О, Митра, за что ты меня так наказываешь?!

— Тиберий с честью выполнил свой вассальный долг перед сюзереном. Твой отец пал на поле боя, сраженный его метким выстрелом. Так я отомстил за брата. Ты спросишь, почему я дожидался битвы при Венариуме? Что мешало подослать Тиберию в Шамар? Я чтит отвагу герцога Антуйского, и мне не хотелось, чтобы он погиб от умело выпущенной стрелы в своем поместье, словно тетерев, подстреленный охотником.

Пусть он погибнет, как воин, на поле боя, решил я. Если я не имел права сохранить ему жизнь, то должен был позаботиться хотя бы о чести герцога. Этой цели я достиг. Теперь все почитают владыку Антуйского Дома как героя, павшего за свободу державы.

Твоя мать до самой смерти не знала, как погиб ее муж. Поговаривали, будто твой отец пошел на поле боя без оберега. Мне это странно слышать — я знаю, он никогда не расставался со своим талисманом. Но об этом мне рассказывал граф Троццо. Пуантенцу я верю, он горд и вспыльчив, но честен и предан короне! Видно, поэтому наши отношения с твоей матерью оставались прежними.

Она, радуя за единую и неделимую Аквилонию, передала мне шамарские земли и даже подарила мне Оберет Кулла, говоря, что тревожится за мою судьбу и надеется, что талисман спасет меня от злой напасти. С тех пор я не пропускал ни одной заварушки, в бою лез в самое пекло, но ни разу даже не был ранен. Чудесный амулет

даровал мне неуязвимость. Но, видно, я сильно прогневал Подателя Жизни, если он снял свои чары и дал кинжалу безумного жреца пронзить мне грудь...

Вилер тяжело задыхался. Валерий, опасаясь, что король умрет, так и не досказав свою историю, бросился к нему, но венценосец чуть покачал головой, отвергая его помощь.

— Не стоит, мальчик мой, — промолвил он ласково. — Я почти все рассказал тебе и теперь смело могу взглянуть в глаза нашего Покровителя. — Он посмотрел наверх, туда, где на храмовом своде был начертан солнечный диск и лучи, окаймлявшие его, были попеременно прямые и извилистые.

— А моя мать, — воскликнул Валерий, — что стало с ней?

Король усмехнулся уголками губ.

— Тиберий обвинял меня в смерти сестры. Я даже отлучил его за это от двора. Митра свидетель — я не причастен к гибели моей возлюбленной сестры. Говорили, что Митра покарал ее за чернокнижие, и повелел волнам Тайбора стереть гнездо Тьмы с лица земли. Так или нет, я не знаю. Скажу лишь одно — больше я никогда не видел Фредегонду. Я давно оплакал ее гибель, зная, что она погибла в бурных волнах...

Он чуть сжал губы, чтобы превозмочь боль.

— И последнее, принц Валерий! Знай, я не осуждаю тебя за содеянное! Мне ведомо, как месть, словно червь-древоточец, грызет душу. Я пока еще король и могу казнить и миловать. Так вот, мой мальчик, знай, что монарх Аквилонии отпускает тебе грехи и признает, что месть твоя Тиберию и Гретиусу была справедливой. Я знаю, что ты направил ко мне жреца и вложил свой кинжал в его руку. И это я также тебе прощаю! Ты покарал убийц своего отца, и ты имел на это право.

И теперь я так же, как некогда Хаген, говорю тебе — сохрани Аквилонию!

Ты, и только ты должен воссесть на Рубиновый Трон. Не знаю, как докопался ты до правды, но всеми своими деяниями ты доказал, что умеешь постоять за свою честь, а раз так, значит, сможешь постоять и за честь державы!

Кликни герольдов, я хочу объявить им свою волю и назвать тебя своим преемником!

Валерий горестно усмехнулся. Он становился королем благодаря роковому стечению обстоятельств. Но что сказал бы монарх, если бы узнал, что все это не имеет к

принцу никакого отношения, и кто-то другой, не он, выполол сорную траву на хайборийской подворье? Ему вдруг захотелось выпалить это в лицо Вилеру, отравить ядом досады его последние минуты. Вот воистину была бы достойная месть за смерть отца!

Но он не сделал этого.

Он еще раз взглянул на восковое лицо Вилера, и у него перехватило горло от подступающих рыданий. Что его мелкие воспоминания перед этой вселенской трагедией! Ни Орантиса, ни Фредегонду уже не вернуть... Признаться, он их совсем не помнил, а Вилер, тот самый король Вилер, что заменил ему отца, лежал перед ним на смертном одре, и последние жизненные силы вытекали из него, как вода из клепсидры.

Может, кликнуть чернокнижников и молить их, чтобы вернули жизнь королю? Но здесь обитель Митры...

К Эрлику тогда Митру, если он не хочет продлить жизнь владыке Аквилонии! Какой же он Бог Справедливости, если равнодушно взирает на то, как гордость Хайбории, жемчужина Запада катится на дно черной пропасти? Никто, кроме Вилера, не сможет удержать Рубиновый Трон! Ни он сам, ни его бесноватый кузен. Они могут лишь растратить все то, что уходящий монарх нажил годами, спустить добро, словно молодой повеса, что проматывает за игрой в кости отцовское состояние.

Король закрыл глаза, и теперь лишь его хриплое дыхание нарушало тишину шатра. Он что-то прошептал, и Валерий наклонился к самым его губам, чтобы услышать предсмертный шепот:

— Талисман! — прохрипел умирающий. — Оберег Кулла! Возьми его — он твой по праву!

Валерий осторожно снял с пергаментной шеи монарха волшебный амулет и, прищурившись, посмотрел на солнечный диск, окаймленный протуберанцами. Подумать только! Он держал эту вещь почти тридцать зим назад... Так вот где она нашла свое пристанище. А он-то гадал, куда делся оберег. Долгое время он думал, что эта магическая вещичка похоронена на дне взбунтовавшегося Тайбора.

Он бережно поцеловал короля в сухие веки.

— Благодарю тебя, мой король! — прошептал он. — Клянусь, что положу все силы, чтобы вернуть Аквилонии ее величие!

В душе принца звенела гулкая пустота. Стоя на коленях, он смотрел в лицо человека, заменившего ему отца.

В лицо убийцы. В лицо короля. И чувствовал лишь жалость к этому человеку, уходящему к Митре, отягощенному такими грехами, радость за него, ибо перед смертью он успел облегчить душу и раскаяться, и печаль, от того, что так тягостна и невыносима может быть жизнь человеческая, и ничего нельзя в ней поправить и изменить...

Шаги за спиной отвлекли его от невеселых раздумий. Он поднялся с колен, выпуская руку Вилера, которую все это время держал в своих ладонях — и очутился нос к носу со своим кузеном Нумедидесом.

— Хватайте его! — заорал тот с ходу, не тратя времени на вопросы и объяснения. — Хватайте убийцу короля!

За спиной его теснились придворные, сзади слышны были грубые голоса и приглушенная ругань — это Альвий отдавал приказы Черным Драконам. Валерий, пригвожденный к месту их ненавидящими взглядами, не мог даже пошевелиться. А Нумедидес скользнул мимо него к ложу и, склонившись над правителем, внезапно развернулся к своим приспешникам с торжествующим воплем:

— Вот! Взгляните! Что я вам говорил — это его кинжал!

В ужасе Валерий обернулся. Он хотел что-то сказать — но не смог выдавить из себя и звука. Нумедидес стоял, воздев руки. В правой он сжимал рукоять окровавленного кинжала. И Валерию не нужно было смотреть на Вилера, чтобы понять, что король мертв.

Последние слова, которые он услышал, были приказом его кузена, обращенным к гвардейцам:

— Заковать в железо! Содержать как злодея!

Аой.

ВРЕМЯ ИЗБАВЛЕНИЯ

Путь во дворец показался королевскому кортежу бесконечным.

Единственный из всех них, кто с легкостью оправился от потрясения, был, как ни странно, принц Нумедидес. Вот уж от кого никто не ожидал подобной прыти.

Он взял в свои руки бразды правления столь естественно, что ни у единого человека это не вызвало ни протеста, ни хоть тени недоумения. По его приказу был схвачен и под строгим конвоем отправлен во дворец таинственный жрец, убийца короля; он же распорядился об аресте своего кузена Валерия. Невесть откуда взявший-

ся отряд наемников, чей командир, синеглазый гигант-северянин, подчинялся только Нумедидесу, конвоировал преступника.

После короткого молебна, на который не был допущен никто из посторонних, бездыханное тело короля воюющие жрецы унесли в покои бальзамировщиков. Теперь его никто не увидит долгое время. В течение двух лун жрецы будут напивать прах венценосца ароматическими веществами, заворачивать в пропитанные мазями бинты и погружать в «бальзам Митры», дабы предотвратить разложение. И только после этого останки короля Вилер, а умащенные и подкрашенные, обряженные в виссонную мантию и погребальный венок из ветвей можжевельника, будут помещены в династическую усыпальницу.

Ошеломленные случившимся придворные, собрав скарб и бесчисленную челядь, стадом испуганных овец потянулись в Лурд.

Амальрик не уставал поражаться, наблюдая исподтишка за Нумедидесом. Откуда в этом ленивом, неповоротливом увальне такая власть, такая уверенность в себе? Перемены назревали постепенно — однако немедийский посланник лишь сейчас осознал, насколько далеко зашло преобразование.

Самому ему тихий внутренний голос, игнорировать советы которого он не привык, настойчиво советовал пока держаться в тени, не напоминая лишний раз о себе, однако же мало что из происходящего ускользнуло от бдительных серых глаз барона.

Он отметил и усиленный караул, что всю дорогу четверо дюжих всадников несли у наглухо зашторенной кареты, где везли Валерия, и необычную суровость и растерянный вид старших советников, и суетливые вполголоса переговоры Нумедидеса с теми из придворных, кто, как он знал, принадлежит к их заговору. С минуты на минуту он ждал, что, воспользовавшись удобным предлогом, наследник престола подзовет и его самого... однако этого не случилось. И в душе Амальрика зародилась смутная тревога.

Нет, он ничего не опасался со стороны Нумедидеса. Как бы ни осмелел тот и не расправил крылья за последние дни, он не столь глуп, чтобы не отдавать себе отчета в главном: в руках барона Торского основные нити заговора, вся масса соглядатаев, информация о положении в

столице и провинциях. Только он точно осведомлен о расстановке сил при дворе, о всех хитросплетениях тагантийской политики и прочих, таких значительных мелочах.

...А все же Вилер, выходит, не зря говорил о смерти. Предчувствовал недоброе, должно быть. Амальрик вздохнул. Воспоминания о покойном самодержце и о последней их встрече вызвали двойные чувства. Проницательность короля и, в какой-то мере, завещание, последняя воля, выраженная им в разговоре с бароном, немало смущали того. У него было чувство, точно он унаследовал фамильную драгоценность, на которой лежит древнее проклятие, — столь же прекрасную, сколь и смертоносную. И мысль об этом угнетала его.

Что сказал тогда ему Вилер? Стать врагом, что должен довершить разрушение Аквилонии? На первый взгляд, это как будто совпадало с потаенными планами самого Амальрика, которые старый король распознал со столь пугающей простотой... Однако же он сказал, что они лишь расчищают путь для новой силы, что придет им на смену и сметет их всех, точно могучим ураганом, — и как истолковать это предсказание, Амальрик не знал.

Разумеется, в словах короля было больше горечи обреченного и благих пожеланий, смелых, но невыполнимых, нежели реального прозрения, — и все же память о словах его не давала немедийцу покоя. На какое-то мгновение ему захотелось плюнуть на все, бежать из Аквилонии, предоставив эту Митрой проклятую страну собственной судьбе и неизбежной гибели... Однако то была лишь минутная слабость. Амальрик выпрямился в седле, обозревая кортеж.

Там мало что изменилось. Нумедидес, скакавший во главе, переговаривался о чем-то с черноволосым гигантом, капитаном наемников, внешность которого казалась Амальрику до боли знакомой. Лишь вспомнив свои недавние размышления, он догадался, что это Конан. Подумать только, он с трудом узнал его.

Хотя у варвара и прежде гордости было, хоть отбавляй, но теперь он и вовсе держался почти с королевским достоинством.

Вот какие воины ему нужны! Будь у Амальрика хотя бы дюжина таких, как киммериец, он и не стал бы связываться ни с какими заговорщиками, которых непре-

станно приходится опекать, словно малых детей. Да, с такими молодцами, как этот варвар, он взял бы с боем Тарантию за пару поворотов клепсидры! Досадно, что тот служит этому жирному болвану. В случае чего им придется быть врагами...

А в случае чего, собственно — одернул он себя. Что может случиться? Все идет так, как задумано ими с Марной. Ведь он сам прочил Нумедидеса на престол. И вот его планы претворились в жизнь. Толстый Нуми если еще и не король, то уже явно и не принц. Вон как отдает приказы. Видно, уже чувствует себя полноправным хозяином Рубинового Трона.

Но почему в руках жреца оказался кинжал Валерия? Знала об этом Марна или нет? Если знала, то почему ничего не сказала ему... Вряд ли это случайность. Здесь чувствуется рука Нумедидеса. Уж больно ловко все это подстроено.

Неожиданно Амальрик вздрогнул.

На миг ему показалось, что это не они с лесной ведьмой играют тучным принцем, словно марионеткой, а он ими. Он, или те, кто стоят за ним... Ведь вряд ли он сам мог все так тщательно распланировать. Слишком глуп.

Амальрик нахмурился. Но через мгновение расслабился.

Ты стал слишком мнителен, барон, сказал он себе. Неужели этот безмозглый слизень может верховодить тобой, одним из лучших умов Хайбории, и такой могущественной чародейкой, как Марна. Нет, точно он устал. Холодное обливание и полклепсидры физических упражнений — вот что вернет ему утраченное присутствие духа. Или нет, к Нергалу обливание! Лучше он по такому случаю выпьет кувшин вина. Самого лучшего, которое только найдется в его погребах...

Остальные придворные ехали в своих каретах, за исключением нескольких молодых заговорщиков из тех, что недавно окружали принца. Но и они теперь скакали порознь, не разговаривая между собой, но, судя по их уверенным, почти веселым, если бы не требованием траура, лицам, в разговор с наследником для них прозвучало немало приятных слов, и теперь они были заняты обмысливанием открывающихся перспектив. Это встревожило Амальрика еще больше.

На миг он едва не поддался желанию подъехать к принцу с требованием разговора, — но врожденное благоразумие возобладало. Возможно, Нумедидес не хочет афишировать свою дружбу с немедийцем при других придворных... в конце концов, это было не лишено смысла. Или просто играет в древнюю, как мир, игру, стремясь показать свою силу и независимость, чтобы добиться превосходства над собратом-заговорщиком. В этом также не было особой опасности. Амальрик был необходим принцу, если тот желал без хлопот и затруднений обрести аквилонский престол, и не сомневался, что сумеет, при необходимости, донести эту простую истину до принца.

«Щенок зарвался. Пора его щелкнуть по носу!» — процедил немедиец сквозь зубы. Глаза зло блеснули, и пальцы невольно стиснули поводья. Откликаясь на настроение всадника, конь его нервно всхрапнул, и барон похлопал его по шее, чтобы успокоить. «Ничего, ничего, дружище. Все будет в порядке». Он и сам не был уверен точно, к кому относятся эти слова.

...Странно, подумалось ему вдруг, что при всем этом судьба второго принца, как будто, никого особо не взволновала. Никто из придворных, насколько он мог судить — а среди них немало было приятелей Валерия, — даже не попытался подъехать к карете с занавешенными окнами, где его везли, и Амальрик не мог поверить, что они опасаются наемников. Скорее, это шок от невероятных известий. Они все еще не пришли в себя, не в силах осознать происходящее и понять, что теперь делать. Хотя, пожалуй, и шок не объяснение. По крайней мере, не полное.

Теперь Амальрик не сомневался, что по поводу кузена Нумедидесом что-то было сказано придворным. За то время, что они в храме ожидали вестей о самочувствии короля, он не терял времени даром и успел поговорить почти с каждым, — из тех, кто имеет при дворе хоть какое-то влияние. Возможно, в ход пошли угрозы. Возможно, посулы.

Как бы то ни было, похоже, этого оказалось достаточно, чтобы заставить вельмож утратить всякий интерес к судьбе Валерия Шамарского. И, говоря объективно, барон Торский не мог не восхищаться ловкостью и прозорливостью Нумедидеса.

Откуда только это в нем взялось?

Он не мог поверить, что ошибся в своих оценках принца. У него было верное чутье на людей, и племянника короля он знал не один день. Спроси его кто еще месяц назад, он готов был поклясться, что тот — лишь безвольная тряпка, винный бурдюк, не имеющий ни собственной воли, ни разумных мыслей в голове. Иначе, собственно говоря, он и не выбрал бы именно его на роль марионетки на аквилонском престоле. Валерий тогда показался ему слишком уж своевольным, неуправляемым...

Немедийский посланник с сомнением покачал головой, машинально разглаживая складки на бархатном рукаве. Он не любил этот материал, — и на черном так заметна была любая грязь и пыль... Тонкие губы скривились от отвращения. Он подумал, что, пожалуй, по приезде отдаст этот костюм дворецкому. Сам он его уж точно никогда больше не наденет, — слишком много дурных воспоминаний.

Мысли Амальрика вновь вернулись к авкилонским принцам. Поразительно все же, до чего непохожи друг на друга оказались братья. И с каким неблагодарным материалом приходится работать! Пожалуй, прав был Вилер. С такими наследниками страна его и впрямь обречена на гибель. Но новая кровь возродит ее. Немедийская кровь! Кровь воинов и аскетов. А пока пусть грызутся наследники, точно бешеные псы! Чем слабее они станут, тем легче будет задача Амальрика. Он усмехнулся, чувствуя, как возвращается к нему присутствие духа.

Интересно, однако, что за судьбу уготовил кузену Нумедидес? По здравом размышлении, Амальрик убедился, что правильно разгадал его план.

Разумеется, ничего серьезного Валерию не грозит. Обвинения, выдвинутые против него, абсурдны. Все видели, что в момент убийства он находился не меньше чем в тридцати шагах от короля... Так что едва ли Нумедидес даже решится доводить дело до Суда Герольдов. Никто не поддержит его, и он лишь выставит себя на посмешище.

Но тогда зачем же он затеял весь этот мрачный балаган с арестом? Насколько мог судить барон, причина тому одна: он хочет попытаться держать Валерия на расстоянии, пока будет вербовать сторонников, чтобы обеспечить себе трон. И если замысел удастся, Амальрик не мог отрицать, что стратегия эта вполне удачная.

В таком тонком деле как престолонаследие порой решают все считанные мгновения, — а Нумедидес получил шанс выгадать несколько дней. И кроме того, как ни старайся, но когда Валерий будет освобожден, — если только не случится чуда, — репутация его окажется безнадежно запятнанной. Выдвинутое обвинение, пусть даже ни на чем не основанное, оставит в памяти след. И еще долгое время, даже формально оправданный, в глазах придворных и простого народа принц Шамарский не будет свободен от подозрений. Нет дыма без огня, как говорится...

Немедийский посланник пожал плечами. Валерий был отчасти ему симпатичен, — все же бывалый вояка, слава о ратных подвигах которого докатилась и до Немедии, — однако помочь он ему ничем не мог. Двудикая судьба повернулась к принцу тем своим лицом, что художники изображали обычно в виде скалящегося черепа... ну, значит, так тому и быть. Личные соображения никогда не брали для барона Торского верх над высшими идеалами. Жалость же к тем, кому, как, например, Орасту, самой судьбой предназначено было сыграть роль покорных орудий в его руках, была бессмысленной тратой времени и сил. И Ораст, и Валерий были мертвы для него. Они стали достоянием прошлого.

А его не заботило ничего, кроме будущего.

* * *

...Сон был необычайно живым и ярким.

В детстве ей часто снились подобные, но со временем прекратились, сошли постепенно на нет, когда иные, более земные заботы пришли на смену горячечным мечтаньям отрочества, — и она поняла, что с тех пор успела позабыть это ощущение растерянности при пробуждении, когда явь и сновидение переплетены необычайно тесно, и недавние картины заставляют вздыматься грудь от волнения и лоб холодеть от испарины, покуда реальность точно острым ножом не отсечет смятение.

Релата чуть приподнялась на постели, испуганным взглядом окидывая комнату, ставшую ей родной и привычной за эти дни. Нет. Здесь как будто ничего не изменилось. И не было ничего, что могло бы служить объяснением преследовавших ее во сне кошмаров. На мгновение она прикрыла глаза, но тут же вновь распах-

нула веки — с такой силой нахлынули на нее вновь пугающие видения.

Сейчас, окончательно пробудившись, она, пожалуй, уже не могла сказать точно, что именно снилось ей, однако детали оставались в памяти, и проходящие секунды отнюдь не стирали их четкости, а лишь делали более выпуклыми, ясными и оттого все более тревожными.

Кровь. Потоки крови, повсюду, — это она помнила отчетливо. Против воли девушка содрогнулась, натягивая на себя меховую накидку, однако озноб, вызванный отнюдь не холодом, не оставил ее. Кровь... И руки в крови. Сильные, несомненно мужские руки. Они были запятнаны кровью, свежей, еще дымящейся... Особенно четко помнились ей грязно-багровые ободки под ногтями... с нелепой сосредоточенностью на деталях ей подумалось еще, как тяжело будет вычистить ее, запекшуюся, оттуда. И эти руки тянулись к ней. Тянулись настойчиво, угрожающе, и она бежала прочь... Однако же чьи руки то были? Релата не могла вспомнить.

Лица также были в ее видении. Многие лица, мешанина, бессмысленный калейдоскоп. Лицо Валерия, полное растерянности и угрюмой неприязни, — сердце ее заныло, когда она увидела его таким, и тревога за возлюбленного лишь усилилась при пробуждении.

Лицо Нумедидеса — довольное, торжествующее, с безумным блеском в глазах. Кажется, во сне он что-то кричал Валерию... Или кому-то рядом... Она не помнила слов, но голос принца, пронзительный, злобный, до сих пор отдавался у нее в ушах.

Вспоминались и другие лица. Того молодого жреца, что скрывался в доме отца ее, — бледное, с горящими глазами. Может, это его руки были залиты кровью? Как ни билась, она не могла вспомнить. Лица придворных, большинство из которых она знала лишь по именам, а иных не знала и вовсе... Казалось, весь двор Тарантии был в ее сне. И лишь сам король Вилер не явился ей. Возможно, это было дурным знаком...

С усталым вздохом Релата повернулась набок, подтягивая колени к подбородку, в надежде заснуть вновь, пусть хоть ненадолго. Эти проклятые кошмары отнимали у нее душевный покой и все силы, и у нее было такое чувство, словно она провела не одну бессонную ночь, настолько

велика была усталость во всем теле. Возможно, подумала она сонно, когда она проснется вновь, Валерий уже вернется.

При мысли о возлюбленном, как обычно, тоска и жажда ее сделали невыносимы. Она отдала бы все что угодно, лишь бы он очутился сейчас рядом с ней. Пусть даже хмурится, пусть отстраняется от нее, не отвечает на вопросы, как в последние дни. Пусть говорит слова, что так больно ранят сердце. Пусть. Только бы был рядом! Релата стиснула зубы, пытаясь сдержать рвущийся с губ стон. Тело ее переполняла горячая тяжесть, лоно точно горело огнем...

Где он был эту ночь? Почему не вернулся к ней? Оторванная от всего мира, Релата ничего не знала о последних событиях во дворце. Ей лишь показалось, что ближе к вечеру Лурд охватила какая-то нездоровая лихорадочная суета, но ей не хотелось посылать никого из слуг узнавать, в чем дело. Она легла спать с уверенностью, что, когда проснется, Валерий будет рядом, и все наваждения и страхи рассеются, как дым. А вместо того...

Поняв наконец, что заснуть больше не удастся, Релата со вздохом села на постели, натянув накидку на плечи. В комнате было не холодно, однако озноб по-прежнему пробирал ее, и на миг она испугалась, что заболела. Подумалось, что неплохо бы позвонить служанке, что нанял специально для нее Валерий, потребовать горячего травяного отвара от простуды, но самая мысль о том, чтобы протянуть руку к звонку над кроватью, вызывала почему-то отвращение.

Возможно, все дело в этой девице.

Вся какая-то неопрятная... Крупная, пышущая здоровьем крестьянка. Одно ее присутствие лишало Релату последней энергии, словно та выпивала из нее все силы. И как она косилась на Валерия, когда была уверена, что госпожа ничего не видит... Однако та даже спиной ощущала жадные взгляды наглой девки. Она даже попыталась однажды заговорить с Валерием о том, чтобы выгнать ее прочь и нанять другую горничную, — но он лишь бросил на нее один из своих сумрачных взглядов, от которых душа уходит в пятки, и отвернулся, не соизволив ответить. Почему-то в следующий раз Релате показалось, будто в глазах служанки мелькнул торжествующий огонек... но то,

наверняка, лишь почудилось ей. Последние дни она в любом человеке готова была усмотреть врага. В каждом случайном движении — угрозу.

Не удивительно, должно быть, что Валерий стал так холоден с ней. Кутаясь в одеяло, Релата стиснула руки так, что хрустнули пальцы, и прикусила губу, точно надеясь, что боль физическая поможет заглушить телесную. Впрочем, тщетно. Гнусные, отвратительные страхи, явившись однажды, не желали отступать, и лишь росли и множились в трепещущей душе ее, заволакивая липкою мглой.

Все так и есть, прошептала она обреченно. Он сторонится меня. Чурается меня. И винить в том некого, кроме себя самой.

Да, она узрела — или думала, что узрела, — в глазах мужчины отголосок собственных страданий и преисполнилась любви и сострадания. Возжелала помочь, укрепить... Но кто, во имя светлого Митры, сказал, что она окажется способна на это?! Что ей под силу окажется растопить лед, наросший на сердце за долгие годы. Что сумеет она осветить чужую душу, до самых сумеречных уголков ее, выгнать все тени и оставить лишь покой и радость. Как глупа она была, когда думала, что сумеет сотворить чудо силою любви своей!

Любовь оказалась бессильна. Она принесла свое сердце, протянула его на ладонях, но не ярким факелом оказалось оно, а лишь тлеющей лучиной, и было отвергнуто с насмешкой и презрением.

Напрасно! Все напрасно! Ее жертвы, мучения... Релата вскрикнула, с трудом втянув воздух. Грудь свело так, что она дышала лишь с огромным трудом. Все напрасно! Дар ее любви оказался тщетным. Она ничем не сумела помочь Валерию — да он, должно быть, и не желал этого. Этот человек упивался собственными горестями, собственной ночью. Ему дела не было до тех, кто с ним рядом! И чистая любовь той, что была готова на все, лишь бы спасти его из темнице, где он запер себя по собственной воли, оказалась бессильна.

Релата подняла полные слез глаза, словно впервые оглядывая комнату, совершенно ее не видя. Почему же она поняла все это лишь теперь? Как могла оказаться столь слепа? Она же видела с самого начала, что Валерий

не любит ее. И даже когда он набрасывался на нее, подобно дикому зверю, срывая одежду, покрывая тело жадными ласками, шепча безумные лживые слова о том, как она нужна ему, что она его последнее спасение — как могла она не понимать, что то лишь самообман с его стороны. Он использовал ее, как пьют больные маковый отвар, чтобы хоть на пару часов притупить боль. Она дарила ему лишь забытие. Не свет — но вечную тьму.

Не в силах выдержать более этой муки, Релата вскрипывая повалилась на постель. Простыни мигом промокли от слез. Она заплась в душераздирающих рыданиях.

Валерий не любит ее! Эта кровь во сне ее — то ранена была душа ее. Это его рука нанесла ей смертельную рану! Она знала это с самого начала. Как только пробудилась — знание это было с ней, пришедшее ночью, подобно небесному откровению, не оставив место сомнениям. Нестерпимая тоска охватила ее сердце.

Валерий ее не любит. Подолом ночной рубахи из тончайшего батиста девушка промакнула распухшие глаза. Щеки стягивало от подсыхающих слез, веки щипало, точно в глаза попал песок, но она уже не плакала. Сумрачным, ничего не выражающим взглядом она уставилась в потолок.

Валерий не любит ее... Ну что ж.

Она долго скрывала эту истину от себя, надеялась до последнего, прятала лицо, страхась взглянуть правде в глаза, но теперь пути к отступлению не было. Реальность, от которой она столь тщательно отгораживалась наяву, настигла ее во сне, и более не было возможности не слышать голоса истины. Она отдалась мужчине, который попросту использовал ее, не питая к ней никаких чувств. Более того — теперь она была уверена в этом — как не остановили его приличия и воспитание от того, чтобы принять ее нескромный дар, точно также ничто не остановит его, если выгода заставит предать возлюбленную.

Что может сделать с ней Валерий, Релата не знала. Точнее, зажмуривалась, страхась увидеть картины, что рисовало пред внутренним взором услужливое воображение. Лишь сейчас она осознала всю глубину пропасти, куда забросила ее страсть и безрассудство. Без стыда и мысли о последствиях отдалась она мужчине, которого

полюбила, — но в этот миг и стыд, и гнетущие мысли наконец настигли ее, и от них не было спасения.

Впервые за эти дни Релата задалась вопросом — что будет с ней теперь? И поняла, что у нее не хватит мужества самой себе ответить на него. Даже если Валерий возьмет ее в жены — что прежде мыслилось ей как недостижимая вершина блаженства — ныне ей уже не верилось, что они хоть миг смогут быть счастливы вместе. Мельчайшие детали поведения принца возвращались к ней, его жесты, слова, взгляды... все говорило, что этот человек занят лишь собой, своими неведомыми никому страданиями, и не было никакой надежды, что он подпустит ее достаточно близко, чтобы дать хоть малейший шанс эту боль излечить. В его жизни и мыслях не было для нее места. Лишь в его постели — но возможно ли истинное счастье на столь крохотном острове?

Но даже и такой исход удрученной внезапно открывшимися ей истинами Релате представлялся крайне маловероятным. Не случится ли скорее так, что, пресытившись ею, Валерий попросту постарается отделаться от наскучившей возлюбленной? У нее не было иллюзий, что она сможет надолго удержать его... Она не блистала ни остроумием, ни живостью характера, ничем, что могло бы хоть ненадолго сделать его существование светлее и радостнее. Она и сейчас замечала — упорно отказываясь в это верить, — что его утомляет ее постоянная печаль и задумчивость, что порой он едва сдерживает раздражение, когда ловит на себе ее тоскливый умоляющий взгляд... И что же дальше?

Страх, охвативший девушку, был настолько чудовищен и необъятен, что душа ее онемела под непосильной тяжестью. На сердце стало холодно и пусто. Мир объяла непроглядная тьма. Куда ни глянь — она не видела выхода нигде, и мысль о смерти вошла в душу спокойно, без стука, хозяйкой, а не гостьей.

Да! Познать наконец тишину и покой. Познать отдохновение! Забыть и боль, и страх существования, весь этот морок и кошмар!

Глаза Релаты вспыхнули угрюмой решимостью. В душе не осталось места ни опаске, ни сомнениям. Отец и братья мертвы. Она никому не причинит страданий. Да, пожалуй,

отец был бы первым, кто одобрил ее шаг. Превыше всего в этой жизни старый воин страшился позора...

Релата встала и сделала несколько шагов по комнате. Остановилась у окна и глубоко вздохнула, наслаждаясь свежим воздухом. Как ни парадоксально, теперь, когда решение было принято, она почувствовала себя странно ожившей и бодрой. В движениях и взгляде появилась уверенность, которая давно уже покинула девушку. Сторонний наблюдатель, должно быть, считал бы ее сейчас почти веселой.

Вернувшись к постели, она с силой дернула за шнур звонка.

Через несколько секунд за дверью раздались торопливые шаги, и без стука в комнату вбежала горничная. Релата обернулась, полная решимости учинить наконец негодяйке разнос — но слова замерли у нее на языке при виде перепуганного лица служанки.

— В чем дело, Цинтия? Как ты смеешь являться ко мне в таком виде?

Но та не успела ответить, как вдруг дверь в опочивальню распахнулась вновь, и четверо мужчин с обветренными грубыми лицами, в доспехах и с мечами, возникли на пороге.

— Ага-а! — расхохотался первый, бесцеремонно разглядывая онемевшую от столь дерзкого вторжения Релату. На девушке не было ничего, кроме ночной сорочки, и она стыдливо прижимала руки к груди, в тщетной попытке прикрыться. — Похоже, нам здорово подфартило, ребята! Видали, какая куколка?

Побледневшими губами Релата выдавила:

— Кто вы такие, и что вам нужно здесь? Вы что, не понимаете, в чьи покои явились?!

Эти негодяи, кажется, приняли ее за девицу из Квартала Утех и решили, что, в отсутствие хозяина дома, вольны вести себя с ней, как им заблагорассудится. Ну ничего, сейчас она скажет им!

— Да знаете ли вы, кто... — И тут же осеклась, зардевшись. Она не могла назвать им своего имени, если не желала скандала, который погубит и Валерия, и ее. — Убирайтесь прочь! Вам не место здесь.

Но наглец, нимало не смутившись, обернулся к своим приятелям.

— Вы слышали, ребята?! Красотка говорит, нам здесь не место. — Он ухмыльнулся, и Релата с отвращением заметила, что во рту у него недостает половины зубов. — Да только, милочка моя, у нас приказ от капитана Черных Драконов. Велено обыскать покои преступника, нет ли чего предосудительного. Правда, по мне, все, что можно, мы уже нашли...

Вскипая от гнева и унижения, девушка вскинула голову.

— О чем вы говорите? Какой преступник? Это апартаменты принца Валерия, наследника престола Аквилонии!

— Может, оно и так, — неожиданно миролюбиво отозвался стражник, подходя ближе и похотливым взглядом окидывая девушку. Релата едва успела отскочить, чтобы он не коснулся ее своей грязной ручищей.

— Да только то раньше было. А теперь он не принц и не наследник. Убийца он, твой Валерий!

— Убийца?! — У девушки защемило сердце. Так вот почему его не было всю ночь! И проклятый этот сон не зря все не шел у нее из головы... — Кого же он мог убить? Неужели дрался на поединке?

— Если бы. — Видя ее страх, воин неожиданно смягчился и посмотрел на девушку почти с сочувствием. — Короля он убил. Его Величество Вилера Третьего — понимаешь?!

Релата без чувств рухнула на пол.

Служанка засуетилась вокруг, брызгая на нее водой, обмахивая веером... Но Релата, даже очнувшись, продолжала воспринимать окружающее, как в тумане. Словно внезапно она оказалась под водой, в царстве морского царя, о котором в детстве сказывала ей нянюшка, в мире, где все движения были такими замедленными, мысли текли едва-едва, а звуки доходили, точно из бесконечного далека...

Она слышала, как один из стражников окликнул в возбуждении своего командира из другой комнаты — но у нее даже не было сил полюбопытствовать, что они могли там найти. Кажется, коллекция деревянных фигурок, что вырезал принц в свободное время, заинтересовала их, хотя чем могли они привлечь солдат, Релата не могла и предположить...

Все погибло, только и успела подумать она, прежде чем вновь погрузиться в забытие. Все погибло.

И во сне вновь лилась кровь.

Аой.

В гулкой тишине тюремного коридора любые звуки отдавались отчетливо, многократно отражаясь от каменных стен, и двое наемников у окованной железом двери успели подскочить с места, спешно расковырявая по карманам кости и выигранные медяки, и подхватить недавно выданные им алебарды наизготовку, едва заслышали скрежет отворяемой внешней решетки, ведущей в темницу королевского замка.

Жук покосился на факел, чадивший в стальной скобе слева от двери, — тот не сгорел и на треть, а значит, время смены караула еще не пришло. Сообразив, кем может быть их неурочный гость, наемник выпрямился, придавая своей смуглой уродливой физиономии самое суровое выражение и выпячивая колесом грудь. Барх, его напарник, едва успел последовать примеру приятеля, как в дальнем конце коридора, за поворотом, послышались шаги и отголоски разговора.

Посетители — их оказалось двое — подошли ближе. Одним из них был их капитан Конан, одетый в просторную кожаную куртку и теплый плащ. Он был почти безоружен, только длинный меч, с которым он никогда не расставался, как обычно висел на левом бедре. Он коротко кивнул из-за спины грузного вельможи в богатых одеждах, и Жуку показалось, в уголке губ его мелькнула усмешка.

Его спутник был здешним принцем, по крайней мере так представлялось Жуку. За несколько дней солдат удачи не успел разобраться до конца в хитросплетениях местной политики. Тучный нобиль в пестром костюме с многочисленными украшениями, уловив что-то неладное, повернулся и вытянул шею, стараясь заглянуть в лицо своему провожатому. Похоже, смотреть на того снизу вверх было не очень удобно, и на обрюзгшем лице появилась гримаса досады.

— Не мало ли людей ты поставил на страже, киммериец?

Тот вместо ответа лишь пожал широченными плечами, всем своим видом показывая, какое презрение вызывают у него вопросы невежд. Принц, заметив это, сдвинул брови.

— Когда я задаю вопрос слуге, я рассчитываю получить четкий ответ, киммериец! И тебе бы лучше это запомнить.

Стражники переглянулись украдкой, едва сдерживая веселье. Отлично зная бешеный нрав своего капитана, они не сомневались, что сейчас последует взрыв. Однако, к их досаде и разочарованию, ответ Конана оказался сдержанным и кратким.

— Если ты недоволен, то можешь нанять другой отряд! Но, пока мы здесь, придержи язык за зубами, а то придется поучить тебя вежливости, клянусь Кромом!

Северянин сжал свой огромный кулак — принц осекся и побрел по коридору, бормоча что-то себе под нос как потревоженный еж. И хотя толстяк не переставал ворчать о наглецах-варварах, которые слишком быстро забывают свое место, видно было — он побаивается грозного наемника и, поджав хвост, больше не будет тявкать. Стражей это не удивило. Если аквилонская политика и была для них сферой слишком сложной и недоступной, то уж в том, что касалось расстановки сил военных, они разобрались моментально.

Уже в день их появления во дворце, при первом же столкновении с дворцовой гвардией, местный расклад стал им ясен, как собственные пять пальцев. Принц Нумедидес не пользовался симпатией ни в армии, ни тем более среди надменных Черных драконов. Второй принц, который славился боевым прошлым и умением обращаться с людьми, был гвардейцам куда больше по душе. Если бы кто-то спросил мнение самих наемников, то они, пожалуй, согласились с этой оценкой... но, увы, им приходилось служить тому, кто платит. А это редко доставляло удовольствие.

Так что ясно было — этот толстый увалень нигде в столице не найдет поддержки. Иметь же собственную гвардию до сей поры ему не позволял эдикт короля. Поэтому наемный отряд оставался его единственной опорой. Ведь не напрасно же он раскошелился, чтобы киммериец довел численность наемников до трех дюжин. Вольный отряд превратился в грозную силу, которая заставляла считаться с собой даже королевских гвардейцев, и принц не мог позволить себе потерять их.

Капитан отряда, похоже, понимал это лучше всех, и всякий раз, когда он смотрел на вельможу, в его глазах появлялось презрительное выражение. Но служба есть служба, и хозяев не выбирают!

— Двоих здесь достаточно. Еще пару я поставлю у внешней решетки, — небрежно бросил он Нумедидесу.

Принц закивал в знак согласия, не сводя глаз с тяжелой, почерневшей от времени двери, за которой томился со вчерашнего вечера его кузен.

— Поступай, как считаешь нужным.

Конан кивнул, всем своим видом показывая, что и не ожидал другого.

— Не желает ли принц увидеть пленника? — Он уже готов был сделать знак своим парням, чтобы те отодвинули засов. Не в силах устоять перед искушением поизмываться над поверженным противником, Нумедидес сперва кивнул, но, поразмыслив, усмехнулся недобро.

— Нет, пожалуй, не стоит. Пусть поволнуется в неизвестности. — Принц вновь задумался, словно что-то подсчитывая в уме. — Сегодня я официально извещу советников об измене принца Валерия и потребую, чтобы собрался Суд Герольда. Кое-кого это может подтолкнуть к решительным действиям. Так что будьте начеку!

Киммериец пожал плечами.

— Мои парни всегда начеку. Тебе нечего опасаться, принц.

— Хорошо. Когда с допроса приведут того, второго — пусть его запрут вместе с шамарцем.

Конан вопросительно взглянул на принца, сомневаясь в разумности подобного шага, и, заметив это, Нумедидес презрительно передернул плечами.

— Этот мошенник оказался немым, как карп. Эрлик его побери! Да еще, кажется, тронулся умом, когда его начали пытаться.

Его передернуло, когда он вспомнил сцену допроса. Запекшаяся кровь. Обвисшее на дыбе тело с вывернутыми конечностями, похожее на огромного белого паука... Бр-р!

— Впрочем, это неважно, ведь тот, кто подослал его, уже схвачен и надежно заперт. У тебя и так не хватает людей, и мы не можем позволить себе роскоши удваивать охрану. Пусть посидят вместе, полюбуются друг на друга. — Он повернулся к запертой двери каземата.

Внезапно рука его дернулась, вытянулась вперед с растопыренными пальцами, точно принц силился схватить что-то в воздухе, и на мгновение он застыл так, с выпученными глазами, в нелепой позе. Но тут же все прошло, рука упала безвольно, Нумедидес встряхнулся и как ни в чем не бывало продолжил:

— Убийцу ждет четвертование, это ясно и без суда. Так что постарайтесь сохранить его к тому дню в добром здравии. Народ огорчится, ему уж давно не доводилось видеть доброй казни!

Он захохотал и, заметив, что наемники не реагируют, обвел их грозным взглядом. Стражники натянуто заусмехались, но лицо Конана оставалось недвижимым, точно высеченное из камня. Принц нахмурился.

— В общем, запомни, киммериец, за жизнь обоих твои громады ответят головой! — отчеканил он, обращаясь к северянину.

Конан коротко кивнул. Солдатам его без слов ясно было, что их работодатель не вызывает у капитана ни уважения, ни симпатии. Да и этот налет на замок... Они были закаленными вояками, каждый из них много чего повидал на своем веку, и хорошего, и дурного, но та работа оставила в душе неприятный осадок. Хотя им и обещали, что дело это благое, и едут они выкорчевывать гнездо колдунов — но все свелось к грязной резне.

Конечно, если бы не проклятый гандер Бернан, все обернулось бы иначе. Было бы меньше крови. Так думал каждый, но между собой они не обсуждали тот вечер и старались делать вид, будто ничего не произошло. Но было видно, что новая служба угнетает их всех, и прежде всего, их капитана.

«Чем-то все это кончится?» — хмуро подумал про себя Жук, угрюмо оглядывая грузного принца в роскошных одеждах. Разумнее всего, пожалуй, будет смотреться отсюда, как только им заплатят. Надо будет поговорить с командиром...

Словно читая его мысли, Конан взглянул ему в глаза и улыбнулся ободряюще.

— Вернусь — поговорим, — бросил он коротко. И двинулся вслед за Нумедидесом к выходу из темницы.

* * *

Валерий проснулся неожиданно резко, точно его толкнули, с ощущением невидимой опасности, и несколько мгновений лежал неподвижно. Мускулистое тело напряжилось, как в былые времена перед боем. Однако сейчас он был не на поле брани. И, насколько мог судить, сейчас ему ничто не угрожало. По крайней мере, в данный момент.

Темница его была совершенно пуста, — и на первый взгляд, все в ней оставалось так же, как накануне, а значит, никто не заходил сюда, пока он спал. Нетронутым оставался и вчерашний ужин: накануне он так и не нашел в себе сил прикоснуться к еде, и поднос остался стоять на полу у двери. Валерий сел, пытаясь поудобнее устроиться на соломенной подстилке, опираясь спиной о стену. Пожалуй, поесть действительно стоило, — однако пока он не мог найти в себе сил пошевелиться. Да и спешить, впрочем, было решительно некуда.

Крохотное зарешеченное окошко под самым потолком пропускало достаточно света, и по положению солнца он определил, что время близится к полудню. Лучи светила падали почти отвесно, бросая белесо-желтые блики на гладкую каменную стену и пол у самой стены. В узилище не было ничего, кроме единственной подстилки — хвала Митре, достаточно чистой и плотной, чтобы не пропускать сырости, — коленного табурета да деревянного ведра в противоположном углу для отправления естественных потребностей.

Сама камера небольшая: тридцать локтей в длину, и пять в ширину, — однако сравнительно чистая и не холодная. Валерий не сомневался, что в замке имелись темницы и похуже, хотя при Вилере почти все они припши в запустение, и оставалось лишь гадать, чем вызвано столь неожиданное милосердие со стороны его кузена.

Впрочем, Валерий ни на миг не сомневался, что и здесь кроется некий весьма тонкий расчет.

Подтянув поднос поближе, он принялся за еду. Это, по крайней мере, отвлекало от необходимости думать о чем бы то ни было. Принц стыдился в душе своего малодушия... однако в последние годы он слишком привык

потакать собственным слабостям, чтобы обрести нужную силу духа сейчас. Все равно волнения и страхи ничего не решат, философски сказал он себе. Рано или поздно судьба его проявится.

Оставалось только ждать.

О прочих возможностях он предпочитал не задумываться. Мысль о побеге мелькнула непрощенной гостьей, — но он тут же отогнал ее прочь. Бежать невозможно, сказал он себе твердо. Но, скорее, истинная причина была в ином. Побег необходимо было спланировать, осуществить... но мало того. Необходимо было решить, что делать затем. Предпринимать какие-то действия, прятаться, искать сторонников, возможно даже, собирать армию и вести ее против брата.

Принц Шамарский не чувствовал в себе сил даже просто думать об этом. Наконец был избавлен от необходимости делать что бы то ни было, чего, похоже, ждали от него все окружающие, что-то решать, проявлять активность, пытаться разобраться в так немыслимо запутавшемся своем существовании. Слишком много узлов завязалось... одна мысль о том, чтобы пытаться развязать их, вызывала душевную усталость. Теперь же он мог с чистой совестью позволить себе не предпринимать ничего.

Засохший сыр, краюха хлеба и вода стали его завтраком. Он был рад и этому. В его полной превратностей жизни приходилось довольствоваться и худшим. И, закинув руки за голову, принц Шамарский откинулся на подстилку, следя бездумно за тем, как медленно ползет по стене пятно солнечного света.

Внезапно послышался скрежет засова.

Узник вздрогнул. Похоже, сам того не заметив, он задремал... Валерий сел, хмуро косясь на дверь. Кто бы это ни был, он сомневался, что ему принесли хорошие вести. Говорить ни с кем не хотелось. Пожалуй, даже больше, чем прихода Нумедидеса, он опасался появления кого-то из друзей. Они примутся ободрять его, строить планы освобождения, утомлять пылкими речами, поносить коварство кузена.

Ничего этого не хотелось.

Однако судьба оказалась к нему милосердна. На пороге, когда дверь наконец распахнулась, оказались двое стражников. Первый опустил на пол перед Валерием поднос с

едой и вышел, унося пустые плошки. Другой втащил и бросил в противоположный угол камеры еще одну подстилку. Принц с недоумением проследил за ним взглядом.

— Эй, послушай... — обратился он к вошедшему, но тот, не обращая ни малейшего внимания на пленника, выпрямился и махнул кому-то рукой.

Пораженный, Валерий увидел, что в камеру к нему вносят человека. Тот был без сознания. Увидев следы запекшейся крови на лице и одежде, принц понял, что его подвергли пыткам. Он невольно содрогнулся. При Вилере пытать пленников было запрещено и, насколько ему было известно, до сих пор приказ этот ни разу не нарушался.

Стражники опустили юношу на ложе из соломы. Третий, войдя вслед за ними, поставил у стены ведро с водой, и Валерий подумал, что, когда солдаты уйдут, надо будет смыть кровь и посмотреть, насколько плох раненый. Едва ли можно рассчитывать, что к нему позовут лекаря...

Но зачем этого человека бросили к нему? Неужто нет больше свободных камер? Но, чтобы забить до отказа темницу, Нумедидесу пришлось бы арестовать полгорода.

Нет, здесь было что-то иное.

Внезапно он обратил внимание на одежду пленника, грязную, превратившуюся в лохмотья. Но в тряпье этом смутно угадывался белый с черной каймой балахон.

Митра, да ведь это тот самый безумец, что заколол короля! Валерий сжал кулаки. Он готов был наброситься на мерзавца, удушить его голыми руками... Лишь присутствие стражников остановило его.

Двое первых вышли, тяжелая дверь со скрежетом закрылась за ними. Принц обернулся к оставшемуся.

— Зачем вы принесли сюда этого человека?

— Это приказ! — раздался ответ.

Как знаком показался ему этот голос...

Как ужаленный, Валерий вскочил — и оказался лицом к лицу с Конаном из Киммерии.

Несколько томительных мгновений он молча смотрел на выходца из давнего прошлого, не в силах поверить своим глазам. Мимолетную их встречу ночью во дворе он выбросил из головы, почти убедив себя, что ошибся во тьме, встретив кого-то похожего на северянина.

Но теперь сомнений быть не могло. Перед ним действительно был киммериец. И, судя по всему, варвар поступил на службу к Нумедидесу, его ненавистному кузену!

— Что тебе здесь надо? — сдавленно промолвил он наконец.

Варвар чуть заметно пожал плечами.

— Хозяин приказал поместить сюда этого парня.

— Хозяин? — Валерий не смог сдержать язвительной насмешки. — С каких это пор у тебя появились хозяева, варвар? Я что-то не припомню за тобой такого подобострастия!

Тот несколько секунд молчал, оценивающе разглядывая пленника. Еще мгновение назад Валерий готов был поручиться, что киммериец узнал его, но теперь по лицу варвара невозможно было прочесть ничего. Оно было бесстрастным, точно лик древнего идола.

— Ты прав, шамарец, у меня нет хозяев, — невозмутимо промолвил он, словно и не заметив издевки в словах Валерия. — Но этот... — он презрительно кивнул в сторону двери, — ...этот отныне хозяин во дворце. И пока он платит, я выполняю его приказы.

Нумедидес — хозяин во дворце! Валерий сжал кулаки.

— И какие приказы ты выполняешь? Приказ разорить мирный замок и сжечь его вместе со всеми обитателями, не щадя ни женщин, ни детей?!

Принц и сам не мог сказать, откуда пришло к нему это прозрение, однако теперь он был уверен, что не ошибся, даже хотя единственной реакцией Конана были на мгновение опущенные веки. Но он знал!..

— Раньше ты был другим, киммериец!

Капитан наемников пожал плечами.

— Все мы были другими, Валерий из Аквилонии. Принц Шамарский...

Последнее прозвучало с явной насмешкой, но Валерий не принял вызова, сознавая, что задел киммерийца, и тот лишь старается сейчас ранить его в ответ:

— Пути Митры меняют человека, что идет по ним.

— Да? Только ты, похоже, двинулся по путям Сета!

Конан угрожающе надвинулся на него. На миг у Валерия перехватило дыхание — ему показалось, что тот сейчас ударит его. Но варвар лишь с шумом втянул в

себя воздух, стараясь успокоиться, и опустился на колченогий табурет. И голос его, когда он заговорил, звучал почти спокойно, лишь с тенью скрытого напряжения.

— Клянусь Владыкой Могил, я выполнял приказ, принц! Нам было сказано, что в замке свили гнездо чернокнижники, готовящие гибель Аквилонии. И поверь, мы нашли тому доказательства! Но и тогда мы не намеревались убивать безоружных. — Он нахмурил лоб, точно собирался добавить еще что-то, но передумал. — И вообще, не тебе судить меня, шамарец. И не тебе вспоминать о Сете. Потроха Нергала, можно подумать, это я, а не ты продал душу Тьме.

Валерий сел на свою подстилку, отворачиваясь, чтобы лицо не выдало его истинных чувств.

— Я не продавал душу Тьме, киммериец, — произнес он глухо. Боль вновь нахлынула на него, такая же пронзительно-острая, как и в те далекие дни. — А виноват я лишь в том, что живу прошлым и не вижу, что творится кругом. Не проходит дня, чтобы я не вспомнил... ее.

Аромат волос Тарамис. Черные глаза с поволокой. Высокая грудь и острые соски, бесстыдно просвечивающие сквозь тонкое одеяние радужного шелка. Память о ней жила в его сердце, такая яркая, точно он не больше часа назад расстался с принцессой. И представить грубые лапы варвара, касающиеся ее кожи, обнимающие гибкий стан... Он стиснул зубы, — и был поражен, заметив удивление на лице киммерийца.

— Кого? Саломею? Крепко, видать, запала тебе в душу проклятая ведьма!

Валерий недоуменно уставился на наемника.

— Я не о ней. Ты разве не помнишь ту, другую... — Даже сейчас он не мог заставить себя вслух произнести ее имя.

Конан задумчиво нахмурил брови.

— Ах, да! Королева Тамис...

— Тарамис, — чуть слышно поправил Валерий, но тот даже не расслышал его.

— Славная крошка. Жаль, что не довелось отведать ее ласк! — Он прищелкнул языком, неожиданно лукаво подмигивая принцу, точно они были равны с ним. — два солдата на поле боя, вспоминающие нежных, уступчивых

девушек, что ожидали их где-то за тридевять земель, в другой жизни.

Это было одновременно так знакомо, вызывая в памяти почти забытые деньки, — и одновременно так странно, так чудовищно сегодня, что Валерий поймал себя на том, что смеется, не зная, как реагировать на нелепость ситуации. Конан, однако, принял его веселость за чистую монету и расплылся в ухмылке.

Пришел черед принца пожимать плечами. Похоже, он утратил за последние несколько секунд способность испытывать любые эмоции, и даже то, что этот грубый неотесанный варвар назвал девкой его принцессу, его сладостную гурию, единственную любовь его жизни. Но почему он говорит, что Тарамис не была его возлюбленной... Впрочем, какая теперь разница. Почему-то это тоже оставило его равнодушным.

Кысмет, говорили на Востоке. В Хауране тоже, насколько он помнил. Кысмет. Судьба. И ничего тут не поделаешь. Каждый идет своим путем, и ничто, в конце концов, не имеет смысла. Ему вдруг пришло на ум — а ведь он почему-то бессознательно все это время он считал ее мертвой, — что его Тарамис, на самом деле, сейчас жива-здорова и, скорее всего, наслаждается жизнью, замужем за каким-нибудь местным князьком. Располнела, обзавелась детишками, сечет неугодных слуг, держит двор железной рукой, и если и вспоминает когда прошлое, то, должно быть, лишь жалеет, какого любовника могла приобрести в лице Конана.

Валерий со вздохом поднял глаза на воителя. Даже сидя, тот возвышался над ним настолько, что невольно приходилось запрокидывать голову, чтобы взглянуть ему в лицо. Массивная фигура точно заполнила собой все свободное пространство, и на миг принцу показалось, будто он задыхается. Ему захотелось, чтобы варвар ушел.

Они помолчали еще немного. Киммериец наконец поднялся с места. В два шага он преодолел расстояние до двери, но Валерий даже не повернул ему вслед головы. Лишь слух подсказал ему, что тот медлит и не уходит.

— Уходи, киммериец, — попросил он устало. — Прошлое мертво, и ничто не связывает нас больше. Я ни о

чем не стану просить тебя, ибо ни в чем не нуждаюсь. То же самое можешь передать и своему... хозяину.

Он услышал, как хмыкнул в дверях Конан.

— Да, принц, прошлое мертво. Это я знаю. — Слова эти были сказаны с неожиданной теплотой. — А поносить меня ни к чему. Не я виноват, что ты влип в такую грязную историю с колдовством. Видно, жизнь тебя ничему не научила...

Валерий хотел было возразить, крикнуть Конану, что тот ничего не знает о нем, что неверно судит его... Но в этот миг раненый на другом конце темницы, о котором, погруженные в прошлое, принц с киммерийцем успели забыть, застонал и пошевелился. Северянин бросил на него озабоченный взгляд.

— Я скажу, чтобы прислали к нему врача.

Было в тоне его что-то такое, что невольно заставило Валерию поднять глаза и внимательнее взглянуть на старого знакомого. На лице Конана отразилась внутренняя борьба, но внезапно, решившись, он произнес негромко, но весомо, так что каждое слово камнем падало в душу пленника.

— Поосторожнее с этим парнем, аквилонец. Не знаю, как уж вы с ним повязаны, но лучше не болтай лишнего. Ничего такого, что ты не мог бы сказать прямо в глаза своему жирному братцу!

Валерий с благодарностью кивнул. Это не имело особого значения, ибо, вопреки тому, что думал о нем Конан, он никак не был связан и даже просто знаком с убийцей, но он благодарен был северянину за заботу.

— Спасибо, Конан, — произнес он с чувством. — Похоже, я ошибался. Прошлое еще живет.

Ему показалось, варвар хочет что-то спросить или сказать ему, мгновенная напряженность возникла между ними... но, как видно, природная сдержанность северянина взяла верх.

— Может, ты и прав, шамарец, — бросил он коротко, закрывая за собой дверь. Вновь заскрежетал, опускаясь, тяжелый засов.

И Валерий, принц Шамарский, остался один на один с убийцей короля Вилера.

Нумедидес, расставшись с капитаном Вольного Отряда, вернулся к себе. Он был доволен тем, как надежно охраняется темница, и даже жалел в душе, что никому как будто и дела нет до опального принца. Если бы кто-то пытался освободить пленника, это дало бы Нумедидесу возможность выявить тайных врагов и расправиться со всеми разом, а так приходилось надеяться лишь на сикофантов и собственную проницательность. Правда, напомнил он себе, когда оправится от ран граф Троцero, придется держаться начеку. Пуантенец был дружен с Валерием. Наверняка, он не пожелает стать равнодушным свидетелем его гибели.

Но пока о Троцero можно было не тревожиться. Раненый не покидал своих покоев и, допросив пользовавшего его лекаря, принц убедился, что южанин еще не скоро встанет на ноги. Так что пока, сняв с себя эту заботу, Нумедидес вполне мог уделить время остальным.

От своего дворецкого он узнал что, за время его отсутствия было доставлено несколько прошений об аудиенции. Разглядывая желтоватые листы пергамента, исписанные на лэйо, с печатями и гербами, принц не мог скрыть удовлетворения. Как мальчишка, он помахал пачкой листов в воздухе.

— Все! Все они здесь! Все приползли на брюхе... псы! — Не скрывая удовлетворения, он принялся раскладывать прошения на каминной доске, отбирая наиболее важные. Нахмурившись, он отметил, что не получил ничего от Фельона Тауранского, который прямо из Золотого Храма двинулся в свою вотчину, и от нескольких его приспешников.

Но остальные все были здесь. Эти трусливые болваны молили его об аудиенции, приносили искренние поздравления в связи с грядущей коронацией и уже оказывали принцу поистине королевские почести. Для них не существовало больше ни Вилера, ни второго претендента на престол... Никого, кроме Нумедидеса!

Нумедидес расхохотался. Похоже эти ублюдки забыли, что король еще не похоронен, а новый владыка Рубинового Трона не назначен. Что ж, тем лучше. Значит, среди тарантийских нобилей нет тех, кто сочувствует его братцу!

Хотя, если бы Валерий одержал верх, то такие же послания слали бы ему...

Разумеется, каждый из этих глупцов рассчитывал использовать принца в своих целях. Одни желали получить земли и титулы в награду за поддержку, которая им самим ничего не стоила. Другие надеялись его руками расправиться с недругами. Третьи стояли за Нумедидеса, ибо, устами Амальрика, он обещал им победоносную войну и богатую добычу. И теперь каждый, просивший встречи с принцем, был уверен, что время его пришло. Они были преисполнены надежд и грандиозных замыслов на будущее.

Нумедидес не мог сдерживать усмешки.

А ведь все они считали его безвольным слабаком, недоумком, которым каждый сможет вертеть по своей воле, с легкостью добываясь от суверена-марионетки любых желаемых благ! Как они просчитались!

Сидя в кресле и протягивая к очагу вечно зябнущие руки, принц Нумедидес покачал головой в задумчивости, прикидывая в уме, что предстоит сделать ему в первую очередь.

Разумеется, никаких активных шагов до коронации. Если не считать, конечно, расправы над Валерием, — но это можно считать делом решенным. Из семерых советников, что наденут в ближайшее новолуние мантии герольдов, дабы вершить правый суд, в Золотом Храме были лишь трое. Нумедидесу не составило труда по дороге в столицу убедить их в том, что его версия событий была единственно верной. И теперь они, как донесли принцу слуги, уже рассказывали направо и налево каждому, кто желал слушать, как якобы Нумедидес самолично пытался удержать руку злодея Валерия, когда тот вонзил нож в грудь возлюбленного самодержца Аквилонии...

Запирательства жреца-убийцы он также сумел обернуть себе на пользу. Еще неизвестно, что бы наболтал этот безумец, если бы мог говорить... Но Нумедидес самолично убедился в немоте жреца. То, как стонал он, извиваясь под ударами палача, мыча и обливаясь слезами, не могло быть притворством. Этот человек действительно был лишен дара речи. Должно быть, именно поэтому враги Вилера избрали его своим орудием.

Теперь тайна их схоронена надежно; впрочем, Нумедидес и не испытывал особого желания докапываться до истины. Главное, при дворе все были уверены в том, что убийца — пособник шамарского принца. А большего ему и не требовалось. Жрец был лишь жертвенным бараном на алтаре великого будущего.

А как забавно, что нашла подтверждение его давняя ложь! Чтобы придать достоверности обвинениям Винсента Амилийского, он, Нумедидес, заявил, помнится, будто Валерий готов был на все ради дочери Тиберия — и что же! В покоях принца находят статуэтку, изображающую Релату, да сделанную столь искусно, что невольно вспомнишь о ведовстве. Так что принца можно будет судить не только как цареубийцу, но и как злостного чернокнижника!

В общем, казнь Валерия — дело решенное.

Нумедидес не испытывал ни малейших угрызений совести, обдумывая убийство кузена. Принц Шамарский был врагом. Он злоумышлял против короны и его, Нумедидеса, лично — а стало быть, его должно раздавить, как ядовитую гадину. Как змею, притаившуюся под палой листвою, чтобы ядовитым укусом поразить оленя, владыку леса.

Да! Нумедидес удовлетворенно кивнул. Этот образ, явившийся неведь откуда, показался ему на диво отчетливым и таил в себе необъяснимую притягательность. Олень-владыка, вот кто он такой! Рога его упираются в небосвод. Острые копыта попирают землю и гадов ползучих, что таятся в ней. И нет ему удержу в стремительном беге его...

Принц потерял руки. Ладони понемногу согревались, однако пальцы стыли и немели по-прежнему, и это внушало смутную тревогу. Он поднес их как мог близко к огню, но даже это не принесло облегчения. Кажется, за последние дни рукам его лишь однажды было тепло, — когда он выдернул кинжал из груди короля и на пальцы попала кровь. Ему подумалось вдруг, что было бы, если целиком погрузить в кровь руки... Мысль показалась приятной, хотя и несколько непривычной. С сожалением он сказал себе, что до коронации от подобных экспериментов придется отказаться, — дабы не возбуждать ненужных слухов.

И все же еще несколько раз в течение дня ловил себя на том, что мысли его невольно возвращались к этому, и, не отдавая себе в том отчета, он принимался размышлять над преимуществами крови разных животных — и даже человеческой. С каждым разом мысли эти вызывали все меньшее отвращение, покуда наконец он не принял их как совершенно естественные...

Что же касается высокопоставленных заговорщиков — с ними вопрос решался еще проще, чем с принцем Шамарским. Все до единого отправятся на плаху.

В душе Нумедидеса на этот счет не крылось ни малейших сомнений, ибо тот, кто предал одного короля, с легкостью предаст и другого. И даже те, кто, подобно Феспию или графу Аскаланте, были его друзьями детства и наперсниками юности, разделят общую судьбу. У короля не должно быть друзей. Не может быть доверенных лиц. Правитель — единственное, священное вместилище воли богов. Он ни с кем не может быть близок. Он должен вызывать у окружающих лишь трепет и поклонение, — иные чувства попросту неприемлемы. И двору предстояло очень быстро усвоить эту истину.

Скрестив руки на груди, Нумедидес прикрыл глаза, размышляя над тем, что скажет вельможам, с кем встретится сегодня вечером. Каждого, принц знал, он сумеет задобрить, переманить на свою сторону, некоторых даже запугать. У каждого найдется чувствительная струнка; стоит лишь легонько задеть ее — и человек будет плясать под его дудку. До смешного просто... Нумедидес недоумевал, как мог не видеть всего этого ранее, как мог не уметь столь простейших вещей. Теперь же ему достаточно было взглянуть на человека, и еще прежде, чем тот успевал раскрыть рот, он уже видел его насквозь. И с каждым днем поражался все больше, до чего ущербны те, кто его окружают. Он управлялся с ними, точно балаганный фокусник — со своими куклами-перчатками. Все они не имели иной воли, кроме его.

Или не все?

Мысль эта была неприятна, и Нумедидес раз за разом пытался отогнать ее, однако она возвращалась, назойливая, точно осенняя муха, и он поморщился, сознавая, что от этой проблемы ему все же не уйти.

Скажем, немедийский посланник. Как быть с ним? До сих пор они действовали заодно, и тот верно служил ему. Да и, если уж на то пошло, барон Торский ему попросту необходим в эти дни: в его руках лучшая сеть согладатаев по всей Аквилонии, у него свои люди в армии и в провинциях. Он просто не может позволить себе потерять столь ценного союзника!

И все же доводы разума меркли перед тем, что говорила интуиция. Да что там говорила — она кричала, что немедиец представляет собой огромную опасность!

Единственный, кому под силу разрушить его планы!

Хотя зачем ему делать это, Нумедидес искренне не понимал. Но когда он смотрел на посланника, он не видел ничего. Ни тайных струн, ни слабостей, ни явных стремлений. Для его внутреннего взора Амальрик был непроницаем, точно базальтовый монолит, точно кокон, скрывающий куколку неведомого чудовища, и это внушало принцу ужас, перед которым отступали все доводы рассудка. Немедиец, единственный среди всех, был непонятен, — а стало быть, смертельно опасен.

И пока он не найдет способа разделаться с ним, принц знал, что ему не будет покоя.

Отвернувшись от каминной полки и смахнув небрежно пеграментные листки с прошениями, рассыпавшиеся листопадом по комнате, принц позвонил в колокольчик. Дворецкий возник в дверях почти мгновенно, кланяясь до земли.

— Кто еще просил сегодня встречи? — спросил его господин. Он надеялся еще, что успел прислать прошение владетель Таурана — это сняло бы массу проблем...

Не поднимая глаз, слуга принялся перечислять:

— Граф Феспий. Советник Ведерик. Казначей Публий. Советник...

— Довольно! — Нетерпеливым жестом Нумедидес оборвал слугу. — А не было ли чего от Фельона?

Дворецкий отрицательно покачал головой, и принц с досадой стукнул кулаком по изголовью кресла.

— Значит, ничего. Ну ладно же... — В голосе его была угроза. — А немедиец?

— Амальрик, барон Торский, посланник августейшего короля Нимеда?

г — Да, Эрлик тебя побери, он самый! — Нумедидеса всегда выводило из себя, когда при нем принимались перечислять чужие титулы. Обычно слуги помнили это, но лишь в отношении немедийского дуайена, неведомо почему, всегда делали исключение. Точно язык у них не поворачивался называть его короче. — Просил он о встрече?

— Именно так, господин. Слуга от него приходил дважды, но официального прошения не оставил.

В отличие от прочих придворных, которые уже обращались к Нумедидесу как к королю! Ну, ничего, за эту дерзость барон еще ответит...

И, постукивая задумчиво^ пальцами по деревянному изголовью кресла, Нумедидес холодно произнес, уставившись куда-то вдаль.

— Ну что ж, пусть пошлют за немедийцем. Я желаю видеть его через поворот клепсидры!

Аой.

ВРЕМЯ СКАЗАНИЙ

Ринальдо, менестрель Валерия Шамарского, его герольд, преданный спутник, наперсник и почти друг, в растерянности брел по извилистым коридорам королевского замка, рассеянно поглаживая гриф своей старой мандолины.

Порою, сам того не замечая, он принимался что-то бормотать себе под нос, так что сновавшие мимо пажи и горничные принимались недоуменно оборачиваться на странного человечка, тощего, с всклокоченной рыжей бородкой и безумным взглядом, однако всем известно было, что поэты — люди не от мира сего, и от них можно ждать любых странностей, а потому поведение Ринальдо не вызывало ничего, кроме снисходительных усмешек и понимающих перемигиваний.

Однако же — вопреки их уверенности — он не был пьян... и даже не сочинял ни очередной оды во славу господина или его дамы, ни разящей сатиры, призванной осмеять его недругов. Нет, смятение маленького менестреля было вызвано куда более земными бедами.

Только что он тщетно пытался пробиться в башню, где, как поведал ему по секрету кто-то из слуг, содержался

под стражей Валерий Шамарский. Нечего и говорить, что его постигла неудача. Стражники, двое угрюмых наемников со зверскими лицами, вытолкали его взаперть, не пожелав слушать ни уговоров, ни угроз. Также они наотрез отказались сообщить Ринальдо хоть какие-то новости о его повелителе.

В этом, впрочем, не было ничего неожиданного. Точно так же последние два дня вели себя во дворце почти все. Настоящий заговор молчания! Порой Ринальдо казалось, что все они попросту сговорились свести его с ума!

В Алых палатах, где жил принц со свитой, царило смятение и неразбериха. Старшие слуги ходили угрюмые и лишь отмахивались в ответ на все расспросы. От зарева горничных и вовсе ничего невозможно было добиться... С огромным трудом удалось Ринальдо понять из их причитаний, что Валерий якобы заточен в темницу — никто не мог даже толком сказать, в чем его обвиняют! — дальнейшая же его судьба никому не известна.

Оставив надежду добиться чего-то во дворце, менестрель принял решение совершить обход таверн. Там всегда можно было выведать самые свежие новости, — да к тому же без отвратительного бабьего воя и скулежа, — и кроме того, он чувствовал, что стакан-другой крепкого винца будет ему жизненно необходим, чтобы эти самые новости воспринять со всей необходимой стойкостью... Однако и в городе улов его был немногим богаче.

Первым слухом — совершенно невероятным и чудовищным — который донесли до него в кабачке певцов, была смерть короля Вилера. Кто-то, правда, утверждал, будто король не мертв, а лишь смертельно ранен, но другие называли уже и день похорон. Правда, о том, что случилось в действительности, поведать не мог никто.

Весть эта поразила Ринальдо.

Не то чтобы он слишком любил Вилера... Сведущий, как и положено хорошему певцу, в истории, он мог с уверенностью сказать, что истинная и горячая любовь подданных к своему правителю — вещь столь же редкая, как рог единорога или девственница в Квартале Утех. Но и смерть даже самого ненавистного из тиранов вызывает обычно смешанные чувства, и самое сильное из них не радость и не скорбь, но страх перед будущим. Ибо не

только из истории, но и на собственной шкуре он в избытке познал, что любые изменения в земной юдоли скорби чаще всего случаются к худшему.

В общем-то, о Вилере горожане говорили мало. Покойный властитель был не столько любим ими, сколько привычен, и утрата делается ощутимой лишь позднее, познаваясь в сравнении, когда ясно станет, как много они потеряли с его уходом. Но сейчас всех занимал иной вопрос. Кто?

Кто станет преемником Вилера Третьего на троне?

Назывались сперва три имени, — хотя глупца, который вздумал считать вероятным наследником почившего монарха его бастарда, этого пропойцу и гуляку Фельона, мигом заставили замолчать, осыпав градом насмешек и крепких ругательств. И правда, кому только в голову могло прийти, что у них может быть *такой* король?!

А вот каждый раз, когда — пусть даже на другом конце таверны — Ринальдо слышал имя Валерия Шамарского, его так и подмывало вскочить и объявить всем этим напыщенным пройдохам, кто он такой. Пусть попятятся да подивятся... вот он, лучший друг и верный спутник будущего короля, сидит тут с ними запросто, в этой вонючей дыре, распивает вино и ничуть не кичится своим положением и будущим величием.

Но уже очень скоро он от всего сердца вознес хвалу Пресветлому за то, что тот сдержал его не в меру длинный язык, ибо тон разговоров ощутимо переменялся.

В первый момент он не мог поверить своим ушам. Он не то чтобы забыл все, что слышал во дворце о Валерии и что в слезах рассказали слуги, — но как-то умудрился выбросить дурные вести из головы, списать их то ли на наваждение, то ли на бабью неразумность. Словом, все было в порядке, по иному и быть не могло, а если и есть какие недоразумения, так они рассеются вскоре, точно ночной морок с первыми лучами рассвета, и все в жизни его вновь станет как прежде, только еще лучше, поскольку иначе и быть не может.

Но теперь прятать голову под крыло, точно испуганной курице, было никак не возможно. Он слышал это собственными ушами, да не один, а, по меньшей мере, три десятка раз, в пяти разных тавернах, куда заходил послушать сплетни и укрепить вином ослабшую душу.

Валерий Шамарский и впрямь был за решеткой. Арестован по приказанию его кузена Нумедидеса, которого теперь все без тени сомнения величали будущим правителем Аквилонии. Арестован по страшному обвинению в государственной измене и убийстве короля.

...Когда весть эта во всей своей чудовищности дошла до одурманенного ядовитым поилом сознания менестреля, на него словно обрушилась каменная стена. Кажется, он даже лишился чувств, не в силах совладать с нахлынувшим ужасом — по крайней мере, когда он вновь пришел в себя, то обнаружил, что за грязными окнами таверны уже сочитается рассвет.

Рассеянно потирая ноющие виски, он извлек свою выдающуюся мандолину из-за спины храпящего, навалившегося на него во сне собутыльника, имени которого он не мог теперь вспомнить, и, пошатываясь, удалился, тщетно пытаясь соблюсти остатки достоинства под презрительными взглядами трактирщицы, сметавшей с заплыванного пола осколки глиняных кружек и кувшинов, — печальные следы буйства прошлой ночи.

Дневной свет показался большим глазам менестреля нестерпимо резок, а собственное положение в беспощадных лучах его еще более безнадежным. Трезвый, Ринальдо не питал особых иллюзий касательно своего поэтического таланта, должно быть, именно поэтому и пил так много, и сознавал также, что отнюдь не потому, что восхищается его талантами, держит его при себе Валерий Шамарский.

Принцу пришлось по душе дерзкие сатиры Ринальдо на придворных хлыщей, где недостаток мастерства с лихвой искупался злостью. Кроме того, ему нравилось иметь при себе кого-то, на ком можно было беспрепятственно выместить дурное расположение духа, а язвительность и желчность менестреля обычно поднимали ему настроение. Но для обеспеченного будущего при дворе этого явно недостаточно.

Сейчас Ринальдо последними словами корил себя за былую неосмотрительность. Пожалуй, при дворе не было ни единого человека, кого он своими остротами и едкими эпиграммами не настроил бы против себя. Так что же ждет его теперь, если падет его единственный покровитель?

Маленький менестрель слишком ясно представлял себе все перспективы, наиболее благой из которых казалось изгнание, нищета и безвестность в какой-нибудь Митрой забытой дыре. Все, что ему останется, это петь там мадригалы свиаркам, да сочинять баллады для козопасов... Он даже застонал вслух, представив себе всю глубину той бездны, куда повергла его собственная глупость и безумие Валерия Шамарского.

Если бы еще так не раскалывалась голова после вчерашнего!.. И Ринальдо застонал еще протяжнее.

Это вернуло его к реальности, и, оглядевшись по сторонам, подслеповато щурясь на солнце, он обнаружил, что ноги вновь принесли его к королевскому замку. Несколько секунд он оценивающе вглядывался в нависшую над ним громаду, затем, сумрачно кивнув сам себе, направился к воротам.

У него екнуло сердце, когда он проходил мимо стражников. Взгляд их показался ему еще более утрюпым, чем обычно, и на миг он испугался, что им отдан приказ схватить и его тоже. Митра пресветлый!.. А ведь принц, то есть, король Нумедидес, также не раз становился жертвой разящих стрел его сатир. Наверняка он не забыл бывшего унижения — и теперь жаждет отомстить поэту! Как ему объяснишь, что Ринальдо делал это не по собственной воле, но лишь по наущению шамарского принца?!

Ринальдо почувствовал, как у него отнимаются ноги.

И лишь грубоватый толчок в спину вывел его из оцепенения. Он обернулся, дрожа, точно в лихорадке, готовый пасть на колени и молить о пощаде — но бородатый стражник лишь презрительно ухмылялся, оглядывая его с высоты своего гигантского роста.

— Ну, что встал столбом, рифмоплет несчастный? Иди своей дорогой, нечего тут торчать, путь загораживать!

И тупым концом короткой алебарды вновь подтолкнул его, заставляя пройти в узкие ворота, за которыми уже столпилось несколько человек лакеев, нарочито громко досаждающих на всяких ослов, что, упившись, даже на ногах не способны держаться, а еще смеют являться во дворец, мозолить глаза порядочным людям.

Весь кипя от негодования, Ринальдо вылетел во внутренний двор замка, уже готовый разразиться в огорченной гневной речью и облить обнаглевших челядинцев позо-

ром. Но тут же вспомнив собственное незавидное положение, разом сжался и засеменил прочь, унося под мышкой злосчастную свою мандолину. Должно быть, злой рок и впрямь ополчился против него...

...И вот теперь, несколькими поворотами клепсидры позже, ощущая в воздухе — а еще больше, в манящих ароматах кухни — приближение сумерек, а стало быть и вечерней трапезы, несчастный менестрель лишь укрепился в этом мнении.

Он испробовал все, что мог — вновь попытлся проникнуть к Валерию, но охранники пригрозили намять ему бока собственной мандолиной, если он еще осмелится им досаждать. Вернулся в покои принца — но там теперь заправляла эта выскочка, дочь Тиберия Амилийского — хотел бы он знать, откуда она там взялась! — и его не пустили даже на порог, а на все просьбы дать ему хоть кусок хлеба эти наглые твари горничные только скалили зубы, пока старшая не вытолкала его взащей. И все потому, что однажды он не слишком лестно отозвался на пиру о ручках этой самой Релаты — кто же виноват, что они у нее и впрямь скорее годятся месить тесто или прясть козью шерсть, чем играть на лютне, — и, как видно, дерзкая юница не забыла насмешки. Другая бы гордилась, что вообще привлекла внимание придворного менестреля...

Э-э, да что тут говорить! Ринальдо только рукой махнул и, понурившись, двинулся прочь.

Больше, как ни пытался, он придумать ничего не мог. В животе урчало от голода, головная боль терзала, не отпуская ни на секунду, так что казалось, истерзанный мозг его вот-вот разобьется вдребезги. Он бродил бесцельно по коридорам замка, где слуги уже вставляли в стенные скобы зажженные факелы, и тщетно пытался придумать, как бы раздобыть поесть.

Построение более сложных планов, он чувствовал, находилось пока за пределами способностей его разума. Но даже это представлялось пока неразрешимой задачей. Ринальдо вспомнился кошель, набитый серебром, что вручил ему Валерий перед отъездом в Амилию — серебром, столь неразумно просяженным в кости и на сомнительных девиц — и это вызвало новый поток стенаний и проклятий. Какой-то мальчишка-паж разразился насмешливым

хохотом ему вслед, и маленький менестрель почувствовал, как волны черного отчаяния захлестывают его с головой. Крупные, как горох, слезы покатались из глаз, и, не в силах сделать больше ни шагу, он привалился к стене.

Однако даже эта опора предала его. Стена под плечом неожиданно поддалась, и, потеряв равновесие, Ринальдо кубарем полетел вперед, растянувшись у чьих-то ног.

— Что за странный способ являться в гости? — раздался у него над головой ленивый голос с чуть заметным акцентом. Менестрель поднял было голову, готовый молить о прощении, ибо сообразил уже, что по глупости забрел в одну из башен, где обитали иноземные послы, как вдруг грозное рычание донеслось откуда-то сбоку, и всю жизнь панически боявшийся собак поэт лишился дара речи.

Огромная мохнатая лапа легла ему на плечо, когти царапнули гриф мандолины.

Маленький менестрель не услышал даже грозного окрика «Место, Зверь», которым хозяин отозвал пса.

Он благополучно лишился чувств.

* * *

Ведьма бесновалась в амилийском лесу.

Буйство длилось вторые сутки, и крестьяне из окрестных деревень лишь судорожно творили отвращающие демонов знаки да шептали молитвы всякий раз, как взгляд их устремлялся в ту сторону.

Небо над чащобой клокотало и бурлило, словно варево в адском котле, и день сделался темнее самой черной ночи. Сизые молнии вспарывали утробу туч, рождая потоки дождя и града. Гром грохотал не переставая. Багровые тени взмывали во тьме над деревьями и камнем падали вниз, точно ястребы, завидевшие добычу. Лес выл и стонал, дрожа единым телом, как в лихорадке, могучие дубы ломались, точно тростинки, и перепуганное зверье бежало прочь, словно от пожара.

Таков был гнев лесной колдуньи.

Вторые сутки металась она, круша все вокруг в слепой ярости, то создавала безмысленно, одной силой своей ярости, демонов, призванных смести с лица земли все живое на десятки лиг вокруг, то уничтожала их огненной

силой; то оборачивалась диким зверем, с воем терзающим собственную плоть, то впадала в бездонное забытие, но и тогда стихии, порождения ее кошмаров, продолжали свой бешеный круговорот.

Казалось, ярость ее неизбывна, точно река страданий, льющаяся из разбитого кувшина, что держит богиня Деректо... И все же постепенно источник ее иссяк.

Улеглась буря, бушевавшая над лесом, и клубящиеся тучи, призванные волей Марны с самого Ледяного Океана, рассеялись клочьями черной пены. Впитала воду земля, успокоила вздущиеся ручьи, и ураган перестал терзать деревья-великаны. И когда колдунья, очнувшись наконец свободной от губительного безумия, подняла голову в маске, мир вокруг нее был тих и покоен, и лишь слабый ветерок пробежал в ветвях деревьев, точно сам лес вздыхал с облегчением, приветствуя ее выздоровление.

Попытаясь от охватившей ее слабости, ведьма поднялась на ноги и, спустившись к ручью, долго и жадно пила. Вода была холодной, с колючим привкусом — вода с небес.

Дом ее, как ни странно, не пострадал от буйства стихий и, с трудом добравшись туда, колдунья в изнеможении рухнула на подстилку из сухой травы.

Как могла она так просчитаться?!

Так уверена в себе она была! Так надменна, свысока взирая на ничтожных смертных, копошащихся под ногами, каждый из которых был лишь жалкой игрушкой в ее руках. Как она презирала их! Как смеялась над ними!..

Но в космическом поединке, где наградой была власть над миром, у нее нашлись противники куда более сильные — но ими-то она и пренебрегла. В высокомерной слепоте своей забыла, что не только ее руки тянутся править безвольными фигурками смертных; что есть и иные силы, противостоящие ей. Она играла людьми — и забыла про богов!

И вот расплата за самонадеянность, за то, что вознеслась слишком высоко, как сойка, вознамерившаяся парить рядом с орлами, и была низвергнута.

О, гордыня! Куда завела она ее!

Марна завывала вновь, дико, страшно, но не было вокруг никого, кто услышал бы ее вой.

А ведь всего два дня назад она торжествовала победу... В тот самый миг, как из-под рук Ораста брызнула кровь короля — как ликовала она тогда! Заколдованный кинжал сообщил ей полную власть над телом жреца, ибо с самого начала она подозревала, что трус этот предаст ее в решающий миг, и ей придется действовать самой. Заклятые, что нерушимой нитью, без ведома Ораста, связало его душу с душой колдуньи, полностью подчинило жреца воле Марны. В руках ее оказалось совершенное оружие.

А теперь палачи могли терзать несчастного убийцу хоть целую вечность, снять с него заживо шкуру, выломать все суставы на дыбе, распять или пытать огнем — все будет тщетно. Ни единой ниточки не сможет дать он им, что вела бы к лесной колдунье или немедийцу. Ослепший и онемевший, отныне Ораст утратил все чувства, кроме способности ощущать боль.

Однако торжество ведьмы оказалось недолгим. Она видела в дыму остролиста, как убийцу схватили и уволокли прочь стражники, как унесли жрецы умирающего короля во внутренние покои храма. Видела, как говорил он с Валерием, и ей не нужно было слышать слов, чтобы знать, о чем может поведать принцу самодержец на пороге смерти. С мстительной радостью наблюдала она за ними — как вдруг...

Все произошло слишком молниеносно.

Упоенная ликованием, она совершенно упустила из вида второго принца. И опомнилась, лишь когда приведенные им стражники вторглись в покои умирающего и окружили Валерию в кольцо, обнажив мечи. Только в этот миг поняла она, что Нумедидес вознамерился обвинить своего кузена в убийстве самодержца... Но когда это стало ясно ей — уже ничего нельзя было поправить.

Цернуннос перехитрил ее!

Проклятый Бог-Олень, древний валузийский демон, посмеялся над ее жалкой ворожкой!

С отчаянием затравленного зверя наблюдала она, как простер к брату руки Нумедидес-убийца. Внешне то был самый невинный жест, который можно было принять за выражение гнева или даже сожаления.

Но магическим зрением Марна видела, как вырвались из пальцев принца сполохи белого пламени, и непроницаемый энергетический купол в тот же миг накрыл фи-

гуру Валерия. Это сам Бог-Олень окружил своего пленника незримой защитой, сделав его недосягаемым для любой магии, кроме своей собственной. Так что и Марна, и любой другой колдун, будь он хоть в тысячи раз сильнее, оказались не в силах освободить принца.

Она опоздала всего на мгновение...

Молния, посланная ведьмой, разбилась о защитное поле Цернунноса, как разбивается о камень стекло.

Она видела, как вздрогнули стоявшие рядом стражники — это их задело невидимыми осколками... Валерий же ничего не почувствовал. Она была бессильна спасти его!

И тогда Марна закричала.

Но теперь волна безумия отхлынула, оставив ее ослабшей и разбитой, точно пловца, выброшенного на берег после кораблекрушения. Вокруг простиралась мертвая пустыня, но она знала, что если хочет выжить и спасти принца, то не вправе поддаваться отчаянию. И пусть пока Бог-Олень торжествовал победу — она не сказала еще последнего слова. И если магия оказалась бессильна, оставались другие средства. И, как ни претило ей это, но настало время прибегнуть к ним.

К обычной силе и хитрости смертных.

И первый, о ком подумала лесная колдунья, был Амальрик Торский.

Дождавшись наступления ночи, она очертила на земле перед хижиной магический круг, начертала положенные знаки, надсекла себе вену и окропила их кровью. Четыре полных глотка крови нацедила в медный потир. А затем, оборачиваясь внутри круга, пустила волос по восточному ветру, галочье перо — по южному, травинку — по западному, и плюнула в сторону севера.

И, прямая, как стрела, держа в руках сосуд с кровью, приготовилась ждать.

Ожидание было недолгим. Спустя полповорота клепсидры на густо-синем небе возник темный треугольник, заслонивший луну и звезды — точно черный провал появился в небесах. Он медленно рос, пока не затмил собою все, и непроглядная мгла опустилась на амилийский лес.

Не теряя самообладания, колдунья развела руки в стороны, а затем свела их вместе, точно собирала что-то воедино, и, повинаясь приказу, необъятная тень приня-

лась сжиматься, съеживаться, пока наконец на поляне перед колдуньей не оказалась огромная безглавая птица с распластанными по земле крыльями.

— Мизрах! — прошипела колдунья.

Черная птица встрепенулась, и дрожь прошла по сотканному из мрака телу.

— Помнишь ли ты нас, Мизрах?

— Помню, и готов служить тебе! — раздался ответ в ее сознании. — Желает ли госпожа, чтобы я сорвал с гор ледник и вызвал наводнение, что уничтожило бы эту страну? Или повелишь мне разметать тарантйские цитадели, словно снопы соломы? Говори, чего ты хочешь от меня! Но не забудь, к моей силе ты можешь воззвать лишь трижды... Не растрчивай мою мощь понапрасну.

Не замечая скрытой в словах демона издевки, ведьма качала головой.

— Нет, Мизрах. Слишком дорогой ценой ты заставил нас заплатить за прошлую услугу, раздвинув воды Тайбора, чтобы спасти жизнь нам и нашему сыну! С того самого дня солнечный свет стал нашим проклятием, и лишь колдовское зрение осталось у нас.

— Зато теперь тебе открыто то, что недоступно простым смертным! — захохотал демон.

— Не тебе, посланец Тьмы, судить об этом, — прошептала ведьма. — Тебе не понять, что значат *глаза* для человека. Ты не знаешь, каково видеть мир лишь в багряных и лиловых красках.

— Солнцегогий покарал тебя и всю твою вотчину! — прогрохотал Мизрах. — А Великий Сет даровал тебе жизнь и помешал жалкому Митре исполнить свой замысел! Будь благодарна и тому, что ты получила, Марна! Если бы не помощь Бога Ночи, то вашими бездыханными телами давно бы уже играли легкоструйные зильхи! Но говори, чего ты хочешь от меня?

— Ты можешь одолеть Бога-Оленя?

Огромные крылья из вселенской тьмы тревожно захлопали.

— Мне не под силу сразиться с одним из Древних! Знай — он необорим! Его нельзя уничтожить. Можно лишь снова погрузить в сон, повредив его телесную оболочку!

— Так сделай это, Мизрах!

— Это может сделать лишь смертный! Тот, кто не побоится Цернуноса и поразит его чистым беспримесным золотом! Бог-Олень уязвим, как и все Древние! Так Солнцегогий сумел одолеть их, когда пришел в этот мир, поправ пятой своей вотчины Древних: Валузию, Грондор и Туле!

— Но есть ли среди смертных такие воители, Мизрах?

— Что мне до смертных, Марна? — проревел посланец из Преисподних.

От рыка его упали последние листья с деревьев.

— Говори, скорее, что ты хочешь! Мне трудно находиться в вашем мире! Но помни о цене!

Ведьма невольно коснулась грубой маски, скрывавшей ее лицо.

— Да, демон, теперь мы не столь неопытны и доверчивы, как когда-то. Тому, что мы потребуем сейчас, цена — то, что плещется в этом бокале!

Марна вскинула руку, держащую потир, и кровь задымилась в нем.

— Ах-х... — полувздохнул-полузавыл демон. — Как скупа ты стала, моя красавица! И как неблагодарна. Неужто тебе не по душе личико, которым я наградил тебя? А эта маска идет к нему лучше любой вуали...

Колдунья заскрежетала зубами.

— Ты надеешься заставить нас потерять голову, Мизрах? Тебе мало нашей красоты — ты хочешь получить и душу?!

Демон лишь захохотал в ответ.

— Безумная! На что мне твоя душа, когда скоро за нее будут драться мои братья в преисподней! Но довольно медлить — говори, что угодно тебе от меня?

Теперь пришел черед ведьмы смеяться.

— Едва ли. Едва ли ты откажешься от крови Марны. Теплой, соленой крови...

Дразня Мизраха, она протянула ему сосуд, и тут же отдернула руку:

— Нет, ты получишь ее, когда сделаешь то, что мы велели!

— И что же это?

— Ты должен отнести нас в Тарантию до рассвета. Во дворец. В башню немедийского посланника.

* * *

В тот самый миг, когда безголовая черная птица взмыла ввысь, унося на сотканных из мрака крылах слепую колдунью, Ораст Магдебский впервые открыл глаза в своей камере.

Стояла ночь, и он не сразу понял, где находится, а увидев черное небо за решеткой, посеребренной лунным светом, поразились отнюдь не этому, но вновь обретенному зрению. Еще не в силах поверить в свершившееся чудо, жрец потер глаза, но движение рук вызвало столь невыносимую боль, что он мгновенно отказался от мысли, что стал жертвой иллюзии. Он не был помешан, и ему не чудилось, что он видит.

Зрение и впрямь вернулось к нему!

Но если глаза его исцелились, возможно ли, чтобы и дар речи... Робко, не в силах до конца уверовать в случившееся, он попытался подать голос.

— А-а, — пропел он шепотом. — Ораст.

Слезы покатались у жреца из глаз. Соленые, теплые, как кровь, слезы.

Он был уверен, что колдовство проклятой ведьмы сгубило его. Помнил ужас слепоты и немоты. Помнил мучения, что пришлось претерпеть... Но теперь из всего этого осталась лишь боль, да и та казалась не столь острой, и, осторожно ощупав свое тело там, куда дотягивались пальцы, Ораст убедился, что раны его смазаны какой-то густой мазью, а на бедре наложена повязка. По тянущему ощущению в локтях и плечах Ораст догадался, что руки его были вывихнуты, должно быть, на дыбе, но кто-то умело вправил суставы. Шевелиться было невыносимо, но он знал, что поправится...

С неведомым прежде наслаждением жрец принялся озираться по сторонам. Он и не знал прежде, какое это счастье — видеть!

Но каким образом удалось ему разрушить чары лесной ведьмы? Как освободился он от заклятья?

Жрец ничего не ведал о чарах Цернуноса, которой словно крепчайшими цепями был опутан принц Валерий; не мог знать он и о том, что когда Нумедидес приходил в башню, Бог-Олень, пользуясь послушным телом своей

марионетки, обволок древней валузийской мощью все узилище.

Чернунос ревностно оберегал своих пленников.

Теперь никакая сила не могла достичь принца, а внутри камеры всякая магия теряла власть.

Ничего этого Ораст не знал, но был достаточно сведущ в колдовстве, чтобы заподозрить неладное.

Лишь сейчас он услышал в ночной тиши едва слышное дыхание другого человека и не поверил сперва своим ушам. Должно быть, это тьма играет с ним злые шутки... Откуда тут взяться кому-то еще? Кого могли бросить в одну темницу с цареубийцей?!

И все же он слышал дыхание. Тихое. Размеренное. Дыхание мирно спящего человека, не ведающего ночных страхов и кошмаров. Сперва Ораст не решился разбудить его, но нетерпение оказалось слишком велико.

Он не мог дожидаться утра!

— Проснитесь! Прошу вас, проснитесь! — позвал он негромко.

Незнакомец очнулся мгновенно и вскочил, напряженно вглядываясь во тьму.

Ораст понял, что сосед его, скорее всего, был воином. Только они привыкли всегда быть начеку. Но в слабом свете умирающей луны черт человека было не разглядеть. Жрецу лишь показалось, что тот довольно молод, худ и утомлен.

— Не бойтесь, — прошептал он, с трудом приподнимаясь на локтях, но тут же со стоном вновь рухнул на свою подстилку. — Я лишь хотел поговорить с вами...

— Нам не о чем говорить. Убийца! — последовал неожиданный ответ, и Ораст едва нашел в себе силы прошептать:

— Неправда! Я не убивал...

Из темноты донесся короткий смешок.

— А ты еще лжец, к тому же. Я своими глазами видел тебя, негодяй, когда ты вонзил кинжал в грудь короля!

Неизбывная боль звучала в голосе человека, и Ораст невольно поразился глубине его чувств. Неужто тот так любил Вилера?

— Простите, — прошептал он, сознавая, как нелепо это звучит, но в тот миг у него не было иных слов. — Я не хотел...

— Что?!

Человек забыл об осторожности. Он вскочил и в два прыжка очутился рядом с Орастом.

Схватив его за плечи, он принялся трясти жреца, и лишь когда тот застонал от боли, неохотно разжал пальцы.

— Подлый убийца! Я задушил бы тебя собственными руками... Гнусный негодяй!

— Отпустите меня, — только и мог прохрипеть жрец. — Вы ничего не знаете... Я не убивал!

Он знал, что ничего не теряет, сказав незнакомцу правду. Только бы тот поверил ему, иначе жрецу не дожить и до утра.

Торопливо, каждый миг опасаясь, что негодующий крик или удар не даст ему закончить, он начал говорить:

— Клянусь, я не хотел убивать короля! Я был околдован. Есть магия, способная лишить человека власти над собственным телом... и я стал ее жертвой. Кинжал был зачарован, теперь я понял это! Она наложила заклятие на кинжал. А когда поняла, что я не исполню того, что она хочет, сделала это сама — моими руками! Умоляю, поверьте! Я не хотел... Это она...

Незнакомец обмяк и сник.

— Значит, мне не померещилось. А я-то надеялся, что все это наваждение, и нет никакого колдовства, а есть лишь наемный убийца. Готовый за сотню золотых посягнуть на жизнь монарха. Боги, я никогда не слышал о столь могущественной магии! Но если ты лжешь, и ты убил государя по собственной воле — ты заплатишь за это!

Ораст горько засмеялся.

Чем он еще может заплатить за содеянное? Только жизнью? Но судя по всему, он и так ее скоро лишится. Он и сам не слышал о подобной магии — прежде. А теперь сделался ее жертвой. Но как убедить в этом другого?

— И все же ты должен мне поверить! — воскликнул он, невольно переходя на «ты». — Ведь магия ведьмы ослепила меня и лишила речи...

— Однако сейчас ты способен и видеть, и говорить, к тому же весьма бойко, — возразил незнакомец. — Однако ты все время твердишь о какой-то ведьме... Кто же она?

А не придумал ли ты ее только что? Как и всю эту сказку, годную лишь пугать детишек вечерами?

Ораст задрожал крупной дрожью. Все это время он не мог заставить себя произнести имя колдуньи. И сейчас лишь с огромным трудом выдал:

— Эта ведьма — Марна. Амилийская колдунья.

— Что-о?! Повтори, что ты сказал!

Он был не готов к подобной реакции. Незнакомец, забыв обо всем, вновь принялся трясти его за плечи.

— Повтори, слышишь! Как ты назвал ее?

— Марна! — произнес жрец отчетливо. — Ее имя — Марна! Ведьма с кожаной маской вместо лица. Это она заколдовала меня и заставила убить короля.

В каземате повисло молчание.

Держи язык за зубами, напомнил себе Ораст. Однажды ты уже рассказал о Скрижали Изгоев кому не следовало — и к чему это привело! Нет! О тайных своих стремлениях он не скажет ни слова.

Но теперь незнакомец, похоже, наконец поверил ему.

Неуверенным шепотом он произнес:

— Марна с маской вместо лица. Возможно ли такое? Неужто это она? Она хотела убить короля — и все это время я... — Он осекся, не договорив, и замолчал, по-видимому, погрузившись в раздумья.

Ораст не тревожил его.

Разговор утомил жреца, и он чувствовал себя опустошенным и смертельно усталым. Бесконечно хотелось спать. Завтра утром, сказал он себе. Завтра будет новый день.

И, чувствуя, как слипаются его веки и сознание камнем падает в пучину забытья, он нашел в себе силы задать лишь последний вопрос:

— Но могу ли я знать, месьор, кто вы такой? И за какие преступления оказались здесь?

Ответ не замедлил себя ждать.

— Мое имя — Валерий принц Шамарский, — неохотно отозвался из темноты незнакомец. — Похоже, меня обвиняют в том, что именно я нанял тебя убить короля. И вложил тебе в руки свой собственный кинжал. Как забавно, что мы встретились здесь...

Аой.

ВРЕМЯ ИНТРИГ

Ч то за наваждение!

Амальрик Торский выругался сквозь зубы, глядя на скорчившегося у своих ног человека в странном пестром одеянии, который даже лишившись чувств не выпускал из рук потертой восьмиструнной мандолины. Он был уверен, что видел его когда-то прежде, но никак не мог вспомнить, где именно, и это вызывало досаду. Немедиец не привык, чтобы отточенная годами тренировки память так подводила его.

Двое слуг, выпешших встретить господина, — Амальрик сам лишь минуту назад вошел в дверь — не сводили с него глаз, ожидая дальнейших распоряжений. Лица их при виде неожиданного гостя не выразили никаких чувств: ни удивления, ни страха, лишь готовность исполнить волю хозяина. Сказывалась выучка барона.

Невозмутимость, преданность и беспрекословное повиновение, — этого их повелитель требовал в первую очередь. Те, кому это оказывалось не под силу, в доме надолго не задерживались.

Небрежным движением плеч барон скинул атласную накидку, не сомневаясь, что первый слуга подхватит ее, второму же коротко бросил:

— Принеси ему вина.

Тот поклонился и поспешил в кладовую.

Не глядя больше на маленького менестреля, который, похоже, уже начал приходить в себя, немедийский посланник прошел к себе в кабинет и устало опустился в кресло. Зверь, как это уже вошло у пса в привычку за последние дни, растянулся у ног хозяина, нервно постукивая по полу хвостом. Похоже, ему не по душе пришлось недавнее вторжение. Однако, повинувшись команде, он вел себя смирно, и Амальрик невольно улыбнулся.

Зверь был бдительным сторожем, но волю господина читал превыше всего. Это в выгодную сторону отличало его от большинства двуногих...

Судя по звукам, доносившимся снаружи, странный гость вполне пришел в себя и сейчас пытался регироваться, моля простить за причиненные хлопоты, однако слуги верно поняли негласное желание барона, и через

несколько секунд упирающегося и смущенного менестреля толкнули в кабинет немедийца.

Нежданный гость застыл в дверях в нелепой позе, готовый то ли броситься наутек, то ли пасть на колени. Он с изумлением озирался по сторонам, разглядывая непривычные для аквилонского глаза панели из мореного дуба, темные шпалеры на стенах, конусовидные оконные переплеты. Ему, воспитанному в безвкусовой вычурности шамарских интерьеров, был в диковинку строгий немедийский стиль, где вместо привычных и столь милых глазу серебряных шандалов в форме цветка стояли строгие канделябры без украшений; вместо разлапистых разноцветных кресел — темные стулья с высокими спинками, прямыми, как лезвие меча; вместо расшитых золотой нитью драпировок — ширмы из провощенного пергамента.

Амальрик заметил замешательство человечка и усмехнулся.

Эту гостиную он нарочно распорядился обставить в подчеркнуто немедийской манере. Она предназначалась для официальных приемов и, по замыслу хозяина, была призвана напоминать пришедшим о воинственности и аскетизме его суровой родины.

Он с насмешкой посмотрел на своего нежданого гостя.

Пожалуй, этот коротышка в измятом камзоле столь пестрой расцветки, что при взгляде на него начинало рябить в глазах, был забавен. Должно быть, чей-то шут или музыкант. Но как его хозяин терпит такое помятое платье? Вздумай кто-нибудь из его челядинцев предстать пред ним в таком виде, он приказал бы семь шкур спустить с мерзавца.

Он уже понял — шестое чувство никогда его не подводило — что появление в его апартаментах менестреля не сулит опасности. В этом человечке не было угрозы, ни тайной, ни явной. Должно быть, здесь какая-то потешная история.

А барон сейчас как раз не прочь был бы позабавиться. День прошел так бездарно!

Он не покидал дворца, не оставляя попыток связаться с теми из обитателей Лурда, кому мог хоть сколько-нибудь доверять, чтобы уяснить полную картину происходящего в Тарантии, однако только зря потерял время.

Придворные, участники заговора, что прежде клялись барону в вечной дружбе, теперь отказывались встречаться с ним под различными предлогами, один другого нелепее, а двое, кого он все же сумел в буквальном смысле прижать к стене в малой королевской приемной, лишь отводили глаза да отделялись уклончивыми фразами.

Он от души подсадовал, что не сумел никого из них застать наедине, — уж тогда он сумел бы вытрясти из этих лживых душонок всю правду... Однако же это оказалось невозможно.

Одно стало ясно — этими слизнями движет либо страх, либо сговор с Нумедидесом.

Это были два единственно возможных объяснения, любое из которых равным образом не устраивало немедийца.

Последние дни он все больше чувствовал, как паутина его замысла, которую он старательно ткал много зим, рвется в руках, словно ветошь. Все те, кто прежде готов был молиться на барона, как на полубога, единственную надежду свою и спасителя, ныне разве что не плевали ему в лицо.

Что происходит?

Что?

Надо признать откровенно: он не понимал причин происходящего и был бессилен что-либо изменить!

Благо, хотя бы вести из внешнего мира поступали исправно, — о настроениях в городе доносили ему трое верных согладатаев.

Первый из них был профессиональным нищим, своим человеком в самых грязных притонах, никто лучше его не знал настроения городского дна.

Второй — служба в храме Митры. Должность, может, и небольшая, однако известно ему было многое.

Третий же вольнонаемный в казармах. Не гвардеец, Митра упаси — у тех слишком высоки были понятия о чести... Куда выше, чем позволяли их реальные заслуги, по правде сказать. И не стражник — те слишком продажны и лживы!

Нет, немедиец подбирал своих шпионов столь же тщательно, сколь и безошибочно: здесь также пошла на пользу наука Черного Кречета; и информация, что они ему поставляли, была куда полнее и достовернее той, которой

потчевали своего легковверного короля бесчисленные наймиты.

Разумеется, этой тайны он не раскрывал даже собратьям-заговорщикам, и в первую очередь Нумедиесу. И как теперь оказалось, совершенно разумно. Те были уверены, что в руках барона обширнейшая сеть шпионов, ни на миг не давая себе труд задуматься, как может чужестранец обзавестись таковой в столице враждебного государства. Это, однако, прибавляло барону веса в их глазах, и он не спешил их разочаровывать.

Но, возможно, маленький менестрель также расскажет ему немало интересного, — или хотя бы развлечет. В любом случае, это скрасит вечер, обещавший быть бесконечным и унылым. Немедиец любезно улыбнулся человечку, все еще смущенно мяншемуся в дверях. Как видно, тот по-своему расценил сумрачное молчание хозяина и был вне себя от страха, в ожидании заслуженной кары за свое столь дерзкое вторжение.

Немедиец одним движением руки пресек его извинения.

Серебристый колокольчик тоненько звякнул дважды в его пальцах, и мгновение спустя за спиной неожиданного гостя вырос слуга, державший на подносе два бокала вина.

— Не угодно ли присесть?

Барон жестом указал гостю на кресло напротив.

Тот сделал несколько неуверенных шагов, не сводя с немедийца затравленного взгляда, и неловко опустился на самый краешек. Несколько мгновений он испуганно смотрел на возникшего рядом слугу, словно не мог взять в толк, что же требуется от него теперь, затем нерешительно протянул руку к предложенному кубку. Второй бокал слуга с поклоном преподнес господину.

Неторопливо отхлебнув розоватой жидкости, охлажденной как раз в меру, так чтобы приятно покалывать небо, но не утратить при этом тончайшего аромата девяти сортов винограда, из которых готовили этот божественный нектар, Амальрик покрутил прозрачный кубок в пальцах, глядя сквозь него на свечу и наслаждаясь искристыми переливами света. Он намеренно давал гостю время освоиться и вскоре, даже не глядя на него, почувствовал, что менестрель вполне пришел в себя, и если что-то и тревожило его, так только...

— Не беспокойся, с твоей мандолиной все будет в порядке!

Немедиец усмехнулся и отставил в сторону почти полный бокал. Черный Кречет призывал к дисциплине и умеренности во всем — и Амальрик намеренно ограничивал себя в любых, даже самых незначительных удовольствиях. Правда, не без тайного сожаления. Однако больше трех глотков из бокала он не делал никогда.

— Законы гостеприимства в этом доме святы. И едва ли слуги пустят твой инструмент на растопку... если, конечно, я им этого не прикажу.

Он заметил, как потешно вытянулось лицо менестреля, когда смысл шутливой угрозы дошел до него, однако неприкрытое изумление позабавило еще больше.

— Вы что... — начал человек запинаясь и тут же поправился, сообразив, что нарушил правила хорошего тона, ибо в начале разговора к нобилям следовало обращаться в третьем лице — ...месьор умеет читать чужие мысли?

Амальрик чуть заметно пожал плечами. По его мнению, в искусстве этом не было ничего сложного, тем более что мысли большинства людей настолько мерзки и примитивны, что не заслуживали даже небольшого усилия, однако этого он вслух говорить не собирался.

— О чем же еще может тревожиться поэт, как не о своем инструменте.

При желании, он с легкостью надевал на себя маску добродушной любезности, и заметил сейчас, как буквально на глазах оттаивает и расслабляется его гость. Вот он поглубже уселся в кресле, откинулся на спинку, залпом допил вино... Немедиец позволил себе усмешку, истинного смысла которой гость, скорее всего, не оценил.

— Но вы можете быть спокойны, мой друг. Мы любим гостей, пусть даже и незваных.

— О-о... — Человек заметно смутился, сделавшись похожим на нахохлившуюся рыжую птицу. Глаза под набрякшими веками обрели виновато-страдальческое выражение, и тонкие губы скривились.

— Право, месьор, я не знаю, как молить вас о прощении, но, право же, я ни в чем не повинен, ибо невольное вторжение мое вызвано было причинами, от меня не зависящими.

Про себя Амальрик отметил и витиеватый стиль, и потуги изобразить на лице достоинство, давно уже проданное и пропитое... Забавно. Если человек и не сообщит ничего стоящего, по крайней мере, он не ошибся в своих предположениях — гость обещал стать недурным развлечением.

Амальрик в душе похвалил себя за великодушие, не позволившее ему спустить на незваного гостя волкодава, что — по правде говоря — было его первым и вполне естественным побуждением.

— Ничего, беды в этом нет.

Теперь он был сама любезность. Ласковая улыбка не сходила с уст.

— Не стоит тревожиться понапрасну. Судьба привела вас ко мне, и я ей благодарен. Надеюсь, у вас также нет причин роптать на ее милости.

— Нет, конечно! Разумеется, нет!

Теперь, окончательно уверившись, что в этом странном месте ему ничего не грозит, менестрель расцвел, и плаксивое лицо его просияло.

— Господин так добр! Но боюсь, я забыл представить... Ринальдо из Ардена, менестрель и поэт, к вашим услугам.

Так вот оно что!

Амальрик едва не всплеснул руками. А он-то все гадал, откуда он знает странного гостя! Ну, конечно... Этого рыжего паяца вечно таскал за собой Валерий Шамарский. Кажется, он даже сочинял какие-то эпиграммы... Барон, правда, ни одной из них не слышал, но заранее был уверен, что они плохи. Но это не помешало ему изобразить на лице высшую степень радушия.

— Что ж, я рад нашей встрече, Ринальдо из Ардена. К несчастью, в Немедии искусство пиитов ценится не столь высоко, как на юге...

В душе он был уверен, что даже и там этому нелепому увлечению уделяют незаслуженно много внимания.

— Но ваше имя мне отлично знакомо. Однако кто же ваш покровитель сейчас?

Он не ставил своей целью намеренно смутить менестреля, однако, похоже, преуспел в этом. Сперва он подумал, что погрешил против этикета и задал недозволённый вопрос, — у него было крайне мало опыта общения

с людьми этой профессии, и было бы неприятно допустить оплошность... не потому, конечно, что это могло обидеть какого-то там фигляра, но потому, что Амальрик Торский был слишком горд, чтобы позволить себе попасть в неловкое положение. Это было уделом низших.

Однако тут же он сообразил, что не сказал ничего лишнего, и Ринальдо вопрос его неприятен совсем по иной причине.

— Моим покровителем был... Ну, возможно, месьюру известно... — Ринальдо явно никак не мог заставить себя произнести имя. — Это был Валерий, принц Ангуйского Дома.

Смушение его было так велико, что Амальрик не мог упустить случая подлить масла в огонь.

Он вкрадчиво улыбнулся.

— Ах да, принц Валерий. Наш незадачливый наследник... Но скажите, правду ли говорят, что он под арестом?

Немедиец давно усвоил, что в смущении люди забывают об осторожности и частенько говорят куда больше, чем собирались. Что же касается вопроса, то он также знал — даже самая вопиющая неосведомленность легко сходит с рук чужеземцу при хорошо разыгранной наивности. Почему большинство людей считает, что если человек плохо говорит на твоём языке, он непременно кажется глупее, чем есть на самом деле, оставалось для него загадкой. Однако он умело этим пользовался и даже стал намеренно усиливать акцент, хотя, как и многие немедийцы, мог говорить по-аквилонски совершенно чисто.

Нехитрая уловка эта безотказно подействовала и на менестреля. У того сперва округлились глаза от столь поразительной бестактности, но затем на желчной физиономии отразилась снисходительная жалость. Мол, немедиец, что с него возьмешь?!

И, неожиданно почувствовав себя совершенно свободно, Ринальдо Арденский начал рассказ.

Большая часть поведанного им не представляла для Амальрика интереса, тем более что жалобы на судьбу и несправедливость власть имущих составляли основную часть речи менестреля, и вскоре он стал слушать его вполуха. Однако когда тот дошел в своем повествовании

до сегодняшней попытки проникнуть в апартаменты принца, немедиец насторожился.

— Быть не может! Какая отвратительная жестокость и бессердечие! — В голосе его было столько подлинного участия и интереса, что менестрель польщенно захмыкал. — Так вы говорите, они не пустили вас даже на порог?

— Ну да!

Негодование рыжего человечка возрастало с каждым глотком, и слуга уже в третий раз подходил наполнить его бокал.

— Конечно, при господине они и пикнуть не смели, одни только улыбочки! Мастер Ринальдо то, мастер Ринальдо се... А как не стало его, — менестрель и сам не заметил, как заговорил о принце, точно о покойнике, — ...так мигом и осмелели! Куска хлеба пожалели — и кому! А ведь моими балладами весь Шамар заслушивался. И оду, что я написал на именины дамы Олинии...

— Негодяи! И как они посмели так поступить с вами? — всплеснул руками барон, чувствуя, что поэта грозит в который раз занести на давние воспоминания, отвлечь от которых его будет непросто.

Но в словах его промелькнуло нечто странное, что заставило немедийца насторожиться, точно гончую. Нюх его на такие вещи был безошибочным, и он готов был всеми правдами и неправдами вытрясти из болтливого не в меру менестреля то, что его интересует.

— Неужели слуги в отсутствие господина могут расписаться настолько, что им уже не указ ваше слово — наперсника и друга принца?

Менестрель расплылся от лести, простив немедийцу даже то, как невежливо тот перебил его на самом интересном месте рассказа.

— О, да, — повторил он довольно. — Именно, как изволил выразиться месьор, наперсника и друга... Но, поверьте тонкой душе поэта, нет предела людской неблагодарности!

Хмельная жалобная гримаса искривила большой рот, и он возбужденно вскочил, призывая своего благодарного слушателя в свидетели.

— Эта девица теперь там заправляет всем! Вы, месьор, не поверите, но я слышал собственными ушами! — она

велела слугам спустить меня с лестницы, буде я еще осмелюсь там появиться. — Ринальдо задохнулся от возмущения. — Нет, ну какова наглость!

Амальрик Торский сокрушенно поцокал языком, жестом показывая слуге, чтобы тот подлил гостю вина.

— Поразительная дерзость.

И осуждающе покачал головой.

— Вот именно! И все из-за нескольких строк, что я имел глупость ей посвятить прошлой весной!

Ринальдо плюхнулся обратно в кресло и залпом осушил бокал, уже не ощущая вкуса напитка, который, откровенно говоря, был куда крепче, нежели вино, которым угощали его в самом начале вечера, и заплетающимся языком повторил:

— Из-за нескольких строк... Неблагодарная дрянь! Да, может, благодаря мне только ее и заметили! Не зря же сказано поэтом...

Он попытался встать с кресла, чтобы продекламировать, размахивая руками и с выражением, но потерял равновесие и рухнул назад, провозглашая со всей торжественностью, на какую был способен:

— «Пусть ты осмеян — но певцом! Гордиться станешь тем потом».

Даже ничего не смысливший в поэзии немедиец едва удержался, чтобы не поморщиться. Бездарность этих строк и гордость чтеца давали все основания предположить, что автором их являлся никто иной как сам Ринальдо.

— Как мудро сказано, — проникновенно вздохнул немедиец.

— О! Не правда ли?! — Поэт расплылся в счастливой улыбке. — Но ведь так многие не понимают этого! Жалкие ограниченные создания...

— Но эта дама?.. — Опасаясь новых поэтических отступлений, Амальрик поспешил вернуть захмелевшего менестреля к реальности. — Боюсь, я не совсем понял... Ведь, насколько мне известно, принц Валерий не женат. Неужели какая-то куртизанка могла позволить себе распоряжаться домом в его отсутствие?

— Куртизанка? — Ринальдо расхохотался. — Какое там! О, если бы вы только знали... Но это тайна...

— Какие тайны могут быть от друзей?!

Теперь Амальрик был уверен, что не ошибся. В море пьяной болтовни ему и впрямь посчастливилось сетями хитроумия зацепить нечто ценное. Оставалось лишь узнать, что именно пытался утаить от него менестрель. И теперь в голосе его, внешне столь же любезном и мягком, прорезались стальные нотки.

— Что же за женщину прячет принц Валерий в своих покоях?

Сперва Ринальдо еще пытался сопротивляться.

— Нет-нет, месьор, не настаивайте, молю вас. — Он заморгал растерянно, понимая, что и без того наболтал лишнего. — Я дал слово принцу...

Но чужая воля продолжала давить. Он ощущал ее напор так явственно, словно на него надвигалась каменная стена.

— Я уверен, принц не стал бы от меня этого скрывать. Мы были с ним большими друзьями. И я друг его друзей — и всегда готов помочь им в час нужды.

Он выразительно повертел в пальцах невесть откуда взявшийся золотой.

— Но мне хотелось бы знать, кто эта женщина.

Угроза, лесть и подкуп.

Безотказная смесь подействовала и на этот раз. Ринальдо смущенно заухмылялся, как человек, сознающий в глубине души, что поступает дурно, однако находящий тому тысячу оправданий. И кроме того, его так тянуло посплетничать, да и полновесный аквилонский империял, сверкавший в холеных пальцах его нового знакомого, притягивал взор. На эти деньги можно пару седмиц не знать голода и жажды.

Сказать или не сказать?

Но если он возьмет этот симпатичный желтый кругляшок, то может быть, ему удастся подкупить стражу и повидать своего господина? К тому же этот недалекий немедийский вельможа, который, увы, мало что понимает в настоящем искусстве, так добр к нему. Похоже, он и вправду друг месьора Валерия. Да, Его Высочество явно будет недоволен, если узнает, что он отклонил помощь его щедрого и бескорыстного друга.

Да и какое право он имеет отталкивать руку помощи?

В пальцах барона появилась еще одна монета.

Нет, он не может молчать! Не имеет права! Два золотых... Митра, целых два золотых. Что ни говори, а есть

еще благородные люди на свете! Пожалуй, он посвятит этому красивому месьору оду. Жаль только, он не знает его имени...

И язык его сам произнес:

— Это Релата.

Менестрель хихикнул, подмигивая барону, словно приглашая разделить шутку, и уточнил, чтобы у его нового друга, плохо знающего аквилонский, не оставалось никаких сомнений:

— Релата Амилийская. Дочь барона Тиберия.

— Невозможно! — выпалил барон, не удержавшись. Привычная сдержанность изменила ему. — Всем известно, что она погибла в Амилии, вместе с отцом и братом!

Менестрель с хитрой ухмылочкой покачал головой.

— Как же она могла там быть, когда накануне вечером стучалась к принцу в двери! Скажите на милость, месьор, возможно ли такое?! Девушка из порядочной семьи пришла к мужчине сама, незваная, точно потаскушка из Квартала Услад... Мыслимое ли дело?

Амальрик Торский покачал головой. Если это правда — а теперь он в этом больше не сомневался — то невозможно оценить, какую выгоду он сможет извлечь из этих сведений. При условии, разумеется, что сумеет их правильно использовать. Мозг его мгновенно принялся просчитывать комбинации и варианты. Да, это было достойным завершением утомительного дня — единственным светлым пятном. Однако следовало поразмыслить, как лучше распорядиться тем, что удалось узнать от менестреля, посланного ему, должно быть, самой судьбой...

— Друг мой, я позабочусь о вас, — пообещал он Ринальдо. — Как я и сказал, друзья принца Валерия — мои друзья.

Менестрель рассыпался в благодарностях, с трудом ворочая отяжелевшим языком, и немедиец брезгливо поморщился. Как ни полезен оказался ему Ринальдо, это не могло пересилить отвращения, что питал барон к пьяным. Он позвонил в колокольчик и указал на осевшего в кресле гостя явившимся слугам:

— Отведите его в гостевые покои и уложите спать. Завтра утром я решу, как с ним быть дальше.

Они поспешили выполнить указания, под руки уводя нестреля, однако несколько мгновений спустя первый слуга вновь возник в дверях.

— Что такое? — бросил немедиец резко.

Напускная любезность была сброшена, как надоевшая маска. К тому же, он не терпел, когда его отрывают от размышлений.

Слуга поклонился.

— Месьор... За вами прислал принц Нумедидес. Он желает вас видеть немедленно.

Амальрик не смог скрыть замешательства.

— Нумедидес? Ты уверен?

Нелепый вопрос! И, видя удивление на лице слуги, барон подсадовал на собственную несдержанность.

— Точно так, месьор. Это Спельто, его секретарь. Он сказал — немедленно.

— Немедленно?

Амальрик покачал головой. Ай-да принц. Не прошло и суток с момента гибели Вилера, а он уже ведет себя, словно новоиспеченный монарх. Да еще смеет приказывать ему, Амальрику Торскому...

Велико было искушение не ответить на зов, тем более, поданный в столь бесцеремонной форме, однако, оценив ситуацию, посланник почел за лучшее оставить пока амбиции. Уязвленная гордость — дурной советчик, а при встрече с Нумедидесом ему понадобится все его хладнокровие и здравый смысл.

Он прошел в небольшую комнату, смежную с опочивальней, куда за ним немедленно явился слуга. Барон опустился в кресло с низкой прямой спинкой, и слуга, не дожидаясь дальнейших указаний, принялся расчесывать ему волосы костяным гребнем. Амальрик закрыл глаза.

Заправив локоны под темную шелковую сеточку и тончайшей белой пудрой тронув щеки господина, слуга замер в нерешительности.

— Какой аромат желает использовать месьор?

— «Ветер пустыни», — отозвался тот, не задумываясь.

На досуге барон Торский сам любил побаловаться составлением душистых бальзамов, — искусство, которому обучил его привезенный из Куша черный раб, — и не без оснований считал, что достиг в этом деле опреде-

ленных успехов. На каждый случай и настроение у него были любимые запахи, и сейчас он счел, что суховатый, резкий «Ветер» отразит его мироощущение наилучшим образом.

Суровая немногословная решительность, — таков был его душевный настрой перед встречей с принцем Нумедидесом. *

Наконец, посланник переоделся в официальное платье, соответствующее рангу: узкий черный *вамс*, обтягивающий фигуру, с широкой открытой горловиной, дабы подчеркнуть мускулистость шеи и плеч; длинные штаны-чулки и туфли с острыми носками; набросил на плечи горчичного цвета плащ, в тон ромбовидным вставкам на рукавах, и подпоясался желтым шелковым кушаком — символом посольского достоинства.

Решив не злоупотреблять украшениями, он надел лишь камеею с гербом Немедии.

Поколебавшись, барон осторожно, чтобы не помять прическу, возложил на голову широкий барет, украшенный беркучьими перьями. В присутствии венценосца в закрытых помещениях не полагалось носить головные уборы — но Нумедидес еще не король, и Амальрик хотел напомнить ему об этом, решив не снимать барет ни в коем случае.

А что лучше взять из оружия: тонкий парадный меч или боевой палаш? Пожалуй палаш будет слишком вычурно смотреться и сразу бросится в глаза Его Нахальному Высочеству. Чего доброго, тот еще подумает, что он, барон Торский, испугался. Да, возьмем декоративный меч. Конечно, в бою от этой позолоченной железяки мало проку — но едва ли ему придется драться сегодня. Так что пусть красуется на бедре — протокол есть протокол.

Что еще? Может, шип мероанского ядозуба? Маленький, незаметный, пусть покоится до поры до времени в шагреновом чехольчике в кармане. Хорошо бы царапнуть им Нумедидеса и посмотреть, как тот будет корчиться, когда почувствует, что кости его превращаются в студень. Соблазнительно — но пока не время!

«Все идет как задумано! Пусть этот жирный хряк своевольничает, но все идет как задумано», — напомнил он себе, однако шип все же сунул в карман.

Лишним не будет.

У него было чувство, что их встреча с принцем не станет свиданием друзей или собратьев по заговору, но скорее поединком воли и хитрости, и решил подготовиться к ней наилучшим образом.

Затем, кликнув троих слуг, двое из которых должны были нести факелы, освещая путь, третий же — возвещать ранг и имя идущего, — в точном соответствии с протоколом, — немедийский дуайен Амальрик, барон Торский покинул свои покои в королевском замке Тарантии.

* * *

В апартаментах принца оказалось неожиданно натоплено и душно. Кроме того, там витал странный аромат, точно недавно курились благовония, однако сколь ни искушен был в различного рода запахах немедиец, он никак не мог понять его происхождения, пока наконец не осознал, что в комнатах слабо пахло влажной палой листвой, точно в гуще леса, и еще как будто бы тленом и сырой землей, — и столь неожиданным показалось это здесь, в дворцовых покоях, в городе, что он даже поежился, то ли от отвращения, то ли от внезапно нахлынувшей тревоги.

Он огляделся по сторонам в приемной, где оставил его дожидаться принц (у Нумедидеса это, похоже, входило в привычку), но, насколько он помнил, здесь почти ничего не изменилось, все стояло на тех же местах, что и прежде, и это почему-то удивило его.

Утонченное чутье адепта Черного Кречета настойчиво твердило об опасности, но пока он не мог установить ни источника, ни вида угрозы, и это заставляло Амальрика держаться настороже. Он даже пожалел на мгновение, что этикет не позволил взять с собой волкодава Вилера. Едва ли пес чем-то помог бы ему сейчас, но с ним барон чувствовал себя как-то спокойнее.

Но вот слуга пригласил его войти.

Принц Нумедидес поднялся ему навстречу. Немедиец сразу отметил, как плохо тот выглядит, — лицо отекает, покрыто испариной, нездоровый блеск в глазах... Впрочем, если учесть жару, что царил в помещении, — по сравнению с этой комнатой в приемной был просто лютый холод, — это было неудивительно.

И запах... здесь он был еще сильнее.

Лишь усилием воли Амальрику удалось подавить тошноту. И голос его, на безупречном лэйо, прозвучал сдавленно, словно чужой.

— Я благодарен Вашему Высочеству за то, что вы соизволили принять меня в столь поздний час. Надеюсь, поводом к приглашению не стали какие-то неприятности или дурные вести. — Искоса наблюдая за Нумедидесом, посланник заметил, как вытянулось у того лицо от столь официального тона. — Что касается меня, то я всегда готов служить Вашему Высочеству в меру моих скромных возможностей.

— А... Да... Хм-м, разумеется, барон... — Похоже, принцу было нелегко сосредоточиться. Взгляд его блуждал в пространстве, ни на чем не задерживаясь, на оплывшей физиономии застыла болезненная гримаса. — Я рад... Рад видеть вас. Не угодно ли присесть.

Они опустились в кресла, при этом Амальрик с удивлением отметил, что Нумедидес поспешил занять то, что стояло ближе к камину.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить?

Пить барону не хотелось, однако отказываться было бы недипломатично.

— С удовольствием, Ваше Высочество.

Принц кликнул слуг.

Некоторое время, в ожидании, пока их оставят наедине, оба молчали. Барон Торский отпил немного вина из бокала и отставил его в сторону. Принц же свой кубок осушил до дна. Наконец, решив, что молчание слишком затянулось, немедиец подал голос:

— Позволено ли мне будет узнать, как здоровье Вашего Высочества?

Нумедидес каркаяще засмеялся, безумным взглядом подмигивая Амальрику.

— Да вы шутник, барон! Мне ли не знать, что все новости в этой стране вы всегда узнаете первым. Не удивлюсь, если придворные лекари первым делом бегут с докладом к вам, а не ко мне!

Хорошо, если он и вправду так думает...

— Боюсь, вы переоцениваете мои способности, принц. В действительности, мне известно куда меньше, чем последнему из ваших придворных. После кончины короля

Аквилонии они точно сговорились избегать меня. Уж не стал ли я жертвой наговора — или монаршей немилости?

Это был рискованный пробный шар, от которого, к тому же, Амальрик не ожидал особого толку, однако отношения их с Нумедидесом перешли уже ту грань, когда еще уместны недомолвки и полутона. Смерть короля все перевернула, и Нумедидес — это было ясно и слепому, — готовился захватить власть, не считаясь ни с какими преградами. Основное препятствие в лице своего кузена, впрочем, он уже успешно преодолел... но если он рассчитывал таким же образом оттереть в сторону и Амальрика Торского, то, пожалуй, самое время было показать ему, что он просчитался.

И, должно быть, принц наконец понял это. Угрюмое недовольство на лице его неожиданно сменилось любезной улыбкой и, рассеянно пожевав губами, он развел руки в стороны с видом самого искреннего раскаяния.

— Ну что вы, барон! Что могло дать вам повод подумывать подобное? Дядюшка всегда относился к вам с уважением и любовью — так, что порою даже заставлял ревновать наших аквилонцев. И вы можете ни на миг не сомневаться, что и преемник его — кто бы он ни был — переймет это доброе отношение к вам, и как к дуайену великой державы, и просто как к чудесному человеку, умнейшему собеседнику и верному другу.

Немедийцу ничего не оставалось, как рассыпаться в благодарностях.

Разумеется, он не заблуждался насчет искренности этих слов, столь же натянутых, как и улыбка принца, однако это внушало определенную надежду. Похоже, тот не чувствует себя достаточно уверенным, чтобы объявить военные действия в открытую, и предпочитает пойти на мировую. А значит, еще возможна торговля, взаимные обещания и определенные перспективы... Определенно, за это стоило выпить!

И барон поднес бокал к губам.

Нумедидес одобрительно закивал, и по его сигналу слуга вновь наполнил бокалы. Выпитое ли было тому виною, или что еще, но барон заметил, что собеседник его держится куда увереннее, чем в самом начале разговора, речь его сделалась более связной, а взгляд осмысленным. Ему, правда, не по душе было выражение скры-

того лукавства в этом взгляде — но точно так же ему было не по душе многое из того, что связано с Нумедидесом. С этим оставалось лишь смириться.

— Могу ли я осведомиться, нет ли новостей в деле о покушении? — задал он вопрос, тревоживший его вторые сутки. — Сознался ли убийца, кто подослал его на подлое дело?

Принц сокрушенно всплеснул руками.

— Эти негодяи оказались хитрее, чем мы думали. Их наймит — нем, как рыба. Возможно, от природы, или его околдовали... не важно. Но палачу ничего не удалось от него добиться.

— Чудовищно! — Амальрик с трудом сумел сдержать вздох облегчения. Значит, Марна сдержала слово.

— Что за ужасное злодеяние! Но, насколько я могу уяснить, против принца Валерия нашлось достаточно свидетелей, чтобы уличить его в подготовке покушения?

— О, да! — Впервые за все время Нумедидес улыбнулся искренне, от души. — Валерий, этот гнусный предатель — язык не поворачивается назвать его кузеном. Подумать только, что за гнусную змею пригрел на груди мой дядя!

— Подумать только! Но насколько весомы доказательства против него? Ведь в таком щекотливом деле...

Нумедидес хихикнул, потирая руки, с которых — с удивлением отметил Амальрик — исчезли все золотые перстни, которыми тот щеголял обычно; снят был даже филигранный золотой колпачок, что он носил на непомерно длинном, по последней аквилонской моде, ногте левого мизинца. Грубые массивные подделки из красной меди заменили их — должно быть, принц обеспечил работой всех ювелиров Лурда, чтобы изготовить их так быстро. Но зачем это могло понадобиться ему?

— В таком деле как раз, барон, особых доказательств и не требуется. Кому как ни вам это знать! — Нумедидес вновь засмеялся. — Однако в данном случае убийца оставил неопровержимую улику — хауранский кинжал. Все видели его у Валерия, и другого такого не найти. Это ли не доказательство?! И это еще не все...

Он заговорщически округлил глаза, наклоняясь к барону:

— Вы помните, с покойным Винсентом Амилийским мы предупреждали короля, что никто иной, как его возлюбленный племянник учинил злодейство в доме Тиберия, дабы отомстить его дочери. Теперь доказано и это!

— Что вы говорите? — поднял брови Амальрик.

С недавних пор все, что касалось Релаты Амилийской, живо интересовало барона. Неужто Нумедидес докопался до чего-то существенного?

— О, да! Вы не поверите, когда услышите, барон. В апартаментах Валерия был проведен обыск, и что же, вы думаете, удалось отыскать там стражникам?

— Что, Ваше Высочество? Умоляю, не томите меня неизвестностью!

Неужели они нашли Релату? Но почему тогда об этом не трубят по всему дворцу?

— Было найдено свидетельство, что втайне шамарский выкормыш предавался грязному чернокнижию!

И, вскочив внезапно, Нумедидес схватил с каминной полки какую-то статуэтку и протянул Амальрику:

— Взгляните сами, барон! Разве это не колдовство?

Амальрик внимательно осмотрел фигурку. Она была вырезана из темного дерева с таким мастерством, что невольно брала жуть, и немедийцу стало ясно, почему так настойчиво твердил принц о магии. Чем больше вглядывался он в изображение, тем больше замечал деталей, переданных столь реалистично, что невозможно было поверить, чтобы их мог высечь резец смертного. Каждая ресничка, каждый ноготок были переданы с пугающей точностью; ямочки на щеках, родинка в уголке губ — ничто не было забыто.

— Да, принц шамарский искусный мастер, — заметил он нейтрально, возвращая статуэтку. — Едва ли прежде мне доводилось видеть нечто подобное. Если, разумеется, не считать оригинала.

Должно быть, голос его прозвучал странно, ибо Нумедидес внезапно насторожился.

— Что вы хотите сказать, барон. Насколько мне известно, Релата Амилийская погибла в пожаре вместе с отцом и братом. И нужно благодарить судьбу за это! Смерть была для несчастной предпочтительнее той участи, что готовил для нее проклятый шамарец!

— Возможно, вы и правы, — пожал плечами Амальрик.

Внезапно ему захотелось уязвить Нумедидеса, показать тому, что не так уж он и всеведущ, как воображает, и есть множество вещей, сокрытых от него, что известны барону. Он хотел доказать принцу, что без него тот по-прежнему не сможет обойтись...

— Однако я слышал иное. Знаете ли вы, что последние несколько дней принц скрывал в своих покоях женщину? И держал это в такой тайне, что даже слуги его не все знали об этом.

— Вот как? Этот скромник-монах? — Сальная улыбочка растянула губы Нумедидеса. — Но что за важность, право. Женщины — да у кого их нет!

— Но одна другой рознь, согласитесь. И незамужняя девица знатного рода — совсем не то, что какая-нибудь продажная кукла из Квартала Утех.

У Нумедидеса округлились глаза. Посланник говорил намеками, намеренно ходил вокруг да около, однако он уже начал догадываться, к чему тот клонит. Не в силах сдержать возбуждения, принц вскочил, судорожно сгискивая в пальцах деревянную статуэтку, так что барон побоялся даже, как бы он не сломал ее.

— Не может быть! Я не верю! Она не могла... Не могла!.. — Голос его сорвался на визг. — Умоляю, барон, скажите, что это неправда...

Амальрик в недоумении следил за принцем. Он ожидал реакции — удивления, возмущения — но это было уж слишком. Без сомнения, здесь крылось нечто, о чем он доселе не подозревал. Неужто Нумедидес, этот жирный похотливый баран...

— Да, Ваше Высочество, — подтвердил он невозмутимо. — Эта особа — никто иная, как Релата Амилийская. Дочь покойного барона Тиберия.

Принц рухнул в кресло.

— Не могу поверить, барон. Вы отвечаете за свои слова?

— Совершенно. — Амальрик был оскорблен. — Девица скрывается в Алых Палатах уже несколько дней — и, по всей видимости, состояла в принце Шамарском в греховной связи.

— Но она же погибла! В Амилии!

Немедиец покачал головой.

— Ее тело так и не нашли. Предполагалось, что труп был так изуродован пожаром, что ее попросту не сумели опознать... однако, судя по всему, судьба оказалась к ней милосердна.

— Но как могло такое случиться?

Посланник развел руками.

— Увы, мне это неизвестно. Возможно, принц похитил ее с намерением сделать своей женой, но позже, после налета бандитов на Амилию, не решился признаться в содеянном. Возможно, если он сам этот налет учинил, то похитил ее именно тогда, и с не столь благородными намерениями. Полагаю, девица сама расскажет вам об этом, если Ваше Высочество соизволит допросить ее.

— О, да, допросить ее! Да...

Похоже, мысль эта пришла принцу по душе, он довольно потер руки и на несколько мгновений погрузился в раздумья, но затем вновь вскинул голову. Хищный огонек вспыхнул в заплывших жиром глазах.

— Однако, согласитесь, это не снимает с принца обвинения в чернокнижии. Несомненно, он воспользовался колдовством, чтобы добиться взаимности от девицы. Разве возможно иначе представить, чтобы дочь благородного рода допустила такой позор и так запятнала свою честь?!

В этом Амальрик не мог с ним не согласиться. Что-то в этой истории было нечисто. Однако Валерий — и магия... в это верилось с трудом.

— Принц мало похож на чернокнижника, — заметил он осторожно.

Нумедидес осклабился, не выпуская маленькой Релаты из рук.

— Ах, полноте, барон! Вам ли не знать, что Валерий много лет провел на Востоке. Он сам рассказывал, что являлся там с колдунами и демонами. Черная магия, должно быть, не имеет для него тайн. Сам Сет направлял его руку, когда он творил это изображение! — Принц закатил глаза, точно моля покровительства у небесных защитников. — Но теперь злодей разоблачен и понесет наказание. Все прошлые грехи припомнятся ему, в этом можете не сомневаться.

— Полагаю, ни у одного из королевских советников подобная версия происшедшего не вызвала сомнений?

Посланник позволил толике иронии закрасться в свой голос, ожидая реакции Нумедидеса. Тот не мог не понимать вздорности этих баек, годных разве что пугать младенцев... или слабоумных старцев, заседавших в королевском совете. Однако Нумедидес словно и не заметил скрытого в словах собеседника подтекста. Когда Нумедидес говорил о вине Валерия, глаза его загорались такой ненавистью, что в искренности его чувств невозможно было усомниться.

— Никаких сомнений, разумеется! Они даже готовы были прибегнуть к попытке, дабы заставить злодея сознаться в том, по наущению каких темных сил умышлял он против Аквилонии — и мне больших трудов стоило уговорить их проявить милосердие. Однако все они были непреклонны в том, что преступника должна постигнуть самая суровая участь.

Ого! Это заставило немедийца призадуматься. Не удивительно, что придворные, все как один, бегут от него, точно от чумы. Кому же хочется сознаться, что при дворе замышляется убийство особы королевской крови! Между собой они еще могут это принять — но перед чужеземцем надобно держать лицо.

Говорить о подобных вещах с посланником Немедии для них — преступно и равносильно самоубийству.

И все же хотел бы он знать, как удалось Нумедидесу добиться своего. Вельможи в Тарантии слишком циничны и искушены в интригах, чтобы поверить в нелепую сказку о демонах и черном колдовстве! Однако, по большому счету, это не играло значения. Интересно другое...

— И что же, позвольте узнать, ждет преступника теперь?

— Ну-у... — Нумедидес был намеренно уклончив, — это должен решать Суд Герольда...

— И что же решит этот суд?

По искренности улыбка барона ничуть не уступала принцу — и настойчивостью он был не обделен. Появившись еще немного, Нумедидес уступил.

— Полагаю, он примет единственно возможное решение. Я, разумеется, настаивал на ссылке...

— Разумеется.

В одно это слово посланник вложил весь свой сарказм. Нумедидес, однако же, как будто ничего и не заметил.

Самое поразительное, сказал себе Амальрик, что этот жирный боров как будто бы и впрямь искренне верит во все, что говорит. Или он великий лицедей — но прежде за ним этого как будто не замечалось... или он поменялся на почве ревности и властолюбия.

Поразительно!

— ...Но советники были непреклонны, — продолжил принц. — Убийцу короля ждет смерть. И, поскольку преступление было беспрецедентным по жестокости и коварству, кара также будет соответствующей. Советники сошлись во мнении, что это необходимо, дабы преподать урок возможным злоумышленникам в будущем.

— Вот как? И какая же смерть уготована Валерию Шамарскому?

— Он будет принесен в жертву древним богам. Жрец вырвет у него сердце на алтаре Цернунноса.

— Что-о?!

Впервые за все время Амальрик не сумел сдержать эмоций. Сперва он даже решил, что ослышался.

— На алтаре Цернунноса? — переспросил он в изумлении. — Но разве этот бог... А как же Митра?

И сам поморщился от того, насколько жалкой получилась последняя реплика.

Судя по его виду, принц Нумедидес от души наслаждался тем эффектом, что произвели его слова на немедийского посланника. Пылающим взглядом он впился в его лицо, и пальцы его, судорожно сжимавшие подлокотники кресла, побелели от напряжения.

Боги, подумалось Амальрику, и он даже не знал, к каким богам обращается. Боги, что за чудовище я вскормил? Собственными руками возвел на трон! Что он сотворит с этой страной... что сотворит он с нами со всеми?!

— Я верно понял вас, принц? Вы сказали, что собираетесь ознаменовать свое вступление на престол жертвоприношением на древний валузийский лад, каких в Аквилонии не было уже много сотен зим? Это правда?!

— Именно так, барон. Именно так.

Лоснящееся лицо Нумедидеса неожиданно расслабилось, и он расплылся в довольной улыбке, точно все сказанное им до сих пор было лишь удачной шуткой. На миг у Амальрика зародилась надежда, что это и впрямь

может быть так, но уже следующие слова принца развеяли ее в прах.

— Вилер будет похоронен по обрядам Митры — это последняя уступка, которую я согласен сделать Солнцегороуму. Иначе это слишком многих настроит против нового аквилонского монарха. Но начиная со дня коронации я намерен вернуть стране ее древних богов. И жертва Цернунносу будет отличным началом. Кровь королевского дома! Бог-олень будет доволен!

Странное вождение отразилось на лице его, точно он сам готов был принять кровавую жертву и испытать теплой соленой влаги... даже губы чуть приоткрылись, он задышал ртом, часто и тяжело, точно пес после погони.

И Амальрик впервые, с ужасающей отчетливостью понял, что наследный принц Аквилонии безумен.

Знал ли это Вилер, когда говорил с немедийцем в библиотеке? Знал ли, что за погибель уготована его родному краю, предвидел ли это? И первым разгадал признаки заразы там, где остальные не видели ничего тревожного. Что же он завещал Амальрику?

Стать его врагом!

Уничтожить проклятый род!

Стереть с лица земли...

— Вы что-то побледнели, мой барон.

Голос Нумедидеса был полон участия, но тому послышались в нем зловещие нотки, и он не без опаски поднял на принца глаза.

— Вам не по себе?

Нумедидес поднялся с места и прошел к столику у окна, где стояли кувшин вина и бокалы. Повернувшись спиной к посланнику, он разлил вино, затем вернулся на место и протянул один кубок немедийцу. Тот, точно околдованный, принял его и поднес к губам.

— Выпейте. Вам полегчает. Выпейте, друг мой...

Что за невероятная, чудовищная история! Амальрик широко открытыми глазами смотрел на Нумедидеса, силясь проникнуть в суть происходящего и чувствуя, что разум не в силах совладать с тем, что открывается ему.

Нумедидес — и Цернуннос.

Он помнил охоту Осеннего гона и встречу с Богом-оленьем. Должно быть, все началось еще тогда...

Пробужденное древнее божество наложило на принца заклятье. Должно быть, подчинив Нумедидеса своей воли, Цернунос пытается теперь вернуться к жизни в давней своей вотчине, бывшей Валузии, что зовется ныне Аквилонией. Стать главенствующим божеством, заняв место Митры... но что потом? Остановится ли кровожадный бог на этом — или ему потребуется все больше поклонников... и жертв на кровавых алтарях?

И куда повернет он взгляд вслед за тем?

...жалкий червь Нумедидес, сын проклятого небом Серьена, разбудил древнюю валузийскую мощь, и никто ей может сравниться с ней по силе и противостоять ей. Аквилония обречена страдать под властью безумца...

Эти полузабытые слова Марны загрохотали в его ушах. Подумать только, то, что он посчитал бредом кликушеской колдуньи и тотчас выбросил из головы, оказались правдой. Выходит она *знала*?! Знала, но вертела им и Орастом, словно марионетками. О, Боги! Каким безумцем он был! Зачем, зачем не доверился он ведьме? Почему не сделал так, как она велела поначалу, и не поставил на Валерия?

Цернунос! Бог-Олень!

Амальрику показалось, что он слышит грохот чудовищных копыт за окном.

Грядет Цернунос и безумный принц — предтеча его...

Он обхватил виски ледяными ладонями.

Стоп! Не паниковать! Еще ничего не потеряно. Все то, что прочит этот безумец, еще не случилось. Еще можно что-то сделать, остановить поступь Древнего Бога...

Но как? Как? Что может он, жалкий недоучившийся чернокожик, противопоставить валузийской магии, зачатой сотни эонов назад? Как остановить ревущую горную лавину?

Да, он хотел войны с Аквилонией! Мечтал о ней, чтобы свергнуть Нимеда и посадить на престол принца Тараска, с тем чтобы самому стать тенью за троном, а фактически, самым могущественным человеком в Немедии.

А потом сделаться наместником покоренной Аквилонии — но только не той, где правит бал разбушевавшийся зверобог!

Да и удастся ли Немедии теперь взять верх в войне? Не окажутся ли силы слишком неравны?

От этих мыслей посланнику и впрямь сделалось не по себе.

Машинально он поднес к губам бокал.

— Пейте, пейте, барон, — точно издалека донесся до него голос Нумедидеса. — Я знаю, вы удивлены. Возможно, даже несколько выбиты из равновесия... Пейте! Это доброе вино поможет вам прийти в чувство, и вы взглянете на все другими глазами. Вы не сможете не согласиться со мной, ибо за мной — будущее!

Но Амальрик решительным жестом отставил бокал и усилием воли подавил охватившее его смутение.

— Сожалею, Ваше Высочество, но за вами прошлое, а не будущее! Валузийские боги, к которым вы взываете, — кровавое наследие далекой древности, и не нам отворять земле жилы, чтобы черная кровь вновь хлынула по долам и весям. Одумайтесь, молю вас!

Он еще верил, что может обратиться к разуму принца. Цеплялся за остатки ускользающей с каждым мигом надежды.

— Задуманное вами таит опасность для всей Аквилонии и для вас лично! Заклинаю вас именем Митры — одумайтесь!

Нумедидес вскочил.

— Предатель! — прохрипел он, задыхаясь. — Я знал — с самого начала знал, но хотел испытать, дать последний шанс... Теперь я вижу ясно. Предатель! Враг!

Крупные капли пота катились градом по багровому лицу со вздувшимися жилами. Принц был страшен в тот миг, и остолбеневший Амальрик мог лишь молча взирать на беснующегося наследника престола, ожидая, пока кончится приступ.

— Ваше Высочество, — осмелился наконец он молвить. — Вам, лучше чем кому бы то ни было известно, что я никогда не был вашим врагом. Разве не я вел вас к власти? Разве не я стоял на вашей стороне с самого начала?

Но Нумедидес был вне досягаемости для его увещаний. Кругами забегал он по комнате, тяжело топая ногами, обутыми в высокие охотничьи сапоги.

На губах выступила пена. Взгляд его был безумен.

Неожиданно он встал, как вкопанный, и трубно заревел.

От этого звука зазвенела посуда, взметнулось пламя в очаге, и разом погасли свечи в диковинных деревянных шандалах, грубо выточенных из цельного корня.

Чудовище наклонило голову, словно собираясь боднуть немедийца, и тот окаменел, увидев на челе безумца набухшие холмики молодых рогов.

Нумедидес оскалился и закричал:

— Стража! Стража, ко мне! Взять его!

Аой.

ВРЕМЯ ПОЕДИНКА

Тотчас двое ратников выросли на пороге.

Это были не Черные Драконы, а наемники из Вольного Отряда, те самые, что дежурили у входа в апартаменты наследника.

— Он предатель — он хотел убить меня! — брызгал сплюной Нумедидес, указывая на барона. — Хватайте его! Закуйте в кандалы!

Солдаты безмолвно обнажили клинки.

Амальрик рывком обернулся к ним. Время разговоров прошло, понял он.

Должно быть, Нумедидес с самого начала замыслил расправиться с ним и ждал только предлога. Все остальное было лишь хорошо разыгранным представлением.

И теперь барон был безоружен перед двумя опытными воинами с мечами наизготовку.

Как он был самонадеян, когда шел сюда без оружия.

Глупец! Он вообразил, что достанет нескольких угроз, чтобы образумить зарвавшегося царедворца.

Воистину глупец!

Куда подевалась его бывшая осторожность? Где его расчетливость, не раз выручавшая в жизни? Разомлев в дремотном аквилонском курятнике, он позабыл о том, что верить нельзя никому.

Его подло обманули. Обвели вокруг пальца. И кто? Обрюзгший болван, вообразивший себя центром мироздания!

Рука барона машинально метнулась к левому бедру, но, спохватившись, он отдернул ее.

Нельзя!

Нельзя хвататься за меч. Декоративный клинок разлетится на куски при первом же ударе. А так преимущество, пусть мимолетное, на его стороне. Пока эти болваны не ожидают сопротивления от безоружного.

Мелькнула мысль о ядовитом шипе, что мирно покоился в кармане, но он тут же отогнал ее.

Обороняться маленькой колючкой против двух мечей было бы сущим безумием. Шип хорош, когда нужно незаметно оцарапать жертву. Лучше всего в толпе, чтобы можно было быстро затеряться в задних рядах, пока кто-то сообразит, почему здоровый крепкий человек вдруг мгновенно распластался, словно студень, и, спохватившись, начнет оглядываться "вокруг..."

Амальрик быстро повел глазами, оценивая обстановку. Эрлик, как тут тесно! Для прыжка негде развернуться. Хотя, если вдуматься, в столь ограниченном пространстве не очень-то помашешь мечом. А это работает на него.

Он мгновенно расслабился и столь же мгновенно напружинил мышцы.

Со стороны казалось, что посланник стоит в замешательстве, оторопело глядя как к нему приближаются двое стражников. Но на самом деле барон успел сконцентрироваться и был готов к бою.

Хмель быстро проходил, и стальные мышцы были готовы исполнить любую команду мозга.

И когда наемники вразвалочку подошли к нему, нагло ухмыляясь, уверенные, что их жертва дрожит от страха, и первый, протянув здоровую волосатую ладонь, попытался схватить его за рукав — барон резко откинулся назад.

Не ожидав такого, наемник потерял равновесие.

С истошным боевым воплем, заледенившим бы душу самого Сета, немедиец прыгнул вперед, вырываясь из объятий второго стражника, схватившего его сзади, и локтем нанес стремительный удар в висок первому врагу.

К несчастью, тот успел отдернуть голову, и рука барона прошла вскользь, лишь слегка задев болевую точку. Но, воспользовавшись преимуществом, дарованным внезапностью, Амальрик успел отскочить в сторону и занять более выгодную позицию, спиной к камину.

Теперь, по крайней мере, оба нападающих находились перед ним, и можно было не опасаться удара сзади.

— Хватайте его, болваны! Что вы медлите! — надрылся где-то в бесконечном далеке Нумедидес, но он находился вне круга, очерченного для боя немедийцем, и потому, с тем же успехом, мог бы вызывать из глубин Преисподних. Амальрик знал, что у него лишь два реальных врага. Принц был сейчас лишь досадной помехой.

Он смотрел на наемников, стараясь поймать взгляд обоих одновременно. Это было сложнее, чем удерживать взор одного человека — но он знал, что справится.

В глазах все намерения человека отражаются прежде, чем осознает их разум и начинает выполнять тело — это известно любому бойцу. Амальрик знал также, как набрасывать на свой взор незримую пелену, дабы помешать противнику разгадать свои замыслы. Но стражники не были обучены этому искусству. И потому все намерения их он читал столь же ясно, как если бы они кричали об этом в голос. Что, однако, не меняло того обстоятельства, что у них в руках были острые мечи, а у барона ничего, кроме...

Когда-то в Торском замке наставник, обучавший маленького Амальрика воинскому искусству, говорил: для истинного мастера боя в самой обычной комнате найдется не менее дюжины дюжин предметов, могущих служить смертоносным оружием.

Он неустанно, изо дня в день тренировал его, оттачивая память до того невообразимого совершенства, что под конец обучения мальчик без труда мог, осмотревшись в течение трех мгновений в незнакомых покоях, безошибочно, с закрытыми глазами отыскать любую вещь. И потому сейчас рука его нащупала за спиной каминные щипцы так уверенно, точно он сам каждый день ставил их на это самое место...

С хищной усмешкой он кивнул наемникам.

— Вы, кажется, хотели помешать мне покинуть покои вельможного принца? У вас есть еще время одуматься.

И, не меняя выражения лица, яростно рявкнул:

— Дорогу!

Это могло сработать. Это почти сработало. Повинуясь командному тону, стражники чуть заметно отодвинулись... Но крик Нумедидеса разрушил чары.

— Проклятые олухи! Выродки свиньи! Хватайте же предателя! Хватайте его!

Наемники бросились в атаку.

Им помешало то, что они ринулись вперед в один и тот же миг, и столкнувшись в узком пространстве между креслами у камина и зингарским шкафчиком близ него, на миг зашепкались.

У того, что был слева, не хватало пространства для маневра, и он не мог замахнуться, так что меч оставался в руках его бесполезной игрушкой.

Второй же вырвался наконец вперед — и тут его встретил Амальрик.

Каминные щипцы против острого меча — смехотворная защита! Однако барон и не думал защищаться. Он перешел в нападение.

Любое оружие или предмет, служащий таковым, вспомнились ему слова наставника, как бы ни были они различны внешне, подобны внутренне. Пойми, к какому типу относится избранная тобой вещь, и действуй соответственно. Будь то веер, кисть или спица — ты всегда добьешься успеха.

Каминные щипцы взмыли вверх навстречу мечу. Лезвие попало как раз меж медных рогов. Амальрик знал, что переломить сталь ему едва ли окажется под силу, хотя со старым отцовским трезубцем, помнится, откалывал номера и почище, но сейчас ему требовалось иное.

Не выпуская клинка из захвата, он повернул руку и с силой дернул на себя.

Меч отклонился.

И в тот же миг каблук Амальрика впечатался наемнику в горло.

Что-то хрустнуло, подалось под его ударом, и воин рухнул, как подкошенный, с выражением немислимого удивления на грубом лице. Не давая времени второму нападающему опомниться, барон нырнул вниз, ему под ноги, и, когда выпрямился, меч убитого сверкнул в его руке.

Теперь они были на равных.

— Ты!.. — прохрипел наемник. — Ты убил Жука! Я прикончу тебя, как собаку!

Барон и не думал отвечать. Не сводя глаз с противника, он зорко следил за всеми его движениями. Он видел, что тот куда опытнее своего приятеля, а теперь, когда он знает, чего ждать от немедийца, будет опасен вдвойне.

Краем глаза он проверил, что делает Нумедидес.

Не годится оставлять гадюку без внимания — она может укусить, когда этого меньше всего ждешь. Но принц застыл, точно окаменел, в другом конце комнаты. Он был бледен, как смерть, и заворуженно наблюдал за поединком.

Надо кончать игру, пока он не опомнился и не позвал подмогу, сказал себе Амальрик. Иначе это станет небезопасно...

И вновь глаза наемника выдали его намерения.

Когда он шагнул вперед, нанося обманный удар сверху, чтобы затем резко перевести меч вбок, рассчитывая поразить противника под ребра, клинок барона встретил его на полпути. Сталь сшиблась со сталью и запела призывно, точно подавая знак ледяным девам, уносящим души павших в Долину Воинов.

Лицо наемника исказилось от ярости.

— А, немедийские штучки, — прорычал он. — Бойтесь драться, как честные люди! Вам бы все с подлечой, с изворотом...

Амальрик и на сей раз не удостоил его ответом. Теперь он сам сделал выпад — пробный, вполсилы, который противнику отразить не составило труда.

Наемник ринулся на него, словно бешеный бык.

Его удар, в который он вложил всю злость и жажду мести, был страшен.

Замешкайся барон хоть на мгновение, и воин разрубил бы его пополам. Но он успел отскочить в сторону, со стремительностью лесной кошки, и лезвие, слегка задев плащ, лязгнуло о решетку камина.

Та рухнула в огонь, и пылающие головни, в облаке рдяных искр, разлетелись в разные стороны.

Посланник вскрикнул от боли — огонь опалил ему бедро. Он рванулся в сторону, налетел на стоявший у камина столик, потерял равновесие, зашатался...

Наемник, воспользовавшись его замешательством, ударил вновь, и немедиец едва успел выставить свой клинок. Лезвие, поврежденное щипцами, не выдержало нового удара и раскололось, точно стеклянное, так что в руках барона остался лишь бесполезный обломок.

Торжествующий вой Нумедидеса предупредил его. Не успевая восстановить равновесие, барон сделал единствен-

ное, что было возможно в такой ситуации, — продолжил падать, и, едва коснувшись пола, откатился в сторону.

Затем, ухватившись за спинку кресла, в котором сидел во время беседы с принцем, рывком вскочил так, чтобы кресло оказалось между ним и противником.

— Теперь не уйдешь, немедийская собака! — прорычал стражник. — Нергаловы демоны будут жрать тебя в аду!

У обоих пот градом катился по лицу, дыхание вырывалось с хрипом, точно из дырявых мехов... И все же Амальрик сознавал, что, даже безоружный, имеет преимущество над противником. Тот явно привык к открытым пространствам, драться в тесной, загроможденной комнате было для него внове. Окажись они где-нибудь на поляне, и у барона не было бы ни единого шанса, но здесь...

Он не терял надежды.

Противники кружили вокруг кресла, будто в танце, движения их были замедленными и точно повторяли друг друга. Было в этом кружении нечто гипнотическое, зачаровывающее... Амальрик не останавливался ни на миг, удерживая ровный ритм движения, не выпуская взгляда наемника, почти силой принуждая того смотреть ему в глаза.

Это будет длиться вечность, внушал он стражнику. Вечность. Целую вечность мы будем двигаться так, в едином потоке, что несет нас, несет нас прочь, уносит нас... Унесит нас...

Ему удалось создать этот поток. Он почти мог видеть сияющую серебристую реку, подхватившую их; видел, как против воли поддался противник его магии, утратил собственную волю, покоряясь велению немедийца. Это длилось лишь мгновение — но этого оказалось достаточно. Враг его еще плыл в танце, связанный по рукам и ногам навязанным ему ритмом, когда Амальрик разорвал стягивающие его путы, метнулся в сторону и, используя спинку кресла как упор, оттолкнулся, перевернулся в воздухе, и, как ястреб на добычу, камнем рухнул на наемника.

Тот опоздал всего на миг, и миг этот стоил ему жизни.

Меч его оказался бесполезен против врага, обездвигившего его собственным телом. Он неловко рванулся, пытаясь высвободиться, но Амальрик мгновенно уловил ритм движения, использовал его, чтобы лишить воина равновесия, и повалил на пол.

Меч, отброшенный в сторону, с лязгом ударился о камин.

Как кошка, немедиец вскочил на спину поверженному противнику, обхватил его одной рукой за шею, другой уперся в плечо — и резко рванул.

Раздался хруст ломающихся позвонков. Наемник дернулся в его объятиях и затих. Голова его, неестественно повернутая, ударилась об пол.

Он был мертв.

Амальрик поднялся, пытаясь преодолеть дрожь, охватившую все его тело, и поймал взглядом Нумедидеса.

Принц вжался в стену, затравленно следя за немедийцем. Должно быть, он не сомневался, что конец его близок.

Барон опустил руку в карман. Что ж, не зря он взял с собой смертоносную игрушку. Сейчас шип ядозуба пригодится ему. Он с наслаждением вонзит его в это рыхлое, трясущееся от страха тело, и не пройдет и четверти клепсидры, как этот ублюдок наконец осчастливит своей грязной душонкой демонов из Преисподних Зандры. Но до того будет вить, не хуже своего Оленя-хозяина, чувствуя, как растворяются кости.

Достойная смерть для такого ублюдка...

Но где же он? Где шип, начиненный смертельным ядом? Смерть, покоящаяся в синем шагреновом чехольчике?

Пальцы Амальрика выплили наружу через дыру в кармане.

Митра! Похоже, он выронил его в пылу сражения!

Барон взглянул на пол, усыпанный черепками разбитой посуды, тлеющими угольями и обломками мебели, среди которых лежали два трупа, и стиснул зубы от досады.

Искать сейчас здесь маленький чехольчик, значит уподобиться глупцу из притчи, что потерял булавку в скирде сена.

Нергал с ним! Жаль, конечно, вещь, да и цену он заплатил за нее немалую... Ну не беда, в Торском замке есть еще три таких же.

Он перевел взгляд на принца.

Потом поднял меч и нацелил его лезвие в толстое брюхо Нумедидесу.

Вот и все! Прощай, принц, которому так и не суждено стать королем!

И немедиец нанес сокрушительный удар своей жертве прямо в живот.

Но что это? Меч скользнул в паре семов от жирного тела и ушел в сторону.

Удивленно посмотрев на клинок, барон повторил удар на этот раз наотмашь — с плеча, целясь в потную шею.

Но к его изумлению голова принца осталась на месте, а лезвие, чиркнув по невидимой преграде, пропороло гобелен за его спиной.

Амальрик грязно выругался и швырнул меч на пол. Он понял, что бессилен что-либо сделать.

Нечто препятствовало ему. Защитные чары Цернунноса надежно хранили своего раба.

Искушенный в магии барон, скрежеща зубами, отступил.

Пытаться убить Нумедидеса сейчас было сродни тому, чтобы сокрушить лурдский донжон заколкой для волос.

Все его умения были ничемны перед древним колдовством.

Что ж, еще придет время, когда он с легким сердцем раздавит эту гадюку.

— Я запомню вашу доброту, принц.

Он старался, чтобы голос его звучал ровно, но это давалось ему с трудом. Дыхание еще не восстановилось — слова выплескивались рывками и оттого звучали еще более жутко.

— Черный Кречет никогда не забывает платить по счетам — а я отныне в долгу перед вами. И я отплачу! Можете считать, я принес клятву на гербе Торы.

Нумедидес не ответил. Казалось, он лишился чувств от страха и перестал сознавать, что творится вокруг. Глаза его закатились, так что стали видны белки. Рыхлое тело дрожало, как в лихорадке. Сплюнув ему под ноги, Амальрик Торский двинулся к выходу.

Выйдя в приемную, он заметил, что из дверей выглядывают перепуганные слуги — но никто не осмелился преградить ему путь. Он вышел из покоев принца и привалился к стене, чувствуя, что должен отдохнуть хотя бы миг, прежде чем сделать шаг.

Внезапно странный звук, похожий на стук когтей, привлек его внимание чуть дальше по коридору.

Зверь!

Верный волкодав отыскивал его!

Амальрик опустился на корточки перед псом, который встревоженно ткнул его носом в плечо, и потрепал по загривку.

— Ничего, старина, и не таких волков заваливали!

Он усмехнулся. Морщась, потер обожженное бедро и с трудом поднялся на ноги.

— Ладно, пойдем прочь отсюда.

Амальрик двинулся вперед по коридору. Огромный серый волкодав покорно трусил следом.

* * *

От воя Нумедидеса содрогнулись стены дворца.

Слуги, трясущиеся от ужаса, попрятались по углам, не смея показать носа наружу. Они не ведали, что могло привести их хозяина в такую ярость, но слышали звон мечей, доносившийся из апартаментов принца, видели уходящего прочь немедийца, прихрамывающего, вздохмаченного, с трудом переставляющего ноги, и знали, что нечто ужасное, должно быть, стряслось там только что.

И когда наследник престола принялся судорожно звенеть колокольчиком, призывая челядь, ни один не осмелился тут же явиться на зов.

Они переминались с ноги на ногу. Смотрели испуганно друг на друга. Выжидали. Подталкивали друг друга локтями.

Звон оборвался.

Слуги наконец вытолкали вперед самого слабого — мальчонку, сына кухарки, забитого и запуганного. Несчастный куда больше боялся тумачов старшего повара, чем Его Высочества, которого до сих пор даже не имел счастья лицезреть вблизи.

Двое старших слуг втолкнули его в комнату, так что паренек едва не растянулся на ковре, и поспешно закрыли дверь.

Мальчуган вошел в приемную и оказался лицом к лицу с принцем, но поднять на него глаза было выше его сил. Он знал о сплетнях на кухне, что с хозяином,

мол, творится что-то неладное; своими ушами слышал сейчас его крик — человеческое горло не могло издавать таких звуков...

Он страшился поднять голову, уверенный, что глазам его предстанет чудовище.

Голос принца, однако, звучал совершенно обычно, разве что слишком сильно. Он словно бы и не обратил никакого внимания на то, кто явился на его зов, и обратился к мальчишке, как к одному из доверенных слуг.

— Ты... Слышишь... Мне срочно нужен киммериец, командир Вольного Отряда! Знаешь, где его искать?

Полумертвый от ужаса мальчишка кивнул, даже не вникая в смысл вопроса. Он понятия не имел, кто такой этот киммериец, но ответить отрицательно было бы выше его сил.

— Хорошо, — отозвался Нумедидес.

Голос его звучал уже совершенно спокойно, и мальчишка, преодолевая страх, осмелился поднять глаза на господина.

Вопреки ожиданиям, он не увидел ни зеленой чешуи, ни клыков длиной в ладонь. Перед ним был самый обычный человек, грузный, потный, с сальными прядями волос, торчащих из-под медного обруча. Вот только взгляд был странный, плывущий... Какой-то невидящий, точно обращенный внутрь.

Да, руки... Руки, которые, казалось жили отдельной жизнью, машинально играя какой-то маленькой синей вещицей.

— Пойди к киммерийцу, — отсутствующим голосом продолжал Нумедидес. — Передай, чтобы пришел ко мне немедленно. А впрочем, нет, — спохватился он тут же. — Не надо ему сюда. Нет. Сюда не надо...

Он как-то странно хихикнул, так что у мальчика мурашки побежали по коже.

— Просто скажи ему, чтобы отправил своих парней в апартаменты немедийского посланника. Пусть хватают всех, кого найдут! Немедиец — предатель! Он покусился на мою жизнь, жизнь владыки Аквилонии! Скажи Конану, он убил двоих его парней — там...

Нумедидес махнул рукой в сторону своего кабинета, и маленький слуга невольно возблагодарил Митру, что ему

не довелось войти в ту комнату. Ему никогда прежде не доводилось видеть мертвых.

— Так что всех в кандалы! Всех! Предатели!.. — последнее слово он выкрикнул с остервенением, и в голосе послышались отголоски того воя, что так напугал прислугу.

Мальчик едва не бросился наутек, но застыл, услышав окрик.

— Постой!

Голос его вновь звучал совершенно обыденно, и от столь резкого перехода делалось не по себе, точно не один, а два разных человека говорили его устами. Мальчуган, помимо воли, стал представлять, как прячутся в этом огромном грузном теле два маленьких сморщенных карлика... и, замечтавшись, едва успел поймать брошенный ему перстень.

— Передашь кольцо киммерийцу, — велел ему принц. — Там мой герб — пусть знает, что приказ от меня. Скажи, чтобы исполнил немедленно! Слышишь, немедленно! А не то этот лис от нас ускользнет!

Дрожа, как осиновый лист, мальчик выбежал из господских покоев.

Челядь тут же окружила его. Он едва успел передать поручение хозяина одному из старших слуг и вручить ему перстень, как вновь адский рев донесся из-за дверей.

Никто не сказал ни слова. Но на побледневших, вытянувшихся от страха лицах слуг читался неприкрытый ужас.

— Спаси и помилуй нас Митра, — едва слышно шептал кто-то, и нестройный шепот донесся со всех сторон в ответ:

— Спаси и помилуй, Солнцеликий!

* * *

...Он уйдет! Уйдет! Избегнет праведной мести!

Нумедидес заскрежетал зубами. Ненависть его к барону была так велика, что он забыл обо всем. Этот пес посмеялся над ним, угрожал ему, убил двоих его слуг... Смерть за это — слишком малое наказание! Но он отомстит. Заставит наглеца рыдать кровавыми слезами, вымаливая пощаду!

Принц зашелся в истошном клике.

Ненависть распирала его, точно горячий пар закрытый котел, и он *должен* был дать ей выход. Иначе, ему казалось, голова его взорвется, лопнет, точно перезрелый плод, и кипящая кровь, вырвавшись наконец на свободу, нескончаемыми потоками зальет все вокруг.

Он ощущал это давление во всем теле.

Невыносимо!..

Точно он рос изнутри, но тело оставалось прежним, и он отчаялся втиснуть свое огромное новое я в крохотную старую оболочку. Все внутри его klokотало, древняя мощь требовала выхода.

Ах, если бы руки его стали в три лиги длиной и превратились бы в руки гиганта, способные одним движением сносить горы, повергать в прах города, останавливать реки! И ноги сделались бы им под стать, и он пошел бы вперед, попирая землю, давя тщедушных людшек, чтобы мозги и кровь брызгали во все стороны...

Но он, великан, властелин, заперт в этом жалком теле!

И тогда мощь Цернунноса принялась искать иной выход.

Если он не может вырасти сам — другие станут его руками. Других оживит он, наделит толикой божественной силы, заставит исполнять свою волю.

Другие... Его верные слуги, рабы. Он видел их, чувствовал их близость. Ему стоило лишь позвать — и они откликнутся на зов, и двинутся ему навстречу, и преклонят колена пред властелином.

И они остановят предателя. *Они*, слуги его, руки его, не дадут убийце уйти! Они были уже совсем рядом.

Нумедидес простер длани, чувствуя, как kloкочет, требуя выхода, невиданная сила, пальцы его источают огонь, и пламя струится, течет вперед, неуправляемое, подобно стремнине, яростное, точно лава вулкана, и находит цель. И слуги его, бывшие прежде недвижимыми, оживают, и сходят с места, готовые исполнить волю призвавшего их.

...Где-то вдалеке раздался ужасающий грохот, точно обрушились стены дворца, и земля задрожала от удара. Где-то вдалеке послышался трубный рев идущих на бой оленей. Где-то вдалеке...

И в Охотничьем Зале Тарантии ожили олени лики.

Огромные звериные головы, прибитые к деревянным стенам, обретали тела.

Крошилась штукатурка, осыпалась мозаика, трескали шпалеры и лопались витражные стекла.

А в гулких коридорах дворца эхо разносило трубный клич беснующегося Бога, чья мощь была заперта в жалком теле человеческого червя.

Грядет Чернуннос!

...И охотник, вернувшись к очагу своему, стал обуян болезнью черной, разум мутящей, что случилось оттого, что посягнул он на Бога-Оленя, коему имя было Чернуннос. И стал очаг его, дом его, кров его гибнуть от мора, недорода и распри; и сгинул очаг его, дом его кров его в пуще леса Валонского, где хозяин Чернуннос, Бог-Олень...

Точно раздвинулся занавес и прямо из стены вышли один за другим они...

Огромные сильные звери с лоснящейся шерстью и мускулистыми телами, гордо несущие на красивых головах острые кусты рогов.

Их острые копыта зловеще зацокали по пустынным коридорам — прямым, извилистым, кольцеобразным, и призраки в безлюдных гостиных падали ниц перед лесной ратью. От холода их тел в огромных каминах тух огонь, застывала смола на поленьях и пахло смертью.

Они шли, проникая сквозь стены замерших залов, похожих на треснутые стигийские кубы; сквозь темные страшные стены библиотек, хранящих зловещие колдовские фолианты. Они шли, раздирая в клочки шуршащие шелковистые шторы; кроша мерцающий металл оружейных; превращая в пыль хрупкие кхитайские шпалерами с узорами, наваянными тленом мертвого тела в фарфоровом павильоне.

И негде было скрыться от них.

Они шли...

Белоснежный изюбр с единственным рыжим пятном на крупе, куда ударила первая стрела охотников.

Оленях-важенка с выгнутой лебяжьей шеей.

Гигантский лось, чья голова клонилась под тяжестью несброшенных рогов, а слепые стеклянные глаза налились кровью.

И черноголовый олень, бывший гордостью королевского зверинца.

Камень крошился у них под копытами, рога цепляли колонны и обрывали гобелены со стен.

...и земля задрожала у них под ногами, словно девственности, насилюемая разбойником...

Наконец-то поменялись роли!

Из загнанной дичи, испуганной, не ведающей ничего, кроме вечного страха и бегства, они превратились в охотников, безжалостных и неумолимых. Сила Бога-Оленя пела в их жилах, бурлила, как река в половодье, и несла их вперед на своих волнах.

Несла туда, где обитала их добыча.

О, теперь они были умны! Разум самого Леса направлял их. Наделив резвостью куницы, расчетливостью барсука, бесстрашием медведя и хитростью лисицы.

А разум Человека, стоящего за спиной, указывал им путь.

Да, то была отличная охота!

Сперва они приблизились, наслаждаясь страхом и паникой, охватившей жертву. Затем погнали, окружили, зажали в угол.

Он еще пытался сопротивляться.

Раз или два он чуть не ускользнул от них, — и лишь Человек помог им отыскать его в лабиринтах каменной чащобы. Но охотники были неукротимы и, единожды мертвые, не страшились ничего более.

Рога изюбра первыми поддели жертву, и теплая кровь окропила их, и он заревел победно. Клич его подхватили другие. Зверь швырнул добычу на землю, и копыта оленей принялись топтать бездыханное тело, вспарывая теплую плоть.

...Нумедидес не мог видеть их, ибо глаза оленей были слепы — и магия Чернунноса заменила им зрение — но он чувствовал. Это его рога швыряли умерщвленную добычу оземь, под его копытами хрустели кости и рвалась плоть, от его удара треснул череп и брызнули мозги и кровь, пятная каменные стены. Это его шкура взмокла от пота и бока ходили ходуном от усталости и возбуждения погони...

Добыча была мертва.

* * *

Принц рухнул в кресло, с трудом переводя дыхание.

Сила покинула его лесных слуг, возвратив их в небытие — но сам он еще чувствовал в себе ее бурление. Убийство врага не истощило его, но лишь взбодрило и, едва придя в себя, Нумедидес вновь забегал по комнате, не в силах усидеть на месте, вновь ощущая, как вскипает и раздается в нем валузийская мощь.

Смерти было мало ему!

Он не насытился ею.

Смерть лишь вызвала к жизни иной глубинный инстинкт, что всегда шествует с нею бок о бок. И внезапно принц осознал, что именно должно случиться сейчас.

Да, именно так! Он долго медлил, но теперь его час настал.

Релата Амилийская ждет.

И лоно ее готово принять семя бога!

* * *

Принц Валерий Шамарский пробудился, уверенный, будто спит в своем походном шатре, и подали знак к атаке. Он готов был поклясться, что слышал надрывный плач трубы, и проснулся рывком, как когда-то давно, готовый натянуть доспехи, схватить меч и ринуться на врага.

Но бежать было некуда.

Ему понадобилось немало времени, чтобы отдышаться и прийти в себя. За зарешеченным окном темницы царила сизая осенняя ночь, промозглая и влажная, и Валерий почувствовал, как его пробирает дрожь. Днем стражники, по доброте душевной, швырнули узникам по тонкой подстилке, в которую можно было завернуться, но от ночной сырости ничто не спасало, и принц пожалел невольно, что нет рядом женщины, к которой мог бы прижаться, что согрела бы его своим щедрым теплом.

Мама, подумал он вдруг, совсем по-детски, и в глазах зашипало. Мама!

Должно быть, это естественно, чтобы в подобный миг человек обратился к той единственной, что служила символом защиты и преданности, той, от которой он не знал ничего, кроме тепла и любви, и потому Валерий не

испытывал стыда, расчувствовавшись, подобно младенцу. В этот миг в нем не было ничего от закаленного воина тридцати с лишним зим от роду, принца могущественной державы и наследника трона.

Но был лишь жаждущий ласки и утешения ребенок.

Детство вспомнилось ему, беззаботное и счастливое; та безмятежная солнечная пора, когда родители еще были живы, и горестные сожаления не отравляли душу.

Сильные руки отца, подбрасывающие его, визжащего от смеха, в воздух, протягивающие меч, который он едва может удержать в слабых ладошках, подсаживающие на лошадь...

Нежные руки матери, утирающие слезы, приглаживающие растрепанные соломенные вихры, гладящие по щеке...

Если и есть в юдоли Митры обитель самых святых праведников — должно быть, она похожа на детство.

Но он сам, своими руками разрушил все это.

Валерий горестно вздохнул в темноте — благо, сокамерник принца спал, не видя его терзаний. Он не мог не думать о превратностях жизни человеческой и хитросплетении путей ее, порой затягивающихся в такую петлю, что впору в ней же и удавиться.

Что за жестокие боги, подумалось принцу, играют их жизнями?! Что за демоны катаются сейчас от хохота, наблюдая за ними? Он не верил больше жрецам Митры, твердящим, будто Солнцеликий зрит каждую душу, и все они сочтены в сокровищнице его, и никакой вред не может быть причинен человеку без ведома божества.

Ибо как же тогда мог Податель Жизни допустить, чтобы он, несмышленик, совершил, не сознавая того, грех, который разрушил судьбы множества людей, перевернул их жизни и до окончания дней его омрачил душу самого Валерия безнадежным раскаянием?

Как могло случиться такое? Чем прогневал он Небесного Владыку?

Ибо все дальнейшее существование принца, все терзания его и муки, все метания и горести брали начало, подобно широкой реке, рождающейся из лесного ключа, в одном-единственном дне.

Том дне, когда он похитил отцовский талисман.

Подлый Гретиус украл его — и за это было мало ему тысячи смертей, так пусть хоть Митра во владениях своих воздаст ему по заслугам! И все же вина лежала прежде всего на самом Валерии. Не подмени он амулет, отец не отправился бы в бой незащищенным, и стрела Тиберия не смогла бы поразить его.

А останься отец в живых, он, наверняка, сумел бы спасти мать, погибшую в наводнении, и Валерий не остался бы сиротой. И не было бы этих беспрестанных угрызений совести, что терзали душу юного принца, подобно зверям алчным, и едва не свели его с ума, так что бегство показалось ему предпочтительнее... бегство, позволившее оставить прошлое за спиной и забыть обо всем.

Став наемником, он надеялся обрести забвение в далеких странах, в объятиях неведомых красавиц — но вместо того нашол лишь незаживающую рану в душе, имя которой было Тарамис. Испытал страх, от которого превращаются в студень суставы и сердце трепещет, точно лист на ветру, и познал ненависть.

А прошлое все же настигло его.

Так не слишком ли дорого заставил его заплатить жестокий бог? Валерий поежился, сам не зная, бегут ли по спине мурашки от ночного холода, или от суеверного ужаса перед святотатственными мыслями.

Ему вспомнился Вилер, его просветленное лицо перед кончиной.

Тот тоже всю жизнь нес на плечах своих ношу, непосильную для человека, не смея ни роптать, ни переложить хоть часть ее на чужие плечи... Должно быть, правду говорил он, и проклят род Хагена, если такое приходится терпеть семени его!

Валерий задумчиво потянулся рукой под рубаху и нащупал амулет, завещанный ему Вилером. Король был уверен, что оставляет племяннику в наследство магический оберег, способный защитить его от всяческих невзгод, но и это было лишь обманом, ибо истинный амулет пропал навсегда, поразив замшелую плоть лесного бога.

А сейчас у него в руках был лишь презренный кусок металла!

Как странно, что он вновь вернулся к принцу. Должно быть, колесо судьбы и впрямь совершило полный оборот, и пришло время расплаты.

Время Жалящих Стрел, как говорят аколиты Асуры.

Старый Жамес, пройдоха и пьяница, создал эту вещь из золота, что украл для него маленький Валь. Принц помнил и сейчас, как мучался ювелир, чувствуя, что руки подводят его и он не в силах воссоздать работу древних мастеров. И все же результатом он остался доволен. Доволен настолько, что на оборотной стороне амулета оставил крохотную метку, клеймо творца. Он был гордым человеком, старый Жамес, и отличным мастером — пока не пропил свой талант.

Валерий вытащил талисман из-под рубахи. Хорошо, что Нумедидеса не было, когда стражники обыскивали его. Он непременно признал бы этот золотой солнечный диск с человеческим лицом, окаймленный попеременно прямыми и изогнутыми протуберанцами. Любой, кто видел его хоть раз, не мог не запомнить амулет навсегда.

Стараясь рассмотреть его получше, движимый то ли любопытством, то ли желанием лишний раз помучать себя, принц подошел к окну.

Взошла полная луна, и в серебристо-голубом свете ее видно было, почти как днем. До боли взглядывался Валерий в талисман Митры, вспоминая прошлое, и глаза его застила слезы. Он перевернул амулет. Вот здесь, на третьем луче слева, считая от верхнего, должна быть метка Жамеса...

Только здесь ее не было!

Дрожащими руками принц принялся вертеть талисман.

Может, он ошибся? Может, память подвела его через столько лет? Ведь оберег не мог быть настоящим. Подлинный был утрачен навсегда; отнятый у Гретиуса, он послужил изгнанию Цернуноса. Выходит, это еще одна подделка? Но откуда она взялась?

Валерий, щуря глаза, тщательно — сеном за сеном — рассмотрел талисман. Он отметил все неровности, все чреваточки и царапины, все крохотные сколы, маленькие плющички, заусенчики и шерховатости.

Ничего! Совсем ничего!

Может, кто-то обнаружил подделку, и клеймо нарочно заполировали? Нет, не похоже! Нигде нет следов от шлифовального порошка и не видно залысины от полировки.

Значит это *другой* талисман?

Валерий почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Он ощутил, как прикоснулся к чьей-то страшной тайне, к чему-то такому, что лучше бы и не знать. Казалось, что магический оберег понял это, и золотые лучи заизвивались, словно щупальца скользкой твари из чуждого мира. Принц вздрогнул, почувствовав, как в лицо дохнуло холодом, и зажмурился.

Открыл глаза он не сразу. Сначала чуть раздвинул веки и посмотрел в маленькую щелочку. Увидев, что золотой диск мирно покоится у него на ладони, он распахнул их пошире, облегченно вздохнул и тихо рассмеялся. Чего только не почудиться...

Но все же откуда взялся неведомый амулет?

Он повернул вещь так, чтобы лунный свет падал на нее под углом, надеясь, что падающие тени подскажут ему, где искать изъяс.

Расчет его оказался правильным, и глаз принца, наконец, зацепился за небольшую неровность на самом кончике пятого протуберанца.

Она была сделана столь искусно, что найти ее было бы совершенно невозможно, если не использовать круглые стекла, толстые, как чечевичное зерно. Те, что шлифуют монахи Митры. Говорят, они приближают предметы и увеличивают стократ природную остроту глаза...

Валерий напряг зрение и увидел, насколько похожа эта метка на клеймо Жамеса. Сделана почти также — но иная.

Другой золотых дел мастер оставил ее.

Но значит... Что же это значит? Как объяснить такую странность? Валерий почувствовал, что у него кружится голова и подкапиваются ноги. Может быть, это Вилер повелел сделать копию с амулета? Но он никогда не отдал бы племяннику подделку!

Но кто же тогда?! И зачем?

Он потряс головой, точно в надежде, что от встряски мысли встанут на место, точно детали головоломки — но чуда не произошло. Чем больше размышлял он над этой загадкой, тем сильнее запутывался.

В тот миг Валерий мучительно пожалел, что не может вырваться на свободу — хотя бы с тем, чтобы расспросить поподробнее всех, кто мог хоть что-то знать об амулете, ибо эта история внезапно приобрела для него столь необъяснимо важное значение, что затмила все заботы и

тяготы дня сегодняшнего. Нумедидес мог сколько угодно злоумышлять против него, измываться, судить и допрашивать... Да что Нумедидес — весь мир мог провалиться в таргарары!

Валерия не интересовало ничего, кроме загадки Оберега Кулла. Ее разрешению он готов был посвятить последние мгновения своей жизни.

Принцу казалось, именно в этой тайне сокрыт исток всех прочих, и стоит лишь пролить свет во тьму, как мгновенно все станет ясным, найдет объяснение, и все мучения станут оправданы.

Смысла! Смысла жаждала его душа!

Точно зачарованный, принц не сводил глаз с амулета, крутящегося без остановки на шелковом шнуре. В лунном свете он казался иссиня-серым, точно сделанным из таинственного металла орихалка, заменявшего древним атлантам золото.

Лучи-протуберанцы трепетали, словно живые, а лик Митры казался сумрачным и зловещим.

Внезапно охрипший голос, послышавшийся за спиной, вывел принца из оцепенения.

— Какая замечательная вещь! Дозволит ли Ваше Высочество мне взглянуть на нее поближе?

Аой.

ВРЕМЯ ВОЖДЕЛЕНИЯ

В Алых палатах, бывших апартаментах принца Валерия Шамарского, Релата Амилийская готовилась ко сну.

Служанка расчесала костяным гребнем и зашлепа в косу ее густые волосы, умастила душистыми маслами тело и обрядила госпожу в длинную, до пят, рубаху тончайшего батиста, и та опустилась в кресло у окна, задумчиво потягивая горячее молоко с медом и специями, что подавали ей перед сном ежевечерне. Служанка замерла у двери в ожидании, — обычно Релата просила ее поиграть на лютне, и иногда даже пела сама... У госпожи был несильный, но не лишенный приятности голос, и за последние несколько дней такие музыкальные вечера вошли у них в привычку. Однако сегодня Релата лишь устало махнула рукой.

— Ступай, Цинтия. Я позову тебя, если понадобится. Служанка безмолвно удалилась, и девушка осталась одна.

В спальне царил полумрак. Красноватые отсветы из-за ширмы, установленной перед камином, чтобы жар был не слишком сильным и случайная искра не попала на ковер, не разгоняли тьмы. Немного света могла бы подарить луна, — но она приказала слугам опустить шторы. Релате всегда лучше думалось в темноте.

Последние дни она намеренно гнала от себя все серьезные мысли, занимая себя всевозможными мелочами так, чтобы ни минуты времени не оставить свободной.

Она играла на лиутне и пела, даже сама сочинила несколько простеньких песенок, до того грустных, что слезы наворачивались на глаза, и потому больше не стала их петь. Начала вышивать себе кушак, — ей давно хотелось попробовать изобразить сцены охоты, но прежде все как-то не хватало времени... однако теперь рисунок оказался слишком уж сложным, а привычные цветы и птицы были неинтересны.

Еще она болтала со служанками в надежде разузнать последние дворцовые новости, — однако те были столь неутешительны, что Релата каждый раз жалела, когда вновь поддавалась искушению и заводила разговор. От безделья она стала есть слишком много сластей... и сегодня утром с отвращением заметила, глядя в зеркало, до чего округлились у нее щеки.

В общем, оттягивать неизбежное стало невозможным. Пора было принимать решение.

Удивительно еще, подумала девушка с горькой усмешкой, что пребывание ее в апартаментах Валерия Шамарского до сих пор не было обнаружено. Это избавило бы ее от необходимости самой заботиться о собственной судьбе... Но, к счастью, суэта с покушением на короля, арестом принца и интригами вокруг престола оттеснила на задний план все прочие заботы.

Разумеется, когда начался этот нескончаемый поток кошмаров, Валерий был первым, о ком подумала Релата и к кому обратила все свои надежды. Он, столь чудесным образом явившийся ей в Амилии, словно посланный провидением Солнцеликого... Самой судьбою, казалось, он предназначен был избавить ее от этих чудовищных на-

пастей, выхватить волшебным образом из закружившей ее стремнины надежным кольцом сильных мужских объятий.

Она так надеялась на него!

Но Валерий Шамарский предал ее.

Она видела в нем героя, спасителя, поражающего змееголового Сета, дабы спасти обреченную принцессу... Он же оказался обычным человеком, немощным и бессильным.

Когда пришла весть о покушении на короля и об аресте принца, она не отходила от дверей, с минуты на минуту ожидая его появления. Он должен был возникнуть из небытия, явиться перед ней*, преодолев все преграды, сильный и уверенный, и унести ее прочь отсюда, в чудесное королевство солнца и любви... Если он настоящий мужчина, он должен был вырваться из темницы, чего бы это ни стоило, и прийти за ней.

Однако он не сумел спасти ни ее, ни спастись самому, и Релата чувствовала себя оскорбленной. Эти грубые мужланы, что ворвались в апартаменты наследника престола, приняв ее за дешевую куртизанку — о, как это было унижительно! Она чувствовала себя опороченной, растоптанной.

Когда солдаты наконец ушли, она трижды принимала ванну, в надежде смыть с себя воображаемую грязь, оставленную их похотливыми взглядами, но все было тщетно. С того мига она ждала Валерия вдесятеро сильнее. Он должен был прийти и отомстить за нее обидчикам! Только тогда она почувствовала бы, что чиста.

Но ожидание ее оказалось напрасным. Часы текли, точно бусины четок, неспешно перебираемые монахом. День сменился ночью, — она не отходила от дверей. Настал рассвет, за ним полдень, и вечер... но Валерия не было, и не было никаких вестей от него. Она поняла, что ждать долее бесполезно.

Настало время действовать.

Назавтра, досадуя на невозможность лично отправить-ся в темницу, она отправила туда мажордома принца, снабдив суммою, достаточной для подкупа стражей. Если понадобилось бы — она готова была отдать все, что имела, вплоть до жемчужных серег, подарка матушки, лишь бы удалось добиться свидания с Валерием. Она должна была

увидеться с ним! Взглянуть ему в глаза, услышать из его уст заверения в том, что кошмару этому скоро настанет конец, и они вновь будут вместе... Но слуга принес неутешительные вести.

Валерий никого не желал видеть.

Сперва она не поверила собственным ушам.

— Ты лжешь, старик! Должно быть, ты попросту присвоил золото — или побоялся подойти к стражникам...

Но тот лишь укоризненно покачал головой, и слезы навернулись у него на глаза.

— Я служил еще месьору Орантису, отцу молодого господина, сударыня. Служил ему верно, и у него никогда не было причин жаловаться на меня! Если бы понадобилось, за молодого хозяина я отдал бы самую жизнь свою... Но я сказал вам чистую правду. Наемник, который охраняет его, готов был принять деньги. Мы даже сговорились насчет суммы... Но принц не пожелал никого видеть. Стражник сказал, наш господин сам просил, чтобы к нему не пускали ни единой живой души — кроме тех, которые, кому воспрепятствовать они бессильны. Принц Нумедидес, он сказал, бывает каждый день. Но внутрь не заходит, а только украдкой подсматривает в замочную скважину. Больше же — никого!

— Но почему?! — Крик Релаты был сродни вою раненого зверя. — Как он мог бросить в беде меня, всех нас... как мог не пожелать встретиться со мной?!

Старик-мажордом беспомощно развел руками.

— Не могу знать, госпожа. Поверьте, я готов сделать для вас все, что могу. Рано или поздно все прояснится. Не могут же они всерьез обвинять нашего господина в столь безумном деянии — это чистая нелепость! Происки этого Митрой проклятого недоноска... — Только так теперь среди слуг Валерия именовали Нумедидеса. — Но истина выйдет наружу. Суд Герольда оправдает его! Вот увидите, госпожа, все будет хорошо...

Но заверения старика не достигали сознания Релаты. Ее возлюбленный предал ее — вот все, что она знала. И тщетны все их упования на Митру, на справедливость Герольдов. Ее возлюбленный отказался ото всех тех, кто вверен был его заботам. От дома, от слуг, от самой Релаты, наконец! Он сложил руки, отказался от борьбы,

отдался на милость палачей. Он недостоин более называться мужчиной!

Ее возлюбленный. О, да, она любила его больше жизни! Он был первым — и она знала теперь, что не сможет полюбить никого больше. Но он ранил ее в самое сердце, предал ее любовь... И Релата почувствовала, как умирает душа ее, засыхает, подобно цветку, и обращается в прах.

Душа ее была мертва, но тело еще дышало. Наивная брэнная оболочка, не сознающая всей бессмысленности дальнейшего существования! Как поражена была Релата, обнаружив на следующее утро, что еще в состоянии дышать, двигаться, даже испытывать голод... Она не верила, что такое возможно.

И все же нужды тела брали свое. И теперь, когда ясна стала тщетность надежд и ожиданий, Релата Амилийская наконец сказала, что пришел час ей позаботиться о себе самой.

И лишь сейчас осознала до конца, как одинока она на свете.

У нее не было больше семьи.

Странно, все это время она даже не вспоминала о них, жила точно во сне, не зная ни слез, ни скорби — точно сама Дерэкто набросила на нее полог забвения. Валерий стал для нее семьей, заполнил собою весь мир. Там, где он, был ее дом, ее единственный очаг, и ей не нужно было другого, и она не желала помнить ни о чем более. Но теперь пелена с ее взора спала, и чувство это показалось смехотворным. Наваждение! Самообман! Валерий не дал ей ни семьи, ни крова, — лишь временное ненадежное пристанище, да и то было отнято у нее злодейской-судьбой.

И теперь Релата чувствовала себя, точно путник, застигнутый грозой посреди чистого поля, — ни души вокруг и негде укрыться от непогоды. Не к кому обратиться за помощью и советом, некуда бежать. Ей было так жаль себя, что она готова была разрыдаться, — и все же сдержала слезы. Стоит сейчас начать плакать, и она уже не сможет остановиться.

Релата допила остывшее молоко и оставила прочь кружку. Огонь в камине почти прогорел, и от окна потянуло холодом. Но слуг звать не хотелось. Она подумала, что, может быть, все же стоит лечь спать... А подумает

обо всем она лучше завтра. На свежую голову. Завтра. При солнечном свете она почувствует себя бодрее. Тогда будет проще принять решение.

Возможно, стоит обратиться за помощью к Нумедидесу. Помнится, она была ему безразлична. Возможно, он не откажется помочь ей и теперь.

Или выбраться тайком из дворца и явиться к одному из старых друзей отца... якобы все это время после нападения на Амилию она скиталась в лесах и лишь сейчас добралась до столицы. В конце концов, она единственная наследница Тиберия — это кое-что да значит!

А может, сделать еще одну попытку увидеться с Валерием? Не могла же она оставить его на произвол судьбы! Но нет. Это было бессмысленно. В первую очередь следовало позаботиться о себе.

Но ни одна из этих альтернатив не прельщала девушку. Каждая таила опасности, и куда спокойнее казалось не двигаться с места, не привлекать внимания, затаиться, точно мышь-полевка, когда кружит над полем ястреб. Принять решение означало, что необходимо сделать выбор. Остановиться на чем-то одном — и жалеть потом, что не поступил иначе. Для этого у нее не доставало душевных сил и уверенности.

Нет, она не будет ничего предпринимать. Ее жертвы Митре всегда были обильны, а молитвы горячи и искренни. Пришел черед Солнцеликого порадеть о ее судьбе. Она положится на его волю. Пусть укажет ей путь.

Релата поднялась и потянулась, закинув руки за голову, наслаждаясь ощущением скользящей по коже шелковистой ткани. Да, так будет лучше. Отдастся бурным волнам, в надежде, что течением ее вынесет к тихой гавани. Митра должен подать ей знак! Возможно, во сне?

Тихий шорох за дверью вдруг привлек ее внимание.

— Что такое? — спросила она сердито, недоумевая, зачем слугам тревожить ее в столь поздний час. Сердце тревожно забилось, чуя недоброе...

Взъерошенная со сна головка горничной просунулась в дверь.

— Там принц Нумедидес, госпожа. Он говорит, что знает, что вы здесь. Он ничего не желает слушать. И хочет видеть вас немедленно.

Медленно, точно двигаясь в воде, Релата сжала руки у горла. Несколько секунд она молчала, не сводя с испуганной служанки застывшего, ничего не выражающего взгляда.

— Да, — приглушенно отозвалась она наконец. — Солнцеликий дал мне знак. — И уже громче добавила: — Пригласи принца войти. И подай мне накидку...

* * *

Войдя в комнату, Нумедидес сел, не дожидаясь приглашения, придвинув кресло ближе к очагу и сложив ширму. Релата осталась стоять у окна, побелевшими пальцам теребя отвороты атласной накидки.

Оба молчали.

Она была смущена и испугана. Вся неловкость и двусмысленность ситуации открылась ей неожиданно ясно, и на миг обретя способность взглянуть на положение свое со стороны, она преисполнилась недоумения. Что подумает о ней принц, увидев ее здесь, в покоях мужчины, с которым она не была ни обвенчана, ни даже помолвлена? Что она делает здесь, вправе спросить он, когда место ее в храме Митры Скорбящего, у урны с прахом родных! Что она делает здесь?

Она не смела поднять глаз на Нумедидеса. В былые времена она была с ним сурова. Смеялась над ним. Была язвительна и надменна. О, не со зла, нет, — но по обычаю хорошеньких девиц, с бездумной жестокостью, на которую им словно бы дает право красота. А теперь от него, от его прихоти зависела ее будущность. Ее судьба. И она сознавала, что никакие ее слова и слезы теперь не изменят его решения. Нумедидес поспешил явиться сюда, должно быть, как только прознал — от кого, хотелось бы ей знать! — о том, что Релата здесь. Должно быть, он хотел посчитаться с ней за прошлые оскорбления, за то, что она предпочла ему Валерия. Она сама дала ему в руки оружие против себя. И все же Релата не желала унижаться, умоляя о сострадании...

Принц также молчал, однако казалось, тишина ничуть не смущает его. С оскорбительной бесцеремонностью он разглядывал девушку, подолгу задерживая взгляд на груди и ногах, точно выбирал на ярмарке лошадь и никак не

мог решиться развязать кошель. Затем также внимательно принялся осматривать комнату, наспех задернутый полог кровати, начатую и заброшенную вышивку на низком столике у камина, букет увядающих хризантем на каминной полке.

Потом он вновь посмотрел на нее. Взгляд был уверенным, точно он пришел к какому-то окончательному решению, и внутреннее чутье подсказало ей, что от этого человека ей едва ли следует ждать добра.

Молчание становилось невыносимым. Она пожалела на миг, что велела прогнать накануне менестреля Валерия. Конечно, этот фигляр был бездарен и с омерзительным характером, но сейчас она могла бы позвать его спеть для них. Любой предлог бы сгодился, лишь бы не оставаться с принцем наедине. Его безмолвное присутствие становилось попросту пугающим.

Но все покинули ее — даже слуги. По непривычной тишине за дверью она догадалась, что все они разбежались прочь, покинули ее. Рассчитывать можно было лишь на саму себя.

И все же чего хочет принц? Как он может молчать так долго?! Молчать — и так дерзко разглядывать ее. Релата ощутила, как краска предательски заливает лицо под его пристальным взглядом. Как он смеет так мучать ее?!

— Ваше Высочество... — Едва открыв рот, она тут же прокляла собственную несдержанность. Не надо — ах, не надо было ей начинать разговор первой! Не надо было давать ему преимущество и в этом. Да еще голос ее так некстати сорвался, выдавая нервозность и страх... Но отступить было невозможно. И, собрав остатки мужества, Релата продолжила:

— Чем обязана удовольствию видеть вас в столь поздний час?

Молчание повисло вновь. Принц продолжал смотреть на нее, точно и не слышал вопроса, затем внезапно рывкнул, и голос показался ей совершенно чужим:

— Сядь!

Противиться было бессмысленно. Единственной надеждой, что оставалась у Релаты, было поговорить с Нумедидесом начистоту, заставить быть с ней откровен-

ным, забыть былые обиды. А стало быть, перечить ему было опасно.

Релата вздохнула и, сделав несколько шагов, опустилась в кресло напротив принца.

— Мне странный ваш тон, принц, и странно ваше появление здесь в столь неурочный час. — Она выжидательно взглянула на него, но, не дождавшись никакой реакции, продолжила неуверенно:

— Впрочем, вы не поверите, но я даже рада вашему приходу. Неизвестность столь мучительна. И эти последние дни — вы не поверите, как тяжело мне пришлось!

Однако, если Релата и надеялась вызвать у Нумедидеса сочувствие, надежды ее были тщетны. Он по-прежнему смотрел на нее этим мертво-цепким взглядом, от которого шли по коже мурашки, и не говорил ни слова. Затем внезапно, не сводя с нее глаз, достал из кармана и принялся вертеть в руках синий футлярчик из шагреновой кожи.

Релата обратила внимание на странные перстни, унизывавшие пальцы принца. Массивные, совсем непохожие на изящные кольца, что носил он прежде. Приглядевшись, она вдруг поняла, что они не золотые, но медные, и это показалось ей странным. Почему вельможный принц нацепил вдруг дешевые безделушки, которые постеснялась бы надеть даже нищая зингарская танцовщица?

Впрочем, ей было не до украшений сейчас. Усталость опустилась на плечи девушки свинцовой тяжестью. Все страдания и страхи этих дней, бесплодное ожидание, слезы по тому, что было, что могло бы быть, и чего не будет уже никогда... Внезапно, сама того не ожидая, она всхлинула:

— Как же я устала! О, Митра...

Она все еще пыталась добиться его жалости, но реакция принца оказалась совсем не такой, как хотелось Релате. Нумедидес внезапно подался вперед, лицо его исказилось от ярости. Пальцы, вцепившиеся в подлокотники, побелели от напряжения.

— Митра?! Как ты смеешь звать к нему, грязная, лживая девка? Как ты смеешь звать к нему — при мне?!

Он разъярился, услышав имя Пресветлого из моих недостойных уст, поняла Релата. Сперва она испугалась —

но лишь на мгновение. И разозлилась. Грязная, лживая девка — подумать только! Еще никто и никогда не называл ее так!

Но злость и страх внезапно уступили место униженному облегчению. Он прав! Она и впрямь не более чем девка. С болезненным удовольствием Релата повторяла про себя эти слова. Грязная. Лживая. Он имел полное право называть ее так. Она предала отца. Предала весь свой род. Изменила своему наследию — и все ради вожделения к мужчине. Ради слепой животной похоти, в которой не было ни инга любви! По глупости и себялюбию! Да. Нумедидес имел право говорить ей такие слова — и даже худшие. Даже ударить ее!

Но он замолчал, и она ощутила боль разочарования. Почему он не говорит ничего? Почему не осыпает ее ругательствами, которые она тысячу раз заслужила? Почему он опять лишь смотрит на нее?!

— Вы не смеете говорить со мной таким тоном!

Ее голос сорвался на крик. Релата никогда не призналась бы даже себе самой, что криком этим пытается спровоцировать Нумедидеса на новые оскорбления. Но втайне она жаждала его грубости. Эти отвратительные слова, что он бросил ей, точно шлюхе из портового кабака, принесли неожиданное облегчение, об истоках которого она не смела и догадываться.

— Никто не имеет права говорить со мной так!

Он расхохотался в ответ. Затряслось рыхлое тело, затянутое в шелка и бархат, и Релата почувствовала отвращение. Теперь она разозлилась по-настоящему. Она уже готова была вскочить, вцепиться ему в лицо, точно дикая кошка, когтями разодрать эти красные губы... Как вдруг смех его замер так же внезапно, как и начался, и голосом, резким, точно удар бича, так что у нее мурашки пошли по коже, он бросил:

— Со шлюхой, забывшей о долге и чести, я не буду говорить по-другому! С той, что поправа родовое достоинство, что осквернила прах отца...

Он весь раздулся от этих нелепых выпрепных слов, так неискренне звучащих в его устах, и внезапно Релате сделалось смешно. Она знала, что это верный признак истерики, — когда отчаяние столь резко сменяется бес-

причинной веселостью, — но ничего не могла с собой поделать. И остановиться было уже превыше ее сил.

— Вы забыли последнее, самое главное преступление, принц, — подсказала она елеинным голосом, с трудом удерживаясь, чтобы вновь не закричать. — То, что я предпочла вашего кузена вам. Ведь вы именно это ставите мне в вину, не так ли? И именно за это намереваетесь меня покарать?

Если Нумедидес и замялся, то лишь на мгновение. Он с ненавистью посмотрел на Релату, и пальцы его вновь впились в резные подлокотники.

— Я — твой государь и повелитель, презренная тварь! И я волен миловать и карать любого по своему усмотрению!

Она рассмеялась ему в лицо, наслаждаясь игрой с огнем. Она была точно натянутая струна, все внутри звенело от напряжения, и вид его ярости был сладостен ей в эту минуту.

— Я, может быть, и тварь... а возможно и нет. Это только пустые слова... Но вот тебе моим государем и повелителем не быть никогда! Все равно королем Суд Герольда изберет Валерия — все так говорят!

Если до сих пор ей казалось, будто Нумедидес в ярости, то теперь она поняла свою ошибку. И видя, как наливаются кровью его глаза; как багровеет заплывшее жиром лицо, Релата испугалась по-настоящему.

— Валерию королем не быть, — прошипел Нумедидес. — Заруби себе на носу, девка! Издохнет, как собака. Как твой папаша, да... Чтобы не лез не в свое дело. Не становился поперек дороги!

В какой-то момент речь его сделалась совершенно бессвязной, и Релата с ужасом подумала, что он, должно быть, бредит. На миг ей показалось, будто принц накурился ядовитого зелья, что в последние годы стали привозить из Кхитая торговцы, — зелья, что повреждало рассудок, вызывая грезы столь реальные, что безумцы готовы были на любое преступление, лишь бы урвать еще хоть глоток сладостных видений... Однако тут же голос Нумедидеса вновь зазвучал отчетливо, взгляд сфокусировался и обрел ясность, и она поняла, что ошибалась. Как бы ужасно ни звучали слова принца, они не были порождением бреда.

С трудом она осознала, что он говорил о скорой гибели Валерия — так, словно жизнь и смерть принца была в его власти. Более того, кажется, он сказал что-то об отце, — словно бы тот в чем-то помешал ему... Но эта мысль была слишком ужасна. Релата не могла поверить в то, что слышала своими ушами.

— Митра помилуй нас всех, если он станет королем, — прошептала она.

Внезапно Нумедидес вскочил. Не успела она опомниться, как его искаженное от ярости лицо оказалось прямо перед ней, а руки сомкнулись на горле.

— Я же сказал тебе, — прохрипел он, брызгая слюной. — Не смей произносить при мне это имя!

Она попыталась удержать его взгляд, — но это было все равно что нести в ладонях раскаленные угли. Еще никогда в этой жизни ей не было так страшно... даже когда понесла однажды ее лошадь, испугавшись выскочившей из-под копыт перепелкой. Чувство нерсальности происходящего надежно хранило ее прежде, не давая испытать настоящего страха; уверенность в том, что все это происходит не наяву, что это точно дурной сон, который прервется в любой момент, прежде чем она действительно испытает боль.

Но теперь спасительная завеса была сорвана. У Релаты не осталось сомнений. Теперь это было по-настоящему. Не кошмар, не игра, не плод больного воображения. Она действительно была здесь, в пустой комнате, наедине с разъяренным безумцем, без всякой надежды на помощь или спасение.

Нумедидес продолжал трясти ее за плечи, выкрикивая какие-то ругательства, брызгая слюной, — но она едва слышала его. И лишь губы ее, почти независимо от ее воли, то ли как защитную молитву, то ли как вызов, шептали: Митра... Митра... Митра...

— Заткнись, гадина! Заткни свою грязную пасть!

Принц с силой ударил ее по лицу, и медные перстни на толстых пальцах больно оцарапали губы. Она почувствовала, как кровь теплой струйкой сбегает по подбородку, но все внутри у нее точно онемело, и не было даже сил поднять руку и утереться. И внезапная ненависть, которую она почувствовала в этот миг к Валерию, была так велика, что затмила даже страх.

Это он повинен во всем, что происходило с ней сейчас! Убийца! Предатель! Развратник!

В этот миг отчаяния и боли она забыла, что сама отдалась принцу, что сама натворила все глупости, за которые так дорого пришлось заплатить.

Нет! Это он, Валерий, ее возлюбленный, тот, от кого она ждала защиты и поддержки, бросил ее в трудную минуту! Это он не пришел ей на помощь, когда должен был прийти. Ей было страшно — и она ненавидела его.

Возможно, она потеряла сознание...

Ибо, когда пришла в себя, жестокие руки уже не терзали ее, и в комнате вновь воцарилась тишина, нерелая и пугающая после недавнего взрыва страстей. Релата пугливо приоткрыла глаза.

Нумедидес по-прежнему был рядом, но теперь он стоял на коленях перед ее креслом. Заметив, что она пришла в себя, он как-то криво улыбнулся, почти смущенно, и нерешительно протянул к ней руку.

— У тебя кровь, — прошептал он. Кончиками пальцев он провел по подбородку, и она инстинктивно отдернула голову, однако прикосновение его было неожиданно ласковым. — Кровь...

И правда, кончики пальцев его были измазаны алым. Несколько мгновений он смотрел на них, внимательно и удивленно, затем медленно поднес к губам и облизал.

— Кровь, — повторил он вновь и улыбнулся.

Сама не зная, откуда взяли у нее силы, Релата взглянула ему в глаза.

Это было так странно, — затишье после бури. Спокойствие и нежность после ярости и страха.

Облегчение переполняло ее. Он больше не кричит. Он не сердится на нее.

У нее закружилась голова, точно она наглоталась дурмана, точно сама накурилась хитайского зелья. Он почти нежен с ней. Какое блаженство! С робкой признательностью она улыбнулась Нумедидесу. Ей так хотелось утешения и ласки. Ей так хотелось покоя.

Должно быть, он понял это. Он вновь протянул руку и коснулся ее щеки. На сей раз Релата не отпрянула, но напротив чуть заметно подалась к нему. Он пристально посмотрел ей в глаза. И в ответном взоре прочел согласие.

— Ты будешь моей!

Она кивнула. Нумедидес поднялся, увлекая ее за собой. Неловкими пальцами девушка потянула за завязки, и атласная накидка упала на пол. Он притянул ее к себе и, склонившись над ней, приник к пораненной губе, откуда еще сочилась кровь. Она ощутила боль, когда он прикусил царапину зубами, — но боль эта была сладостна, и она растворилась в его объятиях, уносясь на волнах мучительной истомы. «Я твоя! Твоя навсегда!» — хотелось ей кричать, но жадные поцелуи принца замкнули ей уста.

Лес, густой и дремучий, расступился внезапно, и красавец-олень вышел на поляну. Олениха-важенка, ожидавшая его, вскинула голову, кося лиловым глазом. Он приблизился. Запах мускуса дразнил обоняние, и олень всхрипнул призывно, подзывая ее. Важенка несмело откликнулась на зов.

Принц повалил девушку на ложе. Она ощущала горячую тяжесть его тела. Ей казалось, она растворяется в этом огне, тает от его прикосновений. Он был то ласков, то жесток, руки терзали податливую плоть. Как непохоже это было на неуверенную страсть Валерия, невольно подумалось ей, и Релата приникла к груди Нумедидеса, требуя новых объятий.

Олениха недолго противилась ему. Всепобеждающая страсть самца опалила ее огнем, и она забила копытцами, нежными укусами торопя его. Он наслаждался ее крепкими мышцами, перекатывающимися под кожей, атласной шерсткой, мощными стройными ногами. Эта самка была под стать ему! И он трубно взревел, оповещая весь лес о своем счастье.

Нумедидес застонал. Пальцы его вслепую шарили по нежной коже девушки, мяли, давили, царапали. Прикосновения его обжигали и, забыв себя самое, Релата стонала и извивалась на влажных от пота простынях, раздавленная его тяжестью. Она сама раскрылась перед ним, открывая мужчине доступ в потаенное свое естество, изнемогая от желания, но он медлил, словно нарочно терзая ее. Ей казалось, она сходит с ума.

Важенка, еще недавно такая надменная, недоступная, обезумела от страсти. Тонкими ногами она взрывала влажный мох, выгибала спину, гарцую перед самцом, кусала за шею, чтобы поторопить его, запрокидывала голову, цепляя за ветви рогами. Запах мускуса, исходивший от нее, сделался томительно невыносимым. Олень замер на мгновение

— и наконец покрыл ее. Жаркое влажное лоно сомкнулось вокруг его напряженной плоти. И торжествующий вопль вырвался у обоих животных, сотрясая замерший в трепетном ожидании лес.

Как она желала его! «Возьми меня! Возьми!» — шептали искусанные в кровь губы. И Нумедидес, не в силах долее противиться ее яростному призыву, на мгновение сжал Релату в объятиях, так что у нее затрещали все кости, словно он намеревался переломить ее пополам — и внезапным резким движением развернул ее спиной к себе. Она не успела опомниться, не успела даже вскрикнуть, как он вошел в нее. Медькнула мысль, что он сделает с ней что-то недоброе, грязное — мелькнула и растаяла в волнах пронзительного, острого наслаждения, равного которому Релате еще не доводилось испытывать. Как мучительно-сладостна была их любовь! Как мощно и неудержимо пронзал ее Нумедидес, точно рог сказочного единорога распарывал ее лоно!

Она закричала... И его крик раздался в унисон.

Обессиленные, торжествующие, они рухнули на ложе любви.

* * *

Нумедидес поднялся с постели и, довольный, потянувшись, оглядывая бесстыдно раскинувшееся на простынях обнаженное тело, похожее на огромную морскую звезду. Релата спала, провалившись в забытие, измученная его яростным натиском, — но принц спать не мог. Он, вообще, замечал в последнее время, что сон все чаще бежит его, и лишь крайняя степень утомления позволяла хоть ненадолго погрузиться в блаженную дрему. Однако сейчас он был этому даже рад.

Пожар, бушевавший в душе его, не утоленный даже убийством немедийца, наконец улегся. Мощь Бога-Оленя не распирала его более, излившись потоком огненного семени. Возможно, эта шлюха понесет...

А ведь это кровь у нее на губах так его возбудила! Он и не думал, что получит такое удовольствие. Хотел сперва помучать ее, поизмываться всласть. Ну ничего, на это еще будет время.

Нумедидес начал одеваться. Пожалуй даже, он не станет пока отправлять ее к праотцам, как хотел сперва. Конечно, это было бы самым разумным решением, и первым, что пришло в голову, когда он услышал от немедийца, что Релата жива и скрывается у Валерия.

Подумать только, пренебречь им, Нумедидесом, и возлечь с этим предателем и убийцей! Уже за одно это она заслужила тысячу смертей!

Но теперь все стало на свои места. И пусть ему претило подбирать за кузеном обеды, но у него еще будут женщины. Множество женщин! Достаточно, чтобы утолить ненасытный пыл оленя-самца. Но эта, первая, станет символом его власти. И когда она займет свое место на жертвенном алтаре Цернуноса — он сполна насладится ее сладкой кровью.

А пока пусть живет. От нее еще может быть польза. Набрасывая короткий плащ на плечи, Нумедидес ухмыльнулся, в подробностях представляя, какого именно рода пользу может извлечь из этой красотки.

В дверях он на миг задержался, окидывая прощальным взглядом бледное тело на белых простынях, так похожее на другое тело, точно так же лежавшее у его ног на белом речном песке.

Кровь, подумал он с наслаждением. Кровь и мольбы о пощаде, что может быть прекраснее. Не забыть бы в следующий раз захватить с собой плетку!

Он бесшумно затворил дверь.

Тьма над дворцом неохотно уступала место рассвету, промозглому и серому, и капли росы выступили на камнях, точно пот на челе умирающего. Ночь кончилась.

Ночь еще только начиналась.

* * *

Когда Релата пробудилась ото сна, за окном уже был день. Она потянулась, не понимая, почему так мучительно ноет все тело, и откуда эта сладкая истома.

Постепенно воспоминания о прошедшей ночи вернулись, и щеки девушки залились румянцем. Как могла она?! Как посмела?!

И все же вспоминать о том, что случилось между ней и Нумедидесом, было наслаждением. Она принялась в

мельчайших подробностях восстанавливать все, что произошло, испытывая при этом стыдливое, болезненное удовольствие. Как он мучал ее! Как терзал! И как хорошо ей было с ним!

Никогда с Валерием ей не было так хорошо.

Никогда к Валерию она не испытывала и тени тех чувств, что питала сейчас к Нумедидесу.

И как она могла презирать принца прежде? Но то было давно — когда она еще не знала его. Но теперь она искупит свою вину перед ним. Она будет нежна и покорна, будет предупреждать малейшие его желания. Она подарит ему блаженство.

Релата не могла сдержать счастливой улыбки. Как чудесно, что принц тоже любит ее! Им будет хорошо вместе. Никто и никогда не осмелится встать между ними!

Жаль только, он ушел, не сказав ни слова. Должно быть, не осмелился тревожить ее сон. Но если бы хоть что-то оставалось на память от него, ей легче было бы дожидаться следующей встречи. Наверняка он придет к ней вечером!

Поднявшись с постели, Релата прошла по комнате, потягиваясь и рассеянно глядя по сторонам. Комната, ставшая такой привычной за эти дни, вдруг показалась совсем чужой. Все здесь напоминало ей о Валерии, но она не желала больше помнить о нем. Надеюсь, принц заберет меня отсюда, подумалось ей.

Внезапно что-то мелькнуло на полу у кресла. Она нагнулась. В руках ее оказался синий кожаный футляр, что держал принц накануне.

Она приоткрыла чехольчик. Что за чудо!

Костяная заколка выпала ей на ладонь, и Релата засмеялась счастливо. Ах, как мил Нумедидес! Он принес ей подарок, еще не зная, как она встретит его, и в порыве страсти совсем позабыл о нем. Как славно, что она его нашла! Непременно вечером нужно будет поблагодарить его.

Она осторожно повертела в пальцах заколку. Прелестная вещица! Никогда прежде ей не доводилось видеть ничего подобного. Должно быть, ювелир исполнил это на заказ.

Заколка напоминала внешне то ли рыбью кость, то ли шип. Плоская, заостренная книзу, украшенная чернокрасными разводами, она напоминала миниатюрный кинжал. Костяное навершие было резным, но узор был столь тонок, что, как ни напрягала Релата глаза, деталей было не разглядеть. Кажется, мастер изобразил двоих: один лежал (это было нечто вроде гарды), другой же склонялся над ним, и фигурка стоящего человека служила крохотной рукоятью. Должно быть, мужчина и женщина, догадалась Релата.

Тонкие пальчики скользили по костяной безделушке, розовый ноготок царапал резные фигурки. Никогда прежде у нее не было столь искусно сделанного украшения! В Амилии отец покупал ей лишь медные шпильки для волос, грубые, как те, что носят крестьяне, и если бы не драгоценности, оставшиеся от матери, среди сверстниц в столице она ощущала бы себя нищенкой.

Но теперь у нее будет все, чего душа пожелает!

Она подумала, что непременно скажет Нумедидесу, чтобы заказал для нее еще таких, хотя бы дюжину.

Но прежде всего он должен видеть, что она по достоинству оценила его подарок.

Релата подхватила тяжелую косу и, небрежно скрутив ее узлом на затылке, принялась примериваться, куда лучше воткнуть заколку. Разумеется, придется пока воспользоваться и другими, попроще, но эта должна быть самой заметной...

Внезапно рука ее застыла. Релата отложила безделушку.

Нет! Он же не подарил ей ее. Кто знает, возможно, такое самовольство не придется ему по вкусу. Не лучше ли сделать вид, что ничего не заметила. Пусть приподнесет ей заколку сам. А она уж сумеет изобразить радость и удивление!

Релата задумалась. Тонкие пальчики продолжали вертеть украшение.

Такая красивая вещица! Невозможно отложить ее! Ну хотя бы разок — просто примерить... Релата позвонила в колокольчик.

Цинтия немедленно откликнулась на зов.

— Подать вам умыться, госпожа? — осведомилась она с поклоном. — Какое платье вы пожелаете надеть сегодня?

Но Релата не слушала ее.

— Поди сюда, — подозвала она служанку. Та приблизилась.

— Смотри. — Релата протянула ей заколку. У Цинтии округлились глаза.

— Что за чудо! — выдохнула она восхищенно.

Релата победно улыбнулась.

— Да. Это подарок принца. Так что заплети мне волосы и посмотрим, как она мне подойдет.

Служанка, не теряя времени, принялась расчесывать густые волосы госпожи.

Старательно подбирая прядки, она уложила их в сложную прическу, выпустив несколько локонов на висках и на затылке. Тяжелые медовые косы сверкали на солнце, точно на голову Релаты возложили золотой венец. Красуясь, она взглянула на себя в зеркало.

— Так. А теперь заколку. Вот здесь. Чтобы было видно.

Улыбаясь от удовольствия, служанка осторожно, двумя пальцами, взяла костяной кинжальчик и, примериваясь, поднесла к прическе. Вот здесь будет в самый раз! Она воткнула заколку в пышную прическу.

— Ой, — вскрикнула Релата Амилийская чуть слышно. — Ты... Ты уколола меня.

Аой.

ВРЕМЯ ГОНА

В тот миг, когда в Охотничьем Зале ожили огромные сильные звери с лоснящейся шерстью и мускулистыми телами, гордо несущие на красивых головах острые кусты рогов — волкодав насторожился и негромко зарычал.

Пса била нервная дрожь перед боем. Он нюхал воздух и втягивал ноздрями поток запахов, переплетенных между собой в единое кружево.

Резкий душок благовоний его хозяина, тот, что держится еще на мочках ушей. А на руках — дух крови, теплой, недавно пролитой. Пол коридора смердит человеческими ногами — потом, грубой кожей, грязью на подошвах. Стены пахнут сыростью, известью, заплесневелыми гобеленами.

С далекой кухни веет едва заметным ароматом жареного мяса.

Но откуда доносится эта вонь?

Прелость и мокрая шерсть! Так пахнет осенний лес. Так пахнет добыча. Но к ним подмешивается что-то еще. Смерд смерти.

Пес сел и завыл. Он понял, что скоро начнется его последняя битва...

* * *

Амальрик с тревогой посмотрел на Зверя.

Что с ним? Что могло произойти, чтобы напугать этого пса, не ведающего страха? Какие чудовища подстерегают их в пустынных коридорах?

Барон сорвал со стены алебарду.

Пес по-прежнему приняхивался и дрожал от возбуждения. Он не мог видеть их, но чутье заменяло ему зрение.

Вот их острые копыта зловеще зацокали по пустынным коридорам — прямым, извилистым, кольцеобразным, и призраки в безлюдных гостиных пали ниц перед лесной ратью. От холода мертвых тел в огромных каминах потух огонь, и застыла смола на поленьях.

Смерд смерти приближался.

Зверь знал — они шли, проникая сквозь стены замерших залов, похожих на треснутые стигийские кубы; сквозь темные страшные стены библиотек, хранящих зловещие колдовские фолианты. Он знал — они шли, раздирая в клочья шуршащие шелковистые шторы; кроша мерцающий металл оружейных; превращая в пыль хрупкие китайские шпалерами с узорами, наваянными тленом праха в фарфоровом павильоне.

Он знал, что негде скрыться от них.

Они шли...

Белоснежный изюбр с единственным рыжим пятном на крупе, куда ударила первая стрела охотников.

Олениха-важенка с выгнутой лебяжьей шеей.

Гигантский лось, чья голова клонилась под тяжестью несброшенных рогов, а слепые стеклянные глаза налились кровью.

И черноголовый олень, бывший гордостью королевского зверинца.

Камень крошился у них под копытами, рога цепляли колонны и обрывали гобелены со стен.

...и земля задрожала у них под ногами, словно девственница, насилуемая разбойником.

Мир перевернулся!

Из загнанной дичи, испуганной, не ведающей ничего, кроме вечного страха и бегства, они превратились в охотников, безжалостных и неумолимых. Сила Бога-Оленя пела в их жилах, бурлила, как река в половодье, и несла их вперед на своих волнах.

Несла туда, где обитала их добыча.

Разум Поводыря указывал им путь.

Пес царапал огромными когтями пол. И выл от собственного бессилия. С оскаленной морды брызгала слюна.

А они шли.

И когда лесная рать приблизилась, наслаждаясь страхом и паникой, охватившей жертву, он рванулся им наперерез, отвлекая внимание.

В тот самый миг, когда Амальрик уверился, что погиб, и мысленно распрощался со всем, что было ему дорого, огромный серый волкодав бесстрашно бросился под копыта оленей-чудовищ.

Вот я! Рычал он.

Идите сюда, и посмотрим, кто кого!

Амальрик вжался в стену, крепко сжимая бесполезную алебарду. Глаза его округлились от ужаса. Он понял, что перед ним не живые олени, не нежить, вызванная из небытия зовом Хозяина Валузии.

Против нее железо было бессильно!

Немедиец мучительно пытался вспомнить хоть какие-то заклятья, но чувствовал, что это бессмысленно. Призраки, порожденные магией Древних, не подвластны его жалкой ворожбе.

От оборотней не было спасения.

Огромные заостренные копыта крошили камень, выбивая брызги из мраморных плит. Мощные ветвистые рога задевали за перекрытия, снося балки толщиной в руку. Дубовые двери рушились под неукротимым напором, стальные засовы гнулись и вылетали из скоб.

Сжав зубы, он изо всей силы вогнал острие алебарды в бок лосю, что проплывал мимо него — огромный, словно пиратская галера.

Тот даже не пошевелился, не покосился мертвым взглядом и не замешкался ни на миг. Безмолвный и страш-

ный, он шествовал туда, где прятался его враг, унося в боку торчащее древко.

Из-за коридорного поворота донеслось истошное рычание, хрип и шум возни.

«Они приняли пса за меня», — догадался Амальрик и вознес руки к небу, шепча полузабытые слова молитвы: «Спаси меня, Митра! Спаси, и я принесу тебе обильную жертву из солода, хмеля и зерна. Я прикажу забить для тебя десять десятков торских тельцов и клянусь, что пожертвую десять мер золота бельверусскому храму! Только отвори эту нежить... Отвори...»

Мертвые Олени погнали пса.

Окружили.

Зажали в угол.

Он еще пытался сопротивляться.

Раз или два ему чуть не удалось ускользнуть от них, — и лишь Неведомый Враг, Поводырь, ведущий рать — помог им отыскать его в лабиринтах каменной чащобы.

Он рвал их неживую плоть, перекусывал сухожилия, вцеплялся в ноздри.

Но охотники были неукротимы и, единожды мертвые, не страшились ничего более.

Волкодав сражался за хозяина со всей яростью, на какую был способен.

Шерсть его стояла дыбом, утробный рык разносился по коридорам, пена хлопьями падала с разорванных губ.

Но даже пес оказался бессилён.

Он набрасывался на оленей, как на волков, в мощном прыжке взмывая вверх и вцепляясь в холку. Силы челюстей его достало бы переломить хребет любому хищнику — но *живому*.

И вот уже некуда стало бежать. Зверь понял, что мертвые охотники загнали его в ловушку. Теперь он знал, что чувствует бегущая от стрелков добыча.

Время Гона закончилось!

И пес сделал свой последний прыжок.

Гигантский изюбр первым поддел его на рога. Амальрик услышал звук рвущихся тканей. Красная кровь собаки заструилась по черным рогам чудовища, и шерсть оборотня, белая, как снег под луной, зардела.

Пес истошно взвыл.

Изюбр тряхнул огромной головой, и Зверь полетел под ноги оленям. Пес был еще жив, и они принялись топтать его, с жестокой методичностью крестьян, давящих вино. Несчастный никак не мог издохнуть.

И еще долго вой его и предсмертные хрипы мешались с хрустом костей и смачным чавканьем крови.

Амальрик стоял, привалившись к стене, не шевелясь, зная, что сейчас настанет его черед. Как замороженный, он следил за рогами огромного оленя-вожака, уверенный, что тот первым бросится на него. В голове не было ни единой мысли. Лишь желание, чтобы кошмар этот кончился как можно скорее. Он мог лишь надеяться, что окажется не таким живучим, как бедняга-волкодав, и умрет быстро.

Но нежить не тронула его.

Он не знал почему. Но, растоптав пса, они стояли недвижимо, застыв, точно часовые; незрячие глаза слепо пялились в пустоту.

Казалось, кукольник ушел, бросив своих марионеток.

Должно быть, их Поводырь не видел, *кто* пал под копытами чудовищ.

Уверившись, что повержен Амальрик барон Торы, посланник в Аквилонии августейшего короля Нимеда!

Медленно, не решаясь поверить в чудесное избавление, каждый миг ожидая удара в спину, немедиец двинулся прочь, все так же держась за стену.

Пройдя десяток шагов, он оглянулся.

Олени стояли неподвижно, точно вновь обратившись в чучела, и ему показалось, что очертания их тел туманятся и расплываются, теряя четкость.

Впрочем, скорее всего, у него просто мутилось в глазах.

Он оглянулся на мертвого пса.

— Благодарю тебя король Вилер! — прошептал он. — Как несправедливо: твой дар спас мне жизнь, а я отнял ее у тебя. Но пусть душа твоя услышит меня из Небесных Чертогов... Прости меня король, за все то зло, что я причинил тебе и Аквилонии! Теперь я понял, что посеял зло еще большее. Клянусь, король, что исполню то, о чем ты просил, и искореню скверну, возросшую на той земле, что ты безмерно любил!

Он ушел, терзаясь мыслью, что не сумеет похоронить Зверя.

— Что за странная вещь! Вы позволите взглянуть, месьор?

Голос жреца вырвал Валерия из забытья. Не сознавая, что делает, он протянул Орасту талисман. В тот же миг он опомнился, захотел отдернуть руку — но пальцы юноши уже сомкнулись на амулете.

— Оберег Кулла! — восхищенно прошептал Ораст.

— Я не мог и надеяться, что Небо будет настолько милостиво к своему недостойному слуге, что позволит мне увидеть если и не сам Талисман, то хотя бы его искусную копию.

Он задумчиво повертел в руках золотой диск. Драгоценный метал мерцал в зыбком лунном свете, и казалось, что диск с человеческим лицом, окаймленный солнечными лучами, попеременно прямыми и изогнутыми, соткан из ночного тумана.

Валерий не мог оторвать глаз от него. Амулет притягивал взор, рождая в его мозгу вереницу неясных, мимических образов, участниками которых были не люди, но боги, демоны и странные существа, напоминающие чешуйчатых гадюк. Словно искры голубоватого света, вспыхивающие на полированных гранях предмета чудесным образом, воскрешали в его памяти все то, что он когда-нибудь слышал о Валузии.

В его прозрачных глазах мелькали отблески далеких зарниц, пожаров и траурных шествий. Армии сражались посреди мрачного дола. Полузвери-полулюди пожирали трупы, совокуплялись, порождая еще более ужасные создания, а вдалеке рати нежити громили города, чарами наводили безумие на беспомощных людей. По темным улицам, зловеще освещенным багровым пламенем факелов, бродили жуткие фигуры с головами ежей, козодоев, крыс и огромными ножницами вместо рук. Невдалеке псоглавцы раскапывали кладбища и открывали крышки гробов, чтобы вызволить из плена скалящиеся скелеты в полуистлевших саванах. На ветках смоковниц вместо плодов висели человеческие головы, в реке вместо воды текла кровь. Розовые, пенящиеся волны лизали берега из костей, а солнце было черным.

Его вернул к действительности голос жреца.

— Жаль, конечно, что это подделка! Но, разумеется, ожидать, что возродится *истинный* талисман, давно канувший во тьму веков, было бы слишком большой дерзостью. Как видно, Податель Жизни, Хранитель Горного Очага не видит среди простых смертных тех, что достойны обладать таким могуществом.

Валерий с удивлением посмотрел на Ораста.

— Мне дико слышать твои слова, жрец! Ты говоришь об Обереге так, будто это величайшая ценность, а не просто фамильная реликвия Антуйского Дома.

Он вырвал у жреца талисман.

— Митра не видит достойных! — передразнил принц восторженный возглас жреца. — Да, я знаю, что эта питуковина может защитить от меча или копья, но и только-то. Никому не ведомо происхождение этой вещицы, но сильно сомневаюсь, что она смогла бы уцелеть со времен Кулла. Да был ли на самом деле этот твой Кулл...

Он и сам не понимал, отчего так набросился на митрианда.

Ораст осторожно прикоснулся к его предплечью.

— Успокойся, принц. Я не хотел тебя задеть своими словами. Да и не в них дело. Ты как-то связан с этим талисманом, ведь правда? Что-то ты сделал такое в своей жизни, что заставляет тебя усомниться в моих словах. Тебе *не хочется*, чтобы они оказались правдой. Ты желаешь уверить себя, что эта вещь — просто безделушка. И если ты преуспеешь в этом, то твоя мятущаяся душа успокоится. Пусть так.

Он обнял себя за плечи, стараясь превозмочь холод.

— Я отказываюсь от своих слов! Нет Оберега Кулла, есть лишь фамильная реликвия твоих предков. Простое золотое украшение, плод труда безвестного ювелира.

Валерий покраснел. И порадовался, что в камере довольно темно. Не хватало еще, чтобы этот юнец заметил его смущение.

— Ты прав, жрец, — промолвил он глухо, — мне и впрямь хочется убедить себя, что золотой диск не более чем семейная драгоценность. Но не стоит прятаться от правды. Поведай, что известно тебе об этой вещи. Клянусь, я выслушаю тебя до конца. Говори, жрец, не заставляй меня рисовать в воображении своем картины гораздо худшие, чем действительность.

Ораст раздосадовано пожал плечами.

— Право, не знаю, будет ли интересно месьору...

Валерий подошел к юноше поближе. Он понимал, что вспышкой ярости обидел этого странного человека, который был для него полной загадкой и, стремясь загладить неловкость, грубовато промолвил:

— Ничего! Впереди бессонная ночь, и добрый рассказ поможет скоротать время. Так что не бойся утомить мой слух. Говори!

— Мне известно гораздо меньше, чем ты думаешь. Все, что я знаю об этом предмете, я почерпнул из книг... — и предотвращая каверзный вопрос своего собеседника, добавил, — ...в библиотеке бельверусского монастыря, где я провел отроческие годы.

Как-то раз мне на глаза попался старинный том, написанный неким Адалазием из Рокемалля еще в пятый год от Восшествия Митры. В нем излагалась валузийская легенда о сотворении мира, называвшаяся «Битва при Иокундиаке» и приводились поздние комментарии немецких жрецов.

Мудрость древней Валузии почти не дошла до наших дней, а воспоминания о ней можно найти разве что в сказках невежественных селян. Насколько мне известно, письменных источников почти не сохранилось, особенно на моей родине, где древние культы истреблялись огнем и мечом.

Поэтому, принц, ты легко можешь представить мое волнение, когда я наткнулся на заплесневелый фолиант. Но, как на грех, он был написан на старонемедийском, и понял я не очень много, но все же того, что мне удалось прочесть, оказалось довольно, чтобы взбудоражить воображение.

Древние мудрецы полагали, что когда наш мир возник на Срединном Столбе Та-Терха — Дома Богов, — его населяли лишь звери, гады, птицы и демоны. Но однажды Богиня Лугов и Полей, Гор и Степей, Черная Кобылица Нантосфельта сошлась с Повелителем Пещер, Демоном Нуаду, и от той греховной связи родились странные существа с безволосыми телами и разными конечностями.

Так появились первые люди, прародители рода человеческого.

Шли эоны.

И род людской основал страну, и страна эта стала называться Ва-Лусия, и столь возгордился мудростью своей и силой, что стал презирать Древних Богов, перестал строить храмы, принялся глумиться и поносить Черную Кобылицу Нантосфельту, покровительницу Полей, Холмов и Долов; Найдайю — Богиню-Шуку, Владычицу Рек, Озер и Заводей; Цернунноса — Бога Лесных Куш, и Суцеллоса — Пестрого Козодоя, чьей вотчиной было Небо.

И разгневались тогда Зверобог, и повелели тысячу зим лить ливням, извергаться огнедышащим горам, трестись земной коре и свирепствовать ураганам.

И нашел Великий Мор на род человеческий.

Тогда взмолились их князья и пали ниц перед Богами и вознамерились купить милость Небожителей обильными жертвами.

Но посмеялись Древние над своими неблагодарными слугами и повелели приносить гекатомбы не из плоти коз и баранов, но из тел человеческих.

С тех пор алтари пропитались кровью. Жестокие жрецы воздвигали на жертвенных камнях пирамиды из дымящихся сердец и отрубленных голов. И хохотали Звероликие, наслаждаясь своей местью, и от смеха того содрогалась земная твердь, вздымались буруны и вихрился воздух.

Напрасно князья зывали к милости Древних, напрасно строили им новые капища и приносили обильные дары. Ничто не могло поколебать кровожадных Зверобогов.

В ту пору мир не знал Животворящего пламени, люди не пекли хлеб, а ели растертые зерна злаков; не варили похлебки, а поглощали мясо сырым; не грелись у очага, а ловили тепло одеждами из шкур животных.

И никто из смертных никогда не видел солнечных лучей, ибо к Своду Небесному было прибито Черное Светило, отчего мир был сумрачен, словно накрытый чудовищным пологом.

Но был рожден герой Гаэлий, кто восстал против Кобылицы, Оленя, Шуки и Козодоя, вознамерившись освободить мир от гнета Звероликих! И началась Великая Битва при Иокундиаке, что шла тысячу зим.

Когда пал храбрец Гаэлий на поле боя, то упавший меч подобрал его сыновья, а затем — внуки. И так колебалась Твердь, так колыбался Небесный Свод, так дрожал Срединный Столб Та-Терха, что в мирах горних и дальних забеспокоились Боги не кровожадные и бесноватые, но справедливые и мудрые, с ликами не Звериными, но Человеческими.

И сжалились над несчастным миром Молодые Боги — два брата, что звались Митра и Ариман. И снизошли Братья в наш мир, и низринули Древних, и однажды утром проснулись люди, и закрыли глаза от ослепительного света — то скакали по небу Огнегривые Кони Подателя Жизни.

С тех пор как Солнцеликий даровал людям Небесный Огонь, на род людской снизошла мудрость. Стали процветать науки, ремесла и искусство, а кровь людская не окропляла алтари. Ее заменил можжевельниковый сок, а вместо тел человеческих в жертву Хранителю Горнего Очага стали приносить солод, хмель, мед, зерно и редко — туши тельцов...

Наступил Золотой Век. И продолжался он до тех пор, пока не поссорились братья и не решили поделить этот мир. Долго спорили они, но наконец пришли к согласию, решив, что половину суток на земле правит Митра, а вторую — Ариман.

И, дабы закрепить это решение, Мудрые Боги сотворили два талисмана-оберега, кои, по их разумению, должны хранить вечно Равновесие между Светом и Тьмой.

Первый — кроваво-красный камень, такой яркий, что кажется внутри него бушует огонь. Его имя — Сердце Аримана.

Второй — золотой диск с человеческим лицом, окаймленный лучами попеременно искривленными и прямыми. Позже его стали называть Оберег Кулла. Истинное же имя его неизвестно...

Один из них не может существовать без другого. Их нельзя уничтожить, но если бы случилось такое, то рухнули бы Та-Терха, Дом Богов, раскололись бы вдребезги все Тринадцать Небесных Сфер и воцарился Вечный Хаос.

...Под конец речь Ораста становилась все более бессвязной. Похоже, ему уже давно не приходилось говорить

столь долго. Видно было, что он устал, но Валерий все же не удержался и спросил:

— Постой, а разве Ариман не злое божество гирканцев? Помнится, на Востоке я слышал об этом...

— Все мироздание — не более чем Вечная Борьба Добра и Зла, Хаоса и Порядка, Света и Тьмы! То, что я рассказал тебе, — легенда, поэтический пересказ древних событий. И из нее, сколь ни старайся, не почерпнешь точных сведений, словно из дворцовой хроники. Неважно, какими словами именуется Свет. Одни народы именуют его Митрой, другие Асурой, третьи Иштар. То же и с Тьмой — где-то она нарекается Сетом, где-то Нергалом или Эрликом... Не знаю, существуют ли все эти многочисленные боги в действительности, или это лишь разные названия одного и того же.

Валерия передернуло от такого святотатства. Подумать только — этот чернокожничек еще смеет рассуждать о Митре. И как только не отсохнет у него язык!

Но вслух не выказал своего возмущения, а только спросил:

— Но почему тогда талисман называется Оберег Кулла?

— Этого точно никто не знает. Я привел тебе одну версию его происхождения — ту, что мне известна. Но есть и другая. Якобы талисман этот — дело рук тайных аколитов Пресветлого, которые, как говорят, противостоят в Хайбории Черному Братству. Что же касается Кулла, то с помощью этого Оберега он сумел очистить Валузию от таинственной расы змеелюдей. Правда это или нет? Боюсь, нам не суждено узнать.

— Но как талисман попал к Кулле и куда он делся потом?

Ораст пожал плечами.

— В немедийских летописях можно найти сведения о том, как этот легендарный воитель возглавил поход против змеелюдей, но чудовища были сильнее и одолевали.

И тогда Митра даровал Кулле право быть Вечным Хранителем Оберега и пользоваться его священной силой. Это право должно было перейти после его смерти к наследникам. Говорят, тот, кто носит его, неуязвим для меча и магии, но только если Хранитель праведен и блюдет единство державы. Пока владели талисманом по-

томки Кулла, процветала и крепла Валузия, а затем Аквилония. Но когда утратили магический амулет — порвалась связующая нить, и настало время огня и крови. В некоторых книгах его именуют — Время Жалящих Стрел!

Валерий вздрогнул. То, что говорил Ораст, напоминало пророчество слепой колдуньи.

— Ты рассказал об одном талисмани. Но что со вторым? Сердцем Аримана?

Ораст усмехнулся.

— Если бы я знал это, принц, то я сейчас не сидел бы с тобой рядом в сыром каземате. То, о чем ты любопытствуешь, — величайшая тайна! Никто не ведает, где искать Сердце Аримана! В магических книгах сказано, что его последним Хранителем был Ксальтотун из Багряного Пифона — величайший колдун всех времен и народов. Говорят, его мумия до сих пор покоится в потайном саркофаге. В древних летописях есть пророчество: восстанет ахеронский чародей, Тот, Кто Спал Тысячу Зим, и низвергнет этот мир. Знай, принц: тайна Сердца — то, ради чего все чернокнижники Хайбории с легкостью пожертвовали бы дюжиной будущих перерождений. Куда уж нам, ничтожным...

— Постой! Как ты сказал? Тайна Сердца — Тот, Кто Спал Тысячу Зим...

Он забормотал, в волнении расхаживая по камере.

...Четверо, облеченные Властью Сердца, пробудят Зло! И тогда восстанет из Мрака Тот, Кто Спал Тысячу Зим — и содрогнется твердь, и потекут реки крови, и потемнеет небо, и вороны будут кружить над пепелищем...

Слова Марны, казавшиеся ранее бессмысленными, неожиданно наделились значением, огненными письменами вспыхнув перед его взором.

Но почему ведьма решила, что он, наследник Антуйского Дома, окажется причастен к поискам Сердца Аримана? Ведь ему куда проще вернуть себе Оберег Кулла — магическую реликвию, что принадлежит ему по праву... И он осторожно поинтересовался у Ораста, кивнув на солнечный диск, зажатый в кулаке:

— Но откуда тебе знать, что этот амулет ненастоящий? Мне кажется, сам Митра едва ли различил бы их.

Ораст засмеялся, но Валерий понял, что своим вопросом разрушил тот тонкий настил приязни, что возник между ними, напомнив жрецу о его занятиях колдовством. Товарищ по несчастью насупился и снова стал обращаться к принцу подчеркнуто отчужденно:

— Любой, обладающий хоть начатками магических знаний, мгновенно узрел бы разницу между ними, месьор! Эта вещица прекрасна, спору нет, но она холодна, точно осенний лед. Она из мертвого золота, и красота ее преходящая, человеческая. Будь этот амулет наделен силой Митры — я ощутил бы жар, даже не коснувшись его.

Валерий зачарованно слушал жреца.

Чернокнижие прежде не внушало ему ничего, кроме ужаса, ибо он был уверен, что все колдуны подобны бесноватой Саломее и, подобно ей, грезят лишь кровью и бесчинствами. Но сейчас перед ним был не безумец, но ученый муж; суждения его были здравы, речь ясна и благозвучна, а в душе ощущался огонь, горевший ярко и чисто — огонь, которого так недоставало самому принцу.

И если бы не знать, что перед ним человек, убивший короля...

— Нет, я не могу поверить, — побормотал он в ответ собственным мыслям, позабыв, о чем беседовали они с Орастом прежде.

Разум его силился соединить воедино два несовместимых образа — и отступал в бессилии.

— Что могло толкнуть такого, как ты, на подобное бесчинство?!

Жрец сокрушенно покачал головой. За окнами башни светало, и лица узников казались серыми в предраассветной мгле. Но глаза Ораста горели, точно у дикой кошки, и взгляд, казалось, способен был прожечь камень.

— Месьор, я молю вас поверить мне! Я говорил вам правду. Никогда — о, никогда! — я не подумал бы зломышлять против вашего венценосного дядюшки.

Он знал, что может смело позволить себе утверждать это, ибо никто не сумел бы доказать обратное.

Лгал ли он? Пожалуй, нет!

Незрелый ум его, распаленный игрой воображения, уже не мог отличить истинное от выдуманного, и жрец сам уверовал в то, что говорил Валерию.

— Женщина погубила меня. Ненавистная колдунья!

Да... Марна! Валерий содрогнулся от омерзения и стыда: эти чувства были тесно переплетены в его душе, каждый раз, когда он вспоминал слепую ведьму. И ему известно было не хуже, чем кому иному, на что та способна. У него не было сомнений, что Ораст не лжет, и доверчивый жрец и вправду пал жертвой ее коварных чар.

— Прости, что усомнился в твоей искренности. — Валерий склонил голову. — Ведовство сильно в нашей юдоли скорби, и, воистину, с его помощью творятся грязные дела. Мне на себе довелось испытать это, и я верю тебе.

— Да! — Черные глаза Ораста полыхнули ненавистью. — Черные дела, месьор! Но заразу чернокнижия надлежит выкорчевать без остатка. И я клянусь Митре, что если когда-нибудь выйду живым из темницы — я возьму карающий меч Солнцеликого в свои руки, дабы без устали и пощады разить скверну.

Он и сам не заметил, как заговорил теми же словами, какими вещал, отправляя на костер колдунов в родной Немедии.

Не зря красноречивого жреца считали там грозой чернокнижников, не ведая, однако, чем занимается тот, когда остается один, в тиши своей укромной кельи.

Но таково было чудесное свойство души Ораста — он быстро забывал.

И во всякий миг искренне верил в то, что говорил, а пылкое сердце подсказывало ему нужные слова, что зажигали не только слушателей, но и его самого. И в этот миг он больше не был учеником колдуньи, грезящим о славе и господстве над миром. Прошлое изменилось, постыдные страницы были сожжены, и самый прах их канул в небытие. В воле Ораста было переписать его заново.

Валерий же видел лишь огонь, воспламеняющий жреца, не догадываясь о том, что питало его, и не мог не преисполниться уважения к нему. Вот перед ним был человек целеустремленный, которого никакие препоны не могли заставить свернуть с однажды избранного пути.

Как он мечтал обладать хотя бы долей подобной твердости!

— И все же ты сам занимался колдовством? — спросил он Ораста. — Что могло привести тебя к магии?

Разве не ведомы тебе были опасности, таящиеся в ее черных безднах?

Улыбка превосходства озарила худое лицо жреца.

— Для того, кто идет вперед, освещая путь факелом Митры, не страшны никакие бездны. Лишь жажда познания вела меня!

Он смутился на миг, вспомнив Релату и сотворенное им колдовство, но тут же заставил себя забыть о ней. Он чист перед самим собой! Ведь чары Скрижали разрушились со смертью Вилера. Релата снова свободна в своем выборе. И он не сомневался — она выберет достойнейшего.

Он ощутил восхитительную легкость. Воспоминания не бередили больше душу. И то, что соперник, похитивший у него сердце красавицы, был здесь, рядом с ним, бессильный воспользоваться плодами не ему принадлежащей победы, наполняло его торжеством и позволяло быть великодушным.

— Сердцем я чист перед Митрой! И потому верю — Солнцеликий выведет меня из темницы, и его волею я сумею отмстить обидчикам.

И вновь огонь его слов согрел Валерия. Месть! Как сладостно было это слово!

— Да, мечь, — прошептал он чуть слышно. — Клянусь, я отдал бы все, за одну лишь возможность...

Узники взглянули друг на друга, крепче любых уз скованные общим стремлением. Ораст протянул Валерию руку. Принц, не колеблясь, принял ее.

Внезапно, коснувшись пальцев жреца, Валерий вспомнил наконец, где видел этого человека.

Мимолетная встреча в доме Тиберия, накануне отъезда... он совершенно забыл об этом. Вероятно, юноша состоял при бароне писцом или секретарем — он не узнал его сразу в жреческом балахоне. Они встретились случайно, когда он собирался уезжать после ночи, проведенной с Релатой, преисполненный сомнений и тревог. Неудивительно, что лицо жреца не задержалось у него в памяти.

Теперь ему стало понятно, откуда юноша мог знать лесную колдунью. Та, должно быть, притянула несчастного к себе, наведя на него чары — как сделала это с самим Валерием, — околдовала и заставила выполнять

свою волю. Неудивительно, что он так ненавидит это Исчадие Тьмы!

— Но зачем этой Марне было убивать короля? — поразился он вслух. — Что могла выгадать сельская во-рожея от смерти сюзерена Аквилонии?!

Ораст опустил голову.

— Боюсь предполагать, но мне кажется, принц Нумедидес был к этому причастен. Разве не встречался он с ней незадолго до этого?

Прозрение снизошло на душу Валерия. словно ливень омыл скюдяное оконце, и картина гнусного преступления предстала перед его внутренним взором с ужасающей отчетливостью.

Конечно, Нумедидес!

Эта змея! Этот подлый шакал, трупоед!

Не зря оставался он один на поляне с колдуньей! Не зря отмалчивался, когда Валерий позже пытался расспросить его, о чем они говорили! Тогда совершился их сговор. Именно тогда его кузен оплатил Марне ее черные услуги.

Лишь теперь все стало ясно Валерию, и он ужаснулся, как мог не понимать этого раньше. Если бы он догадался, если бы предупредил короля...

Принц застонал от сознания собственного бессилия. Рука жреца ободряюще коснулась его локтя.

— Митра поможет нам отомстить! — прошептал Ораст.

И в душе Валерия вспыхнул наконец огонь, и он вновь, впервые за долгое время, ощутил себя по-настоящему живым.

* * *

Время до утра они провели в молчании. Каждый думал о своем.

Ораст — о Скрижали Изгоев, колдовском фолианте, что заставил его запятнать душу убийством, и, возможно, сложить голову на плахе.

Все, что вещала слепая колдунья, оказалось вздором! И его жертва была напрасной. Он отнял жизнь у мудрого владыки огромной державы и взамен не получил ничего.

Несколько мгновений назад он едва не рыдал от счастья, думая, что Релата сумеет наконец освободиться от привороты... До каких же пор он будет обманывать сам себя?

Ведь ясно же — ведьма солгала ему, преследуя свои корыстные цели от сговора с Нумедидесом. Даже если он весь бы выкупался в крови короля, а не только омыл в ней руки, веки и губы — это не приблизило бы его ни на сент к разгадке тайны колдовской книги. Скрижалъ Изгоев будет все так же хранить свои тайны, и если и откроет их, то кому-нибудь другому, ибо самому Орасту уже не суждено узреть таинственный труд пифонских чародеев.

Не спали чары и с Релаты! В этом не могло быть сомнений! И когда на шею этого худощавого желтоволо-сого принца опустится секира палача, несчастная девушка будет обречена на вечную скорбь о своем возлюбленном. До той поры, пока не погаснет огонек ее души...

То, о чем они только что грезили с Валерием, — тоже обман! Свежий воздух они сумеют глотнуть, лишь когда будут идти под дробь барабанов к лобному месту.

Остается лишь смириться и достойно принять смерть!

...Думы Валерия были отличны от мрачных предвидений жреца. Он терзался в сомнениях насчет Оберега Кулла.

Жрец лжет! Ну, может не лжет, а заблуждается! Ибо существует *подлинный* оберег — тот, что он держал в маленьких детских ладошках, тот, что защитил его от зубов оборотня и был похищен коварным Гретиусом.

Валерий вспомнил, как беспечно играл с магическим талисманом, который оказался Сосредоточием Силы, могущим в умелых руках ввергнуть Мироздание в Хаос, и ему сделалось страшно.

То, что настоящий амулет оказался у его бывшего наставника, Валерий не сомневался. Если бы этот ковар-ный пес не подобрал его в траве, он сумел бы вернуть золотой диск на место, и его отважный отец пошел бы в бой с Оберегом Кулла у сердца. Но Митра справедлив — Гретиусу, лживому слуге Солнцеликого, краденое сокровище не принесло счастья. Ибо умер он не как подобает наставнику принцев, в покое и смирении, окруженный

толпой плачущих прихожан, а словно бешеный пес от клинка безумца.

Кара свершилась! Пусть даже руками Нумедидеса!

Но как странно, что амулет Митры вновь, через столетий, послужил изгнанию демонов! Валерию вспомнилась чудовищная фигура Цернуноса, с рогами, упирающимися в небеса; его кузен, в исступлении выкрикивающий ругательства; золотой диск, впивающийся в замшелую плоть древнего бога, и его яростный рев, полный ненависти и боли.

Может ли так случиться, чтобы тот талисман был поддельным? Нет — тот оберег был *истинным*.

Но откуда тогда появился этот, что он держит сейчас в руках? И кто безвестный мастер, сотворивший его?

Принц напряг память. Четверть века назад о чем-то таком ему рассказывал Жамес... Но что он говорил? Нет, не вспомнить! Детские впечатления надежно покоились под более поздними напластованиями слов, образов и мыслей, словно речное дно под слоями ила.

Но кто мог заказать тому мастеру сотворить копию? Орантис Антуйский? Фредегонда? И зачем? Разве только чтобы обмануть неведомых чернокнижников, что наверняка охотились за талисманом Митры. Но вряд ли их удалось бы провести. Вон этот юнец — неофит, но и тот сумел отличить копию от подлинника.

Нет, тут что-то другое. Но что?

Когда его мать вручала святыню своему брату Вилеру, он не подозревала, что в руках ее подделка. Но если она сама заказала ее, то должна была определить это по едва заметному клейму...

Валерий покачал головой.

Нет, не сходится. Не намеренно же дочь Хагена хотела обмануть своего брата? Если только...

От волнения Валерий вскочил со своей соломенной подстилки и возбужденно заходил по камере. Ораст с опаской посмотрел на него.

Если только... Его мать могла догадаться, что Вилер — убийца ее мужа! Выходит, она каким-то образом провела об этом и отдала подделку *нарочно*, зная, что брат ее будет лезть в самое пекло и рано или поздно сложит голову от вражеской стрелы или меча.

Значит, дар королю — месть, которая завершилась спустя четверть столетия?

По спине его пробежали мурашки. Принц почувствовал, что вплотную приблизился к какой-то страшной тайне.

То, что он подменил талисман, знал только он и Жамес. Даже его братец, и тот не догадывался об этом. Со старым ювелиром они говорили об этом, когда Нуми побегал за Гретиусом. Стало быть, его мать не ведала, что в кипарисовом ларце покоится подделка, отлитая Жамесом из горсти золотых монет. И именно тот талисман она считала настоящим, отдав брату подделку.

Так где же он — третий Оберег, изделие старого ювелира Жамеса?!

Аой.

ВРЕМЯ БЕГСТВА

Барон Торский внезапно пришел в себя и увидел, что находится в крытой галерее, что вела в его апартаменты. Она была совершенно пустынна. Серый предрассветный свет, сочащийся из окон, делал ее похожей на мираж.

Амальрик провел рукой по лицу. Он не помнил, как дошел сюда.

Но это не самое главное. Важно другое. Вперед идти нельзя.

Там могла быть засада.

Ловушка.

Но сейчас ему все было безразлично. Что-то надломилось в душе немедийского барона.

Он, не боявшийся ничего на свете, с презрением встречавший любую опасность, впервые изведal страх. И это сломало его. Точно копыта оборотней прошли по самой душе Амальрика, разбив вдребезги нечто драгоценное и хрупкое — его уверенность в себе.

И что бы ни случилось с ним дальше, Амальрик был уверен в одном. Ему не скоро удастся стать прежним. А может быть, и никогда.

Призрак оленя навеки поселился в его сердце.

...Пошатываясь, он дошел до конца галереи и свернул налево, туда, где находилась внутренняя дверь в покои

посланника. В отличие от парадной внешней, ведущей во двор, этой пользовались лишь слуги да сам барон, когда желал прийти или уйти незамеченным.

Дверь была незаперта. Это показалось ему странным, но не настолько, чтобы вызвать тревогу. Он вошел.

И с первых же шагов почувал неладное.

Даже не потому, что никто не вышел ему навстречу. Слуги не знали, когда ждать возвращения господина, и потому неудивительно, что в столь поздний час замешкались со встречей. Нет. Барон встревожился, ибо почувствовал без тени сомнения, что во всем доме *некому* выйти к нему.

Апартаменты дуайена были совершенно безлюдны. Выглянув в коридор, ведущий в комнаты прислуги и на кухню, Амальрик лишний раз убедился в этом. Гулкая, звенящая пустота встречала его.

В обычное время в помещениях посольства проживало никак не меньше четырех дюжин народу. Личные слуги и конюшие, повара и писцы, лекари, гонцы и брадобреи, и это не считая сыновей мелких немедийских дворянчиков, по протекции получивших место при бароне, где, считалось, им предстоит набраться опыта, чтобы надеяться впоследствии занять в посольском корпусе Немедии должность поважнее. Правда, с первого дня их появления в Тарантии, Амальрик ставил им единственное непереносимое условие — служба их должна проходить в кабаках, игорных домах и Кварталах Утех. Этим он убивал сразу двух зайцев: бестолковые хлыщии коротали дни подальше от его глаз, и не надоедали ему своим нытьем. И, порою, им удавалось *нащупать* что-нибудь интересное — новую сплетню, свежий слухок. Надо ли уточнять, что юнцы брались за дело с усердием, с каким едва ли уселись бы писать посольские депеши.

Но и так, не могли же они все испариться в одночасье!

С чувством нарастающей тревоги Амальрик обошел пустынные комнаты, приемные покои, заглянул в опочивальню и столовую.

Ни души.

Лишь странное ощущение чужого враждебного присутствия, не оставлявшее его всюду, куда бы он ни направился. Точно чьи-то злые глаза, прищурясь, смотрят в спину.

В его личных покоях царил беспорядок — словно кто-то торопливо рылся в его вещах, да так и бросил, не доведя дело до конца. И лишь одно-единственное помещение понесло реальный ущерб — потайная комнатка за опочивальней, где барон занимался на досуге составлением ароматов, душистых масел и прочими опытами.

Кто-то перевернул там все вверх дном, перебил склянки и реторты, разворошил угли в жаровне. На каменных плитах пола, в луже масла, явственно виднелись отпечатки сапогов. Испачкавшись, человек разнес грязь дальше, и жирные следы цепочкой протянулись по афгульским коврам ручной работы, украшающим пол в спальне.

Барон впервые ощутил гнев.

Теперь он доподлинно знал, что случилось в его отсутствие: не удовлетвовавшись смертью Амальрика, Нумедидес послал солдат к нему — устроить облаву.

Слуги, должно быть, схвачены, хотя какая принцу корысть сажать за решетку полсотни невинных душ, которых, к тому же, придется теперь кормить, содержать и охранять за казенный счет, барон понять не мог.

Впрочем, после сегодняшнего едва ли стоило искать логику в поступках принца.

Теперь он пожалел, что не убил этого жирного ублюдка пару недель назад, когда была такая возможность.

Но кто же мог предвидеть, что так все обернется...

Теперь он знал, что будет раскаиваться в этом, покуда жив. Но сейчас нельзя тратить времени на бесплодные сожаления.

Пора уходить!

Удивительно еще, как стражники не догадались оставить в апартаментах засаду. Амальрик спустился на первый этаж и прошел в свой кабинет. Надо будет взять кое-что перед уходом.

Внезапный шорох за окном, едва слышный, точно ветка царапнула ставню, привлёк внимание немедийца, и он мгновенно насторожился. Рука потянулась к бедру и упала бессильно, не найдя на привычном месте клинка.

Взгляд барона заметался по сторонам в поисках оружия.

— Месьор! Месьор! — внезапно услышал он пронзительный шепот снаружи, со двора. — Это вы, месьор?

Крадучись, Амальрик подошел к окну и осторожно приоткрыл тяжелые створки. Маленький рыжеволосый человечек в пестром одеянии глядел на него снизу вверх из темноты.

— Ах, месьор! Как я счастлив видеть вас! Я заметил силуэт, но не мог поверить, что вы вернулись.

Менестрель Валерия.

Несколько мгновений Амальрик недоуменно смотрел на него. Помнится, в конце вечера поэт был смертельно пьян — откуда же он взялся во дворе? И как ему удалось уцелеть?

Но болтать у открытого окна, точно красотке с пылким влюбленным, им было, пожалуй, небезопасно. Не раздумывая, барон перегнулся через подоконник и потянул Ринальдо обе руки.

— Поднимайся! — прошипел он сквозь зубы.

Менестреля не пришлось упрашивать дважды. Втянув его в комнату, Амальрик поспешно захлопнул створки окна и, опасаясь, как бы еще чей-то праздный взгляд не приметил их снаружи, задернул заодно и шторы.

— Здесь были стражники Нумедидеса? — спросил он.

— Да, да, месьор! — горестно закивал поэт. — Они пришли, когда вас не было. Целый отряд. Сотня ратников, не меньше!

Барон уже достаточно пришел в себя, чтобы понять, что стражников было не больше десятка.

— Зачем они приходили?

— Не знаю, месьор. Кажется, искали вас. Топали, кричали, размахивали мечами. Ужас охватил нас и сковал наши члены, месьор, подобно великому Куллу, когда он впервые узрел морское чудовище Левиафана!

Ринальдо содрогнулся, заново переживая ночной кошмар.

— Согнали всех, будто баранов, заковали в кандалы и погнали прочь. Должно быть, на каторгу.

— А не в тюрьму?

Менестрель покачал головой.

— Нет, я слышал, как их капитан велел вести всех к воротам. А там их, наверняка, продадут в рабство.

Поэтическое воображение, как обычно, оказалось у Ринальдо сильнее здравого смысла. Скорее всего, догадался барон, немедийское посольство попросту выдворили из

Тарантии. Нимеду, вероятно, принц направит соответствующую ногу, где он, барон Торский, будет обвинен в измене и покушении на венценосную особу — и эпизод замнут, к вящему удовлетворению всех сторон.

Амальрик пожал плечами.

Даже если бы он обрел смерть в коридорах Лурда и прах его был смешан с грязью или развеян по ветру, самодержцы нашли бы способ уладить это небольшое недоразумение. Иные соображения, куда более значительные, чем судьба какого-то посланника, играли первостепенную роль в их решениях. Да, от своего сюзерена Амальрику едва ли стоит ждать помощи.

Маленький менестрель не сводил с него преданных глаз. Барон с подозрением покосился на него.

— Хорошо. Но как же удалось спастись тебе?

Поэт смущенно шмыгнул носом. На белой, чувствительной, как у всех рыжеволосых, коже, проступил багровый румянец.

— Видите ли, месьор, ваше вино... Чудесное вино, я ничего не хочу сказать — но уж больно крепким оно оказалось. Желудок у меня, как бы это поточнее — взбунтовался... Но мне совестно было тревожить слуг, и я подумал, если я выберусь во двор, а потом вернусь и вздремну еще немного, никто не увидит в том худого. Благо, комната, где меня уложили, оказалась на первом этаже.

Он неловко хохотнул.

— А когда я уже возвращался, то увидел солдат. Митра свидетель, месьор, никогда в жизни мне не было так страшно! Я просидел в кустах все это время, лишь под конец осмелился заглянуть в окно. Но они забрали только слуг.

Амальрик подумал, что должен был бы ощутить гнев. Еще сегодня утром он пришел бы в ярость при одной мысли, что какие-то мужланы осмелились хозяйничать в его покоях. Но сейчас весть эта не вызывала ничего, кроме щемящей досады.

— Нам надо выбираться отсюда, — сказал он менестрелю задумчиво. Тот судорожно закивал в ответ. — Сдается мне, воздух Тарантии стал вреден для моего здоровья.

— Но ворота... Стражники...

Барон пожал плечами и отозвался с уверенностью, которой сам не чувствовал:

— Тебя никто не ищет. Если мы выйдем пешком прямо сейчас, на нас едва ли кто обратит внимание. Охрана на воротах не ровня Черным Драконам. Деревенщины. Немедийского посланника они способны опознать, только если дюжина герольдов будет бежать впереди, провозглашая его ранг и должность. На двух собутыльников, которые едва ноги волочат после бурной ночной попойки, они даже не обратят внимания.

Ринальдо кивнул покорно, заранее согласный с любым решением немедийца. Возможно, посланник ничего не смыслил в поэзии, однако с ним менестрель чувствовал себя уверенно, как за каменной стеной, и это было решающим доводом.

— Ступай к Южным воротам, — велел ему барон. — И жди меня там, за конюшнями. Заодно посмотри пока, все ли спокойно вокруг. Я скоро подойду.

Поэт хотел было воспротивиться, но, наткнувшись на тяжелый взгляд барона, осекся, не решившись возразить.

Крадучись, он вышел в коридор. Чуть слышно скрипнула дверь, и Амальрик вновь остался один.

Проходя из одной комнаты в другую, он методично принялся собирать вещи. Все, что могло ему понадобиться в пути, ибо он знал, что за помощью обратиться не к кому. Большинство заговорщиков перешли на сторону Нумедидеса, да и прочие едва ли рискнут помочь опальному немедийскому дуайену. Так что рассчитывать, как обычно, приходилось лишь на самого себя.

Прежде всего, деньги! Только золото и драгоценности — они занимают меньше места.

На случай внезапного бегства у барона давно был заготовлен потайной пояс, надевавшийся под платье, куда поместились все его сбережения.

Следующий шаг — бумаги!

Он перешел в библиотеку.

Митра! Как жаль будет расставаться со всеми этими томами, собранными по крупницам сокровищами мудрости, что Амальрик ценил едва ли не превыше всех прочих своих богатств. Но книги с собой не унесешь. И он отвернулся от забытых до отказа полок, не желая лишний раз травить душу.

Из документов пригодилось немного. Списков заговорщиков, хвала небесам, он никогда не составлял, держа в памяти все детали обширнейшего плана, который так долго и с болью выстраивал — и в одночасье стал свидетелем его крушения. Точнее, заговор продолжал существовать. Только теперь он обходился без своего творца и вдохновителя.

Больно и обидно! Но Амальрик запретил себе тратить время на пустые сожаления.

Руки его ловко нашарили в ящике стола потайной рычаг — и вот уже в столешнице открылся секретный ящичек, о котором не знала ни одна живая душа, ибо мастер, соорудивший тайник для барона, был давно мертв.

Амальрик извлек оттуда дорожную, дававшую право беспрепятственного пересечения границы посланцу короля Аквилонии; подобный же документ, выписанный правителями Зингары, Офира и наконец Немедии. За исключением последнего, все они были попросту выкрадены у менее бдительных собратьев дуайена.

Теперь, по крайней мере, он мог быть уверен, что беспрепятственно пересечет любую границу.

Так, теперь главное! Оружие. Амальрик прошел в оружейную и распахнул шкафы. За исключением так нелепо утраченного шипа ядозуба, вся амуниция была на месте. Ах, нет, не хватало туранского кривого клинка — должно быть, позарился кто-то из стражников. В остальном же ему было из чего выбрать.

Амальрик торопливо экипировался.

В дверях он оглянулся, в последний раз обзоревая пустынные апартаменты. Не забыл ли чего? Он не ощущал печали, покидая покои, что больше двух зим служили ему пристанищем. Барон никогда не испытывал привязанности к жилищу, считая это чувство нелепым из предрассудков.

Ничто не удерживало его здесь.

Он шагнул за порог через парадную дверь, что вела во двор замка.

Где был встречен радостным возгласом:

— Смотри, командир, твоя правда! Пташечка-то вернулась в гнездышко!

Амальрик окаменел.

Навстречу, ловко охватывая его в кольцо, вышли шестеро стражников, и барон узнал в них наемников из Вольного Отряда Нумедидеса. Сердце его упало. Будь это Черные Драконы, с ними еще можно было договориться. Альвий, даже если бы не встал открыто на его сторону, непременно польстился бы на золото барона и дал тому шанс ускользнуть.

Но от этих спасения не было.

Выгадывая время, Амальрик попятился.

Но за спиной была закрытая дверь, и вести за собой наемников в дом ему не хотелось. В тесных комнатах им легче будет окружить его и зажать в угол. Барон понял, что, если хочет уцелеть, то должен выгадать время. Самым спокойным и надменным тоном он осведомился:

— Могу ли я знать, кто вы такие и по какому праву задерживаете меня? Напомню, я посланник короля Нимеда, и аквилонские законы не имеют надо мной власти.

— Во поет-то! — присвистнул восхищенно тот же голос. — Эй, Невус, а ты, поди, так не смог бы!

Наемники захохотали. Один из них выступил вперед, и Амальрик узнал черноволосого северянина, их предводителя.

Вот ведь как встретиться довелось, Конан-киммериец, подумалось ему невольно, но вслух он не сказал ничего. По лицу северянина невозможно было определить, узнал ли тот барона.

Впрочем, едва ли. Тот очень изменился за эти годы.

— Мы получили приказ арестовать тебя, барон, — произнес северянин невозмутимо. Риторика дуайена, как видно, не сильно подействовала на него. — Кром! Лучше бы тебе подчиниться по доброй воле!

— Ну, разумеется.

Амальрик печально улыбнулся, всем видом своим показывая, что вынужден подчиниться неизбежному, и медленно двинулся вниз по ступеням, навстречу солдатам.

Те, видя, что враг готов сдаться, невольно расслабились.

В тот же миг руки немедийца метнулись к потайным ножам на запястьях. Мгновение — и два острых тонких кинжала серебристыми молниями взвились в воздух. Первый вонзился в глазницу наемнику, которого называли Невусом... это был тот самый прием, что сразил жреца в

храме Митры. Но второй нож, предназначенный киммерийцу, пролетел мимо цели.

В последний миг северянин успел уклониться.

Замешательство наемников помогло барону выгадать драгоценные мгновения.

Он метнулся в брешь в рядах наемников, образовавшуюся, когда пал Невус. Их разделяло не меньше десяти шагов, когда опомнившиеся наконец солдаты бросились в погоню.

Теперь немедийцем владела лишь одна мысль: любой ценой увести погоню прочь со двора. Здесь слишкомлюдно. В любой миг их могут заметить, набегут подкрепления — и он пропал!

Но куда бежать?!

Хвала Митре, башни, где были апартаменты посланников, располагались вдаль как от казарм, так и от служб двора, так что поблизости не было ни воинов, ни челяди; да и час был еще ранний. Небо едва начало светлеть на востоке.

Однако необходимо было торопиться. Амальрик чувствовал, как утекают сквозь пальцы, точно вода в клепсидре, драгоценные мгновения.

Решившись, он подбежал к открытой галерее, что шла вдоль стены, соединявшей все три башни между собой и, недолго думая, вскочил на перила. Затем, подтянувшись за низко нависавшую черепицу, подтянулся и птицей взмыл на крышу галереи.

По ту сторону стены не было ничего, кроме закрытого прогулочного садика с фонтаном и посыпанными речным песком дорожками. Скрыться там было негде, но наемники могли этого и не знать. Пусть решат, что он собирается бежать таким путем. Возможно, это заставит их утратить осторожность.

Расчет его отчасти оправдался. Двое наемников, выкрикивая проклятья, торопливо принялись карабкаться за ним.

Как только первый из них показался на крыше, Амальрик подскочил к нему. Руки наемника цеплялись за черепицу. Точным ударом меча барон снес ему череп. Окроваченный труп свалился на камни.

Немедиец бросился к его товарищу.

Яростный рев донесся снизу.

— Проклятый пес! Ты поплатишься за это!

Барон слышал, как остальные, звеня мечами, бросились на галерею с разных сторон.

Второй наемник почти успел вскарабкаться наверх, но покатая крыша не позволила ему подняться на ноги достаточно быстро. Меч Амальрика достал его, однако обшитая пластинами кожаная куртка отразила удар. Солдат вскочил на ноги. Новый выпад немедийца заставил его потерять равновесие. Он отступил, зашатался... Амальрик ударил еще раз, целя в горло.

Наемник полетел вниз.

Но трое его товарищей уже бежали к нему по крыше, на ходу вытаскивая из ножен мечи. Лица их исказились от ненависти.

Мгновенно оценив ситуацию, Амальрик сделал вид, что бросился налево, навстречу киммерийцу и его напарнику. Сапоги его гремели по черепице. Бежать по наклонной плоскости было невозможно. Он заскользил вниз, чувствуя, что теряет равновесие. Солдаты устремились за ним. Он отчаянно замахал руками, точно готов был вот-вот сорваться...

— Живьем! — кричал Конан. — Надо взять его живьем!

Они были уже совсем рядом.

Внезапно из руки немедийца, точно рой пчел, выпорхнули Летучие Звезды.

Все это время он держал их наготове. Смертоносным веером крохотные стальные лезвия разлетелись во все стороны. Наемник справа отчаянно кричал, бросив меч, прижимая ладони к окровавленному лицу.

Амальрик, оттолкнувшись, прыгнул.

Меч Конана рассек воздух в том самом месте, где он был только что.

Высота в два человеческих роста была немедийцу не преграда. Перевернувшись в воздухе, он приземлился, как кошка, долю мгновения помедлил, пока отступит острая боль, пронзившая ступни, и бросился прочь.

Он был уверен, что теперь сумеет положить между собой и преследователями достаточное расстояние, но, оглянувшись, увидел, что просчитался. Последний из уцелевших наемников и впрямь отстал, но киммериец прыг-

нул за ним следом, и Амальрик не мог сдержать восхищения.

Это был достойный противник! Даже жаль убивать его.

Точно заяц, петляющий, убегая от борзых, немедиец метнулся в сторону, к башне офицеров. Там, должно быть, все уже проснулось, разбуженные шумом схватки, но он достаточно хорошо знал осторожного посланника Ианты, чтобы быть уверенным, что тот ничего не предпримет, пока точно не уяснит расстановку сил.

Помощи от него ждать нечего — но и задержать собрата он попытаться не станет.

Чуть отставший от своего капитана наемник, заметив маневр барона, бросился ему наперерез, размахивая мечом.

— Твой час пришел, бельверусское отродье! — прорычал он, бешено вращая глазами.

Амальрик слишком берег дыхание, чтобы отвечать. Усталость начинала сказываться, и если бы не железная выдержка, он, должно быть, давно свалился бы замертво. Но его воспитывали не ведающим поражений.

Пока жив, он обязан был сражаться!

Клинки скрестились на ступенях офирской башни.

Наемник принялся теснить барона, и тот, на миг отвлечшись, чтобы проверить, не угрожает ли опасность сзади, едва успел уклониться от удара. Он выставил клинок навстречу. Удар был такой силы, что отдался болью во всем теле.

Не обращая внимания на боль, Амальрик отвел меч своего противника, зацепив его своей гардой.

На мгновение — но этого оказалось достаточно.

Противники сблизились. И зингарский бордолис, который держал барон в левой руке, ушел под ребра наемника, по самую рукоять из оленьего рога.

Амальрик вытер пот со лба. Трехгранный кинжал со служил ему добрую службу. А то он уж ненароком подумал, что не сможет больше в жизни прикоснуться ни к чему, что связано с оленями.

Его противник охнул и осел на ступени. Барон поставил ногу ему на грудь, выдернул бордолис и рывком развернулся встретить последнего врага.

Они оставались один на один с киммерийцем.

Теперь можно было не торопиться. И противники, успев по достоинству оценить мастерство друг друга, не спешили нападать, опасаясь допустить ошибку, ставшую бы роковой.

Конан окинул взглядом немедийского барона.

Этот парень отнял жизнь пятерых, Невуса, Барха, Гилермо, Сабрия и Лайва.

Кром! Будь он проклят, этот негодяй!

Но как дерется!

Северянин невольно пожалел, что не сможет привлечь барона на свою сторону. Такой один стоил бы целого отряда. Однако это не просто отличный боец, но чернокожничник. А с такими никакие союзы и соглашения невозможны. Киммериец своими глазами видел тому подтверждение — целую комнату в покоях барона, за опочивальней, отведенную под магические опыты. Немудрено, что такие черные дела творятся в Аквилонии. Самый воздух здесь провонял колдовством!

Ну, ничего. Скоро здесь станет чище.

— Теперь ты ответишь за все! — проревел он, переходя в наступление.

Немедиец увернулся и оскалил зубы.

Дрался он как-то странно, пританцовывая, ни единого мгновения не стоя на месте, так что в глазах рябило, словно не человек перед ним, а язык пламени. Однако ответный удар его Конан парировал без труда.

Чувствовалось, что у противника силы на исходе.

Осознав это, Конан мгновенно понял, какую тактику следует предпринять. Взять его измором. Медленно, методично, без суеты. По мастерству они почти равны, так что победит тот, у кого больше сил. Или выдержки.

А в этом северянин не знал себе равных.

Раз за разом скрещивались клинки, противники сходились и расходились вновь.

Мало-помалу Амальрик начал терять терпение. Усталость брала верх, и с каждым разом ему все труднее стало выдерживать навязанный киммерийцем темп боя, но пока ему даже не удалось задеть его. Скоро барон обессилит окончательно — и тогда ему конец.

Но что он мог предпринять?

Проклятый варвар не допускал ни единой ошибки, не позволял ему приблизиться на расстояние кинжального

удара, но и не давал возможности к бегству. Амальрик ощутил подступающее отчаяние. Если б можно было поразить проклятого северянина на расстоянии!

Стоп! Как же он мог забыть!..

Конан заметил, как вспыхнули бешеным торжеством глаза противника, а рука метнулась к поясу. Туда, где качались крохотные дарфарские булавы, похожие на лекарские пестики. Размером не больше ладони...

Инстинкт хищника заставил киммерийца отскочить в сторону — но мгновенная заминка чуть не стоила ему жизни. Он ощутил страшной силы удар, почти не смягченный кольчугой, и адскую боль в плече.

Правая рука, державшая меч, мгновенно онемела. Пальцы разжались.

Барон с яростным рычанием метнулся к нему, намереваясь полоснуть по глазам кинжалом. Тонкое лезвие свистнуло в сенне от лица.

Конан отклонился, нырнул под руку противнику, мгновенно перехватывая меч в левую. Хорошо еще, что он впадал одинаково хорошо обеими руками.

Чудовищный удар сбил его с ног. Конан понял — вторая булава ударила в грудь, смяла звенья кольчуги и едва не переломала ребра.

Холодный пот потек по его лицу, заливая глаза.

Киммериец мотнул головой, откидывая густую гриву черных волос, и, зная, что другого шанса у него не будет, он нанес сокрушительный удар по тени, что возникла перед ним.

Отточенный клинок рассек плоть.

Амальрик пошатнулся. Рубаха его мгновенно окрасилась алым. Он посчитал, что враг без чувств и оттого осмелился подойти на расстояние удара. Его дарфарская палица проломила бы грудь даже быку.

Ах, если бы не кольчуга...

— Будь ты проклят, киммериец! — прорычал он.

Конан пошатываясь встал и поднял меч, готовясь нанести последний удар. Грудь разламывалась пополам, в голове трещало, как после хорошей попойки. Он сделал неуверенный шаг и занес клинок.

Как вдруг что-то обрушилось на него сзади.

В глазах у северянина потемнело.

«Кром!» — только и успел прохрипеть он. Перед глазами поплыли черные круги. И земля устремилась ему навстречу.

Барон, уже простившийся с жизнью, с изумлением увидел, как Конан рухнул у его ног, словно могучий дуб, поваленный молнией.

Митра, похоже, ты и впрямь благоволишь к своему недостойному слуге. Три раза за эту ночь он готовился умереть, и три раза оставался жив. Явно, это знак, сулящий ему удачу в будущем.

Он поднял глаза и увидел позади поверженного противника маленького человечка в пестром платье. Тот стоял, трясаясь как осиновый лист и, выпучив глаза, смотрел на огромного киммерийца, распростершегося на взрыленном песке.

Пошатываясь, Амальрик обошел поверженного врага и тяжело оперся на плечо Ринальдо.

— Ты подоспел вовремя, менестрель, — прошептал он, пытаясь отдышаться. — Еще немного — и северянин прикончил бы меня!

Сказав эти слова, он с грустью подумал, что раньше, хотя бы вчера днем, он смог бы шутя разметать всех этих псов во главе с их командиром-варваром. Но теперь, теперь должно пройти немало времени, прежде чем он сумеет стать прежним Амальриком.

Или не сумеет?

Он сконцентрировался и попытался усилием воли остановить кровь. Тщетно, все бывшие умения вытекли из него, точно из дырявого кувшина. Он оторвал от рубашки кусок, смял его и приложил к ране.

— Эй, поэт, очнись! Все уже кончилось.

Ринальдо не ответил, сокрушенно разглядывая обломанный гриф мандолины, оставшийся у него в руках, после того как он, подкравшись на цыпочках, обрушил ее на голову страшного варвара.

Трупы и кровь вокруг, раненый немедиец и оглушенный наемник — ничто не интересовало его в этот миг.

— Моя мандолина!

Он едва не плакал.

Несмотря на боль от раны, Амальрик расхохотался.

— У тебя будет новая, менестрель! Целый десяток, если пожелаешь! Но сейчас давай убираться отсюда. Этот здо-

ровак скоро очнется, и тогда не миновать погони. Нам надо успеть убратсья отсюда подальше.

Ринальдо поднял на него глаза.

— Вы собираетесь оставить его в живых, месьор?

Амальрик усмехнулся.

— Он честно дрался, и было бы недостойно убивать его, пока он беспомощен. Нет, мы встретимся с ним в открытом бою, если так будет угодно Митре. Но довольно болтать. Пора уносить ноги!

Ринальдо с сожалением покосился на Конана. Жаль, что тот, по чьей милости он лишился своего драгоценного инструмента, останется жив. Ну, ничего не поделаешь! И, украдкой пнув бесчувственное тело киммерийца, он произнес:

— Лошади нас ждут у ворот, месьор. И, прежде чем вернуться за вами, я сговорился со стражниками, что стоят на воротах. За пару золотых они не станут задавать лишних вопросов.

Вот это да!

Амальрик вынужден был признать, что превратно судил об этом смешном человечке. Пожалуй, за это он даже готов послушать на досуге его стихи...

— Тогда поторопимся! Путь нам предстоит неблизкий.

Амальрик торопливо захромал вперед, зажимая рану полрой плаща. Тряпка уже пропиталась кровью. Надолго ее не хватит. Как только окажутся в сравнительной безопасности, необходимо будет рану прижечь и сделать повязку. Милостью Митры, он доберется до места живым...

А там о нем будет кому позаботиться.

Словно в ответ на его мысли, менестрель поинтересовался:

— Но куда же мы отправимся, месьор?

Превозмогая боль, барон усмехнулся.

— В Амилию! — произнес он уверенно. — К Марне! Она — наша последняя надежда!

* * *

Ни барону Торскому, ни его спутнику и в голову не пришло поднять голову и взглянуть вверх, когда они покидали дворец, не то они, возможно, увидели бы стран-

ную черную тень, очертаниями напомиनावшую безглавую птицу, что, плавно скользнув из заоблачной выси, опустилась на крышу оставленной посланником Немедийской Башни.

Не прошло и мгновения, как демон Мизрах вновь взмыл ввысь.

Огромная тень цвета оникса на миг застила небо, и рассвет отступил боязливо, вновь давая дорогу ночи. Когда же демон скрылся, и серый сумрак, предшествующий восходу, залил перламутровым сиянием землю, закутанная в черное женская фигура, еще мгновение назад стоявшая у края башни, исчезла также.

Марна неспешно спустилась по лестнице, что вела с крыши во внутренние покои посольства.

Колдовское чутье говорило ей, что людей поблизости нет, и это было странно. Насколько она могла заметить, наблюдая в дыму за Амальриком, в покоях его всегда толпился народ. Но сейчас она была уверена, что башня пуста.

Магия могла помочь ей понять, что здесь произошло.

Ведьма уперлась ладонями в стену, заставляя свое сознание слиться с камнем башни, проникнуть в память строения и извлечь необходимые сведения. Это оказалось несложно. Стены помнили топот множества ног, звон мечей, ругательства солдат и плач служанок. Попутно Марне удалось уловить довольное повизгивание какой-то девицы — должно быть, один из стражников зажал ее в уголке...

Но ни следа самого барона!

— Сет и его присные! — выругалась женщина в сердцах.

Она так рассчитывала на немедийца.

Теперь же ей предстояло все делать самой — а это означало, что придется самой соприкоснуться с людьми, говорить с ними... Словом, делать все то, от чего она была избавлена вот уже два десятка зим.

Она успела позабыть так много!

Законы, по которым живут эти несчастные, стали для нее чужими. Как сможет она выйти к тем, кого покинула добровольно так давно? Они никогда не поймут ее!

Ведьма поймала себя на мысли, что даже разучилась общаться так, как это делают люди. Объяснять, просить, умолять... Но она умела лишь требовать!

Асура! Должно быть, ей придется даже говорить о себе «я», как когда-то прежде.

Сумеет ли?

Но у нее не было иного выхода. Что-то недоброе случилось с немедийцем, и, должно быть, случилось внезапно, если он даже не успел предупредить ее. Иных помощников, на кого она могла бы положиться так же, как на барона, у Марны в столице не было. В этот миг ей даже стало жаль, что пришлось пожертвовать жрецом... Звереныш сейчас пригодился бы ей как никогда.

Но смятение длилось недолго. Марна не была бы той, кем была, позволь она подобным неурядицам смутить себя. Впереди у нее еще множество битв. Как же она сможет победить в них, если спасует уже сейчас?!

Уверенным шагом — ибо не раз мысленно проходила по этим покоям с Амальриком — ведьма двинулась вперед. Лестница привела ее на первый этаж, где располагались личные покои барона. Его опочивальня.

Библиотека.

Кабинет.

Марне не нужно было смотреть по сторонам. Каждую из этих комнат она помнила наизусть. Она шла вперед, выставив перед собой ладони, впитывая ауру каждого предмета.

Она должна быть здесь! Тогда, в дыму остролиста Марна видела, что щенок был в другой...

Разбитые реторты. Изорванные пергаменты. Разбросанная утварь. Не то, не то, что она ищет!

Обломки мебели. Оружие. Колдовские книги. Подумать только, сколько их у немедийца... Опять не то!

Внезапно ее ладонь обожгло, будто она прислонила ее к расплавленному железу.

Вот оно!

Ведьма подула на ладонь. Огонь Солнцерекого опалил ее длань. Значит, то, что ей нужно, поблизости...

Усилив воли убавив чувствительность ладоней, Марна продолжала кружить по комнате. Левее. Еще левее... Стоп! Нет, много... Теперь правее. Еще полсенма. Стоп!

Слепая колдунья подошла к потухшему камину. Хорошо, что немедиец не сжег ее, хотя, судя по всему, уже приготовился это сделать.

Она полностью выключила магическую чувствительность рук. Теперь ее ладони ощущают так же, как у всех людей, и можно взять *это*.

Ведьма нащупала грубую ткань.

Ряса, то охряное немедийское облачение, которое Ораст привез сюда!

Ее пробрал озноб. Что будет, если она нацепит ритуальное одеяние слуг Солцерового?

Не проснется ли Он на небесах, чтобы испепелить молнией дерзкую колдунью?

Но до восхода солнца оставалось еще немного... Пока длится время Сета, сам Великий Змей поможет ей!

С трудом преодолевая отвращение, она сбросила свой черный плащ и завернулась в жреческую накидку.

Теперь она неотличима от одной из Матерей — так, кажется, именуют себя эти кликуши из женских обителей.

Насколько она помнила, слуг Митры пускали везде беспрепятственно.

Что ж, Солнцеровый, на этот раз ты послужишь нам! От этой мысли она чуть не расхохоталась.

Можно было бы отправиться немедленно, однако обуздание Мизраха отняло у нее массу энергии, и магические силы были на исходе.

Придется подождать! Впереди ее ждало нелегкое сражение, и ведьма знала, что должна как следует подготовиться к нему.

Аой.

ВРЕМЯ СВИДАНИЯ

К восточному крылу дворца, где располагались покои, отведенные пуантенскому графу, подошла немолодая служительница Митры.

В Аквилонии женские обители Солнцеликого были редки. Немногие здесь могли похвалиться тем, что хотя бы раз в жизни им посчастливилось узреть живую митрианку.

Они называли себя Матерями, носили рясы цвета шафрана, не употребляли в пищу мяса и слыли хорошими врачевательницами.

Стражники у входной двери, в голубых плащах с вытканым Золотым Леопардом, молча раздвинули алебарды. Кто бы ни была эта женщина, уже немолодая, судя по ее тяжелой походке, ясно, что пришла она сюда не со злым умыслом.

Испокон века в Аквилонии жрецы Хранителя Горнего Очага имели неограниченные права. Они могли идти, куда им заблагорассудится, и любой аквилонец обязан был распахнуть им двери и пригласить в дом. С них не имели права брать плату в тавернах и на постоянных дворах (вздумай они забрести туда), им беспрепятственно давали лошадей на переправах и лодки на пристанях — они могли проходить везде, не боясь, что им преградят путь или попросят разрешительную грамоту.

Исключение составляли, пожалуй, только личные покои монарха, казна и государственная тюрьма.

В Пуантене все было иначе. Там жрецы наделялись теми же правами, что и любой горожанин или селянин. Но здесь — Тарантия. И южане вынуждены были спрятать гордость в карман и уважать чужие обычаи.

Жрица молча прошла внутрь и уверенно пошла к покоям графа, словно дорога ей была хорошо знакома.

Стражник-пуантенец, стоявший на часах у опочивальни Троцера, озадаченно поднял брови. Он знал о правах митрианцев, которыми те наделены в этой варварской державе.

Как же быть?

Начальник охраны велел не допускать к владыке Пуантена посторонних. После злополучной дуэли их господина с немедийским послом на душе у него было неспокойно, и он велел усилить охрану. Однако какая опасность могла исходить от закутанной в желтое покрывало монашенки?

И все же приказ есть приказ.

— Я все понимаю, матушка, — извиняющимся жестом развел руками стражник, — но нашему господину сейчас не до дел небесных. Он едва оправился после ранения.

— Истинный слуга господен должен думать всегда о своем покровителе, — сухо возразила монашка, — и в

часы забав, и на смерном одре. Или твой хозяин вспоминает о небожителях лишь тогда, когда молится даровать ему здоровье, богатство и славу?

— Да что вы говорите такое, матушка! — растерялся пуантенец. — Месьор всегда служил примером веры. Он приносил жертвы подателю Жизни. Небу не за что гневаться на него.

— Что ты знаешь о путях господних, южанин, — усмехнулась жрица. — Но довольно слов! Отвори дверь и пропусти нас к графу!

Стражник удивленно оглянулся вокруг. Как странно. Почему она говорит «мы»? Разве она пришла не одна? Хотя кто их разберет, этих митрианок! Живут, как отшельницы, в дальних монастырях. Все у них не как у людей...

— Мне строго-настрого приказано никого не пускать без доклада, — проворчал он. — Я знаю, что слуг Митры велено пропускать везде. Но поймите, тут особый случай! Граф еще не оправился от болезни.

— Тем лучше! Мы поможем встать ему на ноги!

Должно быть, в храме Митры она занимает не последнее место, подумалось стражнику. Возможно даже, наставница послушниц. У него у самого мать ушла в монастырь после смерти отца — он кое-что слышал об обычаях митрианок и слегка побаивался их. Правда, у него на родине все по-другому. По крайней мере там человек не будет говорить о себе «мы», словно он пришел с компанией приятелей.

А эти митрианки... Станные они, сказать по правде. Называют себя «матерями», и ведут соответственно, точно и впрямь все мужчины на свете — их сыновья. Сыновья непослушные, строптивые, которых не исправишь иначе как хорошей поркой.

И эта, видать, не лучше прочих своих сестер.

Часовой усмехнулся в усы.

— Да на что вам наш хозяин, матушка? — сделал он последнюю попытку. — В Пуантене у себя граф, может, еще и жертвует храмам, но здесь, в столице...

Он многозначительно подмигнул, словно намекая на ряд обстоятельств, обоим собеседникам известных, но о которых вслух все же говорить было небезопасно.

Казалось, он готов болтать так до бесконечности, обрадованный возможностью хоть немного развеять скуку. Служба в последние дни шла вяло. Раненый, граф никуда не выезжал, эскорт был ему не нужен. А стоять на часах у дверей, где ни в кости не сыграть, ни словом ни с кем не перемолвиться — тоска смертная.

Пристройка, гордо именовавшаяся Пуантенским Павильоном, где находились покои графа, в действительности представляла собой приземистую обветшавшую башню всего в три этажа высотой, на самых задворках королевского дворца.

Здесь и в самые шумные дни было необычайно тихо. Не долетал сюда ни уличный гул, ни суета основных покоев. Липы, которыми засажен был крохотный, убраный серым гравием дворик перед павильоном, шелестели остатками листвы, неудержимо напоминая о сельской жизни.

Даже пахло тут как-то не по-городскому.

Иной, возможно, усмотрел бы намеренное оскорбление в том, что во дворце ему отведен столь непрестижный угол, — однако Троцери Пуантенского подобные вещи не задевали. Он ценил уединенность своих покоев. И, скорее всего, не подозревал даже, что кто-то из стражников может не разделять его пристрастий.

— Так что, матушка, попытайте лучше счастья в другом месте, — закончил с добродушной усмешкой вояка. — Благословите нас на прощанье — и ступайте себе прочь.

В иное время, возможно, гневное ворчание, донесшееся из-под низко надвинутого капюшона, насторожило или даже рассердило бы стражника. Но он отстоял полдня на часах, его разморило от безделья, и сейчас, когда день уже клонился к вечеру, душа жаждала покоя. Негодование монашки лишь позабавило его.

— Матушка... — примирительно начал он.

Но женщина не дала ему договорить. Голос ее, низкий и хриловатый, буквально сочился ядом, когда она отчеканила:

— Не зови нас матушкой, болван! Любая честная мать, имея такого сына, как ты, почла бы за благо утопить его во младенчестве и ежечасно возносила бы хвалы Митре, за то, что он дал ей силы сделать это!

Эге! А она оказывается злока! Вон как разошлась... И как только Митра терпит таких сварливых служительниц?

Будь пуантенец понаблюдательнее, он сообразил бы, что эта неожиданная, ничем не оправданная вспышка гнева едва ли может быть направлена на него лично, и скорее всего, он, сам того не ведая, послужил лишь поводом для странной гостии выплеснуть затаенную ярость. Однако жизнь солдата едва ли располагает к философствованиям, и единственное, что ощутил стражник, было удивление, а затем испуг. Набожный сын набожной матери, он не хотел бы настроить против себя одну из святых сестер.

— Прошу простить, если оскорбил вас ненароком, добрая мать, — произнес он с достоинством, стараясь не выдать охватившего его смущения. — Однако мне строго приказано не пускать тех, кого граф сам не приглашал. У него почти никто и не бывает.

— Так и что же? — Тон женщины чуть заметно смягчился. Она приняла извинения стражника. — Откуда тебе знать, что он не ждет нас?

Столь простая мысль не приходила ему в голову. Воин почесал голову под шлемом.

— Да мне, вроде, никто не говорил...

— Ну так спроси! — рявкнула жрица, явно теряя терпение.

Про себя стражник пожалел несчастных послушниц, вынужденных изо дня в день терпеть ее нрав.

— Сходи и спроси, примет ли он настоятельницу храма Святой Фредегонды Шамарской?

Ого! Она и вправду не простая монахиня... Как знать, может, сиятельный граф и вправду ждет ее. Может, ее специально позвали попотчевать раненого целебными бальзамами?

По правде сказать, о Святой Фредегонде стражнику ничего не было известно. Однако жрица говорила уверенно, и спорить с ней было непросто. К тому же, Митра их ведает, этих шамарцев. У них все не по-человечески. Где еще в Аквилонии додумаются записывать в святые обычных людей, пусть и потрудившихся во славу Митры, — да еще ставить храмы в их честь?!

Пожав плечами, он приоткрыл левую створку двери, более узкую и легкую, которую единственную отворяли для менее важных посетителей.

— Тарван, — кликнул он приятеля, меланхолично кидавшего кости в крохотной приемной у дверей. — Скажи там, пусть передадут графу... Монашенка его спрашивает — из храма Фредегонды.

— Фредегонды Шамарской, — процедила женщина, и он послушно повторил:

— Да, Фредегонды Шамарской.

О чем-то это имя говорило ему, но он никак не мог припомнить... Да тут еще напарник, которому явно лень было двигаться с места, пустился в пререкания. А этого он уже стерпеть не мог.

— Тарван, клянусь Митрой! Оторви задницу от лавки, если не хочешь получить тумачков! Ты мне еще спорить будешь. Пошел вон, кому сказано!

Он удовлетворенно проследил, как тот неохотно встал и двинулся к двери, ведущей в личные покои графа.

— Да поживее давай, — пробурчал он ему вслед и обернулся к терпеливо ожидающей в коридоре настоятельнице.

Должно быть, подсознательно он ожидал от нее похвалы. Она до такой степени напомнила ему мать, что невольно хотелось угодить ей, добиться одобрения. Однако он был разочарован. Из-под капюшона не донеслось ни звука. Должно быть, еще сердится, невольно подумал пуантенец.

Нет, ну до чего же она напоминала ему мать!

В неловком молчании они дождались возвращения Тарвана. Стражник отметил с удивлением, как торопливо тот бежит к ним.

— Сказал пригласить войти, — объявил стражник запыхавшись.

В голосе было недоумение. Должно быть, что-то странное услышал он от графа.

Про себя первый стражник подумал, что надо будет расспросить напарника, как только уйдет монахиня. Что-то необычное было во всей этой истории.

А пока он с почтением отворил перед женщиной дверь. Лишь в последний миг он спохватился, чтобы не открыть и вторую створку, — это было бы уже слишком.

Но почему-то ему стоило большого труда не сделать этого.

Царственной походкой женщина вплыла в приемную. Тарван поспешил за ней.

Часовой со вздохом затворил дверь и вернулся на свой пост, с ненавистью озирая тихий пост, где никогда ничего не происходило.

Но если бы ему хоть однажды довелось побывать в далекой мгlistой стране, что лежала к востоку от Аквилонии, то он никогда бы не впустил странную гостью, ибо мигом заподозрил бы неладное.

Ряса на таинственной гостье была *немедийская*.

* * *

Троцero, граф Пуантенский, принял гостью в малой приемной, примыкающей к его опочивальне.

Ему стоило трудов подняться с ложа, но не в его правилах было принимать *женщину*, не приведя себя в надлежащий вид.

Тем более ту, что произнесла столь странные слова.

Малая приемная ничем не напоминала остальные покои Лурда, где знаменитая аквилонская роскошь буквально сочилась из всех щелей. Это была скупо обставленная зала, темная и холодная, убранство и атмосфера которой ничуть не располагали к сердечному общению. Из мебели здесь было лишь господское кресло церемонное, с высокой деревянной спинкой и подлокотниками в форме грифонов, где и восседал сейчас граф, и еще один неудобный стул напротив, куда, не дожидаясь приглашения, уселась монашка, и небольшой столик, на котором не было сейчас ни угощения, ни вина.

Над камином красовался фамильный щит Пуантенских властителей. Обшитые дубовыми панелями стены были увешаны оружием и боевыми штандартами. Все в малой приемной настраивало на деловой разговор, короткий и не всегда приятный.

Однако сейчас, похоже, граф отнюдь не спешил поскорее завершить беседу и даже просто прервать молчание. Впившись взглядом в лицо гости, он точно пытался угадать ее черты под капюшоном. Лицо графа, бледность

которого не мог скрыть даже загар, словно бы окаменело. Как зачарованный, Троцero не сводил с гостьи взгляда.

Наконец решительным движением, будто разрушая опутавшие его чары, он подтянул повыше волчью шкуру, укрывавшую ему ноги, и отвел глаза.

— Госпожа моя, — произнес он хрипло, делая над собой заметное усилие.

Казалось, ему стоит большого труда сохранить власть над собой.

— Я называю вас госпожой, а не сестрой, ибо вижу — ваше облачение скроено по бельверусскому образцу. Но в Немедии нет женских обителей Солнцеликого. Стало быть, вы обрядились в чужое платье, чтобы беспрепятственно проникнуть ко мне. Что же все это значит?

Гостья молчала.

Граф повторил попытку.

— Имя, пользуясь которым вы проникли ко мне, также требует объяснений. Я жду!

Женщина, сидевшая напротив, словно бы и не ощутила напряжения, сгустившегося в комнате. Она сидела, выпрямившись, преисполненная собственного достоинства, точно королева, дающая аудиенцию придворному.

И не спешила отвечать на вопрос хозяина.

— Ты нервничаешь, Троцero, — произнесла она наконец, когда граф уже готов был повторить свой вопрос, уверившись, что гостья его не услышала.

Слабая насмешка проглядывала сквозь внешнее равнодушие.

— И ты постарел. Мы видели это в дыму остролиста. Но наяву все куда отчетливей.

— Госпожа...

Граф зашелся в кашле. Приступ этот, казалось, совершенно лишил его сил, и следующие слова он произнес задыхаясь, так что они прозвучали почти мольбой.

—...госпожа, ваши речи мне странны. Имя, что вы назвали — оно заставляет предположить вещи, в которые я не осмеливаюсь поверить. Скажите же, что привело вас ко мне!

Женщина чуть заметно передернула плечами. В голосе ее слышалось теперь неприкрытое презрение.

— Похоже, к старости ты стал труслив, Троцero. Иначе ты никогда не позволил бы немедийскому волку взять

верх над собой. Где твоя твердая рука, не знающая промаха? Где упрямый взгляд и горделивая осанка? Твои глаза потускнели. Былой пыл в них угас. Нemoщ одолевает тебя, Троцero! И от нее некуда спрятаться.

Пуантенский нобиль нахмурился. Похоже, эта карга издевается над ним. Его рука потянулась к колокольчику. Гостья покачала головой.

— Еще не время звать слуг, Троцero. Наша беседа только началась. Взгляни на нас получше! Разве тебе ничего не напоминают эти руки?

Она вынула из просторных рукавов ладони, и пуантенец невольно вздрогнул, увидев непомерно длинные когти. Это не укрылось от пришедшей.

— Ты кривишься, Троцero! Тебе противно видеть наши пальцы, обожженные Черным Пламенем Нергала. Вспомни, ты когда-то покрывал их поцелуями — каждый ноготок — и шептал при этом слова любви...

С губ графа слетел чуть слышный стон.

От лица его отхлынула кровь. Ужасающая бледность залила похудевшее лицо, сделав похожим на привидение. Казалось, еще немного, и он лишится чувств.

— Да, я старею, — прошептал он сам себе. — Чувства обманывают меня! Глаза и слух насмеваются надо мной. Невозможно, чтобы ты была ею. Той, что была мне дороже всего на свете. Той, что подарила мне краткий миг любви и жизнь, полную страданий... Она умерла, и воды Тайбора поглотили ее прекрасное тело. Прочь, нежить! Ведьма, явившаяся терзать мою память! Кто из моих врагов послал тебя?

Желтая фигура вскочила.

— Да, Троцero! Ты прав. Ведьма! Ведьма из глубин мрака. Ведьма, бросившая вызов самому Сонцерогу. И ты любил эту ведьму!

Троцero застонал, схватившись за раненый бок.

Митра, за что ты гневаешься на меня? Неужели ты вызвал из глубин Преисподних призрака, чтобы напомнить мне о том, что я почел бы за благо забыть навсегда! За что ты караешь меня? Не возносил ли я тебе обильные жертвы из златорогих тельцов, не окроплял ли вином и можжевельным соком твои алтари, не искоренил ли зло культа Асуры, ради твоего торжества?!

Эта старая, страшная ведьма не может быть той, которую я любил без памяти! Та ушла навсегда, и я похоронил ее в своем сердце молодой и прекрасной. Так неужели через двадцать зим моя любовь вернулась ко мне в виде старухи с морщинистой кожей?

О, как несправедливы боги!

— Прочь! — прохрипел он. — Прочь, кто бы ты не была! Нельзя дважды сорвать с ветки плод! И не может воскреснуть то, что умерло.

Его собеседница усмехнулась.

— Как видишь — может, Троцero. Прошлое нельзя убить! Оно живет вместе с нами. И старится вместе с нами. Юнец, вспоминающий о детских годах, совсем не то, что старец, грезящий об утраченной юности. Прошлое таково, каким мы его видим, пуантенец!

— Но зачем, зачем ты здесь? И как могло случиться, что ты жива? Или ты призрак той, что звалась...

— ...Мелани. Потом Фредегондой Антуйской. А ныне зовется Марной!

Граф вскочил с кресла, позабыв о ране. Чувства, обуравшие его, были так сильны, что он упал на колени и зарыдал.

— Мелани, моя Мелани! Теперь я вижу, что это ты! Но как могло случиться такое? Должно быть, я зря сетовал на гнев богов. Небожители услышали мои молитвы, что я не уставал твердить двадцать зим, и вернули мне тебя! Я узнаю твой голос, твои руки, твой прямой стан. Все эти годы не изменили тебя, Мелани, и я по-прежнему люблю мою принцессу.

Марна отстранилась и глухо промолвила:

— Не стоит обманывать себя, Троцero. Ты любишь не нас... не меня, но свою любовь ко мне. Именно ее ты пестовал с заботой матери, нянчащей свое дитя. Все эти годы ты упивался собой и любовался своим чувством. Гордился своей верностью погибшей возлюбленной, смаковал то, что не завел себе новую подругу. Но случилось ли это оттого, что ты так любил дочь Хагена?

— Да, да я любил тебя больше жизни!

— Нет, Троцero! Ты только прикрывался воспоминаниями, чтобы оправдать то малодушие, с которым прожил все эти годы. С детства ты был слаб и боязлив и таковым остался и доселе! И все твои хваленые подвиги — ничто

иное, как желание доказать себе и другим, что ты отважный воитель, а не хилый последыш, трясущийся в своей спальне от звука шагов палачей Алоизо, любовника твоей матери. Будь честен перед собой хотя бы сейчас.

Огромным усилием воли граф взял себя в руки.

Он поднялся с колен, чуть поморщившись, почувствовав, как сукровица от вновь открывшейся раны пропитывает его камзол и, подойдя к креслу, тяжело опустился в него.

Пошарив трясущейся рукой в кармане, он нащупал небольшую сулею — плоскую бутылочку — и, откупорив ее, сделал большой глоток.

Лароченское вино, перемешанное с целебными травами, растеклось огнем по жилам, взбодрив его и придав ясности уму.

Он посмотрел на дочь короля Хагена, и взор его был по-прежнему ясен.

— Наверное ты права, Фредегонда, — вздохнул он, — моя любовь умерла вместе с тобой. Но ты воскресла, пусть в другом обличье и под другим именем, а ей суждено быть погребенной навеки под гнетом прожитых лет. Зачем ты пришла ко мне? Ведь не для того же, чтобы усомниться в моих былых чувствах?

— Ты прав! — подтвердила Марна, и графу показалось, что она едва сдерживает слезы. — Не время говорить о мертвых, поговорим лучше о живых!

— Ты хочешь говорить о...

— О нашем сыне, Троцero. О принце Валерии, которому так и не суждено стать королем! Вспомни, как я двадцать зим назад открыла тебе тайну его рождения. Вспомни, и тут же забудь, ибо тайна эта должна быть погребена вместе с нами. Никто не должен узнать, что Валерий Шамарский — не принц, а сын простого пуантенского дворянчика!

Троцero покачал головой.

— Не стоит унижать меня, Фредегонда. Нет моей вины в том, что граф Антуйский был бесплоден, словно суглинок, не напитанный дождем. Но я до сих пор не понимаю, как ты могла скрыть от мужа...

— Не вспоминай его все! — воскликнула Марна. — Не время говорить об этом. Скажи, ты не открылся ему, моему сыну...

Троцero отрицательно покачал головой.

— Нет. Чуть было не открылся, но Митра удержал меня от соблазна. Лучше ему не знать о том, что родимое пятно у него под левой ключицей — знак принадлежности к пуантенскому роду. Ибо этот темный извив, что напоминает очертания нашего фамильного герба, играющего леопарда, передается всем без исключения мужчинам Тулушского рода.

— Ты раньше не говорил мне об этом, Троцero, — задумчиво пробормотала Марна.

— Не знаю, зачем я сказал тебе об этом сейчас. Может, потому, что этот знак на теле может послужить доказательством, что Валерий мой сын.

— Кому ты собираешься доказывать это, Троцero?

— Герольдам Пуантена! Если Валерию не суждено занять Рубиновый Трон, то он должен быть провозглашен моим наследником, и после того, как я уйду в Чертоги Митры, стать владыкой Юга. Моя смерть будет спокойной, если я буду знать, что скипетр моей родины в надежных руках. Конечно, Пуантен это не Аквилония, но если присоединить к нему Зингару и Аргос, как давно мечтали сделать мои предки, то...

— Вздor! — оборвала его колдунья. — Если наследнику Хагена не суждено надеть на чело Золотой Обруч, то пусть он годы свои проведет в скитаниях и поисках мудрости! Это куда лучше, чем стать жалким князьком ленной марки задворках державы!

— Валерий наследует кровь Хагена лишь по женской линии! — вспыхнул граф. — Но в жилах принца течет и кровь отца!

— Да, да, кровь его отца, — отозвалась задумчиво Марна, — но довольно об этом. Поговорим лучше о том, как помочь нашему сыну!

— Нашему сыну, — эхом отозвался граф, — плоду нашей любви...

— Любви, — фыркнула Марна, но в голосе ее прозвучала неожиданная теплота. — Ты все тот же неисправимый пуантенский болтун! О какой любви, скажи на милость, ты говоришь через тридцать лет?!

Граф воспринял вопрос всерьез и ответил не сразу.

— Я всегда любил и буду любить тебя, Фредегонда, — произнес он наконец едва слышно. — Должно быть, имен-

но любовь к тебе спасает меня сейчас от помешательства. Сколько бы лет не прошло, для меня ты всегда была и будешь прекраснейшей и желаннейшей из женщин. И что бы ты не говорила о моих чувствах, как бы не насмехалась над ними, я знаю одно — с каждым мгновением, проведенным с тобой, они воскресают вновь. Они оттаивают, словно можжевельная ветвь, принесенная с холода в тепло дома. Слыша твой голос, видя твою фигуру, вспоминая твои жесты...

— О-о... Да ты хоть знаешь, о чем говоришь?!

Впервые за все время в голосе женщины прозвучало неподдельное чувство. Затаенная, мучительная боль.

Дрова в камине вспыхнули с неожиданной, противостественной силой, и граф невольно дернулся, чтобы искры не попали на платье.

— Знаю! — ответил он твердо. — И готов кровью подписаться под каждым своим словом. Я люблю и всегда буду любить тебя, дочь Хагена!

— Глупец!

Ярость была теперь в голосе женщины. Ярость, порожденная нечеловеческим страданием.

— Ты говоришь, я прекрасна! Обещаешь любить меня вечно! Так взгляни, кого ты хочешь любить!

С этими словами она рывком отбросила капюшон.

И поднялась, встав так, чтобы свет от камина падал ей на лицо.

Граф бросил взгляд и отшатнулся.

Ее голову полностью закрывала безглазая маска из грубо выдубленной коричневой свиной кожи, такой толстой, что напоминала деревянную. Чудовищное забрало с двумя прорезанными овалами на месте ноздрей и рта было лишено отверстий для глаз и держалось посредством двух широких, перекрещенных на затылке ремней, наглухо притороченных к заскорузлой коже, было ясно: она никогда не снимает своего жуткого украшения.

Марна захохотала.

— Ты снова боишься, пуантенец. Боишься, хотя видишь перед собой всего лишь маску. Что же ты скажешь, когда узришь то, что скрывается под ней!

Троцero закусил губы. Он знал, что увидит то, что его воспаленный разум не сможет вместить в себя. Что ж, если это окажется свыше его сил, то лучше умереть так,

встретив через двадцать зим свою любовь, чем медленно угасать в своем родовом поместье.

— Ну, Фредегонда! Ну же, ну...

Марна резким движением разорвала кожаные ремни на затылке, содрала маску и бросила ее в огонь.

И Троцero не мог не поразиться ее нечеловеческой силе. Сам он, пожалуй, несмотря на мускулистые руки, не смог бы вот так, шутя, снести пару ремней из толстой кожи, будто они сработаны из тонкого шелка.

— Посмотри на меня, Троцero Пуантенский, — прошептала она хрипло. — Посмотри на свою Мелани. Тебе нравится, что она сотворила с собой?!

В алых отблесках очага изуродованное шрамами лицо ее казалось новой, еще более уродливой маской. Живого места не было на некогда атласной коже, которую поэты уподобляли тончайшему фарфору. Следы давних ожогов, язвы и рубцы... И даже глаза не жили на этом лице. Лишь сейчас Троцero увидел, что очи его возлюбленной мертвы. Белые немигающие бельма.

Она была слепа.

— Мелани... — Он потряс головой, не в силах поверить тому, что видел перед собой, однако не отвел взгляда. Напротив, он всматривался в лицо ее с новой жадностью, точно надеялся под уродливой завесой шрамов различить ангельский лик бывлой возлюбленной, или прочесть в них карту дорог, по которым довелось ей странствовать.

— Мелани, — повторил он чуть слышно.

То, что было некогда ее губами, искривилось в презрительной усмешке. Зубы однако, оставались жемчужно-белыми, ровными, как он и помнил их, — и это делало ее улыбку особенно жуткой.

— Да, Мелани, — подтвердила женщина, вновь накидывая капюшон. Он едва успел заметить, как много седины в ее волосах. — Теперь то, что осталось от Мелани, зовут Марной. И ты тоже называй меня так.

— О, я не смогу!

— Сможешь, — возразила она зло. — Еще как сможешь. И не вздумай жалеть меня, слышишь?!

— Я не знаю...

Весь во власти противоречивых чувств, граф сам не знал, что думает и что говорит. Вопросы рвались у него с языка — но он не решался раскрыть рта. Жалость

боролась с отвращением. Любопытство — со страхом, ибо он боялся того, что мог услышать от женщины, которая не была больше Мелани.

Он боялся ее саму.

— Я не знаю, что и думать. Но я все равно...

— Нет! — Она не дала ему договорить, и голос ее сорвался на крик. — Нет! Не смей говорить, что любишь меня. Или ты пожалеешь об этом!

— Да уж, пожалуй, — грустно промолвил Троцero, смотря в огонь, где языки пламени пожирали жуткую личину.

— По правде говоря, не прошло и дня за эти двадцать зим, чтобы я не жалел об этом. Но так уж, видно, судил мне Митра.

Он развел руками, но неловко оборвал свой жест, вспомнив внезапно, что женщина перед ним слепа и не может видеть его. Чтобы скрыть смущение, он спросил невпопад:

— Но ты, должно быть, устала с дороги. Может быть, вина? Или подкрепиться немного?

Марна покачала головой.

— Мне ничего не нужно, Троцero. И тебе лучше бы не видеть, как я ем и пью.

Она криво усмехнулась.

Он вспомнил невольно, что ему показалось мельком, будто у нее не хватает лоскута кожи на левой щеке, и его передернуло.

— Спроси лучше о чем-нибудь. Я же вижу, ты хочешь узнать, как все это произошло.

Слово «вижу» прозвучало особенно дико в ее устах. Троцero умоляюще взглянул на бывшую свою возлюбленную в нелепой надежде, что все это лишь шутка, дурной сон, который вот-вот кончится. И она вернется к нему, нежная и прекрасная, как прежде.

Но он знал, что это невозможно. И куда больше пугали его шрамы не явные, обезобразившие ее лицо, но те, что, он чувствовал, испещрили ее душу.

— Марна!

Он точно попробовал это имя на язык и, к удивлению своему, обнаружил, что ему куда легче называть ее именно так. Это создавало некую дистанцию между ними. При-

тупляло боль в груди, от которой готово было разорваться его сердце.

Он спросил первое, что пришло в голову.

— Но ты же... Как же ты добралась сюда одна?

— Свет не без добрых людей. Любой готов помочь слепой жрице за благословение. — Она хмыкнула. — Жаль, они не знают, что благословение мое хуже проклятия.

Про себя Марна подумала с усмешкой, что сказал бы верный, прямодушный Троцero, если бы увидел, кто принес ее во дворец. Забавно было бы показать ему...

Но это могло стоить ей его поддержки, а она все еще нуждалась в нем. Он был последней ее надеждой. И к тому же, у нее в запасе было еще достаточно известий, способных его огоршить.

Жалости к Троцero она не испытывала. Как, разумеется, и любви. Она никогда не любила его по-настоящему. Детская влюбленность, которая, судя по всему, так много значила для него, была давно забыта. И ни одного мужчину в своей жизни она не любила так, как любила магию.

Так что все эти разговоры о чувствах были нелепы и смехотворны. И все же почему-то она злилась на Троцero. Возможно, потому что он упрямо пытался разбудить в ней то, что давно умерло, напоминая ей обо всем, что было погребено в памяти ее под толстым слоем праха и пепла.

Горечь их она ощущала сейчас в горле.

И со злостью, точно намеренно желая причинить боль, бросила:

— Ты опять трусишь, старик. Ты бродишь вокруг да около и боишься говорить о главном. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Раз так, я избавлю тебя от необходимости задавать вопросы. Слушай.

То наводнение в Шамаре не было случайным. Ты знаешь, я занялась чернокнижием вскоре после рождения сына... Так вот. Это было первой моей попыткой управлять стихией самостоятельно. Если не считать мелочей, попыткой вполне успешной.

Не знаю, что помешало мне — собственная неловкость или происки Солнцерогого, который решил покарать меня за сношения с силами Тьмы. Я и до сих пор не знаю ответа. Мне ведомо лишь то, что воды Тайбора взбунто-

вались после древних заклинаний, сорвавшихся с моего языка...

— Что?!

Троцero не смог сдержаться, так чудовищно прозвучали ее слова.

— Три сотни человек утонули при наводнении. Затоплены были целые деревни. Погибли люди, скот, посевы! И ты говоришь об этом так спокойно, точно... точно...

Он не находил слов.

Гнев его не затронул ведьму. Казалось, она даже получает удовольствие от этого.

— Это были всего лишь крестьяне. — Она дернула плечами в знак презрения. — Да и я сама поплатилась немало.

Она невольно поднесла руку к обезображенному лицу.

— Эти ожоги — плата демону Мизрафу. Слуге Черного Сета. Он откликнулся на мой призыв, чтобы раздвинуть водяной вал и спасти меня и нашего сына. Только мы вдвоем уцелели.

Она повернулась к огню и задумчиво посмотрела на пламя.

— Когда наводнение спало, демон доставил мальчика во дворец. Таково было условие. Через пару поворотов клепсидры его нашли, успокоили и согрели. С тех пор он воспитывался в Тарантии, а Вилер заменил ему отца.

— Но почему, почему ты взяла тогда с меня клятву, что я сохраню тайну? Почему не разрешила мне открыто объявить себя отцом Валерия? Тогда бы он не изведal холода Лурда, а жил бы в неге и довольстве на родине своих предков! Как ты могла поступить так с нашим сыном, Марна?

Она скрестила руки, и на мгновение, видя ее со спины, графу показалось, что перед ним стоит его прежняя возлюбленная. Пусть ее фигура утратила девичью стройность и приобрела женскую статность. Все равно перед ним стояла дочь Хагена.

Но вот Марна повернулась, и иллюзия разбилась, словно стеклянный кубок, брошенный на каменный пол.

— Он наследник Хагена, Троцero! И должен был с юных лет идти по дороге королей. Пусть тернист и нелегок этот путь, но иного нет! Кровь королей обязывает! Велит приносить себя в жертву, ради величия державы.

А Хаген всегда хотел видеть Аквилонию, простирающейся от Пустошей Пиктов до гирканийских степей, а может и до самого Ххитай. Тебе не понять этого, пуантенец! Жалкий ленник — ты живешь лишь заботами своего крохотного удела...

— Но это ты заставила меня присоединить этот крохотный удел к проклятой Аквилонии.

— Да, и ты должен благодарить меня за это. С тех пор, как Пуантен стал частью державы, самое его существование приобрело смысл! Что значат наши личные страсти перед судьбами мира?

— Ты помешалась на власти, Марна! — взъярился Троцero. — Посмотри на себя, что дала тебе эта власть? Ты пожертвовала всем: красотой, любовью, материнским счастьем ради собственного тщеславия. И теперь ты хочешь сказать, что счастлива?!

— Да, я счастлива! — произнесла Марна, едва сдерживая рыдания. — Счастлива, ибо пожертвовала всем ради сына и Аквилонии. Тебе не ведомо, как это сладостно — жертвовать... Да, я заплатила своей красотой и зрением демону Мизрафу за услугу. Разве этого мало? Вполне достойная цена!

— Цена за что?! — Выкрикнул граф в отчаянии. — За что ты заплатила так дорого? Чего добилась такого, чего не было у тебя прежде? Зачем — Мелани!

— Власть, Троцero, — отозвалась она просто. — Власть такая, что и не снилась тебе, и всем вам, называющим себя правителями в этой земле.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь. — Троцero сокрушенно покачал головой. — Все это какой-то чудовищный обман. Ты говоришь о власти — но где же она? Ты была государыней целого княжества и оставила все это ради некоей призрачной, эфемерной «силы». В чем твоя власть? Где ты была, когда мы вершили судьбы этого мира на поле брани? Ты лишь тешишь себя иллюзиями, Марна! Признай это!

Невольно он, должно быть, старался ранить ее, надеясь отомстить за ту боль, что она причинила ему. Но, казалось, его неверие в ее силы ничуть не задело колдунью.

— Тебе хотелось бы увидеть мою силу, — произнесла она с ласковой снисходительностью. — Лучше и не проси

об этом. Есть вещи, слишком опасные для простых смертных, чтобы будить их из простого любопытства. А что до иллюзий... Откуда тебе знать, не был ли ты окружен ими всю жизнь? Ибо никогда не решались дела королевств на полях сражений. В спальнях, да! В кабинетах монархов, может быть! Но и это, чаще всего, им только казалось. В крохотной избушке, в лесной глуши вершились судьбы Аквилонии! И все было бы так, как задумала я... Я! Слышишь, Троцерио! Все было бы так, если бы безумец не воскресил древних богов, перед мощью которых меркнет все. Но это еще не конец, Троцерио. Слышишь — это не конец!

Надменной гордостью зазвенел ее голос.

— Именно так, а не иначе, Троцерио, чтобы там ни думали вы все! Я — знаю! И мне нет дела, известно ли это кому-либо еще.

Но граф слишком давно знал эту женщину — даже если с трудом узнавал ее сейчас, и путался, каким именем называть — чтобы не уловить затаенного страдания под нарочитым высокомерием.

И он ответил не словам ее, но той боли, которую чувствовал в них.

— Ты не пришла бы ко мне, Мелани, если бы все обстояло именно так.

По тому, как она дернулась чуть заметно, он понял, что попал в цель.

— И дело даже не в том, что тебе понадобилась помощь того жалкого червя, каким ты меня считаешь... Нет! Тебе наскучила безвестность, и ты возжелала признания!

Наступило молчание.

Троцерио поймал себя на том, что не осмеливается даже шелохнуться, точно опасаясь, что любое его движение способно вызвать взрыв.

Ведьма первой нарушила безмолвие.

— Ты никогда не перестанешь удивлять меня, Троцерио.

Плечи ее опустились, царственная осанка исчезла. Она подошла к стулу и повалилась на жесткое сидение, случайно задев свою клюку, прислоненную к стулу. Та упала, и резкий звук заставил графа вздрогнуть.

Теперь перед ним сидела просто усталая немолодая женщина, сломленная заботами и горестями. Впрочем,

иллюзия длилась недолго. Марна вновь распрямила спину. Во всем виде ее теперь явственно читался вызов.

— Да, мне нужна твоя помощь. Иначе я не пришла бы, ты прав. — Теперь уже она старалась ранить его, но он воспринял это как признак слабости и был прав. — И ты поможешь мне!

— Да, я помогу тебе, Марна! — вздохнул граф. — Разве я мог когда-нибудь отказать тебе? Говори.

Но она молчала, и он воскликнул, пораженный, что не догадался сразу.

— Ну, конечно, ты уже говорила! Валерий. Ты же за этим пришла?

Женщина сокрушенно кивнула.

Совершенно нелепое желание выговориться, облегчить душу перед единственным человеком, способным понять ее и простить, было невыносимо... но она преодолела его. Ни к чему Троцерио знать, на что она пошла ради того, чтобы сделать Валерия королем Аквилонии. Даже для его безграничной преданности и любви подобные откровения могут оказаться непосильным испытанием. Да и разве способен мужчина понять все, на что способна женщина ради своего ребенка!

Честь. Мораль. Все эти благоглупости, эти пустые, лишённые смысла слова они ставят на первый план — не сознавая главного. Нет, Троцерио ни к чему этого знать.

— Нашему сыну грозит опасность, — сказала она просто. — И ты должен его спасти.

С минуту Троцерио обдумывал ее слова, что-то взвешивая в уме.

— Все не так страшно, как тебе кажется, — заметил он наконец. Голос его звучал ободряюще. — Ничего с нашим мальчиком не случится. Хотя, — улыбнулся он, — я рад, если ты думала иначе. Это подарило мне встречу с тобой, и, несмотря ни на что, я благодарен судьбе.

Марна пропустила эту неуместную галантность мимо ушей.

— Все куда страшнее, чем кажется тебе, — отозвалась она в тон его словам. — Гораздо страшнее, поверь.

— Не знаю, что ты там вообразила себе о силе, которой якобы обладаешь, — усмехнулся пуантенец, — но оставь дела государства тем, кто в них хоть что-то смыслит! Двор никогда не позволит, чтобы хоть волос упал с головы

принца. Кто же осмелится пролить кровь наследника престола? Об этом нечего и думать!

— Двор ничего не решает, — невозмутимо сказала она. — И кивает покорно на все, что скажет Нумедидес. Можешь забыть об этих паяцах.

— Вздор!

Троцero не в силах был примириться с услышанным. Слова Марны показывали, что она осведомлена о делах дворцовых не хуже, чем он сам. Но как такое возможно в том монастыре — или лесном ските, где, по ее словам, она провела эти годы?

— Нумедидес не осмелится пойти против кузена. Раз Вилер не оставил завещания, судьбу королевства должен решить Суд Герольда, а это суд Митры. И людскому вмешательству он не подвластен.

Марна со свистом втянула в себя воздух, точно пытаясь сдержать рвущееся с языка ругательство.

— Кто из нас двоих слеп, Троцero? — прошипела она зло. — Или мозги твои настолько размякли к старости, что ты не в состоянии разглядеть виселицы, даже когда тебя сунут башкой в петлю?! Какой Суд Герольда? О чем ты говоришь? Неужто ты думаешь, Нумедидес доведет дело до честного поединка? Мой сын в тюрьме! В тюрьме, Троцero, и ему грозит смерть!

Голос ее сорвался на крик.

Ему и прежде доводилось видеть ее в таком состоянии, когда гнев и отчаяние были слишком сильны, чтобы она могла совладать с ними, — и он всегда терялся перед напором ее чувств. Вот и сейчас, беспомощный, он мог лишь слабо пробормотать:

— Мелани, прошу тебя, не преувеличивай. Я знаю, что Валерия взяли под стражу по ложному обвинению. Но никто всерьез не верит, что он виновен. Не пройдет и нескольких дней, как его выпустят на свободу. Если нет, то я лично пойду к Нумедидесу и потребую...

— Замолчи! — Слова его, вместо того чтобы успокоить Марну, лишь подлили масла в огонь ее ярости. — Замолчи, или я вырву твой глупый язык! Как можешь ты не зреть очевидного?

— О чем ты говоришь?

Изумление его было искренним, и Марна неожиданно успокоилась, по крайней мере, достаточно, чтобы объяснить:

— Верит кто-то в виновность Валерия или нет, уже не имеет значения. Они не верят — но они осудят его. Осудят и казнят! Если только мы не освободим его.

— Я сделаю все, что ты пожелаешь, Мелани, — отозвался старый воин немедленно. — Но я по-прежнему не могу понять, почему ты так настаиваешь на невозможном. Никогда еще в Аквилонии не казнили принцев крови. Никто не осмелится...

— О, да, — прервала она его презрительно. — Яд в бокале или стрела в спину были нам куда привычнее.

Слепая, она не видела искаженного от боли лица графа.

— Но на сей раз можешь мне поверить. Валерий будет признан виновным и казнен. Нумедидес добьется своего.

Троцero покачал головой.

— Не могу поверить. Ведь Валерий любим народом. Он кумир гвардейцев. Драконы готовы за ним в огонь и в воду.

— А тебе известно еще меньше, чем я думала...

В голосе Марны звучало сожаление.

Ей захотелась рассказать своему бывшему возлюбленному о том, какая древняя сила завладела Нумедидесом и направляет все его поступки, что силе этой невозможно противостоять обычными способами, и с ее помощью он способен добиться всего, чего пожелает. Но, мгновение поразмыслив, решила не обременять графа излишними знаниями.

Разум его не был подготовлен к восприятию сверхъестественного. Это могло лишь вызвать недоверие к ее словам. И она решила поискать более доступных объяснений:

— За то время, что ты лежал раненый, во дворце многое изменилось. Расстановка сил совсем не та, что прежде.

— Как такое возможно?

— Нумедидес взял на службу отряд наемников. Фактически, весь дворец в их власти. Твой хваленый Альвий и чихнуть не может, чтобы кто-то из них не оказался у него за плечом и не пожелал доброго здравия...

Троцero вспомнил, что командир Черных Драконов был в числе заговорщиков, и содрогнулся.

— Невозможно, — побелевшими губами прошептала граф.

Но почему ему не донесли об этом? Как посмели оставить в неведении?!

Точно читая его мысли, Марна заметила:

— Твои слуги шадят тебя, граф. А может, были попросту подкуплены. Должно быть, и в твоей свите есть предатели. Немедиец неплохо поработал, готовя заговор. Вот только не успел воспользоваться его плодами...

— Так значит я все же был прав! Этот проклятый немедийский пес?

Граф вскочил с кресла, точно намереваясь броситься немедленно на поиски посланника, но приступ жестокой боли скрутил его пополам, и он со стоном опустился в кресло.

— Забудь о нем! — Марна пренебрежительно махнула рукой. — Если он так волнует тебя, то знай, что он достаточно поплатился за свою самонадеянность. Волк умерщвлен оленем — Нумедидес рассчитался с ним.

— Нумедидес?! Быть не может! Этот слизняк...

— Еще как может.

Ведьма ожесточенно скрипнула зубами.

— Вы все считали его ничтожеством, признайся! Никто не удосужился даже проследить, чем он занят, — а он набирал потихоньку сторонников, готовился к захвату власти. И покушение на Вилера оказалось ему на руку. Он сориентировался быстрее, чем мы могли бы ожидать. А теперь он слишком силен, чтобы пытаться его остановить.

Она обняла себя руками за плечи, точно ей внезапно стало холодно.

— Его уже не остановить, — прошептала она обреченно.

Острая, точно клинок, жалость пронзила сердце графа. Больше всего ему бы хотелось прижать ее к груди, утеплить поцелуями... Но перед ним была уже не его Мелани. И он не был уверен, что сможет поцеловать ее нынешнее лицо.

Однако что-то он еще мог для нее сделать.

— Не уверен, насколько ты убедила меня, — произнес он как мог рассудительно. — Но я уже сказал и повторю хоть тысячу раз: я сделаю все, о чем ты не попросишь. И с радостью отдам жизнь ради нашего сына.

— Надеюсь, так далеко не зайдет, — равнодушно произнесла Марна.

Кроме судьбы Валерия, ничто не заботило ее понастоящему.

— Слушай внимательно, Троцero! Когда его поведут на суд...

Аой

ВРЕМЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Вернувшись в опустевшие покои Амальрика Торского, ставшие ее временным пристанищем, Марна устало опустилась на кушетку, стоявшую в кабинете барона, и, сделав над собой усилие, постаралась стереть из памяти разговор с Троцero.

Более всего она досадовала на ту бурю чувств, что граф пробудил в ней, — чувств, о которых она давно позабыла и возрождение которых не сулило ей радости. Единственной страстью ее до сего дня была тревога за сына и непомерное честолюбие.

Но теперь она не узнавала сама себя.

Пуантенец изменился, и в то же время остался прежним. Встреча их напомнила Марне обо всем, что было утрачено ею на избранном тернистом пути, и едва ли не впервые она усомнилась в том, насколько верным был ее давнишний выбор.

Все, что совершила она, было содеяно ради блага сына. Но сын обманул ее надежды! Он вырос совсем не таким, каким ей хотелось видеть его. Без следа той внутренней силы, что отличала его отца.

О, мой Валерий!

Думать о нем было слишком мучительно. Возможно, она сама повинна в том, каким стал ее сын. Она покинула его, когда он более всего в ней нуждался. Не воспитала его, не передала того, что должна была бы передать.

Пожертвовав всем, чтобы обеспечить его будущее, она собственными руками лишила сына того, в чем он сильнее всего нуждался. Отдав за обладание магической силой

все, что имела: зрение, красоту, титул и богатство, — Марна лишь сейчас осознала, что своими руками расколола чашу, которую намеревалась наполнить доверху плодами своего колдовского искусства.

Жертва оказалась напрасной; цена — слишком высокой.

Нет! Она не имела права думать об этом сейчас.

Невозможно, чтобы так было в действительности! Это говорит в ней усталость и отчаяние.

Да, у Валерия есть свои слабости, — но у кого их нет! И то, что она потерпела поражение сейчас, не означает еще, что битва проиграна.

Она спасет сына. И подарит ему трон!

Приободрившись, Марна поспешно перевела мысли свои в другое русло, опасаясь, как бы отчаяние вновь не захлестнуло ее. Магические чувства, куда более сильные, чем обычное человеческое зрение и слух, показывали, что во дворце все затихло. Должно быть, наступила ночь. Она и не подозревала, что задержалась у Троцера так надолго.

Колдунья усмехнулась, довольная собой.

И не могла даже вообразить, что в этот самый миг, в тишине своих покоев, Троцера Пуантенский дает волю слезам, которых не лил уже тридцать лет, оплакивая их погибшую любовь — и ее, женщину, убежденную, что никакая цена не может быть слишком высока за то, что она жаждала получить...

Внезапно находиться одной в опустевших покоях барона сделалось дочери Хагена невыносимым. Прежде, в лесу, она могла по нескольку лун не видеть ни единой живой души и нимало не страдать от этого. Одиночество не мучало и не пугало ее. Но здесь, в Лурде, беспорядочное бурление жизни ощущалось во всем: в доносящихся снаружи голосах и смехе, запахах готовящейся пищи, в шелесте шагов.

И безлюдная башня не казалась пустой.

Она несла в себе отпечатки бесчисленного множества душ, постоянно снующих здесь, со своими заботами и радостями, горестями и надеждами. И слепая колдунья обостренным магическим чутьем ощущала их явственно, как муравьев, ползущих по коже.

Нет, если уж ей суждено пережить бессонную ночь, то пусть иные призраки окружают ее.

Призраки далекого прошлого.

Ступая неслышно, точно сама обратившись в тень, колдунья вышла из башни и, пройдя крытой галереей, что соединяла апартаменты посланника с правым крылом дворца, вступила в парадные покои Лурда.

Она не была здесь более тридцати зим.

Если о чем и сожалела ведьма в этот миг, так лишь о зрении, отнятом у нее Митрой, ибо ныне она лишена была возможности взглянуть на сам дворец, увидеть, насколько изменилось убранство покоев за эти годы, насладиться видом дорогих сердцу мест.

Магия давала ей возможность только *ощущать* людей, их приближение, настрой, угрозу, исходящую от них. Перед внутренним взором ее создавался облик человека, но то было скорее выражение его истинной сути, нежели личина, которую он показывал миру изо дня в день.

Так, сын почему-то всегда виделся ей усталым седовласым старцем, хотя Марна сознавала, что ему всего тридцать две зимы от роду, Нумедидес являлся прежде в облике вислогубого шута — ныне же оленья морда затмила в нем человеческие черты, и лик его сделался нестерпим взору; в голосе немедийского барона слышался ей птичий клекот, и сам он напоминал кречета, готового безжалостно рухнуть с небес на добычу — но пылу его не доставало рассудочности, и самое коварство его было лишь бессмысленной жестокостью стервятника.

Однако ведьма могла лишь гадать, что узрела бы, доведись ей взглянуть магическим зрением на тех, кого знала прежде.

На отца, например.

Наугад она свернула в какую-то залу и, ощутив впереди открытое пространство, восстанавливая в памяти план дворца, догадалась, что перед ней одна из малых королевских приемных. Женщина застыла в дверях.

Как странно, что ноги привели ее именно сюда.

Кто-то, должно быть, слуга, взволнованно осведомился, не может ли чем помочь святой матери. Марна невольно вздрогнула. Ах, да, проклятая ряса все еще была на ней! Опуская пониже капюшон, чтобы ненароком не обнажить изуродованные черты, она глухим голосом отослала непрошеного помощника прочь.

Ее немедленно оставили в покое.

Чувства подсказывали колдунье, что появление в покоях дворца митрианки вызывает недоумение, но час был поздний, слуг вокруг оставалось все меньше, да и те, кто спешил мимо по своим делам, достаточно набегался за день, чтобы не проявлять недолжного любопытства.

Она могла быть спокойна, что ее не потревожат.

Неспешно, почти нерешительно, Марна ступила в залу, и первый же шаг вернул ее на тридцать с лишним зим назад, в то забытое ныне время, когда даже не Фредегондой звалась она — но Мелани. Память возвращала ее в тот день, когда они расстались с отцом. Ни один из них еще не знал, что это навсегда. Они прощались в этой комнате.

Здесь. На том самом месте, где стояла она сейчас.

Сосредоточившись, Марна сумела даже различить собственный, едва уловимый отпечаток.

И полустертый след отца.

— Ты сделаешь то, что я велел тебе, Мелани! — грохотал в покоях голос Хагена, так что огоньки свечей трепетали, точно под порывами ветра.

Огромного роста, широкоплечий, без единого седого волоска в бороде, венценосец и к зрелым годам не утратил пыла, отличавшего его в юности, и по-прежнему наводил священный ужас на домочадцев.

Юная Мелани, сжавшись в комочек — так пугали ее лишь гроза и отцовский гнев — не смела поднять глаз на короля.

— Ты избежишь от проклятого ублюдка и останешься здесь!

У нее едва достало сил покачать головой.

— Я уеду к мужу, отец. Он ждет меня.

— К мужу?! — В голосе Хагена звенел металл. — Как мило с твоей стороны наконец вспомнить о нем! И ты надеешься, он примет тебя такой?

Девушка надменно пожала плечами, как всегда, когда вспоминала о графе Антуйском. Кровь королей текла в ее жилах, и, как ни страшилась она аквилонского владыки, покорная униженность никогда не отличала ее.

— Орантису нужен Шамар, особенно теперь, когда Антуя разорена чумой. Супруг мой примет меня с распростертыми объятиями.

— Ты забываешься, дочь! — Строптивость Мелани вывела короля из себя. — Я даровал тебе Шамар — и в моей власти отнять его! Серьен не откажется присоединить такой славный кусок к своим будущим владениям!

При упоминании имени брата глаза принцессы вспыхнули ненавистью.

— Лучше бы ты отдал Тауран Вилеру, отец! Я всегда говорила тебе — Серьен не способен управлять провинцией. Королевская орифламма не для него! Он слишком мелок для этого! Пожалуй ему отряд лучников, и он будет счастлив!

— Молчи! — Рык Хагена потряс стены. — Ты еще смеешь давать мне советы! Ты, непокорная... В последний раз говорю я тебе — смирись! Избавься от младенца. Останься в Тарантии. Иначе изведешь всю полноту отцовского гнева!

— О-о, — протянула Мелани то ли испуганно, то ли насмешливо. — Если гнев этот таков же, какова отцовская любовь, то я заранее трепещу, мой повелитель! Но мое решение неизменно. Я вернусь в Шамар, к Орантису, и ребенок мой родится там.

Хаген захохотал, но смех его прозвучал фальшиво.

— Ты никогда не заставишь мужа поверить, что дитя от него! Всей Аквилонии известно, что супруг твой бесплоден, как срезанный колос. У ложа его знахарок и лекарей сменилось едва ли не больше, чем девок, с которыми этот несчастный надеялся доказать свою мужественность. Как сможешь ты убедить его, что носишь его ребенка?

— Это моя забота.

Страх оставил Мелани. Она стояла гордая, непоколебимая, и царственная стать ее не могла не внушать восхищения. Король даже отступил на шаг, мгновенно залюбовавшись ею, но принцесса, поймав устремленный на нее взгляд, с такой ненавистью вперила взор в отца, что он невольно отвернул глаза.

Это была ее первая победа.

— Орантис согласится со всем, что я скажу ему, можешь мне верить. К тому же, Шамару необходим наследник. Особенно теперь, когда жена Серьена разродилась сыном. Так что не надейся убедить меня, отец.

Король заскрежетал зубами. В былые дни он не постеснялся бы собственноручно отхлестать плетью непокорную дочь, но теперь время было не то.

И грубой силой тут едва ли можно было что-то решить. — Что ж, — заставил он себя произнести почти спокойно. — Если решение твое твердо — поезжай. Но можешь мне поверить, Мелани, ты совершаешь ошибку. Помяни мои слова, когда лишишься и провинции, и мужа, и останешься одна, с бастардом на руках. Не надейся тогда, что кто-то из нас протянет тебе руку помощи. И даже твой пуантенский хорек не даст тебе приюта.

Ему почудилось, в глазах дочери мелькнула тень страха, и король воспрял духом. Ему удалось-таки запугать строптивницу! Немного ласки теперь — и он добьется своего.

— Мелани, — начал он нежно и, приблизившись к дочери, попытался обнять ее за плечи.

Она резко отстранилась, и рука короля повисла в воздухе. Хаген сделал вид, что не заметил этого.

— Мелани, любовь моя! Единственная. — Он говорил теперь почти шепотом, увещавательно, чувствуя, что вот-вот сопротивление будет сломлено. — Ты же знаешь, я не могу жить без тебя. Вспомни, как счастливы мы были до этой размолвки! И разве не дал я тебе все, чего могло бы пожелать твое сердечко? Провинцию в наместничество, хотя прежде я и помыслить не мог дробить королевство на части; но ты захотела этого — и получила свою долю Аквилонии. Мужа, покорного и незаметного, который не докучал бы тебе своим вниманием. Украшения, почет, богатство. Я дал тебе все, Мелани! А ты? Ты отказываешься единственный раз исполнить мою волю! Ты бросаешь меня, Мелани, после всего, что я сделал для тебя!

С ужасом принцесса увидела слезы на глазах отца, и это ранило ее сердце. Решимость ее поколебалась... Но в тот же миг она вспомнила, чего требовал от нее Хаген, и в глазах ее помутилось, и гнев испепелил остатки жалости.

Она расправила плечи.

— Не уговаривай меня, отец! Все бесполезно. Мое решение твердо, и я не изменю его. Ребенок родится в Шамаре, а после унаследует твой престол. Чего бы это

не стоило мне, я этого добьюсь. Ты знаешь, я сдержу слово.

Король покачал головой. Теперь в голосе его не было и следа притворной нежности. Неблагодарная дочь отвергла его любовь, презрела заботу и участие, которыми он готов был окружить ее. Она заслуживала той участи, что ждала ее впереди.

— Ступай прочь с моих глаз, Мелани, — отчеканил правитель. — Я даю тебе три седмицы, чтобы одуматься. Поезжай в Шамар, если так хочешь этого, взгляни в последний раз на провинцию, которой вскоре лишишься. Навести мужа, который никогда не сумеет дать тебе того, что необходимо моей дочери для счастья... Посмотри на все это. Поразмысли. И возвращайся ко мне. Это мое последнее слово.

Тяжелым шагом король двинулся к выходу. Стены малой приемной разом сузились, нависая над девушкой, точно своды пещеры, в любой миг угрожая раздавить ее. У самых дверей Хаген обернулся. Долгим сумрачным взором окинул он застывшую в неподвижности дочь.

Своей нравную. Надменную. Любимую.

— Я буду ждать тебя, Мелани, — сказал он ей на прощание. — Помни, я буду ждать...

Должно быть, он и впрямь любил ее. Ловя отголоски давних страстей, бушевавших когда-то в этих самых покоех, Марна могла думать об этом без гнева и пристрастия.

Он был ее отцом и любил ее.

Она убила его, чтобы не дать погубить своего ребенка.

О, она знала Хагена лучше, чем кто-либо из живущих. Лучше, чем мать, которую он свел в могилу своим равнодушием и жестокостью, хотя та боготворила самую землю, по которой ступал ее венценосный супруг. Лучше, чем Серьен, подлиза и ябедник, дрожавший, когда тень отца падала на него. И уж конечно, лучше чем Вилер, видевший в короле лишь героя, лишнего человеческого слабостей и недостатков, мифическую фигуру, наподобие Кулла, которому он так стремился подражать.

Когда бы они знали то, что известно было ей...

Хаген был великим королем — но и чудовищем. Держава была его единственным божеством, он жил лишь ею, и все мысли и чувства правителя были об Аквилонии.

Она для него была высшей милостью и наградой. Она заменяла мать, супругу и дочь.

Но во всем, что касалось страстей человеческих, король был слеп, неукротим и жесток, точно бык на арене, раздраженный зингарскими пикадорами. Если случалось ему пожелать чего бы то ни было, он шел к цели напролом, не считаясь ни с законом, ни с моралью, ни с чувствами ближних.

Никакая преграда не останавливала его.

Мелани, единственная из детей Хагена, была в этом похожа на него. Лишь она осмеливалась дать отцу отпор. Ей одной удавалось добиться от него всего, чего она могла бы пожелать. Братья шутили, что сестра их — ведьма, околдовавшая короля, так что он готов исполнить любую ее волю.

Они были недалеко от истины.

Настояниями дочери, правитель Аквилонии разделил свою державу на три вотчины, в каждой из которых поставил наместником одного из детей; каждому было обещано, что это лишь временно, и после смерти короля тот, кто покажет себя наиболее достойным, унаследует Рубиновый Трон.

Так Мелани достался Шамар.

Конечно, отец не во всем уступал ей. Он изгнал пунтенского наследника, едва заметил, что между юношей и Мелани зародились нежные чувства: правитель ни с кем не желал делить любовь дочери. Потому и супруга он ей избрал такого, что не мог даровать ей счастье материнства.

Королю невыносима была мысль, что ребенок может стать для Мелани дороже родителя.

Она терпела все. Терпела куда больше, чем мыслимо было терпеть женщине, и такое, что вызвало бы трепет ужаса, доведись кому узнать об этом. Но ей эта ноша была не в тягость — вплоть до того рокового дня.

До того дня, как Мелани узнала, что в чреве ее зреет новая жизнь, и отец повелел избавиться от ребенка.

Тогда она поняла, что не в силах больше терпеть.

Однако отъезд из Тарантии ничего не решил. Она слишком хорошо знала Хагена, чтобы поверить в его смирение. О, он мог говорить ей все, что угодно, усыплять

ласковыми речами, как он один умел это делать — но в душе она *знала*.

Король не найдет покоя, пока не вернет ее.

Удар мог настичь ее внезапно, так, что никто и никогда не сумеет доискаться, откуда он исходил. Неведомая рука подсыпет щепотку порошка без цвета и запаха в питье или в еду королевы. Или придворный маг наложит заклятье... У нее был лишь один ребенок. А способов заставить ее потерять его — тысячи.

Битва была заранее проиграна.

Король не желал, чтобы у дочери его появился наследник, значит, он найдет возможность уничтожить младенца. Даже если ей удастся выносить дитя, жизнь его будет в постоянной опасности.

У нее была единственная возможность помешать этому. Поразить руку, несущую смерть.

Сперва эта мысль была лишь порождением гнева и страха, никакого реального намерения не стояло за ней. Воистину, Мелани и помыслить не могла о том, чтобы *действительно* причинить зло отцу.

Но он угрожал не только лишить ее ребенка — он хотел отнять у нее Шамар! А этого она потерпеть не могла. Жить до самой смерти на милости мужа, в нищете и безвестности? Стать приживалкой венценосного брата? Об этом невозможно было и помыслить!

Мелани слишком привыкла к роскоши двора, где была единственной королевой, к турнирам, что устраивались в ее честь, к балам, где царила лишь она одна. К власти, наконец.

Как могла она отказаться от этого?

Но разговор с отцом ясно показал его намерения: его устраивало лишь безоговорочное повиновение. Шамар он использовал, как гарантию того, что дочь останется покорна его воле; в противном случае она лишится дарованной власти.

Нет! У Марны и сейчас сжимались кулаки, так что длинные ногти впивались в ладонь, стоило ей вспомнить ярость, охватившую ее тогда.

Шамар принадлежит *ей*! И не будет принадлежать никому другому!

Ради этой цели любые средства были хороши.

Мысль привлечь на помощь чернокнижников пришла не случайно.

Ее ленная марка издавна славилась как провинция, где ведьмы и колдуны чувствуют себя вольготно. Прежние правители привечали их, да и сами не брезговали различными опытами, так что в наследство наместнице досталась обширнейшая библиотека манускриптов и оборудованная лаборатория.

Колдун Каледиус стал ее наставником.

Не без улыбки вспоминала Марна чернокнижника. Пусть к старости он обезумел настолько, что оборотнем-вервольфом принялся рыскать по окрестным селам, задирая крестьян, точно овец, — но он был полезен ей как никто другой. Смерть Хагена была обставлена им так ловко, что никто даже не заподозрил неладного, и случилась настолько внезапно, что король не успел изменить завещания.

Вопреки его замыслам, Аквилония так и осталась расчлененной натрое. Но уже тогда Мелани, после коронации получившая имя Фредегонда, знала, что вскоре державе вновь предстоит стать единой.

Ибо сыну ее предстояло воссесть на трон империи, а не жалкой провинции на задворках мира.

Сын.

Валерий.

Сейчас она не желала думать о том, как подвел он ее, но лишь пыталась отыскать в облике его знакомые черты. Но в нем было так мало от его отца и от нее самой.

Так мало!

И все же она возведет его на трон. Чего бы это не стоило ей! Иначе труд и страдания долгих тридцати зим пройдут впустую. И все жертвы ее будут напрасны.

Подумав, что слишком уж задержалась в малой приемной, Марна медленно направилась к двери. Она не знала, куда идти. Стояла глубокая ночь — погрузившись в воспоминания, она утратила чувство времени — и почти весь дворец был в ее распоряжении.

Все здесь будило память.

В каждом вздохе ветра звучали знакомые голоса. Она могла бы бродить здесь до бесконечности, уходя все дальше по извилистым дорожкам лабиринта воспомина-

ний, пока наконец не ушла бы так далеко, что возвращение стало бы невозможным...

Прошлое звало ее.

По этим коридорам бегали они взапуски в братьями, невзирая на окрики наставников, сшибая на бегу слуг с подносами, разодетых вельмож и дам. Здесь Вилер с Серьеном дрались на игрушечных мечах. Там, за тяжелым парчовым занавесом, в укромной нише, впервые позволила она Троцери поцеловать себя...

Каким радостным и беспечным было их детство! И как дорого пришлось им заплатить за ту давнюю безмятежность!

Вилер, любимый брат, так похожий внешне на короля Хагена, но не унаследовавший ни его жестокости, ни властолюбия. Он стал первой ее жертвой.

Фредегонда чувствовала в тот день, как сердце ее разбивается на части. И сейчас, если постараться, она могла бы отыскать в памяти дворцовых стен облик брата, каким тот был, до того, как она наложила на него венец безбрачия... и плакать по нему вновь и вновь.

Но в слепых глазах Марны не было слез. Митра испепелил их своим огнем. Она не станет оплакивать брата.

Каледиус посоветовал ей не причинять Вилеру вреда. Он единственный мог сохранить королевство в целости, покуда не подрастет Валерий, законный наследник аквилонской короны. Ни Серьену, ни Орантису об этом не стоило и мечтать!

А потому жизнь Вилера была священна.

Но брат ее не должен был иметь детей! Никто не мог встать между ее сыном и троном. Единственное заклинание сделало свое дело.

У Фредегонды оставался последний противник.

Маленький Нумедидес, вечно сопливый, орущий, от одного вида которого маркиграф Серьен, его собственный отец, кривился, точно от зубной боли. Он был таким хилым, болезненным, что никто не верил, что он доживет хотя бы до пяти зим. Лекари отчаялись хоть чем-то пособить этой беде.

И Фредегонда, которая сама лишь недавно стала матерью, не решилась сделать роковой шаг и умертвить чарами сына Серьена. Жалость к Госвинте, его жене,

грустной забитой толстухе, вззирающей на мир с вечным страхом, удержала колдунью.

Как она жалела об этом теперь!

Она подарила Нумедидесу жизнь.

Но по совету того же Каледиуса сделала все, чтобы и кузен ее сына не мог претендовать на то, что принадлежит Валерию волею небес. Нумедидес остался в живых, но чары, что она навела на мальчика, были подобны капкану, приманкой в котором стала корона Аквилонии.

И если случится такое, что не ее сын, а Нумедидес возложит на главу свою золотой обруч, Заклятье Осени пробудится, подобно тигру, мирно спящему в зарослях, до той поры, пока не потревожит его охотник.

И тогда принцу не долго останется торжествовать победу!

Время в его теле убыстрит бег. Каждый день, прожитый им, станет луной, луна — зимой, а зима — веком. Нумедидес состарится мгновенно — магия Фредегонды сведет его в могилу быстрее, чем он успеет зачать наследника.

Видят боги, древние и нынешние, она не хотела убивать никого больше!

Избавившись от непосредственной угрозы в лице Хагена, Фредегонда готова была смиренно ждать, пока не настанет ее время. Пока Валерий не подрастет и не будет готов взять то, что принадлежит ему по праву крови.

Но ей не позволили... Людская алчность и злоба помешали ей, не дали отойти в сторону.

Будь они прокляты во веки веков!

Из-под капюшона митрианки донеслось сдавленное рычание, и благо, что рядом не оказалось никого, кто мог бы услышать ее.

Она не знала, как удалось братцу Серьену прознать, чем занимается она в уединении своего замка. Должно быть, подкупил слуг, чтобы те доносили ему — такого вполне можно было ожидать от этого маленького мерзавца и соглядатая! Он принялся угрожать ей... Ему было мало Таурана! В ту пору в Аквилонии борьба с колдунами набирала силу, и этот выкормыш свиньи был уверен, что заставит сестрицу потесниться в своих владениях.

Он плохо знал ее!

Руками Орантиса, своего супруга, Фредегонда сделала все необходимое. На сей раз отвар цикуты, а не колдовство, сотворил свое черное дело.

Но исполнители были намеренно небрежны. Они оставили следы — однако не те, что могли бы привести к королеве. Фредегонда не сомневалась, что Вилер заподозрит недоброе.

Знала она и о том, что горячий нрав брата и его понятия о чести не позволят оставить зло безнаказанным.

Ей оставалось только ждать.

Правда, она не удержалась, чтобы не пособить Вилеру, хотя бы в малости. В конце концов, понятие чести семьи было не чуждо и ей. Всякий поднявший руку на потомка Хагена, должен был поплатиться...

Чтобы помочь брату отомстить, она лишила супруга магического Оберега, хранившего его презренную жизнь. Кривой Илений, местный ювелир, изготовил искусную копию талисмана, которую она и положила в шкатулку вместо настоящего.

Правда, когда боевой рог позвал графа в бой, на защиту Венариума, обнаружилось, что исчезла и изготовленная Фредегондой подделка — и тайна этой пропажи тревожила колдунью и по сей день; сколько ни секла она слуг, правды от них добиться так и не удалось.

Затем амулет вновь появился на прежнем месте — видно тот, кто брал его, вернул, испугавшись гнева королевы.

И история эта была забыта.

Гораздо больше тревожило Марну то, что истинный Оберег Кулла так и не попал в руки ее сына.

Со времени смерти мужа она вернула подлинный талисман на прежнее место, в ожидании дня, когда сын, став королем Аквилонии, сможет носить его по праву. Подделку же она со всей торжественностью вручила Вилеру, когда подписывала отречение от шамарского трона, в знак полной преданности новому сюзерену.

Брат был расстроган до слез. Он был так уверен, что отныне сделался неуязвим для врага... Фредегонда смеялась над ним в душе.

Наивный глупец!

Как будто она могла бы отдать в чужие руки *подлинную* реликвию. Как плохо все же знали ее братья!

Но затем случилось непредвиденное. Должно быть, она и впрямь слишком долго испытывала гнев Солнцеликого, о чем не уставал предупреждать ее Гретиус. Хотя как тогда похотливому жрецу удавалось самому коптить небо так долго, было для Марны загадкой.

Наводнение.

Все, случившееся тогда, помнилось ей крайне смутно. Крики, боль, надвигающаяся стена воды, от которой, казалось, не было спасения. Плач маленького Валерия. Ее упрямая борьба со стихией. Ледяные струи. Мизрах, явившийся на помощь, когда у нее уже не оставалось надежды на спасение. Кровь, что отдала она демону за свое спасение...

Отныне ей не было пути назад. Обезображенная, несущая на себе печать проклятия Митры, Фредегонда не могла вернуться ни в Шамар, ни в Тарантию. Ее появление, прежде всего, стало бы гибельным для сына.

Отпрыску ведьмы никогда не занять аквилонский трон — это она понимала без слов.

И потому, как ни разрывалось первое время ее сердце, Фредегонда, ставшая Марной, ни дня не жалела о принятом решении. Стоило разве что пожалеть о том, что подлинный Оберег Кулла, оставшийся в ее покоях во дворце, так и не попал к законному наследнику.

Подлый Гретиус, да пожрут псы Преисподних его печень, похитил амулет, на который давно уже точил свои гнилые зубы!

Марна оказалась бессильна воспрепятствовать ему.

Лишь недавно, когда немедиец рассказывал ей о происшедшем в последний день Осеннего Гона, узнала колдунья о судьбе талисмана. Оберег послужил изгнанию Цернунноса — что ж, и это было неплохо. Похищенное сокровище не пошло жрецу на пользу.

Марна криво усмехнулась изуродованным ртом.

Как долго шла она к этому дню! Через столько смертей! Через столько разрушенных судеб! Но она не сожалела ни о чем. И если бы Сет-покровитель даровал ей возможность прожить жизнь сначала, лишь одно она изменила бы в тех днях.

Без тени жалости, точно ядовитую гадину, выползшую погреться на камнях, раздавила бы она Нумедидеса!

...Покалывание в затылке — словно тысячи ледяных иголочек вонзились внезапно в мозг — вывело колдунью из забытья, и она была благодарна немедийцу, который своей попыткой установить ментальный контакт вернул ее к реальности. А не то она так и осталась бы бродить навеки по Серым Равнинам собственного прошлого, окруженная тенями дорогих усопших, которые ныне были ближе ее сердцу, чем любой из живущих.

Но Амальрик напомнил ей о тревогах дня сегодняшнего, что также скоро станет минувшим. И Мелани с Фредегондой вновь отошли в тень, уступая дорогу Марне, так что одна только Марна, слепая ведунья, наконец снявшая маску, отозвалась на его призыв.

И он даже не знал, что разговор их слышит кто-то еще.

Аой.

ВРЕМЯ СУДА

Что слаще: вкус уже одержанной победы или лишь предвкушение ее?

Принц Нумедидес — единственный наследный принц Нумедидес — почти уже король Нумедидес! — поставил ноги на деревянную скамеечку, чтобы склонившемуся перед ним пажу удобнее было застегнуть золотую пряжку на остроносых сафьяновых туфлях, и откинулся в кресле, наслаждаясь последними минутами спокойствия перед грядущей суетой. Только что от него ушел королевский канцлер, которому отданы были распоряжения насчет грядущей казни преступников.

Ушел пятясь и низко кланяясь, тщетно пытаясь скрыть дрожь старческих рук с враз проступившим рисунком вен.

В задумчивости Нумедидес уставился на висевший на стене перед ним гобелен с изображением медведя, заваливающего круторогого оленя.

Или наоборот.

Возможно, это олень пронзал рогами противника? В последнее время почему-то Нумедидес все чаще ловил себя на том, что разглядывает искусную шпалеру, не переставая размышлять об этом.

Если вглядываться в гобелен достаточно долго, начинали происходить странные вещи. Удивительно точный.

вытканный до мельчайших деталей безвестными мастерами, рисунок внезапно расплывался в сознании, накатывал приливными волнами, с каждым разом захватывая все больше, поглощая его целиком. И вот уже Нумедидес точно сам оказывался на лесной поляне, и это его кости трещали и ломались в яростной схватке, его жилы рвались от непосильного напряжения.

Он чувствовал приторный запах крови. Слышал предсмертный хрип врага.

Нескончаемой была эта схватка, и вечной — его ненависть. Вот только странно, что никогда заранее он не мог предугадать, кем ощутит себя на этот раз: медведем или оленем. Рога или когти станут его оружием?

Точно дрался он с самим собой!

Вот и сейчас морок грозил охватить его, стоило лишь подумать об этом, — но усилием воли принц отогнал наваждение.

Туалет его был закончен.

Все было готово.

Паж подал и помог закрепить перевязь с фамильным мечом, по праву теперь принадлежащим ему, и неслышно отошел в сторону, ожидая распоряжений.

Все было готово.

Где-то далеко, в башне, томился неизвестностью узник, бывший брат будущего короля, но ему недолго оставалось ждать...

Все было готово.

Окинув взглядом свою фигуру в огромном, от пола, зеркале из полированного серебра, Нумедидес кивнул, удовлетворенный увиденным. На челе все еще сияет, стягивая непокорные кудри, серебряный обруч, отделанный эмалью, но скоро, очень скоро его сменит корона Аквилонии. И плечи укроет пурпурный, подбитый горностаем бархат...

Это Вилер не любил подобной роскоши, считал ее излишней, едва ли не недостойной. Вызывающей.

Но при нем, Нумедидесе, все будет иначе.

Жаль только, Оберэг Кулла не смог принц надеть на шею, ибо любое прикосновение к золотому диску все так же невыносимой болью жгло пальцы, но и это было лишь досадной мелочью, неспособной омрачить торжества.

Непобедимая мощь Бога-Оленя стала отныне щитом Нумедидеса. Пока Цернунос на его стороне, ничто не могло причинить вреда правителю Аквилонии.

Так на что ему эта жалкая игрушка, украденная в детстве у доверчивого кузена? Безделица, которой этот глупец намерился отогнать вервольфа?

Он вспомнил, как торжествовал, когда ему удалось сорвать с бесчувственного тела брата драгоценный амулет. Как долгие годы он прятал заветную реликвию в медной форме для печенья, которую ставил на кухне...

Был ли в этом смысл? Что дал ему Оберэг Кулла — ничего!

Нет, отныне мощь Нумедидеса иной природы! Не жалкий огненноликий божок, но истинный Властитель Леса оберегает своего слугу. И на его алтарь будет брошен проклятый валузийский талисман, после того как кузнецы расплющат молотом ненавистный солнечный образ!

Но что если не ждать кузнецов, а уничтожить уродливый диск с изображением Солнцерекого прямо сейчас? Пожалуй, это будет достойной жертвой Цернуносу перед грядущим.

Не хуже тех, что он принес ему раньше...

Принц вспомнил изломанное тело деревенской девки на берегу и поежился от удовольствия. О, как приятно было терзать ее мягкое белое тело! Как сладостно было сомкнуть свои мощные длани на ее гусином горле!

Жаль только та, другая ускользнула от них!

Релата Амилийская.

На лицо будущего короля набежала туча. Как посмела эта грязная продажная девка умереть, после того как он подарил ей мгновения неземного блаженства? Он вспомнил, как невозмутимые слуги за ноги вытаскивали из Алых Палат мертвое тело дочери Тиберия. А оно извивалось по змеиному — так, словно в нем не было костей... И содрогнулся от отвращения.

Мерзавка была не одета, лишь из растрепанной прически торчала странная шпилька, покрытая красными мраморными разводами.

Все были уверены, что Релата Амилийская погибла при разгроме Амилии, и принц решил не поднимать шума вокруг ее странной гибели. Он даже не удосужился пригласить лекарей, чтобы выяснить, отчего умерла его

возлюбленная, вместо этого распорядившись, чтобы мертвое тело убрали с глаз долой, завернули в холстину, а ночью отвезли на берег Хорота, привязали камень на шею и бросили в воду.

Тварь, ускользнувшая от алтаря Цернунноса, недостойна погребения!

А всем, кто видел ее в покоях принца, он отрежет языки.

Нумедидес подошел к резному шкафчику и выдвинул потайной ящик. Внутри, на подушке синего бархата лежал солнечный диск с человеческим лицом, окруженным лучами, попеременно прямыми и извилистыми.

Нумедидес скривился, будто вместо золотого талисмана увидел скользкую бородавчатую жабу.

И как он мог поклоняться раньше такому отвратительному богу?

Благо, Звероликий даровал ему истинное зрение!

Принц потянулся к оберегу, но тут же отдернул руки. Проклятый диск будет жечь его плоть даже через толстые кожаные перчатки.

Он оглянулся назад. Взгляд упал на съевшегося паж.

— Подойди сюда! — процедил он.

Мальчик испуганными шажками приблизился к принцу.

— Ближе!

Тот сделал еще один крохотный шаг.

— Возьми эту мерзость, — он кивнул на талисман, — и брось его в пламя очага!

— Но, месьор... — протянул паж, не решаясь прикоснуться к драгоценной реликвии, изображающей Пресветлого.

— Делай что тебе говорят! — пронзительно завизжал Нумедидес и хлестнул мальчишку по лицу кружевным платком.

Паж бережно взял талисман. На глаза его навернулись слезы.

— Бросай! Ну бросай же!

Мальчишка, всхлипнув, швырнул Оберег прямо в огненную пасть камина. Пламя вспыхнуло, будто кто-то плеснул в очаг брагой. И загудело сильнее, чем прежде.

Языки пламени — прямые и искривленные — жадно лизали валузийскую драгоценность. Нумедидес знал: пройдет немного времени, и проклятый амулет превратится в желтую лужицу расплавленного металла.

И он выполнит свой долг перед Древним.

Принц схватил стоящую у камина бронзовую кочергу в виде когтистой лапы неведомой птицы и стал яростно ворошить дрова.

— Вот! — скалился он. — Нет больше Оберега Кулла! Запомни этот миг, паценок!

Он обернулся к пажу, онемевшему от жалости к красивой вещице.

— Ты был последним, кто видел амулет Падшего Бога! Низвержен остатний оплот Солнцерекого под этими небесами, и ничто уже не сможет сдержать поступь Звероликих. Да пребудет Цернуннос!

Глаза его закатились в благоговейном восторге. По толстым щекам катились крупные слезы. Цернуннос! Бог-Олень! Благослови своего недостойного сына! Он чувствовал себя Капитаном, приводящим истерзанное штормами судно в тихую гавань; трудолюбивым Хлепопашцем, срезающим колос, изъеденный спорыньей; добрым Рыбарем, отпускающим серебристый сверкающий улов обратно в реку.

Да пребудет Цернуннос!

Резко развернувшись на каблуках, принц направился к двери. Паж двинулся за ним, торжественно неся на пунцовой подушке украшенный лилиями жезл, символ достоинства Верховного судьи королевства.

Ибо принц Нумедидес шел вершить Правосудие.

* * *

В маленькой комнатке, что находилась прямо перед входом в зал заседаний, его уже ждали.

И опять эта притворная скромность.

Нарочитое самоуничижение.

Какой негодяй все это придумал?

Судьи входили в огромный зал, самый роскошный и представительный во дворце, не через главный вход, — огромные, чуть не с городские ворота размером, двери, окованные серебром и украшенные чеканными изображе-

ниями деяний Митры и иных Светлых богов, — но через маленькую неприметную дверцу справа, у самого судейского помоста.

Нумедидес дал себе слово, что изменит это при первой же возможности и уничтожит все изображения Солнцегого, заменив их на лики Истинного Бога!

Столько всего предстояло сломать, изменить... У него в буквальном смысле чесались руки.

Он кивнул семерым вельможам, дожидавшимся его в маленькой приемной. Они склонились перед ним. Автоматически он отметил тех, кто, по его мнению, прогнулся недостаточно низко.

Их было четверо.

Это могло бы встревожить, — когда бы по давней привилегии, при всем внешнем равноправии судей, королю не было даровано два голоса. Он холодно обвел взглядом советников, ожидая, кто из них осмелится заговорить первым.

Как он и ожидал, это был Матильд Марийский, отец красавчика Фесния, давний боевой друг короля Вилера и Тиберия Амилийского.

— Ваше Высочество, — дребезжащим старческим темпорком начал он, подчеркивая обращение, и продолжил с подчеркнутой сухостью. — Мои... друзья... убедили меня в необходимости этого суда, и долг повелел мне прийти. — Он втянул в себя воздух, точно пытаясь придать особый вес своим словам. — Прийти хотя бы для того, чтобы образумить вас, Ваше Высочество. То, что вы затеяли, противоречит обычаю! Здравому смыслу! Долгу сыновней почтительности, в конце концов! Разве положен в саркофаг прах почившего короля, что с такой поспешностью мы забыли о нем? Разве доказана вина принца Валерия, что нас собрали здесь произнести ему приговор? И не велит ли нам закон, чтобы Суд Герольда решал вопрос о престолонаследии, прежде чем возможно будет короновать нового правителя?

Старый глупец, чьи ступни скрючены подагрой!

Однако в глазах еще двоих, по меньшей мере, Нумедидес заметил сочувствие словам вельможи. Все они числили себя хранителями традиций королевства, наставниками неразумного юношества, столпами премудрости и

невесть кем еще... Они даже не усомнились ни на миг в своем праве давать ему советы.

Ну ладно. Сейчас он им покажет!

Лицо Нумедидеса внешне оставалось совершенно невозмутимым, а голос обманчиво мягким, и лишь пальцы конвульсивно сжались на отворотах плаща, когда он произнес:

— Ваши слова — верх благоразумия, граф, и я весьма благодарен вам за совет.

Если старик и уловил издевку в его тоне, он не подал виду.

— Однако, увы, я вынужден напомнить вам некоторые обстоятельства, о которых вы, как видно, забыли. Что, впрочем, вполне простительно — добавил он снисходительно, с почти отеческой улыбкой: — Годы ваши уже не те, а напряжение последних дней могло подкосить и не столь крепкий организм. Я понимаю, что служба дается вам тяжело, а положение советника требует слишком многого...

— Ты что же, намекаешь, что я не ко двору стал, щенок?

Старый вояка вмиг позабыл о всяком благоразумии. Побагровевший, часто моргая слезящимися глазами, он с ненавистью уставился на Нумедидеса.

— Король — твой король! — едва успел отдать душу Митре, как ты уже вздумал порядки новые наводить? Старых слуг отечества оскорбляешь? Да когда я защищал с мечом в руках Венариум, когда я проливал за Аквилонию кровь — ты, ты...

Он заканпился, не в силах продолжать. Стилий Карнейский, его ближайший друг, поддерживал старика, с робкой укоризной косясь на принца. Отдышавшись, Матильд обвел глазами советников, точно ища у них сочувствия.

Большинство, однако, стыдливо отводило взгляд. Да, Нумедидес постарался неплохо...

И, не дождавшись поддержки, старый граф продолжил обреченным тоном, точно осознав наконец, насколько тщетны все его потуги восстановить справедливость:

— Я не собираюсь угрожать вам, принц, — я взываю к вашему разуму и чести. Остановитесь! Задумайтесь над тем, что творите! Разве одобрил бы содеянное нами король?

Голос его сделался под конец совсем жалким, плакво-просительным.

Старик... Огня в нем хватило лишь на короткую вспышку, для долгой борьбы силы были уже не те. Тепе если он и не бросит черный шар в корзину, когда при время, то, по крайней мере, и шум больше поднимать и посмеет.

Выдохся!..

— Граф говорит правду, Ваше Высочество, прислушайтесь к его словам! — неожиданно поддержал Матильда другой советник.

Нумедидес нахмурил брови.

— Вы желаете, чтобы мы вынесли обвинительный приговор наследнику престола! Каковы бы ни были доказательства, уличающие принца, они не могут быть бесспорны. Так не лучше ли предоставить это суду Солнцеликого?

Принц оскалился.

— Бойтесь ответственности, советник? Бойтесь осудить преступника, убийцу короля, лишь потому, что у него голубая кровь? Страшитесь лучше гнева небес за ваше малодушие!

— Наш долг повелевает нам думать прежде всего о благе королевства, — возразил старик. — А смута и междоусобица не может пойти на пользу Аквилонии.

Про себя Нумедидес подумал, что, как видно, слишком мало пообещал этим слизнякам. Нужно было быть щедрее... Ну да что толку жалеть теперь. И если не удалось поладить с ними добром — кнут погонщика быстро призовет к порядку упрямое стадо.

— Спасибо, что напомнили мне о долге и чести, советник, — ледяным тоном отчеканил принц.

Все прочие тотчас насторожились, точно гончие, чующие завершение охоты.

— Как-нибудь я рад буду расспросить вас, что именно вы понимаете под столь звучными словами. Полагаю, это доставит мне немало забавных минут... Но пока я скажу вам, как понимаю их я!

Голос его сорвался на крик. Судя по испуганным взглядам вельмож, вид его был страшен.

— Король отдал Митре душу — это вы верно сказали... советник. Только позабыли, видно, отчего смерть настигла Его Величество. Позабыли, кто направлял руку убийцы!

Кто привнес смуту и ужас в Аквилонию! Кто разбудил в священном Валонском лесу чудовище, намереваясь с его помощью испепелить и залить кровью всю страну. Быстро же вы забыли об этом, граф! Как забыли, похоже, о том, как потепшили демоны преисподней в Амилии. Скажите, куда теперь отправятся они творить свои бесчинства — в вашу вотчину... или прямо в Тарантию?

Побледневшие вельможи внимали каждому его слову, и на лицах их был неприкрытый ужас. Нумедидес по праву мог гордиться собой.

Новообретенная сила и на сей раз не подвела его. Усилием воли он мог бы подчинить себе этих болванов, даже если бы просто рассказывал им детскую считалочку... Все, что они видели, — это наводящие ужас картины пожаров, разоренной земли и рек крови.

— Встать на пути у сил зла, сеющих хаос и разрушение, — вот как я понимаю свой долг! Принц Валерий преступил закон Аквилонии, поднял руку на венценосца, искал поддержки у служителей Тьмы — этих преступлений достаточно, чтобы осудить его на смерть. И лишь изменник может думать и чувствовать иначе!

Это было уже неприкрытой угрозой, и, похоже, советники осознали и то, что не было сказано Нумедидесом. Каждый, кто посмеет встать у меня на пути, умрет, говорил он им.

Несколько томительных мгновений длилось молчание. Затем все как один покорно склонили головы. Перед ним — их господином! И кто-то, возможно, даже сам Матильда, пробормотал:

— Вина принца Валерия не требует доказательств. Пора начинать суд, месьюры. Я кликну, чтобы привели подсудимого.

* * *

В тот самый миг, когда семеро советников во главе с наследным принцем после должного обращения к Солнцеликому Митре с просьбой позволить им судить справедливо и карать безжалостно, после короткой приветственной речи к придворным, рассеявшимся на длинных установленных полукругом перед центральным помостом скамьях, и прочих необходимых церемоний заняли нако-

нец свои места на возвышении, и Нумедидес взял в руки жезл, символ власти, дарованной вершителю правосудия высшими силами, — в тот самый миг Валерий Шамарский пробудился от дремы, в которую за последние дни привык погружаться в любое время, практически мгновенно, когда никто не беспокоил его, от отвратительного скрежета дверного засова.

Втайне он подозревал, что отнюдь не лень и не ленивость стражников виной тому, что никто до сих пор не удосужился смазать замки на двери его темницы. Скорее, то была тайная пытка, плод изощренной фантазии тюремщиков, с целью лишить его покоя и окончательно свести с ума.

Он ненавидел этот звук! Он стал для него символом вторжения внешнего мира в столь тщательно оберегаемый покой его снов и видений, — и он ненавидел его.

Внешний мир был груб и докучлив. Принц не хотел возвращаться, даже мысленно, в ту ненавистную жизнь, что осталась за стальной дверью. Уж лучше здесь, в тюремной камере, так похожей на монашескую келью, проводить время в раздумьях и философских беседах с молодым жрецом.

Они сблизились с Орастом с того ночного разговора, и Валерий не мог не отметить про себя, насколько похожи они с этим юношей. Оба полны были надежд и честолюбивых планов. Обоих сломили обстоятельства, оказавшиеся сильнее их, и злая воля тайных врагов. Оба немало пострадали из-за колдовства.

Теперь он жалел, что не узнал Ораста раньше. Возможно, сойдись они с ним хотя бы в Амилии, жизнь их могла еще повернуться иначе. Он, Валерий, сумел бы защитить жреца от посягательств лесной колдуньи. Ораст, возможно, предостерег бы его самого от козней Нумедидеса...

Ну да что толку жалеть теперь о том, чему не суждено было свершиться!

Но пока они проводили время за разговорами. Точно стремясь наверстать долгие луны одиночества, Валерий стремился выплеснуть душу перед благодарным слушателем, делясь с ним воспоминаниями о прошлом, о детстве, о Хауране и обо всем, что случилось в последние дни.

Он рассказал ему о Тарамис и даже о Релате.

В ответ жрец был не столь откровенен и не докучал принцу излияниями, но выслушивал его с вдумчивым вниманием, и суждения его были всегда проницательны и точны.

Валерий не раз ловил на себе его сочувственный взгляд.

...Его немало удивило бы, знай он, о чем думает Ораст в действительности. Тот немало времени боролся с искушением поведать принцу о заклатьи, наложенном им на Релату — в особенности, когда этот глупец с тоскливым взглядом щенка вещал об оставленной им красавице, что ждет не дождется, пока герой вернется и сожмет ее в своих объятиях. Она — единственное светлое воспоминание в моей жизни, говорил ему принц. Единственное, что придает мне силы жить...

Ораст едва удерживался, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

Однако, по размышлении, он не решился отнять у несчастного последнюю иллюзию. Это было бы сладостно, знай он наверняка, что обещанное Марной сбылось, и чары, что наслал жрец на девушку, были разрушены, когда пролилась кровь короля.

Он так хотел верить в это!

Скрижаль Изгоев — и Релата. Ради них двоих, порой сливавшихся в воображении жреца воедино, превращаясь в мифический образ женщины-сосуда, хранилища и источника мудрости, пошел он на преступление. Ради них пролил священную кровь.

Он уже перестал различать, которая должна была отдаться ему, стать покорной рабой его прихотей, насытить его алчность и утолить жажду. Он не знал даже, чего желает больше — знаний и могущества, или неги женского тела. И то, и другое было тайной, запретным плодом, вкусить от которого сладостно.

Скрижаль и Релата должны были принадлежать ему.

Но Марна обманула жреца! Опутав ложью, послала его на убийство и предала, когда он исполнил ее волю.

Доверившись ведьме, он утратил и власть, и любовь, и свободу, а скоро утратит и саму жизнь.

И потому, когда Ораст повернулся на скрежет открывающейся двери, в лице его не было ни страха, ни надежды.

Трое стражников вошли в их камеру. Двое несли в руках тяжелые ручные кандалы. Другой держал наизготовку меч. Судя по звукам, доносившимся из коридора, там дожидалось еще не менее четырех человек. Валерий поднялся им навстречу.

— Куда? — спросил принц коротко, не желая тратить дыхание и силы на более развернутый вопрос.

Собственно, можно было бы обойтись и вовсе без слов — в конце пути он неизбежно узнает пункт назначения, — но слово сорвалось с языка, и теперь он равнодушно ожидал ответа.

Вместо этого стражник с мечом жестом показал ему приблизиться, а когда принц повиновался, его товарищ ловким жестом сомкнул на запястьях кандалы. Те были неожиданно тяжелы и сразу стали натирать руки, — и Валерий впервые за последние дни почувствовал злость.

— Куда вы меня ведете? — спросил он резко, точно рубанул мечом. — Зачем все... это?

Он тряхнул кандалами.

Цепь глухо звякнула.

Стражники переглянулись.

— На суд, — вымолвил первый нехотя.

Другой стражник подозвал Ораста и нацепил на него вторую пару кандалов. Затем, держа меч наизготовку, он зашел Валерию за спину и подтолкнул его, так что тому ничего не осталось, как выйти из камеры.

Ораст молча следовал за ним.

На пороге жрец задержался, не решаясь сделать шаг. Магическое чутье удерживало его, настойчиво твердя об опасности — но Ораст не был волен в своих поступках. Мощная длань стражника толкнула его в спину, он шагнул за порог камеры... и зашатался, ибо мир полетел кубарем у него из-под ног. Перед глазами точно рухнула непроницаемая завеса. И он ослеп.

Ораст хотел закричать. Он успел забыть тот ужас, что довелось ему испытать после убийства Вилера, когда кровь короля лишила его зрения и дара речи — но сейчас боль эта нахлынула вновь. И вновь, совсем как тогда, пытался он закричать.

И вновь крика не было у него.

Один из стражников, как видно, заметил, что с Орастом творится неладное.

— Глянь, как перетрусил-то! — толкнул он в бок приятеля. — Аж чувств от страха лишился!

Но им приказано было доставить узников в зал суда, и стражникам ничто не могло помешать исполнить приказ. Пинками и тычками солдаты заставили жреца двигаться вперед.

Валерия, который пытался было вмешаться, наградили парой ударов под ребра. Порядок был восстановлен. Можно было двигаться дальше.

Они прошли по коридору до конца и спустились по винтовой лестнице. Одному из стражников пришлось подерживать Ораста.

Внизу, в комнате охраны, их ждали еще трое, — два других стражника и сам киммериец.

Сын Крома кивнул сыну Митры.

С отстраненным сожалением принц подумал, что, должно быть, Конану, с его прямодушием и странным для варвара чувством чести, приходится сейчас очень несладко. Нет хуже, чем служить господину, которого не уважаешь. Особенно когда господин этот велит совершать вещи, противные твоим желаниям и убеждениям. Впрочем, Валерию от сочувствия капитана наемников было ни холодно, ни горячо. Он лишь сейчас, впервые за все это время, осознал, что в конце пути его ждет смерть.

Он хотел еще сказать киммерийцу, что со жрецом творится что-то неладное, но что-то сковало ему уста. Участь бывшего товарища по несчастью внезапно сделалась безразлична, и ничто, кроме собственной судьбы, больше не заботило принца.

Лишь теперь, в этой душной комнатенке, где у стен стояли заправленные койки, для стражников, ожидающих своей очереди идти в дозор, где на столе, грязном, испещренном ножевыми отметинами, валялись забытые солдатами кости, где чадила лампа и стоял запах усталости и пота — Валерий внезапно понял, что никогда не вернется обратно.

Ему предстоял путь в один конец.

Не то чтобы это испугало его. Нет. За годы, проведенные в бесконечных сражениях, отступлениях и атаках, он слишком привык к постоянной близости смерти, чтобы по-настоящему страшиться ее. У многих, кому он в последний раз закрывал глаза, выражение лица было таким

умиротворенным, почти счастливым, что порой он завидовал им. Скоро он узнает сам, была ли для этой зависти причина.

Так что страха не было.

И все же внезапно он точно пробудился ото сна. И понял, что пока не готов умирать. Но они уже двинулись в путь. Несчастливого жреца, точно куль с мукой, взвалили на себя и поволокли двое дюжих наемников.

— Негоже заставлять короля ждать, — с издевательской ухмылкой заметил их приятель.

* * *

Но ждал их не только король.

Не только семеро советников на помосте, испуганные, тщетно пытающиеся скрыть страх за маской холодного достоинства и превосходства. И не только собравшиеся в зале придворные, надушенные, расфранченные, радующиеся грядущему суду как зрелищу, способному хоть ненадолго нарушить монотонность дворцового существования и разрядить накопившееся напряжение.

Все они уже свыклись с мыслью, что никто иной как Нумедидес будет их королем.

Недовольные приучались недовольство скрывать. Остальные старались извлечь выгоду из ситуации. Некоторые, правда, еще жалели Валерия — большей частью, женщины. Но прочие смотрели на вещи философски. Убийства, измены, дворцовые перевороты, — все это было им давно привычно. И потому злодеяния, приписываемые принцу, не вызывали ни ужаса, ни сомнения, — лишь презрительную насмешку над умником, что вообразил себя хитрее всех прочих, и по-глупому попался.

Они уже готовы были забыть о нем...

Ждал также простой люд — в основном, представители сословий, гильдий мастеров, и монахи, кому дозволено было в этот исключительный день занять места в самом конце зала, вдоль стен, дабы стать свидетелями, как вершит правосудие новый король, и поведать о том за дворцовыми пределами. Ждала среди них одна монахиня в охряном покрывале митрианки, незаметными шажками — и как ей только удавалось это в густой толпе? —

придвигавшаяся все ближе к границе, незримо отделявшей вельмож от черни.

Никто не решился встать на пути у служительницы Солнцеликого, даже когда она совсем ненамного переступила эту черту...

Все они ждали.

С разной степенью нетерпения, усталости, циничной скуки. Ждали появления подсудимого. Низвергнутого кумира для одних. Для других — кровавого чудовища и убийцы. Несчастливого малого, опального принца, павшего жертвой интриг и собственной неосторожности, — для третьих.

Ожидание сгущалось над ними, подобное грозовой туче, чреватой слепящей яростью молний и бешенством бури.

И ждал еще один человек.

Точнее, их было пятеро, — единственные, кому граф Троцери Пуантенский доверял как самому себе. Он мог лишь уповать на Митру, что этого окажется достаточно.

В отличие от судей, что входили в зал справа, что было вполне естественно и освящено традицией, ибо именно в правой руке держит Митра свой карающий меч, — подсудимого вводили туда, где должна была решиться его судьба, через маленькую дверцу в левой стене. Она была настолько низкой, что бедняге приходилось складываться почти вдвое, склоняясь тем самым перед правосудием Солнцеликого. И вела к ней потайная галерея, что брала свое начало у входа в подземную темницу дворца.

Однако же принца Валерия Нумедидес распорядился поместить не в подземный каменный мешок, а в почти забытую темницу на втором этаже той же самой башни. Возможно, из милосердия... но скорее всего, не желая сам каждый раз плутать по сырым и холодным подземельям, когда отправлялся навещать поверженного родича.

И это, счел Троцери, было для них большой удачей.

Тайный ход из основной тюрьмы в зал суда шел прямо, без всяких разветвлений и ни единой возможности для засады. Стены там были точно полированные.

Ни окна, ни двери, ни ниши.

Да, строители знали свое дело... Но вот чтобы достичь этого коридора с верхних ярусов башни, следовало сперва

выйти на улицу, ибо прежний проход, соединяющий этажи, был почему-то заложен (собственно, именно поэтому и забросили верхнюю темницу), а затем галереей пройти до южного входа. И спуститься по лестнице. В общей сложности не более сотни шагов.

Но для Троцero этого было вполне достаточно.

Он еще раз проверил взглядом расположение своих товарищей, — вместе они прошли не одну войну, не раз прикрывали друг другу спину... у него язык не повернулся бы назвать их просто стражниками или, того хуже, немниками.

Двое под лестницей, дожидаясь возможности выскочить и ударить в спину охране Валерия. Еще двое со взведенными арбалетами — в десяти шагах, за поворотом, ведущим в нижнюю комнату охраны. И сам Троцero, впереди, полускрытый в сгустившейся тени, — он мог лишь надеяться, что его не заметят, когда конвой только спустится в галерею... А там уж он выскочит им навстречу, неся взбудораженную чушь о нападении на замок... о восстании черни... о чем угодно, лишь бы хоть на пару мгновений отвлечь внимание стражников и дать возможность действовать своим друзьям.

На большее он, не оправившийся еще после ранения, все равно не годился.

Раз за разом, переминаясь с ноги на ногу в напряженном ожидании, он прокручивал в сознании грядущий бой, со всеми его вариантами, испытывая совершенно необъяснимую, не свойственную ему, закаленному в боях вояке, нервозность.

Все было готово.

План не лучший — но он имел шанс на успех, а Троцero судьба приучила бороться за победу даже и в тех случаях, когда шанса этого не было вовсе, — и побеждать.

Так откуда же взялась тревога? Откуда это тягостное предчувствие неминуемой катастрофы?

Должно быть, это потому, что он не послушался Мелани.

Мелани.

Он пытался называть ее Марной, и не смог, — как раньше не мог называть Фредегондой.

Согласно ее плану, они должны были освободить Валерия непосредственно из зала совета. Она так и не

пожелала открыть ему свой замысел целиком, как ни просил он ее об этом, и он вынужден был признать, что услышанное не удовлетворило его совершенно.

Все ее намеки насчет высших сил, что придут им на помощь в решающий момент, дабы низвергнуть узурпатора — так она называла Нумедидеса — и возвести на престол истинного короля, то есть ее сына, лишь раздосадовали его.

Во-первых, заявил он ей, он старый вояка и скорее проглотит собственный меч, чем согласится полагаться в бою на некие высшие силы, являющиеся, скорее всего, — хотя этого, разумеется, он ей уже говорить не стал, — плодом воображения впавшей в отчаяние женщины.

Даже безумная, она по-прежнему была его Мелани, и он готов был на все ради нее. И все же с самоубийством, по мнению графа, вполне можно было подождать. Здравый смысл и опыт воина — все восставало в нем против столь нелепого плана.

Но когда он попытался объяснить это Марне, она взвилась почище бешеной кобылицы, впервые отведавшей хлыста. Какими проклятиями она осыпала его... В чем только не упрекала...

И он сдался.

Сдался, как сдавался всегда, когда имел дело с этой невероятной женщиной.

Хорошо, он тайно приведет вооруженных солдат в зал совета. И они встанут наготове у двери, через которую введут осужденного. И нападут на охранников Валерия. И будут — как последние болваны, едва не добавил он, — ждать, пока некие высшие силы не расправятся с Нумедидесом.

Хорошо. Все будет так, как ты хочешь, Мелани...

Но позже, когда она ушла, он задал себе вопрос, который не осмелился задать ей: а что будет, если высшие силы не придут к ним на помощь? Или потерпят поражение? Или случится что-то непредвиденное, что могло произойти в любом бою?

Что тогда, Мелани?!

Нет, он боялся не за себя. В конце концов, он немало пожил на свете, и хоть многого не успел, но готов был принять смерть, как подобает солдату. Тем более, что жизнь отняла у него почти все, ради чего стоило бы

бороться. Вот и Вилер ушел, один из последних свидетелей беззаботных юношеских забав и безвозвратно ушедшего счастья...

Мало что оставалось у графа Пуантенского на земле.

Однако одна святыня все же была: его родина. Его Пуантен, за который было пролито столько крови, — своей, и чужой. Пуантен, такой дорогой ценой приведенный к миру.

Его Пуантен.

И вставая на путь государственной измены — ибо, каково бы ни было его личное отношение к Нумедидесу, это можно было назвать только так, — прежде всего он рисковал будущим графства. А при мысли о том, какие кары могут обрушиться на его многострадальную родину, если план их провалится и пуантенский сюзерен будет уличен в предательстве, у него темнело в глазах и липкий страх собирался внизу живота.

Он по-прежнему любил Мелани — точнее, память о ней, ибо Марну, нынешнее ее воплощение, любить было невозможно, — любил их сына, плод тайной страсти... но никто из них не стоил крови тысяч невинных пуантенцев. И как ни безгранична была его любовь, он не мог позволить, чтобы другие платили за нее столь высокую цену.

Должно быть, с печальной улыбкой сказал себе граф, это и есть отличительная черта старости. Узда долга, что надежно удерживает страсти в повиновении. И острая саднящая боль там, где узда эта натирает душу...

И все же он послушался Марну. Он составил новый план.

План, в котором основной упор был на неожиданность. И на то, что ни один из новых наемников, взятых Нумедидесом на службу взамен распущенных Черных Драконов, не знал графа Пуантенского в лицо, ибо последние несколько недель тот провел в постели, на грани между жизнью и смертью, никому не показываясь на глаза.

Так что, даже если кто-то из наемников уцелеет, они запомнят лишь какого-то старика, выскочившего им навстречу, — в котором, если Митра смилостивится над ними, никто не признает Троцера. А там уж вся челядь

и домочадцы готовы будут поручиться, что хозяин не выходил за порог дома ни в этот день, ни в предыдущие.

Это было лучшее, что он сумел придумать за столь короткий срок. Оставалось лишь надеяться, что план его сработает. И что рука боевых товарищей графа не утратила былой твердости.

И лишь мысли о Мелани не давали ему покоя.

Как свое собственное — нет, в сотни раз острее, — ощущал он отчаяние, охватившее ее в тот миг, когда она убедилась, что сообщника ее нет в зале суда. Должно быть, она поносит его последними словами, проклинает за лживость и малодушие. Но не ее проклятия так волновали его. Он думал лишь об одном: как разрывается от боли сердце матери, уверенной, что единственный сын ее обречен!

Нет, неудивительно, что так нервничал старый воин перед атакой. Неудивительно, что все внутренности его точно скрутились узлом, и узел этот подступил к самому горлу. И все же, заслышав далеко впереди шаги и лязг оружия, он сумел взять себя в руки.

Еще немного — и он двинется им навстречу.

Аой.

ВРЕМЯ ОТЦОВСКОЙ ЛЮБВИ

Конвой, ведущий заключенных, сошел по узкой полутемной лестнице, готовый углубиться в коридор, что вел в зал королевского суда.

Странно, как мало света здесь было. Точно кто-то намеренно погасил добрую половину факелов... Валерий почувствовал, как, инстинктивно насторожившись, замедлили шаг стражники, как напряглись их спины и крепче сжались пальцы на рукоятках мечей.

И сам он поддался безотчетной тревоге.

Коридор впереди, насколько он мог видеть, был совершенно пустын. В сотне шагов впереди было светлее — там, по обе стороны роковой двери, в которую скоро предстоит ему войти, унижительно согнувшись, насмешливо ярко полыхали факелы, создавая ореол янтарного сияния, и ему невольно вспомнились рассказы воинов, побывавших на волосок от гибели на поле боя, о том, как душа их, отделившись от тела, уносилась вперед по

черному коридору, к свету, манившему впереди. Только им потом некая добрая сила указывала от ворот поворот, поскольку время их еще не пришло...

Валерий сомневался, что тот же Страж встретит его впереди сегодня.

Медленно, в полном безмолвии спустились они по лестнице. Только поскрипывали кожаные доспехи стражников, позвякивала цепь, сковывавшая запястья принца, да сопели натужно стражники, волочившие на себе бесчувственное тело жреца-убийцы.

Они спустились и двинулись по узкому темному коридору вперед, к свету.

Но не успели пройти и пяти шагов, как откуда-то из-под лестницы раздалось щелканье арбалетной тетивы.

Куцые стрелы, рассерженно прожужжав, вгрызлись в тела наемников.

Первому — в спину, второму — в горло.

— Измена! На помощь... — выкрикнул тот, что был сзади, но, сдавленно вскрикнув, тут же замолк — арбалетный болт пробил ему лобную кость.

Валерий успел лишь подумать отстраненно — точно происходящее вокруг, весь этот шум падающих тел, стоны и крики умирающих не касались его совершенно — что едва ли засада увенчалась бы успехом, если бы киммериец остался с ними, а не отправился вперед, в зал суда.

Еще по Хаурану Валерий помнил, что никакая неожиданность не могла смутить северянина, никакая засада — застать врасплох. Он не уступил бы противнику ни пяди...

Хотя против жалаящих стрел даже варвар был бы бессилен.

Однако остальные были обычными солдатами. И один за другим падали, пронзенные смертоносным железом. Все шестеро.

Их расстреляли быстро и бесшумно.

Последними погибли те, что тащили на себе Ораста, и бесчувственное тело жреца рухнуло рядом с бездыханными трупами. Каждого из них Валерий проводил взглядом — и понял наконец, что остался один на один с четырьмя незнакомцами, выступившими из тени.

Они не сводили с него глаз.

Принц ответил им вопрошающим взглядом. Хотя, по правде сказать, его больше всего интересовало, где они наловчились так быстро перезаряжать арбалеты.

Но так или иначе, эти люди стали его спасителями, и, хвала Митре, удача оказалась на их стороне.

Но кто они?

Знакомый голос за спиной заставил его обернуться рывком, и он с трудом удержался от изумленного возгласа.

— Валерий, мальчик мой! Как я рад видеть тебя живым и здоровым!

И шестерым пришлось погибнуть ради этого, едва не ответил он... но вовремя опомнился.

Троцero спас ему жизнь, когда Валерий уже потерял всяческую надежду и отчаяние едва не лишило его рассудка.

Он вытянул вперед скованные цепью руки.

— Я буду счастлив обнять вас, месьюр Троцero. Пусть только кто-то позаботится об этом...

Сноровисто обыскав стражников, один из воинов графа отыскал ключи от кандалов. Мгновение — и оковы с Валерия спали.

Затем принц освободил Ораста.

Лишь теперь он понял, что обморок жреца не был притворством, ибо даже сейчас, обретя свободу, он не пришел в себя. Принцу ничего не оставалось, как взвалить на себя безвольно обвисшее тело. Один из пуантенцев помог ему. Все вместе они поспешили к боковому коридору, торопясь уйти как можно дальше от трупов, оставшихся в галерее.

— Ты должен покинуть дворец, пока ваш побег не обнаружен, — сказал ему Троцero, когда они выбрались во двор замка.

Но Валерий застыл, не двигаясь с места, словно позабыл обо всем на свете, вдыхая полной грудью свежий осенний воздух. Хорошо, что кончились дожди и наступило вёдро. Он посмотрел в синее небо, высокое и холодное, какое бывает лишь поздней осенью, — твердь его рассекал клин журавлей, печально летящий на юг.

Ему как никогда раньше хотелось жить. Сырой каземат, предвкушение холодного лезвия на беззащитной шее, с

которой откинули прядь волос, позор, которому он подвергся — все это показалось далеким и бессмысленным.

И как только мог он прежде придавать значение в возможным пустякам? Как мог не наслаждаться жизнью? Самим правом дышать, говорить, любить наконец...

Он поймал в ладонь желтый лист, улыбнулся белесом солнечному диску на небесах и сжал другой рукой диск, у себя на шее.

— Митра, Податель Жизни, — прошептал он потрепавшимися губами, — благодарю тебя, о Солнцеликий, что ты услышал мои молитвы. Клянусь, что принесу тебе богатую жертву, как только обрету назад свои права, столь подло отнятые у меня! Митра Огнекудрый...

Троцero грубо потряс его за плечо.

— Пора, принц! Время молитв еще не настало! Быстрей! Нам нужно бежать, пока не снарядили погоню!

Валерий нахмурился, как будто что-то вспоминая.

— Нет, граф! Сожалею, но я не могу покинуть Лурд и отправиться в изгнание, не захватив с собой ту, чья преданность сохранила мне волю к жизни! Только благодаря ей я не разможил себе голову о каменные плиты темницы. Только в надежде на грядущую встречу я не напал на охранника, чтобы подставить грудь под его меч...

Троцero побледнел.

— О чем ты говоришь, мой мальчик? Забирайся быстрей вон в ту карету, — он кивнул в сторону громоздкого позолоченного сооружения, запряженного четверкой гнедых, в котором Валерий не без труда признал парадный экипаж своего безумного кузена. — Там мы будем в безопасности, ибо не найдется в Аквилонии смельчака, чтобы остановить повозку с этими гербами на дверцах.

Валерий отрицательно покачал головой.

— Нет, месьор, я никуда не поеду, пока не исполню долг Чести и Любви!

Троцero махнул рукой своим людям, и те быстро скрутили не успевшего опомниться принца, накинули ему на голову черный мешок и затолкали в карету.

Валерий мычал и вырывался, но граф только посмеивался в седеющие усы.

— Ничего, мой мальчик, недалеко тот час, когда ты будешь осыпать меня словами благодарности! Всякий может на время лишиться рассудка от того, что довелось

тебе пережить — но на то и существуют старшие, умудренные опытом друзья... — Казалось, Троцero как нельзя больше доволен собой.

Один из наемников, угрюмый бородач в кожаной куртке, нахлобучил поглубже на свой наголо выбритый череп широкополую черную шляпу, которую пуантенцы прозвали «тележное колесо», и кивнул на распростертого на каменной кладке Ораста.

— А с этим что делать?

Граф, который уже поставил ногу на ступеньку каретной лестницы, задумчиво обернулся.

— Оставлять его здесь нельзя — он все расскажет гвардейцам. Но и брать с собой хлопотно. Приколи его — и дело с концом. Достойная смерть для убийцы короля!

— Все ж лучше, чем когда четвертуют, — согласился бородач и замахнулся мечом.

— Пойдите! — Это Валерий, выпутавшись из мешка, прыгнул к открытой дверце кареты, норовя выскочить наружу. Но сзади его крепко держали руки приспешников графа.

— Не смейте! Я, принц шамарский, приказываю вам остановиться!

Южанин вопросительно посмотрел на Троцero. Тот встретился взглядом с принцем, мгновение помешкал и махнул рукой.

— Ладно, возьмем его с собой. А там решим, что с ним делать...

Бородач согласно кивнул, подхватил жреца, точно куль с мукой, и под смех своих товарищей швырнул в карету. А сам сел на запятки.

— Давай! — крикнул он кучеру.

Тот чмокнул губами, натянул вожжи, и четверка гнедых вылетела в чугунные ворота, украшенные коваными лепестками клевера.

Внутри кареты было тесновато для пятерых. Валерий втянул так и не очухавшегося Ораста на сидение.

Что это за мешок под ногами? Видно, вельможный принц собирался взять с собой на прогулку целый гардероб!

Подумать только! Ему придется бежать из дворца, так и не увидев Релату.

И шамарский принц, стараясь выместить досаду, со злостью пнул продолговатый сверток в изножию, очертаниями напоминавший человеческое тело.

— Куда мы едем, граф? — вызывающе спросил он, еще не остывший после недавней стычки.

Троцero вытер вспотевший лоб тонким батистовым платком. И стряхнул пылинку с кружевного воротника.

— На юг, мой мальчик! Не пройдет и поворота клепсидры, как мы пересечем Хорот и двинемся к Тулушу. Если повезет, то наутро мы уже будем смаковать тонкий нектар, которым так славен Пуантен. У нас там сейчас потеплее, чем в Тарантии, так что, принц, мы с тобой попадем прямо в разгар той поры, когда крестьяне дают вино. Вот увидишь — в моем замке ты почувствуешь себя как дома.

В голосе графа была странная горячность. Он точно желал добавить что-то еще, но молчаливое присутствие солдат сковывало его.

Валерий покачал головой.

— Я от души благодарен вам, граф, за спасение и за то, что вы с такой готовностью предоставляете убежище изгою — но, право, я не могу воспользоваться вашим великодушием. Вы не можете не сознавать, какую угрозу представляет для Пуантена мое пребывание там! Стоит лишь Нумедидесу проведать о роли, что сыграли вы в моем освобождении...

— К Нергалу Нумедидеса!

Валерий с недоумением отметил, как изменилась внезапно речь пуантенца, обычно столь велеречивая и изысканная. Теперь граф говорил по-солдатски отрывисто и коротко, точно отдавал приказы; не чурался и крепких словечек.

Казалось, за нарочитой грубостью речи Троцero стремился скрыть бушевавшие его чувства.

— Право, граф, — попытался он урезонить старого вояку. — Вы достаточно сделали для нас. От лучшего друга едва ли можно было бы требовать большего!

— Но я больше, чем друг тебе, Валерий! — отозвался пуантенец со странным надрывом, но вдруг осекся и добавил почти шепотом, — Умоляю, отправимся со мной в Пуантен. Я все объясню тебе там — ты поймешь...

Принц покачал головой. Настойчивость Троцero пугала его, и он сопротивлялся больше из упрямства.

— Поймите, граф, находиться в Пуантене для меня слишком опасно — и для вас также. Если король Аквилонии узнает о моем местонахождении, провинция будет предана огню и мечу! С моей стороны было бы черной неблагодарностью так отплатить вам за вашу преданность Рубиновому Трону.

Троцero нахмурил брови. Чуть отодвинув занавеску, он выглянул наружу. Они двигались к реке тем самым маршрутом, которым он преследовал Амальрика и Тараска. С тех пор не прошло и пол-луны, а кажется, что это было много зим назад.

Карета свернула в переулок Медников, и граф дал знак, чтобы они остановились.

Троцero открыл дверцу, поморщившись, выбрался наружу и протянул руку Валерию, но молодой принц сделал вид, что не заметил ее и вылез сам, без посторонней помощи.

— Вы что-то желаете мне сказать, граф, так, чтобы не слышали слуги?

Пуантенец кивнул. У него оставалось совсем мало времени, чтобы убедить сына отправиться с ним.

— Ты должен поехать со мной, Валерий! Пойми, король Аквилонии не указ владыке Пуантена! Я давал клятву королю Вилеру, а не Нумедидесу. Отныне Пуантен — вольная держава. И ты, Валерий, стоит тебе лишь пожелать, станешь наследником ее короны!

Яснее выразиться он не мог.

Но каково же было изумление графа, когда в ответ Валерий лишь вновь покачал головой.

— Власть не прельщает меня, Троцero! По крайней мере, в Пуантене.

Троцero почувствовал себя оскорбленным. Мелани, помнитса, говорила ему то же самое...

— Моя вотчина мала для тебя, принц?! Мне она всегда была в самый раз, но, должно быть, у молодых размах иной. Так что же... — Он вздохнул. — Если Пуантен недостаточно хорош — к нему можно присоединить Зингару. А затем и Аргос. Я долго думал об этом, Валерий. Это вполне возможно. И, стоит тебе пожелать...

Принц предостерегающе поднял руку.

— Прошу вас, граф, вы поняли меня превратно! Я отнюдь не пытался оскорбить вас пренебрежением к вашей отчизне. Мне ли не знать о славе Пуантена! Но поймите, я не могу согласиться.

— Но почему?! — Крик это вырвался у Троцero, точно рык раненого зверя. — Почему?

Валерий с недоумением взглянул на него.

— Потому что я не являюсь вашим наследником, граф. И пуантенская знать никогда не примет меня.

— Нет! — Огонь решимости вспыхнул в глазах Троцero. — Ты ошибаешься, Валерий. Они примут тебя — если узнают, что ты мой сын.

Наступило долгое молчание. Валерий сперва решил, что ослышался, и вновь обратился к пуантенцу.

— Прошу простить меня, граф... Мне показалось...

— Нет, Валерий, ты не ослышался. — Теперь голос Троцero звучал твердо, и сомнениям не было места в душе его. — Я поклялся твоей матери, что не выдам нашу тайну — но теперь я вправе открыться тебе...

— Ты наш сын, мой и Мелани, — продолжил он уверенно. — И потому мои нобили не смогут не признать тебя. Ты станешь владыкой Пуантена, мой Валерий!

В душе Троцero ожидал благодарности, возможно даже, слез признательности на глазах принца. Он не был готов к недоверию в его холодном взгляде.

— Ваши слова мне льстят, граф — насколько может польстить человеку известие, что он является не законным сыном своего отца, но лишь презренным бастардом! Однако для такого утверждения надобны доказательства. Боюсь, одного вашего слова мне недостаточно. В таком вопросе я едва ли поверил бы на слово и собственной матери!

Троцero был поражен. Принц, вместо благодарности и гордости за отца, испытывал лишь стыд при мысли, что рождение его оказалось незаконным.

Как далеко это было от того, что воображал себе в мечтах пуантенец!

И все же перед ним был его сын. Его плоть и кровь! Графу казалось, в Валерии он видит отражение себя самого в юные годы, своего упрямства, горячности...

Возможно, на месте Валерия, он отреагировал бы так же!

Приглушив гнев, он произнес как мог спокойно.

— Быть сыном графа Пуантенского, пусть и незаконнорожденным, не такой уж позор, Валерий. Или ты считаешь иначе?

Молодой человек вспыхнул.

— Я не знаю, что ответить вам на это, граф! И повторяю: мне нужны доказательства. Лишь тогда я смогу продолжить этот разговор.

Троцero пристально взглянул на Валерия.

Как может он сомневаться?

Неужто кровь не заговорила в нем, как заговорила в его отце?!

— По счастью, доказать это просто, — ответил граф с отеческой улыбкой. — Существует знак, фамильная черта, что передается всем мужчинам в нашем роду, из поколения в поколение. У меня есть такой. И есть у тебя. Ты, должно быть, видел его не раз — но лишь сейчас узнаешь, что означает эта метка. Под левой ключицей — родимое пятно в форме танцующего леопарда...

Во взгляде Валерия было искреннее недоумение, и тень облегчения примешивалась к нему.

— Прошу простить меня, граф, но у меня никогда не было такого родимого пятна.

— Что-о?!

Ярость и смятение Троцero были так очевидны, что Валерий почувствовал себя неловко.

Что за мучительная сцена! И для чего, Митра помилуй, понадобилось графу затевать этот нелепый спектакль? Неужто у него в Пуантене не найдется кому предложить свой трон?!

Смущенный нелепостью положения, в котором он оказался, Валерий отогнул ворот рубахи, чтобы граф своими глазами мог убедиться в его правоте. Кожа под левой ключицей принца была девственно чиста.

На несчастного графа было жалко смотреть. Из деликатности Валерий отвернулся, давая тому время прийти в себя.

Наконец Троцero взяла себя в руки.

— Я прошу просить меня, Ваше Высочество, хотя допускаю, вы вправе потребовать, чтобы нанесенное оскорбление было смыто кровью, — произнес он натянуто.

Лицо его приобрело пепельный оттенок, в глазах застыла невыносимая мука. Больше всего Валерию хотелось бы утешить несчастного, обнять его... но это было невозможно, после всего, что произошло между ними.

— Забудьте об этом, граф, — вымолвил он сухо. — Я обязан вам жизнью — что может быть превыше этого?! И видит Митра, я почел бы за честь назвать вас отцом.

— Однако ты счастлив в душе, что не являешься моим сыном! — возразил тот с горечью.

Попытка примирения не удалась. Принц понял, что никакие его усилия не смогут вернуть того, что ушло безвозвратно.

— Моя благодарность, граф, не знает границ, — заметил он холодно. — Но я не вправе требовать от вас большего. На этом пути наши расходятся. Я не могу рисковать, чтобы вас заметили в обществе беглецов!

В душе он еще ожидал, что Троцерио станет протестовать, предлагать свою помощь. Он даже готов был принять ее, ибо не мог и представить себе, как выберется из города через кордоны стражников, да еще обремененный Орастом, который не способен передвигаться самостоятельно... Однако его ждало разочарование.

Троцерио взглянул на него с явным облегчением.

— Мне очень жаль, если Ваше Высочество не нуждается более в моих услугах. Однако я буду счастлив помочь еще хотя бы в малом...

Неловким жестом граф потянулся за пазуху, достал объемистый кошелек, и, пряча глаза, протянул его принцу.

Да он попросту хотел теперь откупиться от него! Валерий едва не взорвался. Однако благоразумие взяло верх, и, собрав остатки королевского достоинства, он коротко поклонился пуантенцу, принимая золото.

— Что же, граф, я благодарен вам за помощь. Можете поверить, я не забуду всего, что вы сделали для меня, — проговорил он таким тоном, словно давал аудиенцию в тронном зале, а не стоял в узком переулке, зажатом с обеих сторон закопченными домами с двускатными черепичными крышами.

Троцерио Пуантенский поклонился.

— Тогда и я не осмелюсь более навязывать вам свое общество, принц. В вашем распоряжении останутся двое моих слуг. Они доставят вас, куда пожелаете.

С почти неприличной поспешностью Троцерио Пуантенский кликнул двух других латников. Не прошло и нескольких мгновений, как Валерий остался один, рядом с чудовищным экипажем своего кузена.

* * *

Когда граф Троцерио пытался представить, какие чувства владеют бывшей его возлюбленной, то ошибался лишь в одном. Ярость и отчаяние Марны были в тысячи раз сильнее всего, что он мог бы представить.

Но и без того — кто измерит злобу и решимость, с какой волчица бросается на защиту единственного детеныша?

Проще вычерпать океан.

Встать в одиночку на пути лесного пожара... Вот и те несчастные, что осмеливались недостаточно быстро уступить дорогу митрианке, бесцеремонно проталкивавшейся к судейскому помосту, отлетали прочь, несмотря на давку, точно отброшенные гигантской дланью, лишь наткнувшись на полный ненависти взгляд из-под желтого капюшона.

А тем временем церемония началась.

Ритуал суда был разработан Вилером, — до него никогда в Аквилонии не случалось публичных судилищ. Все разногласия решались местным сеньором единолично и тайно, с привлечением лишь необходимых свидетелей, а иногда и вовсе без помощи оных.

В некоторых провинциях, например, в Тауране, до недавнего времени царил забавный древний обычай, согласно которому выигрывал судилище тот, кто мог привести больше поручителей.

Король изменил все это. Он заявил, что подданные его вправе видеть, как наместник Митры на земле воплощает в жизнь божественную справедливость...

И ритуал носил на себе отпечаток своего создателя.

Покойному королю явно не доставало воображения. Процедура суда не отличалась ни изысканностью церемоний, ни особой пышностью. Все было по-военному четко и строго.

А потому достаточно коротко.

Не дожидаясь, пока приведут подсудимого, старший королевский советник поднялся, чтобы зачитать обвинительный лист.

Здесь было все.

И сношение с силами Тьмы, и всевозможные святоотатства.

И убийства, столь многочисленные, что даже счет им был утрачен, однако убийство венценосца стояло в списке отдельно.

И лжесвидетельство.

И разбойное нападение на дом барона Тиберия.

И соращение девицы благородного рода.

И Митра ведает что еще...

Свиток в руках советника казался бесконечным. Он бубнил монотонно, так что слова слипались у него во рту, превращаясь в неразборчивое бормотание, заунывную молитву, которой не пожелало бы слушать ни одно божество... и зал, сперва жадно внимавший каждому слову, понемногу отвлекся.

Вельможи, не стесняясь, переговаривались между собой. Дамы обмахивались веерами и прикладывали к носу надушенные платочки. Иные неприкрыто строили глазки будущему королю, недвижимо, точно восточное изваяние, восседавшему в огромном кресле на отдельном возвышении в центре помоста.

Простолюдины же, до которых и без того не долетало почти ни единого слова и которым, в сущности, было глубоко наплевать на судьбу какого-то Валерия, о котором большинство и слыхом не слыхивали, пока он год назад не объявился из Хаурана, озирались с любопытством по сторонам и шептались, восторгаясь роскошью королевских покоев.

А поглазеть и впрямь было на что.

Парадный зал королевского дворца, видевший величие сильных мира сего и их падение, был убран позднецветом и можжевельными гирляндами, окропленными медом и воском в честь Великого Митры. Мозаичные панно на стенах, искусно выложенные из искрящихся шаронских самоцветов споровистыми руками безвестных мастеров, живописали бесчисленные картины пиров, охот, сражений, коронаций и венчаний.

Панно разделялись между собой узкими бронзовыми полосками, на которых мерцала тонкая чеканка орнамента, изображавшего Священный Солярный Крест.

В парадном зале было дымно от бесчисленных масляных светильников и курившихся благовоний, пряный аромат которых назойливо щекотал ноздри и дурманил непривычных к подобной роскоши простолюдинов. Им казалось, что не на суд собрались они сегодня, но на празднество. И смерти осужденного они ждали с жадностью, с какой ждут пирующие главного блюда...

Советник на миг оторвался от бесконечного свитка, переводя дыхание.

...И в этот миг женщина в охристом одеянии монахини вскочила на судейский помост.

Время вздыбилось, подобно обезумевшему жеребцу с огненной гривой.

Медленно. Так медленно...

Жрица словно на крыльях взлетела на возвышение. Никто не видел ее еще мгновение назад — и вот она уже здесь, на виду у всех. Никто не понимает, кто она, как здесь оказалась, чего хочет... Но она здесь, перед ними, и несмотря на внешнюю хрупкость угроза и необоримая сила ощущается во всем облике ее.

Она явилась, подобно Огненной Птице Смерти, что уносит в острых когтях своих души людские на суд Солнцеликого. Возникла на помосте среди опешивших судей, сея вокруг сумятицу и хаос.

Одинокая фигура в развевающихся желтых одеждах — и весь огромный зал замер, не в силах оторвать от нее глаз.

И голос ее, полновзвучный и глубокий, донесся до каждого, словно она обращалась к ним ко всем, по отдельности, здесь, совсем рядом.

Но она говорила только с принцем.

— Встань, Нумедидес, сын проклятого Серьена! — провозгласила она, и он оцепенело поднялся ей навстречу. — Ответь за преступления свои!

Принц Нумедидес немая смотрел на ее руки.

Где-то он видел их. Эти ладони — сухие, сильные, с длинными пальцами, на кончиках которых загибались длинные ногти.

Но где? Где это было?

Он вспомнил, и сердце его болезненно сжалось.

— Марна, — прошептал он еле слышно. — Ведьма в кожаной маске...

— Да, ты узнал меня, — величаво кивнула жрица. — Пришел миг молиться Нумедидес! Молись, проси тех, в кого веруешь, даровать душе твоей покой. Ибо пришел час расплаты!

Медленно, в каком-то дремотном недоумении, он шагнул к ней. Страх в его зоре сменился опустошением.

— Кто дал тебе право обвинять владыку Аквилонии, несчастная? И как смеешь ты прерывать королевский суд своими лживыми измышлениями? Прочь отсюда! Прочь, пока я не приказал гвардейцам высечь тебя плетью или не спалил тебя на костре за занятия чернокнижием!

Она лишь расхохоталась в ответ.

Зал был мертв. Застыли придворные. Затаили дыхание простолюдины, уверенные, что стали свидетелями новой, недоступной их пониманию дворцовой церемонии. Челядь, стражники, — все замерли, раскрыв рот, трепеща от ужаса и восторга, больше всего опасаясь пропустить хоть жест, хоть звук из того, что происходило у них на глазах.

— Боги дали нам право, — провозгласила она торжествующе.

И откинула с лица покрывало.

Вид, открывшийся тем, кто стоял перед ней, должно быть, был страшен, ибо советники, вскочившие перед тем с мест, готовые схватить дерзкую митрианку, отшатнулись в стороны, точно от зачумленной, одни отвернулись, другие, побледневшие, упали в кресла, не в силах отвести от лица женщины помертвелого взгляда, третьи заозирались по сторонам, словно бы в поисках подмоги, однако в движениях их не было осмысленности, а была лишь слепая паника...

— Боги дали нам право, — повторила она торжественно, и голос ее был подобен медной трубе, призывающей мертвецов с последнего поля боя, где должен Митра в Последний День встретить войска Черного Сета.

— Они повелели нам призвать тебя к ответу. И спросить, как посмел ты предать их, отвергнуть Веру отцов?

Как посмел повернуться к Звероликим, низринутым демонам, чье имя — проклятие для живущих?!

Не дожидаясь ответа, дочь Хагена взмахнула руками. Желтое покрывало, окутывавшее ее плечи, взметнулось над головой монахини, вырвалось из пальцев и поплыло вперед шафранным облачком, не падая на пол.

Толпа сдавленно ахнула.

— Взгляни на наше лицо, лживый пес! — крикнула она. — Взгляни и вспомни его, чтобы знать, кого благодарить, за то, что, оборвав нить твоей презренной жизни, мы спасли тебя от новых бесчинств!

Принц не мигая уставился в лицо колдунье. Их глаза встретились — темные зрачки Нумедидеса, застывшие точно пойманные в силок птицы, и незрячие бельма ведьмы.

Не выдержав этого мертвого взгляда, он отшатнулся, закрывая рукой лицо.

— Дочь Хагена, — прошептал он цепенеющими губами. — Дочь Хагена восстала из могилы, чтобы отомстить за своего сына!

Машинально Нумедидес отшагнул назад, — но наткнулся на возвышение, где стоял его трон, оступился и застыл на месте, не сводя зачарованного взгляда с рук ведьмы, что выдвигали над повисшим платком замысловатые пассы, оставляя в воздухе пламенный след.

И внезапно ткань вспыхнула.

Выгнулась дугой.

Разом потухли мириады костров, очагов и светильников по всей Хайбории, отдав свою энергию зловещему клинку возмездия.

Огненный полумесяц взмыл и медленно поплыл в сторону принца...

Нумедидес помертвел.

Рдяный Серп Зандры — сгусток адского пламени, от которого нет спасения!

Глаза Нумедидеса в ужасе расширились. Пот стекал по лицу. Губы шевелились в немом призыве. Он вытянул вперед руки...

Охранное поле Звероликих вздыбилось, словно парус от порыва ветра, и воссияло черным светом.

И огненный полумесяц, едва коснувшись этой чужеродной Мощи, разбился вдребезги, полыхнув снопом бес-
сильных, мгновенно гаснущих искр.

Бог-Олень не оставил своего ничтожного слугу!

Из глотки принца вырвался полуторжествующий-полустрадальческий вопль, подхваченный залом. Казалось, все они слились воедино, принц и его двор, превратились в одно многоликое существо, противостоящее общей угрозе. Это на них на всех и каждого в отдельности нападала злобная ведьма, их стремилась уничтожить черным колдовством, и они готовы были сообща встать у нее на пути.

Каждый с радостью отдал бы в этот миг жизнь за принца. Каждый отдавал ему частичку своей силы...

И, словно ощутив их поддержку, Нумедидес захохотал.

— Я раздавлю тебя, исчадие Тьмы! Раздавлю, словно ядовитую сколопендру, и отправлю в Преисподнии, из которых ты выползла! Ничто не может противостоять силе Древних Богов!

Мертвое лицо Марны зияло белыми бельмами.

— Мы будем там вместе, Принц-изменник. Принц-отступник! Принц-убийца! Тебе не бывать королем Аквилонии, и тем, кому ты служишь, недолго осталось торжествовать победу!

Алое сияние окутало ее целиком, возникнув где-то на уровне горла и распространившись мгновенно по всему телу, точно окутал ее огненный полог, почти скрывая очертания фигуры.

Она шагнула к принцу.

Огненный полумесяц вновь соткался из пустоты.

На далеких островах тухли Огненные Горы, застывала лава, падали густые хлопья пепла.

Принц попытался отступить — но трон надежно преграждал дорогу к бегству. И ему не оставалось ничего другого, как двинуться ей навстречу.

Вершители правосудия давно разбежались, и они остались на помосте вдвоем, подобно актерам на сцене, представляющим странное, замысловатое и пугающее действо, за которым зрители следили, затаив дыхание.

Но на сей раз это было реальностью.

Рука Нумедидеса судорожно шарила по бедру, ища и не находя меч, который, по традиции, в начале церемонии ему пришлось снять с себя и передать сенапшало.

Хотя чем помог бы ему меч?

И мысль эта внезапно наполнила его ужасом.

Он внезапно понял, что второго удара Рдяного Серпа его защита может не выдержать. Никто не ведает, кто из Бессмертных могущественнее, и ему меньше всего хотелось проверять их силу на себе.

Трясущимися губами Нумедидес прошептал:

— Изыди, именем Цернуноса! Изыди...

Но имя его Покровителя лишь сильнее разъярило колдунью. Алое сияние вспыхнуло ярче.

Язык полумесяца развернулся для нового удара.

— Помогите мне, о Звероликий! Помогите, Бог-Олень, своему сыну! Приди, Цернунос!

Внезапно он ощутил толчок изнутри.

Сердце дрогнуло испуганно-радостно. Так бывало всегда, когда Повелитель откликался на зов.

Когда сила его начинала течь вольным потоком по жилам, переполняя все существо, когда исчезали пределы, не существовало границ и не было более ничего невозможного.

— Цернунос!!!

Ведьма нанесла еще один удар. Адское лезвие вонзилось в черный полог.

Мерцающее поле вокруг тела принца заколебалось.

Алое сияние запульсировало сильнее.

Местами оно уже касалось принца, и в этих местах одежда его вспыхивала и принималась тлеть, и чудовищный жар обжигал кожу.

— Аквилонии не бывать вотчиной Древних, и тебе, пес не сидеть на троне Дракона!

— Нет! Именем Цернуноса, нет!!!

Сила прибывала все стремительнее, безудержный напор снес последнюю плотину, удерживавшую ее в прежних границах, и теперь не оставалось ничего человеческого в теле и сознании принца.

Серп Зандры изогнулся для последнего удара.

Где-то сгорели кометы и погасли звезды.

Но перед багровым лезвием стоял уже не сын маркграфа Серьена.

Теперь его глазами на колдунью смотрел сам Цернуннос, Повелитель Леса.

И взгляд его был ужасен.

Это он скалился хищно, не сводя глаз с фигуры, обьятой алым. Это его руки протянулись, не замечая ядовитого пламени, к самому ее горлу.

В последний миг она, казалось, осознала опасность. Попыталась отпрянуть — но поздно.

Чудовищные пальцы мертвой хваткой сомкнулись у нее на горле.

Из последних сил она попыталась сопротивляться. Посиневшие губы прошептали заклятье, и Рдяный Серп сверкнул с новой силой, проглотив обе фигуры, почти скрывая происходящее на помосте от зачарованных зрителей, — но мгновенно огонь начал опадать.

Со стороны казалось: женщина в багровом варварском наряде сморщивается на глазах, усыхает, уменьшается, тогда как фигура принца делается непомерно огромной, почти под потолок, угрожающей, победительной.

Руки его стискивали горло жертвы.

Она еще пыталась сопротивляться, но уже слабее, слабее... и у людей в зале перехватило дыхание, точно божественные длани перекрыли воздух и им также, и не было сил ни вздохнуть, ни закричать.

— Цернуннос! — продолжал звать принц с лицом, искаженным безумием. — Приди, Цернуннос! Приди! Защищи твоего слугу!

Принц и колдунья застыли, точно две змеи в сплетенных объятиях.

Точно медведь и олень на старинном гобелене.

Невозможно было понять, кто держит кого... кто из двоих одолевает...

Внезапно из глотки Нумедилеса вырвался торжествующий трубный вой, руки его конвульсивно сжались, и ведьма забилась в предсмертных судорогах.

— Умри, ничтожная! — взвыл принц. — Умри!!!

Рдяный Серп Зандры зашипел, словно на него плеснули водой.

Повалил густой пар.

...Алое сияние померкло не сразу. Подобно воде, оно стекло по оседающему телу, растворившись в густой крови, хлынувшей у ведьмы изо рта. Изуродованное лицо исказилось еще сильнее, и ужас запечатлелся в этой маске смерти. Губы шевельнулись, точно тщась прошептать какое-то имя, тень узнавания мелькнула во взгляде.

Но глаза ведьмы закрылись.

Марна была мертва.

* * *

Принц Валерий в растерянности огляделся по сторонам.

Куда же он двинется теперь?

Изгой, объявленный вне закона. Опальный принц, которому не кинет корки даже нищий. Отныне все пути закрыты для него.

Вернуться во дворец? К Релате? Нет! Слишком опасно. К тому же, что может он предложить девушке? Вот когда он найдет себе приют, обретет прежнюю власть и богатство...

Не время сейчас думать о красоте. Пусть подождет его подольше. Докажет свою преданность...

Но куда же направить стопы? Столь вожденная воля внезапно показалась принцу тягостнее любого ярма.

Он готов был впасть в отчаяние — ибо видел теперь, что свобода лишь поманила его, посмеялась, даровав обманчивое счастье на миг, и тут же готова была лишить его.

Скоро на поиски бросятся стражники...

Внезапно до ушей его донесся сдавленный стон.

Бородач на козлах невозмутимо заметил:

— Похоже, очухался ваш дружок, месьор! Прикажете вытащить его наружу?

— Нет, я сам подойду к нему!

Он запрыгнул назад в карету и притворил дверцу.

Ораст, доселе недвижимо обвисший на обитой бархатом лавке, слышав шаг Валерия, поднял голову, озираясь по сторонам.

— Что со мной было? — пробормотал он в полном смятении. — Где я?

Он вновь пришел в себя. И этому, понял жрец, могло быть лишь одно объяснение — проклятая ведьма мертва!

А со смертью колдуньи рухнули и наложенные ею чары. Он был свободен!

Выслушав рассказ принца об их чудесном спасении — почему-то у Ораста возникло впечатление, что тот чего-то не договаривает, но он не стал допытываться — юноша сразу понял, что надлежит предпринять. Точно некий тайный голос подсказывал ему!

Он с усмешкой превосходства взглянул на растерянно озирающегося по сторонам шамарца.

— Не бойтесь ничего, месьор. — Тот словно и не заметил его покровительственного тона, или принял это как должное. — Можете мне поверить, что побег наш до сих пор не обнаружили. И пока у нас есть шанс выбраться из Тарантии незамеченными.

— Но куда могут двинуться убийца короля и опальный принц?

Ораст застыл на миг, прислушиваясь к тому, что говорил внутренний голос.

— Мне кажется, нам стоит отправиться в Амилию! Лучшего укрытия невозможно и придумать. Там никому и в голову не придет нас искать. Первое время мы сможем укрыться в лесу, в бывшем жилище Марны. Теперь, когда ведьма мертва, нам нечего бояться...

Хоть бы поверил, взмолился жрец про себя. Хоть бы согласился и приказал повернуть лошадей! Ведь там, в лачуге мертвой ведьмы, осталась Книга, ради которой он вынес столько мук. Он не может продолжить путь без нее. Без нее он не мыслит жизни!

Скрижаль Изгоев.

И пусть он по-прежнему не будет понимать ее письмен. Пройдут зимы, и он кропотливо, слово за словом расшифрует древний труд...

Он с надеждой обернулся к принцу. Глаза Валерия вспыхнули.

— Друг мой, ваша уверенность вернула мне силы. Амилия! Если ворожея и впрямь мертва — можно ли измыслить убежище лучше?

Впервые он обратился к Орасту почтительно, как к равному, и жрец с удовлетворением отметил это. Первый шаг сделан. Но придет еще тот день, когда надменный

шамарец склонит пред ним голову и назовет своим господином... Это будет миг его торжества!

Но вслух он сказал лишь:

— Тогда не будем медлить, месьор. Иначе мы можем и опоздать.

* * *

Душа королевы-колдуньи простилась с телом.

Оторвавшись от брэнной оболочки без тени сожаления, воспарила она над залом, оглядывая пестрое сборище застывших в изумлении вельмож и слуг. Пораженные, взирали они на помост, где корчился в охвативших его судорогах принц Нумедидес и лежало, брошенное, ее мертвое тело.

Ей больше нечего было делать здесь.

Огненноперстый Страж Горних Врат уже звал ее ввысь, туда, где у входа в Небесный Чертог небожителей новопредставленной должно узреть весы, что измерят добрые и дурные деяния, совершенные ею при жизни. Куда склонится стрелка весов, туда и надлежит отправиться душе — и потому Марна пока не торопилась вверх.

Ибо оттуда предстояло ей падение стремительное и страшное.

Но у нее было еще время.

Время окинуть взором, от которого теперь ничто не могло укрыться, весь дворец, и отыскать Валерия.

Ее сын был свободен! Это первое, что она поняла.

Если бы души могли проливать слезы, должно быть, Марна — впрочем, нет, теперь она наконец вновь стала Мелани — разрыдалась бы.

Но, увы, это было ей недоступно.

Она отыскала Валерия, трясущегося в позолоченной карете с гербами на дверцах. Ораст был с ним, и по тому, как он тер глаза, колдунья поняла, что смерть ее освободила жреца от заклятия. На миг это испугало ее, но тут же она поняла, что страхи ее беспричинны. Жрец-отступник не мог больше причинить никому вреда.

Так пусть теперь станет верным сторожевым псом ее сына!

Желая убедиться в том, что сын будет в безопасности, она проследила путь кареты из города. Стражники у ворот,

признав экипаж нового владыки, пропустили его без до-
смotra.

Возница хлестнул лошадей, и повозка повлекла свой
тайный груз прочь от Тарангии, проклятого места, где
поселилось Древнее Зло.

Подобно всем душам недавно умерших, взору Мелани
отныне было доступно многое из того, что сокрыто от
живых. И потому она с невольным трепетом смотрела на
большой тюк, брошенный слугами на пол кареты, на
который сын ее так небрежно поставил ноги.

Там покоилось тело Релаты Амилийской.

Тело обезображенное, распухшее, оводневшее в одно-
часье, с костями, обратившимися в студень, когда яд
проник в ее кровь.

Тело, не заслужившее оплакивания и погребения.

Мелани с содроганием думала о том, что станет с
Валерием, доведись ему узреть, во что превратилась его
былая возлюбленная. Всеми слабыми силами, доступ-
ными ей после смерти, постаралась она отвести глаза
обоим юношам. По счастью, те были слишком возбуж-
дены вновь обретенной свободой, чтобы замечать что-то
вокруг себя.

Мелани поняла, что они движутся к ее прижизненному
убежищу в амилийском лесу, и мысль эта наполнила ее
радостью. Все было именно так, как хотелось бы ей!

Она с жадностью взглядывалась в черты принца, от-
крывшиеся ей наконец при солнечном свете.

Ее Валерий — наконец она *видела* его лицо.

Как похож он на своего отца!

Волосы короля Хагена, его орлиный взор, его повадки.
Поразительно, как слепы могли быть люди, чтобы не
заметить этого сходства!

А глупец Троцero еще мнил мальчика своим...

Сейчас она даже готова была простить Хагену то, что
сотворил он с ней тридцать три зимы назад, когда силою
овладел родной дочерью, презрев все законы божеские и
человеческие.

Валерий был плодом этой кровосмесительной связи.

Неудивительно, что отец так настаивал, чтобы она
погубила младенца. Но Мелани скорее была готова убить
его самого.

Никто не мог безнаказанно поднять руку на ее сына!
И Нумедидес, осмелившийся сделать это, умрет.

Пусть не сегодня. Сила Бога-Оленя оказалась слишком
велика, чтобы колдунья могла противостоять ей в оди-
ночку.

Пусть!

Но заклятье, наложенное ею на принца тридцать зим
назад, по-прежнему венцом смерти лежит у него на челе.
И никакому Цернунносу не под силу отвести неизбежное.

Став королем, Нумедидес подпишет себе приговор.

И тогда трон Аквилонии будет свободен. И сын Хагена
возьмет то, что принадлежит ему по праву!

Мелани могла лишь надеяться, что даже из глубин
Преисподни, где предстояло страдать ее душе, она сможет
хоть краем глаза узреть судьбу, ожидающую проклятого
принца. Отодвинуть завесу тайны, краешек которой ей
удалось приподнять, когда она смотрела в Зеркало Гря-
дущего.

С тихим вздохом душа ведьмы устремилась ввысь.
Земной путь ее был завершен.

Правосудие Неба призывало ее.

Но когда она поднялась над городом и окинула про-
щальным взглядом мир, который покидала навеки, страх
объял ее, и душа Мелани затрепетала, подобно листку на
ветру.

Она бессильна была что-то изменить.

Не могла даже помочь. Предупредить о грозящей опас-
ности...

Огненноперстый Страж подхватил не в меру задержав-
шуюся на земле душу.

Отныне, сказал он ей, дела смертных закрыты для нее,
и надлежит обратить свой взор наверх.

Но Мелани-Марна осталась глуха к его увещаниям.
Она помнила лишь ужасное зрелище, что открылось ей.

Вдалеке, у самой кромки окола, там, где темнела
синяя полоса Валонского леса, выросла, раздвигая вековые
дубы, огромная фигура Бога-Оленя.

Рога его задевали небо.

От шагов его содрогалась земля.

И он шел напрямик к Тарангии.

Аой.

ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

Земля содрогалась. Волны ужаса перекачивались по тверди, точно по глади морской, ибо господин ее и повелитель, пробудившись ото сна, вышел на Великую Охоту.

Гнулись вековые дубы, ломались, словно лучины, сосны и ели. Низкие облака разлетались в стороны, подобно птицам, завидевшим черную тень коршуна. Казалось, северный ветер сметает с деревьев остатки листвы, вздымает с земли огромные тучи валежника, выкорчевывает пни, чьи комли простираются до центра земли, гонит против течения воду в реках, выплескивает на сушу озера. Но то был не ветер, а дыхание Древнего Бога, Владыки Лесов Цернунноса. Падали гнезда, птицы со всполошенным граем тучами вздымались в застывшее свинцовое небо. Живая лавина струилась по земле — медведи и рыси, волки и лисы, барсуки и белки. Все, кто только мог двигаться, бежали, вздыбив шерсть, поджав хвосты, прижимая уши, припадая брюхом к земле и оглашая мрачный лес жалобным воем. Трава тщилаась вырваться с корнем из почвы, расползлись в стороны, попрятаться в норы, подобно змеям, лишь бы не попасться под чудовищные копыта. Воздух свертывался подобно скисшему молоку, и дождь тек вверх.

Все живое расступалось перед Богом-Оленем, ибо в гнев и ярости шагал он по владениям своим, и не было от него спасения.

* * *

В тарантийском дворце воцарился переполох.

Людская стихия, мгновения назад смиренная, оцепенелая, окаменевшая от ужаса, внимавшая происходившему затаив дыхание, враз ожила и накатила разноцветным валом на серебряные двери, ведущие к выходу.

Вельможи и простолюдины, купцы и ремесленники, гвардейцы и придворные дамы мчались прочь, словно стая крыс, бегущих от наводнения. Они бормотали молитвы, судорожно жестикулировали, надеясь отогнать демонов, вопили, брызгали слюной, пихали друг друга, царапались, хватались за мечи, стонали и сквернословили.

Парадный зал королевского дворца, видевший величие сильных мира сего и их падение, тот, что убран был позднецветом и можжевельными гирляндами, окропленными медом и воском в честь Великого Митры, трещал от натиска беснующегося людского моря.

Нумедидес с презрением смотрел на толпу, обуянную паникой, и взгляд его был насмешлив.

— Куда вы, благородные месьоры, — лукаво бормотал он, — куда же вы? Служители Тьмы низринуты, враги короны повержены и втоптаны в прах. Аквилония свободна от скверны, и сила новых богов будет править здесь этныне!

Но никто не мог услышать его, даже кричи он во все горло. Шум в огромном зале не стихал. Принца не замечали. С выпученными глазами люди штурмовали закрытые двери, возле которых стояли невозмутимые гвардейцы со скрещенными алебардами. Королевский суд еще не кончился, и никто не должен был покидать эти стены без разрешения венценосца.

Нумедидес повернулся к единственному человеку, который не потерял голову во всеобщем безумии.

— Утихомирь этих глупцов, — повелел он гневно.

Конан-киммериец, капитан его личной гвардии, стоял у принца за спиной, с невозмутимым прищуром оглядывая гудящую толпу.

Когда жрица-колдунья вскочила на возвышение, он один бросился на помощь принцу — но меч его оказался бессилен преодолеть магическое кольцо, которым окружил себя и свою жертву ведьма. Раз за разом клинок киммерийца ударялся о стену огня, выросшую вокруг них — но тщетно.

Преграда рухнула лишь со смертью колдуньи.

Теперь же, поймав на себе подчеркнуто отстраненный взгляд Нумедидеса, варвар понял, что это всего лишь маска, а в душе принц столь же испуган, так же как и те, внизу. Глаза принца напоминали ногти покойника.

Только что неведомая сила защитила его от неминуемой гибели. Должно быть, он уже прощался с жизнью. Хорошо еще, у него достает сил держать себя в руках, как подобает мужчине. Иной на его месте так и остался бы стоять с выпученными, точно у рыбы, глазами, хватая этот воздух. Где уж тут овладеть беснующейся толпой!

Киммериец с насмешкой посмотрел на своего работодателя.

— Ты хочешь, принц, чтобы я утихомирил это стадо? — поинтересовался он — Изволь, я могу покричать! Воздуха в легких у меня на это хватит. Но может, лучше приказать открыть двери? Через полклепсидры они успокоятся и сами прибегут сюда, вилять хвостом перед грозным взором своего господина!

Нумедидес, не почувствовав издевки, махнул рукой.

— Ты прав, варвар! Эти ничтожные черви сейчас ни на что не способны. А королевский суд должны вершить здравые умы. Крикни стражникам — пусть отворят створки!

— Открыть двери! — громовым голосом рявкнул Конан. Несмотря на шум, его было слышно в самых дальних уголках зала.

Стражники молча разомкнули алебарды. Двери распахнулись.

И странно — толпа мгновенно притихла, точно пес, покорно замирающий у ноги хозяина. Все, как один, обернулись к могучему синеглазому воину в буром плаще.

А голос киммерийца звенел сталью.

— Его Высочество принц Нумедидес приказывает вам разойтись! Зло побеждено! Ничто не угрожает вам больше! Ступайте прочь!

Толпа замерла. А затем, покорно, точно овцы, следующие за вожаком, вельможи и простолюдины, купцы и ремесленники, гвардейцы и придворные дамы побрели к выходу.

И вскоре в зале не осталось никого.

Испуганные слуги долго не осмеливались подойти к павшей колдунье, но наконец, понукаемые киммерийцем, дрожа подчинились и вынесли из парадного зала мертвое тело.

И швырнули его, как было велено, дворовым псам.

Но собаки разбежались в стороны, дрожа мелкой дрожью, из пастей закапала слюна, а затем разом взвыли, вскинув узкие оскаленные морды.

И труп Марны остался лежать на камнях, обращенный изуродованным лицом к безучастному Небу.

Лишь тогда один из наемников Конана осмелился приблизиться к командиру и, запинаясь, доложить об

ужасной находке, сделанной в коридоре, ведущем к парадному залу.

Шесть трупов их товарищей по оружию были найдены там, сраженные неведомыми злоумышленниками. Арбалетные болты торчали в их телах, разметанных по коридору. Преступному принцу и его злодею-сообщнику удалось бежать, воспользовавшись поднявшейся паникой.

На скулах северянина заходили желваки. Он едва удержался, чтобы не ударить солдата, принесшего дурные вести, но вовремя опомнился. Парень ни в чем не виноват.

Кишки Нергала! В этом проклятом городе он потерял уже больше людей, чем в иных местах за две зимы!

Или Аквилония и вправду проклята богами?

Вернувшись к Нумедидесу, он коротко доложил ему о случившемся.

Принц взбеленился. На губах его выступила пена. Казалось, с ним вот-вот случится припадок, он рухнет на пол и забьется в корчах и судорогах.

— Будь он проклят! Проклят! — хрипел Нумедидес.

Глаза его налились кровью, жирные белые пальцы судорожно сжимались и разжимались, шевелились, точно копошащиеся в навозе черви. Он был страшен в этот миг.

— Кто?! — выкрикнул он, и гулкое эхо откликнулось в опустевшем парадном зале.

Кто? Кто? Кто?..

Но вопрошать о том не имело смысла. Узники бежали — и кто-то должен был поплатиться за это. С перекошенным от ярости лицом Нумедидес обернулся к Конану.

— Это ты дал ему убежать! Я уничтожу тебя! Сотру в порошок!

Киммериец взглядом ледяных глаз охватил скорчившуюся от ярости фигуру принца. Он уже собрался ответить ему длинной вереницей замысловатых ругательств, швырнуть под ноги перевязь с его гербом и, пнув на прощание эту жирную тварь, уйти прочь, как внезапно распахнулись двери в зал, и с десятков воинов ворвалось внутрь.

Потные, всклокоченные, запыхавшиеся, они являли жалкое зрелище. Цепкий глаз Конана мгновенно увидел, что по дороге добрая половина из них растеряли свои алебарды, и он неодобрительно покачал головой.

Кром! Что же творится в этой стране? И это отборная тарантйская рать! Да если бы его наемники посмели предстать перед ним в таком виде, он, не колеблясь, свернул им челюсти, а затем выгнал прочь. Не дав на дорогу ни медяка!

Принца обуревали схожие чувства. Он побагровел, жилы на его лбу надулись, грозя разорвать серебряный обруч, украшенный эмалью. Он вскочил, в ярости отшвырнув тяжелый резной стул.

— Как вы посмели ворваться в королевские покои, псы?! — Он уже не говорил, а почти визжал, брызгая слюной. — Кто дал вам право...

Гвардейцы как один человек рухнули на каменные плиты. Но взгляды их были обращены не к принцу, но к рослому северянину, стоящему у того за спиной, чья могучая фигура являла собой воплощение силы и царственного достоинства.

— Месьор, взгляните наружу! — крикнул ему один из стражников. — Мы бежали от самых Западных Ворот, чтобы предупредить вас... К Тарантии приближается огромный демон. И скоро будет здесь!

Конан кинулся к высокому остроконечному окну и с шумом распахнул цветные витражные створки.

Над пестрым морем черепичных покатых крыш, украшенных затейливыми флюгерами, вздымались чудовищные белые рога.

* * *

Цернуннос, Бог-Олень, древний правитель страны Валузии, вышел из леса.

Рдяные бельма его глаз воспринимали мир иначе, чем видят люди, и даже демоны, но Звероликий не мог не видеть, насколько изменилась его вотчина за время, пока длился его сон длиною в тысячу зим, и перемены эти были не по вкусу ему.

Как мал сделался его лес. Как ничтожен!

Чащоба, что тянулась прежде насколько хватало глаз, так что редкие просветы, встречавшиеся на бесконечной зеленой глади, подобны были островкам в безбрежном океане, ныне сузилась, сжалась испуганно перед натиском смертных.

Железом и огнем теснили они леса, рубили деревья, убивали диких слуг Цернунноса и даже братьев его, оленей. Изгнав древних своих покровителей, приносили они ныне жертвы иным богам, прежних же забыли и имена.

Такое уже случалось однажды — и жестоко раскаялись эти черви в своем безрассудстве.

Долго терпел Цернуннос. Пытался быть милостив к неразумным, что ползают по тверди земной, подобно кровососам в его густой шкуре, или личинкам на трупке мертвой птицы, и век их так же скоротечен и жизнь лишена смысла... Он даже дал часть силы своей одному из них, дабы тот вразумил своих забывчивых собратьев и миром вернул их на прошлые, истинные пути.

Но людишки оказались слишком глупы. Они не желали приветствовать повелителя. И, сколько ни ждал Бог-Олень в чащобе, не приползли к нему коленопреклоненные жрецы с чашами дымящейся крови, не бросили на забытые алтари еще теплые сердца, вырванные заживо из груди жертв, не размазали по камням их мозг.

Долготерпению Оленя пришел конец.

И когда Сын, которому дал он силу, ибо тот пробудил его ото сна, воззвал к нему, Цернуннос поднялся из чащи.

Он шел, дабы потребовать то, что принадлежало ему по праву.

Он шел, и земля содрогалась под его шагами.

Там, где вонзались копыта Бога-Оленя, появлялись колодцы. Но вода в них была ядовита.

Там, где падала с него шерсть, вырастал чертополох и молочай.

Где помочился он — стала земля бесплодна на трижды по десять зим вперед.

А куда бросал он взор — обмирало все живое.

Три деревни были на пути его, и были разорены.

Стены хижин трещали под стопами Звероликого, и рушились с грохотом, и пыль взмывала столбом там, где еще мгновение назад было жилище людей.

Рогами срывал он крыши.

Когтями крушил стены.

Скот разбегался при появлении Лесного Бога, с истошным мычанием, блеянием, хрюканием, снося изгороди и ограды. И его хозяева, обезумев, неслись вслед за животными, не видя ничего вокруг себя, спотыкаясь и

падая на четвереньки, ибо все человеческое покидало их. Но острые копыта втаптывали несчастных в грязь, не различая людей и скот, и хрустели хребты их, и головы лопались, точно перезревшие плоды, и мозги и кровь окропляли черную землю.

Трубный олений рев оглашал долину.

Трубный олений рев, победный, торжествующий, доносясь до стен Тарантии.

И содрогнулись стены.

* * *

Конан слышал, как вое вдали чудовище. Никогда прежде ему не доводилось слышать ничего подобного. В крике его звучали тысячи труб, слышался рык тысячи барсов, истошные вопли тысячи разъяренных фурий. Вслед за стражниками он выбежал из парадного зала Лурда, оттолкнув в сторону вцепившегося ему в плечо Нумедидеса. Принц еще вопил что-то ему вслед, пытаясь остановить киммерийца, но Конана было не удержать. Крики принца о грозном божестве, что идет принимать во владение свою древнюю вотчину, о божественном гневе и милости, показались ему бредом безумца. Должно быть, и вправду, сражение с бесноватой колдуньей повредило рассудок правителя.

Вой чудища доносился все отчетливее, и киммериец понял, что тварь уже приблизилась к городским стенам. Вбежав на конюшню, он вскочил в седло первого же попавшегося жеребца и, оттолкнув конюха, пытавшегося задержать его, во весь опор ринулся к воротам дворца.

Оглянувшись, он увидел, что еще несколько воинов из его отряда последовали за ним.

— Лучники! Лучники за мной! — прогремел Конан, проносясь мимо казарм.

Он видел, как устремились за ним солдаты, на ходу подхватывая тяжелые луки, цепляя колчаны со стрелами. Вскоре следом за киммерийцем уже скакал небольшой отряд.

Здесь не было никого из тех, с кем он впервые пришел в Тарантию, и Конан знал, что, когда бой будет окончен, сердце его будет скорбеть о павших товарищах. Они стали ему ближе, чем братья, за эти дни. Опасности сблизили

их. Но теперь все они были мертвы. Невус и Жук пали от руки проклятого немедийца — он еще почитается с этим псом! — а вскоре и Немой последовал за ними, пытаясь схватить беглеца на крыше галереи.

Остальные его парни были среди тех, кто конвоировал принца Валерия в зал суда.

Подумать только, совсем недавно врата аквилонской столицы распахнулись перед их отрядом. Сам он ехал впереди, а чуть поодаль гарцевали его братья по оружию. Он жестко усмехнулся. Воля Небес неисповедима! О чем думали эти боги, когда спасали его товарищей из лап трольха, от жара огненных демонов, от стрел и мечей амилийских колдунов? Стоило ли Бессмертным брать на себя тяготы спасения этих грешных душ, чтобы потом умертвить их одного за другим... Он вспомнил, как некоторые из них возносили молитвы Митре, и нахмурился. Горькая складка залегла между бровей.

Зачем нужны такие боги? Стоит ли попусту тратить слова на бессмысленные молитвы и окроплять их алтари соком и медом, как это делают в Аквилонии. Куда честнее его Кром, Владыка Могильных Курганов. Тот хотя бы ничего не обещает своим сыновьям, наполняя их сердце храбростью и давая в руки меч.

Трубный рев заставил задрожать землю. Со стены ближайшего дома оторвался пласт штукатурки и рухнул на мостовую, рассыпавшись в мелкую белую пыль. Конь под Конаном встал на дыбы. Киммериец железной рукой осадил обезумевшее животное.

Как тихо на улице! Люди попрятались по своим домам и закрыли ставни. Глупцы, они и не подозревают, что неведомый демон сокрушит их жалкие убежища, словно вязанки хвороста.

Как все же тяжел воздух во дворце! Воздух интриг, предательства и подлости. Взять хотя бы его нанимателя, принца Нумедидеса. С каким бы удовольствием придушил он эту жирную жабу! Ничего, рано или поздно он все равно сделает это. Конан представил, как будет корчиться этот слизняк, когда почувствует на своем белом горле его железную хватку, и ему полегчало.

Но кто же проткнул его парней арбалетными стрелами, словно вертелами — кур. Конан не мог даже предположить, чья это работа, но отныне все теплые чувства, что

питал он к аквилонскому принцу, испарились, и глухая ненависть заняла их место. Шамарец стал причиной гибели его друзей! И со временем сполна заплатит за это.

Таких долгов варвар не прощал никогда.

Но сейчас было не время для скорби или планов отмщения.

Чудовище приближалось к Тарантии.

Когда их отряд добрался наконец до городской стены, они увидели, что опоздали.

Толпа бегущих в панике горожан задержала их. Люди бежали с выпученными от ужаса глазами, с перекошенными лицами. Матери тащили воющих детей. Мужчины бежали, отталкивая женщин, топча слабых и тех, кто имел несчастье оступиться. Подобно вздувшейся реке, хлестал людской поток по узким улицам столицы.

Вид их был страшен. За крышами домов невозможно было разглядеть того, кто так напугал их, но, по ужасу их, Конан готовился к худшему.

И все же сердце закаленного воина дрогнуло, когда Бог-Олень предстал перед ним во всем своем чудовищном великолепии.

Он был не меньше двадцати локтей росту. Морщинистая кожа неведомого существа напоминала кору древнего дуба, на теле буграми вздымались чудовищные мышцы. Его лицо с красными бельмами, лишенными зрачков, пылало яростью. Он был совершенно обнажен, лишь на запястьях виднелись широкие браслеты из неведомого металла, испещренные угловатыми рунами, да мощные чресла охватывал пояс, сделанный из шкуры целого оленя. На шее, перевитой жилами толщиной с корабельный канат, мерцали торквесы в виде свернувшихся змей, а исполинскую голову венчала корона переплетенных белых рогов.

Чудовище воздело к небу огромные руки, способные выкорчевать ратушу, издав рев, от которого присели лошади и посыпалась с крыши черепица.

Конан бросил взгляд на крепостную стену, что опоясывала город, и в сердце его вспыхнула надежда. Возможно, исполин не сумеет сокрушить эту преграду.

Он отдал приказ спешиться и приготовиться к бою. Теперь оставалось только ждать.

Сноровистые боссонцы поставили на землю огромные луки, наложили стрелы и натянули тетиву, ожидая команды киммерийца. Конан покосился на их тугие колчаны. Что ж, может, их жалающие стрелы сумеют спутнуть эту тварь...

Он оценивающе посмотрел на укрепления.

Тарантийская стена была сложена из огромных каменных глыб, и ширина ее была такова, что две колесницы могли разъехаться по верху ее, не задев друг друга. Он много слышал о ее неуязвимости, говорили, что ее не могли пробить даже знаменитые катапульты офицеров.

Лесной великан ударил по ней огромным кулаком. Стена затрещала, но выдержала.

Неплохо, сказал себе Конан, пока неплохо. И, повернувшись к боссонскому лучнику, спросил:

— Как зовут эту тварь?

— Цернуннос, — пробормотал тот, пряча глаза, чтобы варвар не смог заметить в них страха, — Бог-Олень древней Валузии.

— Бог-Олень, говоришь, — хмыкнул северянин, и, чтобы подбодрить растерянных воинов, бросил, усмехаясь: — Сейчас проверим, боится ли этот Бог-Олень стрел!

Тем временем Звероликий обрушил еще один удар на стену. Звук был такой, словно рухнула скала, и Конан не поверил своим глазам — вековая каменная кладка зашаталась и задрожала. Точно серый дракон, опоясывавший город, пробудился внезапно, содрогнулся всем телом и готовился взмыть ввысь.

Но вот огромная корона белых рогов поднялась над стеной. Каменная кладка начала осыпаться, и Конан понял, что, расшатав валуны, чудовище теперь упирается в крепостную стену, надеясь повалить ее.

Он был уверен, что это невозможно!

Но на его глазах вершилось немислимое.

Каменная кладка затрещала, огромные серые глыбы полетели вниз, вздымая клубы известковой пыли, их становилось все больше и больше... они разлетались во все стороны, и Конан едва успел схватить поводья своего скакуна на дыбы, чтобы обезумевшее животное не бросилось прочь.

Отряд понятился.

— Потроха Нергала! — прошептал кто-то за плечом у Конана. — Это что же он творит?!

Камни сыпались теперь сплошным потоком, стена рушилась на глазах, точно сложенная из песка. Грохот стоял такой, что не слышно было даже криков, и Конан подумал, что так недолго и оглохнуть.

Пыль стояла столбом, мешая разглядеть чудовище, рвущееся в город.

Лишь корона рогов сияла белизной, точно паря в воздухе.

Но вот пролом расширился, и Чернунос шагнул в Тарантию.

Сперва в облаках пыли появились лишь очертания фигуры. Кто-то сдавленно охнул. Кто-то помянул Сета... Лишь киммериец остался невозмутим. Он был готов к худшему.

— Приготовиться к бою! — бросил он клич.

Спокойствие командира действовало на солдат.

Чудовище шагнуло к ним.

— Аххей! — выкрикнул Конан команду.

Стрелы взвились и запели в воздухе роем смертоносных ос.

Чудовище сделало еще шаг.

Наметанный взгляд киммерийца разом охватил фигуру противника. Кожа Чернуноса была морщинистой и замшелой, вся в бурых пятнах гнили. Несмотря на свой гигантский рост, Бог-Олень казался приземистым, таким коротким и мощным был его бугрящийся мышцами торс. Ноги, похожие на стволы дуба, заканчивались огромными раздвоенными копытами. Руки же были человеческими, но когти на них были зеленого цвета, длинные и загнутые, точно у лесной кошки.

Лик Зверобога был ужасен, и никто, взглянув в него, не мог сдержать дрожи отвращения. Корневища опутывали его голову вместо волос, и острые кусты рогов высились над ними. Вместо рта чернел провал, утыканный редкими желтыми пнями зубов. Красные бельма глаз, лишенные зрачков, пылали яростью.

Киммериец содрогнулся от отвращения.

С замирающим сердцем следил он за полетом длинных острых стрел — не тонких охотничьих, но боевых, каждая из которых, выпущенная умелой рукой боссонца, способна

пробить стальные доспехи ратника. Хоть одна должна была поразить чудовище!

Жалящие стрелы напili цель. Три ударились чудовищу в грудь. Две — в лицо. Остальные — в ноги и руки.

Но ни одна не причинила вреда.

Все они отлетели прочь, словно щепочки, брошенные неумелой рукой ребенка.

По команде киммерийца лучники выпустили еще залп.

Исполин отмахнулся от смертоносных жал, как отмахивается олень от мошкар. Мощной дланью ударил он себя в грудь.

И взревел.

От рева этого содрогнулись дома, покосились крыши. Люди в панике зажимали уши, чувствуя, как лопаются барабанные перепонки. Лошади вставали на дыбы, хрипели и рвали поводья.

Рев чудовища ураганом смел отважных воинов.

Чернунос бросился на них.

Укрывшись в простенке дома, Конан смотрел, как топчут огромные копыта то, что оставалось от его отряда.

Зверобог бушевал.

Ничтожные людишки, что осмелились встать у него на пути, жестоко поплатились за дерзость. Кровь их залила мостовую. Лошади их пали, пронзенные рогами лесного бога. Луки, сломанные в щепы, валялись повсюду.

Торжествуя победу, Чернунос издал другой глас, возвещающая укрывшимся от гнева его, что повелитель Валузии идет к ним.

Дорога была известна ему.

Тот, Кто Первый Преклонил Колена, звал своего господина. Там, на холме, где высилась эта странная каменная гора, откуда доносился аромат свежей крови, он ждал своего бога.

Тяжело ступая, Чернунос двинулся на зов.

Копыта Оленя крошили камень мостовой. Мощные руки походя обрушивали стены домов и сносили крыши. Он ненавидел эти каменные пещеры, где заперлись его рабы от гнева божества. Он разрушит их все, до основания.

Он запретит смертным жить в этих клетях. Как в прежние времена, лес делается их вотчиной. Лес, где Чернунос возобновит свою охоту, загоняя их, точно дичь. Лес, где Зверобог будет убивать...

Конан вполголоса выругался. Эта тварь раздавила его скакуна. Он оглянулся — нет ли где коня. Но вокруг только дымились руины домов, а на каменном крошечке, красном от крови, беспорядочно валялись трупы.

К киммерийцу подбежали два уцелевших воина в помятых доспехах. Один сжимал в руке копье с блестящим наконечником. Другой меч.

Северянин усмехнулся. Станные все-таки эти аквилонцы. Прилаживают себе на копья золотые наконечники, вместо того, чтобы позаботиться о безопасности столицы и укрепить крепостной вал. Он был уверен, поддерживай они ее в порядке, и чудовищу ни почем было бы не расшатать стену.

Конан смахнул с волос белую пыль и прищурился. Похоже, этот красавец направляется напрямик во дворец. Что ж, там, по крайней мере, есть ров с водой, на дне которого огромные шипы, говорят даже, из клыков дракона. Насчет достоверности последнего варвар сильно сомневался, но надеялся, что укрепления сумеют защитить Лурд от опасности.

— Пошли за ним, — махнул он воинам. — Не выпускать эту нежить из виду!

Но упустить из виду Зверобога было сложно. Огромная фигура виднелась издалека. Похоже, лесной колосс забавлялся тем, что срывал с домов черепичные крыши. Вот уж будет работы кровельщикам, усмехнулся про себя Конан.

Вместе с двумя уцелевшими воинами Конан бросился в погоню за чудовищем. Он бежал, что было сил, но Бог-Олень стремительно уходил вперед, и киммериец мог стать лишь бессильным свидетелем бесчинств, творимых разбушевавшимся демоном.

Он видел, как рушились дома под его напором, как гибли люди, пытавшиеся укрыться в них.

Он видел, как какой-то смельчак, пытаясь защитить жену и дочь, прятаясь у него за спиной, подскочил к Богу-Оленю и полоснул его мечом по ноге.

Клинок разлетелся на куски, точно стеклянный. Осколки брызнули во все стороны. Но утративший страх безумец не отступал. Конан видел, как схватил он кинжал и вонзил его в голень гиганта.

Бог-Олень на мгновение замер. Кровавые бельма полыхнули огнем.

Он опустил чудовищную длань — и зеленые когти смяли грудную клетку несчастного. Тот испустил предсмертный вопль, сменившийся хрипом. А Цернунос, отбросив жертву, поднес руку к пасти и с наслаждением принялся слизывать кровь.

Конан слышал, как выворачивает наизнанку лучника рядом с ним. Привычный ко всему, закаленный в боях босонец не выдержал... Да он и сам едва сдерживал подступающую к горлу тошноту.

Сузившиеся по-копачьи глаза Конана проводили удаляющееся чудовище. Он был прав — тварь идет ко дворцу, но выбирает окольный путь, по широким улицам.

Там, где легче пройти. И где гуще толпа.

Но были и другие пути, по узким улочкам, где и двоим было не развернуться — зато они шли прямо к цели. Там он и перехватит лесную нежить!

Нельзя позволить ему и дальше бесчинствовать в Тарантии!

Подав знак боссонцам, Конан бегом бросился в лабиринт городских закоулков. У него не было определенного плана действий, он полагался на инстинкт. Но железная воля вела его вперед, не давала отступить.

Он должен остановить Цернуноса!

* * *

В самом начале широкой дороги, что вела на холм, к королевскому дворцу, возвышался храм. Был он не так велик и роскошен, как Храм Тысячи Лучей в Южном городе — но то было излюбленное святилище тарантийской знати, и потому подношения стекались сюда обильные, и жрецы не были обижены дарами. Храм Восшествия, как называли его, был оправленной в золото жемужиной в тиаре Солнцеликого.

Ступени розового мрамора вели к нему. Два огромных нефритовых льва в два человеческих роста охраняли вход в святилище; рядом несли службу храмовые стражники, держа наперевес копья с золотыми наконечниками.

Приближающегося Зверобога они узрели издалека. Сперва о нем возвестили бегущие в слепом ужасе толпы

горожан, остановить которые не смогли никакие увещевания жрецов. Оружий, воюющий, ревуший людской поток тек мимо них ко дворцу. Почти весь город собрался уже у стен Лурда. Даже отсюда видно было, что площадь перед дворцом черным-черна от людей. В самом же городе не осталось почти никого.

Жрецы Солнцеликого оказались храбрее прочих, хотя, увидев чудовище, бежали и многие из них. Но верховный жрец храма Гарен — сухощавый старик с выскобленным черепом — бесстрашно выступил Цернунносу навстречу.

— Остановись, демон! — воззвал он, воздев руки к небу.

На жреце было парадное одеяние, синее, расшитое парчовой нитью, на плечах — белая плащаница, скрепленная заколкой в виде солнечного диска, на голове — золотая тиара. Тысячи глаз были прикованы к нему, слуге Солнцеликого. Кто сможет остановить чудовище, если не он!

— Остановись, презренный! — выкрикнул он вновь, чертя в воздухе Знак Митры — свастику солнцеворота.

Двое жрецов со смятенными лицами, что жались позади, бросая испуганные взоры на стремительно приближающегося Бога-Оленя, торопливо подали ему свернутую ткань.

— Именем Митры взываю к тебе! Остановись!

Жрец развернул сверток. Это оказался покров алтаря с вытканным золотой нитью изображением Подателя Жизни. Служитель вытянул руки вперед, загораживаясь образом своего бога, точно щитом.

— Изыди, нечисть! Узри облик истинного бога — и изыди!

Цернуннос, не замечая воплей служителя Митры, шел прямо на него. Земля сотрясалась под тяжестью его шагов, и жрец, потеряв равновесие, вдруг упал на колени. Толпа ахнула. Где-то заплакали деги и женщины.

Суровый старец силился встать, сжимая в костистой руке покров с солнечным кругом.

— Именем Митры, заклинаю тебя остановиться!

Цернуннос был уже совсем близко. Чудовищное копыто нависло над распростершимся на земле жрецом — Зверобог на мгновение замер...

— Изыди, демон!

Жрец бессильно плюнул на стопу чудовища.

Копыто опустилось. Фонтаном брызнула кровь. Упавший покров окрасился алым.

И вдруг чудовище взревело. Но теперь это был крик не торжества, а боли.

С яростной жестокостью принялось оно топтать павшего жреца — покуда от того не осталось лишь кровавое месиво. Но вопль, полный ненависти и муки, все так же рвался из глотки гиганта.

Конан видел это. Они подросли как раз вовремя.

Выходит, божество не так уж и неуязвимо, мелькнула в голове мысль.

Ему вспомнился рассказ, слышанный им в таверне, будто бы на охоте Осеннего Гона этот самый Цернуннос предстал перед дворянами в Валонском лесу и был изгнан принцем Нумедидесом с помощью амулета Митры. В тот раз киммериец не придавал этой истории особого значения, ибо чего только не услышишь после нескольких кружек крепкого вина, но теперь уверенность его поколебалась. Он своими глазами видел, как взвыл демон от боли, когда образ Солнцеликого Митры попал ему под копыта.

Кром, во всех этих храмовых побрякушках не больше святости, чем в его кошельке. Но почему же так взвыл этот урод?

Он повидал в своей жизни немало богов, демонов и прочей нечисти, порожденной злобным Хаосом. И насколько он помнил, все они чего-нибудь да боялись. Но эта тварь появилась на свет задолго до того, как был зачат первый из хайборийских богов. Его багровые бельма наверняка видели еще гибель Атлантиды. Может, он и вправду неуязвим? Иначе как ему удалось протянуть столько тысячелетий?

Конан оглянулся вокруг. Куда подевались все эти слуги Митры, Эрлик их побери! Хоть бы один попался на глаза. Глядишь, и подсказал бы, как одолеть Лесного Демона!

А где все хваленые дворцовые колдуны? Где эти прирученные чернокнижники? Правда, их чары годятся только для того, чтобы свести бородавку на заднице благородного нобилия. Но где знаменитые аквилонские рыцари, где Черные Драконы во главе с бесстрашным Альвием? Попрытались по щелям, словно крысы!

А Цернуннос все ревел. И взбешенный болью, которую причинил ему жрец, он в ярости боднул огромными рогами наверхие портала храма.

По мрамору побежали трещины. А обезумевший Зверобог принялся крошить ровные ряды абсид, мять камень ступеней, сшибать вершины нефов. Огромные ручки обхватили одну из статуй льва, своротили с пьедестала и швырнули вниз. С грохотом покатилося изваяние по ступеням, пока не разбилось вдребезги в самом низу, покрыв все вокруг себя нефритовыми черепками.

Вдалеке за спиной киммериец слышал завывания жрецов — укрывшись в глубине храма, они молили Митру о спасении. Наконец он получил ответ — куда же подевались слугители Огненноликого.

А Зверобог, расправившись и со второй статуей, принялся за колонны, украшавшие фронтоны святилища. Примерившись, он обхватил ручищами первый столб, огромный, в четыре человеческих роста, и принялся раскачивать его, точно выкорчевывал дерево. Жилы с корабельный канат толщиной вздулись у исполина на шее, мышцы взбурлились на руках и ногах, лик исказился от натуги и злобы, желтая пена выступила на вывороченных губах.

Поднагужившись, он сорвал колонну с места и швырнул ее оземь. Мраморный столб раскололся на восемь частей, и куски его покатались по лестнице, следом за поверженными львами.

За вторую колонну чудовище принялось иначе. Теперь оно не пыталось вырвать ее из земли, но, напротив, толкало внутрь, уперевшись рогами. Конан не знал, есть ли предел неимоверной силе Зверобoga — но она превышала все виденное им доселе.

Колонна пошатнулась. Трещины паутиной разбежались у ее основания. И медленно, как падает срубленный дровосеками дуб, колонна рухнула внутрь храма. Истощенные вопли донеслись изнутри, и киммериец понял, что задело кого-то из жрецов.

Пора было с этим кончать!

Холодная ярость опалила киммерийца. За те дни, что провел он в Тарантии, столица Аквилонии успела полюбить его. Он привык к ее неумолчному шуму, неутомной веселости, к радушию жителей, проникся уваже-

нием к их отваге и невозмутимости, с которой встречали они любые напасти.

Этот город не был ему родным — но Конан почувствовал, что готов защищать его до конца. Никакая нежить не посмеет стереть с лица земли его Тарантию!

Внезапно, словно что-то толкнуло его, он оглянулся на дорогу, ведущую к королевскому дворцу, и с изумлением увидел, как скачет им навстречу от Лурда одинокий всадник. Орлиный взор киммерийца опознал в грузной фигуре, мешком сидящей в седле, наследного принца Ну-медидеса.

— Нергал его побери! Тоже мне герой нашелся!

Варвар сплюнул сквозь зубы.

Должно быть, принц, окрыленный победой на ведьмой, решил потягаться силой с чудовищем. Он и раньше-то не блистал умом, а теперь, должно быть, после схватки во дворце у него и впрямь что-то сдвинулось в голове!

Будь прокляты все эти смельчаки-неумехи, лезущие на рожон!

Конан огляделся по сторонам. Против Цернунноса должно найтись оружие!

Огонь, подумалось ему вдруг. Странно, что никто не догадался раньше...

Свистящим шепотом он подозревал двоих боссонцев, жестом указывая в глубину храма, туда, где горели светильники из обожженной глины. Хмурые лучники кивнули. Три тени неслышно скользнули в темный зев святилища.

А Цернуннос тем временем принялся за третью колонну. Он явно не намеревался останавливаться, пока не разрушит храм до основания.

Широко расставив ноги, уперевшись, так что острые копыта оставляли глубокие борозды в камне, Зверобог пытался вывернуть из земли третий столб. Крыша храма, лишившись поддержки с одной стороны, угрожающе трещала, и жрецы в храме выли от страха, сознавая, в какую ловушку загнали себя.

Один из слугителей, потеряв голову от ужаса, ринулся вперед, обгоняя троих солдат, осторожно крадущихся к чудовищу с пылающими светильниками. Конан пытался удержать его... Но с тем же успехом можно было пытаться остановить сбесившуюся лошадь.

Размахивая деревянным образом Митры на тонко древке, какие жрецы выносили на торжественные процессии, человек в белом одеянии ринулся вперед, прямо в Бога-Оленя.

— Митра, спаси нас, избави от скверны лесной! кричал он.

Незрячим взглядом красных глаз демон вперился в него. Он нагнул голову. Острые белые рога поддели несчастного, и кровь его заструилась по ним.

Цернунос поднял голову. Труп жреца все так же висел распятый, на его рогах. Кровь текла по звериному лику бога. Жирный, раздвоенный на конце язык с наслаждением слизывал алые капли...

Конан с яростным криком бросился на демона и, не добежав нескольких шагов, метнул в него лампу, полную горящего масла. Боссонцы повторили его маневр. Снаряд одного ушел в сторону, и пламенный разбил о колонну, но зато два других нашли цель. Киммериец, успевший отпрыгнуть в сторону, затаив дыхание наблюдал. Если план его сработает...

Оба светильника разбились, угодив один в бедро, другой в бок Цернуноса. Кипящее масло потекло по грубой замшелой коже. Пламя стремительными язычками взмыло вверх по оставленным маслом дорожкам.

Сейчас!..

Киммериец сжимал рукоять меча, бесполезного в борьбе с демоном, но придававшего ему уверенности. Огонь разгорался! Вот уже зарделся мох, покрывавший ноги лесного исполина. Еще немного — и тот вспыхнет, как факел, весь обхваченный пламенем!

Но огонь зашипел и погас так же внезапно, как и разгорелся. Точно чудовищный порыв ветра задул его. Зверобог даже не заметил этого, не ощутил ни малейшей боли, как когда тот отчаявшийся смельчак пытался ударить его мечом.

Конан нахмурился. Что же делать, если эту тварь не берет даже огонь?

Обернувшись, он увидел, что Нумедидес почти уже достиг храма. Но на подъездах к святилищу конь его внезапно заартачился. Как ни нахлестывал его принц, скакун храпел и упирался, дрожа всем телом, и ни плетка, ни уговоры не могли заставить его двигаться вперед.

Киммериец усмехнулся, наблюдая за ним. Лошадь оказалась куда умнее хозяина...

Наконец Нумедидес спрыгнул на землю, оставив бесполезное животное, во весь опор устремившееся назад, к замку, и побежал вверх по ступеням. Он размахивал руками и что-то кричал на бегу — но ветер относил его слова.

Цернунос, как ни странно, услышал его. Он прекратил раскачивать колонну, на мгновение замер, а затем всем телом развернулся навстречу принцу. Тот продолжал выкрикивать что-то несвязное, простирая руки к Владыке Леса.

Стиснув зубы, Конан следил за ним. Сейчас этого глупца постигнет та же участь, что и остальных... Он презирал этого жирного болвана — но долг повелевал его спасти!

Мозг киммерийца быстро перебирал варианты. Чудовище не было неуязвимым — он видел это собственными глазами. Однако ни сталь, ни огонь не способны были причинить ему вред.

И все же вой Цернуноса, исполненный адской боли, до сих пор стоял у него в ушах. Тот закричал, когда раздавил жреца, несущего изображение Митры.

Так что же заставило это чудовище взвиться так, будто он наступил на раскаленный уголь? Тем более, что он явно не заметил бы и горящий дом, попадись он ему под ноги. Так что? Не образ же Солнцеликого, в конце концов?

Конан на мгновение задумался, но глаза его продолжали зорко следить за Нумедидесом.

Второй жрец тоже размахивал ликом Пресветлого, но Цернунос отправил его в Небесные Чертоги и не поморщился. Однако у него был амулет из дерева. А у первого?

Алтарный покров, расшитый золотой нитью! Брошь на плече и высокая тиара — тоже из желтого металла.

Конан на миг замер, почувствовав, как заколотилось сердце. Кром! Похоже, эта тварь боится золота!

Вот и в таверне говорили, что Нумедидес изгнал Цернуноса. Чем? Магическим оберегом. Но тоже золотым!

Конан захохотал. Сейчас ты поплянешь у меня, Рога-тый!

Если только он не ошибся... Ну а если и ошибся, так Нергал с ним! Лучше уж погибнуть, чем вот так стоять и смотреть, как бесчинствует лесная нежить.

Так он подбадривал себя, стараясь отогнать дурные мысли. Умереть на поле боя, конечно, почетно. Это конец, достойный мужчины. Но одно дело погибнуть с мечом в руках, и совсем другое так, как эти жрецы! Но смерть под копытами Зверобого была слишком страшной, чтобы задерживаться на этой мысли.

Он бросил прощальный взгляд на жмущихся позади боссонцев.

— Не трусьте, парни! Выберемся! Не в таких переделках бывали!

Но, судя по их отчаявшимся, побледневшим лицам, даже слова капитана не могли придать им бодрости.

Конан махнул им рукой.

И, подхватив ритуальное копье с золотым наконечником, обреченное во время панического бегства одним из храмовых стражей, устремился к чудовищу.

Нумедидес тоже был там.

Конан слышал на бегу, как взывает он голосом, в котором не было ничего человеческого:

— Цернуunos! Цернуunos! Ты пришел, Цернуunos!

Он не знал, чего хочет принц от лесного божества, как надеется одолеть его, но киммерийца это и не волновало. Он был весь сосредоточен на битве, где любой промах мог стать роковым, где все решала сила первого удара. Он словно сам обратился в копье, летящее к цели...

И нанес удар.

Золотой наконечник копья пронзил плоть, которую не могли пробить ни мечи, ни стрелы боссонцев, с той же легкостью, с какой входит в масло раскаленный нож.

Цернуunos с пронзительным воем, точно вырвавшимся из глоток десяти тысяч оленей, обернулся к Конану. И тот с яростью ощутил, что копье его застряло в мясистой плоти.

Он не мог выдернуть его!

Киммериец рванул древко на себя, но в этот миг Бог-Олень дернулся, надвигаясь на нового противника, руки его с длинными когтями судорожно замолотили воздух у самого лица Конана — и тот отпрянул. В руках его осталось бесполезное древко без наконечника.

Все происходило, точно во сне.

Крики Нумедидеса за спиной Зверобого сливались с воем самого чудовища, точно боль их была одина. Огромная длань устремилась к киммерийцу, желая прихлопнуть его, словно муху. Он отскочил в сторону.

Но споткнулся о камень, отлетевший от колонны. Потерял равновесие. Упал. И увидел над собой гигантское раздвоенное копыто, грозящее раздавить.

Варвар едва успел откатиться в сторону. Копыто ударило в землю в том самом месте, где только что была его голова.

А разъяренный демон не унимался. Любой ценой готов он был сокрушить того, кто причинил ему такую боль. Мельком северянин заметил, что из раны у Оленя на бедре сочится густая зеленая сукровица.

Еще удар, и еще. С каждым разом уворачиваться становилось все труднее.

Цернуunos нагнулся и ударил его рогами.

Огромные острия прошли в каком-нибудь сенне от тела Конана. Со стороны казалось, будто на воина рухнул огромный белый куст. Ловко вывернувшись из-под чудовищного сплетения рогов, варвар отпрыгнул в сторону. Теперь он знал, что делать.

Бросив взгляд налево, он заметил огромную деревянную дверь, что вела в центральный неф. Ее красно-коричневая поверхность была покрыта искусной резьбой в виде солнечных лучей.

Конан сделал обманный жест, и пока Цернуunos поводил огромной головой, — ринулся к двери.

Только бы успеть! Он встал, сжав в руках меч, словно приготовившись к бою.

Зверобог захрапел, взрыл мрамор огромным копытом, и нанес стремительный удар рогами туда, где стоял варвар.

В последний миг Конан метнулся в сторону. Огромные рога слегка задели его, распоров кожу, с хрустом вошли в мягкое дерево двери и крепко завязли в нем.

Плененный Цернуunos заревел, стараясь разбить дверь в щепы ударами копыт.

Всего несколько мгновений, сказал себе Конан. У тебя, приятель, есть всего несколько мгновений. И их становится все меньше.

Еще одно золотое копьё валялось неподалеку от чудовищных копыт. Надо изловчиться схватить его и не подставить себя под удар.

Разгадав намерения своего врага, Цернунос взмахнул огромными мускулистыми лапищами. Киммериец в отчаянии попытался выставить меч — но клинок разбился, едва коснувшись чудовища, и руки его до самых плеч пронзила острая боль.

Теперь он был безоружен.

Стиснув зубы, киммериец продолжал свой танец смерти. Трижды уходил он из-под удара, но каждый раз зазор между жизнью и смертью становился все уже. В последний раз рог Зверобог зацепил его в прыжке, и бедро, задетое острым копытом, вспухло мгновенно, и штанина набухла от проступившей крови.

Конан попробовал ступить на раненую ногу, и едва удержался от крика.

Боль сковала его движения. Теперь он погиб! Через мгновение Лесной Демон разнесет дверь, и тогда — конец!

Внезапно истошный крик донесся до киммерийца сзади:

— Конан! Держи!

Он обернулся. Один из боссонцев, выступив из укрытия, швырял ему копьё третьего стражника. Золотое копьё.

Цернунос также заметил это. С трубным ревом он вывернул дверь из петель, что есть силы ударил ею по оставшейся колонне. Деревянная рама треснула посредине и грохнулась чудовищу под ноги. Но Бог-Олень ринулся вперед, намереваясь разделаться с противником, прежде чем смертоносное оружие окажется у него в руках. Превозможная боль, киммериец увернулся от нового удара рогов Бога-Оленя — и одновременно, вытянув руку, поймал на лету брошенное ловкой рукой копьё.

В тот же миг он развернулся к Цернуносу. Голова того еще была опущена: демон опустил почти на четвереньки, когда бил противника рогами. Звериный лик его оказался совсем рядом.

Превозможная отвращение и боль в раненой ноге, киммериец со звериной грацией нырнул вниз, уклоняясь от торчащих рогов. Осознав опасность, демон пытался отпрыгнуть...

Но золотой наконечник копья впился ему прямо в глаз.

Лик Бога-Оленя исказился. Он поднял руки, стараясь выдернуть копьё — но Конан, не выпуская древка из рук, налег сильнее, проталкивая оружие все глубже и глубже, пока не пронзил самый мозг чудовища.

На несколько бесконечных мгновений оба противника застыли.

А затем лесной великан рухнул на мраморные ступени храма, увлекая за собой последнюю из оставшихся колонн.

С чудовищным грохотом покосилась и обрушилась крыша святилища. Конан и двое боссонцев чудом успели выскочить из-под обломков. Но жрецы Митры остались погребены навеки, вместе с телом поверженного божества.

Пошатываясь, киммериец оперся о плечо лучника. Медленно они двинулись вниз по ступеням. И поравнялись с Нумедидесом, без чувств рухнувшим оземь, в тот самый миг, когда копьё Конана поразило свою цель.

— Возьмите принца! — велел ратникам киммериец. — Отнесите его во дворец. Носилки можете соорудить из плащей...

— А как же вы, капитан?

Конан пожал плечами.

— Доберусь как-нибудь. Встретимся во дворце. — С отвращением он проследил, как укладывают на самодельные носилки жирного уродливого принца и, сплюнув себе под ноги, отвернулся.

Он наконец принял решение.

...В Лурде киммериец прямым ходом направился к казармам, надеясь застать там местного лекаря. Пусть подлатает ему бедро и еще пару царапин, которые остались у варвара в память о схватке с лесным чудовищем — а то нелегко придется раненому в дороге! Однако планам этим не суждено было осуществиться.

На полпути к казармам Конану навстречу устремился, тряся бородашкой, один из советников Нумедидеса. Встав у северянина на дороге, он повелительным жестом вскинул руки.

— Стой, варвар, ты должен пойти со мной!

Тот смерил тщедушного советника презрительным взглядом. Обижать старика не хотелось, но он слишком устал, чтобы покорно сносить дерзости.

Могучая длань отодвинула старикашку в сторону.

— Поди прочь, приятель. Я не в том настроении, чтобы вести светские беседы.

Тот закудаhtал рассерженно.

— Принц Нумедидес желает видеть тебя, варвар! Немедленно!

— В таком случае, — отчеканил Конан, — можешь передать ему, что больше он не увидит меня никогда. Моя служба на этом закончилась.

Наемник презрительно отвернулся. Он не желал больше иметь дела с бесноватым властителем, не вызывавшим у северянина ничего, кроме омерзения и гадливости. Пусть подавится своим золотом, в конце концов! Аквилония не последнее место, где нужны добрые клинки. Но в других державах к солдатам удачи хотя бы относятся с должным уважением, а не пытаются помыкать ими, как мальчишками на побегушках!

Все это, не стесняясь в выражениях, он высказал советнику. Тот побледнел, предвкушая, должно быть, грядущее объяснение с Нумедидесом.

— Но как же так... — залепетал он, вцепившись Конану в рукав, тщетно пытаясь задержать дюжего наемника. — Принц нанял вас!..

— А теперь пусть наймет кого-нибудь другого!

Конан был непреклонен. Аквилония — славная страна, но такому правителю служить его больше не заставит и сам Кром.

— У него теперь есть Черные Драконы. Месьор Альвий с радостью возьмется за любое поручение Его Высочества...

Болезненная гримаса исказила лицо советника. Он огляделся по сторонам в тревоге — но никто и не думал подслушивать их разговор. Наемники из отряда Конана были неподалеку, точили мечи, кидали кости или просто болтали, но хотя порой и бросали заинтересованные взоры на капитана, недоумевая, что понадобилось от него советнику принца, однако находились слишком далеко, чтобы подслушать их. И старик трагически зашептал:

— В этом все дело, варвар. Месьор Альвий бежал из столицы — и большинство Драконов с ним.

Потроха Нергала! А он-то гадал, куда подевались эти ублюдки, пока он со своими парнями бился с Чернуносом... Подлые трусы! Предатели! Конан нахмурился.

— Та-ак, — многообещающе протянул он. — И куда же направились эти доблестные воины? Что-то не верится, чтобы попросту разошлись по домам...

Советник удрученно кивнул.

— Ты верно понял, киммериец, — отозвался он со вздохом. — Его Высочество услышал известия, когда вернулся во дворец, и с ним опять случился приступ... — Конан не смог сдержаться усмешки. — Фельон Тауранский, bastard короля Вилера, объявил себя законным наследником престола. Он поднял мятеж. Несколько провинций уже присоединились к нему.

Варвар присвистнул. Похоже, в Аквилонии назревала гражданская война!

Сперва это не поколебало его решимости. Его дорога вела в другую сторону от Аквилонии — и точка.

Но тут же вспомнил. Где восстание — там, наверняка, встретятся и старые знакомцы, Валерий Шамарский и немедийский барон Амальрик. Не может быть, чтобы эти стервятники не слетелись на запах крови!

А с этими двумя у Конана были свои счеты.

— Ладно, — повернулся он к советнику, с нетерпением ожидавшему, какое решение примет варвар. — Мы выступим, когда принц отдаст приказ.

Нетерпение внезапно овладело кимерийцем.

Дорога звала его. И в зове этом слышался стук копыт и пение клинков.

Аой.

ВРЕМЯ ВЫБОРА

Амальрик Торский выздоравливал. Всякий, кому, как Ринальдо, довелось бы увидеть его еще день назад, заглянуть в безумные, подернутые белесой пленкой глаза, коснуться посеревшей, липкой от пота кожи, услышать натужное, прерывистое дыхание, воззвал бы сегодня к Митре, благославляя Солнцеликого за свершившееся чудо. Ибо ничем иным как чудом это и назвать было нельзя. Не было у аквилонских лекарей-коновалов снадобий, а у монахов и жрецов — таких молитв, чтобы возможно было вернуть к жизни человека, перешагнувшего в своей агонии за черту, где не осветит уже путь надежда, и дыхание жизни не коснется идущего.

И все же исцеление свершилось.

Немедиец лежал спокойно, дышал ровно и глубоко, как дышит нормальный, здоровый человек во сне, когда его, к тому же, не мучают ни ночные кошмары, ни даже угрызения совести. Кожа порозовела, и лишь виски чуть блестели испариной. И менестрель уже не сомневался, что проснется он совершенно здоровым.

Дорога до Амилии вспоминалась ему сущим кошмаром. Барон держался, не подавая признаков усталости, пока они не выбрались из Тарантии — но затем силы оставили его.

Рана, нанесенная ему киммерийцем, оказалась неопасной, и Амальрик стойко превозмогал боль, но усталость сломила его. Ближе к полудню они устроили привал у какой-то речушки, и немедиец заснул мгновенно, как подкошенный рухнув на землю, а проснулся весь в жару, снедаемый лихорадкой.

Ринальдо не знал, что и делать. Бросить барона и искать помощи казалось невыносимым. Он был уверен, что, вернувшись, не застанет немедийца в живых. Но и помочь ему он был бессилен.

Между тем, состояние раненого стремительно ухудшалось. Он метался и кричал в бреду, то порывался вскочить и бежать куда-то, то пытался наброситься на менестреля — один Митра ведает, откуда брались у него силы. Один раз ему удалось схватить Ринальдо, и он едва не задушил его... Следы на шее до сих пор болели. И поэт содрогался невольно, вспоминая это безумное лицо и горящие бешенством глаза.

Совладать с бароном было невозможно. Приступы наделяли его нечеловеческой мощью... Счастье еще, что продолжались они недолго. И затем барон валился, обессиленный, и вновь засыпал — пока лихорадка не принималась за него вновь.

Это продолжалось до самых сумерек, и вконец отчаявшийся Ринальдо уже не знал, к каким богам взывать, чтобы кошмар этот наконец закончился.

Не раз мелькала у него мысль попросту бросить умирающего, раз уж помочь он ему бессилен, и не милосердие, но малодушие удерживали его. Барон мог еще поправиться, и тогда у менестреля не будет защиты надежнее, ведь посланник, по крайней мере, у себя на родине,

слыл человеком могущественным. Остаться же сейчас одному, без покровителя, без средств к существованию, казалось поэту страшнее смерти.

И потому, уповая на чудо, он оставался с бароном.

Вот только проку от него было немного. Он ничего не смыслил в медицине, никогда не выхаживал раненых, да и вообще, предпочитал не иметь дела с больными, опасаясь заразы. И потому все, на что он был способен, это удерживать Амальрика, когда очередной приступ одолевал его, чтобы тот не сотворил с собой худого, да смачивать в речной воде и укладывать на пылающий лоб холодную тряпицу, когда у раненого начинался жар.

Немудрено, что время до вечера показалось ему бесконечным.

Но когда солнечный диск коснулся чернеющего вдаль гребня леса, барон внезапно открыл глаза.

— Пить... — прошептали потрескавшиеся губы.

Ринальдо торопливо подал ему флягу. Немедиец с жадностью припал к сосуду, и вода заструилась у него по подбородку.

Напившись, он откинулся на траву.

— Где мы? — спросил он слабо. — В Амилии? Где Марна?

Ринальдо мог лишь развести руками.

— Мне не ведомо, кто эта женщина, о которой говорит месьюр, — отозвался он. — И мы еще не доехали до Амилии. Вы были не в силах продолжать путь.

Амальрик прикрыл глаза. Ринальдо думал, что он вновь заснул, но неожиданно барон, застонав, сделал попытку приподняться на локтях.

— Помоги мне, — прохрипел он. — Нужно осмотреть рану...

Для Ринальдо настало самое страшное.

Он не выносил вида крови. Всегда. С самого детства. Но выдать свой страх перед немедийцем не позволяла гордость.

Неуклюже он попытался задрать рубашку, но ткань, пропитанная кровью, намертво присохла к ране. Сбегав за водой, менестрель трясущимися руками смочил ее и, как велел ему барон, рванул рубаху что было сил, ухватившись за край. Зажмурившись, чтобы не видеть того, что творят его руки.

Вид раны был ужасен. Края ее были пунцовыми, воспаленными, кровь принялась идти с новой силой.

Поблудневший Амальрик долгое время молчал, и хотя лицо его не выражало ничего, менестрель был уверен, что он боится. У него и самого все тряслось внутри. Теперь он не сомневался, что немедиец умрет.

Внезапно барон произнес уверенно, точно речь шла о чем-то совершенно естественном.

— Рану придется прижечь. Справишься?

Не сознавая, что делает, Ринальдо судорожно затряс головой. Амальрик криво усмехнулся.

— Ничего. Разведи костер.

С перепугу менестрелю никак не удавалось высечь искру — но вот крохотный желтый огонек запылал в ночи.

Ринальдо видел все, как во сне.

Вот немедиец, кряхтя и морщась от боли, приподнялся на локте. Достал из ножен кинжал. Сунул его в костер. Лезвие накалилось докрасна. Амальрик взял кинжал за рукоять, несколько мгновений смотрел на него — и внезапным, резким движением поднес клинок к бедру. Раздалось шипение, запах горелой плоти, и Ринальдо отвернулся.

Его тошнило.

Обернувшись, он увидел, что Амальрик лежит, раскинувшись на траве. Лицо его оставалось каменно-спокойным.

Лишь через несколько мгновений менестрель понял, что немедиец лишился чувств.

Преодолевая тошноту и страх, он заставил себя сделать то, что казалось ему необходимым. Обмыть края раны, перевязать ее осторожно, разорвав на повязки чистую рубашу, найденную им среди вещей Амальрика; закатать барона как можно теплее; подбросить дров в костер.

И все же к утру он понял, что раненого не спасти.

Ночи в это время года были в Аквилонии слишком прохладными. Холод уносил жизнь барона вернее, чем болезнь. К утру его вновь начало лихорадить.

И тогда Ринальдо принял решение.

Они ничего не выгадают, оставаясь здесь, у реки, где не видно ни единого человека, да к тому же тянет сыро-

стью от воды. Необходимо было любой ценой добраться к людям.

Но барон не сможет сидеть на лошади. Значит, Ринальдо придется отправляться за помощью одному.

Он уже взнуздывал свою кобылу, когда вдруг слабый, но все такой же властный голос остановил его.

— Мы поедem вдвоем!

Он обернулся. Барон смотрел на него, и во взгляде его была ненависть. Он был уверен, что Ринальдо собирался бросить его!

Менестрель вернулся к раненому. Должно быть, страх остаться одному вернул его к жизни. На бледных щеках играл румянец, глаза лихорадочно блеснули.

— Мы поедem вдвоем, — повторил он упрямо.

Дорога до амилийского леса заняла у них вечность.

Но Амальрик ни разу не пожаловался, не застонал. Когда бы Ринальдо не обернулся к нему, он видел лишь мертвенно бледное лицо, упрямо стиснутые губы и глаза, горящие яростью.

Менестрель не осмеливался даже подать голос...

Но вот лес, что, казалось, последние два поворота клепсидры не приближался, но, напротив, ускользал от них, точно заколдованный неведомым чародеем, наконец приблизился, надвинулся на путников, грозный и неприступный, во всей своей сумрачной красе. Они въехали под тенистые своды.

Теперь Амальрик поехал впереди. Маленький менестрель не мог понять, как удастся ему находить дорогу в этой чащобе, среди бурелома и непроходимых зарослей, где каждое дерево казалось похожим на соседнее, тропинки путались, точно кружево, и каждый шаг словно возвращал их на то же самое место, откуда они начали путь. Он сперва пытался запомнить, как они едут, сориентироваться в лесной пуще — но вскоре осознал всю тщетность этих стараний.

Как вдруг что-то блеснуло впереди, точно серебро, и лесное озеро открылось их восхищенным взорам.

Ринальдо хотел спешиться и напоить коней, но Амальрик остановил его.

— Это еще не конец дороги. За нами должны прийти.

Менестрель со вздохом повиновался. Необъяснимый страх удержал его от расспросов.

Они ждали долго, и барон начал подавать признаки тревоги — впервые за все время, что поэт знал его.

— Что-то случилось, — услышал Ринальдо его бормотание. — Она должна была выйти к нам.

Внезапно он застыл в седле, точно прислушиваясь к чему-то. Затем вытянул вперед руку, делая какие-то пассы. И вдруг воскликнул:

— Митра! Она убрала защиту! Но что же могло случиться?

Менестрель с изумлением посмотрел на своего спутника. Должно быть, у немедийца вновь начался бред. Путешествие в седле отняло у него последние силы... Но барон в этот миг не был похож ни на больного, ни на безумца. Взгляд его был ясен, а речь тверда, только он казался возбужден сильнее обыкновения.

Внезапно он сделал менестрелю знак и направил коня в обход озера. Ринальдо последовал за ним.

Теперь немедиец ехал куда медленнее, выбирая дорогу и тщательно осматриваясь по сторонам, точно он никогда прежде не бывал в этой части леса — что было нелепо, если верить его словам, что они ехали к женщине, хорошо ему знакомой. И Ринальдо наконец решился спросить:

— Месьор, простите мое любопытство, но кто такая эта Марна?

Он не мог поверить, чтобы у могущественного немедийского нобиля не нашлось иных союзников, кроме загадочной лесной отшельницы. Когда барон говорил о том, что она единственная способна помочь им, воображение поэта создало образ таинственной возлюбленной, горделивой, прекрасной и могущественной. Грешным делом, он даже принялся слагать стансы в ее честь... Но невозможно было посвящать стихи старухе, которая только и может жить в столь странном месте.

Барон долго не отвечал на его вопрос.

— Ты скоро все узнаешь сам, — произнес он наконец с трудом, и Ринальдо понял, что даже столь малое усилие потребовало от него напряжения. Лишь нечеловеческая воля удерживала барона в сознании.

Вот почему, как никакому дворцу, обрадовался он, когда наконец узрел впереди на поляне крохотную покосившуюся избушку без окон. Он готов был, подстегнув коня, устремиться вперед — но что-то удержало его.

Менестрель вопросительно взглянул на Амальрика.

Тот был бледен, как мел, пот ручьями стекал по лицу, и в глазах застыло отчаяние.

— Все пропало, — прошептал Амальрик. — Ее здесь нет!

Силы оставили его. Голова безвольно поникла. И Ринальдо ничего не оставалось, как взять бразды правления в свои руки.

Он не знал, кто такая эта Марна, чье отсутствие так поразило барона, но полагал, что она не обидится, если в ее отсутствие они воспользуются гостеприимством ее жилища.

Он помог барону спешиться — тот буквально сполз с седла — и отволол его на себе в избушку. Внутри было чисто и сухо. Постелью служила охапка сухой травы, куда Ринальдо и уложил раненого. Большой сундук в углу сразу привлек его внимание — но он не осмелился пока заглянуть внутрь.

Амальрик просил его нагреть воды, и Ринальдо, как заботливая нянька, исполнил его волю. Однако, когда он вознамерился осмотреть рану, уже ощущая в душе призвание лекаря — ибо кто, как не он, в конце концов, спас барона там, у реки, кто с таким несравненным мужеством... барон неожиданно отослал его прочь.

И слова его прозвучали резко и непочтительно, точно он обращался к слуге, а не к одному из величайших пиитов Аквилонии.

— Ступай прочь и закрой дверь. И не смей подходить к дому, пока я не позову тебя!

Надувшись, Ринальдо вышел, не сказав ни слова. Закутавшись в плащ, он всю ночь просидел у костра, заливая свои горести вином, оставшимся в одном из бутылей, что прикупил он у стражников, пока дожидался барона.

Обида на людскую несправедливость захлестывала его.

Кто, как не он, спас барону жизнь! Кто тащил его на себе всю дорогу! Кто отдавал ему последнее! А теперь тот обращается с ним, как с собакой. Как с последней, презренной собакой...

Захмелев, он заснул у костра и проснулся под утро, весть дрожа от лютého холода.

С земли тянуло сыростью. Лунный свет погребальным саваном окутывал черные мертвые деревья. Сова ухала

вдалеке, точно кликала беду. И странные звуки доносились из покосившегося домика на краю поляны.

Превозмогая любопытство, менестрель на цыпочках приблизился.

Неразборчивое бормотание, стоны, вздохи... Похоже, барон вновь бредит.

Мстительной радостью наполнилось сердце поэта. Умрет — ну и пусть. Сам виноват! Он, Ринальдо, не подаст этому неблагодарному ни глотка воды!

Однако когда из-за двери его окликнули, менестрель суетливо поспешил на зов. Что ни говори, а барон оставался его покровителем...

Переступив порог, он замер в нерешительности. Амальрик сделал ему знак приблизиться.

В лунном свете, проникавшем в дом через дверной проем, лицо барона казалось особенно бледным и осунувшимся, точно маска смерти уже сковала его черты, и менестрель едва удержался, чтобы не сделать знак, отвращающий зло. Но глаза на застывшем лице жили отдельной жизнью, и взгляд их в предрачевном сумраке казался особенно пронзительным.

— Я получил хорошие вести, — прошептал он голосом сухим и ломким, точно осенние листья. — Скоро нам следует ждать гостей. Тебе приятно будет встретить старых знакомцев, Ринальдо.

* * *

Яркий солнечный свет лился в распахнутую дверь, и в сиянии дня внутреннее убранство лесного скита казалось почти праздничным, так что когда Амальрик открыл глаза, он даже не сразу вспомнил, где он. Сколько не бывал он у Марны, он никогда не видел ее жилища таким. Точно ведьма намеренно окружила это место чарами, не пропускавшими ни яркий свет солнца, ни свежесть ветра, ни залихватую радость птичьих трелей.

Обреченная на вечный мрак, она весь мир пыталась погрузить в сумерки злобы и отчаяния.

Как чудно было оказаться в жилище колдуньи без ее угнетающего присутствия! Все здесь казалось иным сегодня. Он наслаждался свободой, точно школяр, удравший с урока сурового наставника.

Амальрик потянулся на ложе из душистых трав, так что хрустнули кости, с наслаждением ощущая себя живым. Последние два дня вспоминались непрерывным кошмаром, отрывочным бредом. Олени вновь гнались за ним, погибал под копытами верный Зверь — потом барону казалось, это его топчут их копыта — или он несся куда-то, вцепившись в оленьи рога, с одной лишь мыслью удержаться, не упасть...

Сколько ни бился, он не в силах был отличить реальность от видений, вызванных лихорадкой. Правда ли, что наемники преследовали их? И чье лицо видел он во мраке, очнувшись? И эта страшная боль, пронзающая тысячами кинжалов... Он не помнил.

Но, должно быть, руки его оказались умнее рассудка. Не вставая с ложа, он видел раскрытый сундук ведьмы и разложенные рядом сокровища. Никто, кроме него самого не мог рыться в вещах Марны. Должно быть, он сделал это ночью, в поисках снадобья, что могло бы излечить его.

Приподнявшись, Амальрик обнаружил, что не испытывает боли — осталась лишь слабость. Да еще жажда мучала его, но с этим можно было потерпеть.

Внимательным взором окинул он содержимое сундука колдуньи, в беспорядке сваленное у его ложа. Большая часть этих вещей была хорошо знакома ему — именно это и помогло барону, даже в том сумеречном состоянии, в котором находился он накануне, без труда разобраться, что здесь к чему, и отыскать нужное.

Стигийские хрустальные пирамидки, Амальрик помнил, он использовал, чтобы сконцентрировать энергию — иначе у него никогда не достало бы сил сосредоточиться настолько, как это требовалось для успешного исцеления.

Вот эти розоватые корешки он жевал, чтобы придать ясность мысли и не впасть в забытие — именно от них теперь такая сухость в горле, но это было лишь незначительной ценой.

Серый порошок, завернутый в промасленную тряпицу, барон использовал, чтобы посыпать затянувшуюся рану... жаль, драгнула рука, и большая часть просыпалась на пол. Теперь драгоценные крупинки уже не собрать.

А серебряное зеркальце и свечу он взял уже под утро, чтобы связаться с самой Марной, ибо тревога снедала его.

Разговор их был кратким — Амальрик слишком обесилел, чтобы долго поддерживать связь; однако главное колдунья успела сообщить ему.

— Мы в Тарантии, немедиец, — звучал в ушах его голос. Он не осмелился спросить, что она делает там. — Ты не сумел обуздать оленьего выкормыша — мы сделаем это за тебя. К вечеру будь готов встретить нас.

— Ты вернешься одна? — спросил он чародейку, и тут же пожалел о нелепом вопросе. Ему прекрасно известно было, что «мы» ведьмы не означает никого более.

Но сейчас Марна неожиданно замялась.

— Возможно. А возможно и нет. Принц Валерий, должно быть, навесит нас.

Он не стал спрашивать ее ни о чем больше. Если чернокнижница считала нужным, для исполнения своих планов, освободить из темницы второго принца — он не намеревался препятствовать ей в этом. Валерий, насколько было известно барону, отныне такой же враг Нумедидесу, как и он сам. Если даже ничто более не объединит их — этого будет достаточно. Вот почему он с такой радостью сообщил менестрелю эту весть.

Амальрик избегал пока строить планы. Многое будет зависеть от Марны. Ее дар ясновидения вернее подскажет им путь борьбы с Нумедидесом.

Но и корить себя за допущенные просчеты также не спешил. Смертным свойственно ошибаться. И любые, самые надежные планы, могут завести в тупик, если удача отвернется от тебя. И тем более, если против тебя восстанут сами боги.

Барон никогда не поддавался отчаянию. Бесконечное нытье о прошлых ошибках, самокопание и самобичевание были равно чужды его натуре. Он признавал лишь конкретные задачи, и ради их исполнения готов был положить все силы; но если неудача постигала его на избранном пути, он отходил в сторону, выбирал иную дорогу — и продолжал преследовать цель с цепкостью гончей.

Чувствуя, как силы стремительно возвращаются к нему, Амальрик сел и аккуратно принялся укладывать сокровища ведьмы обратно в окованный железом сундук. Помимо знакомых предметов, он обнаружил массу маги-

ческих приспособлений, вид которых мало что говорил ему. Амулеты, посвященные неведомым богам, пучки странно пахнущих трав, заткнутые тряпицей фиалы. Лишь книги возбудили его интерес, в особенности одна, тяжелая, в переплете из человеческой кожи... это барон определил с первого взгляда.

Однако стоило ему открыть таинственный фолиант, как мгновенно приступ дурноты подкатил к самому горлу, начертанные киноварью значки закружились перед глазами кровавым водоворотом — и он едва успел захлопнуть книгу, пока вихрь безумия не поглотил его.

Дрожащими руками он отложил толстый том подальше. Ему хорошо известно было, что это означает. Книга давала ему понять, что у нее уже есть хозяин, и тайны ее не могут быть раскрыты постороннему. Хотя барон и впервые встречался со столь сильным заклятьем, опасность была очевидна, и у него не было желания искупать судьбу. Даже браться за книгу больше не хотелось. На пальцах осталось ощущение чего-то липкого, неприятного... точно он измазал их в полусохшей крови.

Стремясь отделаться от неприятного ощущения, барон вышел за порог дома. Осенний лес встретил его сияющей прохладой, и он с наслаждением подставил лицо солнечным лучам..

А когда опустил голову — то наткнулся на изумленный взгляд Ринальдо. Маленький менестрель разглядывал его, точно призрак, явившийся с Серых Равнин.

— Ме... месьор... — выдавил он с трудом. — Вы здоровы? Но...

Амальрик поневоле рассмеялся. Ужас поэта был слишком комичен, чтобы сердиться на него.

— А ты уже собрался отправить меня к Митре?

Менестрель помотал головой.

— Нет, месьор, но... Еще вчера вы не держались на ногах! Я едва дотащил вас сюда...

— Вот и славно!

Ничто сегодня не могло испортить Амальрику настроения. Побывав одной ногой в могиле и чудом вернувшись к жизни, он готов был любить весь мир.

— Надеюсь, кроме моего брэнного тела, ты не забыл прихватить чего-нибудь поесть? Я умираю от голода.

Приближаясь к Амилии, принц Валерий Шамарский не мог избавиться от дурных предчувствий, и чем дальше, тем тоскливее становилось у него на душе. Несмотря на все заверения жреца, что злодейка-ведьма мертва и не сможет встать у них на пути, опасения терзали его душу, и даже коню, казалось, передалось его нежелание двигаться вперед. Вороной жеребец, один из тех двух, что они с Орастом выпрягли из кареты Нумедидеса, оказался строптив, и шаг у него был неровный, нервный, так что ехать верхом на нем было сущим наказанием. И это лишь увеличивало досаду принца.

Спутник его молчал почти всю дорогу, ограничиваясь лишь самыми необходимыми замечаниями, и не обращал ни малейшего внимания ни на что вокруг. Валерий видел, что жрец совершенно не умеет держаться в седле, и конь у него ничем не лучше его собственного — однако за всю дорогу он не услышал от Ораста ни единой жалобы или даже просьбы передохнуть. Точно какая-то неодолимая сила гнала его вперед.

Валерий мог лишь гадать, что так понадобилось жрецу в жилище ведьмы. Возможно, там осталось нечто, вызывавшее его к чернокнижнице, и он жаждал освободиться от тлетворного ее влияния... Принц хоть и страшился колдунов, но в тайных делах их смыслил мало, и потому готов был допустить любое объяснение.

Хвала Митре, с дороги они свернули, не доезжая до Амилийского замка, и сразу углубились в лес. Орасту, должно быть, также не хотелось оказаться вблизи этих унылых развалин, навевающих столь мрачные воспоминания.

Против воли, Валерий вспомнил о Релате.

Он до сих пор не мог простить себе, что бросил девушку одну. Разумеется, у него не было иного выхода — и все же он ощущал ответственность за нее. Она была так наивна, так незащитна... Без его покровительства она пропадет в этом жестоком мире! Принц дал себе клятву, что первое, что он сделает, как только появится возможность, — это найдет способ вызвать Релату к себе. Он представил ее радость при встрече, сияющие счастьем

глаза — и улыбка, помимо воли, озарила худое изможденное лицо.

У озера они с Орастом спешили и пошли дальше, держа лошадей в поводу. Жрец шел уверенно, безошибочно выбирая дорогу — но принца вдруг начали терзать сомнения.

— Ты уверен, что ее там нет? — не удержавшись, спросил он, и, сознавая, как по-детски звучит его вопрос, добавил извиняющимся тоном — Я понимаю, что это звучит недостойно принца крови — но никто в этой жизни не внушал мне такого ужаса, как эта слепая вещунья. И я не могу отделаться от ощущения, что кто-то дожидается нас там, впереди... *

Ораст оглянулся на Валерию со странным выражением, точно хотел что-то сказать, но усилием воли заставил себя сдержаться. Они прошли еще с десятков шагов — и вдруг жеребец Ораста заржал, призывно, громко. И чужая лошадь откликнулась издалека.

Беглецы застыли. Лицо Ораста вытянулось, кровь отхлынула от лица. Валерию еще никогда не доводилось видеть, чтобы человек так менялся в считанные мгновения. Он открыл рот, чтобы успокоить жреца — как приветственный возглас донесся до них, разрушив напряженную тишину:

— Месьоры! Я рад приветствовать вас. — Знакомая фигура показалась в просвете между деревьями, и Валерий в изумлении узнал Амальрика Торского. — Едва ли уместно с моей стороны предлагать вам гостеприимство жилища, мне не принадлежащего... И все же добро пожаловать.

Он поклонился церемонно, точно они с принцем встретились в Малой приемной, на Выходе короля, и Валерий на миг поразился даже, что посланник говорит по-аквилонски, а не на лэйо. Впрочем, он сразу сообразил, насколько абсурдна эта мысль.

Но еще большее потрясение ждало его впереди. Рядом с Амальриком показался другой человек, и Валерий, не веря своим глазам, узрел перед собой своего менестреля.

— Барон... Ринальдо... — только и мог пробормотать он. — Но как ты оказался здесь?

— Это долгая история! — Голос Амальрика звучал весело и беззаботно, принц никогда не видел его таким

при дворе. Там дуайен был всегда суров и насторожен, и веселость на лице его казалась лишь маской комедианта. Однако сейчас в искренности его не возникало сомнений.

Вчетвером они вышли на поляну к домику колдуньи. И внезапно Ораст, все это время молчавший, встрепнулся:

— Барон... простите, я понимаю, что слова мои звучат нелепо — но были ли вы внутри скита? — Амальрик кивнул. — Я хочу сказать... Я должен войти туда, чтобы взглянуть... чтобы найти...

Немедиец настороженно покосился на жреца. В голосе его прозвучала неожиданная злость.

— Я не хозяин здесь, Ораст, и тебе это прекрасно известно. Если ты возжелал проверить меня — пеняй на себя. За дерзость ты ответишь перед Марной, когда она вернется!

Ораст недоуменно тряхнул головой.

— Да нет же!..

Затем лицо его преобразилось. Губы растянулись в усмешке, которую можно было бы счесть презрительной.

— Ах да, барон, я и забыл, что вам ничего не известно. Должно быть, вы давно покинули столицу?

— Третьего дня, — отозвался барон настороженно. Он никак не мог понять, к чему клонит жрец. — Но какое это может иметь значение? И что я должен был знать?

— Марна мертва, — выпалил Валерий, прежде чем жрец успел ответить. Ему доставило ни с чем несравнимое удовольствие произнести эти слова. — По крайней мере, Ораст уверен в этом. Иначе мы никогда не приехали бы сюда.

— Вот как? — Немедиец воззрился на них недоверчиво, словно опасаясь обмана. — Но как же могло тогда случиться, что мы недавно говорили с ней?

Ораст пожал плечами.

— Боюсь, мы покинули столицу слишком быстро, и потому едва ли сумеем поведать вам последние новости. Однако в гибели колдуньи у меня нет сомнений, ибо лишь с ее смертью я избавился от заклятья, что она на меня наложила.

Немедиец помолчал, оценивая ситуацию. Теперь он видел, сколь многое изменилось за эти дни. И должно быть Марна и впрямь мертва — иначе жрец никогда не

осмелился бы разговаривать с ним в столь дерзком тоне; но теперь щенок осмелел.

Ладно, у него еще будет время призвать его к порядку...

А пока он обернулся к принцу.

— Я и вправду, должно быть, упустил все основные события последних дней. Ваше Высочество, окажите мне любезность и просветите меня. Могу ли я знать, как случилось, что вы на свободе — чему я, разумеется, рад всей душой.

Валерий устало пожал плечами. Видно было, что он крайне измотан и едва держится на ногах. Ему необходим был отдых — однако Амальрик, безукоснительно придерживавшийся придворного этикета в любых обстоятельствах, не мог позволить себе первым предложить всем сесть, и потому он лишь одобрительно кивнул Ринальдо, заметив, что менестрель, стреножив лошадей Валерия и Ораста, достает из седельного мешка флягу с вином.

Приняв кожаный сосуд из рук менестреля, Валерий с жадностью сделал несколько глотков и передал флягу Орасту. Тот, однако, пить не стал. Вид у него был задумчивый, он погрузился в себя и был слеп и глух ко всему, что его окружало.

Принц обратился к немедийцу.

— Вы спрашиваете, как мы оказались на свободе, барон? Нашим спасителем стал Троццо Пуантенский. Не спрашивайте, что заставило его так рисковать, — добавил он поспешно, видя, что вопрос готов сорваться у Амальрика с языка, — эта тайна мне не принадлежит. Но довольно и того, что граф и его ратники вернули нам свободу и помогли покинуть город. Из Тарантии, по совету Ораста, мы направились прямо сюда. И теперь я вижу, что выбор его был не случайным.

Барон покачал головой.

— Если Ваше Высочество намекает, что наш добрый жрец уверен был, что встретит здесь вашего покорного слугу, то осмелюсь заметить, что вы ошибаетесь. Для него это было такой же неожиданностью, как и для вас, и я не уверен, что неожиданностью приятной.

Ораст встрепнулся.

— Нет-нет, барон, — пробормотал он рассеянно. — Вы не должны говорить так. Вы знаете, как я предан вам! Амальрик кивнул, не скрывая усмешки.

— Я вижу, ты сам не свой, мой друг. Должно быть, иные соображения, что привели тебя в эту скромную лесную обитель, не дают тебе покоя и сейчас. Мы с принцем не удерживаем тебя. Ступай...

Смысл слов не сразу дошел до жреца — но затем глаза его вспыхнули радостью. Даже не подумав оскорбиться на пренебрежительный тон своего бывшего покровителя, он устремился к жилищу колдуньи.

Валерий проводил его задумчивым взглядом.

— Станный юноша, но мне он нравится, — произнес он, глядя вдаль, точно вспоминая о чем-то. — В нем есть внутренний огонь.

— Да, — не колеблясь, согласился Амальрик. — Огонь, за которым если вовремя не проследить — то он может спалить полмира... Но, впрочем, Ваше Высочество, я отослал мальчишку не просто так. Вы догадываетесь, о чем я хотел говорить с вами?

Валерий кивнул. Интриги и заговоры — даже здесь они настигали его! Но у него больше не было сил сопротивляться. И он невольно перешел на лэйо.

— Полагаю, что да, барон. Случайна наша встреча здесь, подстроена кем-то — или predetermined высшими силами, над которыми у нас нет власти, но она состоялась. И желаем мы того или нет, что-то в мире должно измениться.

Амальрик осклабился.

— Вы говорите об этом таким тоном, точно это не радует вас, принц. Я удивляюсь вам! Но скажите... — заметив, что Валерий вознамерился возразить, он поспешил перевести разговор на иное, — меня тревожит ваше упоминание о доблестном графе пуантенском. Вам известно, что у меня нет причин относиться к нему с симпатией, хотя я вполне допускаю, что пристрастен к этому славному воюке. Он не выдаст вас Нумедидесу?

— Конечно, нет, — негодуя воскликнул Валерий. — Троцero слишком порядочен...

— Именно что слишком, — пробормотал Амальрик чуть слышно и добавил со своей всегдашней усмешкой: — Порядочность — понятие относительное, тем более при дворе, как вам должно быть хорошо известно, принц... Впрочем, на сей раз я склонен принять ваше суждение. И прежде всего потому что граф сам потеряет гораздо

больше, если предаст вас. Но не поймите меня превратно — прежде всего меня волнует ваша безопасность. Наверняка, как только был обнаружен ваш побег, Нумедидес послал стражников в погоню.

— Да, я понимаю вашу тревогу, барон. — Валерий чуть заметно улыбнулся, и улыбка эта совершенно преобразила усталое худое лицо, такое бледное после долгих дней в неволе.

— Однако до Амилии нам удалось добраться без происшествий, хотя я и предположить не могу, почему так случилось. Зная кузена, я никогда не поверю, чтобы он дал мне уйти по доброте душевной.

Амальрик хмыкнул.

— Пожалуй. На нашего славного принца это мало похоже.

Валерий против воли улыбнулся, но не мог удержаться, чтобы не уколоть барона:

— А ведь, мне кажется, вы и сами не так давно были на стороне моего милого кузена. Неужто и вам может изменить здравый смысл?

— Увы, кто из нас безгрешен! — Амальрик притворно вздохнул. — Но, согласитесь, я умею признавать свои ошибки. Это одно из моих — пусть и немногочисленных — достоинств. — Он немного помолчал, чтобы придать вес своим словам. — Что же до прочих, то в их числе я прежде всего назвал бы... гибкость.

Намек не укрылся от принца, и он чуть заметно кивнул, показывая, что понял собеседника. Барон, похоже, предлагал ему союз... а это было куда больше, чем он мог бы рассчитывать в данных обстоятельствах.

— Гибкость, по моему мнению, — похвальнейшее качество для государственного мужа, — невозмутимо заметил принц в ответ. Он не сомневался, что, в свою очередь, барон поймет его верно. — Я приветствую ее в себе и в других.

Они помолчали. Сказано было лишь несколько слов — но стояло за ними весьма многое. И сейчас каждый обдумывал, какую пользу сумеет извлечь от столь неожиданного заключенного союза.

— Я до сих пор не могу поверить, что с Марной что-то случилось... — заметил вдруг немедиец. Как видно, тема эта до сих пор тревожила его. — Не мог ли Ораст ошибиться? Возможно, вам что-то известно, принц?

Но ответ Валерия был неутешителен. Он мог лишь поведать Амальрику о том, какие чары были наложены на несчастного жреца чернокнижницей, и как колдовство исчезло, вскоре как они с Орастом обрели свободу.

Принц не мог понять, почему судьба ведьмы так тревожит немедийца, и недобрые подозрения закрались в его душу — но он признавал, что Амальрик все равно не откроет ему всей правды, а потому и допытываться было бесполезно. И Валерий вернулся мыслями к более насущным проблемам.

— Но каковы же ваши планы на будущее, барон? Я так понял, вам пришлось спешно скрыться из Тарантии? Неужто что-то могло угрожать вам?

Амальрик невесело хмыкнул.

— Можно сказать и так, Ваше Высочество...

Валерий внезапно перебил его.

— Вы знаете, барон, вам давно пора называть меня по имени!

Амальрик оценивающе взглянул на принца, точно пытаясь осознать, что стоит за столь необычным предложением.

— Но при дворе, Ваше Высочество...

— Волей судеб и моего кузена, мы больше не при дворе, барон, — оборвал его Валерий. — Если угодно, можете считать это обетом. Мы вновь обратимся друг к другу, используя титулы, лишь когда встретимся в приемных Лурда.

Немедиец одобрительно взглянул на принца. Он не ожидал от него такой ловкости. Теперь же Валерий практически вынудил его скрепить их союз...

— Браво, Ваше Высо... — начал он и тут же поправился, протягивая принцу руку, которую тот пожал без колебаний. — Валерий! Я буду рад дать такой обет. Надеюсь лишь, что в Лурде мне придется обращаться к тебе уже *Ваше Величество!*

Валерий засмеялся, довольный.

— А я буду рад, если ты приедешь ко двору желанным гостем. Право, иметь тебя в роли посланника слишком хлопотно...

Оба расхохотались.

— Итак, — продолжил барон, отсмеявшись. — Куда же теперь, мой друг?

Валерий помрачнел, ибо на этот вопрос у него до сих пор не было ответа. Он не осмеливался строить планов на будущее, пока томился в темнице, ибо пребывал в уверенности, что все происходящее — не более чем чудовищное недоразумение, которое вот-вот разъяснится, и свобода будет возвращена ему вместе с былыми привилегиями. Но реальность оказалась куда более грубой и требовала решительных действий. Никто не собирался уступать ему трон — его надо было завоевать.

Лишь сейчас принц воочию представил все, что ожидает его впереди — изгнание, нищету, бродяжничество; ибо даже Шамар был отныне закрыт для него. И понял, что если и осталась в жизни его хоть какая-то цель, то лишь та, единственная, о которой говорил ему Ораст: вернуться в Тарантию.

И отомстить.

И Валерий, утверждавший прежде, что не испытывает ни малейшего стремления к власти, внезапно осознал, что не сможет без нее жить. Власть была нужна ему — хотя бы для того, чтобы уничтожить Нумедидеса!

— Я вернусь, — прошептал он с неожиданной яростью. — Пусть через тысячу зим, но вернусь! Но с чего же начать?!

Амальрик погрузился в раздумья. Он и сам не строил пока далеко идущих планов, рассчитывая, что прозрение Марны укажет ему путь — но теперь предстояло решать самому.

— Стереть с лица земли Нумедидеса и вернуть трон, принадлежащий тебе по праву — вот что должно стать нашей целью, — произнес он глухо.

— И в этом мы едины, — поддержал его принц.

— А тогда на ум приходит единственное имя — Фельон Тауранский. Норов Вепря мне известен отлично. Его достаточно лишь слегка подтолкнуть, чтобы он поднял восстание против нынешнего правителя. Он готов пол-Аквилонии залить кровью, лишь бы добиться своего.

Валерий с сомнением покачал головой.

— Фельон ни с кем не станет делиться властью. Рубиновый трон он пожелает для себя одного!

Барон взглянул на шамарца снисходительно, как наставник на ученика-несмышлениша.

— Желать и получить — разные вещи. После того, как Велпрь сделает свое дело и свернет твоему кузену шею, я уверен, он с радостью уступит дорогу достойнейшему! А там... есть и иные пути.

Валерий чуть заметно нахмурился.

— Ты не договариваешь, — сказал он Амальрику, и слова его не были вопросом. — И я хотел бы знать, что именно ты пытаешься скрыть.

— И возможно, когда-нибудь ты узнаешь это. Но не сейчас. — Барон Торский пожал плечами. — Тайна подобна плоду — она должна созреть. Все свое время, Валерий. А то, может статься, я спрошу и о твоих секретах.

Принц неожиданно вспыхнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. — Немедиец чуть заметно пожал плечами. — Я же сказал, сейчас не время выворачивать душу наизнанку. И не время для пустых ссор. Мы должны точно решить, что следует предпринять дальше.

Внезапный шум привлек их внимание. Оба разом обернулись к Орасту, появившемуся наконец в дверях лесного скита. К груди он прижимал книгу в кожаном переплете, которую Амальрик видел среди прочих сокровищ Марны.

— О том, что делать дальше, вам следует спросить меня, — провозгласил жрец, и в словах его не было и тени пустого бахвальства. Черные глаза горели нездешним огнем, и весь облик его казался странен.

— Ибо бессмертные боги уже дали ответ на ваш вопрос!

* * *

Ораст не знал.

Митра свидетель, он не мог и предполагать!

Марна обманула его, околдовала, ложью и черными чарами заставила исполнить свою волю, а потому все слова ее и обещания не могли быть ничем иным как самым подлым обманом — так уверял себя Ораст.

Он страшился допустить и тень сомнения в свое сердце... даже когда заклятье ведьмы спало с него, и в душе его зазвучал голос, уверенно указывавший, что надлежало

ему делать отныне, голос, без колебаний приведший его в Амилию... голос, который не был его собственным.

Ораст боялся и помыслить, кому он может принадлежать.

Но Скрижаль манила его!

Перед силой ее зова устоять было невозможно. Он отыскал бы ее и слепым. Даже если бы лишился ног — он пополз бы, извиваясь как червь...

Глух к речам смертных сделался он, и слеп к их делам. Из всей дороги в Амилию не запомнил Ораст ничего — кроме того, что кто-то звал его, не давая замедлить шаг, не позволяя даже мгновенной передышки. Жрец знал, что не изведает ни покоя, ни отдыха, покуда не отыщет ее.

И, оказавшись наконец у цели, точно безумный ринулся к ней.

Но, войдя наконец в жилище колдуньи и взяв в руки заветную книгу, прижав ее к груди, как мать младенца, Ораст ощутил внезапно, как могильный ужас объял его.

Это не могло быть правдой!

Это иллюзия! Обман!

Марна обманула его — едва не погубила его — а знает, Книга обманет тоже.

Проклятая Скрижаль продолжала глумиться над ним!

Она не откроет ему своих тайн. Она призвала его лишь с тем, чтобы окончательно погубить, свести с ума. Но он не поддастся ее чарам!

В огонь гибельный фолиант! В огонь!

Трясущимися руками Ораст схватил свечу, стоявшую в углу комнаты, высек искру из трутницы, обнаруженной поблизости — должно быть, это барон оставил ее здесь — и поднес книгу к огню.

Он мог бы поклясться, что она испугалась!

Страницы зашелестели, точно живые. Закружились стремительно, словно ветер листал их, пытаясь избежать губительного пламени...

Черные и алые буквы мелькали перед взором Ораста — И внезапно он осознал, что буквы эти складываются в слова! Слова — в предложения. И они наделены смыслом!

С испуганным криком отшвырнул Ораст свечу, загашенную ногой. И дрожащими пальцами принялся листать страницы Скрижали.

Вот оно! Вот оно все! Сокровищница древнего знания отныне принадлежала ему безраздельно. И словно чтобы подтвердить это, Книга сама раскрылась на той самой странице, где жрец прочел ответ на вопрос, что так мучал его все это время.

И когда он ступил на порог хижины, то понял, что воистину сами боги собрали их в этом странном месте, ибо в этот миг было дано ему знамение.

Тот же вопрос задавали его спутники друг другу. И лишь он один обладал способностью привнести свет во тьму и рассеять мрак неведения, окружавший их.

— Те деяния, о которых толкуете вы, — возвестил им Ораст, и они замерли, прислушиваясь к его словам, точно к речам божественного оракула, — мелки, ничтожны и недостойны замысла богов, что свели нас вместе на этом пути! Ибо нам была дана великая цель, единственная достойная великих мужей!

И чувствуя, что внимание их принадлежит ему безраздельно, так что даже маленький менестрель, не отходявший все это время от лошадей, замер, точно натянутая тетива, Ораст улыбнулся медленной, хищной улыбкой, и провозгласил торжествующе, ощущая, как сам мир на мгновение замер в шатком, неуверенном равновесии:

— Нам предстоят дальние странствия, лишения и бедствия, поиски вслепую и жгучее отчаяние... Но в конце — отмщение! И власть! И обладание силой, равной которой вы не можете и вообразить. Ибо цель теперь известна мне. Ее открыли мне боги! А я передам ее вам... Я расскажу вам о Сердце Аримана!

— Подожди! — Валерий предостерегающе поднял руку. — Подожди немного!

И, провожаемый недоуменными взглядами, бросился в чашу.

Ноги сами принесли его к лесному озеру. Он всмотрелся в его серую гладь, на которой клубился туман. Вокруг стояла тишина. Ничто не нарушало покой этого уголка.

Принц Шамарский подошел к самой воде. Мокрая земля и прелые листья загнулись под ногами.

Он поднес руку к шее и нащупал под разорванным воротником, на котором еще угадывались плетения шелкового сутажа, холодный предмет, щетинившийся остриями.

Теперь у него иной путь! И ничто не должно связывать его с проклятым прошлым. Он резко дернул, шнурок, на

котором висел оберег порвался, и Валерий сжал в кулаке золотой диск.

Он осторожно распахнул ладонь. Именно так он делал в детстве, когда ему удавалось поймать бабочку и нужно было разжать пальцы с предельной осторожностью, чтобы не повредить разноцветные переливающиеся чешуйки на ее крыльях.

Он посмотрел на золотой диск с человеческим лицом, окаймленным лучами, попеременно прямыми и изогнутыми.

Прощай, Оберег Кулла! Прощай проклятый талисман, повинный в целой веренице смертей! Пусть ты не настоящий, пусть всего лишь подделка, сотворенная рукой безвестного мастера, но отныне ты никого не обманешь, своей светящейся красотой, никому не посулишь неуязвимость в бою, власть над миром, или успех в любви!

Он размахнулся и швырнул золотой диск прямо на середину водной глади. Раздался тихий всплеск, и последняя реликвия валузийских владык, булькнув, ушла на дно.

Сквозь туман невозможно было даже разглядеть круги на воде.

Валерий развернулся и пошел туда, где пылал очаг, варились похлебка и ждали новые друзья.

Аой.

...Старческие руки, с надреснутой кожей на костяшках пальцев и белыми пятнами от ожогов кислоты, осторожно вынули из сундука грязноватый узелок из небеленой холстины.

Вот оно! То, ради чего он презрел законы Гильдии и опустился до воровства!

Заскорузлые пальцы, почерневшие на подушечках, осторожно раскрыли уголки ветхой ткани.

Как приятно смотреть на него. Смотреть и знать, что вся его Сила принадлежит тебе одному.

Нет! Не зря он сделал это. Не зря!

Драгоценная вещь изменила всю его жизнь. Каждый год Солнцеликий одаривал его своими щедротами.

Сначала он сумел постелить новую черепицу на крышу. Потом прикупить кое-что из обстановки. Его кобыла принесла ему здорового резвого жеребенка, жена Альвина излечилась от грудной жабы, а он сам сумел поправить зрение.

Нет, не зря он согрешил почти тридцать зим назад.

Но теперь ему осталось совсем немного, и эта великодушная вещь уйдет с ним в могилу. Ее положат рядом с ним в гроб, и она будет охранять его душу на Серых Равнинах.

Он погладил золотой диск в виде человеческого лица, окаймленный лучами попеременно прямыми и изогнутыми, и старческие губы озарила улыбка.

Подумать только, а ведь сиятельная госпожа так и не заметила подделки, когда он отдал ей две копии, а оригинал оставил себе.

Пусть эта вещь покоится на дне сундука, до той поры, пока его не пойдут провожать в последний путь...

Кривой Илений, шамарский ювелир, завернул Оберег Кулла обратно в платок, бережно опустил в сундук и захлопнул крышку...

Вот и закрыта последняя страница второго романа. Кто-то вздыхает с облегчением: «слава Богу, что подошла к концу эта тягомотина...», кто-то с сожалением: «жаль, быстро кончилась книга, не мог оторваться!», кто-то с негодованием: «а где же Конан?».

После выхода первой книги «Зеркало Грядущего» в адрес нашего издательства стало приходить множество писем. Читатели удивлялись неожиданному подходу к классической фэнтезийной теме, когда во главу угла поставлены второстепенные герои, а основной персонаж, **Конан**, отодвинут на задний план.

Размышляя на эту тему, я, наконец, решился написать эти небольшие заметки, в которых постарался обобщить все прочитанное.

Немного истории. Все произведения о Конане построены по единой схеме: в прологе описываются злокозненные действия какого-нибудь гнусного колдуна. Далее, в первых главах повествуется о Конане, который чаще всего сидит без денег в таверне, мучается с похмелья, вспоминает прелести очередной красотки и прикидывает, где раздобыть пару монет, чтобы расплатиться с хозяином. И тут к нему подсаживается будущий наниматель, который сулит киммерийцу выгодную сделку и трясет перед лицом ошеломленного варвара мешком с золотыми. Конан поначалу отказывается от предложения, но затем что-то (или кто-то) заставляет его изменить первоначальное решение. Иногда любопытство, а чаще всего хорошенькая девушка, мелькающая за спиной работодателя.

Сам сюжет романа сводится, как правило, к тому, что Конан мчится в неведомую даль, по пути умерщвляя дюжину чародеев. В конце концов он понимает, что наниматель его надул, но тем не менее расправляется с Главным Злодеем и возвращается, чтобы плюнуть в перекошенную от страха физиономию заказчика или (в зависимости от тяжести обмана) разрубить его напополам.

Понятно, что при таком алгоритме спасовали бы даже Голддинг или Ле Карре!

Можно по пальцам перечесать те повествования о Конане, где герои были бы выписаны хоть сколь-нибудь живо, а не сводились к ходячим схемам. На память приходят романы **Стива Перри**. По крайней мере те, где говорится о **Кареле Рыжей Ястребине** или **Одноглазом Ордо**, ее постоянном спутнике и оруженосце. Карела выписана превосходно — в нее веришь сразу же, ибо характер ее сложен, противоречив, и не укладывается в привычные рамки женщины-амазонки (см. «Конан и Четыре Стихии», изд. «Северо-Запад», Прим. ред.).

Ордо чуть похуже, но и он, тем не менее, запоминается. Не зря этот герой переключался потом в роман **Роберта Джордана** «Ювешка для демона» (см. «Конан и Боги Тьмы», изд. «Северо-Запад», Прим. ред.). Кроме них можно вспомнить еще чернокожего гиганта

Юму, мага Пелиаса и жреца Тьмы — Тот-Амона. Вот, пожалуй, и все. Не густо для полусотни томов!

Кроме того, многие авторы даже 70-80-х годов в той или иной степени пытались подражать Говарду. Эти подделки не увенчались успехом, что закономерно! Ведь сегодняшняя фэнтези уже не та, что была во времена Мастера. И читатель уже не тот — другой! Он стал более избалован. Он посмотрелся на суперфильмов с невероятными компьютерными спецэффектами; и нырнул в водоворот «мультимедиа», и вкусил плод «виртуальной реальности».

Может, не стоит забывать, что книга все же не средство проведения досуга, сродни комиксам или наклейкам, а нечто иное.

Наверное, именно поэтому современная фэнтези куда более тяготеет к жанру серьезного исторического романа, нежели к примитивному сюжету, сводящемуся к бесчисленным погоням и сражениям.

Но вернемся к «Скрижали Изгоев».

Когда Кристофер и Натали принесли мне рукопись первого романа, я, честно говоря, был настроен весьма скептически. Натали О'Найт была мне известна как автор фэнтезийной дилогии на основе китайских мифов, а Кристофер Грант — как доктор психолингвистики. В соавторстве они написали несколько романов и повестей о Ричарде Блейде (см. «Ричард Блейд, Айденский», изд. «ВИС», 1995 г., Прим. ред.). Их стиль значимо отличался от того, какой, по моему разумению, мог бы подойти для романа о подвигах бесстрашного киммерийца.

Однако меня, как издателя, никогда не покидало страстное желание опубликовать романы о Конане, в которых присутствовал бы европейский стиль фэнтези, с его детальностью и психологизмом, свойственными лучшим представителям жанра: Майклу Муркоку, Мэри Стюарт, Тэнит Ли или Луизе Купер. Мне казалось, что если о Конане напишет британец (или хотя бы ирландка), может получиться нечто любопытное! По крайней мере куда более интересное, чем то, что являет собой «американская линия Конана» — однообразная и примитивная, словно кульки с попкорном.

Прочитав первые главы «Зеркала Грядущего» я понял, что мечта моя, наконец, близка к воплощению.

Во-первых, роман был населен живыми людьми, будь то Амальрик, Ораст, Валерий, Вилер, Нумедидес или Троцери. Чуть уступают им в проработанности образы Марны и Релаты, но, как видно, женская душа потемки для всех...

Во-вторых, мне было отраднее увидеть произведение, в котором главный герой не сам Конан, но мир Конана, в частности, Аквилония, которая в романе выписана так выпукло, будто сами авторы прожили там большую часть жизни.

В-третьих, я поверил во все то, что прочитал. В этих романах нет вымысла, в происходящее веришь сразу и безоговорочно. И в осеннюю Охоту, и в пир во дворце, и в любовные сцены, и даже в колдовство.

Поражает то, с какой легкостью авторы накладывают земные реалии на сетку вымышленного мира. Взять хотя бы описание «чистой, вымощенной» Тарантии, предстающей в романе реальным городом со своим укладом и социальным устройством, а не просто картонной декорацией с неизменными ордами злодеев, наводящими ужас на мирных жителей.

Когда я читал романы, то по старой привычке прикидывал, кого напоминают эти авторы? Прокрутив в голове десяток имен, я понял. Они похожи на всех сразу, а это значит — ни на кого!

Да, можно поставить им в вину чрезмерную стилизацию под средневековые. Тот же «Аой» в конце каждой главы... Напомню, что «Аой» — загадочное сочетание звуков, которым заканчивается большинство строф «Песни о Роланде». Насколько мне известно, современные франковеды не могут толком объяснить что это такое: то ли росчерк писца, то ли боевой клич, то ли отметка о конце колона. Можно упрекнуть их в излишних подробных описаниях «заднего плана»: интерьеров, быта и одежды. Многие добавляют, что герои их чересчур сложны, и люди того времени не обладали такой богатой палитрой чувств. Мол, времена и нравы были проще, в чем можно легко убедиться, если полистать западноевропейский эпос.

Может, это и так. Но, на мой взгляд, вряд ли стоит упрекать авторов за то, что их герои более живые, чем им полагалось бы быть. Интересно уже то, что в романах нет положительных персонажей, как, впрочем, нет и отрицательных. Так же, как и в жизни! Замечательно то, что Кристоферу и Натали хватило такта не «персезать»: скажем, из текста не ясно, вызваны ли поступки дочери Тиберия приворотом Ораста, или ее собственными устремлениями. Это загадка, на которую нет ответа! Пусть каждый ее решит для себя сам. Завораживает сцена, когда принц Валерий мечтает вызвать Релату из плена, ставя ноги на ее изувеченное тело. Этот эпизод жуток, ироничен и горек одновременно.

Пречислять можно долго. Ибо нет тут героев проходных. Яркие выписаны даже те, кто упоминаются мельком: крестьянин, везущий Ораста в столицу, ювелир Жамес, наставник Греттус или наемники Конана.

Романы из цикла «Скрижали Изгоев» отличает прекрасная продуманность сюжета. Каждая мелочь находится на своем месте, каждое ружье стреляет, самый мелкий фактик, о котором упомянуто как бы вскользь, впоследствии может иметь решающее значение. Не знаю как вы, а я испытываю удовольствие от этого хитросплетения интриг, словно любуюсь изящной китайской головоломкой. Жизнь — лабиринт, и Кристофер и Натали не устают это подчеркивать. Нет ничего постоянного, все зыбко, переменчиво и прозрачно!

И все четыре романа мы не перестаем изумляться. Приятно, что пыл авторов не угас после первых двух томов; напротив, к концу цикла темп нарастает. Третья книга, «Псы Войны», посвященная

междоусобной войне в Аквилонии, и четвертая, «Талисман Зла», о скитаниях героев в поисках Сердца Аримана, погружают читателей в бурлящий водоворот страстей и интриг.

Неожиданности подстерегают нас на каждой странице! Ведь авторы не упрощают, не пережевывают десятки раз одно и то же, не подыгрывают читателю, нарочито делая героев глупее его. Вроде того, когда все уже знают, что убийца — лавочник, а главный герой до конца пребывает в натужном неведении.

Нет! Здесь все иначе. Я полагаю, найдется немного проныпательных умов, которые могли бы попытаться предсказать, чем кончится дело, не дочитав до последних страниц. А на них сваливаются все новые и новые сюрпризы! Фантазия авторов неисчислима. Кажется, уже всё, ничего больше произойти не может... Все бои оттремели, все лже-боги повержены, все герои вытерли пот со лба и вложили меч в ножны...

Но нет! Крохотный эпилог ставит все вверх дном. Несколько абзацев в конце перечеркивают все то, во что мы свято верили на протяжении тысячи страниц. И только в последнем предложении понимаешь, кто истинный герой, вершитель судеб! И что истинная сила оказалась сосредоточена не в мощных дланях монархов, героев и богов, а в сухоньких ручонках ветхого старика, неслучайно поставившего себе на службу весь механизм Мироздания. Но не для того, чтобы останавливать движение светил или топить в пучине морской континенты. Нет! Чтобы перекрыть крышу и купить утварь в дом.

Конец ироничен. словно изящный росчерк в конце длинного письма. Кто знает, возможно ради этого маленького эпизода и стоило написать два огромных тома?..

Творения Кристофера Гранта и Натали О'Найт — ступень от литературы развлекательной к литературе серьезной. Они идут путем изгоев, поскольку для любителей «меча и магии» их творения рискуют показаться чересчур сложными, а ценители «настоящей» литературы с презрением отвернутся от романов о Конане из-за якобы «непрестижности» темы.

И все же этот путь труден, но почетен! Я думаю, что не ошибусь, если возьму на себя смелость утверждать, что именно те авторы, кто выбирает эту стезю, и делают настоящую литературу!

А если ошибусь, то любой, читающий эти строки, вправе предположить, что все мои словоизливания не более, чем попытка «отработать» посвящение моей скромной персоне, что красуется в предисловии к первому тому.

Оливер А. Смит
Брайтон, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Кристофер Грант и Натали О'Найт

ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

«Беседы магистра Гвалтера из Лорны с его учеником Акселэном Гальконским».....	7
Время Измены.....	9
Время Прозрения.....	27
Время Страха.....	45
Время Утех.....	61
Время Проклятий.....	74
Время Раздумий.....	91
Время Мести.....	109
Время Откровений.....	134
Время Сборов.....	153
Время Скорби.....	170
Время Обмана.....	188
Время Заклания.....	208
Время Исповеди.....	221
Время Избавления.....	237
Время Встреч.....	251
Время Сказаний.....	267
Время Интриг.....	283
Время Поединка.....	308
Время Вождения.....	327
Время Гона.....	345
Время Бегства.....	363
Время Свидания.....	380
Время Воспоминаний.....	403
Время Суда.....	417
Время Отцовской Любви.....	435
Время Жалящих Стрел.....	458
Время Выбора.....	483
Оливер Смит «Путь Изгоев» (послесловие к первому изданию)....	507

Кристофер Грант и Натали О'Найт

КОНАН и ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Редактор *Михаил Нахмансон*
Художник *Андрей Арискин*
Технический редактор *Сергей Арсфьев*
Корректор *Нина Натарева*

Издательство «Троль»
410027, г. Саратов, Одесская ул., 9.

Для писем:
192281, г. Санкт-Петербург, а/я 84

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.

Сдано в набор 28.05.96. Подписано в печать 05.06.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Тираж 36 000 экз. Заказ № 1842.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

